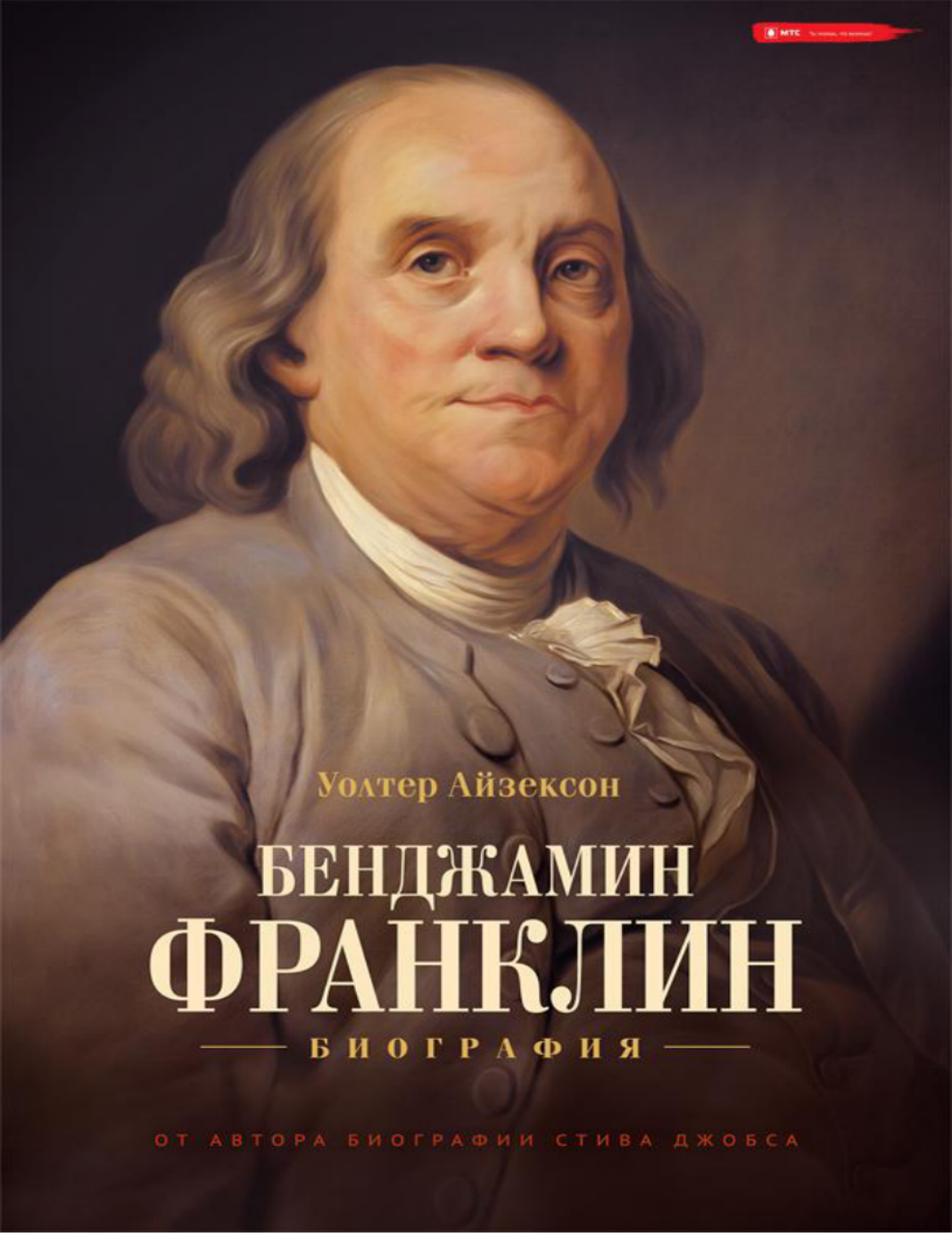
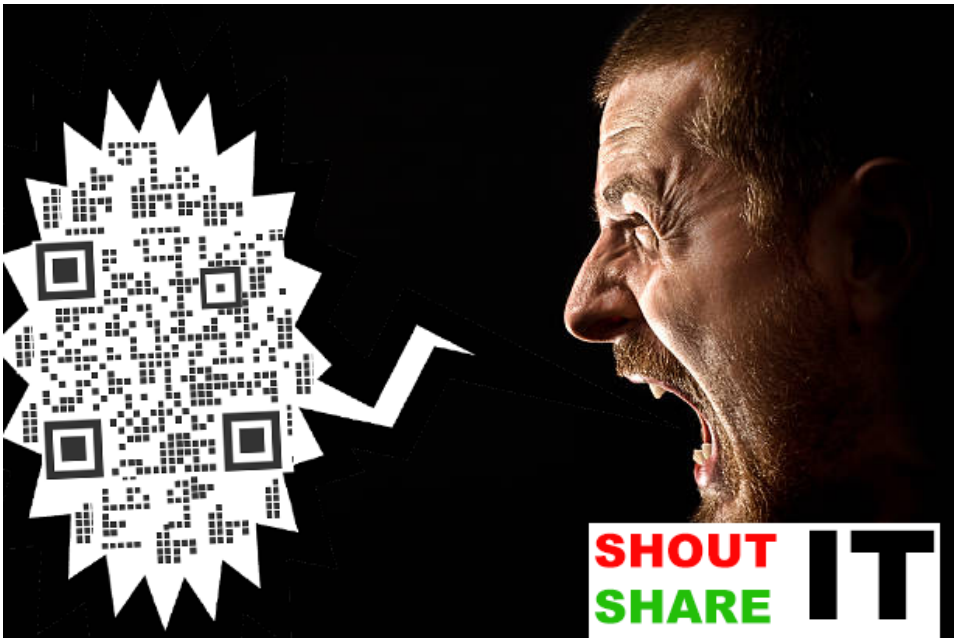

Уолтер Айзексон
БЕНДЖАМИН
ФРАНКЛИН
БИОГРАФИЯ
ОТ АВТОРА БИОГРАФИИ СТИВА ДЖОБСА


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Политик, ученый и писатель Бенджамин Франклин прожил удивительную 84-летнюю жизнь. Он изобретал, издавал газеты, совершал научные открытия, был дипломатом, автором литературных трудов и одним из создателей Конституции США. Этот человек заложил основы того, что мы сейчас называем американским характером: практицизм, помноженный на активную деятельность и умение наслаждаться жизнью. Он стал для своей страны подлинным героем и ее визитной карточкой, пусть и на стодолларовой банкноте. На русском языке публикуется впервые.

- Уолтер Айзексон
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○ Глава 1. Бенджамин Франклин и обретение Америки
  - ○ Глава 2. Путешествие пилигрима
    - ■ Семья Франклинов из деревни Эктон
    - ■ Поход на дикие земли
    - ■ Человек твердых убеждений
    - ■ Добродетельная женщина
    - ■ Лихой парень
    - ■ Образование
    - ■ Подмастерье
    - ■ Книги
    - ■ Сайленс Дугуд
    - ■ Беглец
  - ○ Глава 3. Подмастерье
    - ■ Типография Кеймера
    - ■ Ненадежный покровитель
    - ■ Лондон
    - ■ Кальвинизм и деизм
    - ■ Планирование нравственного поведения
  - ○ Глава 4. Печатник
    - ■ Собственная типография
    - ■ Хунта
    - ■ Очерки Сплетника
    - ■ «Пенсильванская газета»
    - ■ Брак по расчету
    - ■ Уильям
    - ■ Экономная супруга

- Фрэнсис
- В поисках своего Бога
- Проект морального усовершенствования
- Идеалы эпохи Просвещения
- Бедный Ричард и путь к богатству

○ Глава 5. Общественный деятель
- Организации для общественного блага
- Масоны
- Великое пробуждение
- Война издателей
- Салли Франклин
- Полли Бейкер
- Американское философское общество
- Пенсильванская милиция
- Отставка

○ Глава 6. Ученый и изобретатель
- Печи, грозы и катетеры
- Электричество
- Похищение молнии с небес
- Место в Пантеоне

○ Глава 7. Политик
- Академия и больница
- Американская политическая философия
- Рабство и расовый вопрос
- Члены Ассамблеи, индейские дипломаты и почтмейстер
- Олбани. План по объединению Америки
- Кэтрин Рэй
- Снабжение генерала Брэддока
- Франклин — полковник милиции
- Новая миссия

○ Глава 8. Беспокойные воды
- Жилец миссис Стивенсон
- Лондонский мир Франклина
- Битва с Пеннами
- Уильям и родословное древо
- Ответ Пеннов
- «Полнейшее счастье»
- Канада и империя
- Сладостно-горькое прощание

○ Глава 9. В отпуске, дома
- Странствующий почтмейстер
- Пакстонские парни
- И снова борьба с владельцами колонии

- Глава 10. Агент-подстрекатель
  - Расширенная семья
  - Закон о гербовом сборе 1765 года
  - Новый раунд
  - Салли и Ричард Бейч
  - Суррогатная семья
  - Хиллсборо и таможенные пошлины Таунсхенда
  - Патриот Америки
- Глава 11. Мятежник
  - Каникулы 1771 года
  - Автобиография
  - Ирландия и Шотландия
  - Встреча с Бейчем
  - О науке и изобретениях
  - Социальная философия
  - Победа над Хиллсборо
  - Письма Хатчинсона
  - В Кокпите
  - Разрыв с Уильямом
  - Секретные переговоры с Хау и Чатемом
- Глава 12. Независимость
  - Выбор позиции
  - Встреча в Тревосе
  - Франклин-мятежник
  - Первый проект Статей Конфедерации
  - Поездка в Кембридж
  - Канада
  - Путь к Декларации
  - Редактор Джефферсона
  - Идея конституции
  - Новая встреча с лордом Хау
  - Во Францию с Темплом и Бенни
- Глава 13. Придворный
  - Самый известный в мире американец
  - Двор Франклина в Пасси
  - Шпион Бэнкрофт
  - Реализм и идеализм
  - Договоры о дружбе и союзничестве
- Глава 14. Бонвиван
  - Джон Адамс
  - Вольтер
  - Мадам Брийон
  - Мадам Гельвеций
  - Багатели

        - Шахматы и громкие ветры
        - Дела семейные
    - Глава 15. Миротворец
        - Полномочный посол
        - Джон Пол Джонс
        - Друг двора
        - Специальный уполномоченный по мирным переговорам
        - Начало переговоров
        - План мира по Франклину
        - Умиротворение французов
        - Бенни и Темпл
        - Увлечение воздухоплаванием
        - Серый кардинал
        - Финал
        - Прощание
    - Глава 16. Мудрец
        - Наконец-то дома
        - Конституционный конвент 1787 года
        - Эндшпиль
        - Рабство
        - В кровать
    - Глава 17. Эпилог
    - Глава 18. Заключение
        - Исторические размышления
        - Бухгалтерская книга
    - Список имен
    - Основные даты жизни
    - Пересчет стоимости валют
    - Благодарности
    - Источники и сокращения
        -
        - Сокращения, использованные в примечаниях для указания имен и источников
    - Об авторе
    - Максимально полезные книги от издательства «Манн, Иванов и Фербер»
    - Над книгой работали
- comments
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49

- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93

- 94
- 95

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41

- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85

- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129

- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173

- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217

- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261

- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305

- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349

- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393

- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437

- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481

- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525

- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569

- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613

- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650

Уолтер Айзексон
БЕНДЖАМИН ФРАНКЛИН
Биография

2-е издание

Издательство «Манн, Иванов и Фербер»

* * *

Walter Isaacson
Benjamin Franklin
An American Life
SIMON & SCHUSTER
New York London Toronto Sydney Singapore

Издано с разрешения SIMON & SCHUSTER Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Все права защищены.
Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.
Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Вегас-Лекс».

© Walter Isaacson, 2003
© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2014

* * *

Кэти и Бетси, как всегда…

Глава 1. Бенджамин Франклин и обретение Америки

Прибытие этого человека в Филадельфию — одна из самых знаменитых страниц автобиографической литературы: перепачканный грязью семнадцатилетний беглец, дерзкий и застенчивый одновременно, выбирается из лодки и, двинувшись по Маркет-стрит, покупает три пухлые булочки. Но обождите минутку! Здесь кроется нечто большее. Снимите несколько слоев времени, и вы обнаружите его уже шестидесятипятилетним. Он вглядывается в прошлое, сидя в английском загородном доме, и описывает вот эту сцену, притворяясь, будто пишет письмо. А все для того, чтобы его сын — незаконнорожденный сын, вознесенный на должность королевского губернатора и претендующий на аристократизм, — помнил о своих настоящих корнях.

Внимательный взгляд на рукопись откроет еще один слой. В предложение, где говорится о том первом путешествии по Маркет-стрит, на полях сделана вставка, повествующая, как наш герой миновал дом своей будущей жены Деборы Рид. «Она стояла у двери, увидела меня и подумала, вполне справедливо, что я произвожу ужасно нелепое и смешное впечатление». И перед нами появляется, пусть всего в нескольких штрихах, образ многогранного человека, которого весь мир знает как Бенджамина Франклина. Сначала перед нами юноша, затем — пожилой господин, оценивающий себя с высоты прожитого, еще позже — главное лицо воспоминаний собственной жены. Краткое самоописание удачно завершено словами «вполне справедливо», написанными пожилым Франклином о себе: в них удивительным образом уживаются самоирония и гордость, которую он испытывал по поводу своих невероятных достижений[1].

Бенджамин Франклин — «отец-основатель», дружелюбный ко всем. Коллеги Джорджа Вашингтона вряд ли позволяли себе похлопать сурового генерала по плечу, да и мы вообразить такого не можем. Джефферсон и Адамс выглядят столь же устрашающе. Но Бен Франклин, этот самолюбивый городской делец, кажется, создан из плоти и крови, а не из мрамора; окликните его — и он повернется к вам с исторической сцены, и глаза его за стеклами очков будут поблескивать. Не прибегая к высокопарной риторике, он говорит с нами со страниц своих писем, шуточных заметок, автобиографии, и его открытость и умная ирония настолько современны, что могут завладеть умами и сегодня. Мы видим его

отражение в зеркале нашего времени.

За восемьдесят четыре года жизни он состоялся как крупный американский ученый, изобретатель, дипломат, писатель и бизнес-стратег. Вдобавок он был пусть не самым влиятельным, но зато весьма практичным политиком. И ученым: запустив воздушного змея, он доказал электрическую природу молнии, а также изобрел устройство, с помощью которого ее оказалось возможным приручить. Он придумал бифокальные очки и автономные печи{1}, карты Гольфстрима и теорию инфекционной природы простуды. Он выпустил в жизнь различные общественные проекты, например библиотеку, в которой книги выдаются на дом, колледж, добровольческий пожарный корпус, страховую ассоциацию и фонды, занимающиеся выдачей грантов. Он создал такую модель внешней политики, в которой сливаются воедино идеализм и реализм, а во внутренней политике предложил конструктивные программы по объединению колоний и созданию федеральной модели национального правительства.

Но самым интересным открытием, когда-либо совершенным Франклином, была его собственная личность, которую он постоянно переосмысливал. Будучи первым выдающимся публицистом Америки, в своих работах постоянно пытался создать новый тип американца, а материал брал из собственной души. Он тщательно выстраивал свой образ, выставляя его на обозрение публики и совершенствуя для потомков.

Отчасти Франклин делал это во имя имиджа. Будучи молодым печатником в Филадельфии, он на телеге возил по улице рулоны бумаги, чтобы казаться трудолюбивым. Будучи пожилым дипломатом во Франции, носил меховую шапку, чтобы сойти за мудреца из захолустья. В промежутке создал образ простого, но целеустремленного торговца, ревностно пропагандирующего добродетели — старательность, бережливость, честность, — присущие хорошему лавочнику и полезному члену общества.

Но созданный им имидж основывался на реальных качествах личности. Рожденный и воспитанный среди простых людей, Франклин, по крайней мере бóльшую часть жизни, легче находил общий язык с ремесленниками и мыслителями, нежели с укоренившейся верхушкой, у него была аллергия на пафос и привилегии потомственной аристократии. Недаром на протяжении всей жизни он подписывался «Б. Франклин, печатник».

Из такого отношения к жизни и возникла самая, быть может, важная идея Франклина: идея американской национальной идентичности, основанная на положительных чертах и ценностях

среднего класса. Поскольку он инстинктивно придерживался демократических принципов (что было свойственно далеко не всем «отцам-основателям») и при этом ему был совершенно чужд снобизм, постольку в нем жила вера в мудрость среднего человека. Он чувствовал, что новая нация станет сильна за счет так называемого среднего класса. В своих наставлениях Франклин прославлял качества этой социальной прослойки, и его проекты по укреплению гражданской позиции и общего блага создавались для того, чтобы отдать должное новому правящему классу — простым людям.

Сложная взаимосвязь между различными гранями характера Франклина — изобретательностью, врожденной мудростью, протестантской моралью, свободной от догм, — и его принципами (одних он твердо придерживался, в других ему хотелось найти компромисс) свидетельствует о том, что каждый новый угол зрения отражает и преломляет меняющиеся ценности нации. Его поносили в романтические периоды, из него делали героя во время расцвета предпринимательства. Каждая эпоха оценивала его по-новому, и по этой оценке можно судить о самой эпохе.

Личность Франклина по-особому отзывается в Америке XXI века. Успешный издатель и непревзойденный сетевой работник, изобретательный и любопытный, он почувствовал бы себя как дома в условиях информационной революции. Его упорное стремление оказаться в числе самых одаренных и преуспевающих людей делало его, по словам общественного критика Дэвида Брукса, «отцом-основателем яппи[{2}]». Можно запросто представить себе, каково это — пить с ним пиво после работы, показывать ему, как используется новейшее цифровое устройство, делиться бизнес-планами новой рискованной затеи и обсуждать последние политические скандалы или стратегические идеи. Он смеялся бы над свежими анекдотами о священнике и раввине или о дочери фермера. Мы восхищались бы его умением быть одновременно серьезным и самоироничным. Нам стало бы понятней, как именно он пытался добиться равновесия в непростой ситуации — в погоне за репутацией, состоянием, земными достоинствами и духовными ценностями[2].

Некоторых людей, видящих отражение Франклина в современном мире, беспокоят его мелочность и духовное самодовольство, которое, как им кажется, пропитало культуру материализма. Они считают, будто Франклин учит нас жить только практическими вопросами, преследуя материальные цели, игнорируя одухотворенное существование. Другие, созерцая тот же образ, восхищаются ценностями среднего класса и

демократическими настроениями, которые теперь, кажется, распространяются на все социальные типы, включая элиту, радикалов, реакционеров и других враждебно настроенных представителей буржуазии. Эти люди считают Франклина образцом для подражания в плане личных качеств и чувства гражданского достоинства — категорий, которых зачастую недостает в современной Америке.

Конечно же, восхищение и восторги, равно как и недоверие, останутся всегда. Однако уроки, которые Франклин преподал нам своей жизнью, намного сложнее тех, которые извлекают его поклонники и противники. Обе стороны слишком часто принимают на веру образ целеустремленного пилигрима, созданный им в автобиографии. Они ошибочно принимают добродушное морализаторство за фундаментальную веру, которая предопределяла все его действия.

Его нравоучения построены на искреннем убеждении, что добродетельная жизнь, когда человек служит горячо любимой стране и надеется спастись благодаря своим добрым делам, — это правильно. На этой основе он связывал воедино личные и общественные добродетели и, опираясь на скромные доказательства, высказывал предположение, что воля Божия — как он ее понимал — в том, что наши земные добродетели напрямую связаны с небесными. Такое содержание он вложил в девиз основанной им библиотеки: «Самые угодные Богу деяния — это добрые деяния ради людей». По сравнению с такими современниками, как Джонатан Эдвардс{3}, полагавший, будто все люди грешны и находятся во власти разгневанного Бога, а спасение возможно лишь благодаря молитве, высказывания Франклина могут показаться несколько самонадеянными. В некотором смысле это так, но зато они были искренними.

Какую позицию вы ни занимали бы, полезно заново познакомиться с Франклином: сделав это, вы сможете разрешить самый важный вопрос — как прожить жизнь полезно, добродетельно, достойно, заполнив ее морально и духовно? И, если на то пошло, какие из этих достоинств наиболее значимы? Для Франклина эти вопросы были важны всегда, как в зрелости, так и в мятежной юности.

Глава 2. Путешествие пилигрима *(Бостон, 1706–1723)*

Семья Франклинов из деревни Эктон

На исходе Средневековья в английских селениях возник новый социальный класс — люди, обладавшие материальным достатком, но не относившиеся к титулованной аристократии. Они гордились своими достижениями, но не предъявляли особых претензий, были напористы в борьбе за свои права и независимость среднего класса. Они получили название «франклины» (franklins) от средневекового английского понятия frankeleyn (буквально «свободный собственник»)[3].

Когда в обиход начали входить фамилии{4}, семьи из высшего класса чаще всего именовались по названиям своих владений (например Ланкастер или Селисбери). Владельцы поместий иногда использовали названия местных ландшафтов, к примеру Хилл или Медоус. Ремесленники, придумывая себе фамилии, зачастую делали отсылки к профессии (например некая семья Смит, Тейлор или Вивер{5}). Некоторым же больше всего подходила фамилия Франклин. Самые ранние упоминания о предках Бенджамина Франклина, которые удалось обнаружить, относятся к его прапрадеду Томасу Френклину, или Франклину, родившемуся в 1540 году в деревне Эктон в Нортгемптоншире. Рассказы о его независимой натуре стали частью семейных преданий. «Наша простая семья рано вступила в процесс Реформации{6}, — писал Франклин. — Случалось, мы подвергались опасности из-за протестов против католицизма». Когда королева Мария организовала кровавую кампанию в поддержку римской католической церкви, Томас Франклин хранил запрещенную Библию на английском языке на обратной стороне складного стула. Этот стул переворачивали, размещали на коленях — и читали Библию вслух, однако, как только мимо проезжал судебный пристав, книгу тут же прятали[4].

Возникает впечатление, будто настойчивая и в то же время разумная самостоятельность Томаса Франклина в сочетании с умом и находчивостью передались Бенджамину спустя четыре поколения. В семье рождались диссентеры{7} и нонконформисты, горящие желанием бросить вызов правительству, однако при этом они не были готовы становиться изуверами. Это были умные ремесленники и изобретательные кузнецы с настоящей жаждой знаний. Заядлые читатели и писатели, они обладали глубокими убеждениями — но знали, что обращаться с ними следует осторожно. Будучи общительными по природе, Франклины часто становились доверенными лицами соседей, гордились своей принадлежностью к среднему классу независимых лавочников,

торговцев и свободных землевладельцев.

Предположение, будто характер человека можно определить, разузнав о его семейных корнях и выявив некие закономерности, присущие его личности, может оказаться обычным заблуждением биографа. И все же наследие семьи Франклинов кажется плодотворной почвой для изучения жизни нашего героя. Характер некоторых людей в высокой степени определяется местом проживания. Чтобы разобраться, к примеру, в биографии Гарри Трумэна, нужно знать устройство штата Миссури в XIX веке; также просто необходимо покопаться в истории и географии Техаса, чтобы исследовать жизнь Линдона Джонсона[5]. Но на судьбу Бенджамина Франклина местоположение имело не столь сильное влияние. Так повелось, что члены его семьи не жили в одном месте: большинство младших сыновей ремесленников среднего класса делали карьеру, уезжая из родных городов, где жили их отцы. Таким образом, на нашего героя повлияли скорее семья и происхождение, а не место, в котором он жил.

Сам Франклин придерживался той же точки зрения. «Мне всегда нравилось собирать истории и предания, рассказывающие о моих предках», — этой фразой он открывает автобиографию. Будучи зрелым человеком, Франклин имел удовольствие совершить путешествие в Эктон, побеседовать со множеством дальних родственников, изучить церковно-приходские записи и тщательно переписать эпитафии, выгравированные на могильных плитах членов его семьи.

Инакомыслие, которое, как он обнаружил, было присуще его семье, касалось не только вопросов религии. Отец Томаса Франклина, по имеющимся сведениям, был практикующим адвокатом и выступал на стороне простых людей, которых судили по статье, известной как «огораживание». По ней владеющие землей аристократы могли закрыть свои поместья и не пускать туда бедных фермеров, которые пасли стада в этой местности. А сын Томаса Генри провел пять лет в тюрьме за стихи, в которых, как заметил один из его современников, «затронуты личности влиятельных людей». Склонность к бунту против элиты и созданию посредственной поэзии так и жила в нескольких поколениях Франклинов.

И сын Генри, также Томас, обладал чертами, которые позже ярко проявились в характере его знаменитого внука. Он был компанейским парнем, любил читать, писать и ремонтировать различную утварь. В юности с нуля сконструировал часы, которые работали на протяжении всей его жизни. Подобно своему отцу и деду, он стал кузнецом, но в маленьких английских поселках кузнецы были на все руки мастерами. Если верить словам его

племянника, он «для разнообразия также овладел ремеслом токаря (обрабатывал дерево на токарном станке), оружейного мастера, хирурга, писца — его почерк красивее всех из виденных мной. Он изучал историю и владел некоторыми навыками в астрономии и химии»[6].

Его старший сын, приняв на себя руководство семейным делом, также стал кузнецом и преуспел, помимо этого, как владелец школы и сборщик податей. Но наша история — не о старших, а о младших сыновьях{8}: Бенджамин Франклин происходил от самых младших из всех младших братьев на протяжении пяти поколений. Когда человек находится в самом низу, ему приходится добиваться всего самому. Для таких людей, как Франклины, это обычно означало переезд из сел, подобных Эктону (слишком маленьких, чтобы там могло процветать более одного или двух представителей одной и той же профессии), в более крупный город, где они могли приобрести какую-либо профессию.

Обыкновенным делом — в том числе и в семье Франклинов — было отдавать младших братьев в обучение к старшим. Когда младший сын Томаса Джозайя Франклин{9} в 1670-х годах уехал из Эктона и отправился в близлежащий Оксфордшир (торговый город в Банбери), он пристроился к старшему брату Джону, с которым был дружен. В Банбери тот открыл магазин по продаже и покраске шелка (после суровых дней протектората Кромвеля{10} Реставрация при правлении короля Чарльза II{11} привела к непродолжительному расцвету швейной промышленности).

Находясь в Банбери, Джозайя попал в водоворот второго огромного религиозного кризиса на территории Англии. Первый был делом рук королевы Елизаветы: она желала, чтобы англиканская церковь обратилась от римского католицизма к протестантизму. Однако позже Елизавета и ее сторонники столкнулись с давлением со стороны тех, кто желал пойти еще дальше, «очистив» церковь от каких-либо следов римско-католической традиции. Возросло количество пуритан{12}, последователей кальвинистов{13}, защищавших чистоту веры от любых намеков на католицизм; их голоса с особенной отчетливостью слышались в Нортгемптоншире и Оксфордшире. Они делали акцент на приходском самоуправлении, подчеркивая необходимость проповедей и изучения Библии во время богослужений. При этом они гнушались многих украшений, свойственных англиканской церкви, считая их пагубным наследием Рима. Несмотря на свои взгляды в области личной морали, пуритане обратились к некоторым выдающимся представителям среднего класса, подчеркивая значение встреч,

бесед, проповедей и личного понимания Библии.

К тому времени, когда Джозайя прибыл в Банбери, город буквально раздирали религиозные распри (во время одного из столкновений толпа пуритан опрокинула знаменитое городское распятие). Семья Франклинов тоже разделилась, однако не до кризиса. Джон и Томас III остались в лоне англиканской церкви; их младшие братья Джозайя и Бенджамин (иногда его называют Бенджамин-старший — чтобы отличить от знаменитого племянника) стали диссентерами. Но, если дело касалось религиозных диспутов, Джозайя никогда не был фанатичен. Записей о семейной вражде по вышеописанным причинам не существует[7].

Поход на дикие земли

Позже Франклин будет утверждать, что именно желание «насладиться преимуществами своей религии, оставшись свободным», заставило его отца Джозайю эмигрировать в Америку. В какой-то мере так оно и было. Конец пуританского правления Кромвеля и восстановление монархии в 1660 году привели к притеснению пуритан, вследствие чего многие министры-отступники были изгнаны со своих проповеднических кафедр.

Но брат Джозайи Бенджамин-старший, решаясь на переезд, был, видимо, прав, когда больше внимания обращал на экономические факторы, чем на религиозные. Джозайя не так уж ревностно исповедовал свою веру. Он был близок с отцом и старшим братом Джоном, а ведь оба они остались англиканцами. «Факты свидетельствуют, что Франклинами-пуританами Бенджамином-старшим и Джозайей руководила скорее жажда независимости вкупе с энтузиазмом и практицизмом, а не убеждения», — писал Артур Туртеллот, автор исчерпывающей книги о первых семнадцати годах жизни Франклина[8].

Больше всего Джозайя волновался, сможет ли прокормить семью. В девятнадцать лет он женился на Анне Чайлд из Эктона и перевез ее в Банбери. Один за другим родились трое детей. Сразу же по окончании обучения Джозайя начал работать в магазине своего брата, который платил ему жалованье. Но бизнес не обеспечивал достаточно средств для содержания двух быстро растущих семей Франклинов, а закон делал невозможным для Джозайи освоение нового ремесла без обучения и практики. Как сказал Бенджамин-старший, «поскольку у него не получалось добиться желаемого, то в 1683 году он отправился в Новую Англию, покинув отца и близких».

История миграции семьи Франклинов, как и самого Бенджамина Франклина, позволяет наблюдать пути формирования американского национального духа. Среди величайших романтических мифов об Америке преобладает тот, в котором говорится: самым главным мотивом первопоселенцев было обретение свободы, в частности религиозной.

Как и большинство романтических американских мифов, этот правдив. Для многих пуритан в XVII веке волна миграции в Массачусетс стала путешествием в поисках свободы вероисповедания (как и несколько последующих наплывов, благодаря которым образовалась Америка). Многие расценивали его как побег от преследований и стремление к независимости.

Но, как и в большинстве американских мифов, некоторые аспекты реальности приукрашены. Многие переселенцы-пуритане, как и многие подобные им в будущем, жаждали прежде всего материальной выгоды.

Однако строгое разделение этих мотивов свидетельствует о непонимании философии пуритан — и самой Америки. Для большинства пуритан, начиная с богатого Джона Уинтропа и заканчивая бедным Джозайей Франклином, путешествие в неизведанный край было предпринято одновременно и по религиозным, и по финансовым соображениям. Колония Массачусетского залива была, в конце концов, выстроена инвесторами, подобными Уинтропу. Она должна была стать коммерческим предприятием — и в то же время божественным «городом на холме». Пуритане не могли думать по принципу «или-или», размежевывая духовные и мирские мотивы. Ведь среди всего, что они завещали Америке, оказалась протестантская этика, учившая людей, что религиозная и экономическая свобода связаны, что трудолюбие — это добродетель, а финансовые успехи не обязательно должны противоречить спасению души[9].

Пуритане с презрением относились к старым римско-католическим верованиям, согласно которым святость требует устраниться от финансовых забот. Напротив, они проповедовали, что предприимчивость — одновременно дар Божий и земной долг. То, что историк литературы Перри Миллер называет «парадоксом пуританского материализма и духовности», для самих пуритан парадоксом не являлось. Зарабатывание денег было одним из способов восславить Бога. Коттон Мэзер{14} сформулировал это в своей известной проповеди «Христианин и его призвание», прочитанной за пять лет до рождения Франклина. Эта проповедь очень важна, так как она помогала человеку обратить внимание на «некоторые повседневные дела, ведь христианин должен посвящать большую часть своего времени прославлению Бога, совершая благие деяния для других и извлекая пользу для себя». Весьма удобно считать, что Бог благоволит людям, прилежным в своем земном призвании, и, как позже будет сказано в альманахе{15} Бедного Ричарда, «помогает тем, кто помогает себе сам»[10].

Таким образом, переселение пуритан создало предпосылки для формирования некоторых качеств Бенджамина Франклина, а также Америки как таковой: вера в то, что духовное спасение и мирской успех одинаково важны, в то, что предприимчивость приближает человека к Богу и что свобода мысли и предпринимательства тесно связаны.

Человек твердых убеждений

Джозайе Франклину было двадцать пять лет, когда в августе 1683 года он по морю отправился в Америку со своей женой, двумя малолетними детьми и грудным младенцем — девочкой, которой едва исполнилось несколько месяцев. Плавание на большом корабле, битком набитом сотнями пассажиров, заняло более девяти недель и обошлось семье приблизительно в 15 фунтов, что для такого торговца, как Джозайя, было равно шестимесячному заработку. Это оказалось, однако, разумным вложением капитала. Заработная плата в Новом Свете — в два или три раза выше, а стоимость жизни — значительно ниже[11].

В городах, выстроенных на новых землях, не было большого спроса на ярко окрашенные ткани и шелк, особенно в пуританских поселениях, таких как Бостон. И в самом деле, закон запрещал носить одежду, которая могла показаться слишком вычурной. Но в отличие от Англии здесь не существовало закона, требующего длительного обучения тому или иному ремеслу. Потому Джозайя и выбрал новое дело, намного менее романтичное, но и более полезное: торговля сальными свечами, переработка животного жира и изготовление свечей и мыла.

Выбор оказался удачным. Свечи и мыло только начинали превращаться из предметов роскоши в массовый товар. Изготовление раствора из останков животных сопровождалось ужасным зловонием. Раствор и жир нужно было варить много часов, и даже самые верные жены с радостью соглашались, чтобы этим занимался кто-то другой. К тому же скот был редкостью, и, приведя животных на убой, люди чаще всего старались добыть как можно больше жира. Как следствие данный сектор торговли не был переполнен. Согласно записи в одном из профессиональных реестров Бостона, сделанной непосредственно перед приездом Джозайи, в городе насчитывалось двенадцать сапожников, трое пивоваров и только один торговец сальными свечами.

Джозайя открыл магазин и снял дощатый дом в два с половиной этажа, размеры которого составляли девять на шесть метров. Находился он на углу Милк-стрит и Хай-стрит (теперь Вашингтон-стрит). Первый этаж представлял собой одну комнату с крошечной кухонькой, пристроенной к задней части дома. Как и в других бостонских домах, окна в нем были совсем небольшими (так легче сохранять тепло), но внутри он был окрашен в яркие цвета — чтобы жилось веселее[12].

На другой стороне улицы стояла Южная церковь (South

Church), самый новый из либеральных (сравнительно, конечно) трех бостонских пуританских приходов. Джозайя стал ее прихожанином, иначе говоря, «вступил в ее лоно», спустя два года со дня прибытия.

Принадлежность к церкви являлась для пуритан, по сути, средством установить демократию в обществе. Джозайя оставался всего лишь целеустремленным торговцем, но, принадлежа к Южной церкви, смог сблизиться с такими светилами, как бывший губернатор Саймон Брэдстрит или судья Сэмюэл Сиволл, который был выпускником Гарварда и прилежным мемуаристом.

Образ Джозайи как отца семейства вызывал у людей доверие, и вскоре он обрел известность в пуританской гражданской иерархии. В 1697 году ему поручили работу десятинщика, то есть инспектора морали. В его обязанности входило следить за посещаемостью церкви и благочестивым поведением граждан во время воскресных месс. Вдобавок он должен был стоять на страже общественного покоя, присматривая за «ночными бродягами, пьяницами, нарушителями дней отдохновения… или другими личностями, склонными к дебоширству, неверию, богохульству и атеизму». Шесть лет спустя он стал одним из одиннадцати комендантов, помогавших смотреть за посещаемостью. Хоть эта должность и не оплачивалась, Джозайя упражнялся в искусстве, которым его сын овладеет в совершенстве, — соединять общественную и личную выгоду: он зарабатывал деньги, продавая свечи ночным постовым, которых сам же курировал[13].

В автобиографии Бенджамин Франклин дает лаконичный портрет своего отца:

> Это был отлично сложенный невысокий мужчина, отличающийся завидным здоровьем и большой физической силой. Он был необычайным человеком: хорошо рисовал, обладал определенными навыками в музицировании и чистым мелодичным голосом; когда он на своей скрипке наигрывал мотивы из псалмов и пел, как то бывало вечером после окончания рабочего дня, его было очень приятно слушать. Помимо этого, он умел неплохо работать руками, и когда возникала необходимость, весьма искусно обращался с инструментами, использующимися в других ремеслах. Но самое важное его умение заключалось в глубоком понимании жизни, а также в рассудительности и благоразумии в личных и в общественных вопросах… Я очень хорошо помню, что к нему постоянно приходили солидные люди, чтобы узнать его мнение касаемо

> городских или церковных дел… Помимо этого, частные лица нередко советовались с ним по различным поводам, его избирали третейским судьей для разрешения спорных вопросов[14].

Можно предположить, что это описание грешит излишком великодушия. В конце концов, нужно понимать: оно является частью автобиографии, написанной Бенджамином с целью воспитать у собственного сына уважение к своему отцу. Далее станет очевидным, что Джозайя, несмотря на всю свою мудрость, был человеком весьма ограниченным. У него имелась склонность тормозить стремления своего сына — на образовательном, профессиональном и даже поэтическом поприще.

Самая главная черта Джозайи воплощена в глубоко пуританской фразе, в которой сплетаются верность идеям предприимчивости и равенства между людьми. Именно ее выгравировал сын на его могильной плите: «Прилежный в своем призвании». Он взял ее из любимой притчи Соломона (Книга притчей Соломоновых 22:29), из абзаца, который часто цитировал своему сыну: «Видел ли ты человека проворного в своем деле? Он будет стоять перед царями, он не будет стоять перед простыми». С насмешливым тщеславием и самоиронией, которыми пропитана его автобиография, Франклин вспомнит в 78 лет: «С той поры я начал смотреть на трудолюбие как на инструмент, благодаря которому можно получить богатство и признание. Оно помогало мне идти вперед, хоть я и не думал, что когда-нибудь действительно преклоню колени перед королями, что, однако, произошло; ведь я стоял перед пятерыми, а с одним даже имел честь сидеть за столом — когда ужинал с королем Дании»[15].

По мере того как дело Джозайи процветало, семья его росла; за тридцать четыре года у него родилось семнадцать детей. Такая плодовитость была общепринятой среди здоровых и крепких пуритан: у преподобного Сэмюэла Уилльярда, пастора Южной церкви, имелось двадцать детей; у знаменитого богослова Коттона Мэзера — пятнадцать. Дети воспринимались скорее как ресурс, а не как ноша. Они помогали по дому и в лавке, выполняя большую часть черной работы[16].

К трем детям, которых Джозайя и Анна Франклин привезли из Англии, вскоре добавились еще двое, оба они дожили до зрелости: Джозайя-младший, родившийся в 1685 году, и Анна-младшая (1687). Однако затем несчастье внезапно поразило семейство. Три смерти за восемнадцать месяцев. Джозайя трижды шел с похоронной процессией по Милк-стрит к кладбищу при Южной церкви. Первый раз в 1688 году, когда на пятый день

жизни умер его новорожденный сын. Затем в 1689, следуя за гробом жены Анны, умершей спустя неделю после рождения еще одного сына. Потом — чтобы похоронить этого сына, умершего неделю спустя. (Тогда за неделю умер каждый четвертый новорожденный Бостона).

Для мужчин в колониальной Новой Англии было в порядке вещей пережить двух или трех жен. К примеру, из восемнадцати женщин, первыми приехавших в Массачусетс в 1628 году, за год умерли четырнадцать. Также не считалось зазорным, когда муж, оставшись вдовцом, быстро находил новую супругу. По сути, как и в случае Джозайи, это часто обусловливалось практической необходимостью. В возрасте тридцати одного года он остался с пятью детьми на руках, торговыми обязательствами и лавкой, которую необходимо содержать. Ему нужна была выносливая жена, и чем скорее, тем лучше.

Добродетельная женщина

Так же как и Франклины, Фолгеры (изначально Фолгьеры) были бунтарской семьей, но при этом весьма практичной. В повседневной жизни они также постоянно искали баланс между религиозной и финансовой составляющей. Будучи последователями фламандских протестантов-реформаторов, бежавших в Англию в XVI веке, Фолгеры приехали в Массачусетс с первой волной эмиграции, когда Чарльз I и Уильям Лод, архиепископ Кентербери, обрушились на пуритан. Семья Джона Фолгера, включая восемнадцатилетнего сына Питера, отплыла в Бостон в 1635 году, когда городу едва исполнилось пять лет.

Во время путешествия Питер встретил молодую служанку по имени Мери Моррилл, связанную договором на работу у одного из пуританских министров за границей. После прибытия Питер смог за 20 фунтов освободить ее от договора и женился на ней.

Обретя религиозную и личную свободу, Фолгеры неустанно трудились над тем, чтобы найти возможности финансового роста. Из Бостона они переехали в новое поселение под названием Дэдхем, расположенное вверх по реке, затем в Уотертаун и в конце концов на остров Нантакет, где Питер стал школьным учителем. Большинство жителей были индейцами, поэтому он выучил их язык, преподавал английский и пытался (с немалым успехом) обратить их в христианство. Являясь бунтарем по натуре, он и сам перешел в другую веру, став баптистом, а это означало, что все преданные ему индейцы, принявшие христианство, теперь должны были следовать за ним и пройти ритуал, необходимый для полного обретения веры.

Активное сопротивление авторитетам можно наблюдать как в семье Франклинов, так и у Фолгеров. Питер — один из бунтарей, которым суждено было изменить колониальную Америку. Будучи писарем суда в Нантакете, он оказался на грани тюремного заключения за неповиновение местному магистрату во время стычки между состоятельными акционерами острова и его растущим средним классом лавочников и ремесленников[17].

Он также написал почти подстрекательский памфлет в стихах, в котором выразил сочувствие индейцам во время так называемой войны короля Филипа в 1676 году. Война, как он объявил, стала результатом гнева Божьего из-за нетерпимости пуританских министров в Бостоне. В его произведении эмоциональность превосходила поэтический талант: «Пусть судьи и министры / посмотрят на себя, / отменят все законы / и их порвут скорбя». Позже его внук Бенджамин Франклин скажет, что

поэма была «написана с мужественной откровенностью и располагающей простотой»[18].

У Питера и Мэри Фолгер родилось десять детей, самой младшей из них была девочка Авия, появившаяся на свет в 1667 году. В возрасте двадцати одного года незамужняя молодая женщина переехала в Бостон и поселилась у своей старшей сестры и ее мужа, прихожан Южной церкви. Хоть Авию и воспитывали баптисткой, она вступила в лоно этой церкви вскоре после своего прибытия. К июлю 1689 года, когда уважаемый всеми торговец сальными свечами Джозайя Франклин пришел сюда, чтобы похоронить свою жену, Авия являлась верной прихожанкой[19].

Не прошло и пяти месяцев, как они заключили брак (25 ноября 1689 года). Оба были младшими детьми в многодетных семействах. Удивительно, что оба они дожили до преклонного возраста: он — до восьмидесяти семи, она — до восьмидесяти четырех лет. Долголетие — одна из основных черт, унаследованная их знаменитым младшим сыном, который и сам дожил до восьмидесяти четырех. «Он был набожным и благоразумным человеком, она — рассудительной и добродетельной женщиной» — эти слова Бенджамин позже выгравировал на их могильном камне.

За последующие двенадцать лет Джозайя и Авия произвели на свет шестерых детей: Джона (родился в 1690 году), Питера (1692), Мэри (1694), Джеймса (1697), Сару (1699) и Эбенизера (1701). Кроме них оставались другие дети от первого брака Джозайи. Всего одиннадцать отпрысков ютились в крошечном домике на Милк-стрит, где, помимо этого, держали жир, мыло и оборудование для изготовления свечей.

Кажется невозможным уследить за каждым членом такого огромного семейства. История семьи Франклинов — лишнее тому подтверждение: увы, в возрасте шестнадцати месяцев Эбенизер утонул в ванне с мыльной водой, которую ему сделал отец. Чуть позже, в том же 1703 году, у Франклинов родился еще один сын, но и тот умер в раннем возрасте.

Бенджамин был следующим ребенком. Он провел детство в доме с десятью старшими братьями и сестрами. Возрастной разрыв с самыми младшими из них составлял семь лет. Позже родились его младшие сестры Лидия (1708) и Джейн (1712), всю жизнь смотревшие на него сверху вниз.

Лихой парень

Бенджамин Франклин был крещен в день своего рождения, в воскресенье, 17 января 1706 года{16}. К тому времени Бостону исполнилось 76 лет, он больше не являлся отдаленной пуританской провинцией — город преобразился в кипучий коммерческий центр, заполненный проповедниками, торговцами, моряками и проститутками. В нем насчитывалось более тысячи домов, тысяча кораблей была зарегистрирована в порту и семь тысяч жителей числились в городе (эта цифра увеличивалась вдвое каждые двадцать лет).

Франклин рос на реке Чарлз и, судя по его воспоминаниям, «как правило, был лидером среди сверстников». Среди излюбленных мест для встреч — солончаковое болото рядом с устьем реки, которое из-за постоянного вытаптывания превратилось в трясину. Под руководством Франклина друзья построили себе причал из камней, предназначенных для постройки дома неподалеку.

«Вечером, когда рабочие разошлись по домам, я собрал несколько своих товарищей, и мы прилежно трудились, словно муравьи, иногда перенося вдвоем или втроем один камень, пока не перетащили все, чтобы построить нашу маленькую пристань». На следующее утро его и остальных маленьких преступников поймали и наказали.

Франклин рассказывает эту историю в автобиографии для того, чтобы проиллюстрировать, как он говорит, завет своего отца, звучавший так: «Ничего из добытого нечестным путем пользы принести не может»[20]. Однако, как и во многих случаях, когда Франклин начинает иронизировать над собою, он шутит не столько для того, чтобы поведать о своих проступках, сколько для того, чтобы похвастаться качествами лидера. Всю свою жизнь он откровенно гордился способностью организовывать идейные проекты, требующие усилий многих людей.

Дни детства, проведенные Франклином на реке Чарлз, привили ему также любовь к плаванию, сохранившуюся на всю жизнь. Как только он выучился плавать сам и помог научиться друзьям, начал искать способ двигаться быстрее. Осознав, что размеры человеческой руки и стопы невелики, понял, что они не могут выталкивать большие объемы воды, и потому их сила продвижения невысока. Тогда он смастерил две овальные панели с отверстиями для больших пальцев и (как объяснил в письме к другу) «также нацепил на подошвы ног подобие сандалий». С этими лопатками и ластами у него получилось двигаться в воде

быстрее.

Воздушные змеи также ему пригодились — что Бенджамин и продемонстрирует позже. Запуская один из них, он разделся и нырнул в пруд, затем, плывя на спине, катался по воде, пока змей тащил его по поверхности. «Один из мальчишек помогал мне переносить одежду, пока я плыл, — вспоминал он. — Переплывая пруд с помощью змея, который тащил меня за собой, я не чувствовал ни капли усталости и получил невероятное удовольствие»[21].

Один инцидент, не включенный в автобиографию (хотя о нем Франклин вспоминал почти семьдесят лет спустя, желая позабавить парижских друзей), приключился, когда он встретил мальчика со свистулькой. Зачарованный этим устройством, он выложил за него все монеты, найденные в карманах. Дома старшие братья и сестры высмеяли его, объявив, что брат заплатил в четыре раза дороже, чем стоила свистулька. «Я рыдал от досады, — припоминал Франклин. — Мои мысли принесли мне скорее огорчение, нежели удовольствие». Он не просто считал бережливость положительным качеством: она была ему еще и приятна. «Трудолюбие и экономия, — напишет он, формулируя тему альманаха Бедного Ричарда, — то „орудие“, благодаря которому человек может стать состоятельным, а значит, блюсти добродетель»[22].

Когда Бенджамину было шесть лет, семья переехала из тесного двухкомнатного домика на Милк-стрит, где выросли все четырнадцать детей, в более просторный дом, где также размещалась лавка, — в самом центре города, на пересечении улиц Ганновер и Юнион. Матери было сорок пять лет, и в этом году (1712) она родила последнего своего ребенка, девочку Джейн, ставшую любимой сестрой Бенджамина. Они поддерживали переписку всю жизнь.

Новый дом Джозайи Франклина, притом что число детей, все еще проживающих с ним, уменьшалось, позволил ему приглашать на ужин интересных гостей. «За наш стол, — вспоминал Бенджамин, — ему нравилось как можно чаще приглашать друга или соседа, с которым можно было завести умную беседу. Он всегда придавал особое значение выбору темы разговора, либо оригинальной, либо полезной, которая могла положительно повлиять на мышление его детей».

Как утверждает Франклин в своей автобиографии, разговоры были настолько увлекательными, что он «мало замечал или и вовсе не замечал», какие блюда подавались на ужин. Такая тренировка приучила его быть «идеально невнимательным» к еде, это свойство сохранилось на всю жизнь. Он считал его «очень

удобным», хотя, возможно, и преувеличивал свою неприхотливость — если принять во внимание количество рецептов американских и французских кулинарных изысков, найденных среди его бумаг[23].

Помимо этого, новый дом позволил Франклинам приютить брата Джозайи Бенджамина, который эмигрировал из Англии в 1715 году в возрасте шестидесяти пяти лет, когда его тезке было девять. Как и Джозайе, старшему Бенджамину Новый Свет показался неудачным местом для прежнего ремесла красильщика шелка. Но, в отличие от Джозайи, у него не было желания обучаться новому ремеслу. Поэтому он целыми днями сидел в доме Франклинов и писал плохие стихи (включая автобиографию из ста двадцати четырех четверостиший), вел учет полезной семейной истории и посещений проповедей, забавлялся с племянником, постепенно начиная действовать брату на нервы[24].

Дядя Бенджамин жил у Франклинов на протяжении четырех лет, не особо волнуясь по поводу недовольства не только брата, но в иных случаях и племянника. В конце концов он переехал к собственному сыну Сэмюэлу, ножовщику, который также иммигрировал в Бостон. Спустя годы младший Бенджамин в письме сестре Джейн с юмором вспоминал о «спорах и непонимании», которые выросли между его отцом и дядей. Урок, который извлек его отец из этого родственного визита, «был настолько ощутимым, что они не сумели расстаться хорошими друзьями». В альманахе Бедного Ричарда Франклин позже сформулировал это еще точнее: «Гости, как рыба, начинают дурно пахнуть спустя три дня»[25].

Образование

Планировалось, что Бенджамин станет обучаться профессии пастора: десятый сын Джозайи должен был стать своеобразной «десятиной», отданной Богу. Дядя Бенджамин активно поддерживал эту идею; среди прочих выгод этого плана ему виделась возможность работать со старыми проповедями из архивов. Десятилетиями он исследовал речи лучших проповедников и записывал их слова, придумав свою собственную стенографическую систему. Его племянник позже будет с иронической усмешкой вспоминать, как он «предложил отдать мне все его рукописные тома, полагаю, для того, чтобы обеспечить базовый запас литературы для начала обучения».

Когда сыну исполнилось восемь лет, Джозайя отослал его в бостонскую Латинскую школу для подготовки в Гарвард. Там учился Коттон Мэзер, туда же поступил его сын Сэмюэл. Хотя Франклин относился к наименее привилегированным ученикам, он превзошел других уже на первом году обучения. Имея поначалу среднюю успеваемость, быстро достиг высокой, после чего перескочил через класс и был зачислен на старший курс. Несмотря на успех, Джозайя резко передумал посылать его в Гарвард. «Мой отец, — писал Франклин, — был вынужден заботиться о многочисленной семье и не мог без существенных затруднений выплачивать взносы в колледж».

Это экономическое объяснение неудовлетворительно. Семья была достаточно зажиточной, к тому же теперь в доме осталось меньшее количество детей (только Бенджамин и две его младшие сестры), чем на протяжении многих предшествующих лет. В Латинской школе не взимали плату за обучение, и как лучший ученик в классе Бенджамин с легкостью выиграл бы стипендию в Гарвард. Из сорока трех студентов, которые поступили в колледж в намеченный для Франклина год, только семеро принадлежали к состоятельным семьям; десять были сыновьями торговцев, а четверо — сиротами. Университет в это время тратил около одиннадцати процентов своего бюджета на финансовую помощь (больше, чем выделяется в наши дни)[26].

Скорее всего, существовала иная причина. Джозайя пришел к выводу, что его младший сын просто не подходит на должность духовного лица. Бенджамин был скептичным, озорным, любопытным и не очень почтительным. Недаром он мог так долго смеяться над замечанием дяди, что, мол, для нового проповедника весьма полезно начать свою карьеру, опираясь на опыт изученных чужих проповедей. Существует много смешных

историй о живом уме и проказливом характере Франклина. И — ни одной, где он выглядит набожным или преданным членом церкви.

Как раз наоборот. История, которую Франклин рассказал своему внуку, но не включил в автобиографию, показывает его как юношу, дерзкого в вопросах религии. Он мог отпускать шутки насчет церковных служб, которые воплощали каноны пуританской веры. «Доктор Франклин, будучи ребенком, находил утомительными длинные религиозные тексты, которые отец читал до и после трапез, — пишет его внук. — Однажды, после того как провизия на зиму была засолена, Бенджамин сказал отцу: „Я думаю, что если бы ты прочитал одну молитву над этими бочками, то сэкономил бы очень много времени“»[27].

Бенджамина на год записали в академию, обучавшую письму и арифметике. Школа располагалась в двух кварталах от его дома, в ней преподавал мягкий, но деловитый учитель по имени Джордж Браунелл. Франклин преуспел в письме, но провалил математику — школьный пробел, который он так никогда и не восполнил должным образом. Все это в сочетании с отсутствием академических занятий со временем предоставило бы ему судьбу всего лишь изобретательного ученого своей эпохи. Но он никогда не смог бы превзойти наимудрейших гениев-теоретиков, таких как Ньютон.

Как бы все сложилось, если бы Франклин все же получил официальное академическое образование и учился в Гарварде? Некоторые историки, подобно Артуру Туртеллоту, утверждают, что тогда Франклину суждено было лишиться присущих ему «спонтанности» и «интуитивности». Он утратил бы «энергию», «свежесть» и «скорость» мысли. И действительно, Гарвард славился такими или даже худшими издержками.

Но причин для предположений, что подобное могло случиться с Франклином, слишком мало. Говорить так нечестно по отношению и к нему, и к Гарварду. Но, если принять во внимание его скептический склад ума и аллергию на авторитеты, становится понятно: вряд ли Франклин стал бы священником, как планировалось. Из тридцати девяти учеников его предполагаемого класса менее половины стали религиозными деятелями. Его мятежную природу это учреждение скорее поощрило бы, нежели подавило; в то время администрация колледжа яростно сражалась с чрезмерным количеством гулянок, обжорством и пьянством, которые распространялись все быстрее.

Талант Франклина также проявлялся в разнообразии его интересов, начиная от науки и заканчивая политикой, дипломатией и журналистикой. Ко всем этим сферам он

подходил с практической, а не теоретической точки зрения. Поступи он в Гарвард, широта кругозора не обязательно исчезла бы, ведь колледжем управлял либерал Джон Леверетт, который не подчинялся жесткому контролю пуританского духовенства. К 1720-м годам в этом учреждении можно было слушать такие курсы, как физика, география, логика и этика. Здесь также были представлены классические литература и языки, теология, над Массачусетским холмом размещалась обсерватория. К счастью, Франклин, вероятно, получил нечто, дававшее столько же знаний, сколько Гарвардское образование: знания и опыт издателя, печатника и журналиста.

Подмастерье

В возрасте десяти лет, недоучившись два года, Франклин начал работать полный день в отцовском магазине, помогал изготавливать и продавать свечи и мыло. Он заменил своего старшего брата Джона, который отработал срок подмастерьем и уехал, чтобы открыть собственное дело на Род-Айленде. Эта работа приносила мало удовольствия (отвратительнее всего было снимать накипь топленого жира, варившегося в котлах, а обрезание фитилей оказалось совершенно бездумным занятием). Осознав это, Франклин вполне отчетливо выказал свою неприязнь к работе. Еще более зловещее впечатление производила его неприкрытая склонность к мореплаванию, не побежденная даже тем, что брат Джозайя-младший незадолго до того затерялся в морских глубинах.

Опасаясь, что сын «вырвется на свободу и отправится в море», Джозайя брал его с собой на длительные прогулки по Бостону, чтобы он поглядел на других ремесленников. Так отец мог «наблюдать за моими склонностями и пытаться перенаправить их в некое русло, которое удержало бы меня на земле». Благодаря этому Франклин на всю жизнь сохранил уважение к труду ремесленников и торговцев. Хорошо разбираясь в некоторых ремеслах, умел мастерить различные вещи. Это сослужило ему хорошую службу, когда он занимался изобретательской деятельностью.

В конечном счете Джозайя пришел к выводу, что из Бенджамина выйдет отличный ножовщик, который будет изготавливать ножи и затачивать лезвия. Так и получилось: он проходил обучение у сына дяди Бенджамина, Сэмюэла, вот только длилось это всего несколько дней. Сэмюэл потребовал плату за обучение, поразившую Джозайю своими размерами — особенно с учетом истории о гостеприимстве с отягчающими обстоятельствами, которая имела место со старшим Бенджамином[28].

И вот так, скорее случайно, чем преднамеренно, молодой Бенджамин в конечном счете стал подмастерьем своего старшего брата Джеймса. Это произошло в 1718 году, когда ему было двенадцать, а Джеймсу — двадцать один. Незадолго до этого старший брат вернулся в Новый Свет из Англии, где приобрел профессию печатника. Поначалу своевольный молодой Бенджамин заартачился и не хотел подписывать договор на обучение; он был немного старше того возраста, в котором обычно начинают проходить практику, а его брат потребовал

учиться не обычные семь, а целых девять лет. В итоге Бенджамин подписал бумаги, хотя ему и не суждено было учиться до двадцати одного года.

Будучи в Лондоне, Джеймс увидел, как уличные певцы массово штамповали оды и разносили их по кафе. Он безотлагательно усадил Бенджамина за работу: тот не только популяризировал его печатное дело, но и писал стихи. С подачи дяди молодой Франклин написал две работы, в основу которых легли истории из новостей. Обе были посвящены морской тематике: одна повествовала о семье, погибшей во время кораблекрушения, другая — об убийстве пирата, известного под именем Черная Борода. Франклин вспоминал, что они были «никуда не годным хламом», но продавались хорошо, и это льстило его самолюбию[29].

Герман Мэлвилл однажды напишет, что Франклин был «кем угодно, но только не поэтом». Его отец, по природе совсем не романтик, также придерживался этой точки зрения, и именно он положил конец рифмоплетству сына. «Мой отец расхолаживал меня, высмеивая мои произведения и рассказывая, что составители стихов, как правило, заканчивали попрошайками; так я избежал участи поэта, почти наверняка плохого».

Когда Франклин поступил в ученичество, в Бостоне имелась только одна газета — «Бостон Ньюс-леттер», которую в 1704 году начал выпускать успешный печатник по имени Джон Кэмпблл, бывший также начальником почты в городе. Тогда, как и сегодня, преимущество в медийном бизнесе оставалось за теми, кто мог контролировать как содержание, так и распространение своей продукции. Кэмпблл сумел объединить свои усилия с усилиями знакомых почтмейстеров, охватив территорию от Нью-Хэмпшира до Виргинии. Его книги и бумаги, в отличие от материалов других печатников, рассылались по этому маршруту бесплатно, а почтмейстеры из сообщества постоянно снабжали его новой информацией. К тому же благодаря своей официальной должности он мог объявить, что газета «издавалась с разрешения власти»: в то время это служило своеобразной рекомендацией, ведь пресса не могла похвастаться независимостью.

Соединение профессий почтмейстера и издателя газет было настолько естественным, что когда Кэмпблл потерял должность, его преемник Уильям Брукер предложил ему возглавить газету. Кэмпблл крепко схватил поводья, из-за чего Брукеру пришлось в декабре 1719 года запустить конкурента — «Бостонскую газету». Чтобы выпустить ее, он нанял Джеймса Франклина, самого дешевого печатника в городе.

Но после двух лет Джеймс потерял контракт на издание

газеты и отважился на смелый шаг. Он запустил издание, ставшее во всех колониях первым и единственным независимым и при этом имевшим литературный уклон. Еженедельник New England Courant, без сомнений, *не* «опубликовали бы при поддержке властей»[30].

Газета Courant осталась в истории в основном благодаря тому, что в ней впервые публиковалась проза Бенджамина Франклина. А Джеймс запомнился всем жестоким и нетерпимым хозяином, каким он описан в автобиографии брата. Однако справедливости ради нужно сказать, что Courant заслуживает памяти как первая газета, храбро отвергшая социальные, экономические и этические принципы господствующих классов. Эта газета помогла создать национальные традиции прессы, независимой от власти. «Первая попытка бросить вызов нормам», — писал историк литературы Перри Миллер[31].

В это время вызов властям Бостона означал вызов семье Мэзеров и месту пуританского духовенства в мирской жизни: вопрос, который Джеймс поднял на первой странице первого номера. К сожалению, он ввязался в битву, посвященную вакцинации против оспы, и присоединился не к тому лагерю.

Оспа регулярно истребляла население Массачусетса спустя девяносто лет после его основания. Вспышка болезни в 1677 году унесла семьсот жизней (двенадцать процентов населения). Во время эпидемии 1702 года, когда три ребенка в семье Коттона Мэзера заразились, но все же выжили, он начал изучать заболевание. Несколько лет спустя он узнал о вакцинации — ему рассказал чернокожий раб, который прошел эту процедуру в Африке и показал Мэзеру свой шрам. Мэзер проверил информацию у негров, живущих в Бостоне, и выяснил, что вакцинация стала общепринятой практикой во многих уголках Африки.

Непосредственно перед тем как Courant Джеймса Франклина дебютировал в 1721 году, корабль Seahorse прибыл из Вест-Индии, привезя на борту то, что спровоцировало новую волну оспы. В течение нескольких месяцев девятьсот жителей Бостона умерло. Мэзер, который собирался стать врачом прежде, чем его увлекла карьера проповедника, разослал письма десяти практикующим докторам Бостона (только у одного имелся медицинский диплом). Обобщив свои знания о вакцинации, он убеждал их применить эту практику (Мэзер заметно эволюционировал, далеко позади оставив предрассудки, которые подтолкнули его поддерживать охоту на ведьм в Салеме). Большинство врачей отклонили его предложение (при этом единственной возможной причиной могло стать желание уязвить

проповедника с его претензиями). Так же поступил и Джеймс Франклин в своей газете. Первый выпуск Courant (7 августа 1721 года) содержал очерк, написанный юным другом Джеймса англиканцем{17} Джоном Чекли, бойким на язык выпускником Оксфорда. Он педалировал сарказм в адрес пуританского духовенства, которое «поучает нас и навязывает нам консервативные методы, усердно молясь, чтобы болезнь покинула наш край, но тем самым восхваляет Оспу!» По этому вопросу также произнес обличительную речь единственный терапевт города, у которого имелась степень по медицине, доктор Уильям Дугласс. Он раскритиковал вакцинацию, назвав ее «средством, годным разве что для пожилых гречанок», и назвал Мэзера и его сторонников «шестью набожными джентльменами, совершенно невежественными в области здоровья». Это первый яркий пример того, как газета в Америке может совершать нападки на правительственное учреждение[32].

Мэзер, стареющий глава семейства, метал гром и молнии, заявляя: «Мне остается только пожалеть бедного Франклина: несмотря на молодость, он может преждевременно отправиться на суд Божий». Вместе с сыном Коттон Мэзер написал письмо в конкурирующую газету, осуждая «печально известную скандальную газетенку под названием Courant, в которой полно вздора, мизантропии и глупых шуток», и сравнивая ее авторов с членами Клуба адского пламени — широко известной группой франтоватых юных еретиков Лондона. Кузен Коттона, проповедник по имени Томас Уолтер, поддержал утверждение и добавил веса его словам, написав скетч, озаглавленный «Анти-Courant».

Отдавая себе полный отчет в том, что публичный плевок поможет отлично продать газеты, и желая принести прибыль обеим сторонам, принимающим участие в споре, Джеймс Франклин с большой радостью взялся за публикацию и продажу опровержения Томаса Уолтера. Однако внезапно он начал ощущать внутреннее противоречие, которое выбивало его из колеи. Уже спустя несколько недель в предисловии редактора он написал, что запретил Чекли публиковаться в своей газете из-за того, что тот слишком озлоблен и враждебен. Франклин обещал, что отныне Courant станет служить только «безвредному увеселению»: теперь на его страницах опубликуют мнения обеих сторон в споре о вакцинации, если только «в них не будет злобных нападок» [33].

Бенджамин Франклин умудрился остаться в стороне от сражения с семьей Мэзеров на тему оспы. Он никогда не упоминал о нем в автобиографии или в письмах. Складывается

ощущение, что он далеко не гордился тем, что газета примкнула к правому лагерю. Позже Франклин стал яростным защитником вакцинации, болезненно и остро выступал на эту тему сразу же после смерти от оспы своего четырехлетнего сына Фрэнсиса в 1736 году. И как честолюбивый подросток-книголюб, и как человек, ищущий покровительства старших, он в конце концов стал почитателем Коттона Мэзера, а спустя несколько лет — его приятелем.

Книги

Ремесло печатника оказалось для Франклина призванием. «С детских лет мне нравилось читать, — вспоминал он, — и все небольшие средства, которые попадали в мои руки, я всегда тратил на книги». И вправду, книги имели огромное влияние на его жизнь. Ему повезло вырасти в Бостоне, где к библиотекам бережно относились с тех пор, как первых поселенцев города и первые пятьдесят томов привезли сюда в 1630 году на корабле «Арабелла». К тому времени, когда родился Франклин, Коттон Мэзер собрал личную библиотеку, насчитывавшую почти три тысячи томов — классическая и научная литература, а также работы по теологии. Такое уважение к книгам было отличительной чертой пуританства Мэзера или философии Просвещения Локка. Эти два мира впоследствии соединятся в личностном мировоззрении Бенджамина Франклина[34].

Менее чем в миле от библиотеки Мэзеров находилась маленькая книжная полка Джозайи Франклина. Конечно, при всей ее скромности примечателен факт, что необразованный торговец сальными свечами обзавелся ею как таковой. Пятьдесят лет спустя Франклин все еще помнил названия книг, стоящих на той полке: «Жизнеописания» Плутарха («которыми я зачитывался»), «Опыт о проектах» (An Essay upon Projects) Даниэля Дефо, «Бонифаций: опыты о том, как делать добро» (Bonifacius: Essays to Do Good) Коттона Мэзера и целый ряд «книг религиозно-полемического сочинения».

Как только Франклин приступил к работе в типографии брата, он получил возможность у подмастерьев, работавших на книготорговцев, украдкой брать книги, возвращая их чистыми и незапачканными. «Часто, если книжка одалживалась вечером, я просиживал за чтением бóльшую часть ночи, чтобы вернуть ее рано утром, иначе книги могли хватиться».

Любимые книги Франклина повествовали о путешествиях, как духовных, так и мирских. Самый значимый труд, соединяющий эти мотивы, — «Путешествие пилигрима» (Pilgrim's Progress) Баньяна, сага о настойчивом скитании человека по имени Христиан на пути к святому граду. Он был опубликован в 1678 году и вскоре приобрел популярность среди пуритан и других диссентеров. Не менее важным, чем религиозное содержание, по крайней мере для Франклина, был новый и свежий стиль повествования, так редко встречающийся в эпоху Реставрации, когда авторы перебарщивали с вычурностью. «Ловкий автор (Баньян) был первым, кто, по моим сведениям, —

как правильно заметил Франклин, — соединил повествование и диалог. Такой прием изложения привлекает читателя».

Центральная тема книги Баньяна — переход от пуританства к Просвещению, что соответствовало также и пути Франклина, — заявлена в названии — в слове «путешествие». Здесь выражена идея, что человек и человечество в целом двигаются вперед и совершенствуются, постоянно углубляя знания и мудрость, которые можно приобрести, только покорив превратности судьбы. Тон задают знаменитые слова Христиана в начале: «Странствуя по дикой пустыне этого мира…» Даже верующим это путешествие казалось не только делом рук Божьих, но и результатом стремления человека и людей преодолевать препятствия.

Другой любимой книгой Франклина — и здесь нужно на миг замереть и изумиться увлечениями двенадцатилетнего мальчишки и его выбором досуга — были «Жизнеописания» Плутарха, в основе которых также лежало предположение, что человеческие усилия могут изменить ход истории к лучшему. Герои Плутарха, похожие на героя Баньяна, — почтенные мужи, полагающие, что личные стремления вносят вклад в развитие человечества. Франклин уверовал, что история — это рассказ не о явлениях, которые человек не может преодолеть, а о его усилиях в борьбе.

Эта точка зрения расходилась с некоторыми доктринами кальвинизма (например, непременная порочность человека и предопределенность его жизненного пути). От этих убеждений Франклин в конце концов откажется, проторив дорогу к менее пугающему деизму{18}, который во время Просвещения стал его верой. Тем не менее многое в пуританстве оставило неизгладимое впечатление, в основном это касается его практических, социальных и общественных аспектов.

Они красноречиво описывались в работе, которую Франклин зачастую приводил как труд, более других повлиявший на него. «Бонифаций: опыты о том, как делать добро» — немногие из четырехсот трудов Коттона Мэзера могут быть названы «беззлобными», но этот — может. «Если я был, — написал Франклин сыну Коттона Мэзера почти семьдесят лет спустя, — полезен обществу, то оно должно воздать за то благодарность этой книге». Первым своим псевдонимом Сайленс Дугуд{19} Франклин отдал должное и книге, и знаменитой проповеди Мэзера «Силентариус: безмолвный страдалец».

Трактат Мэзера призывал членов общины добровольно объединяться во благо обществу. Сам он основал бригаду по улучшению окрестностей (известную как Объединенные семьи), в которую вступил отец Бенджамина. Мэзер также настаивал на

создании Объединенных мужских клубов и Реформаторских сообществ по упразднению неустроенности: они должны были заниматься улучшением местных законов, благотворительностью, поощрять поведение, соответствующее религиозным нормам[35].

Взгляды Мэзера сформировались под влиянием «Опыта над проектами» Даниэля Дефо, еще одной любимой книги Франклина. Опубликованная в 1697 году, она предлагала Лондону множество общественных проектов, которые Франклин позже учредит в Филадельфии. Это ассоциации пожарного страхования, добровольные союзы моряков, занимающиеся обеспечением пенсий, планы, предусматривающие благополучную жизнь для пожилых людей и вдов, академии, в которых получат образование выходцы из среднего класса. И (с оттенком юмора, свойственного Дефо) учреждения для содержания умственно отсталых, налоги за которые будут выплачивать их создатели, раз уж им от природы перепало больше умственных способностей, чем несчастным слабоумным[36].

Среди самых прогрессивных утверждений Дефо выделялось одно. Оно гласило, что «варварски» и «бесчеловечно» поступают люди, отрицающие право женщин на равное образование и права. «Опыт над проектами» содержит резкую критику такого сексизма. Приблизительно в это же время Франклин и еще один «книжный парень» по имени Джон Коллинс начали вступать в дебаты — занялись своего рода интеллектуальным спортом. Первой темой было женское образование, здесь Коллинс высказывался против. «Я же занял противоположную сторону», — вспоминал Франклин. Не столько по убеждениям, сколько, «вероятно, для того, чтобы поддержать диспут».

В результате шуточных дебатов с Коллинсом Франклин начал работать над собой, стараясь стать менее вздорным и менее склонным к конфронтации. Такой имидж помогал располагать и очаровывать людей. Повзрослев, таким образом справлялся и с немногочисленными, но острыми на язык врагами, каждый из которых был хитер и коварен. Несговорчивость, как он понял, была «очень плохой привычкой»: постоянно всем противореча, он вызывал у людей «отвращение и, возможно, создавал себе врагов». Позднее Франклин с оттенком сухой иронии скажет о спорах: «Разумные люди, по моим наблюдениям, редко принимают в них участие, кроме разве что юристов, выпускников университета и всех, кто воспитан в Эдинбурге».

Далее Франклин обнаружил существование книг по риторике, превозносящих метод спора, изобретенный Сократом: человек задает ряд ненавязчивых вопросов, ему отвечают, никто

не обижается. «Я оставил манеру грубо противоречить» и в соответствии с сократическим методом «принял позу смиренного вопрошателя». Задавая, казалось бы, невинные вопросы, Франклин мог заставить людей идти на уступки, которые постепенно помогали ему доказать любое необходимое утверждение. «Я обнаружил, что этот метод самый надежный и ставит в весьма неловкое положение тех, против кого бывает использован; вследствие этого с радостью его применял». Хотя позже он отверг неприятные аспекты сократического подхода, ему по-прежнему больше нравилась уклончивость, нежели прямая конфронтация в спорах[37].

Сайленс Дугуд

Дебаты с Коллинсом по поводу женского образования велись в письмах. Так случилось, что отец Франклина случайно прочитал их переписку. Хотя Джозайя и не примкнул ни к какой из двух сторон диспута (он был по-своему справедлив в этом вопросе, давая некоторое формальное образование всем своим детям обоих полов), отец всерьез раскритиковал сына за слабую и неубедительную аргументацию. В ответ на это не по годам развитый подросток разработал для себя курс по самосовершенствованию с помощью обнаруженной подшивки «Зрителя».

«Зритель» — ежедневная лондонская газета, процветавшая в 1711–1712 годах. На ее страницах важнейшее место отводилось очеркам Джозефа Аддисона{20} и Ричарда Стила{21}, исследовавших пороки и ценности современной жизни. Их взгляды были гуманистическими и просветительскими, однако излагались ненавязчиво. Как формулировал Аддисон, «я попытаюсь разнообразить нравоучения остроумием и смягчить колкости моралью».

В ходе самообразования Франклин читал эти очерки и делал короткие записи, откладывая их в сторону на несколько дней. Затем он пытался воссоздать очерк собственными словами, после чего сравнивал свое изложение с оригиналом. Иногда он смешивал все свои записи, заставляя себя искать наилучший вариант изложения, чтобы выстроить аргументацию.

Он перелагал содержание некоторых очерков в стихи, что помогало ему (как он думал) расширить словарный запас — ведь приходилось искать слова, имеющие схожее значение, но другую ритмику и звуки. Эти произведения через несколько дней также переписывал, но уже в прозаической форме, а затем сравнивал оба варианта, чтобы увидеть, где отклонился от оригинала. Найдя недостатки в своей версии, он правил ее. «Но иногда я с немалым удовольствием смаковал те редкие моменты, когда в некоторых незначительных деталях мне удавалось улучшить изложение или язык. Это позволяло думать о возможности со временем стать неплохим английским писателем, на что я очень надеялся»[38].

Он стал не просто «неплохим», а самым известным писателем в колониальной Америке. Его собственный стиль, возросший на образцах Аддисона и Стила, — это веселая проза, изобилующая диалогами. Пусть ей не хватало поэтических прикрас, зато сильная ее сторона заключалась в прямоте.

Так родилась Сайленс Дугуд. Courant Джеймса Франклина,

выстроенный по принципу «Зрителя», предлагал к прочтению дерзкие очерки, публиковавшиеся под псевдонимами. Типография привлекала молодых авторов, которым нравилось околачиваться поблизости и нахваливать прозу друг друга. Бенджамину хотелось присоединиться к этой компании, но он знал, что Джеймс уже тогда ревностно относился к начинаниям юного брата и вряд ли поощрил бы это. «Прислушиваясь к разговорам и похвальным отзывам, которые молодые люди получали благодаря газетам, я горел желанием испытать свои силы наравне с ними».

И вот однажды ночью Франклин, изменив почерк, написал некое сочинение и подсунул его под дверь типографии. Сотрудники Courant, собравшиеся на следующий день, похвалили анонимное произведение, а Франклин испытал «исключительное наслаждение», выслушав, как они принимают решение разместить его очерк на заглавной странице в следующий понедельник, 2 апреля 1722 года.

Вымышленный литературный персонаж Франклина стал триумфом воображения. Сайленс Дугуд была немного жеманной вдовой, жительницей сельской местности — образ, созданный бойким неженатым бостонским подростком, который ни одной ночи не провел за пределами города. Несмотря на неоднородное качество очерков, убедительность Франклина в роли женщины была невероятна: она отражала как его творческие способности, так и понимание женской психологии.

Уже с самого начала явственно звучали отголоски аддисоновских взглядов. В своем первом очерке, опубликованном в «Зрителе», Аддисон писал: «Я заметил, что редкий читатель станет внимательно читать книгу, не зная, чернокожий или белый человек написал ее, болел он холерой или нет, был женат или холост». Потому-то Франклин и начал свое произведение с введения от лица вымышленной рассказчицы: «Замечено, что нынче большинство людей не желают ни хвалить, ни ругать прочитанное, если только им не станет известно, хотя бы в некоторой степени, кто автор написанного, беден он или богат, стар или молод, ученый или простолюдин».

Очерки Сайленс Дугуд исторически значимы, так как это один из первых примеров американского юмора. Здесь преобладает ироничное смешение фольклорных рассказов и подробных наблюдений, которое было подхвачено такими авторами, как Марк Твен и Уилл Роджерс. Например, во втором своем сочинении Сайленс Дугуд рассказывает, как приходской священник решил на ней жениться: «Предприняв ряд безуспешных и бесплодных попыток по ухаживанию за более

привлекательными особями нашего пола, он устал от бессмысленных волнительных походов и визитов и, к большой моей неожиданности, положил глаз на меня… Вряд ли есть другое время в жизни мужчины, когда он ведет себя глупее и нелепее, чем в момент ухаживаний».

Образ миссис Дугуд, созданный Франклином, — ловкий литературный прием, который требовал определенной искусности от шестнадцатилетнего мальчика. «Меня можно было бы с легкостью убедить снова выйти замуж, — утверждал он от ее лица. — Я обходительна и учтива, добродушна (если меня не провоцировать), недурна собой и временами остроумна». Вкрапление в виде слова «временами» использовано особенно ловко. Описывая свои взгляды и ценности, Франклин наделил миссис Дугуд отношением к жизни, которое с его легкой руки станет частью зарождающегося американского духа: «Я… смертельный враг деспотичного правительства и всевластия. Я от природы очень ревностно отношусь к правам и свободе выбора в своей стране; и даже наименьший намек на нарушение этих бесценных привилегий способен заставить мою кровь вскипеть. Также у меня есть природная склонность наблюдать людей и корить их за недостатки — к этому у меня настоящий дар». Это описание подходило самому Бенджамину Франклину — и типичному американцу как таковому. Похоже, оно актуально и сегодня[39].

Из четырнадцати очерков Дугуд, написанных Франклином между апрелем и октябрем 1722 года, есть одно сочинение, не относящееся ни к журналистике, ни к саморазоблачению. Это его атака на колледж, в котором ему так и не пришлось учиться. Большинство его одноклассников, которых он обогнал в бостонской Латинской школе, только что поступили в Гарвард, и Франклин не мог удержаться, чтобы не написать пасквиль на них и это учреждение. Он использовал форму аллегоричного повествования в виде сновидения. Таким образом, Франклин позаимствовал идею, а возможно, и несколько спародировал «Путешествие пилигрима» Баньяна — другое аллегорическое путешествие, проходящее как бы во сне. Аддисон использовал эту форму в выпуске «Зрителя», прочитанном Франклином. Там рассказывался сон банкира о девственнике по имени Государственный Кредит[40].

В своем очерке миссис Дугуд подробно излагает историю, как она уснула под яблоней, размышляя над тем, как бы отправить сына в Гарвард. Во сне во время путешествия к этому храму науки она делает открытие, касающееся людей, отославших туда своих детей: «Большинство из них исходили из возможностей своего

кошелька, а не развитости чад: чтобы выяснить это, я за многими наблюдала, более того, большинство из державших путь в эту сторону были болванами и олухами». Врата храма, как она обнаружила, охраняются «двумя крепкими дворецкими по имени Богатство и Бедность», и войти могут только те, кого они одобрят. Большинство учащихся рады бесцельно болтать с существами, называющими себя Праздность и Невежество. «Они учатся разве что тому, как красиво себя подать, как элегантно войти в комнату (эти умения с таким же успехом можно получить в школе танцев), и возвращаются оттуда, после множества сложностей и затрат, такими же болванами и олухами, как и были, разве что более самодовольными и чванливыми».

Обратив внимание на предложения Мэзера и Дефо относительно волонтерских гражданских объединений, Франклин посвятил два очерка Сайленс Дугуд теме пособий для незамужних женщин. Вдовам, подобным ей самой, миссис Дугуд предлагала систему страхования, которая давала бы им деньги за счет взносов супружеских пар. Следующий очерк развил эту идею и для старых дев. Предлагалось сформировать «общество взаимопомощи», которое гарантирует «пятьсот фунтов наличными» любой женщине, достигшей возраста тридцати лет в случае, если она все еще не вышла замуж. Деньги, как упоминала миссис Дугуд, должны выдаваться на определенных условиях: «Ни одной женщине, предъявившей требования и получившей деньги, при счастливом стечении обстоятельств и вступлении в брак не разрешается принимать каких-либо гостей, [восхвалять] своего мужа более одного часа под страхом после первого нарушения возвратить половину денег ведомству, а после второго — оставшуюся часть суммы». Эти очерки написаны Франклином, конечно же, с оттенком сатиры. Но его интерес к общественным объединениям позже будет выражен более серьезно, а данное утверждение подтвердится, когда в Филадельфии он закрепит за собой положение молодого предпринимателя.

Тщеславие Франклина еще более распалилось летом 1722 года, когда брата без суда и следствия на три недели заключили в тюрьму по распоряжению властей Массачусетса за «глубокое оскорбление» и сомнение в компетентности по вопросу поимки пиратов. На протяжении трех выпусков Бенджамин руководил изданием газеты.

В автобиографии он хвастается: «В моих руках было управление газетой, и я позволил себе несколько нападок на наших правителей, что мой брат воспринял с большой благосклонностью. В то же время у всех остальных сложилось обо мне весьма неблагоприятное впечатление как о молодом таланте,

имеющем склонность к клевете и сатире». Фактически, помимо письма к читателям, написанного Джеймсом из тюрьмы, в этих трех выпусках Бенджамина не было никаких других прямых вызовов городским властям. Самым рискованным из всего была отсылка в статье миссис Дугуд к сочинению в английской газете, защищавшей свободу слова.

«Без свободы мысли не может быть никакой мудрости, — утверждалось в вышеупомянутом сочинении, — и никакой гражданской свободы не может быть без свободы слова»[41].

«Нападки», о которых вспоминает Франклин, он совершил неделей позже, после возвращения брата из тюрьмы. В статье Сайленс Дугуд он осуществил ожесточенное нападение на местные власти, возможно, самое едкое за всю свою карьеру. Вопрос, поставленный миссис Дугуд, звучал так: «Из-за кого же Содружество страдает больше: из-за лицемерных притворщиков или откровенных профанов?»

Не приходится удивляться, что миссис Дугуд Франклина доказывала: «Некоторые недавние мысли такого рода утвердили меня в мнении, что лицемер, если он занимает пост в правительстве, — более опасный из двух вариантов». В этом отрывке критикуется связь церкви и правительства штата, а ведь именно на этом принципе основано пуританское государство. Франклин (хоть и не называя имени) приводит в пример губернатора Томаса Дадли, который перешел от духовенства к законодательной власти: «Самый опасный лицемер в Содружестве — тот, кто оставляет Слово Божие, чтобы заняться юриспруденцией. Человек, соединивший профессии юриста и проповедника, способен обмануть всю страну религиозным учением, а затем дезавуировать и его, якобы руководствуясь законом»[42].

К осени 1722 года у Франклина иссякли идеи для Сайленс Дугуд. Еще хуже, что его брат начинал подозревать, откуда берутся эти статьи. В своем тринадцатом опусе Сайленс Дугуд написала, как однажды ночью она подслушала разговор. Один джентльмен сказал: «Хоть я и писал от лица женщины, было известно, что я мужчина; но мужчине нужно усиленно работать над собой, а не практиковаться в остроумии, высмеивая других». Следующую статью Дугуд Франклин сделал последней. Когда он открыл, кто на самом деле скрывался за личиной миссис Дугуд, его статус среди читателей и авторов Courant возрос. Однако «это не очень порадовало» Джеймса. «Он подумал, должно быть, справедливо, что из-за этого я стану слишком тщеславным».

Сайленс Дугуд сошли с рук ее выпады против двуличности и религии, но когда Джеймс сочинил похожую статью в январе 1723

года, то снова попал в беду. «Из всех жуликов, — писал он, — наихудшие — это жулики религиозные». Религия была важна, писал он словами, которые точно отражали жизненные взгляды его младшего брата, и в придачу добавлял: «Слишком много религии хуже, чем вовсе никакой». Местные власти, отметив, «что вышеупомянутая газета склонна насмехаться над религией», незамедлительно выпустили приказ, требующий от Джеймса предъявлять каждый выпуск местным властям для утверждения перед публикацией. Джеймс открыто не повиновался приказу, смакуя свой протест.

Законодательное собрание ответило Джеймсу Франклину запретом на публикацию Courant. На секретном собрании в типографии было решено, что лучший способ обойти закон — печатать газету, но так, чтобы Джеймс не значился издателем. В понедельник 11 февраля 1723 года вверху на первой странице Courant появилась надпись: «Напечатано и реализовано Бенджамином Франклином».

Под руководством Бенджамина Courant стал осмотрительнее, чем под руководством его брата. Передовая статья в первом выпуске осуждала «отвратительные» и «злокозненные» публикации и вновь объявляла, что дальнейшие выпуски Courant будут «разработаны исключительно для развлечения и увеселения читателя», а также для того, чтобы «позабавить город самыми комичными и увеселительными случаями из жизни». Владельцем газеты, как утверждалось в передовой статье, будет греческий бог Янус, который может смотреть в двух направлениях одновременно[43].

Однако только следующие несколько выпусков соответствовали этому заявлению. Большинство статей оказалось несколько устаревшими официальными отчетами, содержащими зарубежные новости или старые речи. Только одно сочинение безусловно написано Франклином — ироничное размышление над глупостью таких званий, как виконт или господин. (Его отвращение к наследственным аристократическим титулам станет темой, проходящей через всю его жизнь.) Спустя несколько недель Джеймс хоть и не официально, но фактически вернулся к управлению Courant. При этом он продолжал относиться к Бенджамину скорее как к подмастерью, чем как к брату и сотруднику газеты и писателю, что означало периодические побои. Такое обращение «слишком меня унижало», вспоминал Франклин, поэтому у него возникло желание двигаться вперед. Все сильнее становилось стремление юноши к независимости, которое помогло ему однажды создать характерный тип американского героя.

Беглец

Франклину удалось увильнуть, воспользовавшись уловкой, придуманной братом в личных интересах. Притворяясь, будто передает руководство Courant Бенджамину, Джеймс, чтобы сделать передачу управления законной, подписал бумагу об официальном прекращении обязательств своего подмастерья. Позже он заставил Бенджамина подписать новое соглашение, которое должно было оставаться в тайне. Несколько месяцев спустя Бенджамин решил бежать. Он сделал верный вывод, понимая, насколько неблагоразумным было бы обнародовать секретный договор.

Бенджамин Франклин оставил брата, чья газета со временем постепенно пришла в упадок. Ее репутация потускнела, и теперь ей отводится скромное место исторического примечания. Джеймс был обречен уйти в прошлое: причиной тому и острое перо его брата, и его собственный взрывной характер, «который слишком часто побуждал его награждать меня тумаками». И в самом деле, его значение в жизни Франклина отражено в резком замечании («Автобиография»), написанном Франклином, когда он выступал от лица колоний, противостоящих британскому правлению: «Я благодарен за его жесткое и тираничное обращение, ведь оно очень повлияло на меня, вызвав отвращение к деспотичной власти, оставшееся у меня на всю жизнь».

Джеймс заслуживает большего. Да, Франклин с его легкой руки узнал об «отвращении к деспотичной власти». Но дело не только в вышеупомянутых колотушках. Помимо этого Джеймс, храбро и мужественно бросивший вызов бостонской правящей элите, послужил для брата примером. Джеймс был первым большим борцом за независимую прессу в Америке, и именно он оказал самое значительное влияние на младшего брата в сфере журналистики.

Он также повлиял на его литературные склонности. Сайленс Дугуд, смоделированная по принципу Аддисона и Стила, могла возникнуть в голове у Бенджамина, но фактически своим незамысловатым просторечием и умением общаться с людьми различных сословий она больше напоминала Эбигейл Афтервит, Джека Далмена и других вымышленных персонажей, созданных Джеймсом для газеты Courant.

Разрыв Бенджамина с братом принес удачу его карьере. Вырасти в Бостоне было везением, но свободомыслящему деисту, не посещавшему Гарвард, тесный городок не смог бы дать многое. «Я уже выставил себя в неблагоприятном свете перед правящей

партией, — писал он позже, — и велика была вероятность того, что если я останусь, вскоре у меня начнутся неприятности». Его насмешки над религией привели к тому, что в него стали тыкать пальцем «хорошие люди, ужасавшиеся моему безбожию и атеизму». В общем и целом, самое время оставить и брата, и Бостон[44].

Среди первых поселенцев Америки существовала традиция: когда в населенном пункте становилось слишком много ограничений, люди быстро перебирались на незаселенную местность. Но Франклин относился к другому виду американских бунтарей. Дикая местность не манила его. Напротив, его влекли к себе новые торговые центры, Нью-Йорк и Филадельфия. Там имелись шансы добиться успеха, так, чтобы человек был обязан только самому себе. Джон Уинтроп мог вести за собой группу пуритан, держа путь на дикие неизведанные земли; Франклин, напротив, относился к новому поколению, совершавшему путешествие по торговым улицам.

Побоявшись, как бы брат не попытался задержать его, Франклин позаботился, чтобы друг тайно оплатил ему проезд на сторожевом судне до Нью-Йорка. Чтобы осуществить задуманное, он сочинил легенду, будто бы некоему молодому человеку нужно улизнуть, так как он «ввязался в интрижку с девушкой легкого поведения» (или, как сформулировал Франклин в более раннем наброске, «осчастливил публичную девку ребенком»). Продав некоторые книги, чтобы оплатить проезд, семнадцатилетний Франклин отправился в плавание при попутном ветре вечером в среду, 25 сентября 1723 года. В следующий понедельник в New England Courant было опубликовано краткое и немного грустное объявление: «Джеймс Франклин, печатник на Квин-стрит, ищет способного парня на место подмастерья»[45].

Глава 3. Подмастерье *(Филадельфия и Лондон, 1723–1726)*

Типография Кеймера

Молодым подмастерьем Франклин прочитал книгу, прославляющую вегетарианство. Он решил соблюдать эту диету, но не столько из соображений морали и здорового питания, сколько из-за финансового положения: такой рацион позволял ему откладывать для покупки книг половину суммы, которую брат выделял на еду. В то время как сотрудники разбредались, чтобы где-нибудь от души поесть, Франклин довольствовался пресными лепешками и горстью изюма. Он использовал обеденное время для обучения, «в котором делал еще бóльшие успехи благодаря удивительной ясности ума и обостренному восприятию, которые бывают при умеренности в еде и питье»[46].

По сути, Франклин был очень рассудительным юношей. Он мыслил настолько рационально, что мог обосновать все что угодно. По пути из Бостона в Нью-Йорк, когда из-за штиля судно остановилось у Блок-Айленда, моряки поймали и приготовили треску. Поначалу Франклин отказывался от еды, но передумал, когда запах, доносившийся со сковородки, стал откровенно заманчивым. Позже с шутливой задумчивостью он опишет этот случай так:

> Насколько я помню, какое-то время мои принципы и желания сражались на равных, однако только до того момента, пока не разделали рыбин. Тогда я увидел внутри их желудков более мелких рыбешек. «Так, — подумал я, — если вы едите друг друга, то я не вижу причин, почему мы не можем есть вас». Стало быть, я плотно поужинал треской и с тех пор продолжаю питаться подобно другим людям, лишь изредка возвращаясь к овощной диете.

Отсюда он извлек ироничный и, возможно, даже несколько циничный урок, который был сведен к следующему утверждению: «Чрезвычайно удобно быть рассудительным, ведь это дает возможность найти или выдумать объяснение любому поступку»[47].

Рациональность Франклина сделала его образцом человека эпохи Просвещения, века разума, расцветшего в Европе и Америке в XVIII веке. Его мало интересовал религиозный жар эпохи, в которую он был рожден, так же как и возвышенные настроения романтизма, зародившегося ближе к концу его жизни. Подобно Вольтеру, он мог подтрунивать над усилиями — как

своими, так и человечества в целом, — совершенными в те моменты, когда люди перестают руководствоваться разумом. Повторяющаяся тема в его автобиографии, так же как и в рассказах и альманахе, — это удивительная способность человека логически обосновывать свои поступки.

В возрасте семнадцати лет Франклин отличался удивительным сложением: мускулистый юноша с широкой грудью и открытым честным лицом, ростом почти в шесть футов (метр восемьдесят сантиметров). У него был талант ладить с кем угодно, будь то задиристые лавочники или состоятельные коммерсанты, грамотеи или жулики. Он отличался удивительным обаянием, словно притягивал к себе людей, желающих ему помочь. Он никогда не был робким, всегда стремился заводить новых друзей и покровителей, зная, как правильно применять обаяние.

Так, к примеру, во время побега он познакомился с единственным печатником Нью-Йорка, Уильямом Брэдфордом. Тот публиковал передовые статьи того же направления, что и Джеймс Франклин, — против «угнетателей и тиранов». У Брэдфорда не было работы для Франклина, но он предложил юному беглецу держать путь в Филадельфию и попробовать устроиться на работу к его сыну Эндрю Брэдфорду, который руководил семейной типографией и выпускал еженедельную газету.

Спустя десять дней после отплытия из Бостона судно Франклина причалило к пристани, примыкающей к одной из главных улиц Филадельфии под названием Маркет-стрит. Его сбережения составляли всего лишь один доллар и около шиллинга медными монетами. Последнее он отдал за проезд. Перевозчики попытались отказаться от платы, ведь Франклин помогал им грести, но тот настоял. Позже он отдал две из трех купленных им пышных булочек женщине с ребенком, встреченным на пути. В будущем он напишет: «Человек иногда более щедр, когда у него мало денег, чем когда много; может быть, чтобы не подумали, будто их нет совсем»[48].

С первых минут пребывания в Филадельфии Франклин всерьез озаботился своим внешним видом. Американские индивидуалисты иногда хвастаются способностью не беспокоиться о мнении со стороны. Франклин же, как правило, напротив, пекся о своей репутации, стараясь всегда держаться достойно, при этом прислушиваясь к окружающим, — потому-то и стал первым бесспорным экспертом по международным отношениям в стране. Спустя некоторое время он напишет следующее: «Я старался быть не только *по-настоящему*

трудолюбивым и бережливым, но и избегать любого *внешнего проявления* противоположных черт характера» (акценты расставлены им самим). По словам критика Джонатана Ярдли, «это был самодостаточный и своенравный человек, двигавшийся по заранее просчитанному жизненному маршруту к четко намеченным целям». Особенно точно это характеризовало Франклина в ранние годы, в бытность молодым коммерсантом[49].

Филадельфия с ее двумя тысячами жителей была вторым по размеру городом после Бостона. В свое время Уильям Пенн нарисовал ее в своем воображении как «зеленый провинциальный городок» с хорошо продуманным расположением широких улиц, вдоль которых возвышаются кирпичные дома. Помимо первых квакеров{22}, поселившихся там за пятьдесят лет до описанных событий, место, названное «городом братской любви», привлекло к себе шумных и предприимчивых немцев, шотландцев и ирландцев. Они-то и превратили его в оживленный торговый центр со множеством магазинов и таверн. Хотя экономика быстро развивалась, улицы оставались грязными, царило категорическое бездорожье. Атмосфера, созданная квакерами и более поздними иммигрантами, импонировала Франклину. Эти люди зачастую были старательными, скромными, дружелюбными и терпимыми, особенно по сравнению с пуританами Бостона.

В первое же утро после прибытия, передохнув и приодевшись, Франклин нанес визит в типографию Эндрю Брэдфорда. Там он обнаружил не только молодого печатника, но и его отца Уильяма, добравшегося сюда из Нью-Йорка верхом на лошади. У Эндрю не нашлось работы для беглеца, поэтому Уильям отвел его к другому печатнику, Сэмюэлу Кеймеру. Франклину следовало быть благодарным своему невероятному таланту очаровывать и привлекать покровителей. Сыграл свою роль и особый сплав содействия и конкуренции, часто встречающийся среди американских торговцев.

Кеймер оказался растрепанным чудаком, собиравшим всяческое оборудование для печати. Он задал Франклину несколько вопросов и вручил ему верстатку, чтобы тот продемонстрировал свои навыки, а после пообещал нанять на работу, как только ее станет больше. Не зная, что Уильям — отец его конкурента, Кеймер не задумываясь рассказал о своих планах прибрать к рукам большую часть дела Эндрю Брэдфорда. Франклин стоял молча, восхищаясь хитростью старшего Брэдфорда. Позже Франклин вспоминал, как после ухода Брэдфорда Кеймер «ужасно удивился, когда я сказал ему, кем был этот старик».

Даже после этого неблагоприятного представления Франклин смог получить работу у Кеймера. В то же время он поселился в доме у младшего Брэдфорда. Когда Кеймер в конце концов настоял, чтобы он нашел жилье на нейтральной территории, Бенджамин по счастливой случайности смог снять комнату у Джона Рида, отца девушки, которую так позабавил его внешний вид в день, когда он выбрался на берег. «Благодаря тому, что моя казна и одежда к этому времени были приведены в порядок, я показался мисс Рид намного значительней, чем в тот день, когда она случайно увидела меня, поедающего булку посреди улицы», — отметил он[50].

Кеймера Франклин считал чудаком, но ему нравилось проводить с ним время. Их объединяла любовь к философской полемике. Франклин довел сократический метод до такого совершенства, что мог выигрывать споры, не противореча оппоненту. Он задавал Кеймеру вопросы, с виду невинные и не касающиеся темы напрямую, но при этом выявлял его логические ошибки. Кеймер, склонный поддерживать эклектичные религиозные убеждения, был так впечатлен, что предложил вместе учредить новое вероисповедание. Кеймер отвечал бы за изобретение догматов, таких как запрет на укорачивание бороды, а Франклин — за их обоснование. Франклин согласился с одним условием: что вегетарианство станет частью вероучения. Эксперимент закончился спустя три месяца, когда Кеймер, бывший настоящим обжорой, поддался искушению и однажды вечером в одиночку съел целого жареного поросенка.

Личное обаяние Франклина привлекало к нему не только покровителей, но и друзей. Славящийся острым умом, обезоруживающим остроумием и обаятельной улыбкой, он стал известным лицом в узком кругу городских предпринимателей. В этот круг входили три молодых клерка — Чарльз Осборн, Джозеф Уотсон и Джеймс Ральф. Ральф, самый литературно образованный в группе, был поэтом, уверенным как в своем таланте, так и в необходимости стать, потакая своим желаниям, великим художником. Критически настроенный Осборн завидовал Ральфу и неизменно умалял его достижения. Во время долгих прогулок у реки четверо друзей читали друг другу свои работы. Однажды Ральф принес на встречу стихотворение, заранее понимая, что Осборн наверняка его раскритикует. Поэтому он попросил Франклина прочитать текст, объявив себя его автором. Осборн, попавшись на крючок, забросал его похвалами. Франклин получил урок о человеческой природе, сослуживший ему хорошую службу (за несколькими исключениями) впоследствии: люди более склонны восхищаться

вами, если не завидуют вам[51].

Ненадежный покровитель

Самым судьбоносным покровителем, отнесшимся к Франклину по-дружески, был губернатор Пенсильвании сэр Уильям Кейт. Он действовал из самых лучших побуждений, но оказался безответственным и несдержанным человеком, сующим нос в чужие дела. Они встретились благодаря страстному письму, написанному Франклином своему зятю. Там он объяснял, почему так счастлив оказаться в Филадельфии и почему у него нет ни малейшего желания возвращаться в Бостон или давать знать родителям о своем местонахождении. Родственник показал это письмо губернатору Кейту, удивленному тем, что столь красноречивый текст написан столь молодым человеком. Губернатор понимал, что оба печатника в его провинции никуда не годятся, и решил найти Франклина и поощрить его начинания.

Когда Кейт, одетый в свой пышный наряд, шествовал по улице, направляясь к типографии Кеймера, растрепанный владелец выбежал навстречу, чтобы поприветствовать его. К его большому удивлению, Кейт пожелал встретиться с Франклином, тут же осыпал юношу похвалами и пригласил пообедать вместе в таверне. Кеймер, как позже заметил Франклин, «пялился на меня, вытаращив глаза»[52].

За бокалом хорошей мадеры губернатор предложил помочь Фраклину открыть свое дело. Кейт обещал использовать свое влияние для того, чтобы учредить официальный бизнес в провинции. Обещал он также написать письмо отцу юноши, призывая его оказать финансовую поддержку сыну. Далее Кейт пригласил Франклина на ужин, где продолжал нахваливать и поощрять его. Таким образом, с восторженным письмом от Кейта в руках и мечтами о семейном примирении, за которым должны были последовать слава и богатство, Франклин снова был готов предстать перед своей семьей. Он ступил на борт судна, державшего путь в Бостон, в апреле 1724-го.

С тех пор как он убежал, прошло уже семь месяцев, а его родители даже не знали, жив ли он, поэтому были взволнованы его возвращением и тепло встретили сына. Франклин, однако, еще не усвоил урок о том, какие ловушки расставляет гордыня и возбужденная зависть. Неторопливой походкой он прогулялся до типографии своего брата Джеймса, с гордостью выставляя напоказ «элегантный новый костюм», модные часы и пятифунтовые серебряные монеты, выпирающие из карманов. Джеймс осмотрел его с головы до ног, развернулся на каблуках и без единого слова вернулся к работе.

Франклин не смог удержаться, чтобы не щегольнуть своим новым положением. Пока Джеймс кипятился, он потчевал молодых подмастерьев рассказами о счастливой жизни в Филадельфии. Разложил серебряные монеты на столе, чтобы все восхищались, и дал денег на выпивку. Позже Джеймс сказал матери, что никогда не сможет ни забыть, ни простить этого оскорбления. «В этом, однако, он ошибался», — вспоминал Франклин.

Давний враг их семьи Коттон Мэзер оказался восприимчивее и занял более назидательную позицию. Он пригласил молодого Франклина к себе, побеседовал с ним в своей роскошной библиотеке и довел до его сведения, что прощает ему колкости, которые появились с его легкой руки в Courant. Выходя на улицу, они проходили по длинному коридору, и вдруг Мэзер воскликнул: «Пригнитесь! Пригнитесь!» Не поняв предупреждения, Франклин ударился головой о перекладину, низко нависшую над проходом. По своему обыкновению, Мэзер разразился назидательной речью: «Пускай это станет предостережением, чтобы вы помнили: не нужно всегда держать голову так высоко. Следуя своей дорогой в этом мире, — пригнитесь, молодой человек, пригнитесь, и вы избежите множества тяжелых ударов». Как будет позже вспоминать Франклин в диалоге с сыном Мэзера, «этот совет отпечатался в моей памяти и нередко приносил мне пользу. Я часто думаю о нем, когда вижу, как бывает унижено достоинство людей, слишком высоко держащих голову, и сколько неприятностей их ожидает». Хотя урок Мэзера и внес полезное разнообразие в ход эффектного посещения типографии брата, Франклин забыл включить его в автобиографию[53].

Письмо губернатора Кейта и его предложение удивили Джозайю Франклина. После раздумий, которые продлились несколько дней, он решил, что было бы неблагоразумно спонсировать мятежного беглеца, которому едва исполнилось восемнадцать лет. Он, конечно, гордился сыном, понимая, кто именно покровительствует ему. Он гордился также умением Бенджамина очаровывать людей и быть предприимчивым. Но при этом Джозайя знал, что Бенджамин — всего-навсего дерзкий юноша.

Не видя шансов на примирение между двумя братьями, Джозайя благословил Франклина на возвращение в Филадельфию, увещевая его «проявлять уважение к людям… и избегать сочинения пасквилей и клеветы, к чему, как он считал, я был слишком склонен». Если он сможет «проявить предприимчивость и благоразумную бережливость» и накопить

денег на открытие собственной типографии к возрасту двадцати одного года, Джозайя обещал финансово помочь с остальными затратами.

Старинный друг Франклина Джон Коллинс, очарованный его рассказами, решил также оставить Бостон. Но когда он оказался в Филадельфии, между двумя подростками произошла ссора. Коллинс, теоретически более способный, чем Франклин, но менее дисциплинированный, очень скоро пристрастился к спиртному. Он занимал у Франклина деньги, и тот начинал злиться. Однажды, когда они с друзьями катались на лодке в Делавэре, Коллинс отказался грести, когда наступила его очередь. Никто из гулявших не хотел заострять на этом внимание, кроме Франклина, который сцепился с другом, ухватил его за промежность и выбросил за борт. Каждый раз, когда Коллинс подплывал к лодке, Франклин и его товарищи отплывали на несколько футов дальше, настаивая, чтобы тот пообещал занять место на веслах. Из-за гордыни и желания противоречить Коллинс так и не согласился, и в конце концов его приняли на борт. После этого случая они с Франклином редко общались. Для Коллинса все закончилось отъездом на Барбадос. При этом он так и не вернул сумму, которую задолжал.

В течение нескольких месяцев Франклину преподнесли уроки четыре человека — Джеймс Ральф, Джеймс Франклин, Коттон Мэзер и Джон Коллинс. Это были уроки о соперничестве и обидах, гордыне и скромности. На протяжении жизни у него изредка появлялись враги (например семья Пеннов), а также ревностные соперники (например Джон Адамс). Но это случалось с ним реже, чем с большинством людей, особенно с теми, кто добился не меньшего, чем он. Разгадка его умения заслуживать больше уважения, нежели недовольства (как минимум когда он был ответственен за порядок) лежала в умении высмеивать самого себя, простой манере держаться и способности миролюбиво вести разговор[54].

Отказ Джозайи Франклина спонсировать типографское предприятие сына не охладил энтузиазма губернатора Кейта. «Раз он не хочет помочь вам устроиться, я сделаю это сам, — торжественно пообещал он. — Я решительно настроен обзавестись хорошим печатником». Он попросил Франклина предоставить ему список необходимого оборудования (тот подсчитал, что общая стоимость составит около ста фунтов), а затем предложил Франклину отправиться на корабле в Лондон, чтобы лично выбрать шрифты и установить деловые контакты. Кейт обещал предоставить аккредитивы для оплаты как оборудования, так и путешествия[55].

Даже безрассудно смелый Франклин был взволнован. На протяжении нескольких месяцев до отъезда он неоднократно ужинал у губернатора. Каждый раз, когда он обращался к нему по поводу аккредитивов, выяснялось, что они еще не подготовлены. Но Франклин не видел причин для волнения.

В это время Франклин ухаживал за Деборой Рид, дочерью своей домовладелицы. Он был сильно увлечен, но при этом к вопросу о женитьбе подходил практически. Дебора была, в общем, обыкновенной девушкой. Но она могла обеспечить ему комфорт и домашний уют. Помимо физической силы, красоты и обаяния Франклин мог предложить многое взамен. Из забрызганного грязью беглеца, которого Дебора впервые увидела слоняющимся по Маркет-стрит, он превратился в многообещающего предпринимателя, в человека, завоевавшего благосклонность губернатора и популярность среди ровесников. Отец Деборы умер незадолго до этого, и мать столкнулась с финансовыми трудностями. Она всерьез думала о перспективе удачного брака для дочери, тем не менее настороженно отнеслась к идее выйти замуж за ухажера, который собирался в Лондон. Она настояла на том, что со свадьбой можно подождать до его возвращения.

Лондон

Прошло чуть больше года с момента прибытия в Филадельфию (ноябрь 1724), и Франклин отправился в плавание. Путь лежал в Лондон. С ним путешествовал честолюбивый молодой поэт Джеймс Ральф, который оставил дома жену и ребенка, — юноша, сменивший Коллинса, не оправдавшего доверия, и занявший место лучшего друга. Франклин все еще не получил аккредитивов от губернатора Кейта, но зато получил заверение, что бумаги пришлют на борт в мешке для депеш.

Сразу же по прибытии в Лондон, в канун Рождества, Франклин узнал правду. Губернатор не предоставил ему ни каких-либо аккредитивов, ни рекомендательных писем. Озадаченный Франклин посоветовался с пассажиром по имени Томас Денхам, выдающимся торговцем-квакером, с которым подружился во время путешествия. Денхам разъяснил Франклину, что Кейт — неисправимый чудак, и «посмеялся над предположением о том, что губернатор мог бы дать мне аккредитивы. По его словам, он сам не располагал никаким кредитом». Для Франклина это стало «озарением» скорее относительно человеческих слабостей, а не зла. «Он хотел всем угодить, — позже скажет Франклин о Кейте, — а поскольку давать ему было почти нечего, он дарил ожидания»[56].

Воспользовавшись советом Денхама, Франклин решил извлечь максимальную пользу из ситуации. Лондон переживал золотой век мира и процветания, что особенно привлекало молодого амбициозного печатника. Среди светил на литературном небосклоне английской столицы в то время сияли имена Свифта, Дефо, Поупа, Ричардсона, Филдинга и Честерфилда.

Вдвоем с мечтательным прожигателем жизни Ральфом Франклин нашел дешевые комнаты и работу в известной типографии Сэмюэла Палмерса. Ральф пытался устроиться актером, а затем журналистом или клерком. Он проиграл на всех фронтах, а деньги в это время брал взаймы у Франклина.

Это было странное и вместе с тем часто встречающееся содружество — между амбициозным и практичным парнем и беспечным романтиком. Франклин прилежно зарабатывал деньги, Ральф заботился о том, чтобы все они тратились на театр и другие развлечения, включая периодически случающиеся «интрижки с женщинами легкого поведения». Ральф очень быстро позабыл о жене и ребенке в Филадельфии, а Франклин, последовав его примеру, пренебрег своей помолвкой с Деборой и

написал ей только единожды.

Эта дружба развалилась, что вполне закономерно, из-за женщины. Ральф влюбился в милую, но бедную молоденькую модистку, после чего у него наконец возник стимул найти работу. Он устроился учителем в сельскую школу в Беркшире. Ральф часто писал Франклину, отсылая отдельные части плохой эпической поэмы вместе с просьбами, чтобы друг приглядывал за его девушкой. Тот справлялся даже слишком хорошо. Он давал ей деньги, скрашивал ее одиночество, а затем («не будучи в это время скованным никакими религиозными узами») попытался соблазнить. Ральф вернулся в ярости, разорвал дружеские отношения и объявил, что этот проступок освобождает его от уплаты долгов, которые на самом деле составляли почти двадцать семь фунтов[57].

Позже Франклин пришел к выводу, что потеря денег компенсировалась избавлением от ноши, которую он влачил. Вырисовывается определенная закономерность. Франклин с легкостью общался с гениальными людьми и заводил приятелей, интеллектуальных партнеров, полезных покровителей, кокетливых почитателей. Но опыт Коллинса и Ральфа показал, насколько хуже давалось ему умение поддерживать длительную связь, подразумевавшую личное участие и эмоциональные вложения (даже в собственной семье).

Кальвинизм и деизм

Работая у Палмерса, Франклин помог напечатать тираж «Религия природы» Уильяма Волластона. Это трактат эпохи Просвещения, в котором отстаивалось мнение, что религию нужно рассматривать через призму науки и окружающей среды, а не через призму Божественного откровения. Из-за своей юности и недостатка образования Франклин с пылу с жару решил, будто Волластон в общем прав, хотя ошибался в некоторых частностях. Поэтому он изложил свои собственные размышления на тему в сочинении, написанном в начале 1725 года, назвав его «Трактат о свободе и необходимости, удовольствии и страдании».

Здесь Франклин связал теологические предпосылки с логическими аргументами и в результате сам порядочно запутался во всем этом. Вот пример: Бог «всемудр, всеблаг, всемогущ», — постулировал он. Таким образом, все, что существует и происходит, существует и происходит с Его согласия. «То, на что Он дает согласие, должно быть добром, потому что Он — это добро; таким образом, зла не существует».

Более того, счастье существует только как противоположность несчастью, и без второго человек не может существовать. По этой причине они противостоят друг другу: «Поскольку боль естественным и неизбежным образом влечет за собой удовольствие, равное по силе, каждое живое существо должно на любой стадии жизни в равной мере испытывать эти ощущения». Попутно Франклин развенчал (как минимум для собственного удовольствия) концепцию бессмертия души, свободы воли и основополагающее убеждение кальвинистов о том, что людям предначертано быть или спасенными, или проклятыми. «Человек не может делать то, что не является добром», — заявил он, и все «должны одинаково оцениваться Создателем»[58].

«Трактат» Франклина не относится к философским шедеврам. И вправду, этот текст оказался, как он признавал позже, столь мелким и неубедительным, что стыдно было признавать свое авторство. Он напечатал сотни копий, а затем, назвав это промахом, сжег все, которые смог достать.

Скажем в его защиту, что и более зрелые философы на протяжении веков терялись в попытках разобраться в вопросе о свободе воли, согласовав ее с волей всезнающего Бога. И многие из нас, возможно, помнят — или содрогнутся, вспоминая, — заметки, сделанные на первом курсе в общежитии в возрасте девятнадцати лет. Тем не менее, даже повзрослев, Франклин так

и не стал полноценным философом на уровне своих современников Беркли и Хьюма. Как и доктору Джонсону, ему было комфортнее проверять идеи на практике, в ситуациях реальной жизни, чем строить метафизические абстракции или дедуктивные доказательства.

Первостепенная значимость «Трактата» в том, что Франклин обосновал свой порыв порвать с пуританским вероисповеданием. Будучи молодым человеком, он прочитал Джона Локка, Лорда Шафтсбери, Джозефа Аддисона и других деистов, приветствовавших свободомыслие в религии и философии. Доктрина деизма гласила, что каждый человек может открыть для себя Бога, следуя путем разума и изучая природу, вместо того чтобы слепо веровать в затверженные истины и Божественное откровение. Также он читал много консервативных трактатов, авторы которых стояли на защите догм кальвинизма от ереси деизма, но нашел их менее убедительными. Как он писал в своей автобиографии, «доводы деистов, которые приводились с целью их опровергнуть, казались более убедительными, нежели опровержение»[59].

Меж тем он вскоре пришел к заключению, что незамысловатый и благодушный деизм обладает рядом определенных недостатков. Он сделал Коллинса и Ральфа деистами, и они вскоре оставили его без малейших угрызений совести. Так он сообразил, что его собственное вольнодумство стало причиной легкомысленного отношения к Деборе Рид и другим людям. В классическом изречении, которое представляет собой пример прагматичного подхода к религии, Франклин сделал заявление о деизме: «Я начал подозревать, что это учение, возможно, и правильное, но не очень полезное».

Хоть Божественное откровение «не имело значения» для него, он решил, что исповедание веры влияет благотворно на жизнь, так как поощряет хорошее поведение и высокую общественную мораль. Таким образом, он начал приобщаться к деизму, подкрепленному моральными принципами. В соответствии с ним стремление к Богу определялось добрыми делами и помощью другим людям.

Именно это мировоззрение привело его к отказу от многих доктрин, навязанных пуританами и кальвинистами, которые проповедовали, будто спасение можно получить лишь Божьей милостью и нельзя заслужить хорошими поступками. Они верили, что эта способность была утеряна, когда Адам нарушил соглашение с Богом о добре и заменил его другим соглашением — о милости. Соответственно, те, кому предстояло спастись, принадлежали к группе людей, заранее избранных Богом. Для

начинающих рационалистов и прагматиков, подобных Франклину, соглашение о милости казалось «невнятным» и даже хуже — «невыгодным»[60].

Планирование нравственного поведения

Через год работы у Палмера Франклин нашел более высокооплачиваемую работу в намного большей типографии, которой владел Джон Уоттс. Там печатники на протяжении всего дня пили пинту за пинтой пива, чтобы подкрепить силы. Склонный к умеренности и экономии, Франклин пытался убедить сотрудников, что лучше подкрепиться, съев миску жидкой каши на горячей воде с хлебом. Тогда его прозвали Водяным Американцем. Коллеги восхищались его силой, ясным умом и способностью давать в долг деньги, когда они растрачивали всю недельную зарплату в пивных.

Несмотря на отказ Франклина употреблять алкоголь, работники типографии Уоттса заставили его сделать вступительный взнос на алкогольные напитки в размере пяти шиллингов. Когда его повысили, переведя из отдела печатников в отдел наборщиков, от него потребовали уплаты еще одного такого взноса, но на этот раз он отказался. В результате к нему относились как к чужаку, что провоцировало мелкие пакости. В конце концов, спустя три недели он уступил и уплатил деньги: «Я убедился, как глупо быть в неладах» с собственными коллегами. Он быстро вернул себе популярность, заработав репутацию остряка, чьи шутки вызывают приязнь.

Будучи одним из наименее застенчивых людей, которых можно себе представить, Франклин в Лондоне был так же общителен, как в Бостоне или в Филадельфии. Он часто посещал круглые столы, которые вели второстепенные литературные однодневки, и искал возможности познакомиться с самыми разными интересными личностями. Среди его самых ранних сохранившихся писем есть одно, которое он послал сэру Гансу Слоуну, секретарю Королевского общества. Франклин писал, что привез из Америки кошелек из асбестовой ткани и интересовался, не хочет ли Слоун купить его. Слоун нанес Франклину визит, привез юношу в свой дом на площадь Блумсбери, чтобы похвастаться своей коллекцией, и купил кошелек за внушительную сумму. Франклин также получил у соседа-книготорговца разрешение брать книги домой на несколько дней.

С самого детства, со времени изобретения лопаток и ласт для быстрого передвижения в воде, Франклин обожал плавать. Он изучил одну из первых книг, посвященных этому вопросу, — «Искусство плавания», написанную в 1696 году французом по имени Мельхиседек Тевено, который популяризировал стиль брасс (кроль стал популярен более чем через столетие).

Франклин, как мог, совершенствовал движения над и под водой, «стараясь плыть грациозно и легко, и к тому же с пользой для здоровья».

Среди друзей, которых он обучал плаванию, был его товарищ, молодой печатник по имени Вигейт. Однажды во время прогулки на лодке по Темзе с Вигейтом и другими Франклин решил похвастаться. Он разделся, прыгнул в реку и принялся плавать различными стилями взад-вперед вдоль берега. Кто-то из компании предложил спонсировать школу по плаванию, которой бы руководил Франклин. Вигейт, со своей стороны, «все больше и больше привязывался» к нему и предложил вместе путешествовать по Европе в качестве печатников и учителей. «Мне этого захотелось, — вспоминал Франклин, — но когда я сказал об этом моему хорошему другу мистеру Денхаму, с которым часто проводил час-другой во время отдыха, он отговорил меня, посоветовав думать только о возвращении в Пенсильванию, что он и сам вот-вот собирался сделать»[61].

Денхам, предприниматель из квакеров, которого Франклин встретил по пути в Лондон, планировал открыть универсальный магазин сразу же по возвращении в Филадельфию. Он предложил оплатить Франклину проезд, если тот согласится наняться к нему в магазин за пятьдесят фунтов в год. Это составляло меньше той суммы, которую Бенджамин зарабатывал в Лондоне, но у него появился шанс вернуться в Америку и состояться в качестве торговца: специальность, которая была значительнее профессии печатника. Вместе они отправились в путь в июле 1726 года.

К тому времени Франклин уже обжегся, общаясь с романтиками-прохвостами (Кейт, Коллинс, Ральф), каждый из которых оказался сомнительной личностью. Денхам был натурой цельной. Много лет назад, глубоко увязнув в долгах, он оставил Англию, после чего заработал достаточно денег в Америке и, вернувшись на родину, устроил для своих кредиторов ужин на широкую ногу. Отблагодарив за долготерпение, он попросил их заглянуть под свои тарелки. Там каждый обнаружил ссуженные им деньги плюс процент. Так Франклин понял, что его больше привлекают люди практичные и надежные, а не мечтательные и романтичные.

Чтобы отточить умение быть надежным, Франклин во время своего одиннадцатинедельного путешествия в Филадельфию написал «План будущей жизни». Это был первый опыт изложения личных взглядов и прагматических правил для достижения успеха, и предпринял его человек, озабоченный самосовершенствованием. Он был недоволен «Планом», поскольку так и не смог найти правил идеального поведения: его

жизнь все еще оставалась несколько беспорядочной. «Позвольте мне, таким образом, принять определенные решения и совершить определенные действия, в соответствии с которыми я буду в дальнейшем жить как рациональный человек». Родилось четыре правила:

> 1. Необходимо быть чрезвычайно бережливым на протяжении некоторого времени, до тех пор, пока я не уплачу все свои долги.
> 2. Стараться в любом случае говорить правду; никому не подавать надежд, которые вряд ли сбудутся, но стремиться быть искренним в каждом своем слове и деле — самое приятное качество в рациональном человеке.
> 3. Быть предприимчивым в любом деле, за которое я берусь, и не отвлекаться мысленно от дела для выполнения каких-либо безрассудных проектов, обещающих внезапное богатство; трудолюбие и терпение — лучшие инструменты для обретения благосостояния.
> 4. Я принимаю решение не говорить плохо о человеке, что бы он ни совершил[62].

Правилом 1 он уже владел в совершенстве. Он также с легкостью следовал правилу 3. Что же касается правил 2 и 4, то в дальнейшем он станет прилежно проповедовать их, имея обыкновение устраивать шоу, демонстрируя, как хорошо следует им. Правда, иногда он будет лучше справляться с шоу, а не с исполнением заповедей.

Возвращаясь домой, двадцатилетний Франклин увлекся тем, что стало предметом его научного интереса на протяжении многих лет. Он проводил эксперименты на маленьких крабах, обнаруженных среди морских водорослей; основываясь на расчете лунного затмения, рассчитывал расстояние, на которое они удалились от Лондона, и изучал привычки дельфинов и летучих рыб.

Дневник, который он вел во время путешествия, также свидетельствует о его таланте наблюдателя человеческой природы. Услышав рассказ о бывшем губернаторе острова Уайт, которого все считали святым (однако при этом смотритель его замка считал его мошенником), Франклин пришел к выводу, что святость невозможна, если человек нечестен, как бы хитроумно и тщательно он ни скрывал свою подлинную сущность. «Правдивость и искренность отличаются особым блеском, который невозможно подделать; они как огонь и пламя, которые

нельзя нарисовать».

Играя на деньги в шашки с другими путешественниками, Франклин сформулировал «непогрешимое правило»: «Если два человека, равные в суждениях, играют на внушительную сумму, проиграет тот, кто больше любит деньги; жажда успеха в игре сбивает его с толку». Он решил, что это правило относится и к другим сражениям: человек, который слишком чего-то боится, в итоге займет оборонительную позицию и не сможет воспользоваться преимуществами наступления.

Он также развивал теории о жизненно важной необходимости общения, присущей людям, и эти теории относились, в частности, к нему самому. Один из пассажиров был уличен в жульничестве за карточным столом, остальные участники хотели оштрафовать его. Когда тот отказался платить, они решили наказать его еще суровее: изгнать из общества и держать на расстоянии до тех пор, пока он не уступит. В конце концов злодей уплатил штраф, чтобы прервать свою изоляцию. Франклин заключил:

> Человек — социальное существо, и для него, насколько мне известно, наихудшим наказанием станет исключение из общества. Я прочитал множество хороших книг, посвященных теме одиночества, и знаю, что многие частенько хвастаются, делая мудрый вид, что они никогда не бывают менее одинокими, чем в одиночестве. Я признаю, что одиночество — это приятный отдых для людей с напряженной умственной жизнью; но если всех мудрых людей обязали бы оставаться в одиночестве всегда, я думаю, что они вскоре нашли бы свое существование невыносимым.

Одна из основных идей эпохи Просвещения в том, что при общении среди сограждан возникает определенная родственность, основанная на природном инстинкте доброжелательности. И Франклин был представителем данного мировоззрения. Вступительная фраза абзаца «Человек — социальное существо» станет убеждением всей его долгой жизни. Позже во время путешествия им встретилось другое судно. Франклин отметил:

> Действительно, есть что-то необычное во всеобщей приподнятости духа при встрече другого корабля в море, на котором плывет сообщество существ того же вида и в тех же условиях, что и мы сами, как если бы мы долгое время были отделены и отлучены от остального человечества, как это и было. Я увидел так много

выражений лиц и едва удержался от того особого смеха, который случается от некоего внутреннего градуса удовольствия.

Однако самое большое счастье он испытал, когда наконец разглядел берега Америки. «Мои глаза, — писал он, — затуманились, переполненные слезами радости». Глубже осознавая значимость общества, обдумывая свои научные интересы и правила практической жизни, Франклин был готов обустраиваться и добиваться успеха в городе, который более, чем Бостон или Лондон, он теперь чувствовал своим настоящим домом[63].

Глава 4. Печатник
(Филадельфия, 1726–1732)

Собственная типография

Франклин стал самым настоящим лавочником: умным, обаятельным, проницательным в вопросах человеческой природы и при этом страстно стремившимся преуспеть. Он превратился, как сам говорил, в «эксперта по продажам», когда вскоре после возвращения в Филадельфию в конце 1726 года они с Денхамом открыли магазин на Уотер-стрит. Наставник Денхам заменил целеустремленному двадцатилетнему юноше родителей. «Мы жили и столовались вместе; он вел себя со мной как отец, искренне переживая за меня. Я уважал и любил его»[64].

Но мечты Франклина о том, чтобы стать преуспевающим торговцем, не сбылись: через несколько месяцев Денхам заболел и вскоре умер. В устном завещании он простил Франклину десять фунтов, которые тот по-прежнему был должен за свое путешествие через океан, но не оставил ему бизнес, который они построили. Не имея ни денег, ни особых перспектив, Франклин поступился самолюбием и принял предложение от эксцентричного Кеймера вернуться в его типографию, на этот раз в качестве управляющего[65].

Поскольку в Америке не было производства литейных форм, Франклин изобрел свою собственную, используя литеры Кеймера для того, чтобы отлить матрицы из свинца. Таким образом, он стал первым в Америке, кто изготовил отливную форму. Один из наиболее популярных современных типографских шрифтов, известных под названием Franklin Gothic, который часто используют для газетных заголовков, был назван в честь него в 1902 году.

Когда Кеймер начал злоупотреблять своей властью, Франклин, ненавидевший деспотизм, вспыхнул, как порох. Однажды под окнами типографии раздался шум, и Франклин высунул голову из окна, чтобы посмотреть, в чем дело. Кеймер, находившийся на улице, крикнул, чтобы тот занимался своим делом. Публичный упрек был унизителен, и Франклин немедленно уволился. Но спустя несколько дней Кеймер пришел к нему, умоляя Франклина вернуться, и тот внял мольбе. Они нуждались друг в друге, во всяком случае пока.

Кеймер добился права на издание нового выпуска бумажных денег для правительства Нью-Джерси, и только Франклин обладал навыками, необходимыми для должного исполнения заказа. Чтобы сделать купюры витиеватыми и сложными для подделки, он придумал гравировальные доски. После чего Кеймер и Франклин вместе отправились в Берлингтон. И снова

именно Франклин, целеустремленный и остроумный в беседе, особенно выделявшийся на фоне неряшливого начальника, стал другом высокопоставленных лиц. «Мой образ мышления, более натренированный чтением, нежели у Кеймера, как я полагаю, делал общение со мной более ценным. Они приглашали меня к себе, представляли меня своим друзьям и оказывали мне почтение»[66].

Отношениям с Кеймером не суждено было длиться долго. Франклин, отличавшийся постоянным упорством и горячностью, осознал, что его используют. Кеймер платил ему за то, чтобы он обучил четыре «дешевые руки» — рабочих в типографии, и намеревался уволить его, как только они овладеют необходимыми знаниями. Франклин, в свою очередь, решил использовать Кеймера. Он и один из обладателей вышеупомянутых «рук» Хью Мередит разработали секретный план по открытию типографии-конкурента, который должен был спонсировать отец Мередита сразу после того, как закончится период подневольного труда. Хоть этот план и не был лживым, он не очень-то согласовывался с возвышенной клятвой Франклина «стараться быть искренним в каждом слове и действии».

Тридцатилетний Мередит любил читать, но также любил и выпить. Его отец, уэльский фермер, почувствовал расположение к Франклину особенно благодаря тому, что тот убедил его сына воздержаться (хотя бы временно) от алкоголя. Он согласился выделить необходимые средства (двести фунтов) двоим молодым людям, чтобы они смогли учредить компанию. Франклин должен был сделать вложением свой собственный талант. Они заказали в Лондоне оборудование{23}, которое получили в начале 1728 года, вскоре после завершения работы в Нью-Джерси. В это же время истек договор об ученичестве Мередита.

Новоиспеченные партнеры распрощались с незадачливым Кеймером, арендовали дом на Маркет-стрит, открыли типографию и вскоре обслужили своего первого клиента, фермера, направленного к ним другом. «Пять шиллингов этого крестьянина были первыми плодами нашего труда и, подоспев так вовремя, принесли мне больше радости, чем все кроны, которые я заработал с тех пор».

Их бизнес вскоре стал очень успешен благодаря усердию Франклина. Когда их наняла группа квакеров, чтобы напечатать сто семьдесят восемь страниц их истории (оставшуюся часть печатал Кеймер), каждый вечер Франклин не уходил из типографии, пока не завершал четырехполосный лист. Часто задерживался в мастерской после одиннадцати. Однажды, как раз когда заканчивал лист, набранный за день, форма упала и

сломалась; Франклин остался на рабочем месте на ночь, чтобы переделать ее. «Такое трудолюбие тут же заметили наши соседи, и, следовательно, люди вскоре прониклись к нам уважением и доверием», — отметил Франклин. Один из ведущих торговцев города сказал членам своего клуба: «Трудолюбие этого Франклина просто неслыханно; когда я возвращаюсь домой из клуба, то вижу его все еще за работой; и прежде чем проснулись его соседи, он снова на рабочем месте».

Франклин стал апостолом трудолюбия — и, что не менее важно, не только казался, но и был им. Даже добившись успеха, он устраивал целое шоу, самостоятельно перетаскивая груды бумаги, приобретенной на той же улице, к себе в типографию. Он специально никого не нанимал[67].

Мередит, напротив, был далеко не трудолюбив, к тому же он снова пристрастился к алкоголю. Вдобавок в оплату оборудования его отец внес только половину обещанной суммы, что повлекло за собой письма от поставщиков с угрозами. Франклин нашел двух товарищей, готовых его профинансировать, но только при условии, что он прекратит работу с Мередитом. К счастью, Мередит осознал, что для него лучше вернуться к фермерству. Все закончилось хорошо: Мередит позволил Франклину выкупить свою долю, отправился в Каролину, а позднее присылал оттуда письма с описанием сельской местности, которые Франклин опубликовал.

Итак, Франклин наконец-то открыл собственную типографию. А главное, теперь у него была профессия. Печатное дело и родственные занятия — издатель, писатель, редактор газеты, почтмейстер — начали казаться не просто работой, но призванием, приносившим как положение в обществе, так и радость. За свою долгую жизнь он испробует множество других профессий: ученого, политика, государственного деятеля, дипломата. Но впредь он всегда характеризовал себя так, как шестьдесят лет спустя написал в начале своего завещания: «Я, Бенджамин Франклин из Филадельфии, печатник…»[68].

Хунта

Франклин был превосходным сетевым работником. Ему нравилось соединять гражданскую и общественную жизнь с предпринимательством. Этот подход он продемонстрировал, основав осенью 1727 года, вскоре после возвращения в Филадельфию, клуб молодых деловых людей. Все знали его как Клуб кожаных фартуков (Leather Apron Club) или как Хунту.

Членами небольшого клуба Франклина стали, скорее, предприимчивые торговцы и ремесленники, а не представители социальной элиты (для джентльменов этой прослойки имелись более изысканные клубы). Поначалу члены клуба собирались в местной таверне вечерами по пятницам, но вскоре они смогли арендовать помещение для этих целей. Там они обсуждали актуальные вопросы, дискутировали на философские темы, придумывали планы самосовершенствования и формировали сеть для продвижения по карьерной лестнице.

Предприятие было типичным для Франклина, которому, казалось, всегда нравилось организовывать содружества и ассоциации для взаимной пользы. Помимо этого, оно было типично американским. По мере развития среднего класса торговцев те, кто входил в эту категорию людей, пытались найти баланс между индивидуализмом и склонностью к организации сообществ, лож, ассоциаций и прочего. Франклин воплотил в жизнь этот ротарианский{24} порыв и даже спустя более чем два столетия остался его символом.

С самого начала Хунта Франклина насчитывала двенадцать молодых людей, среди которых были его молодой партнер Хью Мередит; Джордж Вебб, умный, но неосмотрительный студент, беглец из Оксфорда, который также состоял в ученичестве у Кеймера; Томас Годфри, стекольных дел мастер и математик-любитель; Джозеф Брейнтналл, писец и любитель поэзии; Роберт Грейс, щедрый любитель каламбуров, унаследовавший немалую сумму денег, и Уильям Коулмен, торговый служащий с ясным умом и добрым сердцем. Его моральные принципы были чрезвычайно строги. Позже он стал известным купцом.

Помимо прелести приятного общения, члены Хунты часто бывали полезны друг другу как в личном, так и в профессиональном плане. Годфри столовался в типографии у Франклина, а готовила для них его жена. Брейнтналл был тем, кто обеспечил заказ на печать от квакеров. А Грейс и Коулмен спонсировали Франклина, когда он разорвал отношения с Мередитом.

На встречах Хунты Франклин задавал серьезный тон. Член клуба должен был встать, положить руку на грудь и верно ответить на четыре вопроса: «Есть ли в настоящее время человек в клубе, к которому вы не питаете уважения? Любите ли вы всех людей, вне зависимости от религиозной принадлежности и профессии? Считаете ли вы, что людей нужно наказывать за их взгляды или вероисповедание? Любите ли вы правду и стремление к ней ради правды как таковой?»

Франклин беспокоился, что любовь к дискуссиям и желание произвести впечатление делают его склонным к «пустым разговорам, баловству и шуточкам, которые показывали меня как человека, подходящего для праздных компаний». Он понимал, что знание «можно получить посредством ушей, а не языка». Поэтому в Хунте он учился молчать или быть немногословным в диалоге.

Прием, который он развил в Бостоне во время шуточных дискуссий с Джоном Коллинсом, а затем и с Кеймером, состоял в том, чтобы выводить свою точку зрения посредством ненавязчивых сократических вопросов. Этот метод стал предпочтителен для собраний Хунты. Обсуждения должны были проводиться «без любви к диспутам или стремления к победе». Франклин учил друзей доказывать свою правоту с помощью предположений и вопросов и испытывать (или хотя бы изображать, будто испытываешь) наивное любопытство, чтобы избежать противоречий, которые могли обидеть людей. «Любое выражение безапелляционности в мнении или прямое противоречие, — вспоминал он, — были запрещены под страхом небольших денежных штрафов». Этого стиля обсуждения он будет придерживаться на Конституционном конвенте шестьдесят лет спустя.

В остроумной газетной статье под названием «О разговоре», которую Франклин написал вскоре после возникновения Хунты, он подчеркивал, как важно считаться с мнением других или, по меньшей мере, создавать видимость этого. В противном случае даже самые умные комментарии будут «вызывать зависть и отвращение». Его советы о том, как завоевывать друзей и внимание влиятельных людей, читаются, будто ранний курс Дэйла Карнеги: «Чтобы завоевать сердца людей, не соперничайте с ними, а восхищайтесь. Дайте им возможность показать свою квалификацию, и когда вы удовлетворите их тщеславие, они в свою очередь похвалят вас, и ваше общество будет им приятней других… Так уж устроен тщеславный род человеческий, что если прислушиваться к словам других, вы наверняка скорее расположите их к себе, чем если станете красноречиво говорить о себе»[69].

Франклин пошел дальше и записал самые распространенные в разговоре оплошности, «которые вызывают неприязнь». Самой серьезной из них была «чрезмерная разговорчивость… которая неизменно возбуждает сопротивление». Единственное, что забавляло его в людях этого сорта, так это когда встречались двое таких: «Досада, которую оба они ощущают, читается в их взглядах и жестах; вы увидите, как они зевают, пялятся друг на друга, перебивают на каждом шагу, ожидая с крайним нетерпением, когда собеседник закашляется или приостановится и они смогут вставить словечко».

Остальные оплошности в списке излагались в следующей последовательности: незаинтересованный вид, слишком частые отсылки к собственной жизни, выведывание личных тайн («непростительная грубость»), изложение длинных и бессмысленных историй («пожилые люди чаще всего совершают эту ошибку, которая служит основной причиной, по которой их компании так часто избегают»), открытое противоречие, дискуссия или брань по поводу различных вопросов, допустимые только в небольших разумных дозах («это как соль, небольшое ее количество в некоторых случаях украшает блюдо, но, бросив пригоршню, все испортишь»), распространение скандалов (хотя позже он напишет легкомысленную защитную речь о сплетнях).

Чем старше становился Франклин, тем больше он учился (за несколькими ощутимыми промахами) следовать собственным советам. Он мудро использовал навык молчать, применял косвенный способ убеждения и во время споров притворялся скромным и наивным. «Когда собеседник высказывал утверждение, которое я считал ошибочным, я лишал себя удовольствия возражать ему». Вместо этого он отчасти соглашался и высказывал свое мнение, только окольными путями. «За прошедшие пятьдесят лет никто никогда не услышал от меня ни одного категоричного заявления», — вспоминал он в автобиографии. Бархатный и мягкий пассивный продуманный спор одним покажется мудрым, другим — вкрадчивым и манипулятивным, но почти никому — провокационным. Этот метод также станет, с отсылкой к Франклину, основным в современных руководствах по менеджменту и книгах по саморазвитию.

Будучи самым младшим членом Хунты, Франклин благодаря своей интеллектуальной харизме и обаянию в разговоре стал не только основателем клуба, но и его движущей силой. Темы для обсуждений варьировались от социальных до научных и метафизических. Большинство из них были серьезными, некоторые — необычными, но все вызывали интерес.

Способствует ли большему процветанию Америки въезд работников, связанных контрактом? Что делает написанную статью хорошей? Что считается счастьем? Что такое мудрость? Есть ли разница между знанием и благоразумием? Если верховная власть лишит гражданина его прав, позволительно ли ему оказывать сопротивление?..

Вдобавок Франклин составил пособие, где перечислял возможности, которыми обладал каждый член клуба, желавший предложить новую тему. Всего их оказалось двадцать четыре. Действенный практицизм, присущий подходу Франклина, демонстрируют такие отрывки:

1. Нашли ли вы в произведении автора, которого читали последним, что-нибудь выдающееся или подходящее для обсуждения в Хунте?…

2. Какую историю, годную для обсуждения, вы недавно слышали?

3. Приходит ли вам на ум горожанин, который недавно потерпел фиаско в своем деле, и что вы слышали о причинах этого?

4. Слышали ли вы недавно о ком-нибудь преуспевающем и что это значит?

5. Слышали ли вы недавно, каким образом любой ныне богатый человек в нашей стране или еще где-либо добился своего состояния?

6. Знаком ли вам горожанин, недавно совершивший нечто достойное и заслуживающий похвалы и подражания? Или же тот, кто совершил ошибку, которую нам стоит обсудить, чтобы самим избежать подобного?

7. Какие негативные последствия невоздержанности вы недавно наблюдали, о каких слышали? Последствия опрометчивости? Страсти? Любого другого порока или недальновидности?

12. Известно ли вам о появлении некоего достойного иностранца в городе с момента нашего последнего собрания? Что вы слышали о его характере или заслугах? Считаете ли вы, что во власти Хунты помочь ему или поощрить его заслуги?

14. Выявили ли вы в последнее время в законах своей страны какие-либо недостатки, о которых было бы правильно сообщить законодательным органам, чтобы оказались внесены поправки?

15. Наблюдали ли вы в последнее время посягательства на законные права людей?

16. Покушался ли кто-либо на вашу репутацию в последнее время и что может сделать Хунта для того, чтобы ее защитить?

17. Есть ли человек, чью дружбу вы хотите заслужить, и может ли Хунта этому поспособствовать?

20. Каким образом может Хунта или любой из ее членов помочь вам в любых благородных замыслах?[70]

Франклин использовал Хунту как стартовую площадку для воплощения множества своих идей работы на общественных началах. На раннем этапе группа обсуждала, должна ли Пенсильвания увеличить запасы бумажных денег. Предложение, которое Франклин с пылом отстаивал, так как полагал, что это принесет пользу экономике и, конечно же, его собственному печатному делу (Франклин и, само собой разумеется, Хунта были особенно склонны ко всему, что могло помочь общественности, а значит, им самим). Когда Хунта переехала в собственные арендованные комнаты, была учреждена библиотека. Члены клуба создали общий книжный фонд, позже ставший основой для организации в Америке первой платной общественной библиотеки. Вне Хунты Франклин также внес предложение по учреждению налога на оплату труда констеблей, патрулирующих окрестности, предложение по созданию волонтерских пожарных бригад, а также по учреждению академии, которая позже стала Пенсильванским университетом.

Многие правила Хунты были похожи (хоть и без осуждения инакомыслящих) на правила, придуманные Коттоном Мэзером для благочестивых объединений в окрестностях Бостона. Мэзер, к примеру, предлагал подумать вот над чем: «Существует ли такой человек, чье беспорядочное поведение может быть настолько скандальным и неисправимым, чтобы мы знали, что делаем правильно, посылая вышеупомянутому человеку свое милостивое предостережение?» Образцами также послужили эссе Даниэля Дефо «Дружелюбные общества» и произведение Джона Локка «Правила общества, с еженедельными встречами для углубления полезных знаний» (и то и другое Франклин прочитал прежде)[71].

Хунта так или иначе наложила печать на личность среднестатистического американца. Но главным образом, учитывая серьезность направления и акцент на самосовершенствовании, эта организация оказалась плодом личностного развития Франклина. Все годы, которые он ею руководил — в целом более тридцати лет, — в Хунте отчетливо прослеживался его почерк. Хотя клуб и действовал приватно, в него захотело вступить такое большое количество людей, что

Франклин уполномочил каждого члена формировать собственные дочерние клубы. Четыре из пяти филиалов преуспели, и Хунта послужила средством продолжения и распространения гражданского естества Франклина. Как и сам Франклин, его организация была практичной, предприимчивой, любознательной, компанейской и руководствовалась философией среднего класса. Она прославляла гражданские добродетели, взаимную выгоду, совершенствование себя и общества. Также предполагалось, что трудолюбивые граждане могут преуспеть, совершая добрые поступки. В течение достаточно короткого времени Франклин начал уже составлять официальные документы.

Экономный и предприимчивый, вооруженный сетью членов Хунты, которые могли проложить дорогу в бизнесе, Франклин неплохо справлялся и с работой, особенно если учитывать, что в городе имелось три печатника, а потребность, по сути, была только в двух. Но в дни лондонского ученичества он понял, что подлинный успех придет при наличии не только типографии, но информационных ресурсов и сети распространения товара. Его конкурент Эндрю Брэдфорд публиковал единственную в городе газету, жалкую, но приносившую прибыль. Это поддерживало деятельность Брэдфорда-печатника и давало ему привилегии среди торговцев и политиков. Он также был почтмейстером, потому имел контроль над очередностью дистрибуции газет плюс мгновенный доступ к новостям издалека.

Франклин решил сразиться с Брэдфордом. Последующие десять лет он преуспевал, выстраивая конгломерат средств распространения информации, который включал производительные возможности (печатание, франшиза на печатное оборудование в других городах), продукт (газета, журнал, альманах), информационные ресурсы (его собственные произведения, работы его альтер-эго Бедного Ричарда, а также членов Хунты) и распространение (в итоге вся колониальная почтовая система).

Все началось с газеты. Франклин решил выпускать газету, конкурирующую с American Weekly Mercury Брэдфорда. Правда, он совершил ошибку, доверив свой план Джорджу Уэббу, одному из членов Хунты, который в то время был подмастерьем в типографии Кеймера. Уэбб, к ужасу Франклина, рассказал обо всем Кеймеру, а тот, в свою очередь, незамедлительно выпустил собственную наспех сделанную газету, которой дал громоздкое название «Универсальный путеводитель в области искусств и наук и Пенсильванская газета» (The Universal Instructor in «All Arts and Sciences, and Pennsylvania Gazette»). Франклин осознавал, что будет сложно сразу же выпустить третью газету, на которую, к тому же, не имелось средств. Поэтому у него созрел план вначале уничтожить газету Кеймера. Он использовал самое мощное оружие, которым располагал: по сути, он был лучшим писателем Филадельфии и, вероятно, в свои двадцать три года — самым веселым писателем во всей Америке (Карл Ван Дорен, биограф Франклина и крупный литературный критик 1930-х годов, решительно утверждал, что Франклин в 1728 году «был лучшим писателем Америки»). Пожалуй, опасным соперником мог

являться Джонатан Эдвардс, который, безусловно, писал более глубокие тексты, хотя и намного менее меткие и забавные.

Однажды в соревновательном порыве Франклин решил создать серию анонимных писем и эссе для American Weekly Mercury Брэдфорда, по типу очерков Сайленс Дугуд, написанных в юности, чтобы отвлечь внимание от газеты Кеймера. Цель — оживить скучное издание Брэдфорда, которое за десять лет ни разу не опубликовало ничего подобного (хотя бы до тех пор, пока Кеймер не будет уничтожен).

Первые два эссе явились атаками на бедного Кеймера, который публиковал выдержки из энциклопедии. Его первые выпуски, довольно невинные, включали фрагмент об абортах. Франклин набросился на него. Используя псевдонимы Марты Кеафул{25} и Силии Шортфэйс{26}, он написал письма в газету Брэдфорда, в которых изобразил шок и негодование, вызванные поступком Кеймера. Мисс Кеафул угрожала: «Если он будет продолжать в том же духе и в такой дерзкой манере выставлять напоказ секреты нашего пола, [женщины] зайдут настолько далеко, что, заприметив его где-нибудь, оттаскают его за бороду». Так Франклин начал первые в истории дебаты на тему абортов в Америке; не потому, что бы они вызывали у него глубокое возмущение, а потому, что он знал: это поможет продать газету.

На следующей неделе Франклин выпустил серию классических эссе, подписанных псевдонимом Сплетник, которые Брэдфорд опубликовал на заглавной странице с именем автора, набранным крупным шрифтом. По меньшей мере четыре из них Франклин написал сам, частично работал и над двумя другими, хотя основной текст принадлежит его товарищу по Хунте Джозефу Брейнтналлу. «Таким образом, внимание публики было сосредоточено на этой газете, а не на проектах Кеймера, которые мы пародировали и поднимали на смех. На них никто не обращал внимания»[72].

Сплетник начал свою деятельность разумно, поначалу выявляя недостатки газеты Брэдфорда («зачастую очень скучна») и заявляя, будто намеревается сделать ее (хотя бы на время) лучше. В этих целях он обещал бранить все и судачить обо всем, как это делал Исаак Бикерстаф, персонаж, созданный английским эссеистом Ричардом Стилом. Таким образом, Франклин стал первым в Америке журналистом, ведущим отдел светской хроники. Он с готовностью признал, что большая часть материала посвящается «личным вопросам», но «во благо общественности» вызвался добровольно «взять в свои руки эти личные вопросы». Некоторые, возможно, будут обижены, предупредил он. И тем не менее Франклин обратил внимание на то, что всегда было и что

остается основной причиной сплетен: «Поскольку большинству людей в радость осуждать других, когда их самих это не касается, тем, кого обидит публичное обличение личных пороков, я обещаю: в очень скором времени они получат удовлетворение, увидев своих хороших друзей и соседей в точно таких же обстоятельствах».

Кеймер ответил на это старомодным увещеванием: мол, серия очерков Сплетника вначале может породить у читателей газеты Брэдфорда «надежды на развлечение за собственные деньги», но вскоре они ощутят «тайную печаль, увидев, как разрушена репутация их соседей». Но Сплетник продолжал публиковать свои веселые колкости, и раздражительный Кеймер стал более резким. Он ответил вялыми скверными стишками: «Вы намекнули на меня в своей газете. И вот в руке моей недрогнувшей рапира замерла. Всю вашу злость с презреньем я отмечу. И только жалость вызовет грядущая судьба». Он присовокупил эти стихи к витиеватой истории под названием «Шумиха после Сплетника», в котором Франклин и Брейнтналл были изображены в виде двуглавого монстра. При этом Франклин описывался как «типичный представитель обезьян… такой же потрепанный, как и его пальто, а его ум такой же заскорузлый, как подошва туфель»[73].

Так Кеймер стал одним из первых явных врагов Франклина. Предательство, война в прессе, «дуэльные» эссе — все это повторится десять лет спустя, когда Франклин и Брэдфорд решат запустить каждый по журналу.

К сожалению для тех, кому нравится щекотать нервы, очерки Сплетника, по сути, не справились с поставленной задачей и не развели слишком много сплетен. Они, скорее, оказались умными притчами, содержавшими несколько приукрашенные факты из реальной жизни (один читатель даже попытался опубликовать разъяснение, на кого из жителей указывает каждый персонаж). Франклин воспользовался хитрым приемом, который сейчас считается шаблонной оговоркой: «Если случится так, что по ходу публикации будут описаны негативные персонажи, в этом нет намека на конкретных людей».

В заключительном очерке Сплетника, написанном преимущественно Франклином, высмеивались кладоискатели, в поисках захороненного пиратского добра использующие ивовые прутики и перекапывающие леса с целью найти сокровище. «Люди, вполне разумные при других обстоятельствах, начинали этим заниматься, привлеченные самонадеянным желанием внезапно разбогатеть, — писал он. — При этом они пренебрегали рациональными и почти бесспорными методами приобретения

денег посредством предприимчивости и бережливости». Критикуя современные ему рецепты быстрого обогащения, Франклин обратился к любимой теме: терпение и трудолюбие — вот самый верный путь к богатству. Он завершил очерки цитатой из речи своего воображаемого друга Агриколы, произнесенной, когда тот якобы давал сыну небольшой участок земли: «Я уверяю тебя, что нашел внушительное количество золота, вскапывая эту землю; ты можешь сделать то же. Но ты должен внимательно следить за процессом. Никогда не копай там, где земля не вспахана».

Во второй части очерка автор защищал бумажную валюту, количество которой в Пенсильвании все увеличивалось. Франклин и тут написал бóльшую часть, за исключением небольшого отрывка, сочиненного Брейнтналлом. Франклин предположил, что борцы против бумажной валюты пытались защитить собственные финансовые интересы. Сам он, конечно, был заинтересован в издании большего количества печатной продукции. Он также, можно сказать, впервые дал ход атакам на «хозяев провинции» — семью Пеннов и назначенного ими губернатора, давая понять, что они пытаются сделать из жителей Пенсильвании серую массу, «своих съемщиков и слуг». Эту концовку удалили в большинстве изданий газеты Брэдфорда, возможно, из-за того, что Брэдфорд был связан с семьей Пеннов и их партией[74].

Другая причина некоторого игнорирования раздела о бумажной валюте заключается в том, что Франклин, обсудив этот вопрос в Хунте, написал намного более содержательный очерк на данную тему и уже на следующей неделе опубликовал его в виде брошюры. Опус под названием «Природа и необходимость бумажных денег» стал первым серьезным анализом общественно-государственной политики. Текст брошюры составлен намного убедительнее, чем метафизические размышления о религии. В вопросах денег он разбирался лучше, чем в теологических абстракциях.

Франклин доказывал: нехватка наличных денег привела к росту процентных ставок, из-за чего зарплаты остались низкими, а зависимость от импорта возросла. Кредиторы и крупные землевладельцы были против увеличения количества валюты по эгоистичным причинам — вот какое обвинение он выдвинул. Но «те, кто любят торговлю и радуются, когда производителей поощряют, будут только за масштабное увеличение количества валюты». Главное, что понимал Франклин, — что металлические деньги, серебро и золото, не измеряли объективное состояние нации: «Богатства страны должны оцениваться количеством труда ее жителей, а не количеством серебра и золота, которым они

обладают».

Очерк стал очень популярным. Исключение составили разве что богачи, и это помогло убедить законодательные власти принять решение об увеличении количества бумажной валюты. Хоть Брэдфорд и получил первый заказ на печать определенной суммы денег, Франклину дали следующую порцию работы. В духе того, что Бедный Ричард назвал бы «преуспевать, совершая добрые поступки», Франклин не питал отвращения к смешению личных и общественных интересов. Его друзья в законодательной власти, «которые считали, что я полезен, посчитали правильным вознаградить меня и дать заказ на печатание денег — очень прибыльная работа, которая мне помогла. Это было еще одним преимуществом, полученным мною благодаря способностям к написанию текстов»[75].

«Пенсильванская газета»

На план Франклина разорить Кеймера работали некомпетентность эксцентричного печатника и его неспособность игнорировать уколы. Вскоре так и вышло. Кеймер влез в долги, был на некоторое время заключен в тюрьму, бежал на Барбадос, продав перед отъездом свою газету Франклину. Избавившись от выдержек из энциклопедий и громоздкого названия, гордый собою Франклин в октябре 1729 года стал издателем «Пенсильванской газеты». В своем первом письме к читателям он заявил: «многие люди долгое время ждали появления хорошей газеты в Пенсильвании». Фактически это был выпад в сторону как Кеймера, так и Брэдфорда[76].

Существует много видов редакторов газет. Есть среди них такие, кто борется за идеологию. У этих людей твердое мнение обо всем, они пристрастны или хотят бросить вызов власти. Брат Бенджамина Джеймс относился к этой категории. Есть же и противоположный тип редакторов: им нравится власть и их близость к ней, им удобно при существующем порядке и они чувствуют, что принадлежат ему. Таким редактором был соперник Франклина в Филадельфии Эндрю Брэдфорд.

Помимо этого, есть категория людей, которые очарованы миром и получают удовольствие, очаровывая и увеселяя других. Чаще всего они бывают скептично настроены как к общепринятым убеждениям, так и к глупости. Они честны в своем желании искать правду и способствовать совершенствованию общества (например, желая продавать газеты). Вот к этой группе и относится Франклин. Он был одарен — и одержим — качеством, характерным для журналистов, особенно тех, кто слишком часто читал Свифта и Аддисона. Он желал активно участвовать в происходящих событиях, при этом оставаясь сторонним наблюдателем. Будучи журналистом, мог выйти за рамки происшествия, даже эмоционально затронувшего его самого, и прокомментировать это происшествие или свою реакцию с шутливой иронией. Он частенько скрывал глубину своего мировоззрения за лукавой понимающей улыбкой.

Как и большинство изданий того времени, «Пенсильванская газета» Франклина была заполнена не только краткими новостными сообщениями и докладами о массовых мероприятиях, но и развлекательными эссе и письмами читателей. Эту газету делало особенно примечательной разнообразие данного вида публикаций, большая часть которых была написана самим Франклином под псевдонимами. Такой

прием написания материала, словно от лица читателя, дал Франклину массу возможностей подтрунивать над конкурентами, купаться в слухах, обходить собственную клятву ни о ком не говорить дурно и проверять на практике собственную систему принципов.

Использовав классический хитрый маневр, Франклин исправил ранее допущенные типографские ошибки. Он сообщал, что некто «умер» (died) в ресторане, хотя сказано было, что он там «отобедал» (dined). Делал он это в письмах от имени вымышленного Дж. Т., рассуждавшего на тему забавных опечаток. К примеру, в одном издании Библии цитировался Давид, якобы говоривший, что он был «замечательно безумен» (wonderfully mad), а не «сложен» (made), что заставило «невежественного проповедника со страстью обратиться к своей пастве. Обращение длилось полчаса и посвящалось духовному безумию». Франклин (под тем же псевдонимом Дж. Т.) расхваливал собственную газету, указывал на схожие опечатки у своего конкурента Брэдфорда, критиковал Брэдфорда за небрежность и (с прелестной иронией) хвалил Франклина за то, что тот не критикует Брэдфорда: «Ваша газета обычно очень корректна, и при этом я никогда не замечал, чтобы вы этим бравировали, публично высмеивая и выставляя напоказ грубые ошибки конкурирующего издания». Франклин даже превратил свою мнимую скромность в афоризм, предвосхищающий нападки на собственные ошибки: «Тот, кто приучит себя тихо проходить мимо недостатков своих соседей, получит намного больше милости от мира, когда сам совершит ошибку»[77].

Газетная война Франклина и Брэдфорда также включала диспуты о свежих новостях и плагиате. «Когда мистер Брэдфорд публикуется после нас, — писал Франклин в предисловии редактора, — и позволяет себе взять сюжет-другой из „Газеты“, что мы всегда приветствуем, хотелось бы, чтобы он не датировал свой выпуск днем ранее нашего, чтобы читатели не вообразили, будто это мы взяли у него статью, ведь этого мы тщательно избегаем».

Соревнование длилось год, после чего Франклин решил выиграть у Брэдфорда работу официального печатника для Пенсильванской ассамблеи. Он уже начал обрабатывать некоторых членов, особенно тех во фракции, кто противостоял семье Пеннов и сторонникам верхушки общества. В том, что Брэдфорд напечатал обращение губернатора к ассамблее в «грубой и бестактной манере», Франклин увидел для себя благоприятную возможность. Он опубликовал то же послание, по его собственным словам, «элегантно и правильно», и послал его

каждому из членов ассамблеи. «Это укрепило контакт с нашими друзьями в палате, — позже вспоминал Франклин, — и они проголосовали за то, чтобы мы стали их печатниками»[78].

Даже когда Франклин стал более политизированным, он смог удержаться в своей газете от ярой предвзятости. Он выразил свои убеждения с точки зрения издателя в знаменитом выпуске «Газеты» под названием «В защиту печатников». Этот текст остается одной из лучших и наиболее убедительных оправдательных речей свободной прессы.

Мнения, которые имеются у людей, писал Франклин, «почти так же различны, как и их лица». Работа печатника заключается в том, чтобы позволить людям выражать их. «Было бы напечатано очень мало, — заметил он, — если бы издатели публиковали только то, что никого не обижает». На кону стояло преимущество свободы слова, и Франклин подвел итоги философии журналистики эпохи Просвещения в предложении, которое теперь часто размещают на стенах в отделах новостей: «Основной постулат печатников: если два человека высказывают различные мнения, услышаны должны быть оба; только если Истина и Заблуждение играют по правилам, первая несомненно победит последнюю».

«Неразумно воображать, будто печатники одобряют все, что печатают, — продолжал он. — Аналогичным образом неразумно и утверждение, будто печатники не должны печатать то, что не одобряют; поскольку… тогда пришел бы конец свободе письма, и миру впоследствии оставалось бы читать только непосредственное мнение печатников».

С оттенком иронии он напомнил читателям, что издатели занимаются бизнесом как для того, чтобы зарабатывать деньги, так и для того, чтобы информировать публику. «Следовательно, они с радостью оказывают услуги писателям-оппонентам, которые хорошо им платят», даже если они не согласны с позицией авторов. «Если все люди в этой провинции, считающие иначе, могли бы оплатить ненапечатанные материалы, которые им не нравятся, внеся плату за публикацию, я бы, наверное, жил очень легко; и если все печатники станут мстителями, мало что будет публиковаться».

Франклину не было свойственно руководствоваться догмой или крайностями. Как правило, он тяготел к разумному балансу. Он понимал, что права печатников уравновешены с их ответственностью. Таким образом, даже несмотря на то что печатникам полагалось право на свободную публикацию обидных отзывов, в целом они должны были оставаться рассудительными. «Лично я постоянно отказывался печатать что-либо, что могло бы

поощрять порок или способствовать аморальности, хотя… я мог бы получить за это много денег. Я также всегда отказывался печатать материал, способный действительно нанести кому-либо вред».

Один такой случай произошел с клиентом, который попросил молодого печатника опубликовать в «Газете» то, что Франклин счел «непристойным и порочащим». Это нарушало принципы Франклина. Пытаясь решить, нужно ли брать с клиента деньги, он решил пройти следующее испытание:

> Чтобы определить, следует мне публиковать статью или нет, вечером я отправился домой, приобрел в пекарне буханку хлеба стоимостью в два пенни и, накачав воды из помпы, устроил себе ужин; затем завернулся в пальто и улегся на полу. Так я спал до самого утра. Потом, достав еще одну буханку и кружку воды, позавтракал. Этот образ жизни не доставил мне ни малейшего неудобства. Открыв для себя способность жить таким образом, я твердо решил никогда не торговать своими убеждениями в прессе, не поддаваться коррупции, не злоупотреблять полномочиями для того, чтобы обеспечить себе более комфортное существование.

Франклин окончил свое слово «В защиту печатников» басней об отце и сыне, путешествующих с ослом. Когда отец ехал верхом, а сын шел пешком, прохожие критиковали их. Точно так же о них судачили, когда сын ехал верхом, а отец шел рядом. То же происходило, когда они оба ехали на осле, а также когда не ехал ни один из них. В конце концов они решили сбросить осла с моста. Мораль, по словам Франклина, проста: избежать критики невозможно. «Потеряв надежду угодить всем», Франклин пришел к выводу: «Я не буду жечь написанное и плавить свои шрифты»[79].

Проводя в жизнь принципы столь высоконравственные, Франклин использовал и более распространенные стратегии для того, чтобы продвигать свою газету. Самый надежный метод, любимый довольно пошлыми неженатыми молодыми издателями, основывался на освященном веками утверждении: все связанное с сексом продается. «Газета» Франклина была приправлена юмором и щекотливыми фактами по теме. К примеру, в выпуске, вышедшем через неделю после речи «В защиту печатников», Франклин писал о муже, который, застав жену в постели с мужчиной по имени Стоункаттер{27}, попытался ножом перерезать незваному гостю горло, но только поранил его. Франклин заканчивает историю двусмысленностью о кастрации:

«Некоторые люди восхищаются тем, что человеку, обиженному так же глубоко и имеющему возможность отомстить, все же не приходит в голову аналогичным образом обточить Ст-н-к-тт-ра».

В следующем выпуске содержалась похожая краткая статья о влюбчивом констебле, который «заключил соглашение со своей соседкой, согласно которому он должен был провести с ней ночь». Констебль совершает ошибку и залезает в окно к другой женщине, муж которой находится в соседней комнате. Франклин описывал это так: «Добропорядочная женщина, осознав, что необычайная страстность спящего на одной с ней постели мужчины не характерна для ее мужа, наделала столько шуму, что разбудила добропорядочного супруга. Тот, обнаружив, что некто занял его место в его присутствии, начал безжалостно наносить удары направо и налево».

Затем появился рассказ о сексуально озабоченной женщине, которая хотела развестись со своим мужем из-за того, что он не удовлетворял ее. Она «настойчиво упрашивала судей», чтобы они прониклись сочувствием к ее тяжелой участи. После того как ее мужа осмотрели врачи, ей, однако, пришлось вернуться к нему. «Отчет терапевтов (которые должным образом протестировали его *способности* и признали, что он во всех отношениях может быть *удовлетворителен*) принес ей мало удовлетворения, — писал Франклин. — Проводились ли *более удовлетворяющие* эксперименты, мы сказать не можем; но кажется, теперь она заявляет, что, на ее взгляд, „Джордж не просто хорош, он просто лучше всех“». В другой раз, походя коснувшись темы сексуальной потенции, Франклин сообщил об ударе грома, который расплавил оловянную пуговицу на штанах некоего юноши, и добавил: «Хорошо еще, что поблизости больше ничего не было сделано из олова».

Под псевдонимом Казуист Франклин вел колонку советов на сексуально-этические темы, одним из первых развивая новый жанр (буквальное определение слова «казуистика» относится к обозначению этических принципов в ежедневном поведении; Франклин использовал его с оттенком иронии, в разговорном смысле, что подразумевало немного странное или обманчивое восприятие этих принципов). Одно письмо читателя — или Франклина, прикинувшегося читателем, — содержало следующую дилемму: предположим, человек обнаруживает, что его жену соблазнил сосед, и, предположим, у него есть основания полагать, что если он расскажет об этом жене соседа, она, возможно, согласится заняться с ним любовью. Итак, «позволительно ли ему это сделать?» Франклин, пишущий от лица Казуиста, дал честный ответ. Если человек, задающий

вопрос, христианин, он знает, что нужно «не отвечать злом на зло, а отвечать на зло добром». А если он не христианин, а вместо этого «руководствуется в своих поступках только разумом», он должен прийти к тем же выводам: «такая практика не даст обществу ничего хорошего»[80].

Франклин также понял еще одно правило журналистики: спросом пользуются криминальные истории, в особенности причудливые. В отчете о смерти девочки, например, он соединил факты и гнев — прием, позже усовершенствованный острой на язык бульварной прессой. Это была история о супружеской паре, обвиненной в убийстве дочери, оставшейся у мужа от предыдущего брака. Сделано это было путем лишения ее заботы. Девочка «лежала и разлагалась в собственных нечистотах», ела «собственные экскременты», а затем ее кроватку поставили на мороз. Ребенок умер, но терапевт установил, что так случилось бы в любом случае, поскольку у нее обнаружилось множество других недугов. Поэтому судья приговорил пару всего лишь к небольшому штрафу. Франклин гневно обрушился на «ничтожество», находящееся у власти, и вынес свой собственный суровый вердикт: супруги «не только действовали против всех законов, но даже нарушили всеобщий закон природы»[81].

Третий надежный способ продажи газет — публикация легких и невинных сплетен и кляуз. В первом эссе «Сплетника» для газеты Брэдфорда Франклин защищал значимость любопытства и сплетен. Теперь, заполучив собственное издание, он решил, что «Пенсильванская газета» с радостью и с неподдельной гордостью продолжит эту традицию. Воспользовавшись той же интонацией, что и в рубрике «Сплетника», Франклин написал анонимное письмо в собственную газету в защиту сплетен и кляуз, «показывая пользу и благо, которое они приносят обществу».

«Зачастую это инструмент, с помощью которого можно помешать могущественным, политически ангажированным, коварным людям достичь слишком большой популярности, — писал он. — Всеосуждающее Порицание с его сотней глаз и тысячей языков вскоре само совершит преступление или проявит слабость. И тогда в любом уголке мира станет ясно, что они являются чертой его истинного лица. Это подрежет крылья его амбициям». Слухи могут также, написал он, возвысить добродетель, так как некоторых людей больше поощряет страх публичного унижения, чем внутренние этические принципы. «*„Что скажет обо мне мир, если я поведу себя таким образом?“* — это переживание часто оказывается достаточно сильным, чтобы заставить человека противостоять сильнейшему искушению порока или прихоти. Оно охраняет порядочность от сомнений,

честность — от алчности, безгрешность некоторых верующих и целомудрие всех непорочных».

Забавно, что Франклин, утверждая, что «все» непорочные целомудренны, одновременно обвинил лишь «некоторых» из другой категории. Вдобавок он указал на последних с некоторым цинизмом, давая понять, что большинство людей ведет себя добродетельно не благодаря внутренней порядочности, а из страха перед публичным осуждением[82].

На следующей неделе в следующем письме, еще более пикантном, якобы написанном рукой Элис Аддертанг{28} (псевдоним был придуман с меткостью невероятной), Франклин вновь отстаивал ценность сплетен. Выдуманная автором — а ему на тот момент исполнилось двадцать шесть, — Элис являлась «молодой девушкой тридцати пяти лет», что, конечно, не могло восприниматься без иронии. Она жила дома с матерью и, по ее словам, «по долгу, а также по природной склонности считала необходимым упражнять свой дар порицания на благо граждан своей страны».

Сурово отозвавшись о «нелепой» статье Брэдфорда в American Weekly Mercury, в которой женщины критиковались за любовь к сплетням, Элис рассказывает, как однажды по этому поводу между ней и ее матерью разгорелся спор. «Она убеждала меня, будто злословие портит любой хороший разговор, а я настаивала, что без сплетен его и вовсе не может быть». В результате, когда к чаю пришли гости, ее прогнали на кухню. Пока мать принимала участие в высоконравственной беседе в гостиной, Элис щедро угощала нескольких молодых друзей историями об интрижке их соседа с собственной служанкой. Услышав смех, друзья матери начали медленно перемещаться из гостиной в кухню, чтобы посплетничать. Мать Элис в конце концов и сама присоединилась к ним. «Я совершенно убеждена, что если бы вы сделали свою газету носителем сплетен, то *удвоили бы количество подписчиков*».

Шутливые защитные речи Франклина о сплетниках, изложенные в беззаботном тоне газетной статьи, были одними из самых забавных текстов, которые он когда-либо писал. Благодаря компанейскому складу характера и симпатии к человеческой природе он обожал истории о слабостях и поступках и понимал, почему их любят другие. Но, конечно, защищая сплетников, был серьезен лишь отчасти. Другая половина его души была более искренней: он неоднократно принимал решение ни о ком не говорить дурно. В результате развлекался, заводя споры о сплетнях, но на самом деле не очень-то позволял себе сплетничать. Например, в одном выпуске он отметил, что получил письмо, в котором описывались ссоры некой пары, «но

по этическим причинам вышеупомянутое письмо в настоящий момент не подходит для публикации»[83].

Подобным образом он относился и к спиртному. Воздерживаясь от алкоголя, наслаждался живой атмосферой, царившей в тавернах. В известнейшем опусе из «Пенсильванской газеты», которому предстояло украсить огромное количество пабов, он привел «Словарь пьяницы» — более двухсот пятидесяти слов, описывающих состояние опьянения: «Мертвецки пьяный… хмельной… подвыпивший… выпивоха, захмелевший… пьян, как швед… пьян в лоскуты… пьян в дым… пьян, как сапожник… лыка не вяжет… пьян в доску… пьян вдрызг, пьян вдрабадан… пьян в дымину… промариновавшийся… пьян в дугаря… пьян до зелена змия… угарный… керной… вусмерть…» А параллельно пугал читателей новостными отчетами о смертях пьяниц, изобиловавшими колоритными деталями, а также писал передовицы об «отравляющем» влиянии спиртных напитков. На опыте работы печатников в Лондоне он учил своих сотрудников тому, что крепкие напитки снижают трудолюбие; став редактором в Филадельфии, он продолжил эту кампанию[84].

Франклин также совершенствовался в умении подтрунивать над самим собой. Он, как впоследствии многие американские юмористы, осознал, что толика самоиронии помогает расположить людей к автору. В одном небольшом выпуске «Газеты» он описал, как «известный печатник» гулял вдоль причала, поскользнулся, и нога его застряла в бочке с дегтем. Неловкие попытки высвободиться прошли по поговорке «проворный, как пчела в бочке с дегтем». Франклин закончил статью игрой слов: «Он действительно не был ни медоносной пчелой, ни шмелем, а просто-напросто брюзжащей пчелой с инициалами Б. Ф.»[85].

К началу 1730-х годов дело Франклина процветало. Он начал строить и расширять свою маленькую империю, посылая молодых работников по окончании ученического срока открывать партнерские типографии на территориях от Чарльстона до Хартфорда. Он снабжал их прессой и брал на себя часть затрат, а также предоставлял кое-какой материал для публикаций, взамен получая часть их дохода.

Брак по расчету

Теперь, когда Франклин укрепил бизнес, он понял, что хочет найти хорошую жену. На холостяков в колониальной Америке смотрели косо, а у Франклина имелись сексуальные аппетиты, которые, как он и сам понимал, нужно дисциплинировать. Так он принялся искать супругу, предпочтительно с приданым.

В его доме столовались друг из Хунты, стекольщик и математик Томас Годфри, и его жена, которой нравились их трапезы и ведение дома. Миссис Годфри предложила ему жениться на одной из ее племянниц, которую Франклин нашел «очень достойной». За этим последовали ухаживания. Разговоры о приданом были нормой, и Франклин пытался вести переговоры через миссис Годфри: речь шла приблизительно о ста фунтах (сумма, которую он по-прежнему был должен за свое печатное дело). Когда семья девушки ответила, что не может выделить такую сумму, Франклин предложил, довольно неромантично, чтобы они заложили свой дом.

Семья девушки незамедлительно разорвала с ним отношения — либо от ярости, либо (как подозревал Франклин) в надежде, что ухаживания зашли настолько далеко, что влюбленные совершат побег без приданого. Возмущенный Франклин отказался иметь что-либо общее с девушкой даже после того, как миссис Годфри объявила о готовности семьи к переговорам.

Окончились не только ухаживания Франклина, но и еще одни дружеские отношения. Годфри съехал, оставил Хунту и в итоге передал право выпускать свой небольшой альманах сопернику Франклина Брэдфорду. Годы спустя Франклин с презрением писал о человеке, который когда-то делил с ним кров, состоял в одном клубе и пользовался его расположением. Годфри «не мог, подобно большинству великих математиков, которых я встречал, составить приятную компанию, так как он хотел чрезвычайной четкости во всем, что говорилось, или вечно все отрицал, анализируя малейшие пустяки до тех пор, пока это не расстраивало всю беседу».

Раздражение по поводу случившегося побудило Франклина под псевдонимом Энтони Афтервит начать высмеивать ситуацию в «Пенсильванской газете». «Честный торговец» жалуется: когда он ухаживал за своей будущей женой, ее отец намекнул, что можно рассчитывать на хорошее приданое, и у него «возникло несколько хороших идей», как потратить деньги. «Когда пожилой джентльмен увидел, что я уже прочно помолвлен и что сватание зашло так далеко, что невозможно легко его прервать, он…

запретил мне появляться в их доме и сказал своей дочери: если она выйдет за меня, он не даст ей ни фартинга». Афтерфит, в отличие от настоящего Франклина, тайно бежит с девушкой. «С тех пор я узнал, что кроме него есть и другие старые скряги, которые выдают дочерей замуж хитростью, при этом удерживая то, чем могли бы с легкостью поделиться».

(Очерки Энтони Афтервита имели интересный побочный эффект. Его вымышленная жена, Эбигейл Афтервит, носила имя персонажа, созданного для New England Courant почти десятью годами ранее старшим братом Франклина Джеймсом. Джеймс, который к тому времени переехал на Род-Айленд, перепечатал статью Энтони Афтервита в своей собственной газете вместе с ответом от Пейшнс Тикрафт. Бенджамин, в свою очередь, перепечатал ответ в собственной газете в Филадельфии, а на следующий год посетил брата для волнительного примирения. Здоровье Джеймса ухудшалось, и он умолял младшего брата присмотреть за его десятилетним сыном. И Бенджамин это сделал, позаботившись о его образовании и взяв его в подмастерья. Основной темой автобиографии Франклина станет описание того, как он совершал ошибки, а затем искупал свою вину, как если бы он был моральным бухгалтером, постоянно сводящим дебет с кре́дитом. Побег от брата, как написал Франклин, был «одной из первых ошибок» в его жизни. Помогая сыну Джеймса, он нашел баланс в книге счетов. «Так я предоставил брату щедрую компенсацию за службу, которой я его лишил, оставив его так рано»).

Когда ухаживания за племянницей миссис Годфри закончились ничем, Франклин начал подыскивать другую партию, но обнаружил, что молодых печатников не настолько ценили, чтобы наверняка обеспечить их приданым. Он не мог рассчитывать на деньги, если только не жениться на женщине, «которая при других обстоятельствах не была бы мне приятна». В автобиографии, над которой он начал работать годы спустя, Франклин, используя форму письма внебрачному сыну, усыновленному во время поисков супруги, написал памятные строки: «Тогда же неукротимая страсть молодости толкала меня на интриги с женщинами легкого поведения, попавшимися на моем пути, что было связано с огромными финансовыми тратами и неудобствами»[86].

Дебора Рид, та самая девушка, что смеялась над Франклином в его первый день в Филадельфии, также оказалась в отчаянном положении. После того как Франклин оставил ее ради жизни в Лондоне, она получила от него всего лишь одно краткое письмо. Поэтому совершила ошибку и вышла замуж за обаятельного, но

ненадежного гончара Джона Роджерса. У него никак не получалось заработать на жизнь, а чуть позже до Деборы и вовсе дошли слухи о том, что в Англии у него осталась жена. Поэтому она вернулась в дом своей матери, а Роджерс выкрал раба и бежал в Вест-Индию, оставив за собой кучу долгов. Доносились вести о том, что там он погиб в уличной драке, однако слухи не подтверждались, а значит, пожелай Дебора снова законно вступить в брак, ее ожидали трудности. Двоемужие было преступлением; наказанием служили тридцать девять ударов хлыстом и пожизненное заключение.

С тех пор как умер отец Деборы, ее мать зарабатывала на пропитание, продавая самодельные лекарства. Рекламная афиша, напечатанная Франклином, гласила: «Вдова Рид… продолжает изготавливать и продавать свои знаменитые мази от чесотки, которыми она излечила множество людей… Они также убивают или разгоняют всевозможные виды вшей после одного или двух использований». Франклин часто бывал в семье Рид, давал советы по ведению бизнеса, жалел удрученную Дебору. Совесть его мучила, хотя миссис Рид любезно взяла вину на себя — ведь именно она не позволила Бенджамину и Деборе пожениться перед тем, как он уехал в Лондон. При этом, как говорил Франклин, их «взаимная симпатия возродилась».

Приблизительно в это время Франклин придумал, как принимать сложные решения. «Мой способ заключается в том, чтобы разделить лист бумаги на два столбика, написав в одном верхнем углу *„За“*, а во втором *„Против“*», — позже вспоминал он. Затем он вписывал довод за доводом в одну из колонок и взвешивал, насколько важен каждый. «Там, где я нахожу два довода, по одному равному с каждой стороны, вычеркиваю оба; если нахожу, что аргумент „за“ приравнивается к двум „против“, в общей сложности вычеркиваю три». В соответствии с этими бухгалтерскими подсчетами ему стало ясно, «как находить баланс».

Сбалансированные аргументы в конце концов сложились в пользу Деборы, и в сентябре 1730 года они начали совместную супружескую жизнь. Официальной церемонии не было. Они вступили в своего рода гражданский брак. Это защитило бы Дебору в случае неожиданного возвращения Роджерса. Но он так никогда и не вернулся. Союз с Деборой Франклин рассматривал, подобно воссоединению с братом, как пример исправления былых ошибок. «Так я, насколько возможно, исправил огромную ошибку», — писал он позже.

Франклина часто описывают как мужчину практичного, а не романтичного, человека разума, а не сердца (иногда его даже

обвиняют в этом). История гражданского брака с Деборой — доказательство тому. Но она также показывает некоторые особенности характера Франклина: его желание обуздать трудноуправляемые страсти с помощью практицизма и искренняя привязанность к тем, кто близок по духу. Ему не дано было мечтать, погружаться в раздумья, испытывать поэтические чувства; зато его эмоциональные привязанности держались на более прозаических основах — симпатии, партнерстве, личной выгоде, сотрудничестве, товариществе, добродушии, единомыслии.

Жена с приданым, скорее всего, позволила бы ему погрузиться в соответствующую социальную атмосферу, дать волю стремлениям. Вместо этого Франклин нашел «хорошего и верного спутника жизни», который был бережлив, практичен и лишен притязаний — черты, которые впоследствии он, приобретающий влияние торговец, найдет намного более ценными. Их союз оставался взаимно полезным, хотя вовсе не романтичным, и длился до самой смерти Деборы сорок три года спустя. Как Франклин вскоре напишет в альманахе Бедного Ричарда: «Держите глаза широко открытыми до брака и полуприкрытыми — после»[87].

Уильям

Существовало одно главное препятствие. Приблизительно в это же время Франклин усыновил своего незаконнорожденного сына по имени Уильям и принял над ним опеку. Мальчик был плодом общения с «женщинами легкого поведения» и, по всей вероятности, стал «огромным затруднением», как холодно написал в автобиографии Франклин.

Личность матери Уильяма — одна из удивительнейших загадок истории, источник домыслов ученых. Франклин так и не открыл секрета, не сделал этого и Уильям, даже если и знал правду. Фактически даже дата его рождения неясна. Давайте с этого и начнем.

Большинство историков говорят, что Уильям родился где-то между 12 апреля 1730-го и 12 апреля 1731 года. Это предположение сделано на основе письма, которое Франклин написал своей матери 12 апреля в 1750 года, в нем говорилось следующее: «Теперь ему исполнилось девятнадцать лет, он стал высоким красивым парнем, самым настоящим кавалером».

Уиллард Стёрн Рендалл в книге «Маленькая месть» (A Little Revenge) — захватывающий, но несколько спорный отчет о запутанных отношениях Франклина с сыном, — ставит это под вопрос. В сентябре 1746 года в чине корабельного курсанта Уильям покинул отчий дом и отправился в военную экспедицию в Канаду. Рендалл убеждает читателей, что ему вряд ли могло быть всего пятнадцать или шестнадцать. Возможно, когда Франклин писал матери, он «отнял» год или два от реального возраста Уильяма, чтобы сын выглядел законнорожденным. Дотошный исследователь жизни Франклина Д. А. Лео Лимей предполагает, что он родился в 1728 или 1729 году. Так же думают и некоторые биографы XIX века.

Однако мы знаем, что перед тем как Уильяму разрешили поступить на военную службу в начале 1746 года, он пытался сбежать и отправиться в море. Отцу пришлось забрать его с корабля, пришвартованного в порту. Значит, тогда ему действительно не могло быть более пятнадцати-шестнадцати лет (отец юного героя хотел сбежать и отправиться в море в двенадцать, и в результате сбежал-таки в Филадельфию в семнадцать). В подробнейшей биографии Уильяма, написанной Шейлой Скемп, поступление на морскую военную службу в возрасте шестнадцати лет кажется вполне вероятным после того, как Уильям закончил учиться. Вдобавок, согласно сведениям, которые давал о себе сам Уильям, в 1813 году, после его смерти,

пресса сообщала, что ему было восемьдесят два. А это значит, что родился он в конце 1730 или в начале 1731 года.

Ни Франклин, ни Уильям никогда не отрицали факт незаконнорожденности. Поэтому можно поверить, что Франклин, обозначая возраст Уильяма, говорил своей матери правду. Настолько же разумно считать, что Уильям никогда (умышленно или нет) никого не обманывал относительно своего возраста. Итак, скорее всего, Уильям родился приблизительно в то время, когда Франклин начал совместную жизнь с Деборой, то есть в конце 1730 года[88].

Могла ли Дебора быть его матерью, как предполагают некоторые ученые? Могла ли беременность случиться в начале гражданского брака? Могли ли родители затуманить вопрос о происхождении Уильяма на тот случай, если вернется Роджерс и обвинит Дебору в двоемужии и прелюбодеянии? Как размышлял Карл Ван Дорен, «однозначно состоялся бы скандал. Но, конечно же, он приобрел бы меньшие масштабы при условии, что ребенок принадлежал Франклину и неизвестной матери. Сластолюбивый философ мог бы взять вину на себя целиком».

Но эта теория не очень тщательно проверялась. Если Дебора была беременна и родила ребенка, наверняка при этом присутствовали какие-то друзья и родственники, включая ее мать, которые знали обо всем. Как сформулировал Х. В. Брэндс, «даже спустя годы, более не опасаясь касаемо Роджерса, Дебби отказалась признать Уильяма своим сыном — невообразимый поступок для любой матери. Не говоря уже о том, что ей пришлось до конца жизни слышать, как Уильяма называли бастардом». Причем Дебора была откровенно враждебна по отношению к ребенку. По словам служащего, позже работавшего на Франклинов, Дебора называла Уильяма «самым большим негодяем на земле» и осыпала его «бранью, самыми сквернымы выражениями, которые я когда-либо слышал от дамы»[89].

В горячую пору выборов 1764 года происхождение Уильяма стало вызывать вопросы. Один обвинительный памфлет гласил, что он сын проститутки по имени Барбара, которую в дальнейшем Франклины держали в доме служанкой, пока она не умерла и не была похоронена в безымянной могиле. Если учесть лживую природу этой кампании и малую вероятность того, что Франклин или его жена смирились бы с присутствием настоящей матери Уильяма в роли служанки, эта версия кажется неправдоподобной.

Лучшее объяснение можно найти в письме 1763 года, где говорится об Уильяме. Его нашли более чем два столетия спустя. Оно было написано Джорджем Робертсом, преуспевающим торговцем из Филадельфии, ставшим близким другом семьи.

«Общеизвестно, что его рождение незаконно, а мать его находится в не самом лучшем положении, — писал Роберт другу в Лондон, — но сведения, будто она живет подаянием на улицах города, не имеют ни малейшего основания. Насколько я понимаю, он [Франклин] совершает для нее небольшие отчисления, но поскольку она далеко не самая приятная женщина, об этом не говорится открыто. Ни отец, ни сын не имеют с ней никакой связи». Поскольку Роберт был, вероятно, хорошо осведомлен и у него не имелось никаких тайных причин что-либо скрывать, признаем, что его объяснение наиболее правдоподобно[90].

Экономная супруга

В автобиографии (где в общей сложности тридцать шесть раз превозносятся добродетели «трудолюбие» и «бережливость»), Франклин написал о своей жене так: «Большое везение, что мне досталась жена, настолько же расположенная к предприимчивости и экономии, как и я сам». Он отдает ей должное и в письме, написанном позже, ближе к концу жизни: «Бережливость — это обогащающая добродетель, добродетель, которую я сам не смог бы заполучить, но мне повезло настолько, что я нашел ее в жене, которая стала для меня счастьем». Франклин считал, что нашел настоящую любовь. Дебора помогала ему в типографии, переплетала памфлеты и покупала материал для изготовления бумаги. По меньшей мере первоначально у них не было слуг, а Франклин каждое утро ел кашу с хлебом и молоком из миски за два пенни.

Годы спустя, после того как противоречивый Франклин приобрел вкус к пышности и роскоши, хотя все еще восхищался экономностью, он с оттенком сухой иронии рассказывал о небольшой оплошности Деборы, показавшей, «как роскошь пробирается в семьи и делает успехи, несмотря ни на какие принципы». Однажды, намереваясь позавтракать, он обнаружил, что чай подан в фарфоровой чашке с серебряной ложкой. Дебора купила их, уплатив «невообразимую сумму» в двадцать три шиллинга. При этом «единственное оправдание, которое она для себя нашла, заключалось в том, что она подумала, будто ее супруг заслуживал серебряную ложку и фарфоровую чашку, как и любой из соседей». Со смесью гордости и пренебрежительности Франклин шутливо вспоминал, как за долгие годы их состояние увеличивалось, и в конце концов они пришли к тому, что дом оказался заполнен фарфором и мебелью стоимостью в несколько сотен фунтов.

Когда молодой Франклин услышал, что его младшая сестра Джейн планирует выйти замуж, он написал ей письмо, в котором выразил свое мнение: хорошая жена должна быть экономной и усердной. Франклин поведал, как у него возникла идея послать ей чайный столик, но практичный ум взял над ним верх. «Рассудив, что хорошая хозяйка дома предпочтет быть не только светской дамой, я решил послать тебе прялку». Как вскоре сформулирует Бедный Ричард в своем альманахе, «много тратится на то, чтобы добыть, / Если женщина из-за чая отказывается прясть и вязать»[91].

Бережливость как добродетель стала также одной из

любимых тем молодого Франклина-журналиста. В письме Энтони Афтервита, после жалоб на необходимость бежать с невестой без приданого, он перешел к теме насмешек над женой, которая взяла за правило важничать и тратить столько, сколько тратят важные дамы. Вначале она платит за роскошное зеркало, к которому требуется элегантный столик, затем за чайный сервиз, а после — за часы. Столкнувшись с растущими долгами, Энтони решает продать эти вещи, когда жена уедет из города с визитом к родственникам. А чтобы заменить роскошную мебель, покупает прялку и вязальные спицы. Он просит «Пенсильванскую газету» опубликовать письмо для того, чтобы она прочитала его до возвращения и была подготовлена. «Если она сможет приспособиться к новому образу жизни, мы станем, возможно, самой счастливой парой в провинции». А затем, в качестве вознаграждения, он мог бы позволить ей вернуть в дом элегантное зеркало.

Будучи меньшим сексистом, чем большинство современных ему мужчин, Франклин отпускал шпильки и в адрес мужчин. Спустя две недели на письмо Афтервита пришел ответ от одного из созданных Франклином персонажей, Сесилии Сингл. Позволив себе, как это свойственно литературной героине, очаровательную болтливость (так это было с Сайленс Дугуд и Элис Аддертанг), Сингл описывает визит к подруге, чей муж пытался повторить подвиг Афтервита. Завязался бурный спор. «Нет ничего грешного или постыдного в том, чтобы связать парочку чулок», — говорил муж. Она отвечала: «Есть в городе бедные женщины, вот пусть и вяжут». В конечном счете Сингл покинула дом подруги, «зная, что муж с женой склонны ссориться более ожесточенно перед посторонними людьми, чем наедине». Позже она услышала от кого-то, что в результате вязальные принадлежности очутились в камине.

Далее Сингл (точнее, Франклин) журит Франклина за то, что среди опубликованных им рассказов больше тех, которые повествуют о потакающих себе женщинах, а не мужчинах. «Если бы я была склонна к осуждению, могла бы предоставить достаточное количество примеров», — говорит героиня, после чего тут же выдает одним духом длинный список мужчин, которые тратят свое время, играя в пул, кости или шахматы, и покупают роскошную одежду. В конце концов она наносит точный удар по его любви к псевдонимам. «В вашем собственном пальто дыры так велики, что до вас можно добраться; и те, кого глубоко оскорбили публикуемые вами насмешки, обратят внимание не столько на то, кто все это написал, сколько на то, кто напечатал»[92].

Более серьезную и традиционалистскую статью Франклин опубликовал спустя четыре недели после женитьбы, назвав ее «Правила и принципы, содействующие супружескому счастью». Начал он с хвалебной песни браку, «самому верному и прочному фундаменту спокойствия и любви». Однако если те, кто женятся, глупы, они зачастую оказываются в «состоянии сильнейшего несчастья и страдания». Он извинился за то, что адресовал свои советы женщинам. Пусть мужчины, по сути, менее совершенны, «я сделал то, что сделал, поскольку полагаю, что дамы больше расположены принять их и внять им».

Среди его правил были такие: избегайте любых мыслей о руководстве супругом, никогда не обманывайте и не расстраивайте его, знайте, что он «мужчина, а не ангел», «каждое утро принимайте решение быть благожелательной и радостной», помните слово «покорность», произнесенное, когда вы давали брачный обет, и обещание «отвергнуть пустое удовольствие делать все по-своему». Сила и счастье женщины, писал Франклин, «не имеет другого основания, кроме как почитание и любовь ее мужа». Таким образом, жене следует «разделять и смягчать его тревоги и с предельным усердием скрывать его слабости». А когда речь заходит о сексуальных отношениях, «пускай нежность супружеской любви выражается с такой любезностью, деликатностью и заботой, чтобы можно было отчетливо и безусловно отличить ее от продажной любви распутницы»[93].

Эссе Франклина и его вымышленные письма делают очевидным тот факт, что он вступил в союз с Деборой, имея традиционные взгляды на супружеские отношения: жены должны оказывать поддержку мужу, экономно и старательно вести хозяйство. К счастью для него, Дебора склонна была разделять его взгляды. В общем, она, женщина незамысловатых вкусов, была готова трудиться и ублажать супруга. При этом он, безусловно, имел полное право отметить, что эти слова можно сказать и о нем самом.

Так они создали партнерство, которое было одновременно чем-то большим и чем-то меньшим, чем гражданский брак. Неустанно трудясь рядом с мужем дома и на рабочем месте, Дебора взяла на себя большую часть счетов и расширила перечень товаров для магазина, включив в него мази, изготовленные ее матерью, мыло, сделанное родственниками Франклина в Бостоне, кофе, чай, шоколад, шафран, сыр, рыбу и различные другие товары. Она переутомляла глаза, переплетая книги и занимаясь пошивом одежды при свете свечей. И хотя ее словарный запас и владение английским выдавали недостаток образования — *пономаря* в церкви она называла *панимарем*, а одного из

покупателей прозвала «Мэри-паписткой», — обилие ее записей в учетной книге магазина поражает воображение.

Привязанность Франклина к жене росла, так как он был горд ее предприимчивостью. Много лет спустя, когда, находясь в Лондоне, он убеждал палату общин, что несправедливые налоги приведут к бойкотированию британских производителей, заявил, что никогда не испытывал большей гордости, чем в годы, когда молодым торговцем носил одежду, сшитую руками супруги.

Но Дебора не была безропотной и кроткой супругой мужчины, которого зачастую называла (как и он ее) «мое дорогое дитя», а на людях — «папочка». У нее был суровый нрав, и Франклин неизменно защищал ее право иметь свой характер. «Разве тебе не известно, что все жены правы?» — спросил он у племянника, решившего поспорить с Деборой. Вскоре после женитьбы он написал текст под названием «Сварливая жена», в котором защищал напористых женщин, объясняя их поведение тем, что они склонны быть «активными в делах семьи, становятся особенно хорошими хозяйками и очень внимательны к запросам мужа»[94].

Единственный дошедший до наших дней портрет Деборы изображает ее умной и решительной женщиной, полноватой и простоватой. Однако нельзя сказать, что она была непривлекательна. В письме, которое спустя много лет Франклин написал ей, находясь в Лондоне, он описал кружку, которую посылал жене, и сравнил ее с нею: «Я влюбился в нее с первого взгляда, так как подумал, что она выглядела словно полная, веселая госпожа, чистая и опрятная, одетая в аккуратный белый ситец, благонравная и прелестная, она просто напомнила мне кое-кого».

Эти отношения никого не вдохновили на величайшую романтическую поэзию, но благодаря им на свет родилась очаровательная баллада, которую Франклин вложил в уста Бедного Ричарда. В ней Франклин отдал должное «моей простой крестьянке Джоан» и благословил тот день, когда сделал ее своей. В балладе есть такие строки:

> Ни слова сказано не будет о формах, лике и глазах,
> Вы не услышите об их свете, о страсти в них иль молниях.
> Хоть я пленен ее красою, мне добродетель важней,
> Она зимой не увядает, пройди хоть семь десятков лет…
> Очаг мой светел, чист, ухожен ее усердною рукой,
> Она заботлива и холит все заработанное мной;
> И все же одарить готова — деньгами и улыбками —

друзей,
Пришедших в дом по приглашенью, для них она всех веселей.
Никто из нас не совершенен, пороки есть и у Джоан,
Однако их размер так скромен,
Что я едва их ощущаю сам.

С годами Франклин во многих отношениях перерастет Дебору. Несмотря на то что их ценности совпадали, по сравнению с ней он был намного более искушенным и развитым интеллектуально, тем более сам того добивался. Существуют доказательства, что она родилась в Бирмингеме, а затем, еще ребенком, ее привезли в Америку. Но в пору взрослой жизни она, похоже, не провела ни одной ночи за пределами Филадельфии и прожила большую часть своей жизни на Маркет-стрит, в двух кварталах от дома, где выросла.

Франклин, напротив, любил путешествовать, и хотя много лет спустя он временами с надеждой просил, чтобы она присоединилась к нему, делал это, зная, что она вряд ли согласится. Казалось, он предчувствовал, что в шумном обществе, в его новом мире ее ожидает дискомфорт. Они уважали независимость друг друга, возможно, даже чрезмерно. На протяжении пятнадцати из последних семнадцати лет жизни Деборы Франклин будет в разъездах, включая день ее смерти. Тем не менее их взаимная любовь, уважение и преданность — а также их партнерство — заслуживают вечного уважения[95].

Фрэнсис

Спустя два года после начала совместной жизни в октябре 1732 года Дебора родила сына. Фрэнсис Фолгер Франклин, именуемый Фрэнки, стал любимцем обоих родителей: его портрет нарисовали, когда он был еще младенцем, а отец дал объявление о поиске домашнего репетитора, который обучал бы обоих его детей, когда Фрэнсису было два года, а Уильяму около четырех. Всю оставшуюся жизнь Франклина восхищали воспоминания о том, каким особенным был Фрэнки, не по годам развитый и любознательный ребенок.

Увы, им останутся только воспоминания, омраченные печалью. Одной из горьких трагедий жизни Франклина стала смерть Фрэнки, умершего от оспы сразу после четвертого дня рождения. Для надгробной плиты Франклин выбрал простую эпитафию: «Утеха для каждого, кто его знал».

Горькая ирония судьбы: Франклин являлся ревностным защитником вакцинации от оспы со времен полемики в New England Courant (тогда он работал на брата). В годы, предшествующие рождению Фрэнки, он постоянно выступал в «Пенсильванской газете» в защиту вакцинации и опубликовал статистику, показывающую, насколько она эффективна. К примеру, в 1730 году он показал статистику эпидемий в Бостоне, из которой следовало, что большинство вакцинированных уцелело.

Он планировал вакцинировать Фрэнки, но отложил процедуру из-за того, что мальчик болел дизентерией. В некрологе, появившемся в газете Франклина спустя неделю после смерти сына, он отрицал слухи, будто смерть произошла из-за вакцинации. «Я искренне заверяю, что он не был вакцинирован и заразился традиционным путем». Далее Франклин заверил, что считает вакцинацию «безопасной и благотворной процедурой».

Воспоминания о Фрэнки были одной из немногих тем, которая могла остро опечалить Франклина. Когда годы спустя его сестра Джейн прислала ему в Лондон письмо со счастливыми новостями о его внуках, Франклин ответил: «Вновь приходит в голову образ Фрэнки, хоть его нет вот уже тридцать шесть лет. Мало что может сравниться с этими воспоминаниями, и по сегодняшний день я не могу думать о нем без вздоха»[96].

Еще более трогательно, что Франклин еще при жизни Фрэнки написал для своей газеты необычайно глубокое размышление на тему «Детская смертность», поводом для которого стала кончина соседского ребенка. Опираясь на наблюдения за крошечным

Фрэнки, описал волшебную красоту младенцев: «Какие любопытные петли и шарниры, на которых туда-сюда двигаются ручки и ножки! Какое непостижимое разнообразие нервов, вен, артерий, жилок и маленьких невидимых частиц находится в каждом из них!.. Какое невероятное усилие требуется, чтобы хранить жизнь, лелеять ее и передавать это умение отпрыскам». Как может получаться, вопрошал затем Франклин, что «добрый и милосердный Бог создает несметное число таких совершенных механизмов с одной только целью — похоронить их в сырой земле» прежде, чем они повзрослели настолько, чтобы отличать добро от зла или служить во благо своим близким во имя Бога? Ответ, как он признавал, «непостижим для смертного разума». «Слезы даны природой неспроста, они дают утешение — способность плакать»[97].

В поисках своего Бога

Когда мы в последний раз измеряли «духовный пульс» Франклина в Лондоне, он создал «Трактат о свободе и необходимости», в котором опрометчиво нападал на идею свободы воли и отрицал бóльшую часть кальвинистской теологии. Позже он отрекся от этого сочинения как от постыдной «ошибки». Все это доставило ему затруднения в вопросах религии. Он больше не верил в догмы, воспринятые вследствие пуританского воспитания (они гласили, что человек может получить спасение только через милость Божью, а не благодаря хорошим поступкам). Но он никак не мог принять простую и незамысловатую версию деизма, вероучение эпохи Просвещения, согласно которой разум и изучение природы (вместо Божественного откровения) откроет путь к знанию о Боге. Деисты, которых он знал (как и он сам в юные годы), оказались чудаками.

После возвращения в Филадельфию Франклин почти не проявлял интереса к организованной религии и еще меньше — к посещению воскресных месс. Все же он продолжал придерживаться некоторых основных религиозных убеждений, к ним относилось «существование Бога» и утверждение, что «самое угодное Богу служение — благо, сделанное людям». Он был толерантен ко всем вероисповеданиям, в частности к тем, которые существовали для того, чтобы сделать мир лучше, и следил за тем, чтобы «избегать любых разговоров, в которых принижалось бы благоприятное мнение людей об их религии». Поскольку Франклин полагал, что все церкви полезны обществу, он платил ежегодный взнос для поддержания городского пресвитерианского священника{29}, преподобного Джедидайи Эндрюса[98].

Однажды Эндрюс уговорил Франклина сходить к нему на воскресную мессу, что Франклин и делал последующие пять недель. К сожалению, он пришел к выводу, что они «не интересны и не поучительны, поскольку в них не прививались никакие моральные принципы. Целью этих месс казалось стремление сделать из нас хороших пресвитерианцев, а не хороших граждан». Во время его последнего визита чтение из Священного Писания (Послание к филиппийцам 4:8) касалось темы добродетелей. Эта тема была близка Франклину, и он надеялся, что Эндрюс подробно разъяснит ее в своей проповеди. Вместо этого священник остановился исключительно на догмах и доктринах, не предлагая никаких практических размышлений о добродетелях. Франклин «почувствовал отвращение» и

возвратился к прежнему обыкновению читать по воскресеньям и писать тексты собственного сочинения[99].

Франклин начал освещать свои религиозные взгляды в серии очерков и писем. В них он наконец определил свое кредо, которое останется неизменным до конца его жизни: им станет добродетельная, укрепленная моральными устоями и прагматизмом индивидуальная версия деизма. В отличие от большинства абсолютных деистов он пришел к выводу: полезно (а таким образом, вероятно, и правильно) считать, что вера в Бога должна руководить нашими повседневными действиями. Но, как и у других деистов, его вера была лишена фанатического догматизма, пламенного спиритуализма, глубокого самоанализа и личной соотнесенности с Христом[100].

Первым из религиозных очерков стала статья «для личного пользования», написанная в ноябре 1728 года, так и называвшаяся — «Статья о вере и религиозных актах». В отличие от лондонского трактата, переполненного невнятными подражаниями аналитической философии, это произведение было простым и оригинальным. Автор начал его однозначно: «Я полагаю, есть только одно наивысшее и совершенное существо»[101].

Это утверждение очень важно, так как некоторые истовые деисты, уклоняясь от подобных утверждений, не шли так далеко. Как однажды остроумно заметил Дидро, деист — это человек, который прожил недостаточно долго, чтобы стать атеистом. Франклин прожил очень долгую жизнь и, несмотря на подозрения Джона Адамса и других, считавших, что он был скрытым атеистом, многократно и с растущей убежденностью отстаивал свою веру в Бога.

Согласно деистской традиции, Высшее Существо — некто далекий и непричастный к нашим повседневным тяготам. «Я полагаю, было бы очень самонадеянно с моей стороны предположить, что Высшее Существо, даже в самой меньшей мере, занимается таким ничтожным созданием, как человек», — писал он. И продолжал: этот «Безграничный Отец» намного выше того, чтобы требовать от нас похвал или молитв.

Однако, как предполагал Франклин, в каждом человеке живет желание и глубокое чувство долга, заставляющие почитать личного Бога. Таким образом, он писал, что Высшее Существо способствует тому, чтобы смертные люди боготворили менее масштабных и более личных богов. Итак, Франклин соединил две составляющие: деистские взгляды на Бога как на дальнюю Первопричину и убеждения, взятые из других религий, почитающих Бога, непосредственно присутствующего в жизни.

Высшее Существо может проявлять свое присутствие по-разному, в зависимости от потребностей прихожан.

Некоторые толкователи, в частности А. Оуэн Элдридж, прочитывают это буквально, словно Франклин принял своего рода политеизм (веру в группу малых богов, присматривающих за различным мирами и планетами). На протяжении жизни Франклин время от времени будет упоминать «богов», но эти более поздние оговорки скорее случайны или зачастую сделаны в устной форме. Так, по выпускам газеты 1728 года создается впечатление, что Франклин выражается скорее метафорически, нежели буквально. Как пишет Керри Уолтерс в книге Benjamin Franklin and His Gods: «Будет ошибочным полагать, будто здесь указывается на буквальный политеизм. Такой вывод — дикость с точки зрения философии, вдобавок он нигде не подтвержден текстом» (учитывая, как сложно было Франклину поверить в единого Бога, маловероятно, чтобы он смог поверить во многих) [102].

Далее Франклин очертил видение и правила почитания своего личного Бога. Для этого потребовались подходящие молитвы, и Франклин представил целую литургию собственного сочинения. Еще одной составляющей стало благонравное поведение, и Франклин составил этическую теорию, очень прагматичную и даже несколько утилитарную: «Полагаю, Богу угодно и приятно счастье тех, кого он создал; и поскольку, не будучи добродетельным, человек не может найти счастье в этом мире, я твердо уверен, что Ему доставляет удовольствие созерцать мою добродетель».

В документе, который Франклин впоследствии прочитал друзьям из Хунты, он усложнил свои религиозные взгляды, рассмотрев тему «Божественного провидения», меру, с помощью которой Бог вмешивается в мирские дела. Пуритане верили в подробное и личное Божественное участие в жизни, называли его «особым провидением» и регулярно молились по поводу каждого отдельного случая заступничества. Как сформулировал сам Кальвин, «предположение, что Он спокойно пребывает в раю, не заботясь о мире, не вписываясь ни в какие рамки, лишает Бога всей действительной силы». Большинство деистов, с другой стороны, верили в «общее провидение», в котором Бог выражает свою волю через законы природы, установленные им же, вместо того чтобы контролировать каждый шаг в нашей жизни.

В типичной для себя манере Франклин искал практичное решение в выступлении перед членами Хунты на тему, обозначенную им «О провидении Божьем в правительстве мира». Он начал с извинений перед «моими близкими товарищами-

единомышленниками» за то, что был недостаточно «квалифицирован», чтобы говорить о духовных вопросах. Исследование природы, сказал он, убедило его, что вселенную создал бесконечно мудрый, добродетельный и могущественный Бог. Затем он рассмотрел четыре вероятности: 1) Бог предопределяет и предназначает все, что происходит, исключая любую возможность свободной воли; 2) он оставил все таким образом, чтобы изменения происходили по законам природы и свободной воли Его созданий, Он никогда не вмешивается; 3) одни вещи Он предопределил, а другие — предоставил свободной воле, при этом Он никогда не вмешивается; 4) «иногда Он вмешивается, в частности через провидение, и отклоняет последствия, которые могут возникнуть, если руководствоваться любой из вышеописанных версий»[103].

В конце концов Франклин остановился на четвертом варианте, но не потому, что мог его доказать. Он пошел иным путем, воспользовавшись методом исключения и прислушавшись к интуиции, подсказывавшей, что полезнее для человечества. Любое из первых трех утверждений означало бы, что Бог не является бесконечно могущественными, добрым или мудрым. «Следовательно, мы неизбежно приходим к справедливости четвертого предположения», — писал он. Франклин признавал, что многие усматривают противоречие в том, что одновременно и Бог обладает бесконечным могуществом, и человек наделен свободной волей (этот парадокс и поставил его в тупик тогда, когда он писал свой лондонский трактат и потом отрекался от него). Вывод Франклина был таков: если Бог действительно всемогущ, он, безусловно, сможет найти способ поделиться свободной волей с теми, кого сотворил по своему образу и подобию.

Заключение Франклина, как того и следовало ожидать, было изложено в практичной формулировке: людям следует любить Бога и «молить Его о милости и защите». За рамки деизма он так и не вышел; Франклин видел мало пользы в молитвах с личными просьбами или в молитвах о чуде. В дерзком письме, позже написанном брату Джону, он подсчитал, что по всей Новой Англии было вознесено сорок пять миллионов молитв о победе французского укрепленного гарнизона в Канаде. «Если вы не добьетесь успеха, я боюсь, что на протяжении всей оставшейся жизни мое мнение о пресвитерианских молитвах в случаях, подобных этому, окажется предвзятым. И в самом деле, идя на приступ сильного города, следует полагаться больше на *действенность*, нежели на *веру*».

Взгляды Франклина были прежде всего продиктованы его

практицизмом. В заключительной фразе речи, произнесенной в Хунте, подчеркивалось: людям в социуме полезно верить в предложенную версию о Божественном провидении и свободной воле. «Это религиозное учение будет мощно руководить нашими поступками, подарит нам мир и спокойствие мыслей и представит нас щедрыми, полезными и благодетельными в глазах других людей»[104].

Не все религиозные размышления Франклина отличались такой серьезностью. Приблизительно тогда же, когда был прочитан доклад в Хунте, он сочинил для своей газеты рассказ, озаглавленный «Суд над ведьмами на горе Холли», — восхитительную пародию на пуританские мистические убеждения, противоречащие законам физики. Обвиняемым ведьмам предстоит пройти два теста. Первый — их взвесят на весах, на другой чаше которых находится Библия. Второй — их бросят в воду со связанными руками и ногами, чтобы удостовериться, смогут ли они плыть. Они соглашаются с одним условием: что двое обвинителей пройдут тот же тест. В сочных деталях Франклин описал, как происходило нелепое действо. Как обвиняемые, так и обвинители успешно превзошли в весе Библию. Но как обвиняемые, так и один из обвинителей смогли не утонуть в реке; это означало, что они ведьмы. Более разумные наблюдатели пришли благодаря эксперименту к заключению о том, что большинство людей от природы могут держаться на плаву. Другие были не так уверены, они решили подождать до лета, когда эксперимент можно было проводить с раздетыми людьми[105].

Свободомыслие Франклина лишило спокойствия его семью. Когда его родители написали о своих опасениях касаемо его «ложных представлений», Франклин ответил им письмом, в котором детально излагался религиозный подход, основанный на толерантности и практицизме, который и будет сопутствовать ему в жизни. Он писал, что со стороны любого человека глупо настаивать, что «все принципы, которых он придерживается, правдивы, а те, которые он отрицает, — ложны». То же можно было сказать о системах взглядов, присущих разным религиям. Их, говорил молодой прагматик, нужно оценивать по степени полезности: «Я думаю, нужно судить по их влиянию и последствиям; и если человек не имеет никаких воззрений, уменьшающих его добродетель или порочащих его, можно заключить, что среди них нет опасных. Надеюсь, что именно так обстоят дела со мной». Ему не было дела до богословских разграничений, которые так беспокоили его мать. «Я думаю, живая вера всегда страдала, если догма признавалась выше

добродетели. Библия гласит, что в последний день нас будут судить не по тому, что мы *думали*, а по тому, что мы *делали*… по деяниям, совершенным ради ближнего. Так написано в двадцать шестой главе Евангелия от Матфея». Его родители, более сведущие в тексте Библии, должно быть, поймали его на том, что имелась в виду двадцать пятая глава. Однако в итоге они перестали тревожиться о его еретических наклонностях[106].

Проект морального усовершенствования

Представление о Франклине среди как его поклонников, так и недоброжелателей во многом основывалось на восприятии включенного в автобиографию известного проекта, который он назвал «моральным усовершенствованием». Этот довольно странный порыв — последовательное упражнение в ряде добродетелей — кажется сейчас таким искренним и оригинальным, что невозможно не восхищаться им или не высмеивать его. Как позже с улыбкой заметил романист Д. Г. Лоуренс, «он создал список добродетелей, которые сам же дрессировал, будто серую верховую лошадь на ипподроме».

Важно взять на заметку насмешку и самоиронию в его шутливых воспоминаниях, написанных, когда ему исполнилось семьдесят девять лет. С некоторой насмешкой он назвал их «описанием смелого и трудноисполнимого проекта достижения морального совершенства». Повествованию присущ оттенок иронии-над-младшим-собой, который прочитывается в коротких забавных историях, которые он написал во Франции в то самое время, когда работал над этой частью автобиографии. Следует также заметить, что в молодости он стремился выполнить свою программу по моральному совершенствованию с подкупающей искренностью, и, кажется, даже став пожилым, по-прежнему гордился ее ценностью.

Франклин начал свои поиски приблизительно на том этапе, когда прекратил наносить бесполезные визиты на пресвитерианские мессы и начал формулировать собственные религиозные убеждения. Это предприятие носило свойственный ему практический характер. Здесь не содержалось никакого абстрактного философствования или отсылок к религиозным доктринам. Как Франклин позже с гордостью отметил, он не только убеждал людей становиться добродетельным: это было настоящее практическое руководство, подсказывающее, как достичь этой цели. Вначале он сочинил список из двенадцати добродетелей, которые он считал необходимыми, затем к каждой добавил краткое определение:

> *Воздержание:* есть не до пресыщения; пить не до опьянения.
>
> *Молчание:* говорить только то, что будет полезно другим людям или вам самим; избегать пустых разговоров.
>
> *Порядок:* каждой вещи свое место; каждому делу свое

время.

Решительность: иметь решимость делать то, что должно; без промедлений делать то, что решено.

Бережливость: тратить средства только чтобы принести пользу другим или себе (то есть не тратить впустую).

Трудолюбие: не терять времени даром; всегда заниматься чем-то полезным; избавиться от ненужных дел.

Искренность: не прибегать к оскорбительной лжи; держать мысли чистыми и справедливыми, так же обращаться со словами.

Справедливость: не делать никому зла, не допускать несправедливости и не пренебрегать добрыми делами, которые числятся среди обязанностей.

Умеренность: избегать крайностей; сдерживать чувство обиды, насколько возможно.

Чистота: не допускать нечистоты тела, одежды или жилища.

Спокойствие: не волноваться по пустякам, а также из-за обычных или неизбежных событий.

Целомудрие: предаваться любви, только чтобы сохранять здоровье и продолжать род, никогда не делать этого от скуки, слабости, в ущерб самому себе или благополучию и репутации другого.

Друг Франклина, квакер, любезно проинформировал его о том, что он кое-что упустил: его часто обвиняли в гордыне, сказал этот друг, ссылаясь на множество примеров в «заносчивости и высокомерии». Поэтому Франклин в качестве тринадцатой добродетели добавил в список смирение: «Подражайте Иисусу и Сократу»[107].

Описания, такие как, например, крайне мягкая характеристика целомудрия, поучительны. Таким был весь проект. Помимо этого, благодаря страстному стремлению к самосовершенствованию через добрые дела он был также чарующе американским.

Франклин заострил внимание на тех чертах характера, которые могли помочь ему преуспеть в этом мире, а не на тех, которые прославили бы его в дальнейшем. «Франклин воспевал типичную группу буржуазных добродетелей, — пишет социальный теоретик Дэвид Брукс. — Это не героические добродетели. Они не воспламеняют воображение и не возбуждают страсти, подобные аристократическому чувству чести. Эти

добродетели не особенно духовны. Но они носят практический характер и пропитаны демократическим настроением».

Также группа добродетелей, как указывал Эдмунд Морган и другие, выделена несколько эгоистично. К примеру, в нее не попали доброжелательство или милосердие. Однако нужно помнить, что для молодого торговца это являлось планом самоусовершенствования, а не развернутым списком моральных качеств. Доброжелательство было и останется для него мотивирующим идеалом, а милосердие, как утверждает Морган, «на самом деле являлось ведущим принципом в жизни Франклина». Основной принцип его морально-этических устоев, как он неоднократно заявлял, был таков: «Самые угодные Богу дела — это добрые деяния ради людей»[108].

Овладеть всеми этими тринадцатью добродетелями одновременно оказалось «задачей более сложной, чем я предполагал», — вспоминал Франклин. Проблема заключалась в том, что «в то время как все мое внимание было приковано к исправлению одного недостатка, другой часто мог застать врасплох». Поэтому он решил разрешить этот вопрос, как взрослый человек, которому «предстоит прополоть сад, но он не пытается искоренить все сорняки одновременно, ведь это превысило бы его возможности и силы. Вместо этого он работает над каждой грядкой в отдельности».

На страницах маленькой записной книжки Франклин создал таблицу с семью красными столбцами для дней недели и тринадцатью горизонтальными линиями, в которых отметил добродетели. Несоблюдения отмечались черными точками. В первую неделю он сосредоточился на воздержании, стараясь заботиться только об этом и не беспокоиться об остальных. После укрепления этой добродетели мог обратить внимание на следующую, надеясь, что предыдущий пункт станет соблюдаться по инерции. В течение года он четырежды должен был пройтись по тринадцатинедельному циклу.

«Я был удивлен, обнаружив, насколько во мне больше недостатков, чем я ожидал», — иронично заметил Франклин. Его записная книжка испещрена дырами из-за отметок, которые он стирал, чтобы снова использовать страницы. Поэтому впоследствии стал вести таблицы на дощечках из слоновой кости — так отметки стирались намного проще.

Самое большое затруднение возникло с добродетелью порядка. Франклин, зная о своей неряшливости, в конце концов решил, что так занят и обладает настолько хорошей памятью, что ему не нужно стремиться к порядку. Он сравнивал себя с торопыгой, который приходит заточить топор, но спустя какое-то

время теряет терпение и объявляет: «Я полагаю, затупившийся топор мне нравится больше». Вдобавок, как вспоминал он, веселясь, обнаружилось еще одно удобное и разумное объяснение: «Нечто похожее на голос разума временами подсказывало мне, что такая крайняя щепетильность, которой я добивался от себя, могла показаться щеголяньем положительными качествами. Если бы об этом стало известно, я предстал бы в нелепом свете; ведь самый идеальный характер мог восприниматься предвзято в случае зависти или ненависти».

Со смирением также возникли сложности. «Не могу похвастаться большим успехом в *подлинном* достижении этой добродетели, но я доволен своими успехами в *подражании* ей», — писал он, вторя тому, что сказал о демонстрации трудолюбия, когда перевозил в телеге бумаги по улицам Филадельфии. «Возможно, из всех наших природных страстей сложнее всего подчинить гордыню; скрывайте ее, боритесь с ней, свалите ее с ног, душите ее, умерщвляйте, как угодно вашей душе, — она все равно останется жива и будет то и дело выглядывать наружу и демонстрировать себя». Сражение с гордыней увлекало и забавляло его всю оставшуюся жизнь. «Вы, вероятно, часто увидите следы гордыни в этой истории. Поскольку даже если бы я мог представить себе, будто полностью преодолел ее, скорее всего возгордился бы своей скромностью».

И действительно, он всегда будет с некоторой гордостью говорить о своем проекте морального усовершенствования. Пятьдесят лет спустя, флиртуя с дамами во Франции, он вытащит на свет доски из слоновой кости и станет красоваться своими добродетелями, да так, что одного из его французских друзей осчастливит одно лишь прикосновение к «этому драгоценному буклету»[109].

Идеалы эпохи Просвещения

План по достижению добродетелей в сочетании с религиозными взглядами, которые Франклин сформулировал в то же время, заложили фундамент его пожизненных убеждений. Они основывались на практическом гуманизме и вере в благоволящего, но далекого Бога, лучшее служение которому заключалось в доброжелательности к ближним. Идеи Франклина так никогда и не созрели до того, чтобы стать глубокой этической или религиозной системой. Он сконцентрировался скорее на понимании добродетели, а не на милости Господней, а его убеждения основывались больше на идее полезности, чем на религиозности.

В его взглядах оставались некоторые пережитки пуританского воспитания (склонность к экономии, отсутствие притворства, вера в то, что Бог ценит трудолюбивых). Но он отделил эти идеи от пуританских верований, связанных со спасением избранных, а также от других убеждений, которые не считал полезными для улучшения поведения человека в миру. Его жизнь, как отметил ученый из Йельского университета А. Уитни Гризвольд, показывает, «чего можно достичь, отделив пуританские традиции от пуританских верований».

Он также был намного менее ограниченным во взглядах, чем Коттон Мэзер или другие пуритане. И в самом деле, Франклин подшучивал над профессиями, связанными с верой, но приносившими мало пользы в светской жизни. Как пишет А. Оуэн Элдриж, «пуритане были известны постоянным самокопанием, волнениями о грехах, подлинных или мнимых, и мучениями относительно неопределенности спасения. У Франклина вы не найдете подобного анализа. Можно тщательно изучить его работу от первой до последней страницы — и вы не обнаружите ни единого признака религиозной тревоги»[110].

Аналогично он не видел смысла в сентиментальной природе романтической эпохи с ее акцентом на эмоциональность и вдохновение. Романтизм начал свое шествие вначале по Европе, а затем по Америке во второй половине жизни Франклина. В результате его будут критиковать такие представители романтизма, как Китс, Карлейль, Эмерсон, Торо, По и Мелвилл[111].

Вместо этого Франклин идеально соответствует образу Просветителя, действующего в век Разума, — и в этой области он действительно стал первым великим представителем Америки. Движение Просвещения, возникшее в Европе в конце XVII века,

характеризовалось акцентом на разум и обозримый опыт, недоверием к религиозным догмам и традиционным источникам, а также оптимизмом относительно образования и прогресса. К этому перечню Франклин добавил элементы собственного практицизма. Он был способен (как подметили романист Джон Апдайк и историк Генри Стил Коммаджер наряду со многими другими авторами) ценить активность, присущую пуританской вере, и отделять ее от жесткой догмы таким образом, чтобы она могла процветать в атмосфере просветительского свободомыслия[112].

В трудах, посвященных религии, созданных на протяжении последующих пяти десятков лет, Франклин редко демонстрировал горячность. Так было по большей части из-за того, что он ощущал тщетность борьбы с теологическими доктринами, по которым у него не было эмпирических данных и, таким образом, не имелось рационального основания для формулировки определенного мнения. Вместо этого ему предстояло поймать удары молнии, упавшие с райских высот, с помощью воздушного змея и тщательно изучить их.

Таким образом, он оказался проповедником толерантности. Он чувствовал, что обилие богословских споров вызывает брожение в обществе, а попытка удостовериться в божественных фактах все равно остается за пределами возможностей смертного человека. Он также не считал подобные занятия общественно полезными. Цель религии в том, чтобы сделать людей лучше и улучшить общество, и любое вероисповедание или убеждение, которое этому способствовало, было ему по душе. Описывая в автобиографии свой проект по моральному усовершенствованию, он заметил: «В нем не было следа отличительных убеждений, принадлежащих конкретному вероисповеданию. Я намеренно их избегал, поскольку совершенно убежден в полезности и превосходстве собственного метода, а также в том, что он может оказаться полезен людям любого вероисповедания. Я собирался рано или поздно опубликовать его. Излагая свой метод, я бы не публиковал ничего, что могло бы создать предрассудки против человека или вероисповедания».

Эта простота в убеждениях Франклина должна была повлечь за собой насмешки над ним со стороны снобов и несоответствие канонам основательной философской системы. Альберт Смит, который в XIX веке собрал все выпуски газеты Франклина, объявил: «Его система взглядов никогда не выходила за рамки скромных сентенций, построенных на мирском благоразумии». Но Франклин и сам признавал, что его религиозные и этические взгляды не основывались на глубоком анализе метафизических

размышлений. Вот что он заявил своему другу на более позднем этапе жизни: «Огромная доля неопределенности, которую я обнаружил в метафизических рассуждениях, вызвала во мне отвращение, и я бросил подобного рода чтение и учение, которое другим кажется удовлетворительным».

Более удовлетворительной, чем метафизика, или поэзия, или экзальтированные романтические тенденции, была способность смотреть на происходящее с прагматичной и практической точки зрения. Имелись ли благотворные результаты? Для него существовала связь между гражданской и религиозной добродетелью, между служением ближним и славлением Бога. Ему не было стыдно за простоту своих взглядов. Он объяснял эту позицию в ласковом письме к жене: «Бог очень добр к нам. Давай же… выкажем Ему свою благодарность, продолжая делать добрые дела ближним»[113].

Бедный Ричард и путь к богатству

Публикация «Альманаха Бедного Ричарда», которую Франклин предпринял в конце 1732 года, преследовала две цели, имевшие отношение к его философии блага-через-добрые-дела: зарабатывание денег и популяризация добродетели. За двадцать пять лет, пока выходил альманах, он превратился в образец американского юмора. Вымышленный Бедный Ричард Сондерс и его ворчливая жена Бриджит (как и их предшественники Сайленс Дугуд, Энтони Афтервит и Элис Аддертанг) помогли определить будущую доминирующую традицию в американском народном юморе: наивная насмешливость и простая мудрость непритязательных персонажей, которые кажутся чарующе невинными, но на самом деле готовы высмеять претензии элиты и глупость повседневной жизни. Бедный Ричард и другие персонажи, подобные ему, «создают впечатление обезоруживающе простых ребят, которые лучше других разбираются в сути забавных явлений, — отмечает историк Алан Тейлор. — Длинная череда юмористов, от Дэйви Крокетта и Марка Твена до Гаррисона Кейллора, будут работать с прототипами, созданными Франклином»[114].

Для молодого печатника выпуски альманаха оказались приятным источником ежегодных доходов: продажи превышали даже продажи Библии (потому как их нужно было покупать ежегодно). Шесть альманахов вышли в Филадельфии, два из них напечатал сам Франклин — альманахи Томаса Годфри и Джона Джермана. Однако после того как его отношения с Годфри испортились из-за сватания и после того как Джерман ушел от него к его сопернику Эндрю Брэдфорду, Франклин обнаружил, что к осени 1732 года у него не осталось альманаха, финансово помогающего в печатном деле.

И тогда он немедленно организовал собственный альманах, форматом и стилем походивший на другие и, в частности на альманах Титана Лидза, который издавал его вслед за своим отцом (в Филадельфии издание пользовалось огромной популярностью). Имя Бедный Ричард, основанное на игре слов{30}, ассоциировалось с «Альманахом Бедного Робина», который публиковал брат Франклина Джеймс. И Ричард Сондерс — настоящее имя писателя, проживавшего в Англии в конце XVII века[115].

Однако Франклин использовал кое-какой оригинальный прием. Он применил псевдоним для того, чтобы позволить себе развернуть длительную вражду со своим соперником Титаном

Лидзом, держа ироническую дистанцию. Сначала он предсказал, а затем и выдумывал факт его смерти. В объявлении, опубликованном в «Пенсильванской газете», без ложной скоромности обещалось:

> Опубликовано в 1733 году: Бедный Ричард: Альманах, содержащий сведения о лунных месяцах, затмениях, движении планет и их фазах, погоде, солнце, о восходе и заходе луны, приливах и т. д., в нем также есть множество приятных и забавных стихов, шуток и высказываний, пояснение мотивов автора, предсказание смерти его друга мистера Титана Лидза… Написанный Ричардом Сандерсом, филоматом{31}, напечатано и продано Б. Франклином по цене 3 шиллинга 6 пенсов за дюжину[116].

Годы спустя Франклин будет вспоминать, что он считал свой альманах «аппаратом для насаждения просвещения среди простого люда» и поэтому заполнял его пословицами, которые «прививали трудолюбие и бережливость как инструменты для приобретения богатства добродетельным способом». В то же время у него также имелся и другой мотив, касаемо которого он был решительно настроен. Вымышленный автор оказался хорош тем, что появлялась возможность подтрунивать над собой и, шутя лишь отчасти, признавать от имени Бедного Ричарда, что деньги — его главный мотив. «Я мог бы попытаться завоевать популярность, объявив, что пишу альманахи только с одной целью — заботой об общественном благе. Но, поступив так, был бы неискренен, — так начинал первое предисловие Бедный Ричард. — Правда без прикрас в этом вопросе такова: я чрезмерно беден, а моя жена… грозилась неоднократно сжечь все мои книги и дребезжащие штуковины (так она называет мои инструменты), если я не извлеку из них финансовой выгоды для семьи»[117].

Бедный Ричард далее предсказывал: «неминуемую смерть» своему сопернику Титану Лидзу, указывая точный день и час. Эту уловку он заимствовал у Джонатана Свифта. Лидз попался в ловушку и в 1734 году в своем собственном альманахе (созданном после даты предсказанной смерти) назвал Франклина «самодовольным писакой», который «выставил себя дураком и обманщиком». Франклин, обладавший собственным печатным станком, имел преимущество: он читал Лидза перед тем, как опубликовал собственный выпуск за 1734 год. В нем Бедный Ричард ответил, что клеветнический характер заявлений подтверждает, что подлинный Лидз и вправду мертв, а новый альманах — фальсификация, подстроенная кем-то другим.

«Мистер Лидз был слишком хорошо воспитан для того, чтобы использовать кого-либо настолько непристойно и трусливо, и помимо этого его уважение и расположение ко мне были чрезвычайно велики».

В своем альманахе за 1735 год Франклин снова высмеял острые на язык ответы «покойного» соперника: «Титан Лидз при жизни никогда бы так со мной не поступил!» — и вдобавок поймал Лидза на словесном ляпе. Лидз объявил, что «неправдой» были якобы его собственные слова, предсказывающие, что он «будет жить вплоть до» указанной даты. Франклин резко и остроумно ответил ему, что если бы неправдой было то, что он дожил до указанной даты, тогда он должен, соответственно, быть «действительно усопшим и мертвым». «Каждому человеку, прочитавшему два последних альманаха, ясно как день, — издевался Бедный Ричард, — что ни один живой человек не станет и не сможет писать такие вещи»[118].

Даже после того как Лидз на самом деле умер в 1738 году, Франклин не смилостивился. Он напечатал письмо от лица призрака Лидза, в котором тот признавал, «что я действительно умер в указанное Вами время, с отклонением только в пять минут пятьдесят три секунды». После этого Франклин заставил призрака предсказать судьбу другого соперника Бедного Ричарда: Джон Джерман должен был обратиться в католицизм в следующем году. Франклин продолжал насмехаться над ним еще четырех года, даже после того, как получил контракт на издание альманаха Джермана. В конце концов расположение Джермана исчерпалось, и в 1743 году он снова передал дело Брэдфорду. «Читатель может ожидать, что я напишу ответ к Р. С-су под именем Б. Ф-на, доказывающего, что я не протестант», — писал он, прибавляя: из-за «этого остроумного спектакля [он] не извлечет выгоду из моего альманаха в этом году»[119].

Франклин забавлялся, скрываясь за маской Бедного Ричарда, но также временами получал удовольствие, создавая прорехи в этой маске. В 1736 году заставил Бедного Ричарда отрицать слухи о том, что тот явился плодом художественного вымысла. Он не собирался этого признавать и заявил, «что отреагировал бы на любое настолько необоснованное заявление, если бы при этом меня не останавливало опасение за издателя, которому мои враги с радостью припишут мои произведения и которому, как мне кажется, настолько же не хочется приписывать себе авторство за мое детище, как и мне потерять его». На следующий год Бедный Ричард обвинил своего печатника (Франклина) в том, что он намеренно допустил некоторые ошибки в прогнозах погоды, сдвинув их таким образом, чтобы подгадать с предсказаниями на

время праздников. А в 1739 году он сокрушался, что печатник мог прикарманить прибыль, но тут же добавлял: «Я не держу на него зла; я очень считаюсь с этим человеком».

Ричард и Бриджит Сондерс действительно во многих отношениях отражали образ мышления Бенджамина и Деборы Франклинов. В альманах на 1738 год Бриджит, придуманная Франклином, написала предисловие. Это случилось вскоре после того, как Дебора Франклин купила мужу фарфоровую чашку, и в то время, когда в своей газете Франклин высмеивал претензии жен, проникшихся страстью к роскошным чайным церемониям. Бриджит Сондерс сообщила читателям, что прочитала написанное ее мужем предисловие, обнаружила, что тот «отпускал некоторые старые шуточки в мой адрес», и выбросила их из текста. «Разве не может быть у меня двух-трех недостатков так, чтобы вся страна не наблюдала их в печати! Всем уже известно, во-первых, что я заносчива, во-вторых, что криклива и что у меня новая нижняя юбка и уйма подобных вещей. А теперь — поистине! Весь мир должен знать, что жена Бедного Дика в последнее время пристрастилась время от времени попивать чай». Чтобы не упустить связи с Франклином, она указала, что чай был «подарком от печатника»[120].

Ежегодные занятные предисловия Бедного Ричарда, увы, так никогда и не стали столь же знаменитыми, как афоризмы и изречения, которые Франклин в скобках приписывал повсюду в тексте ежегодно выпускаемых альманахов. Среди них самыми известными были слова: «Рано ложиться и рано вставать — вот что делает человека здоровым, богатым и умным». Франклина позабавило бы, узнай он, как исправно цитировали эту фразу последующие адепты самосовершенствования. И еще больше он позабавился бы, послушав юмористов, высмеивающих этих людей. В скетче с ироничным названием «Покойный Бенджамин Франклин» Марк Твен замечал: «Разве найдется мальчик, который захочет быть здоровым, богатым и умным на таких условиях? Невозможно описать словами, сколько печалей принесло мне это изречение, когда родители, вооружившись им, ставили на мне опыты. Закономерным результатом является мое нынешнее расстройство здоровья, финансов и рассудка. Бывало, нет еще и девяти утра, а мои родители поднимают меня с постели, и это в столь раннем возрасте. Если бы только они дали мне отдохнуть, как того хотела природа, кем бы я мог оказаться сейчас? Не меньше, чем владельцем магазина, и, несомненно, всеми уважаемым человеком». Граучо Маркс также пошучивал на эту тему в своих мемуарах: «„Рано ложиться и рано вставать — вот что делает человека сами-знаете-каким“. Как много по этому

поводу шумихи. Самые состоятельные люди, которых я знаю, любят долго спать по утрам и пошлют кого угодно к дьяволу, если их потревожат до трех часов дня… Невозможно представить, как Мэрилин Монро встает в шесть утра. По правде говоря, я и вовсе не представляю, как Мэрилин Монро просыпается, неважно в котором часу, что еще хуже»[121].

Большинство высказываний Бедного Ричарда, по сути, не были полностью самобытными, как откровенно признавал и сам Франклин. В них «нашла отражение мудрость многих столетий и народов», говорил он в своей автобиографии, в заключительном выпуске отмечая: «Даже десятая доля мудрости не принадлежала мне». Так, похожая версия его высказывания «рано ложиться и рано вставать» появилась в коллекции английских поговорок на сто лет раньше[122].

Талант Франклина заключался в умении изобретать немного новых афоризмов и совершенствовать множество старых, делая их более содержательными. Например, из старой английской поговорки: «Свежая рыба и новоприбывшие гости хорошо пахнут, пока не пройдет три дня», — Франклин сделал вот что: «Гости, как рыба, начинают дурно пахнуть спустя три дня». Подобным образом изречение «Закутанная кошка — плохой мышелов» превратилось в «Кот в перчатках мышь не поймает». Он взял старое высказывание «Многие удары валят большие дубы» и обострил в нем моральную сторону: «Малые удары валят большие дубы». Он также обострил «Трое надежно хранят секрет, только если двое из них отсутствуют» до «Трое надежно хранят секрет, если двое из них в могиле». А шотландское высказывание «внемлющая барышня и говорящая твердыня никогда не обретут хорошей репутации» он превратил в «ни крепость, ни девственность не продержатся долго после того, как вступят в переговоры»[123].

Даже несмотря на то что большинство афоризмов были привнесены извне, в них отражалось его мнение о том, что он считал полезным и понятным. Известны следующие самые лучшие афоризмы:

> Дурак тот, кто делает врача своим наследником… Нужно есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть… Тот, кто ложится с собаками, встает с блохами… Там, где брак без любви, будет любовь без брака… Необходимость никогда не ведет к выгодным покупкам… На свете больше старых пьяниц, чем старых врачей… Лучшая проповедь — это добрый пример… Нет лучшего проповедника, нежели муравей, и при этом он ничего не

говорит… Монета достоинством в один пенни наверняка помогает отложить два пенса… Когда колодец высыхает, мы понимаем, как важна вода… Спящая лиса птицу не поймает… Ключ, которым пользуются, всегда блестит, как новый… Кто живет надеждой, рискует умереть, пуская ветры (farting) [позже он написал «умереть голодным» (fasting), а ранняя версия могла иметь место из-за опечатки]… Усердие — мать удачи… Тот, кто гонится за двумя зайцами одновременно, не поймает первого и упустит второго… Ищите в других достоинства, а в себе — недостатки… Короли и медведи часто беспокоят своих стражей… Поспешишь — даром потеряешь время… Спеши не торопясь… Умножающий богатства, умножает заботу… Не бывает приобретений без усилий… Порок, зная о своем уродстве, скрывается под маской… Самые большие глупости состоят из слишком хитро закрученной мудрости… Любите своих врагов, потому что они расскажут вам о ваших недостатках… Ты настолько виновен в своих недостатках, насколько велико твое раздражение от упреков в них… Есть время для того, чтобы закрывать глаза, есть время — чтобы видеть… Гений без образования — как серебро в шахте… Никогда не существовало хороших ножей, сделанных из плохой стали… Половина правды зачастую огромная ложь… Бог помогает тем, кто помогает себе сам.

Альманах Франклина отличался, в частности, озорным остроумием. Когда в 1738 году, заканчивая составление выпуска, он написал в свою газету письмо, используя псевдоним Филомат, в нем он высмеивал своих соперников, давая им саркастичные советы, как нужно писать альманахи. Необходимый талант, говорил он, «это своего рода равновесие, при котором соблюдается золотая середина между скукой и абсурдом». Это так, поскольку «важные персоны воспринимаются простым народом как мудрецы». В дополнение автор «должен писать предложения и вкраплять намеки, которые ни он сам, ни кто-либо другой не поймет». В качестве примера он процитировал некоторые фразы, использованные Титаном Лидзом[124].

В последнем выпуске, завершенном по пути в Англию в 1757 году, Франклин подведет итог вымышленной речью старика по имени отец Абрахам, который связывает воедино все изречения Бедного Ричарда, касающиеся необходимости быть экономным и добродетельным. Однако насмешливый тон Франклина даже

тогда остался неизменным. Бедный Ричард, стоящий в задних рядах толпы, пишет в конце: «Люди выслушали все и, одобрив научения, незамедлительно повели себя прямо противоположным образом»[125].

Все это подарило Бедному Ричарду успех, а его создателя сделало богатым. Альманах ежегодно продавался десятитысячными тиражами, обогнав соперников в Филадельфии. Джон Питер Зенгер, чей знаменитый судебный процесс освещался в газете Франклина, купил триста шестьдесят за год. Вдова Джеймса продавала около восьмисот в год. Речь отца Абрахама, в которой собраны высказывания Бедного Ричарда, была опубликована под заглавием «*Путь к изобилию*» и стала самой знаменитой книгой, изданной в колониальной Америке. В течение сорока лет она пережила сто сорок пять изданий на семи языках. Французский вариант был озаглавлен La Science du Bonhomme Richard. К настоящему времени эта книга прошла через более чем тысячу триста изданий.

Проект по моральному усовершенствованию и «Автобиографию», написанные Франклином, а также высказывания Бедного Ричарда критиковали за то, что в них автор продемонстрировал образ мышления прижимистого зануды. «Ушло много лет и бесчисленных хитроумных уловок на то, чтобы избавиться от прицепившегося морального предубеждения, будто Бедный Ричард скроен из чего попало», — писал Д. Г. Лоуренс. Но оппоненты не замечают юмор и иронию, равно как и сочетание ума и такта, которые искусно вводил Франклин. Из-за этого автора часто путают с персонажами, которых он создал. Подлинный Франклин не был ханжой, он отнюдь не стал посвящать жизнь накоплению богатства. «Повсеместный недостаток человечества, — говорил он другу, — это бесконечные поиски богатства». Он хотел вдохновить торговцев стать более усердными, а следовательно, более полезными и добродетельными гражданами.

Альманах Бедного Ричарда действительно дает нам интересный материал для анализа личности Франклина, особенно его острого ума и кругозора. Полускрытый за вымышленными персонажами, Франклин снова последовал правилу Хунты, озвучивая свои мысли только окольными путями. В этом он вел себя в соответствии с советами, которые вложил в уста Бедного Ричарда. «Пускай все люди знают тебя, но ни один из них не знает тебя досконально: люди покинут тебя, увидев твои недостатки»[126].

Глава 5. Общественный деятель *(Филадельфия, 1731–1748)*

Организации для общественного блага

Отличительной чертой Франклина было развитое чувство гражданского долга. Он больше заботился о поведении в обществе, нежели о внутреннем благочестии, был более заинтересован в построении Града человеческого, нежели Града Господнего. Правило, которое он высказал во время своего первого возвращения из Лондона: «Человек — существо социальное», — отражалось не только в том, что он ставил общественное благо превыше своего личного. По его убеждению, доброжелательность — это добродетель, которая объединяет общество. Бедный Ричард сформулировал эту мысль так: «Тот, кто распивает свой сидр в одиночестве, пускай один и ловит своего коня».

Такое общинное мировоззрение в 1730-х годах приведет Франклина, печатника двадцати с лишним лет, к идее запустить с помощью Хунты различные общественные организации, включая библиотеку с выдачей книг на дом, пожарную команду, корпус ночных постовых, а позже больницу, милицию и колледж. «Добро, которое люди могут сделать в одиночку, — писал он, — невелико по сравнению с тем, что можно сделать сообща».

Франклин приобрел склонность к формированию благотворительных ассоциаций от Коттона Мэзера и других. Пока он прививал эти традиции (ставшие неизменной частью американской жизни), организаторский запал и оживленный характер сделали его влиятельным человеком. «Американцы в любом возрасте, с любым образом жизни и любым характером вечно создают ассоциации, — в изумлении сказал Токвиль. — Таким способом у них появляются больницы, тюрьмы и школы».

Токвиль пришел к заключению, что в Америке существует изначальная борьба между двумя противоречивыми импульсами: духом яростного индивидуализма и духом общности и формирования ассоциаций. Франклин не согласился бы с этим. Основной особенностью жизни Франклина и американского общества, которое он помог создать, было то, что индивидуализм и коллективизм, кажущиеся столь антагонистичными, переплетены между собою. Новые земли влекли к себе первопроходцев, помогающих друг другу в строительстве ферм, их ярый индивидуализм сочетался с желанием единения, которое выражалось в создании различных сообществ. Франклин был образцом этого сплава уверенности в своих силах и гражданской инициативы, а то, что он представлял, стало, в свою очередь, частью американского духа[127].

Платная библиотека Франклина, первая на территории Америки, начала свое существование, когда он предложил в Хунте, чтобы каждый ее член принес книги в здание клуба, чтобы остальные могли их использовать. Это предприятие имело успех, но для пополнения коллекции и последующего ухода за ней нужны были деньги. Поэтому он решил привлечь к участию подписчиков, которые оплачивали бы сборы за право одалживать книги, большую часть из которых привезут из Лондона.

Филадельфийское общество, занимающееся библиотекой по подписке, было создано в 1731 году, когда Франклину исполнилось двадцать семь. Девиз этого общества, написанный Франклином, отражал связь, которую он нашел между добродетелью и набожностью: Communiter Bona profundere Deum est («Внести дальнейшие выплаты, поскольку общее благо священно»).

Привлечь средства оказалось не так уж легко. «В то время в Филадельфии было так мало читателей, а большинство из нас были так бедны, что я не мог, даже изрядно потрудившись, найти более пятидесяти человек. В основном это были молодые торговцы, готовые платить». Занимаясь этим, он усвоил один из самых практически значительных уроков о зависти и скромности: он обнаружил, что люди неохотно поддерживали «лицо, предлагающее любой полезный проект, который мог предположительно укрепить его репутацию». Поэтому он позиционировал себя, «насколько возможно, вне поля зрения общественности» и приписывал идеи своим друзьям. Этот метод работал настолько хорошо, что «я с тех пор постоянно применял его». Люди со временем отдадут вам должное, заметил он, если вы не будете пытаться преждевременно претендовать на их оценку. «Пожертвуйте своим тщеславием сейчас — и впоследствии будете щедро вознаграждены».

Выбор книг, рекомендованных эрудированными жителями Филадельфии, такими как Джеймс Логан, состоятельный торговец мехом и ученый-практик, с которым Франклину посчастливилось подружиться на этой почве, отражал интеллектуальный склад Франклина. Из первых сорока пяти приобретенных книг девять были посвящены науке, восемь — истории и восемь — политике. Бóльшая часть оставшихся были справочниками. Среди них не оказалось романов, драм, стихов или великих литературных произведений, за исключением двух классиков (Гомера и Вергилия).

Ежедневно Франклин проводил час-два за чтением в библиотеке «и таким образом отчасти восполнял пробелы в образовании, которое когда-то намеревался дать мне отец». Его

участие в проекте также помогло ему подняться по социальной лестнице: Хунта состояла в основном из бедных торговцев, но библиотека по подписке позволила Франклину заполучить покровительство самых знатных людей в городе, а также положить начало дружбе, продлившейся всю жизнь, с Питером Коллинсом, лондонским торговцем, который согласился помочь с приобретением книг. С течением времени идея местных библиотек по подписке прижилась и в остальных колониях, равно как и идея членских выплат. «Эти библиотеки улучшили повседневную речь американцев, — позже отметил Франклин, — и сделали обыкновенных торговцев и фермеров настолько же эрудированными, насколько большинство знатных людей в других странах». Проект библиотек по подписке The Library Company процветает по сей день. В нем числится пятьсот тысяч книг и сто шестьдесят рукописей, он остается значительным историческим хранилищем, а также самым старым культурным учреждением в Соединенных Штатах[128].

Франклин зачастую запускал новые проекты гражданских улучшений, публикуя их в своей газете под псевдонимом. Используя имя Пеннсильваниус, он составил портрет «храброго человека», который добровольно решил бороться с пожарами, и предложил, чтобы те люди, которые не присоединились к пожарным, помогли с затратами на приобретение лестниц, ведер и насосов. Годом позже в эссе, которое он прочитал на собрании в Хунте, а затем опубликовал как письмо, написанное в редакцию газеты, он предлагал сформировать пожарную команду. Снова позаботившись о том, чтобы не приписывать заслуги себе, притворился, будто письмо написал старик (который заявлением, что «унция предупреждения стоит фунта лечения», очень напоминал Бедного Ричарда). В Филадельфии имеется много энергичных волонтеров, заметил он, но им не хватает «организованности и методичности». Таким образом, он сказал, что им следует принять во внимание примеры, существующие в Бостоне, и организовать клубы пожарников с особыми обязательствами. Всегда любивший конкретизацию во всем, Франклин с готовностью детально описал эти обязательства: должны быть смотрящие, которые возьмут «полутораметровые красные знамена», помимо этого будут выполнять функции топорщиков, багорщиков и других работников.

«Об этом много говорили как о полезном предприятии», — вспоминал Франклин в автобиографии. Так он решил организовать объединенную пожарную команду, которая была зарегистрирована в 1736 году. Он проявил большую придирчивость, детализируя правила и штрафы, которые

предстояло взимать за нарушение дисциплины. Поскольку план принадлежал Франклину, он также включал в себя социальный элемент; каждый месяц члены команды встречались за ужином, «чтобы провести совместный вечер, обсуждая и делясь идеями, подобными той, которая возникла касаемо пожаров». Столько людей пожелало вступить в команду — как в свое время в Хунту, — что по городу пришлось создать дочерние филиалы.

Франклин на протяжении многих лет по-прежнему принимал активное участие в деятельности объединенной пожарной команды. В 1743 году в «Пенсильванской газете» напечатали небольшую заметку: «Во время недавнего пожара на Уолтер-стрит утеряны два кожаных манжета, отмеченные надписью B. Franklin & Co. Любой, кто принесет их издателю этой газеты, будет вознагражден за хлопоты». Пятьдесят лет спустя, вернувшись из Парижа после великой Революции, он собрал четырех оставшихся членов команды, попросив их принести их кожаные манжеты на встречу[129].

Франклин также пытался улучшить неэффективную городскую полицию. В то время плохо организованными группами постовых управляли констебли, которые либо вербовали соседей, либо вымогали у них денежные средства за возможность уклониться от службы. Это привело к тому, что состав бригад менялся, люди мало зарабатывали и, как отметил Франклин, проводили бóльшую часть ночи, просто напиваясь. И снова Франклин предложил решение в статье, написанной для Хунты. В ней предлагалось, чтобы труд постовых, которые будут работать полный рабочий день, должным образом субсидировался с помощью имущественного налога, рассчитанного в соответствии со стоимостью каждого дома. Здесь прозвучали первые аргументы в поддержку прогрессивного обложения налогами в Америке. Было несправедливо, писал он, что «бедная безработная вдова, все имущество которой охраняется постовым, возможно, не может заплатить больше пятидесяти фунтов, а платит столько же, сколько самый богатый купец, у которого тысячи фунтов, учитывая стоимость товаров в магазинах».

В отличие от пожарных ассоциаций, полицейские патрули задумывались как правительственный орган и нуждались в одобрении Ассамблеи. Как следствие, они сформировались только в 1752 году, «когда члены наших клубов возымели большее влияние». К этому времени Франклин был членом местного законодательного органа и помогал составлять детальный план организации постовых[130].

Масоны

Еще одно братство, более аристократичное, чем Хунта, уже существовало в Филадельфии и, казалось, идеально подходило для целей Франклина: Великая ложа вольных и испытанных масонов. Масонство, полусекретная организация «вольных каменщиков» на основе древних ритуалов и символов, появилось в Лондоне в 1717 году. Первая ложа в Филадельфии возникла в 1727 году. Как и организации Франклина, масоны проповедовали принципы братства, общественного труда и не соотносили свое учение с какой-либо конкретной религией. Общение с ними также предоставляло Франклину возможность сделать еще один шаг по социальной лестнице: многие городские торговцы и юристы были масонами.

Карьерный рост не был распространенным явлением в XVIII веке. Но Франклин с гордостью отнесся к этому как к миссии — в действительности, он помог сделать чертой самосознания американца веру в то, что торговец может преуспеть в жизни и предстать перед королями. Это далось не сразу, и вначале особенно сложно было получить приглашение в масонскую ложу. Поэтому он начал печатать небольшие похвальные заметки о масонах в своей газете. Когда это не сработало, попытался применить более решительную тактику. В декабре 1730 года Франклин писал длинные статьи, которые имели целью, основываясь на бумагах умершего в то время члена организации, раскрыть некоторые секреты, включая тот факт, что большинство секретов являлись простой мистификацией.

Несколько недель спустя его пригласили вступить в ложу, после чего «Газета» отказалась от декабрьской статьи, и взамен тут же были напечатаны несколько лестных заметок о масонстве. Франклин стал верным братом. В 1732 году он помог спроектировать уставные нормы ложи в Филадельфии, а два года спустя стал Великим магистром масонской ложи и напечатал ее конституцию[131].

Верность масонству вовлекла Франклина в скандал, который проиллюстрировал его отвращение к конфликтам. Летом 1737-го юный подмастерье по имени Дэниел Риз хотел вступить в братство. Компания шумных знакомых, которые не были масонами, решила подшутить над ним. Они выдумали церемонию со странными клятвами, приемом слабительного и целованием задов. Когда они рассказали Франклину о своей проделке, он рассмеялся и попросил копию поддельных клятв. Несколько дней спустя шпана устроила другую церемонию, в результате которой

несчастный Риз случайно погиб, сварившись в котле с кипящим бренди. Франклин не участвовал в инциденте, но его вызвали свидетелем в последующем суде по делу о непредумышленном убийстве. Газета Эндрю Брэдфорда, который не был ни другом Франклина, ни масоном, обвинила Франклина в косвенной ответственности за происшедшее, ведь он поощрял действия мучителей.

Отвечая на это в собственной газете, Франклин признал, что изначально смеялся над шуткой. «Но когда дело дошло до замыслов дать несчастному мощное слабительное, указания поцеловать зад участника Т., а также произнести сатанинские клятвы, которые Р — н прочитал нам, для меня все приняло серьезный оборот». Впрочем, в правдивости его слов заставляет сомневаться тот факт, что он попросил прочитать ему клятвы, а затем, веселясь, показывал их друзьям.

Новости о трагедии и участии в ней Франклина были опубликованы в антимасонских газетах по всем колониям, включая бостонскую «Ньюз Леджер», и дошли до ушей его родителей. В письме он пытался унять тревогу матери. «В большинстве своем это совершенно безобидные люди, — писал он, — у них нет правил или практик, которые противоречат религиозным или светским законам». Он, однако, допустил, что у матери есть право выражать недовольство тем, что они не принимают в свои ряды женщин[132].

Великое пробуждение

Хоть Франклин и не воспринимал религиозные доктрины и в собственной вере вряд ли был набожнее деистов, интерес к религии в нем жил, особенно к тому, как она влияет на общество. В 1730-х годах он заинтересовался двумя проповедниками. Первый был неортодоксальным свободным мыслителем, подобным ему самому, второй — фанатичным деятелем духовного возрождения, чей яростный консерватизм противоречил большинству взглядов Франклина.

Сэмюэл Хемфилл был молодым проповедником из Ирландии, в 1734 году приехал в Филадельфию в качестве духовного представителя пресвитерианской церкви, которую Франклин время от времени посещал. Поскольку Хемфиллу интереснее было читать проповеди на темы морали, а не кальвинистских доктрин, он начал привлекать толпы народа, включая любопытного Франклина, обнаружившего, что «его проповеди приносят мне удовольствие, но при этом убеждают в необходимости быть добродетельным». Меж тем забвение догмы не внушило церковным старейшинам любви к Хемфиллу. Джедидайя Эндрюс, чьи проповеди утомляли Франклина, жаловался, что Хемфилла навязали его церкви и что «свободомыслящие люди, деисты и голь, почуяв его присутствие, толпами сходятся к нему». Вскоре Хемфилл предстал перед церковным судом по обвинению в ереси.

Когда начался судебный процесс, Франклин встал на его защиту с искусно написанной статьей в форме диалога между двумя пресвитерианцами. Мистер С., представляющий Франклина, выслушивает, как мистер Т. жалуется, будто «новоиспеченный проповедник» слишком много говорит о благих делах. «Мне не нравится выслушивать столько слов о нравственном поведении; я уверен, это никому не поможет попасть в рай».

Мистер С. возражает: именно этому «когда-то учил Иисус и его апостолы». Библия ясно дает понять, говорит он, что Бог хочет, чтобы мы вели «добродетельную, честную жизнь, изобилующую благими делами».

Но мистер Т. вопрошает: не будет ли вера лучшим путем к спасению, нежели добродетель?

«Вера рекомендована как средство достижения нравственного поведения». Защитник Франклина мистер С. отвечает, не пугаясь еретических ноток: «От веры, существующей исключительно для спасения души, можно ожидать, на мой взгляд, что ты не станешь

следовать ни христианскому учению, ни учению разума».

Поскольку Франклин выступал за терпимость, можно было ожидать от него толерантности к любым доктринам, которые пресвитерианская церковь хотела навязать проповедникам. Но вместо этого мистер С. спорил: никто не обязан твердо держаться общепринятых традиций. «Нет более очевидной истины в вере, чем то, что нравственное поведение — наш долг». Мистер С. пришел к выводу, в котором повторяются основные принципы Франклина. «Добродетельный еретик спасется прежде порочного христианина».

Это была типичная попытка Франклина убедить других в своей правоте: разумная, опосредованная, с использованием вымышленных персонажей, чтобы доказать свою точку зрения. Но когда церковный суд единогласно осудил и отстранил Хемфилла от деятельности, Франклин запрятал свои привычные «бархатные перчатки» и, как он сам сказал об этом, «стал его ревностным сторонником». Он опубликовал анонимный памфлет (и, в отличие от диалога в своей газете, сделал все, чтобы памфлет остался анонимным), полный несвойственного ему гнева. Он не только предоставил детальное теологическое опровержение на каждое из обвинений суда, но и обвинил суд и его членов в «злом умысле и зависти».

Обвинители Хемфилла ответили также памфлетом, который подтолкнул Франклина сочинить еще один, даже более едкий анонимный ответ, в котором он применил такие слова, как «ханжество и предубеждение», а также «ложь во спасение». В написанной после этого поэме он назвал критиков Хемфилла «Преподобными Ослами».

Это был редкий случай, когда Франклин нарушил правило, созданное для Хунты, — избегать прямых возражений или споров. Случай выглядит еще более странным из-за того, что любые попытки ярого участия в любых спорах о вере он, казалось бы, оставил в прошлом. Вероятно, его негодование по поводу укоренившихся взглядов ханжеских духовных учреждений взяло верх над самообладанием.

Защита для Франклина усложнилась, когда Хемфилла обвинили в незаконном заимствовании текстов проповедей. Тем не менее Франклин остался ему предан, позже объясняя: «Я скорее поддержал бы его хорошие проповеди, составленные другими людьми, а не плохие его собственного сочинения, хоть последние и практиковали наши общеизвестные наставники». В конце концов Хемфилл покинул город, а Франклин навсегда прекратил посещать пресвитерианский приход[133].

Дело Хемфилла послужило эмоциональным толчком

движению, известному под названием Великое Пробуждение, которое начало свой ход по Америке. Страстные протестантские традиционалисты, в частности Джонатан Эдвардс, изводили паству духовным неистовством и судорожными беседами, приправляя их историями об адских муках. Как Эдвардс рассказывал своим прихожанам, «грешникам в руках Разгневанного Бога», в знаменитых «кошмарных» проповедях, от вечного осуждения спасала их только необъяснимая милость «Господа, который держит вас над котлом Ада: картина, многим напоминающая человека, держащего паука или другое отвратительное насекомое над огнем».

Сложно представить мироощущение, более далекое от теологических взглядов Франклина. Перед нами Эдвардс и Франклин — два исключительных человека своего времени. Карл Ван Дорен написал о них как о «символах враждующих движений, которые стремились господствовать над своим веком». Эдвардс и Великое Пробуждение пытались вернуть Америке исчезнувшую одухотворенность пуританства, в то время как Франклин пытался привнести ее в эпоху Просвещения, превозносящую толерантность, индивидуальные качества, общественную добродетель, добрые дела и рационализм[134].

Может показаться удивительным и действительно несколько странным то, что Франклин увлекся Джорджем Уайтфилдом, самым популярным странствующим проповедником Великого Пробуждения, который прибыл в Филадельфию в 1739 году. Для этого английского благовестника годы, проведенные в Пемброкском колледже, были не самыми счастливыми. Его «второе рождение» состоялось в методистской церкви, а затем в кальвинизме. Его верность догмам была абсолютно искренней. Он упорно утверждал, что спасение приходит только через милость Господню, но тем не менее активно занимался благотворительностью, а его годичная поездка по Америке помогла ему собрать деньги для приюта в Джорджии. Он добыл больше денег для благотворительных целей, чем какой-либо другой церковник своего времени. Под его опекой находились школы, библиотеки и приюты для неимущих по всей Европе и Америке. Поэтому, вероятно, нет ничего странного в том, что Франклин испытывал к нему расположение, хоть и не принимал его теологических взглядов.

Еженощные религиозные собрания представителей Пробуждения, организованные Уайтфилдом в Филадельфии (к тому времени в самом большом городе Америки с населением в тринадцать тысяч человек), привлекали огромные толпы народу, и Франклин, предчувствуя отличный сюжет, подробно описал эти

собрания в «Пенсильванской газете». «В четверг, — сообщал он, — преподобный мистер Уайтфилд начал проповедовать у галереи городского здания суда. Времени было около шести часов вечера, а перед ним на улице стояло около шести тысячи человек, и стояли они в ужасающей тишине». Толпы росли в течение его недельного визита, затем Уайтфилд возвращался в город еще трижды во время одногодичной американской поездки.

Франклин трепетал. Он опубликовал отчеты о проповедях Уайтфилда в сорока пяти еженедельных выпусках «Газеты» и восемь раз посвятил главную страницу переизданию его проповедей. Франклин подробно рассказал об этом в автобиографии. Звучавшая в его словах ирония возникла только годами позже.

> Вскоре после этого мне посчастливилось посетить одну из его проповедей, в ходе которой я понял, что закончить ее он хочет сбором пожертвований, и я молча решил, что от меня он не получит ничего. В моем кармане лежала пригоршня медных монет, три или четыре доллара серебром и пять пистолей золотом. По мере того как он продолжал проповедь, я начал смягчаться и принял решение отдать медные монеты. Но очередной ораторский пассаж заставил меня устыдиться этого, и вот я уже был твердо намерен дать ему серебро; но он завершил речь настолько блестяще, что я полностью опустошил свои карманы, выложив на блюдо пожертвований золото и все остальные монеты.

Франклин был также впечатлен тем, как Уайтфилду удалось повлиять на население Филадельфии. «Никогда прежде люди не проявляли такой огромной готовности посещать проповеди, — сообщал он в „Газете“. — Религия стала темой большинства разговоров. Спросом пользуются теперь исключительно книги о благочестии»[135].

Расходы, связанные с последним наблюдением, не ускользнули от внимания Франклина. Он встретился с Уайтфилдом и заключил договоренность о том, чтобы быть главным издателем его проповедей и дневников, что, несомненно, еще больше увеличило рвение разрекламировать его. После первого визита Уайтфилда Франклин выпустил рекламу, в которой поощрял людей заказывать серии проповедей Уайтфилда стоимостью в два шиллинга за том. Несколько месяцев спустя он напечатал заметку, что получил так много заказов, что тем, «кто заплатил ранее или принес деньги наличными, будет отдаваться предпочтение».

Были проданы тысячи экземпляров, это помогло Франклину стать богатым человеком, а Уайтфилду — известным. Франклин также опубликовал десять изданий дневников Уайтфилда, каждое из которых стало в пять раз дороже его альманаха. Потребовался сбыт у одиннадцати печатников, которых Франклин знал в колониях, чтобы сделать эти дневники бестселлерами. Жена его брата Анна Франклин из Ньюпорта приняла товар количеством в двести пятьдесят единиц. Во время 1739–1741 годов более половины книг, напечатанных Франклином, были написаны Уайтфилдом или другими авторами о нем.

Некоторые историки впоследствии пришли к выводу, что страстное увлечение Уайтфилдом у Франклина было вызвано исключительно материальными интересами. Но это слишком упрощенная версия. Как часто случалось, Франклин мог соединить и свои финансовые интересы, и общественные потребности, и личные увлечения. Он был общительным человеком, искренне очарованным харизмой Уайтфилда и его благожелательным поведением. Он пригласил Уайтфилда остановиться в своем доме, и когда проповедник посчитал, что это приглашение сделано «во имя Христа», Франклин поправил его: «Не заблуждайтесь на мой счет; я делаю это не во имя Христа, а ради вас».

Несмотря на различия во взглядах на веру, Франклина влекло к Уайтфилду, поскольку тот встряхнул местную церковь. Давнее презрение Франклина к религиозной элите стало причиной искреннего удовольствия, которое он получил, наблюдая беспокойство и раскол, вызванные вторжением популярнейшего странствующего проповедника в это болото. Толерантный Франклин был доволен тем, что количество сторонников Уайтфилда множилось. При финансовой поддержке Франклина построен большой новый дом для проповедей, который предоставлял кафедру для священника любого вероисповедания: «Если бы к нам прислали муфтия из Константинополя с миссией проповедовать мусульманскую веру, эта кафедра была бы к его услугам»[136].

Популистский восторг Франклина в связи с недовольством элиты отчетливо проявился в том, как он вступил в словесную перепалку в ответ на письмо, присланное в «Газету» кем-то из городского дворянства. Автор писал, что Уайтфилд не «встретил большого успеха среди высшего сорта людей». На следующей неделе под псевдонимом Авадий Плейнмен{32} Франклин высмеял формулировку «высший сорт людей» и ее подтекст, означавший, что приверженцы Уайтфилда были «средним сортом, чернью или толпой». Мистер Плейнмен сказал, что он и его

друзья гордились тем, что могли назвать себя частью толпы, но не переваривали людей, именующих себя «высшим сортом». Используя такие слова, они подразумевали, что простые люди — это всего лишь «тупое стадо».

Надменный джентльмен по имени Том Трумен{33} (возможно, учитывая особенность имени, Франклин сам был этим джентльменом) на следующей же неделе написал в газету Уильяма Брэдфорда, занимающую более высокое классовое положение, письмо, в котором отрицал намерение обидеть людей. Он обвинил мистера Плейнмена в том, что тот вообразил себя вождем простого люда в городе. Франклин, снова отвечая под псевдонимом мистер Плейнмен, ответил, что он всего лишь «обычный бедный человек», ремесленник, который после рабочего дня «вместо того чтобы отправляться в таверну, находит развлечение в чтении книг в библиотеке по подписке». По существу, он сделал выпад в сторону тех, кто называл себя людьми высшего сорта и «смотрел на приверженцев этой категории с презрением». Хотя Франклин и преуспевал настолько, что при желании мог бы начать изображать из себя аристократа, его по-прежнему воротило от снобизма. Он гордился именем Плейнмен, защищая людей среднего класса[137].

К осени 1740 года Франклин начал немного охладевать к Уайтфилду, хоть это и не коснулось прибыли, которую он получал благодаря публикации его работ. Усилия проповедника, направленные на то, чтобы сделать его верующим кальвинистом, иссякли, а влиятельные покровители среди местных аристократов начали осуждать яркую рекламную шумиху в «Газете».

В ответ на такую критику Франклин напечатал выпуск, отрицающий (неубедительно) любую пристрастность. В нем он переформулировал свои взгляды, впервые поставленные на обсуждение в 1731 году в речи «В защиту печатников», когда писал, что «только если Истина и Заблуждение играют по правилам, первая несомненно победит последнюю».

Но он также включил в этот выпуск письмо священника, критиковавшего «исступленные бредни» Уайтфилда, а после этого опубликовал два памфлета, совершая жестокие нападки на Уайтфилда и тут же давая ответ самого проповедника. Письма в «Газете» Франклина, девяносто процентов которых были благоприятными для Уайтфилда в первые девять месяцев 1740 года, стали наиболее негативными в сентябре, хотя отрывки, написанные Франклином, оставались положительными.

Хоть и с меньшим пылом, в последующие годы Франклин продолжал поддерживать Уайтфилда, и они вели задушевную переписку до самой смерти проповедника в 1770 году. В

автобиографии, написанной после смерти Уайтфилда, Франклин добавил иронии в теплые воспоминания. Он вспомнил одну службу, на которой, вместо того чтобы сопереживать словам Уайтфилда, Франклин провел время, подсчитывая, насколько далеко слышен его голос. А что касается влияния Уайтфилда на его духовную жизнь, Франклин с не меньшей иронией вспоминал: «Он и в самом деле, бывало, молился о моем обращении, но так и не получил удовлетворения, осознав, что его молитвы услышаны»[138].

Война издателей

По мере того как разрастался издательский бизнес Франклина, обострялась и его вражда с другим городским печатником — Эндрю Брэдфордом. В продолжение первой половины 1730-х годов каждый из них подтрунивал над ошибками в газете конкурента, они препирались в таких вопросах, как смерть честолюбивого молодого масона или проповеди Сэмюэла Хемфилла. Для соперничества существовали политические и социальные мотивы. Брэдфорд, человек знатного происхождения, и его American Weekly Mercury вступили в союз с «Предпринимательской фракцией» Пенсильвании, которая поддерживала семью Пеннов и назначенных ими губернаторов. Франклин, происходивший из простой семьи, и его «Пенсильванская газета» придерживались других взглядов. Отвергая социальные, экономические и этические принципы аристократов, они склонны были поддерживать выбранную Ассамблею.

Их взгляды столкнулись в 1733 году во время перевыборной кампании спикера Ассамблеи Эндрю Гамильтона, лидера движения против частной собственности, который помог Франклину вырвать часть печатной работы у Брэдфорда. Франклин восхищался антиаристократическим популизмом Гамильтона. «Он не был дружен с властями, — писал Франклин. — Он был дружен с бедным людом». Брэдфорд же публиковал яростные нападки на Гамильтона. Среди них было эссе «О безбожии», мишенью которого стал Гамильтон. Создано оно было так, чтобы, помимо Гамильтона, уколоть и Франклина. Гамильтон также обвинялся в оскорблении семьи Пеннов и в злоупотреблении властью на посту главы ссудной кассы.

Франклин встал на защиту Гамильтона с чинным, но осуждающим опровержением. Написанная в виде отчета о «получасовой беседе» с Гамильтоном статья яростно осуждает Брэдфорда за грехи, начиная от нелепого употребления слов (он писал «презренно», имея в виду «презрительно») до сокрытия за масками анонимных писателей («видя, что все согласились писать без указания имени автора, он подумал, что никто не обратит на это внимания»). Гамильтон производит впечатление вежливого посетителя Хунты, несколько похожего на Бедного Ричарда. «Бросьте достаточное количество грязи, — утверждает он, — и немного точно прилипнет»[139].

Гамильтон был переизбран и в 1736 году поспособствовал тому, чтобы Франклина избрали секретарем Генерального

собрания. И вновь общественная служба и личная выгода соединились.

Должность секретаря, как откровенно признавал Франклин, «давала мне больше возможностей поддерживать интерес к себе среди членов, которые обеспечивали меня работой, предоставляя заказы на печать избирательных бюллетеней, законов, бумажных денег, а также другую случайную работу для публики, что в целом приносило мне немалую прибыль».

Также он научился еще одному полезному трюку обольщения противников. После того как богатый и хорошо воспитанный член Ассамблеи высказался против него, Франклин решил выиграть его расположение:

> Однако я не ставил своей целью завоевать его расположение, подобострастно выслуживаясь перед ним. Вместо этого по прошествии некоторого времени я решил сделать это иным способом. Прослышав, что в своей библиотеке он хранил некую очень редкую и любопытную книгу, я написал ему записку, в которой выразил желание прочитать эту книгу от корки до корки, и спрашивал позволения одолжить ее на несколько дней. Он немедленно выслал мне книгу, а я вернул ее приблизительно через неделю, приложив к ней другую записку, в которой убедительно показал свое расположение. Когда мы в следующий раз встретились в палате, он заговорил со мной (чего он никогда не делал прежде) с большой учтивостью; и с тех пор выказывал готовность быть полезным во всех вопросах. Таким образом, мы стали хорошими друзьями, и наша дружба длилась вплоть до его смерти. Это еще одно доказательство того, насколько правдиво старое высказывание, которое я узнал: «Тот, кто однажды сделал вам добро, поможет вам еще раз охотнее, нежели тот, которого вы выручили сами»[140].

Соревнование Франклина с Брэдфордом имело один интересный аспект, который может показаться необычным, но он был тогда, как и сейчас, довольно распространенным. Даже когда печатники конфликтовали друг с другом в некоторых областях, подобно современным медийным магнатам, они сотрудничали в других. К примеру, в 1733 году, даже когда они были яростными противниками во время выборов Гамильтона, они учредили совместное предприятие для того, чтобы разделить риски при публикации дорогого псалтыря. По предложению Брэдфорда Франклин занялся печатью, Брэдфорд поставлял бумагу, они

разделили на двоих затраты, при этом каждый получил пять сотен изготовленных экземпляров[141].

В соревновании с Брэдфордом у Франклина имелась одна существенная помеха. Брэдфорд был почтмейстером Филадельфии, и эту должность он использовал для того, чтобы лишать Франклина права, по крайней мере официально, высылать «Газету» по почте. Борьба, завязавшаяся в связи с вопросом открытой доставки, стала одним из первых примеров напряженности, которая по-прежнему зачастую существует между теми, кто отвечает за содержание, и теми, кто контролирует систему реализации.

В определенный момент Франклин добился того, чтобы полковник Александр Спотсвуд, почтмейстер всех колоний, приказал Брэдфорду организовать открытую систему реализации, которая разрешит доставку конкурирующих газет. Но Брэдфорд продолжал усложнять процесс доставки газет Франклина, вынуждая того давать взятки почтовым извозчикам. Франклин беспокоился не только о расходах, но также и об общественном мнении. Поскольку Брэдфорд контролировал почту в Филадельфии, Франклин писал: «У всех складывалось впечатление, будто у него больше возможностей для получения новостей, [и] его газета считалась более подходящим местом для объявлений».

Франклину удалось сменить Брэдфорда на должности почтмейстера Филадельфии, когда открылась небрежность последнего в вопросах бухгалтерии. Полковник Спотсвуд, опираясь на мнение Франклина, в 1737 году лишил Брэдфорда полномочий и предложил эту работу Франклину. «Я с готовностью принял предложение, — писал Франклин, — и, занимая данную должность, обнаружил огромные преимущества. Несмотря на незначительный доход, она обеспечила меня определенными связями, которые благотворно повлияли на мою газету, увеличив спрос, а также количество размещаемых в ней объявлений, что, в свою очередь, способствовало увеличению моих доходов».

Вместо того чтобы отплатить Брэдфорду той же монетой, Франклин не препятствовал рассылке его American Weekly Mercury по почте вместе с «Газетой» и другими изданиями — по меньшей мере вначале. В автобиографии Франклин радуется, что смог остаться великодушным. Однако фактически эта политика продлилась всего лишь два года. Из-за того что Брэдфорд со времен пребывания на должности почтмейстера Филадельфии так и не уладил вопросы со счетами, Спотсвуд послал Франклина, чтобы тот «предъявил ему иск» и «более не позволял почтовой

службе осуществлять перевозку его газет».

Брэдфорду пришлось прибегнуть к тому же, к чему он в свое время вынуждал Франклина: он начал давать взятки почтовым извозчикам, чтобы те доставляли его газеты нелегально. Франклин об этом знал и это допускал, опять-таки, как и Брэдфорд поступал ранее с ним самим. Но даже частичное снисхождение Франклина не могло длиться долго[142].

В 1740 году они с Брэдфордом вступили в соревнование: кто первым создаст в стране первый массовый журнал. У Франклина появилась идея, но тогда его предал товарищ — как и в первый раз, когда он задумал открыть газету. Недаром умудренный жизнью Бедный Ричард заметил в альманахе за 1741 год: «Если вы держите что-либо в секрете от врага, не рассказывайте об этом другу».

На этот раз перебежчиком оказался юрист по имени Джон Уэбб, который писал эссе для «Газеты» и был выбран Франклином в качестве юриста, возбуждавшего иск против Брэдфорда по приказанию полковника Спотсвуда. Франклин описал журнал Уэббу и предложил ему работу редактора. Но Уэбб передал идею Брэдфорду и заключил более выгодную сделку. Шестого ноября 1740 года Брэдфорд огласил о намерении открыть The American Magazine. Неделей позже Франклин обнародовал свои собственные планы касаемо The General Magazine.

Делая объявление, Франклин разоблачил предательство Уэбба. «Концепция журнала… разрабатывалась долгое время, — писал он. — В действительности я не стал бы выпускать его так скоро, если бы не один человек, которому я по секрету доверил свои планы. Он решил, что стоит сообщить об этом в последнем выпуске American Weekly Mercury… и извлечь выгоду самостоятельно». Последовал конфликт, в результате которого Франклин полностью запретил перевозку газет Брэдфорда по почте. В связи с этим вопрос почтовой доставки приобрел статус общественного.

Уэбб ответил в American Weekly Mercury на следующей неделе, и его контратака была яростной. В частности, он обозначил одну из наименее привлекательных черт Франклина — его умную и зачастую хитрую манеру намекать на проступки оппонента, но не разоблачать их в открытую. Уклончивость Франклина, «как лукавство карманника», более «подлая», чем дерзость «явного лгуна», писал Уэбб. «Поскольку удары уклончивы и косвенны, человеку трудно защититься». Франклину нравилось считать, что его метод непрямых намеков менее оскорбителен, чем агрессивный спор, но иногда это приводило к еще большей вражде и опасности прослыть лукавым

мошенником.

Франклин ничего не ответил. Сообразив, как лучше всего спровоцировать Уэбба и Брэдфорда, он заново напечатал первоначальную заметку в следующем выпуске «Газеты» вместе с прежними утверждениями о двуличии Уэбба. Это подтолкнуло последнего опубликовать еще одну многословную скучную статью в American Weekly Mercury. И снова Франклин проявил сдержанность, приводящую в ярость: он не ответил на выпад, а еще раз перепечатал первоначальную заметку с теми же словами.

Уэбб обострил скандал 4 декабря в American Weekly Mercury, утверждая, что гарантированно получит ответ от Франклина. «Со времени моего первого письма, — писал Уэбб, — Франклин воспользовался своим положением, чтобы лишить American Weekly Mercury возможности пользоваться почтовой доставкой». Франклин несколько велеречиво объяснился на следующей неделе. Прошел год с тех пор, писал он, как почтовое распространение American Weekly Mercury Брэдфорда запрещено. Это никоим образом не касалось диспута о журналах. Вместе с тем он, Франклин, исполнял прямое приказание полковника Спотсвуда. Чтобы подтвердить это заявление, Франклин опубликовал письмо Спотсвуда. Он сказал, что Брэдфорд и Уэбб знали о настоящем положении вещей, в частности, Уэбб, поскольку он и был тем юристом, которого Франклин нанял для взыскания иска.

Уэбб ответил на это, изложив историю почтовых правил. Да, он имел в виду, что Спотсвуд приказал Франклину прекратить доставку газет Брэдфорда. Но, как хорошо знал Франклин, извозчики продолжали доставлять их неофициально. Более того, Уэбб обвинил Франклина в том, что он самолично говорил людям, будто одобряет это распоряжение, так как оно помогало удостовериться, что Брэдфорд не сможет напечатать слишком вредный для Франклина материал. «Он утверждал, — писал Уэбб, — что раз оказал любезность мистеру Брэдфорду, позволив почтовой службе распространять его газеты, значит, всецело держит его в руках».

Дискуссия на тему почтовых доставок, идущая среди широких слоев населения, стихла, как только каждая из сторон издала свой журнал. В итоге Брэдфорд и Уэбб обогнали Франклина на три дня. Их журнал American Magazine вышел 13 февраля 1741 года, а General Magazine Франклина — 16-го числа.

Понятие «журнал» в те времена скорее означало собрание текстов из газет и других источников. Содержимое журнала Франклина, составленное по образцу Gentleman’s Magazine, на тот момент десять лет существовавшего в Лондоне, было на

удивление сдержанным: официальные объявления, доклады о государственных делах, обсуждение вопроса бумажной валюты, несколько дилетантских стихотворений и доклад о приюте Уайтфилда.

Эта схема провалилась. Журнал Брэдфорда прогорел через три месяца. Франклина — через шесть. За время выпуска журнала Франклин не написал никаких выдающихся произведений, за исключением поэмы, которую он сочинил на ирландском диалекте как пародию на одно из рекламных объявлений в журнале Брэдфорда. Но соревнование во время выпуска журнала все же возбудило интерес Франклина к вопросам управления в области почтовой системы[143].

Салли Франклин

В 1743 году, одиннадцать лет спустя после рождения рано умершего сына Фрэнки, в семье Франклинов родилась девочка. Названная Сарой в честь матери Деборы и прозванная Салли, она порадовала и пленила обоих родителей. Когда ей исполнилось четыре года, Франклин написал своей матери: «Твоя внучка любит книги и школу больше всех детей, которых я когда-либо знал». Два года спустя он отправил похожее сообщение: «Салли растет прекрасной девочкой, она чрезвычайно усердна в рукоделии и обожает свои книги. Она невероятно нежная, совершенно исполнительная и учтивая с родителями и с другими людьми. Возможно, я слишком хвалю ее, но очень надеюсь, что из нее получится искренняя, благоразумная, хозяйственная и достойная женщина».

Наполовину всерьез Франклин допустил предположение, что его дочь может однажды выйти замуж за сына Уильяма Страхана, лондонского печатника, который был одним из его английских друзей по переписке (в этом он не был сексистом: он также пытался свести своего сына Уильяма, а позже и двух внуков с детьми своих английских и французских друзей, но каждый раз тщетно). Его описания Салли в письмах к Страхану свидетельствуют о нежных чувствах к дочери, а также о том, что его чаяния насчет нее сбылись. «Каждый день она осознает, зачем быть трудолюбивой и экономной, а также видит все достоинства, которыми может обладать женщина», — писал он, когда ей было семь лет. Шесть лет спустя он написал: «Салли и вправду очень хорошая девочка, любящая, послушная и трудолюбивая, у нее невероятно доброе сердце, и хоть она и не обладает острым умом, для девочки своих лет никоим образом не отстает в понимании окружающего мира».

В одном из споров, затеянных в детские годы с Джоном Коллинсом, Франклин выступал в защиту образования как для мальчиков, так и для девочек, повторяя идею, высказанную Сайленс Дугуд. Он в некоторой мере осуществлял это на практике с Салли, естественно, делая акцент на общеобразовательные предметы. Франклин настоял, чтобы Салли обучили чтению, письму и арифметике. По ее просьбе он нанял ей преподавателя французского, хотя интерес к занятиям у нее вскоре угас. Он также потребовал, чтобы она обучилась бухгалтерскому учету. Когда его партнер по печатному делу из Чарльстона умер, а его жене пришлось принять на себя руководство делом, это укрепило Франклина во взглядах на то, что девушек следует обучать

счетоводству, «поскольку, скорее всего, в случае вдовства это принесет им и их детям больше пользы, чем умение музицировать или танцевать».

Когда Салли исполнилось всего восемь, Франклин привез для нее из Англии большую партию книг. Задумка заключалась в том, чтобы она стала ответственной за их продажу в типографском магазине и по возможности могла и сама что-то почерпнуть из прочитанного (среди них были около тридцати руководств из Винчестерской школы, четыре словаря и две дюжины экземпляров из серии «Рассказы и предания с поучительными высказываниями».)

Однако главным образом Франклин поощрял Салли совершенствовать навыки работы по дому. Однажды, понаблюдав за тем, как дочь безуспешно пытается обметать петлю, он договорился об уроках для нее со своим портным. Салли так никогда и не получила официального академического образования, которое он дал Уильяму. Когда Франклин составлял планы по учреждению академии в Филадельфии, Салли было только шесть, и тогда он не предусмотрел возможности образования для девушек[144].

У Деборы родилась только одна дочь (и имелся незаконнорожденный пасынок). По меркам колониальной Америки для крепкой женщины это совсем незначительное число детей; сама Дебора была одной из семерых, у отца Франклина было семнадцать детей от двух браков, а в средней семье того времени нормой являлось примерно восемь. Франклин все больше и больше писал о детях, Бедный Ричард восхвалял вид беременной женщины. В сатирических произведениях, таких как «Полли Бейкер», и серьезных эссе, подобных «Наблюдениям за увеличением рода человеческого», он расхваливал преимущества плодовитости. Таким образом, малочисленность детей в семье Франклина никак не кажется сознательным решением; напротив, это указывает либо на то, что интимная жизнь супругов не была очень активной, либо на то, что супругам не удавалось уединяться, а возможно, и на сочетание обоих факторов. Какой бы ни была причина, в конечном счете это дало Франклину возможность рано оставить бизнес, чтобы заняться научными изысканиями и дальними дипломатическими путешествиями. Вероятно, это также повлияло на то, что до конца своей жизни он заводил знакомства с людьми моложе себя, в частности, с женщинами, и строил отношения так, как если бы они были его детьми[145].

Полли Бейкер

Отношение Франклина к женщинам в контексте его времени можно охарактеризовать как до некоторой степени просвещенное — но только до некоторой. Ясно, однако, одно: ему искренне нравились женщины, он получал удовольствие от их присутствия и разговоров с ними, мог воспринимать их серьезно, а также флиртовать. Когда Салли была совсем еще маленькой, он написал два известных эссе, в которых по-разному сочетались его терпимость по отношению к внебрачным связям и чувство благодарности к женщинам.

«Советы молодому человеку по выбору хозяйки», написанные в 1745-м, теперь довольно знамениты, но в XIX веке внук Франклина и другие ответственные лица в его газете это произведение не публиковали, поскольку оно считалось неприличным и не подходящим для печати. Франклин начал свое маленькое эссе с восхваления института брака как «подходящего средства» для удовлетворения сексуальных порывов. Но при этом он советовал читателю, если тот не захочет «внять этим советам» и найдет «секс неизбежным»: «во всех любовных делах стоит отдавать предпочтение более старшим женщинам перед молодыми».

После чего следовал перечень восьми причин, каждая из которых была достаточно дерзкой: старшие женщины обладают бóльшим опытом, с ними приятней поддерживать беседу, когда они дурнеют, они учатся оказывать сотни полезных услуг, «чтобы сохранить влияние на мужчин». «Нет риска появления детей». Они более благоразумны. Тело начинает стареть с головы, поэтому даже после того, как лицо покрывается морщинами, все, что ниже, остается упругим. «Потому если прикрыть верх корзиной и смотреть только на тело ниже пояса, невозможно отличить старую женщину от молодой; менее греховно обольстить женщину, переставшую быть девственницей; вина будет меньшей, так как женщину постарше вы осчастливите, а ту, которая моложе, сделаете несчастной». В конце Франклин помещает дерзкую фразу, относящуюся ко всему тексту: «И в заключение: они бывают так благодарны!»[146]

«Речь Полли Бейкер» — это история о сексе и неприятностях, рассказанная с женской точки зрения (литературный прием, который Франклин часто использовал с изяществом, указывающим на способность понимать противоположный пол). Его сюжет — речь молодой женщины, представшей перед судом за рождение пятого незаконного ребенка. Впервые

опубликованное в Лондоне, это произведение было многократно переиздано в Англии и Америке, при этом читатели и не подозревали, что перед ними вымысел. Прошло тридцать лет, прежде чем Франклин открыл свой секрет.

Легкий юмор этого произведения скрывает в действительности довольно острое нападение на лицемерные обычаи и нечестное отношение к женщинам и сексу. Полли аргументирует тем, что творила добро, повинуясь Господним предписаниям быть плодородной и размножаться. «Я привела на свет пять чудных деток, рискуя собственной жизнью; я хорошо заботилась о них благодаря собственному трудолюбию». Она сетует, что и вправду могла бы лучше заботиться о детях, если бы суд не продолжал штрафовать ее. «Разве может быть преступлением (я имею в виду в природе вещей) — приумножать детей Господних в новой стране, где действительно необходимы люди? Я так и делаю, мне кажется, это достойно не наказаний, а похвалы».

Франклин, взявший на себя ответственность за усыновление незаконнорожденного ребенка, был особенно едким в вопросах двойных стандартов, которые применялись к женщинам и ставили их в унизительное положение, но не касались мужчин, занимавшихся с ними сексом. Как говорит Полли, «я с готовностью дала согласие на единственное предложение выйти замуж, которое мне сделали, это случилось, когда я была девственницей; но я слишком легковерно отнеслась к искренности человека, который сделал мне предложение, и, к сожалению, потеряла собственное достоинство, доверившись ему; так он сделал мне ребенка и оставил нас. Все вы знаете этого человека, теперь он стал судьей в этой стране». Выполняя свой долг, производя детей на свет, хотя никто не желал на ней жениться и она подвергалась публичному бесчестью, она спорила: «По моему скромному мнению, вместо порки следовало бы воздвигнуть памятник в мою честь». Суд, как писал Франклин, был так тронут речью, что ее оправдали, а один из судей женился на ней на следующий же день[147].

Американское философское общество

Франклин был в числе первых, кто рассматривал британские поселения в Америке не только как отдельные колонии, но и как часть потенциально единой нации. Это частично происходило из-за того, что он был намного менее ограниченным человеком по сравнению с большинством американцев. Он путешествовал из колонии в колонию, заключал союзы с печатниками от Род-Айленда до Южной Каролины и собирал новости для своей газеты и журнала, читая большое количество других американских изданий. Теперь, став почтмейстером в Филадельфии, он легче мог устанавливать и поддерживать связь с другими колониями, а его интерес к ним возрос.

В циркуляре, датированном маем 1743 года, названном «Предложение по распространению полезных знаний среди британских колоний в Америке», он предлагал, по сути, организовать межколониальную Хунту, которая называлась бы Американское философское общество. Эту идею в числе прочих обсуждал натуралист Джон Бартрам{34}. У Франклина имелся печатный станок, способности и почтовые контакты — возможности, которые можно было удачно скомбинировать. Местом расположения должна была стать Филадельфия, где собирались бы все ученые и мыслители из других городов. Они могли делиться по почте своими исследованиями, краткое изложение которых рассылалось бы каждому члену четыре раза в год.

Как и в ситуации с Хунтой, Франклин очень подробно описал темы, которые предстояло изучать. Нет ничего удивительно, что они имели более практический, нежели теоретический характер: «…недавно открытые растения, травы, деревья, коренья, их действие, применение и т. д.; …способы улучшить овощные соки, такие как сидр, вина и т. д.; новые методы лечения или предотвращения болезней… усовершенствование любого направления в математике… современном искусстве, торговле и производстве… исследованиях, картах и графиках… методах улучшения разведения скотины… и все философские эксперименты, которые проливали свет на природу мира». Франклин добровольно взял на себя работу секретаря.

К весне 1744 года общество начало проводить регулярные встречи. Педантичный математик Томас Годфри присоединился, показав, что его вражда с Франклином из-за приданого и альманаха окончена. Одним из самых значительных членов был Кедуолладер Колден, ученый и служащий из Нью-Йорка, которого

Франклин встретил во время своих путешествий годом раньше. Они потом всю жизнь дружили и имели общие научные интересы. Деятельность клуба поначалу не отличалась активностью — Франклин жаловался, что его члены оказались «очень праздными джентльменами», — но в конце концов эта организация выросла в научное общество, которое процветает по сей день[148].

Пенсильванская милиция

Большинство волонтерских ассоциаций, которые Франклин сформировал до этих пор, — Хунта, библиотека, философское общество, даже пожарная бригада — не посягали на основные функции правительства (когда он выдумал проект полицейского патрулирования, то предложил, чтобы Ассамблея воплотила его в жизнь и контролировала в дальнейшем). Но в 1747 году Франклин предложил нечто намного более радикальное: создать вооруженные силы, независимые от колониального правительства Пенсильвании.

Проект Франклина по созданию волонтерской милиции в Пенсильвании возник по причине беспомощности колониального правительства в вопросах противостояния постоянным угрозам со стороны Франции и ее индейских союзников. Начиная с 1689 года войны между Британией и Францией, которые то вспыхивали, то затухали, захлестнули Америку. Каждая из сторон привлекала на свою сторону различные индейские племена и каперов{35} — бандитов, жестоких разбойников, чтобы получить преимущество. Последнее американское противостояние, известное как война короля Георга (1744–1748), стало отголоском европейской Войны за австрийское наследство{36} и «странной войны», в которой Британия вступила в схватку с Испанией. Другое ее название — «война из-за уха Дженкинса» (оно дано в честь британского контрабандиста, которого испанцы лишили вышеупомянутой части тела). Среди американцев, выступивших в 1746 году в поход на канадские земли, чтобы сражаться с французами и индейцами на стороне британцев, был Уильям Франклин, которому тогда исполнилось шестнадцать лет. В те дни его отец осознал, что бесполезно противостоять тяге к странствиям, которую он сам испытал в этом же возрасте.

Уильям так и не принял участие в военных действиях, но война вскоре стала угрожать безопасности Филадельфии — французские и испанские каперы начали совершать набеги на города вдоль реки Делавэр. Ассамблея, в которой преобладали пацифистски настроенные квакеры, пришла в смятение и не смогла укрепить оборону. Франклин был потрясен неспособностью различных слоев колонистов — квакеров, англиканцев и пресвитерианцев, городских и сельских жителей — работать сообща. Таким образом, в ноябре 1747 года он, заполняя незанятую нишу, создал патетический памфлет под названием «Простая правда», подписавшись торговцем из Филадельфии.

Описанное им разорение, которое могут причинить грядущие

набеги, напоминало проповедь о Великом Пробуждении:

> Как только люди услышат первые шаги приближающейся опасности, страх распространится повсюду… Человек, у которого есть жена и дети, увидит, как они повиснут у него на шее, слезно умоляя оставить город… Вначале враги разорят город, затем, по всей вероятности, сожгут… Охраняя свои дома, вы сможете рассчитывать только на милосердие врагов… которые могут без малейшего колебания задумать ужасные пытки в то время, как вы, ваша судьба и судьба ваших жен и детей попадут под власть распутства и неукротимого гнева, хищности и похоти.

Немного обыграв слово «друзья», Франклин впервые обвинил квакеров Ассамблеи: «Должны ли мы умолять их принять во внимание, если не как друзей, то хотя бы как законодателей, то, что защита — это истинный долг правительства перед людьми». Если принципы, призывающие к миру, мешают им действовать, сказал он, стоит отойти в сторону. Затем обвинил «выдающихся и богатых людей» из среды бизнесменов, которые отказывались что-либо предпринимать из-за своей «завистливости и неприязни» к Ассамблее.

Итак, кто же спасет колонию? Именно в этот момент появился на свет великий обобщающий лозунг для американского среднего класса. «Мы, средний класс людей, — писал Франклин с гордостью, используя эти слова в своем памфлете дважды. — Торговцы, лавочники и фермеры этой провинции и города!»

Затем он начал создавать образ, который с такими огромными усилиями поддерживал в последующие годы. «В настоящий момент мы словно отдельные волокна, ждущие, чтобы из них спряли нить, у нас нет силы, потому что нет единения, — заявлял он. — Но союз сделает нас сильными».

Особенно стоит отметить его популистское требование отмены классового разделения. Милиция будет организована по географическому принципу, а не по социальным слоям. «Это, — по его мнению, — должно помешать людям разделять друг друга на категории в зависимости от звания в жизни, класса или чина. Это изобретение предназначено для того, чтобы соединить большое и малое воедино… Не должно быть разделения из-за обстоятельств, всем следует быть честными друг с другом». В следующем радикально демократическом порыве Франклин предложил, чтобы каждая из новосозданных милицейских бригад сама выбирала своих констеблей, без непосредственного вмешательства губернатора или верховной власти.

Франклин закончил предложением разработать план по созданию милиции в случае, если его доводы будут восприняты положительно. Так и случилось. «Памфлет возымел неожиданный и удивительный эффект», — писал он позже. Таким образом, неделю спустя он опубликовал в своей газете статью с примечаниями, в которой представил план создания милиции, содержащий характерные для него детальные описания организационных аспектов, тренировок и правил. И хотя Франклин никогда не являлся ярым и успешным оратором, он согласился выступить в корабельной мастерской перед толпой, состоявшей из представителей среднего класса. Два дня спустя прошло еще одно собрание, на нем Франклин выступал перед более высокопоставленной публикой. Присутствовали «джентльмены, купцы и другие», эта встреча проходила в Нью-Холле, который был выстроен для Уайтфилда[149].

Вскоре около десяти тысяч человек по всей колонии добровольно поступили на военную службу и организовали более сотни полков. Местный полк Франклина в Филадельфии выбрал его полковником, но он отклонил предложение занять этот пост, сказав, что «не считает свою кандидатуру подходящей». Вместо этого он служил «простым солдатом» и регулярно патрулировал батареи, которые сам помог выстроить вдоль берегов реки Делавэр. Еще одно развлечение он нашел в составлении списка отличий и девизов для разных полков.

Чтобы укомплектовать Милицейскую ассоциацию пушками и боевой техникой, Франклин организовал лотерею, которая собрала три тысячи фунтов. Огнестрельное оружие предстояло покупать в Нью-Йорке, и Франклин привел делегацию, чтобы убедить губернатора Джорджа Клинтона одобрить акт купли-продажи.

> Поначалу он категорически отказал нам; но за ужином со своим советником, на котором имелось упоительное вино с острова Мадера, таковым был в то время обычай в их краях, он существенно смягчился и сказал, что одолжит нам шесть единиц. Еще несколько бокалов — и он увеличил их число до десяти; а в конечном счете добродушно огласил цифру восемнадцать. Это были отличные пушки, восемнадцать орудий с повозками, которые мы вскоре перевезли и установили в своей батарее.

Франклин не вполне осознавал, насколько радикальным было создание частной ассоциации, перенявшей у правительства право формировать и контролировать военные силы. Его устав по духу

и формулировкам едва различимо предвещал Декларацию, которая появилась тремя десятилетиями позже. «Таким образом, принимая во внимание, что нынешнее правительство у власти не защитило нас, — писал он, — настоящим документом для взаимной обороны и безопасности, а также для безопасности наших жен, детей и владений мы… самостоятельно формируем ассоциацию».

Томас Пенн, хозяин колонии, понимал, какие последствия могут иметь действия Франклина. «Эта ассоциация основана на неуважительном отношении к правительству, — писал он секретарю советника губернатора, — эта кампания немногим отличается от государственной измены». В последующем письме он назвал Франклина «в некотором роде народным трибуном» и посетовал: «Он опасен, и я был бы очень рад [если бы] он жил в любой другой стране, так как, на мой взгляд, это весьма подозрительный человек».

К лету 1748 года угроза войны миновала, а Милицейская ассоциация Франклина была расформирована. Он не предпринимал попыток воспользоваться новыми полномочиями и популярностью. Однако вынесенные уроки остались с ним. Он осознавал, что колонистам, возможно, придется заботиться о себе самостоятельно, а не полагаться на британских губернаторов, что могущественная элита не заслуживает оправданий и что «мы, люди, принадлежащие среднему классу» рабочих и торговцев, на новой земле должны стать движущей силой, достойной уважения. Это также укрепило его в личной убежденности, что люди, а однажды, возможно, и колонии, могли бы достичь большего, объединись они в одно целое, вместо того чтобы оставаться отдельными ниточками льна[150].

Отставка

Типография Франклина к этому времени стала успешной, вертикально интегрированной группой компаний. Он был владельцем печатного станка, издательства, газеты, серии альманахов и частично контролировал почтовую систему. Напечатанные им книги имели успех и были весьма различными: от Библий и Псалтырей до романа Сэмюэла Ричардсона «Памела» (1744), истории, в которой Франклина, наверное, прельстило сочетание колоритности и морализаторства («Памела» стала первым романом, опубликованным в Америке). Он также учредил сеть прибыльных товариществ и франшизы от Ньюпорта и Нью-Йорка до Чарльстона и Антигуа. Деньги плыли рекой, большую часть он инвестировал, причем довольно мудро, в недвижимость на территории Филадельфии. «Жизненный опыт позволил мне, — вспоминает он, — сделать одно верное наблюдение: после того, как вы заработали свои первые сто фунтов, намного легче заработать вторые».

Однако Франклин не ставил себе цели накопить денег. Несмотря на корыстолюбивые настроения и высказывания Бедного Ричарда и репутацию крайне экономного человека, заработанную со временем, его душа не стала душой жадного капиталиста. Он писал матери: «Я бы предпочел, чтобы обо мне сказали: „Он жил с пользой для других“, а не „Он умер богатым“».

Таким образом, в 1748 году, в возрасте сорока двух лет (теперь понятно — в самой середине своей жзни), он ушел в отставку и передал издательское дело старшему рабочему Дэвиду Холлу. Тщательно продуманная партнерская сделка, которую заключил Франклин, по меркам большинства людей принесла ему целое состояние: она гарантировала половину типографской прибыли в продолжение последующих восемнадцати лет, что в среднем составляло ежегодную сумму в шестьсот пятьдесят франков. В те времена, когда обычный клерк зарабатывал около двадцати пяти фунтов в год, этого было достаточно, чтобы обеспечить себе более чем комфортное существование. Он не видел причин продолжать делать привычную работу и зарабатывать еще больше. Теперь, как Франклин написал Кедуолладеру Колдену, он будет «проводить свободное время за чтением, научными занятиями, ставить эксперименты и вольно общаться с чистосердечными и почтенными людьми, которые удостоили меня своей дружбой»[151].

До этого времени Франклин с гордостью называл себя представителем рабочего класса, обыкновенным торговцем,

лишенным аристократических замашек и даже пренебрегшим ими. Таким же образом он с гордостью охарактеризовал себя уже в конце 1760-х, когда возросла его враждебность к британской власти (а его надежды на покровительство людей, занимающих высокие посты, разбились). Именно так он изобразил себя в автобиографии, которую начал писать в 1771 году. Такую же роль он играл, став революционным повстанцем, дипломатическим представителем в меховой шапке, ярым врагом знаков личного достоинства, передающихся по наследству, и подобных привилегий.

Однако в течение примерно десяти лет после отставки он временами воображал себя утонченным джентльменом. В своем разрушающем каноны труде «Радикализм американской революции» историк Гордон Вуд назвал его «одним из самых аристократических отцов-основателей». Это суждение, возможно, слишком решительно или несколько расширяет рамки понятия «аристократический», так как даже в годы, последовавшие за уходом в отставку, Франклин воздерживался от большинства элитарных претензий и оставался старомодным во взглядах. Но отставка и вправду возвестила период в его жизни, когда у него появилось стремление быть если не частью знати, то по меньшей мере, как утверждает Вуд, «джентльменом-философом и государственным деятелем» с оттенком «просвещенного аристократизма»[152].

Неоднозначное заигрывание Франклина со своим новым социальным статусом запечатлел на холсте Роберт Феке, популярный художник-самоучка из Бостона, прибывший в Филадельфию в то время. Он написал самый ранний известный нам портрет Франклина (теперь полотно находится в Художественном музее Фогга, Гарвард), изобразив его как джентльмена: в бархатном пальто, рубашке со сборками и парике. Тем не менее, по сравнению с другими моделями Феке, позировавшими ему в тот год, Франклин одет достаточно просто, без показного хвастовства. «Он изображен в крайне простой и непритязательной манере, — отметил историк Вейн Крейвен, эксперт по колониальной портретной живописи. — Простота Франклина неслучайна: и художник-портретист, и его модель пришли к выводу, что это самый подходящий способ изобразить члена колониального торгового общества, которое было успешно, но не слишком состоятельно».

Франклин не захотел в связи с отставкой становиться просто праздным джентльменом, у которого уйма свободного времени. Он оставил типографское дело потому, что очень хотел сосредоточить растущие амбиции на других занятиях, которые

его манили: поначалу это была наука, затем политика, позже дипломатия и искусство управления государством. Как сказал в том же году Бедный Ричард в своем альманахе, «потерянное время уже никогда не вернуть»[153].

Глава 6. Ученый и изобретатель *(Филадельфия, 1744–1751)*

Печи, грозы и катетеры

Даже когда Франклин был совсем молод, разумная любознательность и трепет перед законами вселенной, присущий эпохе Просвещения, влекли его к науке. Во время путешествия домой из Англии в возрасте двадцати лет он изучал дельфинов и высчитывал текущее местонахождение, анализируя лунные затмения, а в Филадельфии использовал свою газету, альманах, Хунту и Философское общество, чтобы обсуждать явления природы. Научные интересы, включая исследование Гольфстрима, метеорологию, геомагнетизм и искусственное охлаждение, сопутствовали ему всю жизнь.

Увлечение Франклина науками пришлось на 1740-е и достигло пика в последующие годы, после того как в 1748-м он отошел от дел. Он не получил ни академического образования, ни хорошей подготовки по основам математики, которые требовались, чтобы стать серьезным теоретиком. Из-за его стремления к так называемым научным развлечениям некоторые люди с пренебрежением называли его всего лишь «самоделкиным». Но при жизни он прославился как признанный ученый, а недавние теоретические исследования восстановили его место в научном пантеоне. Как утверждает гарвардский профессор Дадли Гершбах, «его работы по вопросам электричества были признаны направляющими научную революцию, как написанные Ньютоном в предшествующее столетие или Уотсоном и Криком — в нынешнее»[154].

В научных изысканиях Франклином руководили главным образом чистая любознательность и трепет перед открытиями. И в самом деле, озорное любопытство и явное удовольствие он испытывал и от электрических разрядов, на которых можно готовить индейку, и от времяпрепровождения в Ассамблее в качестве клерка, когда занимался составлением сложных «магических квадратов», где ряды, столбцы и диагонали цифр складывались в одну и ту же сумму.

В отличие от других случаев, на этот раз им не двигали материальные цели; он отказался патентовать свои знаменитые изобретения и с удовольствием бесплатно поделился находками. Помимо прочего, им руководил не один только практицизм. Франклин признал, что магические квадраты «невозможно применять с пользой», но зато его изначальный интерес к электричеству был вызван скорее увлеченностью, нежели стремлением к практическому результату.

Однако он всегда помнил о том, что его целью было сделать

науку полезной. Поэтому жена Бедного Ричарда пыталась убедиться, что он со всеми своими старыми «дребезжащими штуковинами» наконец сделал нечто полезное. В общем, Франклин приступил к научным поискам, подогреваемый исключительно разумным любопытством, а затем искал практическое применение результатам.

Исследования Франклина, в результате которых было выяснено, что темные ткани лучше поглощают тепло в сравнении со светлыми, стали ярким примером такого подхода. Во время этих экспериментов (основываясь на теориях Исаака Ньютона и Роберта Бойля, он начал проводить их в 1730-х с коллегой из Хунты Джозефом Брейнтналлом) лоскуты ткани различных цветов раскладывали на снегу. Экспериментаторы определяли, насколько солнце нагревает каждый лоскут, измеряя количество растаявшего под ним снега. Позже, описывая результаты, Франклин обратился к более практичным соображениям, в частности о том, что «черная ткань не очень подходит для носки при жарком солнечном климате», а стены навеса для сушки фруктов должны красить в черный цвет. Озвучивая эти выводы, он сказал знаменитую фразу: «Какой смысл в философствованиях, которые не приносят никакой пользы»?[155]

Намного более значительный пример применения Франклином научных теорий на практике — изобретенная им в начале 1740-х открытая печь, которую можно было встраивать в камины, чтобы обеспечить максимальный обогрев, уменьшив количество дыма и топлива. Применив свои познания в конвекции и теплопередаче, Франклин предложил искусно сделанную (и, должно быть, слишком сложную) конструкцию.

Печь сконструирована таким образом, что дым от пламени вместе с теплом поднимался вверх, достигал там железной пластины, затем с помощью теплоотдачи спускался вниз по каналу, который проводился под стеной печи, и в итоге устремлялся вверх и выходил через дымоход. В процессе пламя нагревало внутреннюю металлическую камеру, которая проводила свежий прохладный воздух из подвала наверх. Там температура повышалась, после чего камера пропускала этот воздух наружу через вентиляционную решетку в комнате. Такова была концепция.

В 1744 году хороший знакомый Франклина и член Хунты, занимавшийся изготовлением металла для новой печи, также привлек двух своих братьев и нескольких друзей к продаже печей по всему северо-востоку. Рекламный проспект, написанный Франклином, изобиловал научными данными. В нем детально пояснялось, как теплый воздух расширяется, чтобы занять больше

места, чем холодный, как он становится легче, как выделяется тепло, а дым уходит только вместе с воздухом. Затем Франклин включил хвалебный отзыв о новом дизайне и расхвалил изобретение, утверждая, что оно минимизирует холодные сквозняки и дым, таким образом снижая вероятность простуды с высокой температурой и кашлем. В соответствии с его рекламными высказываниями эта конструкция также должна была способствовать экономному расходу топлива.

Новые пенсильванские камины, как он называл их, были изначально довольно популярны. Стоили они пять фунтов, а газеты во всех колониях были заполнены хвалебными отзывами. «Нужно было назвать ее, из справедливости, равно как и из благодарности, печью мистера Франклина, — заявлял автор одного из писем в Boston Evening Post. — Я полагаю, любой, кто прочувствовал, насколько удобно и выгодно ее применение, разделит мое мнение, что автор этого замечательного изобретения достоин памятника в свою честь».

Губернатор Пенсильвании, бывший в числе энтузиастов, предложил Франклину запатентовать изобретение, что могло принести ему немалую прибыль. «Но я отклонил это предложение, — написал Франклин в автобиографии. — Поскольку мы пользуемся преимуществами, которые дают нам изобретения других людей, следует радоваться возможности послужить людям своими изобретениями и делать это радостно и безвозмездно». Это было великодушное и искреннее мнение.

Исчерпывающее исследование, проведенное одним ученым, показывает, что конструкция Франклина, в конечном счете, оказалась менее практичной и популярной, чем он надеялся. Только при условии очень высоких температур в дымоходе и нижних каналах конвекция оказывалась достаточной, чтобы удерживать дым за пределами комнаты. Это затрудняло начало работы. Продажи сокращались, производство остановилось уже через два десятка лет, а большинство моделей модифицировали уже их владельцы, ликвидируя черный канал и камеру. Всю оставшуюся жизнь Франклин улучшал свои конструкции дымохода и камина. Но то, что сегодня повсеместно известно под названием «печь Франклина», — намного более простое устройство по сравнению с первоначальным замыслом[156].

Франклин также соединил науку и практику, придумав первый мочевой катетер, использованный в Америке. Он стал видоизмененной версией европейского изобретения. Его брат Джон из Бостона страдал от мочевых камней и писал Франклину о своем желании достать гибкую трубку, которая помогла бы ему с мочеиспусканием. Франклин придумал конструкцию, но, вместо

того чтобы просто описать ее, отправился к серебряных дел мастеру в Филадельфии и проследил за ее изготовлением. Трубка была достаточно тонкой, чтобы гнуться. Франклин добавил проволоку, которая вставлялась внутрь для придания жесткости на момент ввода. Позже, когда трубка достигала точки, в которой предстояло ее согнуть, можно было убирать проволоку. Помимо прочего, в его катетере имелся винтовой элемент, позволяющий вводить устройство с помощью поворотного движения. Франклин сделал катетер разборным, чтобы облегчить момент извлечения. «Для правильного пользования любыми новыми инструментами требуется опыт, и в связи с этим, возможно, придется сделать некоторые усовершенствования», — сказал Франклин брату.

Франклина также продолжало интересовать исследование природных явлений. Среди самых примечательных — его открытие штормов большого Восточного побережья, известных как норд-ост. Эти ветры дуют с северо-востока, по сути, продвигаясь в противоположном направлении от ветров, которые проделывают путь по побережью с юга. Вечером 21 октября 1743 года Франклин с нетерпением ожидал момента лунного затмения, которое должно было, по его сведениям, произойти в половине девятого. Однако суровый шторм разразился над Филадельфией, и небо затянуло тучами. На протяжении последующих нескольких недель он читал отчеты о том, какой ущерб шторм причинил территориям от Виргинии до Бостона. «Но что удивило меня, — позже сказал он своему другу Джареду Элиоту, — так это то, что в Бостонской газете я обнаружил сведения о наблюдениях за этим затмением». Франклин написал брату в Бостон. Тот подтвердил, что шторм разразился только часом позже после окончания затмения. Дальнейшее расследование, проведенное относительно временных рамок этого и других штормов вверх и вниз по побережью, привело к «весьма своеобразному заключению», как сказал Франклин Элиоту: «Хотя ветер и держит курс от северо-востока к юго-западу, тем не менее шторм движется с юго-запада на северо-восток». Далее он правильно предположил, что поднимающийся вверх воздух, нагретый на юге, создает систему низкого давления, которая обуславливала происхождение сильных северных ветров. Более чем через сто пятьдесят лет великий ученый Уильям Моррис Дэвис объявит: «С этого момента появилась наука прогнозирования погоды»[157].

В вышеописанный период внимание Франклина привлекали и десятки других научных феноменов. К примеру, в переписке с его другом Кедуолладером Колденом шла речь о кометах, циркуляции крови, потоотделении, инерции и вращении Земли.

Но именно ловкий трюк 1743 года дал ему то, что, вне всяких сомнений, может считаться его самым значительным научным достижением.

Электричество

Во время визита в Бостон летом 1743 года Франклину посчастливилось попасть на развлекательный вечер странствующего научного шоумена по имени доктор Арчибальд Спенсер (в автобиографии Франклин неправильно указывает имя и год, говоря, что звали его доктором Спенсом, а встретились они в 1746 году). Спенсер специализировался на удивительных демонстрациях, которые граничили с развлекательными шоу. Он наглядно представлял теории Ньютона о свете и демонстрировал машину, измеряющую кровообращение. Оба эти вопроса затрагивали интересы Франклина. Но что еще важнее, Спенсер показывал фокусы с электричеством — к примеру, создавал статическое электричество, натирая стеклянную трубку и высекая искры ногами мальчика, подвешенного на шелковой ткани «фай» под потолком. «Поскольку эти опыты были для меня в новинку, — вспоминал Франклин, — они в равной мере поразили и порадовали меня».

Веком ранее Галилей и Ньютон сняли ореол таинственности, возникавший в связи с темой силы притяжения. Но другая колоссальная сила во вселенной, электричество, была исследована глубже, чем в древние времена. Существовали люди, подобные доктору Спенсеру, которые играли с электричеством, организовывая зрелища. аббат Ноллет, придворный ученый французского короля Людовика XV, собрал сто восемьдесят солдат, а затем семьсот монахов, заставив их прыгать в унисон ради забавы двора, пропуская через их тела разряд статического электричества. Однако Франклин сумел перевести проблему электричества из разряда дешевых трюков в ряд научных вопросов. Для разрешения этой задачи подходил не ученый математик или теоретик, а умный и изобретательный человек, обладающий любознательностью, толкающей его на эксперименты. Требовалось также умение мастерить вещи своими руками и время на то, чтобы возиться со всевозможными хитроумными штуками.

Спустя несколько месяцев после возвращения Франклина в Филадельфию доктор Спенсер приехал в город. Франклин выступал его агентом, рекламируя его лекции и продавая билеты у себя в типографии. В начале 1747 года его библиотечное общество получило длинную стеклянную трубку для генерирования статического электричества, а также бумаги с описанием некоторых экспериментов от агента в Лондоне Питера Коллинсона. В благодарственном письме Коллинсону Франклин

не скупился на эмоции, описывая, сколько радостных моментов испытал, применяя это устройство: «Никогда еще я не был настолько увлечен изучением предмета, полностью поглотившего мое внимание». Он поручил местному стеклодуву и ювелиру изготовить больше подобных устройств, а затем подтолкнул друзей из Хунты к участию в экспериментах[158].

Первые серьезные опыты Франклина включали сбор электрического заряда и последующее изучение его свойств. Он попросил друзей извлечь заряд из вращающейся стеклянной трубки, а затем прикоснуться друг к другу, чтобы посмотреть, вылетят ли искры. Результатом стало открытие, что электричество «не *создается* трением, а только *накапливается* таким образом». Иными словами, заряд можно пропустить через человека А так, чтобы он вышел из человека Б, а электрическая жидкость вернулась бы назад при условии, что оба прикоснулись друг к другу.

Для того чтобы пояснить свою точку зрения, он изобрел несколько новых терминов, которые описал в письме к Коллинсону. «Мы говорим, что Б электризован *положительно*; А — *отрицательно*: или скорее Б электризован со знаком *плюс*, а А — со знаком *минус*». Он извинялся перед англичанами за новые выражения: «Эти термины мы можем использовать до тех пор, пока ваши философы не предоставят нам лучшие».

Фактически эти определения, внедренные Франклином, мы продолжаем использовать сегодня, включая другие неологизмы, изобретенные им для описания своих находок: батареи, заряда, нейтральной частицы, конденсации проводника. Отчасти значительность Франклина как ученого заключалась в его трудах: «Он писал как для несведущих людей, так и для философов, — отметил сэр Гемфри Дэви, химик начала XIX века, — и преподносил детали в одновременно развлекательной и понятной манере».

До этого времени считалось, что электричество включает два вида жидкостей, так называемые стекловидную и смолистую, которые можно было создать по отдельности. Открытие Франклина, гласящее, что генерирование положительного заряда сопровождается созданием такого же отрицательного заряда, известно как сохранение заряда и теория об однокомпонентной жидкости электричества. Концепция отражала счетоводческий склад ума Франклина, который впервые проявился в лондонском «Трактате». Тогда он утверждал, что удовольствие и боль всегда сбалансированы.

Это был прорыв исторических масштабов. Подытоживая ценность изобретения, которое выдержало проверку временем в

течение двухсот лет, профессор Гарварда Бернард Коэн заявил следующее: «Закон Франклина о сохранении заряда должен считаться настолько же фундаментально значимым в физике, как и закон Ньютона о сохранении количества движения».

Помимо этого Франклин также открыл особенности электрического заряда — «прекрасное действие заостренных предметов», — с помощью которого он вскоре нашел возможность осуществить свои опыты. Он наэлектризовал маленький железный шар и повесил рядом с ним пробку, которую отбрасывало в сторону в зависимости от силы заряда шара. Когда он поднес кончик заостренного металла к шару, то спровоцировал появление заряда. Но округленная сторона не дала такого же заряда или искры, а когда ее изолировали вместо того, чтобы заземлить, металл и вовсе не создал заряда.

Франклин продолжал эксперименты, улавливая и сохраняя электрические заряды в простейшем виде конденсатора, названного лейденской банкой, в честь голландского городка, в котором был изобретен. Снаружи эти банки покрывались металлической фольгой. Внутри находился отделенный от фольги стеклянной изоляцией свинец (или вода, или металл), который можно подзаряжать с помощью проволоки. Франклин показал, что когда содержимое банки было заряжено, наружная фольга имела равный по силе, но противоположный заряд.

Помимо этого, помещая воду и металл внутрь заряженной лейденской банки без возможности создать искру, Франклин обнаружил, что заряд в них не сохранялся постоянно; зато он пришел к правильному выводу, что заряд удерживался внутри благодаря стеклу. Таким образом, он выстроил серию стеклянных листов, фланкированных металлом, зарядил их, скрепив проволокой, а затем дал имя новому устройству — «так называемой электрической батарее»[159].

Электричество стало для него еще одним поводом для излюбленных увеселений. Он создал заряженного металлического паука, который прыгал по комнате, как настоящий, наэлектризовал железную изгородь вокруг своего дома, чтобы извлекать искры для забавы гостей, также оснастил портрет короля Георга II электрошоком «государственной измены», который срабатывал, когда кто-то дотрагивался до позолоченной короны. «Если людей, стоящих в кругу, подвергнуть шоку, — шутил Франклин, — эксперимент будет называться „Заговорщики“». Друзья толпами стекались, чтобы увидеть его представления. Так он укрепил свою репутацию шутника (в одной из самых таинственных сцен романа Томаса Пинчона «Мэйсон и Диксон» Франклин выстроил нескольких молодых людей в ряд в

таверне для того, чтобы с помощью батареи пропустить через них разряд, выкрикивая: «Возьмитесь все за руки, вы, пижоны»).

Близилось лето 1749 года, и возрастающая влажность воздуха существенно затруднила эксперименты. Франклин решил приостановить проведение опытов до осени. Несмотря на то что его находки имели огромное историческое значение, он все же должен был найти им практическое применение. Франклин жаловался Коллинсону, что «немного огорчен, так как мы до сих пор не смогли открыть ничего такого, что принесло бы пользу человечеству». И в самом деле, испытав множество теорий и парочку болезненных ударов током, лишивших его сознания, человек, всегда пытавшийся усмирить собственную гордыню, сказал, что единственный способ «применить обнаруженное электричество» — это употребить его так, чтобы «оно помогло сделать тщеславного человека смиренным».

Окончание сезона экспериментов послужило поводом для «вечеринки удовольствий» на берегу реки. Франклин описал ее в письме Коллинсону: «Мы собираемся убить индейку к ужину с помощью удара электрического тока и поджарить ее на электрической стойке, рядом с огнем, разожженным наэлектризованной бутылкой. При этом мы будем поднимать тосты за здоровье всех известных электриков Англии, Франции и Германии и пить из наэлектризованных бокалов под залпы ружей, заряженных от электрической батареи».

Увеселительное мероприятие прошло хорошо. Несмотря на то что индеек оказалось сложнее убить, нежели цыплят, Франклин и его друзья в конце концов справились с задачей, скомпоновав одну большую батарею. «Птицы, убитые таким способом, необычайно нежны при употреблении», — писал он, став кулинарным первооткрывателем жареной индейки. Что же касается практической стороны вопроса, для нее настанет время осенью этого года[160].

Похищение молнии с небес

В дневнике он вел учет экспериментов. В ноябре 1749 года Франклин зафиксировал несколько интригующих особенностей, объединяющих электрические искры и молнию. Он перечислил двенадцать из них, включая: «1. Дают свет. 2. Окрас света. 3. Искривленная направленность. 4. Быстрое движение. 5. Проводятся металлом. 6. Треск или шум при взрыве… 9. Убивает животных… 12. Серный запах».

Что еще важнее, он создал связь между этой догадкой о молнии и своими более ранними экспериментами по выяснению мощности остроконечных металлических объектов и возможностью извлекать электрические заряды. «Электрическую жидкость привлекают острые концы. Мы не знаем, свойственно ли это молнии. Но поскольку они схожи между собой во всех характеристиках, по которым их можно сравнивать, разве нет вероятности того, что они будут схожи и в этом?» К этому он прибавил судьбоносный боевой клич: *«Да свершится эксперимент»*.

На протяжении веков разрушительный бич молнии, как правило, считался сверхъестественным феноменом или изъявлением Божьей воли. Когда приближалась гроза, люди звонили в церковные колокола, чтобы отогнать молнии. «Звуки освященного металла прогоняют демона и отводят грозу и молнии», — объявил святой Фома Аквинский. Но даже самые верные религии люди могли заметить, насколько малоэффективен этот метод. За более чем тридцать пять лет в 1700-х годах только в одной Германии молния поразила триста восемьдесят шесть церквей, убив при этом более сотни звонарей. В Венеции погибли около трех тысяч людей, когда тонны пороха, хранившегося в церкви, взорвались от удара молнии. Как позже вспоминал Франклин в разговоре с гарвардским профессором Джоном Уинтропом, «кажется, что молнии ударяют именно в шпили, пока звонят колокола; тем не менее при звуках приближающегося грома они продолжают благословлять новые колокола и бранить старые. Ведь могли уже подумать и о том, чтобы прибегнуть к какой-нибудь другой уловке»[161].

Многие ученые, включая Ньютона, отметили явную связь между молнией и электричеством. Но никто не провозглашал: «Да будет эксперимент», никто не планировал проведение методичного испытания, никто не думал на практике связать все это с мощностью остроконечных стержней.

Франклин набросал свои теории о молнии в апреле 1749

года, незадолго до окончания сезона, ознаменованного поджариванием индейки. Водяной пар в облаке может быть заряжен электричеством, предположил он, при этом положительно заряженные облака будут отделяться от отрицательно заряженных. Когда такие «наэлектризованные облака случайно сталкиваются», добавлял он, «высокие деревья, высокие башни, шпили, мачты кораблей… привлекают к себе электрический огонь, и так разряжается целое облако». Эта неплохая догадка натолкнула его на предположение: «Таким образом, опасно укрываться под деревом во время сильных порывов ветра, сопровождающих грозу». Эта же догадка привела его к самым знаменитым экспериментам[162].

Перед попыткой провести предложенные эксперименты самостоятельно в 1750 году Франклин описал их в двух знаменитых письмах Коллинсону, которые были представлены Королевскому обществу в Лондоне, а затем повсеместно опубликованы. Основная мысль заключалась в том, чтобы использовать высокий металлический стержень для привлечения электрического заряда от облака. По такому же принципу он использовал иглу, извлекая заряд из железного шара в лаборатории. Франклин подробно изложил предложенный эксперимент.

> На вершине некоей высокой башни или шпиле установите подобие будки часового, достаточно большой, чтобы в ней мог поместиться человек и электрический стенд. Пускай из середины стенда выходит железный стержень… высотой в двадцать-тридцать футов, очень остро заточенный на конце. Если электрический стенд содержать чистым и сухим, человек, находящийся на нем, когда низко над ним проплывают облака, может быть наэлектризован и сможет образовать искры, так как стержень привлечет огонь из облака. Если человек почувствует какую-либо опасность (впрочем, я думаю, ее совсем не будет) пускай он, стоя на полу своей будки, периодически подносит к стержню виток проволоки, один конец которого будет прикреплен к свинцовой крыше; нужно держать ее за оловянную ручку (то есть изолировать себя). Таким образом, если стержень наэлектризован, искры ударят в стержень, а затем из него переместятся в проволоку, а человек останется невредим.

Франклин ошибался только в том, что предполагал полную безопасность для человека, поскольку известен как минимум

один эксперимент в Европе с фатальным исходом. Его предложение использовать проволоку, держась за изолированную оловянную рукоятку, оказалось более разумным советом.

Если его гипотезы подтвердятся, писал Франклин в очередном письме Коллинсону, то молниеотводы смогут нейтрализовать одну из самых больших опасностей, с которой сталкиваются люди. «Дома, корабли, даже города и церкви могут быть спасены от ударов молний таким способом, — предсказывал он. — Электрический огонь, на мой взгляд, будет неслышно извлекаться из облака». Однако он не был уверен наверняка. «Это может показаться фантастикой, но пускай так пока и будет, до тех пор, пока я не проведу эксперименты на открытом пространстве»[163].

Выдержки из писем Франклина были процитированы в Лондоне в The Gentleman's Magazine 1750 года, а затем опубликованы в виде брошюры на восемьдесят шесть страниц в последующем году. Еще более знаменательно то, что в начале 1752 года их перевели на французский язык, после чего они произвели настоящую сенсацию. Король Луи XV попросил, чтобы ему продемонстрировали лабораторные испытания. В феврале за их проведение взялись трое французов, переводивших тексты об экспериментах Франклина. За опыты отвечали натуралисты Комте де Бюффон и Томас-Франсуа Далибар. Король был так взволнован, что предложил провести предложенный Франклином эксперимент со стержнем. В письме к Лондонскому Королевскому обществу говорилось: «Одобрение Его Величества пробудило в месье де Бюффоне, месье Далибаре и месье де Лоре желание проверить предположения мистера Франклина касаемо сходства молнии и электричества, они занялись приготовлениями к проведению эксперимента».

В поселении Марли в северном пригороде Парижа французы сконструировали будку часового с двенадцатиметровым железным стержнем и принудили солдата в отставке разыгрывать роль Прометея. Десятого мая 1752 года сразу после двух часов дня над сооружением проплывала грозовая туча. Солдату удалось извлечь искры, как и предсказывал Франклин. Взволнованный местный настоятель схватил изолированную проволоку и повторил эксперимент шесть раз. Один раз его ударило током, но он выжил и торжествовал по случаю успеха. В течение нескольких недель этот опыт был повторен несколько десятков раз по всей Франции. «Идея мистера Франклина уже более не является предположением, — сообщал Далибар французской Королевской академии. — Теперь она подкреплена реальностью».

Франклин, еще не зная об этом, стал знаменит во всем мире.

Как в восторге писал Коллинсон, находясь в Лондоне, «Великая Монархия Франции строго приказывает», чтобы французские ученые «горячо похвалили мистера Франклина из Филадельфии за полезные открытия в природе электричества и применении остроконечных стержней, предотвращающих ужасные последствия грозы»[164].

В следующем месяце, еще до того как весть об успехе Франклина достигла берегов Америки, он изобрел собственный способ проведения эксперимента самостоятельно при помощи своего друга и ученого Джозефа Пристли. Он ожидал момента, когда закончится строительство колокольни в филадельфийской церкви Христа, чтобы воспользоваться высотой здания. Но поскольку от природы Франклин был нетерпелив, то параллельно увлекся другой идеей — использовать вместо возвышения воздушного змея, игрушку, которую он так любил запускать и с которой проводил всевозможные эксперименты еще в мальчишеские годы в Бостоне. Чтобы сохранить эксперимент в тайне, он привлек сына Уильяма, попросив помощи при запуске шелкового змея. К верхнему концу змея прикреплялась проволока, а к низу влажной бечевки — ключ. Таким образом, проволоку можно было приблизить так, чтобы извлечь искры.

Облака проплывали мимо без каких-либо результатов. Франклин уже начал терять надежду, когда внезапно увидел, как несколько нитей бечевки натянулись. Положив костяшки пальцев на ключ, он смог добыть искры (и, что особенно важно, выжить). Далее он собрал несколько зарядов в лейденскую банку и обнаружил, что они обладают теми же характеристиками, что и электричество, полученное в лаборатории. «В связи с этим сходство электрического вещества с молнией, — сообщал он в письме, датированном следующим октябрем, — всецело продемонстрировано».

Франклину и его змею было суждено прославиться не только в анналах науки, но и в народных преданиях. Известная картина Бенджамина Уэста 1805 года «Франклин получает заряд электрического тока с небес» ошибочно показывает его морщинистым мудрецом, а не полным жизни мужчиной сорока шести лет. Или на не менее знаменитой гравюре XIX века Currier and Ives{37} показывает Уильяма скорее маленьким мальчиком, а не мужчиной двадцати одного года.

Даже у историков науки, как только речь заходит о воздушном змее Франклина, проскальзывает некоторая недосказанность. Хотя предположительно запуск произошел в июне 1752 года, за несколько недель до известия об испытаниях во Франции, Франклин не делал публичных заявлений об опыте в

течение месяцев. Он не упоминал о нем в письмах, которые тем летом писал Коллинсону, и, несомненно, не сообщал о нем своему другу Эбенизеру Киннерсли, в это время читавшему лекции об электричестве в Филадельфии. Однако он не обнародовал свой эксперимент со змеем, даже когда узнал об успехе во Франции (о результатах узнал, вероятно, в конце июля или августа). Выпуск «Пенсильванской газеты», датированный 27 августа 1752 года, перепечатал письмо о французских экспериментах, но в нем не упоминалось, что Франклин и его сын к тому времени уже знали, какими будут результаты.

Первый публичный отчет появился в октябре, четыре месяца спустя, в форме письма, которое Франклин написал Коллинсону и напечатал в своей «Пенсильванской газете». «Поскольку в европейских газетах часто упоминают об успехе филадельфийского эксперимента[38], который притянул электрический огонь с небес, — писал он, — любопытных может заинтересовать информация о том, что такой же эксперимент успешно прошел в Филадельфии, хоть он и был совершен иным способом, намного более простым». Далее он описывал детали конструирования змея и других аппаратов, но на удивление обезличенно, никогда не прибегая к использованию первого лица, чтобы сказать без обиняков, что они с сыном проводили эксперимент самостоятельно. Франклин заканчивал текст словами о том, что успех экспериментов во Франции повлек за собой установку в стране громоотводов, и тут же подчеркнул важность того, чтобы «у нас первых открылась академия и появились централизованные громоотводы». В том же выпуске газеты рекламировалось новое издание «Альманаха Бедного Ричарда», где освещались вопросы, «как сберечь дома и т. д. от молнии».

Более колоритный и личный рассказ о запуске воздушного змея, включая детали об участии Уильяма, появился в работе Джозефа Пристли «История и настоящее состояние электричества», впервые опубликованной в 1767 году. «Ему пришло в голову, что с помощью обыкновенного змея можно получить более легкий и лучший доступ к молнии в сравнении с любым шпилем, — писал Пристли, — и при первой приближавшейся грозе он отправился в поле, где находился сарай, пригодный для его замысла». Пристли, выдающийся английский ученый, в суждениях о Франклине опирается непосредственно на слова его самого. Их встреча произошла в Лондоне в 1766 году. Франклин предоставил Пристли научные материалы и даже правил рукопись, которая заканчивалась спокойным заявлением: «Это случилось в июне 1752-го, месяцем

позже после того, как электрики во Франции подтвердили ту же теорию экспериментом, но до того, как Франклин что-либо узнал об их испытаниях»[165].

Промедление, которое Франклин допустил в случае с докладом об эксперименте с воздушным змеем, спровоцировало сомнения некоторых историков, задающихся вопросом: проводил ли он свои опыты тем летом? Одна же из недавно выпущенных книг и вовсе выдвигает обвинения в том, что его заявление — сплошное «надувательство». И снова я вмешаюсь со своей дотошностью. Бернард Коэн выполнил всесторонний исторический поиск. Основываясь на письмах, отчетах и сведениях о появлении громоотводов в Филадельфии тем летом, проанализировав сорок страниц текста, он пришел к заключению: «Нет причин сомневаться, что Франклин задумал и осуществил эксперимент с воздушным змеем прежде, чем услышал новости о французском аналоге». Далее Коэн говорит, что эксперимент был выполнен «не только Франклином, но и другими», и добавляет: «Мы можем с уверенностью заключить, что Франклин провел эксперимент со змеем в июне 1752 года, а вскоре после этого, в конце июня или июля 1752-го, именно в Филадельфии появились первые громоотводы, которые тут же ввели в эксплуатацию»[166].

И вправду, неблагоразумно полагать, будто Франклин подделал июньскую дату или другие факты в эксперименте с воздушным змеем. Не было случая, когда бы он приукрасил собственные научные достижения, а описание, сделанное Пристли, содержит довольно специфический колорит и детали, убеждающие нас в его правдивости. Если бы Франклин хотел приукрасить действительность, у него была возможность заявить, что запустил змея перед тем, как французские ученые предложили свою версию его эксперимента; вместо этого он великодушно признал, что французские ученые первыми подтвердили его теорию. А сын Франклина, с которым он впоследствии жестоко поссорится, никогда не противоречил изложенной отцом истории о воздушном змее.

Так почему же он отложил доклад о том, что могло стать самым знаменитым его научным подвигом? Возможно множество объяснений. Франклин почти никогда не печатал отчеты о своих экспериментах немедленно — ни в собственной газете, ни где-либо еще. Обычно он тянул время, как, скорее всего, и в данном случае, подготавливая полный отчет, а не быстрое сообщение. Зачастую на то, чтобы все записать, а затем переписать начисто, у него уходило достаточно много времени; к примеру, он не оглашал публично своих экспериментов за 1748 год до тех пор, пока не написал письмо Коллинсону в апреле 1749-го. Похожее

промедление — и при оглашении результатов следующего года.

Он также боялся быть осмеянным в случае, если первоначальные выводы не подтвердятся. Пристли в своей истории электричества озвучил переживания Франклина, которые стали причиной секретности при запуске воздушного змея. Действительно, даже после того как тем летом эксперименты были проведены, многие ученые, включая аббат Ноллета, называли их дурацкими. Возможно, он ждал, как предполагает Коэн, возможности повторить и усовершенствовать свои опыты. По другой версии, предложенной Ван Дореном, Франклин хотел, чтобы открытие совпало с публикацией статьи о громоотводах в новом издании его альманаха в октябре[167].

Какой бы ни была причина задержки отчета об эксперименте, тем летом Франклин пришел к мысли убедить граждан Филадельфии возвести хотя бы два заземленных громоотвода на высоких постройках. Несомненно, это первые в мире конструкции подобного рода, использованные для защиты людей. В сентябре он также возвел громоотвод на собственном доме, оснастив его замысловатым прибором для предупреждения о приближающейся грозе. Стержень, описанный в письме Коллинсону, был заземлен с помощью проволоки, присоединенной к колодезному насосу. Франклин оставил пятнадцатисантиметровый зазор в проволоке в том месте, где она проходила рядом с дверью в спальню. В зазоре находился шарик и два колокольчика, которые звенели, когда грозовое облако электризовало стержень. Это было типичное сочетание развлечения, исследования и практичности. Он использовал это устройство, чтобы извлекать заряды для своих экспериментов, но если бы молния действительно ударила, зазор оказался бы слишком мал, чтобы разряд оказался безопасным. Дебора, однако, была отнюдь не так довольна, как ее супруг. Годы спустя, когда Франклин жил в Лондоне, он ответил на ее жалобу: «Если звон тебя пугает…» — и далее проинструктировал жену: нужно закрыть зазор между колокольчиками металлической проволокой так, чтобы стержень защищал дом неслышно.

В некоторых кругах, особенно религиозных, догадки Франклина вызывали неоднозначные оценки. аббат Ноллет, исполненный зависти, продолжал принижать его идеи, утверждая: громоотвод — оскорбление Господа. «Он говорит так, словно ему хватает самонадеянности полагать, будто человек может защитить себя от грома и молнии Небес!» Франклин писал своему другу: «Безусловно, гром и молния с Небес не более Божественны, чем дождь, туман или солнечный свет с Небес, беспокойство от которых мы без малейшего колебания устраняем с помощью крыш или укрытий».

Большая часть мира вскоре согласилась с ним, и громоотводы начали множиться по всей Европе и в колониях. Франклин внезапно стал знаменитым. Летом 1753 года Гарвард и Йель наградили его почетными степенями, а Лондонское королевское общество дало ему престижную медаль Копли — первому человеку, живущему вне Британии. Его ответ Обществу, как всегда, носил оттенок иронии: «Я не знаю, изучал ли кто-нибудь из вашего ученого сообщества хваленое древнее искусство преумножения золота, но вы точно открыли искусство, позволяющее сделать золото бесконечно более ценным, чем оно есть на самом деле»[168].

Место в Пантеоне

Описывая Коллинсону, как металлические остроконечные предметы извлекают электрические заряды, Франклин отважился построить несколько теорий на основе законов физики. Но Коллинсон признался, что у него имеются «некоторые сомнения» насчет этих предположений, и добавил, что изучить, *как* природа себя ведет, важнее, чем знать теоретические причины, многочисленные *почему*: «Нет большой важности в том, чтобы знать, каким образом природа применяет свои законы; достаточно, если мы знаем сами эти законы. По-настоящему полезно понимать, что фарфор, оставшись в воздухе без опоры, упадет и разобьется; но как он упадет и почему разобьется — это всего лишь гипотезы. И вправду есть определенное удовольствие в том, чтобы их понимать, но мы можем сберечь фарфор и без них».

Такое отношение к математике и физике и отсутствие познаний теоретических основ стало причиной того, что Франклин со всей своей изобретательностью не стал ни Галилеем, ни Ньютоном. Он являлся скорее экспериментатором-практиком, чем систематическим теоретиком. Как и в случае с этическими и религиозными обоснованиями, научная работа Франклина получила признание не столько по причине абстрактной теоретической ценности, сколько благодаря обнаруженным фактам, имеющим практически полезное применение.

Тем не менее не следует преуменьшать теоретическое значение его открытий. Он был одним из передовых ученых своего века. Франклин предложил и доказал одну из самых фундаментальных концепций о природе: что электричество — это чистая жидкость. «Роль, которую сослужила науке об электричестве теория о чистой жидкости, — писал великий британский физик Дж. Дж. Томпсон, который открыл электрон через сто пятьдесят лет после экспериментов Франклина, — трудно переоценить». Франклин также предположил, что существует разница между изоляторами и проводниками, высказал идеи об электрическом заземлении и начатки концепции конденсаторов и батарей. Ван Дорен пишет: «Он посчитал электричество любопытным и сделал его наукой».

Не следует также недооценивать практическую значимость доказанного им предположения о том, что молния — в то время удивительная загадка — есть электрическое явление, которое можно приручить. Немногие научные открытия так скоро

сослужили службу человечеству. Великий немецкий философ Иммануил Кант назвал Франклина «новым Прометеем» за то, что он сумел украсть огонь с небес. Он вскоре стал не только самым известным ученым в Америке и Европе, но также и всенародным героем. Разрешив одну из самых больших тайн вселенной, он победил одну из самых жутких угроз, которые таит природа.

Но несмотря на огромную любовь к научным поискам, Франклин чувствовал, что они ничуть не менее значимы, чем усилия на поприще государственной политики. Приблизительно в это же время его друг, политик и натуралист Кедуолладер Колден также ушел в отставку и объявил о намерении посветить себя полностью «философским развлечениям» (термин, который в XVIII веке использовали для научных экспериментов). «Пускай любовь к философским развлечениям не станет для вас единственным занятием, — убеждал его Франклин. — Если бы Ньютон был всего лишь капитаном самого обыкновенного судна, лучшие из его открытий вряд ли в минуту опасности смогли бы оправдать или возместить потери из-за оставленного на час штурвала; однако это было бы совсем иначе, находись на борту судьба Содружества».

Итак, Франклин вскоре применил свой научный стиль аргументации — эксперимент плюс прагматизм — не только к изучению явлений природы, но и к государственной деятельности. Его политические начинания подкрепляла слава, которую он приобрел как исследователь. В личности ученого и государственного мужа все отныне соединилось так, что каждая ниточка узора закрепляла следующую. И так — пока наконец не прозвучали строки о нем эпиграммы, сочиненной французским политиком Тюрго: «Он вырвал молнию у неба и скипетр — у тиранов»[169].

Глава 7. Политик
(Филадельфия, 1749–1756)

Академия и больница

Изобретательный юноша, которому не посчастливилось попасть в Гарвард, который с плохо замаскированной завистью острил в подростковых эссе, что-де колледж — это слишком претенциозно, и которого жажда знаний сделала лучшим писателем и ученым-самоучкой своего времени, долгие годы лелеял мечту открыть собственный колледж. Он обсуждал эту идею в Хунте еще в 1743 году, а после отставки еще глубже проникся положительными эмоциями от науки и чтения. Итак, в 1749 году Франклин опубликовал брошюру «Предложения по поводу образования молодежи в Пенсильвании», описав с присущей ему любовью к деталям, для чего нужна академия, чему в ней нужно обучать и как собрать средства на ее создание.

Академия не должна стать религиозным учреждением или оплотом элиты, как четыре уже существовавших в колониях колледжа (Гарвард, колледж Уильяма и Мэри, Йель и Принстон). Франклин, как и стоило ожидать, нацеливался на практическое обучение, в частности письмо, арифметику, счетоводство, ораторское искусство, историю и бизнес-навыки «в нескольких профессиях, где они полезны». Планировалось прививать учащимся земные добродетели; студенты должны были жить «просто, умеренно и экономно», а также «регулярно заниматься пробежками, упражняться в прыжках, борьбе и плавании».

План Франклина не включал классические методы и обозначал реформу образования. Новая академия, считал он, не должна обучать богословию или служить достижению личного блага. Вместо этого будут культивироваться «задатки и способности служить человечеству, своей стране, друзьям и семье». Что и является, заявил Франклин в заключение, «поистине великой целью и венцом любого образования».

Брошюра изобиловала сносками, в которых автор цитировал древних мыслителей и ссылался на собственный опыт — от плавания до стиля письма. Как всякий изощренный мыслитель эпохи Просвещения, Франклин обожал порядок и тщательные инструкции. Что он и продемонстрировал, скрупулезнейше изложив свои правила управления Хунтой, масонской ложей, библиотекой, Американским философским обществом, пожарными бригадами, полицейским патрулем и милицией. Таков был и проект академии, заполненный обстоятельными указаниями, как наилучшим образом обучать всему — от произношения до военной истории.

Франклин быстро собрал пожертвования на сумму около двух

тысяч фунтов (хоть и не пять тысяч, как он вспоминал в автобиографии), набросал устав, столь же детальный, сколь первоначальный проект, и был избран председателем попечительского совета. Помимо этого, ему посчастливилось стать членом попечительского совета Грейт-Холла, построенного для преподобного Уайтфилда и утратившего свою значимость после упадка религиозного возрождения. У Франклина появилась возможность добиться того, чтобы новая академия располагалась в этом здании, разделенном на этажи и учебные кабинеты, с отдельно отведенным пространством для странствующих проповедников и бесплатной школой для бедных детей.

Академия открылась в январе 1751 года и стала первым колледжем в Америке, принимающим учащихся независимо от религиозной принадлежности (с 1791 года она была переименована в Пенсильванский университет). Временами реформаторские инстинкты Франклина наталкивались на препятствия. Большинство попечителей обучались в респектабельных англиканских учреждениях и, несмотря на его возражения, проголосовали за избрание ректором человека не католического, а англиканского вероисповедания. Это место занял Уильям Смит, взбалмошный священник из Шотландии, с которым Франклин завязал дружбу, вскоре закончившуюся — между ними возникли острые разногласия по политическим вопросам. Тем не менее Франклин оставался попечителем до конца жизни и считал колледж одним из своих самых выдающихся достижений[170].

Стоило колледжу открыться, как Франклин перешел к следующему проекту, принявшись собирать деньги для создания госпиталя. Публичное обращение в «Газете», в котором говорилось о моральном долге помогать больным, содержало типичный для Франклина звучный рефрен: «Хорошие люди в одиночку не могут сделать для страждущих столько, сколько могут сделать сообща».

Собрать деньги оказалось непросто, и Франклин придумал план: он предложил Ассамблее, что если ему частным образом удастся собрать две тысячи фунтов, то к ним добавят такую же сумму из бюджета. План, как вспоминал Франклин, предоставил дарителям «дополнительный мотив для того, чтобы вносить деньги: пожертвование каждого умножалось вдвое». Позже политические противники критиковали Франклина за излишнее хитроумие, но сам он остался весьма доволен изворотливостью собственного ума. «Я не помню другого политического маневра, успех которого подарил мне большее удовлетворение, или такого, совершив который я с большей легкостью извинил себя за выгоду,

полученную хитростью»[171].

Придумав то, что сегодня известно как долевая субсидия, Франклин показал, как правительство и частная инициатива могут соединять усилия. Это и по сей день остается специфически американским подходом. Он верил в волонтерские движения и ограничение власти, но также верил и в то, что правительство должно играть ведущую роль в создании общего блага. Действуя на основании партнерства государства и частных лиц, он понимал: правительство в состоянии благотворно повлиять на ситуацию, если не допускать чрезмерного давления сверху.

Имелись и другие проявления консерватизма — сегодня их назвали бы благотворительным консерватизмом, следуя политической манере Франклина. Он придавал огромное значение порядку, и должно было произойти немало событий, прежде чем он кардинально поменял свои взгляды и превратился в американского революционера. Хотя Франклин был терпимым и весьма активным гражданским деятелем, всегда оставался осмотрительным, понимая, чем могут обернуться чрезмерные социальные реформы.

Эти мысли отразились в полном раздумий письме лондонскому другу Франклина Питеру Коллинсону о человеческой природе: «Каждый раз, когда мы пытаемся улучшить план Провидения, — писал Франклин, — следует оставаться крайне осмотрительными, в противном случае наделаем больше бед, нежели добра». Возможно, примером может послужить даже помощь бедным. Он спрашивал, существуют ли «в Англии законы, которые обязывают богатых содержать бедных, но не приводят к увеличению зависимости». Так «по-божески» и похвально, добавлял он, «облегчить невзгоды наших собратьев», но разве, в конечном счете, это не «поощряет лень?» Франклин рассказал поучительную историю о жителях Новой Англии: они решили избавиться от черных дроздов, поедавших урожай кукурузы. В результате черви, которых ели черные дрозды, уничтожили траву и урожаи зерна.

Однако это были вопросы, а не утверждения. В своих политических взглядах, как и в религиозных и научных, Франклин никогда не бывал умозрительным, у него и вправду начиналась аллергия на все, что походило на догму. Напротив, во всех сферах жизни он был заинтересован в поисках решений на практике. Как заметил один писатель, Франклин воплощал просвещенческое «уважение к разуму и природе, к общественному сознанию, присущему эпохе, прогрессивности, толерантности,

космополитизму и умеренной филантропии». Он обладал эмпирическим умом, который, как правило, не допускает бурных страстей, и потому, придерживаясь позиций добродушного гуманизма, подчеркивал свою несколько сентиментальную (и вполне реальную) цель «совершать благие поступки» для пользы собратьев[172].

Что делало его похожим на бунтаря, а позже превратило и в настоящего бунтаря, так это врожденная способность сопротивляться авторитетам. Не думая о своем статусе, он препятствовал импортированию в Америку классовой структуры общества, присущей Англии. Более того, даже когда ему предстояла отставка, продолжал в своих произведениях и письмах превозносить добродетели среднего класса торговцев, лавочников и простых рабочих.

Отсюда проистекало видение американского народа как нации, где люди, кем бы они ни были по рождению или классовой принадлежности, могли возвыситься (как произошло с ним), завоевав состояние и статус благодаря собственной готовности трудиться и уважать добродетель. В этом отношении его идеал был более эгалитарным и демократичным, чем то, что Томас Джефферсон называл «естественной аристократией», пытаясь отсеять избранных с перспективными «добродетелями и талантами» и сделать из них новую правящую элиту. Идея Франклина была шире: он верил, что можно поощрить каждого человека, дать ему возможность преуспеть с помощью прилежания, усердной работы, добродетели и стремлений. Его предложения для того, что позже стало Пенсильванским университетом (в отличие от истории с Виргинским университетом Джефферсона{39}) были направлены не на отбор новой элиты, а на одобрение и поддержку всех «целеустремленных» молодых людей.

Политические пристрастия Франклина вкупе с религиозными и научными формируют гармоничное мировоззрение. Но подобно тому, как он не стал религиозным или научным теоретиком (ни Фомой Аквинским{40}, ни Ньютоном), он не стал и политическим философом типа Локка или того же Джефферсона. Его сила как политического мыслителя во всех областях носила скорее практический, нежели абстрактный характер.

Это проявилось в одном из самых важных его политических трактатов — «Наблюдения за увеличением рода человеческого» (1751). Изобилие незаселенной земли в Америке, по его словам, ускорило рост населения. Это предположение основывалось не на рассуждении, а на подсчетах. Он заметил, что по сравнению с англичанами колонисты только с пятидесятипроцентной

вероятностью могли остаться вне брака, что они женились в более юном возрасте (приблизительно в двадцать лет), а детей у них рождалось в среднем в два раза больше (в среднем восемь). Таким образом, Франклин пришел к выводу, что население Америки будет увеличиваться в два раза каждые двадцать лет и через сто лет превзойдет население Англии.

Он оказался прав. Численность населения Америки превысила английские показатели в 1851 году и продолжала удваиваться каждые два десятилетия до тех пор, пока в конце века незаселенные земли не закончились. В прославленном труде 1776 года «О природе и причинах богатства народов» Адам Смит{41} ссылался на трактат Франклина. Томас Мальтус{42}, известный своими мрачными взглядами на перенаселение и неминуемую бедность, также использовал его подсчеты.

Франклин, однако, не был настроен столь же пессимистично. Он полагал, что увеличение производительности в Америке будет как минимум опережать рост населения, таким образом, по мере развития страны ее граждане станут богаче. По сути, он предсказал (также верно), что рост населения в Америке остановится скорее вследствие зажиточности, нежели нищеты, потому что более состоятельные люди склонны к большей «осторожности» относительно женитьбы и детей.

Самым сильным аргументом Франклина, сыгравшим важнейшую роль в будущем, оставалось несогласие с собственническим желанием Британии ограничивать производство в Америке. Незадолго до этого парламент издал законопроект, запрещающий металлургическое производство в Америке. Это решение было тесно связано с использованием колоний как источника сырья и рынка сбыта конечных продуктов.

Франклин доказывал: обилие свободных земель в Америке уменьшит количество дешевого труда для жителей городов. «Таким образом, опасность того, что колонии затронут интересы метрополии в торговле, которая зависит от труда, производителей и т. д., слишком далека, чтобы требовать внимания Великобритании». Британия вскоре не сможет удовлетворять поставками все американские нужды. «Вследствие этого Британия не должна слишком ограничивать производителей в колониях. Мудрая и добрая метрополия не станет так поступать. Подрывать силы — значит ослаблять, а ослабление детей лишает сил всю семью»[173].

Серьезность трактата об имперских делах уравновешивалась сатирическим произведением, которое он написал приблизительно в то же время. Британия выселяла в Америку преступников — узаконенный путь стимулировать рост колоний.

Воспользовавшись псевдонимом Американус в «Пенсильванской газете», Франклин с сарказмом заметил: «Такая любящая отеческая забота нашей метрополии о благосостоянии своих детей определенно требует горячих слов благодарности в ответ». Поэтому он предлагал Америке, со своей стороны, отправить в Англию корабль с гремучими змеями. Возможно, перемена климата поможет укротить их, ведь именно так, по заверениям британской стороны, должно получиться с преступниками. Даже если этого не произойдет, Британия получит больше выгоды, «так как гремучая змея предупреждает перед тем, как причинить зло, в то время как преступник этого не делает»[174].

Рабство и расовый вопрос

Еще одна огромная моральная проблема, которую историкам приходится разрешать, когда речь заходит об отцах-основателях Америки, — это рабство, и Франклин был включен в ситуацию ничуть не меньше других. Рабы в это время составляли около шести процентов населения Филадельфии, и Франклин способствовал купле-продаже невольников, публикуя объявления в своей газете. Одно из них было дано от имени его тещи: «Продается привлекательная негритянка. За информацией обращаться к вдове Рид». Еще одно предложение о продаже «привлекательного молодого негра» заканчивалось фразой: «Справляться у печатника данного издания». Он лично владел парой рабов, но в 1751 году решил продать их, потому что, как сказал матери, ему не нравилось иметь «черных слуг», к тому же он нашел их содержание неэкономичным. Тем не менее позже Франклин подчас обращался к рабскому труду, пользуясь услугами негра, отбывавшего трудовую повинность{43}.

В «Наблюдениях за увеличением рода человеческого» он критиковал рабство на экономических основаниях. Сравнивая расходы и выгоду при содержании раба, пришел к выводу, что оно бессмысленно. Введение рабства, писал Франклин, являлось одним из факторов, которые «унижают народ». Но в основном обращал внимание на пагубные последствия для владельцев, а не на безнравственное обращение с рабами. «Наличие рабов и возможность не работать самостоятельно ослабляет белых, — заявил он. — Семьи, использующие рабов, ухудшаются: белые дети вырастают гордецами, труд им отвратителен».

Брошюра местами выглядела довольно предвзятой. Автор порицал немецких иммигрантов, желая, чтобы Америку в основном заселяли белые люди английского происхождения. «Количество чисто белых людей в мире пропорционально весьма невелико, — писал он. — Зачем выращивать сыновей Африки на американской почве, на которой можно, исключив черных и коричневых, взрастить славные нации белых и краснокожих? Может быть, я и пристрастен к цвету лица моей страны, но подобная привередливость естественна».

Последнее предложение свидетельствует: Франклин начинал пересматривать позиции относительно собственной расы. В первом издании «Наблюдений» он сделал замечание о том, что «почти каждый раб по природе вор». Но перепечатав это восемнадцать лет спустя, изменил смысл: рабы стали ворами «по природе рабства». Он также пропустил целый абзац о том, что в

Америке целесообразно оставить только белых[175].

Еще одно филантропическое занятие помогло Франклину поменять отношение к проблеме. В конце 1750-х он стал активным членом организации, учредившей школы для черных детей Филадельфии, а затем подобные школы в других местах. После посещения филадельфийской школы в 1763 году он написал письмо, в котором задумывался о своих прошлых предрассудках:

> В итоге я остался очень доволен и из увиденного мною тогда вынес более высокое мнение о природных способностях черной расы, чем когда-либо мог предположить. Их восприятие оказалось таким же быстрым, память — крепкой, а способность к обучению такой же хорошей, как у белых детей. Возможно, вы удивитесь, что я мог в этом сомневаться, я же не возьмусь оправдывать все свои предрассудки[176].

Мы еще увидим, как впоследствии Франклин стал одним из самых активных аболиционистов Америки, осуждавших рабство на основании морально-этических принципов и помогавших отстаивать права чернокожего населения.

Как показывает фраза из «Наблюдений» о взращивании в Америке «славных белых и краснокожих» лиц, отношение Франклина к индейцам было в целом позитивным. Что за чудо, писал он Коллинсону, этот романтический ореол простой жизни индейских дикарей! «Они никогда не проявляли ни малейшей склонности сменить свой образ жизни на наш, — отмечал он. — Если ребенок-индеец попал к нам, был обучен языку и традициям, то стоит ему увидеть отношения и связи между соплеменниками — и станет невозможно убедить его вернуться».

Случается, что белые люди испытывают влечение к индейскому образу жизни, заметил Франклин. Белые дети, попавшие в плен и выращенные индейцами, позже, вернувшись в общество таких же белых, «быстро начинали отторгать наш образ жизни и старания, которые требуются, чтобы поддерживать его и ухаживать за собой, и они пользуются первым же случаем, чтобы снова сбежать в леса».

Он также рассказал историю о том, как несколько уполномоченных из Массачусетса предложили индейцам прислать десяток молодых людей для бесплатного обучения в Гарварде. Индейцы ответили, что уже посылали нескольких самых храбрых юношей учиться там несколькими годами ранее, но те по возвращении оказались «совершенно ни на что не годны: они не знали, как охотиться на оленей, как ловить бобров или

подстерегать врага». Вместо этого индейцы предложили воспитать около десятка белых детей традиционным индейским способом, «сделав из них мужчин»[177].

Члены Ассамблеи, индейские дипломаты и почтмейстер

Должность секретаря Ассамблеи Пенсильвании, которую Франклин исполнял с 1736 года, не удовлетворила его. Не имея возможности принимать участие в дебатах, он развлекался, придумывая магические квадраты. Когда в 1751 году умер один из членов Ассамблеи в Филадельфии, по результатам проведенного голосования Франклин занял его кресло, причем с радостью (и передал должность секретаря безработному сыну Уильяму). «Я решил, что членство позволит мне делать больше добра, — вспоминал он, но тут же признавался: — Я бы, однако, не стал никого вводить в заблуждение, утверждая, будто это не льстит моему самолюбию»[178].

Так началась политическая карьера Франклина, которая длилась в течение тридцати семи лет, пока он не ушел на пенсию с поста президента Исполнительного совета Пенсильвании. Как частное лицо он предлагал различные проекты административных улучшений (библиотека, пожарные бригады, полицейские патрули). Теперь, будучи членом Ассамблеи, мог делать еще больше, став, как сам сформулировал, «великим энтузиастом полезных проектов».

Квинтэссенцией стало его предложение подметать, мостить и освещать городские улицы. Он начал это предприятие, когда задохнулся в пыли у собственного дома, окнами выходившего на крестьянский рынок. Тогда Франклин нашел «бедного трудолюбивого человека», согласившегося подметать квартал за месячную плату, после чего написал документ, изложив в нем все выгоды от найма метельщика на работу. Дома в квартале станут чище, замечал он, а магазины привлекут большее число покупателей. Франклин разослал документ своим соседям, которые поголовно согласились вносить необходимые суммы, ежемесячно оплачивая труд метельщика. Великолепие плана заключалось в том, что он открывал дорогу к более существенным социальным улучшениям. «Это увеличило общее желание вымостить все улицы, — вспоминал Франклин, — и побудило людей охотнее выплачивать налог, учрежденный с этой целью».

В результате Франклин составил для Ассамблеи билль о финансировании мостовых, дополнив его предложением установить уличные фонари у каждого дома. Руководствуясь любовью к научной точности, даже сам разработал конструкцию фонарей. Он заметил, что у шаров, привезенных из Лондона,

внизу отсутствовало отверстие, сквозь которое воздух мог бы проникать внутрь. Значит, дым собирался в шаре и затемнял стекло. Франклин изобрел новую модель фонарей, оснащенную отверстиями и дымоходом, которые помогали держать лампу чистой. Благодаря этому она давала ясный свет. Он также разработал распространенный сегодня дизайн плафона, состоявшего из четырех плоских стекол, а не из одного шара, что облегчало починку, если фонарь ломался. «Кто-то может подумать, что такие пустяковые вопросы не стоят беспокойства», — продолжал Франклин, но эти люди должны помнить, что «человеческое счастье создают… незначительные улучшения, появляющиеся ежедневно»[179].

Конечно же, существовали более важные вопросы для обсуждения. Подавляющее большинство членов Ассамблеи составляли квакеры, которые в основном оставались пацифистами и весьма экономными людьми. Они часто расходились во взглядах с семьей хозяев колонии, которую возглавлял сын и наследник Уильяма Пенна — не такой великий человек, как его отец, — Томас Пенн, чья женитьба на англиканке отдалила его от веры квакеров и не принесла ему любви сограждан. Основной заботой хозяев было отвоевать как можно больше земель у индейцев и избежать налогообложения своих владений.

(Пенсильвания была частнособственнической колонией, а это означало, что одна отдельно взятая семья владела большей частью незаселенной земли. В 1681 году Карл II в счет погашения задолженности предоставил такую привилегию Уильяму Пенну. Большинство колоний поначалу были частнособственническими, но к 1720-м годам стали принадлежать британской короне, напрямую управляться королем и его министрами. Только Пенсильванию, Мэриленд и Делавэр, как известно, вплоть до наступления Революции контролировали собственники.)

Чтобы поддерживать хорошие отношения с индейцами, требовались значительные средства для подарков и защиты колоний, что также обходилось недешево. Это привело к сложным политическим прениям в Пенсильвании. Квакеры были принципиально против затрат на оборону, а Пенны (действуя через ряд назначенных ими губернаторов-прихлебателей) выступали против всего, что требовало значительных трат или могло подвергнуть их земли налогообложению.

Франклин, сформировав в 1747 году добровольную милицию, сыграл важную роль в разрешении этих вопросов. Но к началу 1750-х из-за контроля над долиной Огайо снова сложились напряженные отношения с Францией, что в краткие сроки

привело стороны к франко-индейской войне (часть кампании, известной в Европе как Семилетняя война). Ввиду сложившегося положения Франклин в конечном счете взял на себя два судьбоносных обязательства, которые определили не только его репутацию как политика, но и судьбу Америки.

• Он начал все яростнее противостоять собственникам, а затем и самой Британии, увидев, как настойчиво они предъявляют права на контроль над налогами и управление колонией. В такой позиции отразились присущие ему антиавторитарные и антипопулистские настроения.

• Он стал лидером движения по борьбе за право колоний, прежде агрессивно независимых друг от друга, образовать союз и объединиться для общих целей. В этом отразилось его влечение к организации ассоциаций, ви´дение Америки не как политической провинции и вера в то, что люди могут достичь большего, действуя сообща, а не поодиночке.

Все началось в 1753 году, когда Франклина назначили одним из трех уполномоченных от Пенсильвании, которые отправились на встречу с союзом индейских лидеров в Карлайле, на полпути между Филадельфией и рекой Огайо. Их задача заключалась в том, чтобы сохранить лояльность индейцев Делавэра, обозлившихся на семью Пеннов за жульничество в так называемом пешем приобретении (согласно старому документу, Пенны получали в дар часть индейской земли — участок, который человек может пройти за полтора дня. Томас Пенн нанял трех быстрых бегунов, чтобы те с максимальной скоростью пробежали расстояние за тридцать шесть часов. Так Пенны получили больше земли, чем им предназначалось). В союзе с Пенсильванией выступила конфедерация Шести наций ирокезов, включая племена могавков и сенека.

На конференции в Карлайле собрались более сотни индейцев. После того как представители Пенсильвании подарили им традиционное ожерелье из раковин, непревзойденный подарок стоимостью в восемьсот фунтов{44}, вождь ирокезов Скаройади предложил мирный план. Белым поселенцам предлагалось отойти назад, к востоку гор Аппалачи, а их торговцы должны были действовать честно и продавать индейцам больше боеприпасов и меньше рома. Они также хотели получить гарантии того, что англичане помогут им защититься от французов, использовавших долину Огайо в военных целях.

В результате представители Пенсильвании пообещали всего-навсего строже следить за своими торговцами, из-за чего Делавэр перешел на сторону французов. В последнюю ночь глазам

Франклина предстало пугающее зрелище, показавшее всю опасность рома. Представители Пенсильвании не захотели угощать ромом индейцев до тех пор, пока встреча не завершится, когда же запрет был снят, началась настоящая вакханалия. Франклин описывал эту сцену так:

> Посреди площадки развели большой костер. Все были пьяны, мужчины и женщины, все ругались и дрались. Их темнокожие тела, наполовину нагие, освещал только мерцающий свет, отбрасываемый костром; они гонялись друг за другом и дрались головнями, сопровождая действо ужасающими криками. Это было зрелище, более всего отвечавшее нашим представлениям об аде — его легко было вообразить в тот момент.

Франклин и его друзья написали гневное послание, в котором открыто осудили белых торговцев, регулярно продающих индейцам ром: такое поведение, с их точки зрения, чревато тем, что «бедные индейцы будут постоянно пребывать под действием алкогольных напитков и целиком утратят расположение к англичанам»[180].

По возвращении Франклин узнал, что британское правительство назначило его вместе с Уильямом Хантером из Виргинии на руководящую должность в почтовом ведомстве Америки: ему отдали пост так называемого главного почтмейстера колоний. Франклин активно продвигал свою кандидатуру целых два года и даже уполномочил Коллинсона истратить до трехсот фунтов, чтобы воздействовать на членов парламента в Лондоне. «Однако, — шутил Франклин, — чем дешевле это обойдется, тем лучше, ведь это всего лишь предприятие для жизни, а жизнь — сомнительная собственность».

Его стремление рождалось из типичного для него соединения мотивов: контроль над почтой позволил бы Франклину укрепить Американское философское общество и усовершенствовать свою издательскую сеть, предоставив друзьям и родственникам работу по всей Америке, и, возможно, дал бы возможность заработать немного денег. Он ввел своего сына в должность почтмейстера Филадельфии, а позже снабдил работой в различных городах братьев Питера и Джона, пасынка Джона, сына сестры Джейн, двух родственников Деборы и своего партнера-печатника из Нью-Йорка Джеймса Паркера.

Франклин в свойственной ему манере набросал детальный распорядок работы для более эффективного управления ведомством, учредил первую службу доставки корреспонденции

на дом и отдел на почтамте, где собирались невостребованные письма, а также организовал частые инспекторские объезды. В течение года он сократил время доставки письма из Нью-Йорка в Филадельфию до одного дня. Реформы оказались дорогостоящими, и за первые четыре года у них с Хантером образовалась задолженность в девятьсот фунтов. Однако когда они начали извлекать прибыль, то заработок каждого составил по меньшей мере триста фунтов в год.

К 1774 году, когда британцы уволили его за его бунтарские политические взгляды, он зарабатывал уже более семисот фунтов в год. Однако и для самого Франклина, и для истории важнее оказались его последующие размышления о том, что население разрозненных американских колоний может стать сплоченной нацией с общими интересами и потребностями[181].

Олбани. План по объединению Америки

Встреча представителей Пенсильвании с индейцами в Карлайле вовсе не остановила французов. Они намеревались вытеснить британских поселенцев на восточное побережье, построив серию укреплений вдоль реки Огайо, образующих дугу от Канады до Луизианы. В ответ в конце 1753 года губернатор Виргинии послал в долину Огайо многообещающего молодого военного по имени Джордж Вашингтон, чтобы тот потребовал от французов покинуть долину. Миссия провалилась, но живописный рассказ сделал его героем и полковником. Следующей весной он начал серию беспорядочных нападений на французские укрепления, которые переросли в полноценную войну.

Британские министры подозрительно относились к поощрению слишком тесного сотрудничества между колониями, но угроза со стороны французов сделала его необходимым. В июне 1754 года английское Министерство торговли попросило каждую колонию прислать представителей в Олбани. Предстояло выполнить две задачи: встретиться с конфедерацией ирокезов, чтобы укрепить союзные отношения, и обсудить способы создания единой защиты колоний.

Сотрудничество между колониями не возникло само собой. Некоторые законодательные органы отдельных штатов отклонили приглашение, а большинство из семи принявших дали своим представителям указание избегать любого плана по объединению колоний. С другой стороны, Франклину всегда хотелось способствовать созданию союза. «Очень странно, — писал он другу Джеймсу Паркеру в 1751 году, — что шесть наций безграмотных дикарей [ирокезов] смогли создать подобный союз… однако такое же объединение десяти или дюжины английских колоний считается невыполнимым, хотя нуждаются они в нем намного больше».

В письме Паркеру Франклин схематично изобразил структуру колониального объединения: должен существовать генеральный совет с представителями всех колоний в грубом соответствии с количеством средств, выплачиваемых каждой колонией как налог в государственную казну, губернатора же назначает король. Место встреч нужно менять от одной колониальной столицы к другой, таким образом представители смогут лучше узнать другие уголки Америки. Сбор денег осуществлять с помощью налога на алкоголь. В русле типичных для себя размышлений Франклин полагал, что совет следует организовывать по

инициативе жителей, а не по приказу из Лондона. По его мнению, наилучший способ заставить все это работать — избрать группу толковых граждан, которые нанесли бы визиты влиятельным людям по всем колониям и заручились бы их поддержкой. «Разумные, здравомыслящие люди всегда могут представить разумный план перед другими разумными людьми».

Когда в мае 1754 года, незадолго до конгресса в Олбани, Филадельфии достигли новости о поражениях Вашингтона, Франклин написал передовую статью в «Газете», где относил успех французов на счет «настоящего разобщения британских колоний». Вслед за статьей напечатал самую известную политическую карикатуру в истории Америки: змея, разрезанная на части, которые он обозначил названиями колоний, с сопроводительной надписью: «Воссоединись или умри»[182].

Франклин был одним из четырех уполномоченных (вместе с личным секретарем хозяев колонии Ричардом Петерсом, племянником Томаса Пенна Джоном и спикером Айзеком Норрисом), выбранных, чтобы представлять Пенсильванию на конгрессе в Олбани. Ассамблея, к его сожалению, официально заявила о своем несогласии с «предложениями объединить колонии», но Франклин не остановился. Уезжая из Филадельфии, он увозил с собой написанный документ под названием «Советы по организации объединения северных колоний». В нем содержалось одно отличие от предыдущего плана объединения, приведенного в раннем письме Джеймсу Паркеру: раз колониальные правительства стойко сопротивляются объединению, возможно, лучше всего (при условии, что уполномоченные в Олбани одобрят план) отослать его в Лондон «и получить постановление парламента на его исполнение».

Во время остановки в Нью-Йорке Франклин поделился планом с друзьями. Между тем Петерс и другие участники отправились покупать ожерелье из раковин и другие подарки индейцам — простыни, ленты, порох, ружья, ярко-красную краску для лица, котлы и сукно — на пятьсот фунтов, которые Ассамблея позволила истратить. Затем 9 июня на забитом едой судне они отправились в Олбани с «бочкой самой старой и лучшей мадеры, которую можно достать»[183].

Еще до прибытия индейцев двадцать четыре представителя колоний собрались для самостоятельного обсуждения ряда вопросов. Губернатор Нью-Йорка Джеймс Деланси предложил проект построения двух западных укреплений, но он не прошел, так как два делегата не согласились на финансовые затраты со своей стороны. Итак, было принято, скорее всего, по наущению Франклина, предложение о необходимости избрать комитет,

«чтобы принимать планы или проекты и готовиться к объединению колоний». Франклин был одним из семерых, выбранных для создания комитета. Это давало ему идеальные возможности заручиться поддержкой плана, который он носил в кармане.

В то же время прибыли индейцы во главе с вождем племени могавков Тийаногой, также известным как Хендрик Петерс. Его взгляд источал презрение. На Шесть наций не обратили внимания, сказал он, «а когда вы не обращаете внимания на дело, этим пользуются французы». В другой раз он добавил: «Посмотрите на французов! Они мужчины, они закрепляются повсюду. Нам стыдно говорить это, но все вы — словно женщины».

После недельного обсуждения уполномоченные дали индейцам ряд обещаний: гарантированные консультации по вопросам поселений и торговых маршрутов, расследования по поводу продажи некоторых земель, издание законов, ограничивающих торговлю ромом. Индейцы, не особенно разбираясь, приняли подарки и объявили, что соглашение о союзе с англичанами «торжественно возобновляется». Франклин не впечатлился. «Мы улучшили отношения, — писал он Питеру Коллинсону, — но, на мой взгляд, не дождемся никакой помощи в конфликте с французами, пока сами не объединимся и не сможем поддержать их в случае нападения».

Пытаясь создать союз в Олбани, Франклин выбрал основным союзником состоятельного купца-морехода из Массачусетса по имени Томас Хатчинсон (запомните это имя; позже он станет его злейшим врагом). Проект, одобренный комитетом, основывался на плане, написанном Франклином. Предстояло создать национальный конгресс, состоящий из представителей каждого штата, в приблизительном соотношении с населением и достатком. Исполнительная власть должна была быть представлена генеральным председателем, назначать которого предстояло королю.

По сути, это была новая концепция, ныне известная как федерализм. Центральное правительство станет заниматься такими вопросами, как национальная оборона и экспансия на западные земли, но каждая колония будет управляться собственной конституцией и местной властью. Хоть Франклин и был не пророком, а только практичным человеком, в Олбани он помог разработать принципы федерализма — упорядоченность, сбалансированность и просвещение, — те самые, что в конечном счете сформировали основу для объединения американской нации.

Десятого июня, неделю спустя после отъезда индейцев из Олбани, группа уполномоченных в полном составе наконец проголосовала за план. Некоторые делегаты из Нью-Йорка, такие как Айзек Норрис, квакерский лидер Ассамблеи Пенсильвании, были настроены против, но тем не менее план прошел довольно легко. Присутствующие внесли всего лишь несколько поправок в проект, в общих чертах обрисованный в «Советах», которые Франклин привез с собой в Олбани, данные поправки он принял как компромисс. «При таком большом количестве людей, с различными мнениями которых нужно считаться, когда затеваешь новое дело, — объяснял он своему другу Кедуолладеру Колдену, — человек просто обязан иногда отказываться от менее значительных деталей, чтобы добиться более серьезных вещей». Это отношение позднее отразилось в схожих словах, когда тридцать три года спустя он стал основным посредником во время Конституционного конвента.

Уполномоченные решили, что план нужно отослать для одобрения как в колониальные правительства, так и в парламент, и Франклин в кратчайший срок развернул общественную кампанию в пользу плана. Это включало энергичный обмен открытыми письмами с губернатором Массачусетса Уильямом Ширли, возражавшим против того, что король, а не колониальные правительства будут выбирать федеральный конгресс. Отвечая, Франклин озвучил принципиальную позицию, которая послужила основой грядущей борьбы: «Предполагается несомненное право англичан не облагаться налогом, но с их согласия, данного через своих представителей».

Все это не принесло никаких плодов. План Олбани был отвергнут всеми колониальными правительствами, поскольку посягал на их власть, а в Лондоне — отложен в долгий ящик, поскольку давал слишком много власти избирателям и поощрял опасное единение среди колоний. «Ассамблеи не приняли его, поскольку все подумали, будто в нем слишком много привилегий, — вспоминал Франклин, — а в Англии его посчитали чересчур демократическим».

Оглядываясь на эти события уже почти в конце жизненного пути, Франклин был убежден: если бы его план приняли в Олбани, это помогло бы избежать революции и водворить согласие в империи. «Колонии, объединенные таким образом, были бы достаточно сильны, чтобы защитить себя, — рассуждал он. — Тогда не возникло бы нужды вводить войска из Англии; безусловно, не предъявлялись бы требования по обложению Америки налогами и кровавой борьбы, последовавшей вслед за этим, можно было бы избежать».

Вероятно, на этот счет он заблуждался. Дальнейшие конфликты по поводу права Британии облагать налогами колонии и держать их в зависимости были почти неизбежны. Однако на протяжении двух последующих десятилетий Франклин боролся за поиск мирного решения, даже когда лишний раз убеждался в необходимости колониального объединения[184].

Кэтрин Рэй

После конгресса в Олбани Франклин отправился в поездку по своим почтовым регионам, которая завершилась визитом в Бостон. Он не возвращался туда со времени смерти матери, которая случилась двумя годами ранее, и провел некоторое время со своей разваливавшейся семьей, договариваясь о рабочих местах и ученичестве. В гостях у брата Джона Франклин встретил обворожительную молодую женщину, которая стала первым примером из множества его амурных и романтических — но, вероятно, ничем не завершившихся — увлечений.

Кэтрин Рэй была полной жизни свежей двадцатитрехлетней женщиной. Она родилась на Блок-Айленде, ее сестра вышла замуж за пасынка Джона Франклина. Франклин, которому исполнилось сорок восемь, тотчас был очарован и очаровывал сам. Кэтрин была великолепным собеседником; Франклин, когда хотел польстить, также становился таковым. Помимо этого, прекрасно умел слушать. Оба увлеклись игрой, в которой он пытался угадать ее мысли; она называла его волшебником и наслаждалась его вниманием. Кэтрин готовила драже, а Франклин утверждал, будто это самые лучшие сладости, которые он когда-либо пробовал.

Когда спустя неделю ей пришло время уезжать из Бостона в Ньюпорт с визитом к еще одной сестре, он решил составить ей компанию. В пути плохо подкованные лошади с трудом продвигались по заледеневшим холмам; путешественников настигли холодные дожди, однажды они не в том месте свернули с дороги. Но годы спустя оба вспоминали, как весело им было беседовать часами, анализировать свои мысли и легко флиртовать. Двумя днями позже он проводил ее на судно, державшее путь на Блок-Айленд. «Я стоял на берегу, — писал он ей вскоре после этого, — и смотрел на вас до тех пор, пока силуэт уже нельзя было различить даже в подзорную трубу».

Франклин возвращался в Филадельфию медленно и с неохотой, на недели задерживаясь в пути. Когда наконец прибыл домой, от Кэтрин пришло письмо. На протяжении последующих нескольких месяцев он написал ей шесть раз, а за всю жизнь они обменялись более чем сорока письмами. Франклин не сохранил большинство писем, вероятно, из благоразумия, но дошедшая до нас переписка открывает историю удивительной дружбы и дает возможность понять отношения Франклина с женщинами.

Когда мы читаем их письма, раскрывая смысл между строк, возникает впечатление, будто Франклин сделал несколько

игривых попыток сблизиться, которые Кейти мягко отклонила, и, казалось, он стал уважать ее за это еще больше. «Я пишу это письмо во время северо-восточной снежной бури, — рассказывал он в первом письме, которое послал после их встречи. — Густо падающий снег, такой же чистый, как ваше целомудрие, белый, словно ваше прекрасное сердце, — и, подобно ему, такой же холодный». В письме, написанном несколькими месяцами позже, он говорил о своей жизни, математике и значении «размножения» в браке, шаловливо прибавляя: «Я бы с радостью сам преподал вам этот урок, но вы решили, что у вас будет время заняться этим позже, и не стали учиться».

Тем не менее письма Кейти, адресованные ему, полны страсти. «Отсутствие скорее увеличивает, чем уменьшает мои чувства, — писала она. — Любите меня одну тысячную долю от того, как сильно я люблю вас». Письма свидетельствуют о чувствительности и печали, главных ее чувствах к нему, и содержат описания ухаживавших за нею людей. Она умоляла, прочитав послания, уничтожать их. «Я произнесла тысячу слов, на которые никакой соблазн не вправе меня толкнуть».

Франклин заверял ее, что будет молчать. «Вы можете безбоязненно писать все, что посчитаете нужным, нисколько не опасаясь, что кто-либо помимо меня увидит ваши письма, — обещал он. — Я очень хорошо знаю, что самые невинные выражения теплой дружбы… между людьми разного пола будут неверно истолкованы подозрительными умами».

Итак, нам достался ряд уцелевших писем, которые заполнены не чем иным, как увлекательным флиртом. Она посылала ему драже, которое помечала (как можно предположить) поцелуем. «Все они подслащены, как вам прежде нравилось», — писала она. Он отвечал: «Драже доставили в целости и сохранности, они были такими сладкими по упомянутой вами причине, что я почти не почувствовал вкуса сахара». Он говорил об «удовольствиях жизни» и замечал: «Все они по-прежнему подвластны мне». Она писала о том, как плела длинный виток ниток, а он отвечал: «Если бы можно было ухватить его за один конец и притянуть вас ко мне».

Как же его верная и терпеливая жена Дебора воспринимала эти ухаживания на расстоянии? Как ни странно, казалось, он использовал ее словно прикрытие, и с Кейти, и с другими молодыми женщинами, с которыми играл в своего рода игру, чтобы удержать свои отношения на безопасном и приличном расстоянии. Франклин неизменно упоминал имя Деборы и хвалил ее добродетели почти в каждом письме, адресованном Кейти. Казалось, он хотел, чтобы Кейти сохранила свою страсть

на будущее и чтобы понимала: при всей подлинности чувств его ухаживания — только игра. Или, возможно, раз его сексуальные желания отвергли, он хотел показать (или притвориться), что они не были так уж серьезны. «Я почти забыл, что у меня есть дом», — писал он Кейти, рассказывая о своем возвращении после их первой встречи. Но вскоре начал «думать и стремиться к дому, и по мере того как приближался к нему, обнаруживал, что… стремление становится все сильнее и сильнее». Поэтому поспешил, писал он, «к объятиям моей старой доброй жены и детей и к родному дому, где, слава Господу, теперь и нахожусь».

Той же осенью Франклин высказался еще откровеннее, напоминая Кейти о том, что женат. Когда она послала ему в подарок сыр, он ответил: «Миссис Франклин была очень горда тем, что юная леди обратила столь пристальное внимание на ее старого мужа и прислала такой подарок. Мы говорим о вас каждый раз, когда подаем его на стол». И в самом деле, в этом и в последующих письмах открывается его интересная особенность — не столько природа отношений с Кейти, сколько природа отношений, менее страстных, но крайне комфортных, с его собственной женой. Как он сказал Кейти: «Она уверена, что вы разумная девушка, и… предполагает завещать меня вам. Но я желал бы вам лучшего. Надеюсь, она проживет еще сотню лет; ведь мы постарели с ней вместе, если у нее и есть недостатки, то я так привык к ним, что даже не замечаю… Давайте же вместе пожелаем моей старой жене долгой и счастливой жизни».

Вместо того чтобы просто продолжать этот флирт, Франклин начал давать Кейти отеческие наставления о долге и добродетели. «Будьте хорошей девушкой, — настоятельно советовал он, — до тех пор, пока не найдете хорошего мужа; затем оставайтесь дома, воспитывайте детей и живите как христианка». Он надеялся, что при следующей встрече увидит ее окруженной «пухленькими, щекастыми, румяными проказниками, такими же, как и их мама». Так и случилось. В следующий раз, когда они встретились, она была замужем за Уильямом Грином, будущим губернатором Род-Айленда, от которого родила шестерых детей[185].

Итак, какой же вывод мы можем сделать? Несомненно, между ними были милые намеки на романтические чувства. Но если только Франклин не притворялся в своих письмах, чтобы защитить ее (и свою) репутацию, радость рождалась из приятных фантазий, а не из физической реальности. Вероятно, это был типичный из многих случаев его ухаживаний за более молодыми женщинами в последующие годы: немного игривого озорства, взаимная лесть, приправленная интимными признаниями,

увлеченность как сердца, так и ума. Несмотря на его репутацию распутника (слухи об этом Франклин не слишком старался рассеять), не существует никаких доказательств серьезного романа и сексуальных отношений вне брака с момента женитьбы на Деборе.

Клод Анн Лопес из Йельского университета, бывший редактор проекта, посвященного исследованию жизни Франклина на основании письменных свидетельств, посвятила годы изучению его личной жизни. Ее анализ особенностей его отношений с женщинами, подобными Кэтрин Рэй, производит впечатление тонкого и достоверного:

> Романы? Да, но это романы в понимании Франклина: несколько рискованные, несколько покровительственные, в которых нужно сделать смелый шаг вперед, а затем ироничный шаг назад, давая понять, что ты соблазнен как мужчина, но сохранил уважение как друг. Из всех оттенков чувств то, которое французы называют amité amoureuse — чуть больше, чем платонические чувства, однако без большой страсти, — возможно, самое изысканное из всех существующих[186].

Франклин лишь изредка затевал тесную дружбу с мужчинами — либо образованными собеседниками, либо общительными членами клуба. Но он находил приятным общество женщин и выстраивал глубокие длительные отношения с многими из них. В его понимании эти отношения не были спортом или пустяковым развлечением, хотя такое впечатление могло создаться. Они служили ему утехой, к которой нужно было иметь вкус и которую нужно было уметь уважать. На протяжении жизни Франклин потерял многих друзей-мужчин, но ни одного друга-женщины, включая Кейти Рэй. Как он сказал ей спустя тридцать пять лет, ровно за год до смерти: «К счастливым подаркам жизни я причисляю вашу дружбу»[187].

Снабжение генерала Брэддока

По возвращении в Филадельфию в начале 1755 года, после увлечения Кейти Рэй, Франклин мог завязать дружественные отношения с большинством из местных политических лидеров. Хозяева колонии назначили нового губернатора — Роберта Хантера Морриса, и Франклин заверил, что его пребывание в должности окажется очень спокойным, «если вы только позаботитесь о том, чтобы не вступать ни в какие споры с Ассамблеей». Моррис ответил ему полушутя: «Вы же знаете, как я люблю спорить, — говорил он. — Это одно из самых чудесных развлечений». Тем не менее он обещал «при возможности избегать их».

Франклин усердно трудился, чтобы избежать разногласий с новым губернатором, особенно когда это касалось вопроса обороны территорий Пенсильвании. Поэтому был очень доволен, когда британцы решили послать генерала Эдварда Брэддока в Америку с миссией вытеснить французов из долины Огайо, и поддержал прошение губернатора Морриса, чтобы соответствующие фонды Ассамблеи снабжали войска.

И снова члены Ассамблеи настаивали, чтобы земельные владения хозяев облагались налогами. Франклин предложил несколько разумных проектов, включая займы и акцизные сборы, разработанные для того, чтобы немедленно сдвинуть дело с мертвой точки. Таким образом, он взял на себя задачу найти другие пути, чтобы Брэддок обязательно получил необходимые средства.

Делегация, в состав которой входили три губернатора — Моррис из Пенсильвании, Ширли из Массачусетса и Деланси из Нью-Йорка, — была выбрана для того, чтобы встретиться с генералом по его прибытии в Виргинию. Ассамблея Пенсильвании хотела, чтобы Франклин примкнул к делегации, как это сделал его друг губернатор Ширли. Франклин страстно желал участвовать. Поэтому присоединился к группе, надев свою шляпу почтмейстера, чтобы продемонстрировать готовность обеспечить Брэддоку коммуникации. По пути он впечатлил коллег делегации своей научной любознательностью. Увидев небольшой смерч, Франклин направил лошадь прямо внутрь него, понаблюдал его воздействие и даже попытался сломать его ударами хлыста[188].

Генерал Брэддок был воплощением высокомерия. «Я не вижу ничего, что могло бы воспрепятствовать моему походу к Ниагаре», — вещал он с гордостью. Франклин предупредил его,

чтобы он опасался внезапных нападений индейцев. Брэддок отвечал: «Эти дикари могут быть труднопреодолимым врагом для необученной американской милиции, но невозможно представить, сэр, чтобы они произвели хоть какое-то впечатление на королевские регулярные и дисциплинированные войска».

Кроме смирения, ему совершенно точно не хватало провианта. Поскольку американцы приехали только с частью обещанных лошадей и фургонов, Брэддок сразу же объявил, что намерен вернуться домой. Франклин пришел к нему с прошением. Он сказал, что жители Пенсильвании объединятся, чтобы помочь делу. Тогда генерал безотлагательно назначил Франклина ответственным за снабжение армии.

В плакатах, которые Франклин выпускал, убеждая сограждан в необходимости снабжать Брэддока лошадьми и фургонами, он играл равно на чувствах страха, корысти и патриотизма. Он говорил, что генерал предложил забрать лошадей силой, а также принудить американцев к военной службе, и добавлял, что того убедили попробовать «честные и справедливые меры». Эти меры хороши, настаивал Франклин: «Нанять фургоны и лошадей обойдется более чем в тридцать тысяч фунтов, которые будут выплачены вам в серебре и золоте, а также в королевской валюте». Стимулируя фермеров к участию, он заверял: эта служба «легкая и простая». К тому же, существует реальная опасность: если добровольные предложения не поступят, «ваша преданность будет подвергнута серьезному сомнению», «скорее всего, начнут применяться жесткие меры», а «гусары с корпусом солдат немедленно вступят в провинцию».

Спорить нечего — Франклин повел себя самоотверженно. Когда фермеры сказали, что у них нет желания доверять финансовым поручительствам неизвестного генерала, Франклин дал личное обязательство, что им полностью выплатят долги. Его сын Уильям помог в агитации фермеров, и в течение двух недель они достали двести пятьдесят девять лошадей и сто пятьдесят фургонов[189].

Генерал Брэддок был взволнован достижениями Франклина, Ассамблея также щедро осыпала его похвалами. Но губернатор Моррис, не прислушавшийся к совету Франклина о вреде споров, не смог удержаться от нападок на Ассамблею за то, что от нее поступило так мало помощи. Это расстроило Франклина, хотя он по-прежнему пытался оставаться миротворцем: «Я искренне тревожусь о сложившейся ситуации: мне не нравится ни поведение губернатора, ни поведение Ассамблеи, — писал он лондонскому другу Коллинсону. — Имея представление о позиции каждой из сторон, я приложил все усилия, чтобы

примирить их, но тщетно».

Постоянно сотрудничая с губернатором, Франклину удалось на некоторое время сохранить с ним хорошие личные отношения. «Вы должны пойти ко мне и провести с нами вечер, — сказал однажды Моррис, повстречавшись с ним на улице. — Я буду принимать у себя в доме компанию, которая придется вам по душе». Один из гостей рассказал историю о Санчо Пансе, который, когда ему предложили правление, потребовал, чтобы его подданные были покрашены в черный цвет — ведь так их можно будет продать, если они станут причиной беспокойств. «Зачем вы продолжаете держать сторону этих проклятых квакеров? — спросил он у Франклина. — Разве не лучше было бы их продать? Хозяева колонии дали бы вам хорошую цену». Франклин ответил: «Губернатор еще пока недостаточно зачернил их».

Хоть эта шутка и вызвала всеобщий смех, раскол все увеличивался. Попытавшись замарать Ассамблею, Моррис, как писал Франклин позже, «очернил самого себя». Со своей стороны губернатор начал проявлять недоверие к Франклину. В письме к хозяину колонии Томасу Пенну он обвинял Франклина, что тот является «таким же сторонником необоснованных требований американских ассамблей, как и любой другой человек»[190].

В это же время Брэддок уверенно продвигался на запад. Большинство жителей Филадельфии были убеждены в его победе, они даже начали распродавать фейерверки, чтобы отпраздновать будущую победу. Более осторожный Франклин отказался принимать в этом участие. «Исход войны лежит в сфере огромной неопределенности», — предупреждал он.

Его тревоги оказались ненапрасными. Британская армия была окружена и разбита, а Брэддок убит, как и две трети его солдат. «Кто бы мог подумать», — прошептал Брэддок перед смертью своему адъютанту. Среди немногих выживших оказался американский полковник Джордж Вашингтон, под которым подстрелили двух лошадей и чью одежду насквозь пробили четыре пули.

В дополнение к бедам Франклина добавилась финансовая, поджидавшая его, поскольку он лично гарантировал возврат всех ссуд. «Общая сумма составляла около двадцати тысяч фунтов, выплата которых разорила бы меня», — вспоминал он. Как только фермеры начали предъявлять иски, губернатор Массачусетса Ширли, теперь генерал британских войск, пришел к нему на помощь и дал распоряжение, чтобы выплаты фермерам осуществляли из армейских фондов.

Поражение Брэддока увеличило угрозу со стороны французов

и индейцев, а это, в свою очередь, усилило политический разлад в Филадельфии. Ассамблея в срочном порядке выпустила билль, в котором пятьдесят тысяч фунтов отводилось на оборону, но при этом члены Ассамблеи снова настояли, чтобы налогами облагали все территории, «земли хозяев не могут быть исключением». Губернатор Моррис отверг его, потребовав, чтобы слово «не» заменили на «только».

Франклин пришел в ярость. Более не играя роль миротворца, написал ответ, который Ассамблея послала Моррису. Он назвал губернатора «отвратительным орудием принижения свободных людей до жалкого состояния рабов» и обвинил хозяина колонии Томаса Пенна в том, что тот «воспользовался всеобщей бедой» и попытался «силой навязать законы, вводившие правила, противоречащие общественной справедливости и здравому смыслу».

Особенно разъярило Франклина известие о том, что, в соответствии с секретными предписаниями в договоре Морриса на посту губернатора, в его обязанности входило отклонять любой налог на имущество владельцев колонии. Неделей позже, в следующем послании Ассамблеи, отвечая на возражение Морриса по поводу использования слова «рабы», Франклин написал о Пенне: «Наш господин хочет, чтобы мы защищали его владения за свой собственный счет! Это не просто рабство, это хуже, чем любой вид рабства, о котором мы слышали; это то, для чего не существует адекватного названия; это даже большее холопство, чем рабство как таковое». В последующем сообщении он добавил слова, которые со временем стали девизом революции: «Пожертвовавший свободой ради безопасности не заслуживает ни свободы, ни безопасности».

В конце концов оппоненты пошли на ряд наскоро сшитых компромиссов. Хозяева колоний, оценив гнев Ассамблеи, согласились на добровольный вклад в пять тысяч фунтов, которые они пообещали внести в дополнение к любой сумме, собранной Ассамблеей. Несмотря на то что это незамедлительно разрядило обстановку, первопричина осталась неразрешенной. Для истории и для Франклина важнее, что он преодолел свою давнюю антипатию к спорам. С этого времени он начал превращаться в непримиримого врага хозяев колонии[191].

Франклин — полковник милиции

Вопрос финансирования обороны новых земель благодаря непростым компромиссам между Ассамблеей и хозяевами колоний был на некоторое время улажен. На плечи Франклина легла задача выяснить, как истратить деньги и создать милицию. Он протолкнул законопроект по формированию подразделений на абсолютно добровольной основе, таким образом обеспечив поддержку квакеров, а затем, чтобы оправдать свой проект, опубликовал беседу с вымышленным собеседником. Один персонаж, несогласный с тем, что квакерам нет нужды принимать участие в боевых действиях, утверждает: «Повесьте меня, если я вступлю в бой, чтобы спасти квакеров». Другой отвечает: «Иными словами, ты не станешь выкачивать воду из пробитого корабля, если это спасет не только тебя, но и мышей».

Проект Франклина был выстроен по модели милицейской ассоциации, организованной им в 1747 году, но на этот раз оказался под защитой правительства. И снова он создал длинную и детальную инструкцию, посвященную обучению офицеров, их организации и выборам. В одном письме также придумал особую схему для использования собак-ищеек. «Они должны быть крупными, сильными и свирепыми, — писал Франклин, — и каждую собаку следует водить в намордник, достаточно крепком, чтобы не допустить чрезмерного переутомления животных из-за слишком быстрого бега и саморазоблачения команды — из-за лая на белок».

Губернатор Моррис скрепя сердце принял билль о милиции, хоть ему и не нравилось постановление, согласно которому предприятие являлось добровольным и позволяло демократические выборы руководителей. Еще больше его огорчало то, что Франклин стал его фактическим лидером и самым влиятельным человеком в колонии. «С тех пор как мистер Франклин поставил себя во главе Ассамблеи, — предупреждал Моррис Пенна, — его сторонники используют любые средства, которые в их власти, чтобы вырвать правление из ваших рук, даже в то время, когда страна оккупирована». Франклин же, со своей стороны, демонстрировал глубокое презрение к Моррису. «Этот человек полубезумен», — писал он завсегдатаю кулуаров конгресса от Ассамблеи в Лондоне[192].

Страхи хозяев не утихли, когда Франклин надел военную форму и вместе со своим сыном отправился к границе, чтобы проследить за постройкой укрепления. В дни своего пятидесятилетия в январе 1756 года он провел неделю в лагере,

разбитом в долине Лихай, обедая исключительно провиантом, который посылала ему добропорядочная жена. «Нам понравилась приготовленная тобою жареная говядина, а этот день начался с жареной телятины, — писал он ей. — Те, кто съедает свой обед горячим, ничего не знают о хорошей еде; мы нашли, что приготовление намного более совершенно, когда кухня находится в четырех милях от столовой».

Франклину по душе пришлась роль командира пограничников. Помимо прочего, он придумал надежный и разумный способ привлечь пять сотен солдат к посещению богослужений: дал милицейскому военному священнику задание понемногу выдавать дневную порцию рома сразу же после службы. «Никогда еще проповеди не посещались так массово и пунктуально». Также он нашел время, чтобы наблюдать и записывать обычаи местных жителей, выходцев из Моравии, которые верили в браки по сватовству. «Я возражал против того, чтобы союзы заключались не по взаимному выбору сторон, некоторые из них могут оказаться несчастливыми, — рассказывал Франклин. — „И такими же они могут быть, — отвечал мой информатор, — если вы позволите сторонам выбирать самостоятельно“, чего я не смог отрицать»[193].

Проведя семь недель на границе, Франклин вернулся в Филадельфию. Несмотря на беспокойство хозяев колонии и назначенного ими губернатора, у него было мало желания разыгрывать из себя героя, браво сидящего в седле, или делать ставку на свою популярность во имя политического могущества. Потому-то он поспешил с возвращением, прибыл поздней ночью, что помогло избежать триумфальной встречи, которую запланировали его сторонники.

Он, однако, не стал уклоняться, когда полк милиции в Филадельфии выбрал его полковником. Губернатор Моррис, который нехотя обратился за помощью к Франклину во время кризиса, сопротивлялся и не хотел одобрять этот выбор. Но фактически он не смог ничего сделать, так как билль о милиции, написанный Франклином, требовал демократических выборов командира, и спустя несколько недель с неохотой утвердил назначение.

На протяжении жизни Франклина будет обуревать (что вызывало у него усмешку) конфликт между мнимым желанием научиться добродетели смирения и природной жаждой признания. Его пребывание в должности полковника не стало исключением. Он не мог удержаться и поддался зову тщеславия, организовав для войск грандиозную публичную строевую церемонию. Более тысячи человек торжественно и с большой

помпой промаршировало мимо его дома на Маркет-стрит. Группа за группой шли под звуки дудок и гобоев, похваляясь недавно расписанными пушками, после чего выпускали орудийный залп, чтобы возвестить о прибытии следующей группы. Выстрелы, как позже с иронией вспоминал Франклин, «сотрясли и разбили несколько стеклянных приборов моего электрического оборудования».

Несколько недель спустя, уехав с почтовой инспекцией, он рассказывал: «Офицеры моего полка вбили себе в голову, что им следует сопровождать меня за пределами города». Они выхватили свои шпаги и проводили его к переправе, что привело в ярость Томаса Пенна, который прочитал об этом, находясь в Лондоне. «Эта глупость, — заметил Франклин, — довела его ненависть ко мне до невероятных размеров… он сослался на этот парад с офицерами как на доказательство моих намерений силой вырвать управление провинцией из его рук». Франклину так же, как и Пенну, «досаждала» эта показуха, или, по крайней мере, так он говорил, оглядываясь назад. «Я не знал заранее, что такое было запланировано, в противном случае воспротивился бы, естественным образом выступив против узурпирования должности при любых обстоятельствах».

Будем справедливы к Франклину: он никогда не был человеком, любящим упиваться общественными церемониями или помпезностью и привилегиями власти. Когда Пенн и его союзники попытались нейтрализовать его, сформировав конкурирующую милицию в Филадельфии, после чего убеждали министров короля уничтожить его формирования, Франклин в ответ с готовностью передал свои полномочия. В письме к Питеру Коллинсону он раздумывал о том, что ему приятна любовь народа, но осознавал, что не должен позволять этому чувству ударить себе в голову. «Простите своему другу некоторое тщеславие, и пускай оно останется только между нами… Теперь вы можете сказать мне, что народная любовь — самая непостоянная вещь. И окажетесь правы. Я краснею при мысли, что так высоко оценивал себя за то, что завоевал ее»[194].

Новая миссия

Дни, проведенные Франклином в роли ловкого политика, желающего и умеющего находить действенные компромиссы в кризисные времена, остались позади. При всей напряженности прежнего периода тогда у него имелась прекрасная возможность получать любезные консультации и взаимодействовать с губернатором Моррисом. Однако теперь все изменилось. Моррис и другие участники фракции владельцев колонии делали все возможное, чтобы унизить его, и некоторое время Франклин говорил о переезде в Коннектикут или даже на запад, чтобы основать колонию в регионе Огайо.

Потому-то поездка в Виргинию по делам почтовой ревизии дала ему желанную передышку, которую он растянул на максимально долгий срок. Из Уильямсбурга Франклин писал жене, что «весел, словно птица, и еще не начал скучать по дому, тревога о беспрестанных делах еще свежа в… памяти». Он встретился с полковником Вашингтоном и другими знакомыми, принял почетную степень от колледжа Уильяма и Мэри и совершил поездку по сельской местности, неспешно проверяя почтовые счета.

Вернувшись наконец домой почти месяц спустя, он обнаружил, что атмосфера в Филадельфии еще более накалилась. Секретарь партии владельцев Ричард Петерс вошел в сговор с Уильямом Смитом, которого Франклин нанял для управления Академией Пенсильвании, чтобы попытаться отнять у него председательство в попечительском совете. Смит жестко критиковал Франклина, после чего эти двое перестали разговаривать друг с другом — еще один разрыв в череде его дружеских отношений с мужчинами.

В конце лета 1756 года промелькнул краткий период надежды на восстановление приличий, когда Морриса на посту губернатора сменил профессиональный военный Уильям Денни. Приверженцы и оппоненты поспешили поприветствовать и принять его. На торжественном инаугурационном банкете он отвел Франклина в отдельный кабинет и попытался добиться его дружбы. Попивая мадеру, Денни щедро рассыпал похвалы Франклину, что было весьма разумно, но затем попытался подкупить его обещаниями денег, что оказалось совершенно некстати. При условии, что Франклин умерит свои возражения, Денни обещал ему возможность «рассчитывать на соответствующее признание и компенсацию». Франклин ответил: «Мое положение, слава Богу, позволяет мне не нуждаться в

одолжениях».

Денни был менее разборчив в вопросах финансовых поощрений. Как и его предшественник, он противостоял Ассамблее, отвергая законопроекты, облагавшие налогами владения хозяев колонии, но позже полностью переменил свою позицию — когда Ассамблея предложила ему щедрую плату.

Ассамблея решила, что упорство хозяев дальше терпеть нельзя. В январе 1757 года члены Ассамблеи проголосовали за то, чтобы сделать Франклина своим представителем в Лондоне. Его цель, по крайней мере первоначальная, — воздействие на членов парламента, конкретнее — на хозяев колонии, чтобы они стали благосклоннее к Ассамблее в вопросе налогообложения и других. Если же первоначальный план не сработает, он должен был обсудить эти вопросы с британским правительством.

Петерс, секретарь хозяев колонии, был обеспокоен. «Взгляды Б. Ф. направлены на то, чтобы создать перемены в правительственном строе, — писал он Пенну в Лондон, — и, принимая во внимание популярность этого персонажа и репутацию, завоеванную им благодаря открытиям в области электричества, дающую ему пропуск в различного рода общества, он может оказаться опасным врагом». Пенн был настроен более оптимистично. «Популярность мистера Франклина здесь ничего не значит, — отвечал он. — Влиятельные люди всего лишь смерят его холодными взглядами».

Фактически правы оказались оба — и Петерс, и Пенн. Франклин отправился в путь в июне 1757 года с твердой уверенностью в том, что поселенцы объединятся в более тесный союз и получат права и свободы как подданные британской короны. Но он придерживался этих взглядов как гордый и преданный англичанин, как человек, пытавшийся укрепить империю Его Величества, а не завоевать независимость американских колоний. Только намного позже, после того как влиятельные люди в Лондоне смерили его холодными взглядами, Франклин стал опасным врагом имперских убеждений[195].

Глава 8. Беспокойные воды *(Лондон, 1757–1762)*

Жилец миссис Стивенсон

Пересекая Атлантический океан летом 1757 года, Франклин наблюдал за плывущими рядом судами и подметил одну особенность. Большинство кораблей создавало на воде большие волны. Однако однажды он заметил, что вода между двумя судами странно спокойна. Заинтересовавшись еще больше, он задал вопрос об этом феномене. Ему ответили: «Повара сливают жирную воду через водовыпускные отверстия, поэтому по бокам корабли смазаны жиром».

Это объяснение не удовлетворило Франклина. Он стал припоминать, как Плиний Старший, римский сенатор, живший в первом столетии, успокаивал бурную воду, выливая масло на поверхность. В последующие годы Франклин проводил массу экспериментов с использованием масла и воды и даже изобрел ловкий трюк: научился усмирять волны, прикасаясь к ним тростью, оснащенной запрятанным внутри резервуаром с маслом. Метафора, хоть и очевидная, слишком хороша, чтобы о ней не упомянуть: Франклин по природе своей любил находить оригинальные способы успокаивать волнения. Но во время дипломатической миссии в Англии этот инстинкт его подвел[196].

Помимо прочего, по дороге в Англию его корабль едва успел спастись от крушения на островах Силли, когда они в тумане пытались ускользнуть от французских каперов. Франклин описал свои чувства в письме жене. «Будь я римским католиком, вероятно, дал бы по этому случаю торжественную клятву построить часовню в честь какого-нибудь святого, — писал он. — Но поскольку я не имею к этой вере никакого отношения, обещаю: если уж и строить что-то, пускай это будет маяк». Франклин всегда гордился своей любовью к практичным решениям, но и она изменила ему в Англии[197].

Возвращение Франклина в Лондон в возрасте пятидесяти одного года произошло почти через тридцать три года после его первого визита, когда он был еще юным печатником. Миссия посланца от Пенсильвании требовала совмещать закулисное общение с членами парламента и искусную дипломатию. К сожалению, его обычную наблюдательность, его разборчивость и благоразумие, а также мягкий нрав и холодный ум захлестнули ярость и горечь. Однако даже после того как дипломатическая миссия провалилась, в его лондонской жизни останутся стороны (например компания интеллектуалов без предрассудков, не чаявших в нем души, или комфортный быт в доме, так похожем на его собственный в Филадельфии), которые невероятно

усложнят его разрыв с Англией. Изначально он предполагал закончить работу через пять месяцев, но в конечном счете провел там более пяти лет, а затем, после краткосрочного пребывания дома, еще десять.

В июле Франклин прибыл в Лондон вместе с сыном Уильямом, которому тогда было около двадцати шести лет, а также с двумя рабами в качестве домашней прислуги. Их встретил его давний друг по переписке Питер Коллинсон, квакер, лондонский купец и ботаник, помогавший доставать книги для первой библиотеки Хунты, а позднее публиковать письма Франклина об электричестве. Коллинсон поселил Франклина в старинном помещичьем доме, сразу на севере от Лондона, и немедленно пригласил к нему в гости своих друзей, одним из которых был печатник Уильям Страхан, обрадованный возможностью лично познакомиться с легендарным человеком, которого на протяжение долгих лет знал только по переписке[198].

Спустя несколько дней Франклин нашел жилье (включая комнату для экспериментов с электричеством) в уютном и удобно расположенном четырехэтажном одноквартирном доме на Крейвен-стрит, которая ютилась между улицей Стрэнд и Темзой, сразу за местом, которое сегодня зовется Трафальгарской площадью, — рукой подать до резиденции правительства Великобритании. Его домовладелицей была умная и скромная вдова средних лет по имени Маргарет Стивенсон. С ней сложились добросердечные отношения, одновременно изысканные и земные, повторившие брак в атмосфере уюта и комфорта, который принес ему столько радости с Деборой в Филадельфии. Лондонские друзья часто относились к Франклину и миссис Стивенсон как к супружеской паре, приглашая их обоих на ужин и адресуя обоим письма. Хотя и существует вероятность сексуальных отношений между ними, однако не стоит искать здесь особой страсти. В Лондоне эта история почти не вызывала слухов и сплетен[199].

Более сложными стали его отношения с дочерью Маргарет, Мэри, известной под именем Полли. Она была живой и очаровательной восемнадцатилетней девушкой с пытливым умом, что так привлекало Франклина в женщинах. В некотором смысле Полли стала лондонским двойником его дочери Салли. Его отношение к ней было покровительственным, иногда даже отеческим, он наставлял ее относительно жизни и морали, а также науки и образования. Однако она также была и английской версией Кейти Рэй, хорошенькой и остроумной молодой женщины с веселым нравом. Иногда его письма к ней были кокетливы, ей льстило огромное внимание, которым он так

щедро одаривал симпатичных ему женщин.

Франклин часами говорил с Полли, чья живая любознательность завораживала его, а затем, когда она уехала жить с тетушкой за город, они поддерживали удивительную переписку. Он писал ей намного чаще, чем своей семье. В некоторых из посланий открыто флиртовал: «Не проходит ни одного дня, чтобы я не думал о вас», — эти слова прозвучали, когда прошло чуть менее года после их первой встречи. Она посылала ему маленькие подарки. «Я получил подвязки, которые вы так любезно связали для меня, — говорил он в письме. — Только их я могу носить, учитывая, что не носил вовсе никаких на протяжении двадцати лет до того момента, пока вы не прислали их мне… Будьте уверены, что я буду думать о вас так же часто, надевая их, как думали вы, пока занимались вязанием».

Как и с Кейти Рэй, отношения с Полли были продиктованы увлечением и сердца, и ума. Он писал ей очень длинные письма, полные изощренных объяснений, рассказывал, как работает барометр, как разные цвета поглощают тепло, как проводится электричество, формируется водяной смерч и как луна влияет на приливные волны. Восемь из этих писем позже включат в пересмотренное издание его документов об электричестве.

Помимо этого Франклин занимался с Полли на расстоянии, обучая ее самым различным предметам. «Наиболее правильно для вас, на мой взгляд, будет читать определенные книги, которые я порекомендую, — предложил он. — Из них вы почерпнете материал для писем ко мне, а в дальнейшем для моих писем — к вам». Такое интеллектуальное обучение было, на его взгляд, наилучшим способом польстить молодой женщине. Одно из писем он заканчивал словами: «Я расписал молодой девушке философские концепции на шести страницах. Разве есть необходимость заканчивать такое письмо комплиментом? Разве это не свидетельствует о том, что ее ум жаждет знаний и способен их получать?»[200]

Однако его беспокоило опасение, что Полли воспримет занятия слишком серьезно. Хоть Франклин и ценил ее ум, он воспротивился, услышав о ее желании посвятить себя обучению за счет замужества и детей. Услышав такого рода намеки, засыпал ее отеческими наставлениями. В ответ на предположение Полли, что она может «прожить одна» всю жизнь, прочитал ей лекцию о «долге» женщины родить и вырастить детей:

> Существует разумная умеренность в занятиях такого толка. Знание природы может украсить жизнь и принести пользу, но если, желая достичь определенной

высоты, мы пренебрегаем пониманием и исполнением практических обязанностей, то заслуживаем порицания. Ведь не существует положения в естествознании, которое могло бы по статусу и значимости сравниться со званием хорошего родителя или ребенка, хорошего мужа или жены.

Полли прислушалась к его рекомендациям. «Спасибо, мой дорогой наставник, за терпимость, которую вы проявили, удовлетворяя мое любопытство, — отвечала она. — Поскольку самое мое большое желание — оставаться привлекательной в ваших глазах, я буду стараться никогда не нарушать границы умеренности, предписанной вами». После этого на протяжении нескольких недель они продолжали подробное обсуждение, заполненное как фактическими исследованиями, так и различными теориями, посвященными тому, как различные течения влияют на движение воды в устье реки[201].

Через некоторое время Полли вышла замуж, родила троих детей, после чего овдовела, но все это время оставалась чрезвычайно близким Франклину человеком. В 1783 году, почти в самом конце жизни, он написал ей: «Наша дружба была чистым солнечным светом, без единого облака на небосводе». Именно она стояла у изголовья его кровати, когда через тридцать три года после их первой встречи он умер[202].

Маргарет и Полли Стивенсон представляли собой точную копию семьи, которая осталась в Филадельфии: они дарили ему комфорт и интеллектуально стимулирующую атмосферу. Итак, чем же это было чревато для настоящей семьи? Английский друг Франклина Уильям Страхан выразил озабоченность этим вопросом. Он написал Деборе, пытаясь убедить ее присоединиться к супругу в Лондоне. Будучи полной противоположностью страннику Франклину, она не отличалась желанием путешествовать и до глубины души боялась моря. Страхан заверял ее, что еще никого не убил переезд из Филадельфии в Лондон, не упомянув при этом, что такая статистика не учитывала множества смертей на схожих маршрутах. Страхан также убеждал ее, что поездка станет огромным опытом для Салли.

Это была приятная часть письма, пряник, предназначенный, чтобы заманить ее. Но за этим следовал вежливо завуалированный, но почти грубый, резкий и бесцеремонный совет, содержащий очевидное предостережение, — в нем Страхан демонстрировал понимание сущности Франклина: «Теперь, мадам, насколько мне известно, здешние дамы, как и я, видят его

в определенном свете, и, честное слово, я считаю, что вам следует приехать с максимально возможной скоростью, чтобы позаботиться о своих интересах; тем не менее я думаю, он так же верен своей Джоан (поэтическое имя, выдуманное Франклином для Деборы), как и любой мужчина из плоти и крови, который, однако, знает, какие многократные и сильные искушения случаются с течением времени, особенно когда он находится так далеко от вас». На тот случай, если Дебора не уловила сути, Страхан ненароком выразил ядовитое заверение в самом конце своего послания: «Я не могу закончить это письмо, не уведомив вас о том, что мистеру Ф. посчастливилось поселиться у очень рассудительной дамы, которая проявила к нему чрезвычайное внимание и проведывала его во время суровых холодов, выказав такое усердие, заботу и нежность, с которыми, вероятно, могут сравниться только ваши собственные; в итоге я не думаю, что на ваше место можно найти лучшую замену до вашего приезда, необходимого, чтобы взять его под собственную защиту»[203].

Франклин любил и уважал Дебору, доверял ей, ценил обстоятельную простую манеру ее поведения, но знал, что она будет не в своей тарелке в изысканном лондонском мире. Поэтому крайне противоречиво относился к перспективе заманить ее в Англию — и, как всегда, реалистично смотрел на будущность этого мероприятия. «[Страхан] предложил мне заключить большое пари, что его письмо заставит тебя немедленно приехать сюда, — писал он. — Я ответил, что не полезу к нему в карман, так как уверен: не существует достаточно сильной приманки, чтобы убедить тебя пересечь океан». Когда она ответила, что останется в Филадельфии, Франклин выказал мало огорчения. «Твой ответ мистеру Страхану был таким, каким ему надлежало быть; я был очень доволен. Он размечтался, будто его риторика и искусность непременно вынудят тебя приехать».

В своих письмах домой Франклин приводил Деборе длинный ряд заверений того, что за ним хорошо присматривают, но также уверял, что скучает по ее любви. После того как Франклин заболел и слег через несколько месяцев после прибытия, он написал: «Я передал твои похвалы миссис Стивенсон. Она действительно очень любезна, очень заботится о моем здоровье и очень старательна, тогда как я совершенно непригоден к работе; однако я тысячу раз желал бы, чтобы со мной была ты и моя маленькая Салли… Когда болеешь, есть огромная разница между уходом постороннего человека и нежным вниманием, порождаемым искренней любовью».

Письмо сопровождалось массой подарков. Некоторые из них, по его словам, выбирала миссис Стивенсон. Среди них был

фарфор, четыре лондонские «самые новые, но самые уродливые» серебряные ложки для соли, «маленький инструмент для удаления сердцевины из яблок и еще один для того, чтобы делать маленькие репы из больших», корзинка для Салли от миссис Стивенсон, подвязки для Деборы, связанные Полли («которая была так любезна связать такую же пару для меня»), ковры, простыни, скатерти, ткань для платьев, выбранная миссис Стивенсон, колпачки для тушения свеч, полно других подарков, которые смягчили бы любую вину[204].

Дебора была, как правило, оптимистично настроена относительно женщин в жизни Франклина. Она сообщала ему все домашние новости и сплетни, включая последние, полученные от Кейти Рэй, когда та спрашивала ее совета (кто бы мог подумать) о своей интимной жизни. «Я рад слышать, что у мисс Рэй все хорошо и что вы поддерживаете переписку», — отвечал Франклин, правда, просил жену не «спешить советовать в подобных делах».

Их переписка преимущественно не носила особого эмоционального или интеллектуального содержания, как переписка Франклина с Полли, или Кейти Рэй, или позже с его друзьями-женщинами в Париже. С ней он не так много рассуждал на тему политики, как со своей сестрой Джейн Миком. Хоть его письма и отражали, как нам сейчас кажется, любовь к Деборе и к практичной природе их союза, не видно никаких признаков более глубокого единения, которое так очевидно, к примеру, в переписке Джона Адамса и его жены Эбигейл.

В конечном счете, когда миссия Франклина затянулась, Дебора в письмах к нему стала печальнее, начала жалеть себя, особенно после того, как ее мать погибла при ужасном пожаре на кухне, случившемся в 1760 году. Вскоре после этого она написала в своей нескладной манере, что беспокоится относительно слухов о нем и других женщинах. Свой ответ, хотя и утешительный, Франклин сформулировал прохладно и отвлеченно. «Я обеспокоен тем, что тебе столько хлопот доставляют пустые слухи, — писал он. — Будь спокойна, моя дорогая: до тех пор, пока я в здравом рассудке и Бог удостаивает меня своей защитой, я не совершу поступков, недостойных звания честного человека, любящего свою семью»[205].

Лондонский мир Франклина

Лондон с его семьюстами пятьюдесятью тысячами жителей — население постоянно росло — в 1750-е годы был самым большим городом Европы, вторым по величине в мире после Пекина (население которого составляло девятьсот тысяч). В Лондоне, тесном и грязном, с большим количеством больных, проституток и преступников, давным-давно произошло классовое расслоение: титулованная аристократия, с одной стороны, и низшая каста обнищавших рабочих, боровшихся с голодом, с другой. Тем не менее город оставался живым и многонациональным, и в 1750-х годах в нем также имелся подающий надежды средний класс купцов и промышленников, а также общество интеллектуалов — посетителей кофеен, писателей, ученых и художников. Хоть Филадельфия и была самым большим городом в Америке, по сравнению с Лондоном она казалась крошечной, особенно учитывая, что ее население составляло только двадцать три тысячи человек (сегодня можно приблизительно сравнить с городами Франклином в Висконсине или Франклином в Массачусетсе).

В многонациональном смешении старых и новых лондонских классов Франклин быстро снискал расположение среди интеллектуалов и людей литературного круга. Но несмотря на свою репутацию карьериста, он не проявил большой склонности к поискам расположения аристократии тори, и эти чувства были взаимны. Ему нравилось находиться среди людей, обладающих живым умом и простыми добродетелями, он питал врожденное отвращение к могущественным учреждениям и праздной элите. Один из первых визитов Франклин нанес в типографию, где когда-то работал. Там он купил ведерко пива и поднял тост за «успех печатного дела».

Страхан и Коллинсон стали центром нового сообщества друзей, которое продублировало старую Хунту Франклина, но с бóльшим изяществом и оригинальностью. Он состоял в переписке со Страханом, печатником и совладельцем лондонской Chronicle, начиная с 1743 года, когда тот рекомендовал своего подмастерья Дэвида Холла, которого Франклин взял на работу, а позже сделал своим партнером. Они обменялись более чем шестьюдесятью письмами перед тем, как встретиться, а когда это наконец-то произошло, Страхан был поражен невероятной личностью Франклина. «Я никогда не видел человека, который был во всех отношениях так идеально приятен мне, — писал он Деборе Франклин. — Некоторые милы с одной стороны, другие — с

другой, он мил со всех».

Коллинсон, торговец, с которым он переписывался об электричестве, представил Франклина Королевскому обществу, за год до того заочно избравшему его своим первым американским членом. Через Коллинсона он познакомился с доктором Джоном Фотергиллом, одним из передовых медиков, в будущем его лечащим врачом и советчиком в спорах с Пеннами, а также подружился с сэром Джоном Принглом, сварливым шотландским профессором этики, в дальнейшем королевским доктором и попутчиком Франклина в путешествиях. Коллинсон привел Франклина в Клуб искренних вигов, дискуссионный клуб проамерикански настроенных либеральных интеллектуалов. Там Франклин сблизился с Джозефом Пристли, который написал историю электричества, закрепившую славу Франклина. Писал он и о выделении кислорода. Там же встретил Джонатана Ширли, епископа собора Святого Асафа, в гостях у которого Франклин написал многое из автобиографии[206].

Франклин также связался с беспутным другом своей молодости Джеймсом Ральфом, бывшим его спутником в давней поездке в Лондон, во время которой они поссорились из-за денег и женщины. Характер Ральфа не особенно изменился. Франклин привез из Филадельфии письмо, написанное Ральфу дочерью, которую он бросил. Теперь она стала матерью десятерых детей. Но Ральф не хотел, чтобы его жена и дочь в Англии узнали о его американском прошлом, поэтому отказался писать ответ. Он едва выразил желание передать через Франклина известие о своем «большом расположении». После этого Франклину стало не о чем с ним говорить[207].

Для светских джентльменов из аристократического круга в Сент-Джеймсе начали появляться клубы, где они могли заказать изысканные блюда и играли в азартные игры. Среди них были такие заведения, как Уайтс, а позже Брукерс и Будлс. Для нового буржуазного класса писателей, журналистов, профессионалов и интеллектуалов, чью компанию предпочитал Франклин, существовали кофейни, которых в Лондоне того времени насчитывалось более пяти сотен. В них имелись газеты для чтения, а также столы, за которыми можно было организовывать дискуссионные клубы. Члены Королевского общества, как правило, встречались в Греческой кофейне на улице Стрэнд, до которой рукой подать от Крейвен-стрит. Клуб искренних вигов собирался каждый второй четверг в кофейне у собора Святого Павла. Другие, например Массачусетская и Пенсильванская кофейни, символизировали связь с Америкой. Франклин, которому всегда нравились клубы, а также возможность

пропустить бокальчик мадеры, стал частым посетителем этих и других заведений[208].

Таким образом, он создал новый круг избранных друзей и организацию, повторявшую успех Хунты и дававшую ему возможность влиять на городских интеллектуалов. Но влияние это, как и предсказывал Томас Пенн, оказалось несколько ограниченным. Собственники заверяли друзей Франклина, что после назначения на дипломатическую должность он, безусловно, сможет найти поддержку среди поклонников его научных экспериментов. Однако эти либерально настроенные интеллектуалы среднего класса не были уполномочены решать судьбу Пенсильвании. «Среди влиятельных людей очень мало тех, кто слышал о его экспериментах с электричеством, так как на эти вопросы обращает внимание только определенный круг людей, — писал Пенн. — Но это вовсе не те, кому предстоит определить исход дискуссии». И в этом он оказался прав[209].

Битва с Пеннами

Франклин приехал в Лондон не только как приверженец монархии, но и как подвижник империи, неотъемлемой частью которой, по его ощущениям, являлась Америка. Однако вскоре он обнаружил, что его представления ложны. Франклин верил в то, что подчиненные Его Величества, волею случая живущие в колониях, не являются людьми второго сорта. Напротив, он считал, что их должны наделить такими же правами, как и любого британского подданного, включая право выбора Ассамблеи и законодательного аппарата, а также налоговыми полномочиями наподобие тех, которые есть у парламента. Пенны могут смотреть на это иначе, но он полагал, что осведомленные британские министры, бесспорно, помогут ему оказать давление на Пеннов, заставив их пересмотреть деспотичные методы управления.

Вот почему по прибытии Франклина неприятно поразила встреча с лордом Гренвиллом, председателем Тайного совета — группы министров, которая действовала в интересах короля. «У вас, американцев, неверные представления о природе вашего государственного устройства», — сказал лорд Гренвилл. В его понимании указания, выданные губернаторам колоний, являлись «законом страны», а законодательные власти не вправе ими пренебрегать. Франклин ответил: «Для меня эта теория нова». Он убеждал Гренвилла, что согласно колониальным хартиям законы должны создавать ассамблеи; хоть губернаторы и уполномочены накладывать вето, диктовать эти законы они не могут. «Он заверял меня, что я абсолютно заблуждаюсь», — вспоминал Франклин, которого этот случай так встревожил, что он дословно записал всю беседу, вернувшись на Крейвен-стрит[210].

Толкование Франклина было справедливым. Ему предшествовало решение парламента отклонить положение, наделявшее губернатора законодательной властью. но отповедь Гренвилла, как выяснилось, некровного родственника семьи Пеннов, послужила предупреждением, показавшим: интерпретация Пеннов имеет поддержку в судебных кругах.

Спустя несколько дней, в августе 1757 года, Франклин начал встречаться с хозяевами колоний Томасом Пенном и его братом Ричардом. Он уже был знаком с Томасом, который некоторое время жил в Филадельфии и даже печатал экслибрисы в типографии Франклина (при этом конторские книги указывают, что Томас Пенн не уплатил ни по одному счету). Поначалу встречи были радушными; обе стороны заявили о своем желании

разумного сотрудничества. Но позже Франклин заметил: «Я полагаю, у каждой стороны имелись свои представления о том, что понимается под словом „разумность“»[211].

Пенны попросили подать запрос от Ассамблеи в письменной форме, что Франклин сделал в течение двух дней. Назвав документ «Основные положения о прошениях», Франклин в данной дипломатической ноте требовал, чтобы назначенному губернатору предоставили «в пользование лучшие из полномочий», и характеризовал требование хозяев колоний быть освобожденными от налогов, благодаря которым осуществлялась защита их земель, «несправедливым и жестоким». Но даже более провокационным, чем содержание документа, оказался неформальный стиль, использованный Франклином; он не адресовал бумагу лично Пеннам, а также не использовал учтивое обращение «Истинные и абсолютные собственники».

Оскорбленные пренебрежением, Пенны уведомили Франклина, что в дальнейшем ему следует иметь дело только с их юристом Фердинандом Джоном Парисом. Франклин отказался. Он посчитал Париса «гордецом и злым человеком», который испытывал к нему «смертельную ненависть». Тупик сыграл на руку хозяевам колоний; целый год они не давали никакого ответа, ожидая правовых норм от юристов правительства[212].

В январе 1758 года, во время недружественной встречи с Томасом Пенном, Франклина покинули его знаменитые спокойствие и обаяние. На повестке дня стояло право Пеннов запрещать выбор уполномоченных для переговоров с индейцами от лица Ассамблеи. Но Франклин использовал эту встречу, чтобы выдвинуть более обширные требования, предлагая уравнять власть Ассамблеи в Пенсильвании с властью парламента в Британии. Он настаивал, что легендарный отец Пенна, Уильям Пенн, безоговорочно наделил такими правами Ассамблею Пенсильвании в своей «Хартии привилегий» 1701 года, выданной жителям колонии.

Томас ответил, что королевская хартия, полученная его отцом, не давала ему прав делать такого рода подарки. «Если мой отец наделил вас привилегиями, полномочий на которые монархия ему не давала, — заявил Пенн, — вы ничего не можете требовать в соответствии с ними».

Франклин отвечал: «Если ваш отец не имел права давать привилегии, которыми он обманным путем наделил нас и которые опубликовал по всей Европе как действительные, тогда людей, приехавших с целью поселиться в провинции… ввели в заблуждение, обманули и предали».

«Королевская хартия ни для кого не была секретом, — отвечал Пенн. — Если кто-то впал в заблуждение, то это случилось только по его собственной вине».

Франклин был не совсем корректен. В хартии Уильяма Пенна 1701 года, по сути, объявлялось, что Ассамблея Пенсильвании наделена «властью и привилегиями ассамблеи в соответствии с правами свободно рожденных подданных Англии, типичными для ассамблеи в любой из королевских колоний Америки». По этой причине данную хартию можно было трактовать по-разному. Тем не менее Франклин пришел в ярость. Если верить живому описанию перепалки, составленному для Ассамблеи спикером Айзеком Норрисом, Франклин использовал слова, которые позже, после огласки письма, уничтожили все его шансы стать эффективным лоббистом. «[Пенн говорил] пафосно, насмешливо, с пренебрежением, как может говорить только низкий плут, выслушивая, как покупатель жалуется, что тот продал ему лошадь обманным путем. Я был поражен, увидев, насколько бесчестно он отступил от доброго имени своего отца, и в тот момент почувствовал к нему более сильное и всеобъемлющее презрение, чем когда-либо прежде испытывал к человеческому существу».

Франклин почувствовал, как жар подступает к лицу, а раздражительность нарастает. Поэтому, соблюдая осторожность, постарался не говорить о том, что могло выдать его эмоции. «Я дал только один ответ, — вспоминал он, — сказав, что среди бедных людей не было юристов и, доверяя его отцу, они не посчитали нужным проконсультироваться у такового»[213].

Встреча, исполненная яда, стала поворотным пунктом в миссии Франклина. Пенн отказался от каких-либо дальнейших личных переговоров, дав Франклину характеристику «злобного варвара» и объявив, что «с этого момента я ни под каким предлогом не буду вести с ним переговоры». Впоследствии, когда бы они ни столкнулись, по словам Франклина, «на его гнусном лице появлялась странная смесь ненависти, гнева, страха и досады».

Более не руководствуясь свойственной ему практичностью, Франклин начал изливать злость в посланиях единомышленникам, оставшимся дома, в Пенсильвании. «Мое терпение относительно хозяев колонии еще не совсем, но почти полностью иссякло», — писал он Джозефу Галлоуэю, единомышленнику в Пенсильвании. Он также готовился вместе со своим сыном опубликовать историю пенсильванских дискуссий, «в которой хозяева будут выставлены на посмешище, как того и заслуживают, чтобы гнить и издавать зловоние на виду своих потомков»[214].

После этого Франклин больше не мог действовать как представитель, по крайней мере на тот момент. Тем не менее он все еще имел возможность поставлять информацию друзьям в Филадельфии, к примеру опережающие сведения о планах Пеннов уволить губернатора Уильяма Денни, нарушившего свои предписания компромиссом, согласно которому владения хозяев колоний облагались налогом. «Предполагалось сохранить это в секрете от меня, — писал он Деборе, а затем в духе Бедного Ричарда прибавлял с усмешкой: — Потому и ты, будь любезна, сохрани эту новость в тайне, обязав поступить таким же образом всех своих друзей».

Только в подростковые годы он настолько успешно использовал прессу для проведения пропагандистских кампаний. Публикуя анонимные статьи в лондонской газете Страхана Chronicle, он открыто осуждал действия Пеннов, обвиняя их в нанесении вреда интересам Британии. Письмо Уильяма Франклина, которое, безусловно, было продиктовано его отцом, содержало более личные нападки на Пеннов; в дальнейшем оно было перепечатано в книге об истории Пенсильвании, в составлении которой участвовал Франклин[215].

По мере того как приближалось лето 1758 года, Франклин встал перед выбором: он мог вернуться домой к семье, как и планировал, но тогда это означало бы провал его миссии. Или же вместо этого мог провести время в путешествиях по Англии и насладиться одобрением, которое снискал среди поклонников своего интеллекта.

Нет никаких свидетельств того, что Франклину тяжело далось это решение. «У меня нет никакой надежды на возвращение вплоть до следующей весны», — с прохладцей сообщил он Деборе в июне. По его словам, он собирался провести лето, объезжая сельские окрестности. «Я главным образом надеюсь, что запланированные поездки укрепят мое здоровье». Что же касается жалоб Деборы на ее собственное здоровье, Франклин проявил только легкое участие: «Я озабочен тем, что так часто получаю от тебя уведомления о недомоганиях; но мы оба уже немолоды и должны ожидать, что наше тело, хоть и находится в хорошем состоянии, значительно слабеет вследствие возраста».

Его письма, как и всегда, оставались добрыми и непринужденными, но сложно назвать их романтичными. Окрашены они скорее отеческим тоном, возможно, временами несколько снисходительным, к тому же, в них совсем нельзя найти интеллектуальных рассуждений, как в письмах, адресованных его сестре Джейн Миком или Полли Стивенсон. Но

каждое из них, бесспорно, выдает искреннюю нежность и даже преданность. Он ценил разумную практичность Деборы и гармоничность их союза. В большинстве случаев, казалось, она приняла оговоренное давным-давно соглашение и в общем была довольна пребыванием в уютном доме на родной улице вместо участия в его путешествиях. Их переписка почти до самого конца содержала только редкие упреки обеих сторон. Франклин, понимая свой долг, давал инструкции, как избавиться от звона громоотвода, а также старомодные советы о женщинах и политике. «Ты очень благоразумна, что не вступаешь ни в какие споры, — написал он однажды. — Женщины никогда не должны в них вмешиваться, за исключением тех случаев, когда им нужно примирить своих мужей, братьев или друзей, оказавшихся врагами. Если слабый пол сможет сохранить хладнокровие, с вашей помощью мужчины скорее восстановят свое собственное».

Точно так же Франклин проявлял заботу, но опять-таки исключительно ненавязчивую, о дочери, оставшейся дома. Он порадовался, получив портрет Салли, и послал ей белую шляпку и накидку, разные мелочи и пряжку, сделанную из французских драгоценных камней. «Они обошлись мне в три гинеи, говорят, что для них это низкая цена», — писал он. Если Франклин и чувствовал груз семьи, то не ощущал его веса, потому как зеркальная семья имелась у него в Лондоне. Как он заметил в непринужденном письме к Деборе, написанном в том июне: «Миссис Стивенсон и ее дочь хотят, чтобы я выразил тебе их почтение»[216].

Уильям и родословное древо

Возможно, из-за того, что враги семьи часто относились к нему как к бастарду плебейского происхождения, Уильям Франклин остро желал получить социальный статус, намного превышающий статус его отца. Одна из книг, зачитанных им до дыр, называлась The True Conduct of Persons of Quality («Истинное поведение людей первого сорта»), а в Лондоне он любил наведываться в модные дома молодых лордов и герцогов вместо посиделок в кофейнях и интеллектуальных салонах, которые выбирал его отец. И в общественной жизни, и в правовых исследованиях в корпорации адвокатов, куда его зачислил отец, Уильям в итоге принял сторону консерваторов и лоялистов{45}. Но перемена во взглядах происходила постепенно, порывисто и полнилась личностными конфликтами.

Перед отъездом из Филадельфии Уильям ухаживал за молодой светской девушкой из хорошей семьи по имени Элизабет Грейм. Ее отец, доктор Томас Грейм, врач и член Губернаторского совета, владел домом на улице Сосайети-хилл и поместьем на триста акров, которое считалось самым лучшим в окрестностях Филадельфии. Ее мать была падчерицей ненадежного покровителя Франклина губернатора Кейта. Отношения между семьей Грейм и Франклинами были натянутыми; доктор Грейм почувствовал себя оскорбленным, когда старший Франклин с самого начала не пригласил его управлять персоналом нового госпиталя в Филадельфии. Вдобавок он являлся сторонником семьи Пеннов в борьбе с Ассамблеей.

Тем не менее с согласия доктора Грейма, пусть и данного с неохотой, отношения достигли кульминации, когда Элизабет нерешительно приняла сделанное Уильямом предложение руки и сердца. Ей исполнилось восемнадцать, он же был почти на десять лет старше. Согласие на брак было достигнуто с одним условием: Уильям должен устраниться от любого участия в политических делах. Однако она отказалась ехать с ним в Лондон или выходить замуж до поездки. По взаимному согласию они решили подождать со свадьбой до его возвращения.

Как только Уильям оказался в Англии, он явно охладел к ней, в отличие от политики. После краткой записки, написанной им по прибытии, не писал ей на протяжении пяти месяцев. Без следа исчезли витиеватые избитые фразы, которые он писал об их любви, им на смену пришла радость от «этой чарующей страны». Что еще хуже, Уильям с гордостью посылал ей политические скучные и многословные статьи, подписанные его именем в

лондонской Chronicle. В них содержались нападки на хозяев колонии. В своей демонстрации он зашел так далеко, что потребовал ее мнения о том, как статью восприняли дома в Филадельфии.

Так закончились эти отношения. Элизабет ждала изменений долгие месяцы, но потом отослала холодный и полный горечи ответ, в котором называла его «воплощением политического зла». На следующий день он ответил ей через общего друга, что она непостоянна и он будет рад, если она найдет свое счастье с другим человеком. Со своей стороны, Уильям занялся поиском собственного счастья как с модными дамами Лондона, так и, пойдя по стопам отца, в объятиях проституток и других женщин легкого поведения[217].

Бенджамин Франклин, у которого эти отношения вызывали смешанные чувства, казалось, пребывал в совершенном спокойствии относительно разрыва. Сам он надеялся, что его сын женится на Полли Стивенсон. Но задумка была малоисполнима, так как социальные стремления Уильяма оказались выше стремлений его отца. И действительно, в Уильяме проявился социальный и финансовый апломб, который начал беспокоить Франклина. Тогда отец попытался, как позже сам признавался в автобиографии, написанной в форме письма к сыну, предостеречь Уильяма от аристократических претензий. В конечном счете эти попытки оказались тщетными и стали, подобно политическим вопросам, причиной взаимного отдаления.

Годы спустя Франклин предупредил Уильяма, чтобы тот не ожидал большого наследства. «Я заверил его, что намереваюсь потратить все те небольшие средства, которыми располагаю, самостоятельно», — писал он матери. Оказавшись в Англии, Франклин скрупулезно подсчитывал все траты сына, включая обеды, жилище, одежду и книги, понимая, что все это было кредитом, который однажды тому предстоит погасить. В 1758 году, когда Уильям немного побаловал себя экипажем за счет Пенсильвании, Франклин предупредил его, чтобы он был экономнее в трапезах и старался не привыкать к лондонскому стилю жизни. Уильям, путешествовавший с друзьями по югу Англии, оторопел. «Я чрезвычайно обязан вам за вашу заботу относительно обеспечения меня средствами», — писал он, добавляя, что сменил жилье на другое, «намного хуже, однако более дешевое»[218].

Пытаясь удержать сына у истоков среднего класса, Франклин взял его на генеалогическую экскурсию летом 1758 года. Они совершили путешествие в Эктон, приблизительно на шестьдесят миль к северо-западу от Лондона, где поколения Франклинов

обитали до того, как Джозайя эмигрировал в Америку. Здесь по-прежнему жила первая кузина Франклина Мэри Франклин Фишер, дочь Томаса, брата Джозайи. Она была «едва жива в связи с возрастом, — заметил Франклин, — но, кажется, это очень умная и здравомыслящая женщина».

В приходской церкви Франклины обнаружили записи двухсотлетней давности, содержащие данные о рождениях, бракосочетаниях и смертях в их роду. Жена приходского священника развлекала их историями о дяде Франклина Томасе, чья жизнь была несколько схожей с судьбой племянника. Вот что сообщал Франклин Деборе:

> [Томас Франклин] принимал очень активное участие во всех делах отечества и был очень занят общественными вопросами. Он пустил в ход подписку, чтобы установить колокола в местной церкви, и сам работал над их установкой, теперь же нам слышен их звон. Он открыл простой способ спасти местные луга от затоплений, которые уничтожали когда-то местность у реки, и этот метод по-прежнему жив… Его совета и мнений спрашивали по всем возможным вопросам самые различные люди, и некоторые из них, по словам [Мэри Франклин Фишер], смотрели на него как на своего рода волшебника. Он умер ровно за четыре года до того, как я родился, в тот же день того же месяца.

Франклин мог заметить, что характеристика «волшебник» совпала с той, которую однажды использовала Кейти Рей. А Уильям, впечатленный совпадением дат, предположил, что произошло «переселение душ».

На кладбище, когда Уильям копировал дату с надгробной плиты, слуга Франклина, Питер, использовал жесткую щетку, чтобы отчистить мох. Когда Франклин описывал эту сцену, он упомянул о том, что, предвидя, как в конце концов поменяются его взгляды, он привез с собой в Англию двух рабов. Франклин, однако, считал их скорее старыми семейными слугами, чем собственностью. Когда один из них покинул его вскоре после прибытия в Англию, Франклин не пытался вернуть его силой, что позволял ему закон Британии. Его ответ Деборе, когда позже она спросила об их благосостоянии, проливает на это свет:

> Питер все еще со мной и ведет себя настолько хорошо, насколько можно ожидать этого в стране, где есть столько возможностей испортить слуг, даже если они всегда были отличными. У него столько же

> недостатков, сколько и у них у всех, [но я вижу их] только одним глазом и слышу только одним ухом; так что мы уживаемся неплохо. Кинга, о котором ты спрашиваешь, с нами нет. Он сбежал из дома около двух лет назад, пока нас не было; но его вскоре нашли в Саффолке, куда его доставили на службу для дамы, которой очень понравилось делать из него христианина и способствовать его образованию и развитию[219].

В то время его отношение к Питеру напоминало отношение к рабству в целом: он видел недостатки только одним глазом, слышал только одним ухом и уживался с ними неплохо, хоть давалось это ему все тяжелее. Эволюция его взглядов на рабство и расовый вопрос действительно продолжалась. Вскоре его избрали членом попечительского совета Английского благотворительного общества, состоявшего из соратников доктора Брея{46}, которое занималось построением школ для негров, живущих в колониях.

Вместе с Уильямом Франклин провел весну и лето 1758 года, объезжая окрестности, чтобы насладиться гостеприимством и поприветствовать своих поклонников. Во время визита в Кембриджский университет он совместно с прославленным химиком Джоном Хедли провел серию экспериментов, связанных с выпариванием. Франклин прежде изучал, как жидкости производят разный замораживающий эффект, основываясь на том, как быстро они испаряются. С Хедли они проводили эксперимент, используя эфир, который очень быстро испаряется. В комнате при температуре шестидесяти пяти градусов они постоянно обмазывали шарик термометра и использовали воздуходувные мехи, чтобы выпаривать его. «Мы продолжали выполнять эту операцию, один из нас при этом смачивал шар, а другой дул на него из мехов, чтобы ускорить выпаривание, ртуть постоянно опускалась вниз, пока не дошла до отметки семь, что означало двадцать пять градусов ниже температуры замерзания, — писал Франклин. — Из этого эксперимента можно извлечь вывод о вероятности заморозить человека до смерти теплым летним днем». Он также размышлял, верно, что летние бризы не охлаждают людей сами по себе; напротив, охлаждающий эффект появляется из-за увеличения испарений человеческого организма через потоотделение, вызванного бризом.

Его исследования в области тепла и заморозки хоть и не были такими плодотворными, как работа над электричеством, продолжались на протяжении всей жизни. В дополнение к опытам над выпариванием он также изучал в дальнейшем, как различные цвета поглощают тепло от света, как такие материалы, как

металл, проводящий электричество, способствуют передаче тепла и как улучшить строение печей. Как обычно, его сила заключалась в том, что он не развивал абстрактные теории, а изобретал, как применить на практике то, что принесет улучшение повседневной жизни[220].

Визит Франклина в Кембридж всех настолько впечатлил, что его пригласили повторно приехать туда этим же летом, чтобы поприсутствовать на церемонии вручения степеней. «Мое тщеславие было немало удовлетворено этим отношением», — признавался он Деборе. Но не такая встреча ждала его, когда осенью он вернулся в Лондон[221].

Ответ Пеннов

В ноябре 1758 года, когда с момента вручения Франклином «Основных положений о прошениях» прошло более года, Пенны наконец-то ответили. Для того чтобы осадить Франклина, они попросили своего юриста Фердинанда Париса написать прямо в Ассамблею Пенсильвании, отправив затем копию послания Франклину, сопроводив собственноручным письмом только послание к Ассамблее.

По вопросу полномочий Ассамблеи хозяева колонии были непреклонны: их указания губернаторам оставались незыблемы, а хартия «дает [им] право создавать законы». Ассамблея отвечает только за «совет и согласие». По вопросу налогообложения, однако, Пенны оставляли возможности для некоторых компромиссов. «Они вполне готовы пересмотреть свой годовой доход от земельных владений», — писал Парис, и рассмотреть некоторые отчисления на основании того, «что по природе своей подлежит налогообложению».

Туманный ответ, который не давал никаких гарантий реальных денег, подтолкнул Франклина написать еще раз, чтобы добиться пояснений. Но ключевой аспект в позиции хозяев колонии заключался в том, что они больше не собирались иметь с ним дела. Парис демонстративно сказал Ассамблее, что своим посланником они выбрали отнюдь не «человека беспристрастности». А Пенны в собственном письме заявили, что дальнейшие переговоры потребуют «совершенно другого подхода». Акцентируя на этом внимание, Парис лично нанес визит Франклину, чтобы доставить сообщение Пеннов, в котором говорилось следующее: «Мы не считаем необходимым поддерживать корреспонденцию с джентльменом, который признает, что он не вправе придерживаться надлежащих рамок». Франклин «ни слова не передал в ответ, — докладывал Парис, — и выглядел весьма разочарованным».

«Таким образом, они положили конец всем дальнейшим переговорам между нами», — писал Франклин спикеру Ассамблеи Норрису. Его миссия зашла в тупик, он мог бы вернуться домой и дать другим возможность выяснить подробности дела и прийти к компромиссу в вопросе налогообложения. Тогда он вяло предложил сложить с себя полномочия. «Палата увидит, — писал Норрису, — что если продолжать переговоры с собственниками, возникнет необходимость отозвать меня и назначить другого человека или людей для выполнения этой задачи, которые, скорее всего, окажутся более гибкими, чем я, или, как выразились сами

хозяева, „людьми беспристрастными“».

Но Франклин не рекомендовал использовать такой подход. Его обычные инстинкты практика были подавлены чувствами, которых он когда-то стремился избегать, — горечью, уязвленной гордостью, эмоциональностью и политической горячкой. Он предложил взамен совершенно другой выход: попытаться забрать Пенсильванию у Пеннов и превратить ее в королевскую колонию под управлением короля и министров. «Если палата наконец-то стала благоразумно относиться к опасности, грозящей правам людей, которая неизбежно увеличится из-за власти и собственности, сосредоточенных в руках одной семьи с весьма определенными принципами, и если по этой причине палата захочет передать провинцию на незамедлительное попечение монархии, я верю, что этому не будет особых помех». С некоторым энтузиазмом он подвел итоги: «Таким образом, я думаю, что мог бы пригодиться»[222].

Не имелось причин верить, что английские министры станут вмешиваться в дела хозяев колонии или выступать в защиту демократии в колониях. Так почему же Франклин зациклился на непродуманной и обреченной цели вернуть Пенсильвании статус королевской колонии? Отчасти проблема заключалась в том, что враждебность по отношению к Пеннам затуманила его периферийное зрение. Эдмунду Моргану, историку Йельского университета, этот «продолжительный приступ политической слепоты» кажется неожиданным и даже ставит в тупик. «Пристрастие Франклина, если не сказать одержимость привилегиями собственников, не только заставила его растратить впустую колоссальные таланты, но и затуманила его видение и восприятие политически осуществимых целей», — писал он.

Тем не менее действия Франклина можно объяснить по меньшей мере отчасти его энтузиазмом в вопросах славы растущей империи короля. «Как только мы полностью примем тот факт, что Франклин между 1760 и 1764 годами был восторженным и неприкрытым лоялистом, который не предвидел и не мог предвидеть развал империи, то многое в его удивительном, запутанном и загадочном поведении в эти годы отпадет», — настаивает профессор Брауновского университета Гордон Вуд[223].

Остальные члены Ассамблеи в Америке быстрее, чем Франклин, пришли к пониманию, что такое отношение преобладало среди большинства британских лидеров, а не только среди владельцев колоний. Это отношение означало, что колонии должны быть покорны как политически, так и экономически. Однако друзья Франклина из Ассамблеи в Пенсильвании

разделяли его веру в то, что борьба необходима, и согласились, что он должен остаться и бороться. Таким образом, не имея никакого личного желания уезжать из Англии, он начал штурм твердыни Пеннов по трем фронтам сразу.

Первый касался взаимодействия Пеннов с индейцами. Франклин долгое время благожелательно относился к правам индейцев, особенно племени дэлавера, которые чувствовали, что Пенны обманули их в земельном вопросе. Осенью 1758 года он представил на рассмотрение Тайного совета резюме по делу дэлавера. В нем снова обратился к использованной им ранее фразе «низкий плут», которая, по его сведениям, уже привела Пеннов в ярость. Пенны, писал он, расширили свои владения «таким мастерством мошенничества, [которое] поспособствовало наихудшему мнению индейцев об англичанах». Мало что вышло из заступничества Франклина, но он помог обнародовать этот случай и начать кампанию против стратегии управления Пеннов[224].

Второе направление включало дело о клевете, которое Ассамблея Пенсильвании выиграла против Уильяма Смита, ректора академии, который стал политическим противником Франклина. Когда Смит попросил у Тайного совета в Лондоне пересмотреть решение суда, Франклин превратил дело в масштабную схватку в интересах прав Ассамблеи. Фердинанд Парис представлял интересы Смита, приводя доводы о том, что «Ассамблея Пенсильвании не была парламентом и не имела никаких полномочий, близких к тем, которые имеет палата общин». В июне 1759 года Тайный совет вынес постановление против Франклина. В небольшом примечании упоминалось, что вышеуказанная Ассамблея распущена, а новая, собравшаяся позже, уже не работала с этим делом. Там говорилось: «нижестоящие ассамблеи», подобные тем, которые существовали в колониях, «не должны сравниваться в полномочиях и привилегиях с палатой общин»[225].

По третьему вопросу Франклин действовал немного успешнее. Здесь он задействовал дело губернатора Уильяма Денни, который в ряде случаев нарушил предписания, утверждая законопроекты, облагавшие налогами владения хозяев колонии. Пенны, сославшись на сведения, будто Денни брал взятки, обжаловали их в Тайном совете.

Первоначально указания Министерства торговли противоречили интересам Франклина и Ассамблеи. Но, когда Тайный совет услышал жалобу Пеннов, произошло нечто неожиданное. Лорд Мэнсфилд, член совета, подозвал Франклина к себе кивком головы, чтобы поговорить с ним в кабинете

секретаря, пока юристы были увлечены спором. Действительно ли он считает, что налоги можно взимать так, чтобы не навредить имуществу Пеннов?

«Конечно», — отвечал Франклин.

«Тогда, — сказал лорд Мэнсфилд, — вы не будете против и примете на себя обязательства отстоять эту точку зрения».

«Совершенно не буду против», — сказал Франклин.

Так был достигнут компромисс. Франклин согласился, что законопроект о налогах, выдвинутый Ассамблеей, исключит «неисследованные пустыри», принадлежащие хозяевам, и облагаться налогом в размерах, «не превышающих налоги на схожих землях, принадлежащих другим собственникам», будут незаселенные земли. Вернувшись к былой прагматичности, Франклин отвоевал частичную победу. Но этот компромисс не уладил навсегда вопрос о полномочиях Ассамблеи, он также не восстановил мир между Ассамблеей и собственниками[226].

Помимо этого, компромисс никак не продвинул кампанию Франклина по лишению Пеннов права собственности на Пенсильванию. Как раз наоборот. Во всех своих постановлениях Тайный совет не обнаружил никакой склонности изменить хартию о праве собственности, сам же Франклин не смог добиться общественной поддержки в этом вопросе. И снова он оказался в ситуации, когда перспективы в Англии были невелики. Теперь у него не оставалось реальных причин, которые могли помешать возвращению домой. Тем не менее Франклин снова не захотел уезжать.

«Полнейшее счастье»

Одной из самых больших утех Франклина стали летние путешествия. В 1759 году они с Уильямом отправились в Шотландию, их дорога была вымощена знакомствами с представителями интеллектуальной элиты, начиная с Уильяма Страхана и Джона Прингла, которые оба были уроженцами Эдинбурга. Он гостил в усадьбе сэра Александра Дика, известного врача и ученого, и там повстречался с выдающимися умами шотландской эпохи Просвещения — экономистом Адамом Смитом, философом Дэвидом Юмом, а также правоведом и историком лордом Кеймсом.

Однажды вечером за обедом Франклин потчевал гостей одним из своих лучших литературных трюков, зачитывая «библейскую» главу, которую сам придумал, назвав ее «Притча против гонений». В ней рассказывалось о том, как Авраам дал пищу и кров стодевяностовосьмилетнему старцу, а затем вышвырнул его за дверь, когда тот сказал, что не верит в Бога Авраама. Притча заканчивалась так:

> А в полночь Бог явился Аврааму, сказав: «Авраам, где же твой гость?»
>
> Авраам же ответил словами: «Господи, он не хотел Тебя почитать; к тому же он не хотел призывать имя Твое. Потому я и прогнал его с глаз долой на дикую землю».
>
> И Бог ответил: «Если Я мирился с ним сто девяносто восемь лет, кормил его и одевал, невзирая на неподчинение Мне, ты, грешник, не мог потерпеть его одну ночь?»[227]

Гости, очарованные Франклином и его философией толерантности, попросили прислать им копии текста, что он и сделал. В это же время Франклин написал Юму историю диспута по вопросу майского дерева, в которой участвовал лорд Маршал. Его попросили высказать свое мнение, обязательно ли вечные муки длятся вечно? Франклин сравнивал эту ситуацию с положением мэра в пуританском поселении Массачусетса, попросившего разрешить спор между теми, кто хотел возвести майское дерево, и другими, считавшими это богохульством:

> Он необычайно терпеливо выслушал их препирательства, а затем с мрачным видом вынес

> решение: те, кто выступают за то, чтобы не было майского дерева, пускай не имеют майского дерева, а те, кто выступают за майское дерево, пускай имеют майское дерево. Займитесь своими делами и сделайте так, чтобы я больше не слышал об этой ссоре. Потому, мне думается, лорд Маршал мог бы сказать: те, кто выступают за то, чтобы осуждение на вечные муки не длилось больше заслуженного, могут получить мое заверение, что так оно и будет; тех же, кто выступают за вечные муки, Господь навечно проклял, и избавьте меня от необходимости выслушивать ваши споры[228].

Дэвид Юм был величайшим британским философом своей эпохи и одним из самых значимых логиков и аналитиков всех времен. Он уже написал два судьбоносных трактата — «Трактат о человеческой природе» и «Исследование о человеческом познании», которые теперь рассматриваются как важнейшие для развития эмпирической мысли, что поместило его в пантеон рядом с Локком и Беркли. Когда Франклин встретился с ним, он заканчивал «Историю Англии» в шести томах, сделавшую его богатым и знаменитым.

Франклин старательно добивался его расположения и уговаривал занять сторону колоний. «Я был очень рад, услышав о перемене ваших взглядов в некоторых вопросах касаемо Америки, — впоследствии писал ему Франклин, льстиво добавляя: — Не знаю никого, кто способен лучше вас уточнять» британские ложные представления. Одно из эссе Юма, в котором он одобрял беспошлинную торговлю с колониями, привело Франклина в восторг, так как оно могло иметь «положительное влияние на продвижение определенных интересов, о которых эгоисты думают слишком мало… Я подразумеваю интересы человечества или общее благо рода человеческого».

Франклин и Юм интересовались лингвистикой. Когда Юм бранил Франклина за придумывание новых слов, тот соглашался прекратить использовать термины «колонизировать» и «непоколебимый». Но жаловался: «Я не могу не желать, чтобы наш язык позволял нам составлять новые слова, когда мы того хотим». К примеру, Франклин настаивал, что слово «недосягаемый» гораздо хуже неологизма «несовершаемый». Ответ Юма на это предложение остался неизвестным, но это никак не уменьшило его страстного восхищения новым другом. «Америка послала нам много хорошего — золото, серебро, сахар, табак, растения индиго, — писал он. — Но вы первый философ и действительно первый великий ученый, за которого мы ей

признательны»[229].

Во время визита в Шотландию Франклин также подружился с Генри Хоумом, лордом Кеймсом, чьи интересы простирались от земледелия, животноводства и науки до литературоведения и истории. Среди прочего во время конных поездок по сельской местности они обсуждали, насколько нужен Британии контроль над Канадой, которую менее года назад вырвали у французов, когда англо-американские силы захватили Квебек в одном из решающих сражений франко-индейской войны. Франклин настаивал: «Я не столько житель колонии, сколько британец». В послании Кеймсу вскоре после отъезда он писал: «Будущие величие и стабильность Британской империи находятся в Америке». Несмотря на проблемы с Пеннами, он пока еще не превратился в бунтаря.

Визит в Шотландию завершался присуждением Франклину почетной степени доктора Сент-Эндрюсского университета. Надев на его плечи мантию из темно-красного шелка и белого сатина, Франклину зачитали адрес, восхваляющий «его здоровые нравы и благожелательный жизненный пример». Далее следовало: «Благодаря своим оригинальным изобретениям и успешным экспериментам, обогатившим науку философии природы и более всего науку электричества, мало известную прежде, [он] получил настолько высокую похвалу по всему миру, что заслуживает наивысшего почета в мире литературном». С этого времени обращение «доктор Франклин» стало привычным, зачастую он сам так представлялся в обществе.

Время, проведенное в Шотландии, писал он лорду Кеймсу на пути домой, — это «шесть недель полнейшего счастья, которого я не испытывал никогда в своей жизни». Возможно, здесь небольшое преувеличение. Но после этих слов становится яснее, почему он не спешил возвращаться назад в Филадельфию[230].

И в самом деле, к началу 1760-х Франклин уже лелеял надежду, что Дебора и Салли присоединятся к нему. Теперь, понимая, что мечта поженить Уильяма и Полли Стивенсон вряд ли осуществится, Франклин задумал еще один союз выходцев из среднего класса: он хотел, чтобы Салли вышла замуж за Билли, сына Уильяма Страхана. Об этом браке он мечтал, когда Салли была еще ребенком, а Страхана он знал только по переписке.

Хотя браки, запланированные родителями, уже утратили популярность, они еще нередко случались, и Страхан предложил составить план действий, чтобы соединить детей. Франклин в качестве эксперимента передал план Деборе, предположив, что вряд ли она прельстится им:

> Мы с мистером Страханом провели некоторое время наедине. Мы обсуждали данный вопрос целый вечер. Он настойчиво просил меня остаться в Англии и убеждал в необходимости вашего с Салли переезда сюда. Он предложил несколько благоприятных проектов, которые, как мне показалось, разумно обоснованы. У него очень достойная семья; миссис Страхан разумная и добрая женщина, дети воспитаны обходительными, особенно юноша, воздержанный, изобретательный и трудолюбивый, он очень подходящий человек.
>
> В свете обстоятельств, можно не сомневаться, что мистер Страхан, являясь весьма преуспевающим человеком, будет ежегодно выделять тысячу фунтов от своих доходов на содержание семьи и выплаты всех расходов… Однако я привел ему две причины, по которым не могу рассматривать переезд сюда. Первая из них — моя любовь к Пенсильвании, а также давние друзья и связи в этих краях. Вторая — твое непреодолимое нежелание пересекать океан.

Салли было почти семнадцать, ей этот союз давал обещание комфортной жизни в элегантном и веселом кругу. Но Франклин предоставил жене принимать решение. «Я поблагодарил его за внимание, оказанное нам этим предложением, но не дал никаких надежд на возможность их переписки, — сообщил он Деборе. — Таким образом, ты вольна отвечать или не делать этого, можешь поступать так, как считаешь нужным». Не имеется ни малейшего намека на то, что госпоже Франклин понравилось это предложение[231].

Что же касается Уильяма, то здесь Франклин оказался не только плохим сватом, но и еще более неудачным образцом для подражания. Приблизительно в это время, вероятно, в феврале 1760 года, Уильям пошел по стопам своего отца, став отцом внебрачного сына, Уильяма Темпла Франклина, известного как Темпл. Его матерью, по-видимому, была уличная женщина, которая (как и собственная мать Уильяма), похоже, никогда больше не давала о себе знать. Уильям признал отцовство, но вместо того, чтобы немедленно найти себе жену и принять ребенка в свой дом (как это сделал его отец), тайно отдал сына в приемную семью[232].

Темпл впоследствии стал любимым внуком Бенджамина Франклина, который присматривал за его образованием, а затем взял под крыло как личного секретаря. Позже, когда во время Войны за независимость дед и отец оказались по разные стороны

баррикад, Темпл стал разменной картой в душераздирающей борьбе за верность и преданность, в борьбе, которую выиграл Франклин, заплатив за это очень высокую цену. Но пока что он находился вне поля зрения, а Уильям наслаждался водоворотом лондонской жизни и путешествиями со своим прославленным отцом.

Самой запоминающейся стала поездка по Европе летом 1761 года. Из-за того что Британия по-прежнему находилась в состоянии войны с Францией, они поехали в Голландию и Фландрию. Франклин замечал, что религиозные обычаи соблюдались в этих краях не так строго, как в Америке. С удовольствием он наблюдал, как проходят воскресенья, то есть дни отдохновения. «После обеда люди всех сословий отправлялись на спектакль или оперу, в которых много пения, развлечений и танцев, — сообщал он другу в Коннектикут. — Я озирался в поисках наказания Господнего, но не нашел никаких признаков такового». Он с некоторой иронией решил, что это подтверждает его предположение — Бога не так тревожат удовольствия людей в день отдохновения, как считают пуритане. Счастье и достаток во Фландрии, писал он, «без малого могут навести на подозрения, что Бог меньше сердится на эти нарушения, чем правосудие Новой Англии».

Слава ученого гарантировала Франклину торжественный прием везде, куда бы он ни приехал. В Брюсселе принц Чарльз Лотарингский показал им оборудование, купленное для повторения эксперимента с электричеством, который проводил Франклин. В Лейдене состоялась встреча двух великих ученых, изучавших электричество: Франклин пообщался с Питером ван Мушенбруком, изобретателем лейденской банки. Профессор сообщил, что вот-вот собирается опубликовать книгу с информацией из письма, которое Франклин писал ему об электричестве, но, увы, Мушенбрук умер две недели спустя после отъезда Франклина[233].

Канада и империя

Франклин прервал поездку по Европе, чтобы вернуться в Лондон и поприсутствовать на коронации короля Георга III в сентябре 1761 года. По-прежнему оставаясь гордым приверженцем британской монархии, он возлагал большие надежды на нового короля и считал, что тот поможет защитить колонии от тирании хозяев.

В Америке война с французами и индейцами фактически завершилась, когда Англия и ее колонии захватили контроль над Канадой и Карибскими сахарными островами, принадлежавшими Франции и Испании. Однако после этого в Европе развернулся еще более масштабный конфликт между Британией и Францией, известный как Семилетняя война, которая продлилась до заключения Версальского мирного договора в 1763 году. Желание расширить королевскую империю подтолкнуло Франклина принять меры по убеждению британского правительства, находившегося в состоянии переговоров, не отдавать Канаду назад Франции в обмен на несколько Карибских островов. Написав анонимную статью в лондонской газете Страхана Chronicle, он воспользовался старой уловкой и в форме пародии привел десять остроумных причин, по которым Канаду следует вернуть Франции. Среди них значились такие:

> Нам следует вернуть Канаду, поскольку в огромной стране, где так легко осуществлять перевозки по воде, непрерывная торговля с индейцами увеличит наши сообщения, которые и так уже слишком хороши…
>
> Нам следует вернуть ее, чтобы благодаря увеличенным поставкам бобрового меха неотесанная секта квакеров смогла дешевле покупать широкополые шляпы.
>
> Нам следует вернуть Канаду, поскольку так мы поскорее сможем вступить в следующую войну и получить прекрасную возможность провести еще два или три миллиона лет в Америке, в постоянной опасности стать несметными богачами.

Далее, уже в более серьезном тоне, он написал памфлет в пятьдесят восемь страниц, озаглавив его «Выгода Великобритании с учетом ее отношений с колониями», в котором настаивал, что контроль над Канадой принесет пользу Британской империи и поможет защитить американские колонии от постоянной угрозы

Франции и ее индейских союзников. «Оставить французов владеть Канадой, в то время как в нашей власти устранить их, — писал он, — кажется, небезопасно и неразумно».

В памфлете он очень подробно размышлял о Канаде, но также поднял и другую, даже более важную тему: отношения между Британией и колониями. Франклин писал, по-прежнему оставаясь верным и пылким сторонником империи, «счастливым, поскольку теперь мы находимся под властью лучшего из королей». Жители колоний, настаивал он, «страстно желают славы монархии, увеличения ее власти и торговых возможностей, грядущих благосостояния и спокойствия для всех британцев». Чтобы обеспечить продолжительный покой, писал он, лучше всего наделить их безопасными и богатыми землями, чтобы колонии могли расширяться.

Франклин сформулировал свою теорию происхождения истинных причин нарастающей напряженности между Британией и колониями. Именно ее он впервые озвучил девятью годами ранее в «Наблюдениях за увеличением рода человеческого». На его взгляд, конфликты вырастали из отношения британских меркантилистов, чем-то напоминающих хозяев колонии: они рассматривали колонии только как рынок. Вследствие этого люди настроены против развития производства в колониях, против прав на самоуправление. В памфлете он допускал, что подобное отношение может и вовсе спровоцировать «будущую независимость наших колоний».

По словам Франклина, чтобы превратить Америку в цветущий край, не превращая ее в центр обрабатывающей промышленности, нужно оставить Канаду себе и таким образом гарантировать обилие земли для новых поселений. «Нет такого человека, который, имея возможность обзавестись собственным участком земли и своим трудом содержать семью в достатке, обеднеет настолько, чтобы стать производителем и работать на хозяина, — писал он. — Следовательно, пока в Америке достаточно земли, в ней никогда не будет промышленников, ни в каком количестве и виде». Таким образом, Америка, расширяющая территории, будет всегда предоставлять рынок для британских товаров.

Он также утверждал, что если Британия уйдет от «тирании и угнетения», в колониях не возникнет опасности восстания. «До тех пор пока отношение правительства будет добрым и справедливым, пока важные гражданские и религиозные права будут оставаться в неприкосновенности, подданные будут исполнительны и послушны». После чего Франклин упомянул метафору, найденную во время недавних исследований волн на

воде: «Волны поднимаются только тогда, когда дует ветер».

Таким образом, он пришел к выводу, что колонии сослужат Британии лучшую службу, если к местным жителям относиться как к полноправным гражданам империи с равными привилегиями, а также социальными и экономическими правами. В конце концов ему не удалось убедить британских министров в правильности своего видения имперской экспансии. Но он и другие люди, высказывавшиеся за удержание Британией Канады, все же одержали победу[234].

Сладостно-горькое прощание

Летом 1762 года, пять лет спустя после прибытия, Франклин наконец-то решил, что пришло время возвращаться домой. Изнутри его разрывали противоречия. Он любил свою жизнь в Англии, всеобщее одобрение (его только что наградили почетной степенью доктора в Оксфорде), а также друзей и женщин, заменивших ему семью.

Но решение далось несколько легче, чем ожидал Франклин, поскольку он предполагал, что скоро вернется. «Сейчас притяжение разума лежит на другой стороне океана, однако притяжение сердца останется на этой, — писал он Страхану. — Вы ведь знаете, какое обычно побеждает». И в самом деле, влечение к Англии победило. Однако он был настроен слишком оптимистично относительно своей личной и общественной жизни, когда добавил: «Вероятно, это колебание будет единственным, и я поселюсь здесь навсегда. Ничто не помешает этому, если я смогу, а я надеюсь, что смогу, убедить миссис Ф. сопровождать меня»[235].

Уильям также был готов вернуться, поскольку ему нужна была работа. Он подал заявление на должность заместителя генерального секретаря Северной Каролины и навел справки о возможностях в таможенной службе в зоне Карибского моря. Но удача и хорошие связи привели к тому, что волей случая его карьера сложилась даже лучше. Незадолго до этого был отозван королевский губернатор Нью-Джерси, а его предполагаемый заместитель решил отклонить назначение. Действуя исподтишка, чтобы избежать вмешательства Пеннов, Уильям повлиял на должностных лиц с помощью друга Бенджамина Франклина Джона Прингла, который был доктором и близким советником лорда Бьюта, нового премьер-министра Великобритании. Когда стали известны новости о кандидатуре Уильяма, Пенны попытались тайно воспрепятствовать, распространив слухи о его незаконнорожденности, но действия это не возымело.

Назначение Уильяма частично было продиктовано желанием Бьюта и других обеспечить лояльность его знаменитого отца, но нет никаких признаков того, что старший Франклин приложил усилия, чтобы помочь сыну. Годы спустя Франклин рассказывал друзьям во Франции, что пытался отговорить сына занять этот или любой другой пост под патронажем, рассказав ему, как когда-то в детстве слишком много заплатил всего лишь за какую-то свистульку. «Подумай о том, во сколько однажды тебе обойдется эта свистулька, — сказал он Уильяму. — Почему бы не стать

столяром или колесным мастером, если тебе недостаточно того, что я оставлю тебе? Человек, который живет собственным трудом, по крайней мере свободен». Уильям, однако, был до безумия влюблен в титул «его превосходительство», который казался ему дорогой, даривший возможность выйти из тени отца[236].

Заняв государственную должность, Уильям столкнулся с необходимостью жениться. Поэтому, предвкушая назначение, он планировал женитьбу на Элизабет Даунс, милой девушке из хорошей семьи, дочери плантатора, завсегдатая высшего общества тори, которого он встречал на баллах в Лондоне. Его отцу было очень сложно отказаться от надежд на брак сына с Полли Стивенсон, но в итоге «согласие и одобрение» были получены.

В письме к сестре Джейн Франклин открыто признавался, что доволен новым назначением Уильяма и еще больше — его женитьбой. «Эта леди обладает настолько милым нравом, что его нынешний выбор мне приятнее прошлого. Также у меня нет сомнений, что он будет в равной мере хорош и как губернатор, и как муж, ведь у него верные принципы и подходящие планы, на мой взгляд, он не лишен правильного понимания сути вещей». Тем не менее Франклин, питавший такое расположение к молодым дамам и приобретенным членам семьи, так и не сблизился с Элизабет, ни тогда, ни в дальнейшем.

На самом деле Франклин был далеко не так восторженно настроен. Напротив, успехи сына скорее тревожили его. Женитьба Уильяма на женщине из высшего общества означала провозглашение независимости, а назначение на пост губернатора предвещало дальнейшее неподчинение отцу. В действительности это значило, что у Уильяма, которому тогда исполнился приблизительно тридцать один год, при более высоком положении в обществе, чем у отца, вероятно, усугубится неприятная склонность к элитарному апломбу.

Тучи сгущались, и не существовало громоотвода, чтобы отвести эмоциональный заряд. Первые признаки напряжения, которое нарастало между отцом и сыном, появились, когда 24 августа 1762 года Франклин решил уехать из Англии. В этот день в газетах появились новости о запланированном назначении Уильяма. Это произошло почти за две недели до предстоящей свадьбы. Четвертого сентября Уильям сочетался браком с Элизабет Даунс в модной церкви Святого Георгия на Хановер-сквер, где он поцеловал перстень молодого короля Георга III и принял полномочия. Его отец, который за год до этого поспешил вернуться в Лондон из Фландрии, чтобы своими глазами увидеть коронацию Георга III, при этом не присутствовал. После свадьбы

Уильям и Элизабет отправились в Нью-Джерси, оставив незаконного ребенка Уильяма в Англии.

Франклин, умевший демонстрировать по отношению к членам своей семьи холодную отчужденность, ни разу не выразил ни малейших сожалений и не принес извинений за то, что пропустил знаковое событие в жизни сына. В прощальном письме к Полли Стивенсон звучит сожаление о том, что она не стала его невесткой. В письме, написанном от третьего лица из «убогой гостиницы» в Портсмуте, он жаловался, что «когда-то смел надеяться», будто она «может принадлежать ему, став его собственным и любимым ребенком, но теперь уж более не может утешить себя этими сладостными надеждами». Тем не менее хотя сын и не женился на Полли, Франклин обещал, что его собственная отеческая любовь остается неизменной. Выразив больше эмоций, чем он когда-либо озвучивал относительно собственной дочери, Франклин распрощался с Полли: «Прощайте, мой дорогой ребенок: я буду называть вас так. Почему бы мне не величать вас ребенком, если я люблю вас со всей нежностью и искренностью отца?»[237]

Миссия Франклина в Лондоне окончилась неоднозначно. Спор о налогообложении хозяев колонии на какое-то время разрешился компромиссом. Также удалось отчасти снять разногласия по вопросу сбора средств для обороны колоний в конце франко-индейской войны. Неразрешенным, однако, оставался основной вопрос — колониального правления. Для Франклина, который видел себя в равной мере британцем и американцем, ответ был очевиден. Полномочия колониальных ассамблей нужно усиливать до той поры, пока они не станут точной копией полномочий парламента. Англичане на американской стороне океана должны иметь те же привилегии, что и англичане в Англии. Однако после пяти лет, проведенных в Англии, он начал осознавать: Пенны не единственные, кто иначе смотрит на вещи.

По дороге домой Франклин вернулся к изучению успокаивающего воздействия масла на воду. К этому моменту его метафорические сравнения стали более тревожными. Фонари на борту корабля содержали густой слой масла, под которым находилась вода. Поверхность всегда была спокойной и ровной. Если смотреть, стоя над фонарем, кажется, что масло успокоило волнение. Но если взглянуть на лампу со стороны, когда видны оба слоя, становилось очевидно, писал Франклин, что «вода под маслом находится в большом волнении». Даже несмотря на то, что масло создавало видимость спокойствия, вода под верхним слоем по-прежнему «непредсказуемо поднималась и падала».

Франклин понимал: эту силу нельзя так просто успокоить, даже наиболее разумно употребив масло[238].

Глава 9. В отпуске, дома *(Филадельфия, 1763–1764)*

Странствующий почтмейстер

Когда в феврале 1763 года Уильям Франклин прибыл в Филадельфию — его отец к тому времени уже три месяца находился в городе, — напряженность в отношениях между ними испарилась. Уильям вместе с новой женой провел четыре дня в доме Франклина, приходя в себя после тяжелого зимнего плавания. Затем отец и сын отправились в Нью-Джерси. Так как поднялась метель, местные жители выехали им навстречу на санях, чтобы проводить их до небольшой деревни Перт-Эмбой, насчитывавшей около двухсот домов. После того как Уильям принес там присягу, обязательную при вступлении в губернаторскую должность, они отправились для повторения этой церемонии в другую столицу колонии, Берлингтон, где торжества завершились «праздничными кострами, колокольным звоном и стрельбой из ружей в воздух».

В Филадельфии недруги Франклина были напуганы тем, что король назначил его сына на высокую должность. Однако Томас Пенн, хозяин колонии, в письме из Лондона выразил предположение, что это назначение успокоит всех. «Мне сказали, что мистер Франклин станет более сговорчивым, и я уверен: так и будет, — писал он. — Его сын обязан будет выполнять директивы из Лондона, а отец, находясь в Пенсильвании, не сможет этому помешать»[239].

Но это оказалось попыткой с негодными средствами: Франклин (по крайней мере в то время) хорошо видел различия между указаниями хозяев колонии и королевскими указами. Тем не менее первый год после возвращения в Америку выдался спокойным. Он действительно стал более сговорчивым в отношении политики Пенсильвании — отчасти потому, что в то время был не так сильно вовлечен ни в политическую, ни в общественную жизнь колонии. В апреле Франклин отправился в семимесячную поездку общей протяженностью 1780 миль с целью проведения почтовой инспекции на огромной территории от Виргинии до Нью-Гемпшира. Как всегда, его увлекала перспектива нового путешествия, возможность удовлетворить свои разносторонние интересы и не слишком привязываться к семейному очагу и к дому.

В Виргинии он совершил один из тех благородных поступков, которые даже в трудные времена позволяли ему приобретать больше преданных друзей, чем врагов. Его коллега из почтового министерства Уильям Хантер умер, оставив незаконнорожденного сына, лишенного средств к существованию.

Один из друзей Хантера попросил Франклина позаботиться о мальчике и помочь ему получить образование. Это была трудная задача, и поначалу Франклин не слишком хотел брать на себя такое обязательство. «Подобно другим пожилым людям, я начинаю все больше заботиться о своем покое, — написал он. — Но я с удовольствием выполню вашу просьбу». Сам имея незаконнорожденных сына и внука, он с пониманием отнесся к ситуации, решив, что и Хантер сделал бы для него то же самое[240].

Франклин надеялся, что после смерти Хантера он, отслуживший двадцать четыре года на этой должности, останется единственным почтмейстером в колониях. Но этого не произошло. Несмотря на пламенное обращение Франклина к лондонскому начальству, губернатор Виргинии смог добиться назначения своего секретаря Джона Фокскрофта новым партнером Франклина. Умение Франклина ладить с людьми вновь оказалось как нельзя кстати, и он, будучи в Виргинии, сумел подружиться с Фокскрофтом. Впереди был непочатый край работы. Еще одной частью Британской империи к тому моменту стала Канада, и они организовали доставку писем в Монреаль, а также наладили регулярные рейсы почтово-пассажирских судов к островам Вест-Индии и ночную перевозку почты верховыми почтальонами. Теперь человек, отправивший письмо в Бостон, мог получить ответ через шесть дней, а ответ на письмо, отправленное в Нью-Йорк, приходил в течение двадцати четырех часов — результат, удивительный даже в наши дни.

Фокскрофт присоединился к Франклину в Филадельфии, после чего оба отправились в Нью-Йорк, чтобы совершить объезд почтовых отделений на севере. Франклин очень хотел, чтобы Дебора поехала с ним. Он полагал, что если бы она научилась разделять его любовь к путешествиям и страсть к познанию мира, то в один прекрасный день, возможно, даже согласилась бы отправиться вместе с ним в Лондон. Неудивительно, что она снова отказалась стронуться с насиженного места; она была столь же независима в выборе своего пути, как и он в выборе своего. но их отношения были еще настолько близкими, что он дал ей разрешение вскрывать любую корреспонденцию, приходящую из Англии, «так как тебе доставит удовольствие увидеть, что люди, которые знали меня там так долго и так близко, остаются столь искренними по отношению ко мне». Здесь проявлялось не только его тщеславие: он надеялся, что письма смогут ослабить ее нежелание ехать в Англию[241].

Вместо Деборы он взял с собой дочь Салли, которой на тот момент было девятнадцать лет. Эта поездка должна была стать

для нее своего рода выездом в свет. В Нью-Джерси они остановились у Уильяма и Элизабет, которые брали их с собой и на официальные приемы, и на экскурсии по живописным окрестностям. Затем на лодке они доплыли до Ньюпорта, где Салли имела удовольствие (и это не преувеличение) встретиться с давней отцовской симпатией по имени Кэти, теперь уже Кэтрин Рэй Грин, замужней женщиной и матерью двух дочерей. (Никогда не забывавший тех женщин, которые становились частью его — в широком понимании — семьи, он также обменялся во время поездки письмами с Полли Стивенсон, заметив, что «нежная дочерняя забота, которую вы постоянно проявляете о своем старом друге, особенно ему приятна».)[242]

Когда Франклин при выходе из экипажа упал и вывихнул плечо, Салли хотела задержаться в Ньюпорте, чтобы вместе с Кэти заняться его лечением, но он спешил в Бостон. Они пробыли там два месяца, и все это время Франклин жил у сестры Джейн Миком, а Салли — у кузин, обладательниц клавесина. «Я не хочу лишать ее возможности практиковаться», — объяснял Франклин Джейн и с нежностью добавлял: «зато я смогу проводить больше времени со своей дорогой сестрой».

Бóльшую часть времени в Бостоне Франклин провел в четырех стенах. Он страдал от последствий еще одного падения, случившегося во время кратковременной поездки в Нью-Гемпшир. и вновь он вывихнул плечо. Поскольку большинство его бостонских родственников уже умерли, а запас собственных жизненных сил к пятидесяти семи годам поубавился, то в его письмах стало больше размышлений и меньше игривости. «Я еще не в состоянии передвигаться по ухабистым дорогам», — жаловался он Кэти. Несмотря на это, он по-прежнему не терял надежды еще раз побывать в Англии. «Ни один друг не может желать, чтобы я съездил в Англию, больше, чем я сам, — писал он Страхану. — Но прежде чем я отправлюсь, должно быть улажено все, что беспокоит меня здесь: тогда последующее возвращение в Америку станет для меня необязательным»[243].

Вернувшись в Филадельфию в ноябре, он обнаружил: теперь ему труднее, чем когда-либо прежде, устроить дела таким образом, чтобы обеспечить себе спокойную тихую жизнь в Англии. Впереди его ждали еще более серьезные политические события и четыре плавания через Атлантику. Семимесячная поездка по колониям и время, проведенное в Англии, поставили его в уникальную ситуацию, и в приближавшихся политических штормах он смог сыграть особую роль. Как крупный издатель, а затем почтмейстер, он оказался одним из немногих, кто смотрел на Америку как на единое целое. для него колонии не были

просто разнородными территориями. Они виделись ему как новый мир, скрепленный общими интересами и идеалами.

Во время почтовой инспекционной поездки Франклин нарисовал план собственного трехэтажного кирпичного дома на Маркет-стрит и составил инструкцию по строительству. Дом располагался всего в нескольких шагах от того места, где много лет тому назад Дебора впервые увидела юного беглеца. Со времени вступления в гражданский брак в 1730 году они жили по меньшей мере в шести арендованных домах, но никогда не имели собственного. Теперь, впервые в жизни, появится место, где они смогут наслаждаться всеми теми вещами, которыми обзавелись с тех пор, как Дебора купила китайскую фарфоровую чашку для завтрака: губной гармоникой и клавикордами, печью и научными инструментами, библиотекой и кружевными занавесками.

Привязывался ли Франклин к дому? В каком-то смысле, несмотря на свою любовь к путешествиям и периодическое охлаждение отношений с домочадцами, стареющий странник, где бы он ни жил, в душе всегда любил семейную жизнь. Он любил свою Хунту и свои клубы, заведенный порядок жизни и суррогатные семейные отношения, установленные в Англии. Он также оставался внимательным и даже заботливым по отношению к жене и детям, а также к родственникам, даже когда отдавался неистребимой страсти к путешествиям. Возводил он новый дом для собственного удовольствия или же для своей семьи, неясно. Возможно, он строил его только для себя. В любом случае любовь к проектам заставляла его глубоко вникать во все детали, вплоть до качества дверных петель и ручек.

Несмотря на все, что Франклин писал Страхану, вопрос, по какую сторону океана он будет жить, оставался по-прежнему не разрешенным. Дебора, конечно, не желала уезжать дальше нескольких сотен ярдов от места, где она выросла. «Моя мать настолько не любит плавать по морю, что отцу, скорее всего, не удастся еще раз повидать Англию», — утверждал Уильям в письме Страхану. «Сейчас он строит дом, чтобы жить в нем». Франклин рассматривал также идею получения участка земли в Огайо, обращая свой взор на запад, а не на восток. В конце 1776 года он признался Страхану, что не знает, где бы хотел провести оставшиеся годы. «Вскоре мы увидим, как сложится жизнь»[244].

Пакстонские парни

Планы Франклина на будущее отчасти зависели от действий нового губернатора Пенсильвании Джона Пенна, который был племянником владельца колонии Томаса Пенна и вместе с Франклином избирался делегатом на конференцию в Олбани. Франклин был преисполнен надежд. «Он воспитанный человек, — писал Франклин Коллинсону, — и поэтому, я думаю, мы не будем иметь личных разногласий, по крайней мере я не буду давать для этого никакого повода».

Первая проблема, с которой столкнулись Пенн и Ассамблея Пенсильвании, была связана с защитой границ. Победа британцев в войне против французов и индейцев не полностью обеспечила мир, и поселенцы на Западе страдали от набегов племени оттава под предводительством вождя по имени Понтиак. К осени 1763 года вооруженная борьба утихла, но не утихло недовольство обитателей лесных приграничных районов Пенсильвании. Это недовольство прорвалось наружу 14 декабря, когда толпа из более чем пятидесяти поселенцев из окрестностей городка Пакстон убила шестерых мирных безоружных индейцев, недавно обращенных в христианство. Две недели спустя еще более многочисленная толпа убила четырнадцать индейцев, проживавших в расположенном поблизости работном доме.

Пакстонские парни, как стали называть быстро растущую банду переселенцев, главным образом состоявшую из пенсильванцев, заявили: следующей их целью будет Филадельфия, где нашли прибежище еще сто сорок мирных индейцев. Они грозили убить не только индейцев, но и тех белых, которые станут их защищать, включая и известных квакеров. Это побудило одних квакеров забыть о своем пацифизме и взяться за оружие, а других попросту бежать из города. Бунт угрожал перерасти в самый серьезный кризис, с которым когда-либо сталкивалась Пенсильвания, — фактически в настоящую гражданскую и религиозную войну.

По одну сторону находились жители приграничных районов, главным образом пресвитериане, и симпатизировавшие им городские рабочие, включая многих немецких лютеран и пресвитериан ирландского и шотландского происхождения. По другую сторону — квакеры из Филадельфии, известные склонностью к пацифизму и желанием торговать с индейцами. Хотя теперь квакеры численно уступали немецким иммигрантам, в Ассамблее доминировали они, причем настойчиво противились увеличению расходов на охрану границы. Богатые

филадельфийские коммерсанты из числа приверженцев англиканской церкви, обычно поддерживавшие владельцев колонии в борьбе против Ассамблеи, оказались союзниками квакеров, по крайней мере временно.

Был выпущен злобный памфлет. Филадельфийские пресвитериане, поддерживавшие лесных собратьев, резко критиковали квакеров за заигрывание с индейцами и за нежелание предоставить жителям приграничных районов надлежащее представительство в Ассамблее, гарантированное хартией. В конце января 1764 года Франклин ответил на него собственным памфлетом. Напечатанный под названием «Рассказ о последних массовых убийствах в округе Ланкастер», он оказался одним из его самых эмоциональных сочинений.

Франклин начал с яркого описания каждого из убитых индейцев, обращая особое внимание на кротость их характера, приводя их английские имена. «Эти несчастные беззащитные существа были безжалостно застрелены, заколоты или зарезаны!» — восклицал он, приводя подробности зверского убийства. Самый старший индеец был «разрезан на куски в своей постели», другие были «скальпированы или зарублены».

Далее Франклин описывал второе массовое убийство, произошедшее двумя неделями позже, в еще более леденящих кровь выражениях:

> У них не было оружия, чтобы защитить свои маленькие семьи. Дети бросились к родителям за защитой. Они падали на колени, кричали, что ни в чем не повинны, что любят англичан, что за всю свою жизнь не причинили им никакого зла. и все они были зарублены! Мужчины, женщины, маленькие дети — все были зверски убиты, причем абсолютно хладнокровно!

Пакстонские парни считали всех индейцев одинаковыми и не хотели видеть в них людей. «Разве можно объявить войну, — заявлял их идеолог, — части нации, а не всей нации?» Франклин в свою очередь использовал памфлет, чтобы осудить националистические предубеждения и защитить терпимость, лежавшую в основе его политического кредо. «Если индеец причиняет вред мне, разве из этого следует, что я должен мстить за это всем индейцам? — спрашивал он. — Единственное преступление этих бедняг, по-видимому, состоит в том, что они имеют красноватую кожу и черные волосы». Аморально, утверждал он, наказывать человека за то, что, возможно, сделали другие представители его расы, племени или группы. «Если какой-то мужчина с веснушчатым лицом и рыжими волосами

убьет мою жену или моего ребенка, что же, я вправе убивать всех веснушчатых и рыжеволосых мужчин, женщин и детей, которых впоследствии встречу?!»

Подкрепляя свою точку зрения, он предоставил исторические примеры того, как разные народы — евреи, мусульмане, мавры, чернокожие и индейцы — демонстрируют нравственное поведение и толерантность. В заключение Франклин указывал: если пакстонские парни попытаются направиться в Филадельфию, необходимо всем миром дружно встать у них на пути и отдать их под суд. Игнорируя незначительные противоречия, он предупреждал о коллективной вине, которая в противном случае ляжет на всех белых. «Пока правосудие не свершится, вина за убийство будет лежать на всей нации»[245].

Этот памфлет позднее принес Франклину-политику много вреда, поскольку отражал его изначальное предубеждение к немецким поселенцам, а также пожизненное отвращение к пресвитерианско-кальвинистскому учению. Он высказал отвращение к жителям пограничных областей, назвав их «варварами», которые своими действиями навлекли «вечный позор на свою страну и людей своего цвета кожи». Хотя Франклин и был во многих отношениях популистом, он с подозрением относился к черни. Его взгляды, как обычно, отражали точку зрения среднего класса, не доверявшего ни неумытому сброду, ни сформировавшимся элитам.

В субботу 4 февраля, через неделю после выхода памфлета Франклина, губернатор Джон Пенн созвал массовое собрание вблизи здания законодательного органа штата. Пакстонские парни начали движение к городу. Поначалу Пенн выказал решимость. Он приказал арестовать главарей банды, распорядился вывести на передовые позиции британские войска и призвал собравшихся присоединиться к отрядам народной милиции, которые организовывались в том числе и под руководством Франклина. Даже многие квакеры взялись за оружие, в то время как большинство городских пресвитериан это сделать отказались.

В субботу около полуночи толпа из двухсот пятидесяти человек достигла Джермантауна, расположенного к северу от Филадельфии. Звон церковных колоколов подал сигнал тревоги, и в возникшем хаосе образовался неожиданный альянс. Губернатор Пенн, как писал Франклин своему другу, «после сигнала тревоги оказал мне честь, явившись в полночь ко мне вместе со своими помощниками за советом и с просьбой сделать мой дом на какое-то время его штаб-квартирой». Пенн зашел настолько далеко, что предложил Франклину контроль за

народным ополчением, от чего Франклин благоразумно отказался. «Я предпочел носить мушкет и укреплять власть губернатора, служа примером послушного выполнения его приказов»[246].

Франклин и другие горожане, включая многих квакеров, хотели, чтобы губернатор отдал приказ об атаке. Вместо этого Пенн решил направить делегацию из семи видных граждан города, включая и Франклина, на встречу с пакстонскими парнями. «Принятый нами боевой вид и аргументы, которые мы использовали в переговорах с инсургентами, — вспоминал позже Франклин, — восстановили спокойствие в городе». Толпа согласилась разойтись при условии, что нескольким вожакам будет позволено войти в город, чтобы подать жалобы.

По мере того как напряженность в отношениях с пакстонскими парнями ослабевала, антагонизм между Франклином и Пенном восстанавливался. Франклин выбрал жесткий курс действий. Он хотел, чтобы губернатор и Ассамблея единым фронтом выступили против пакстонских делегатов и задержали их как ответственных за массовые убийства. Однако губернатор понимал политические выгоды союза с пресвитерианами и немецкими иммигрантами, которые симпатизировали жителям пограничных районов (и были оскорблены резкими словами, которые написал Франклин). Поэтому он встретился с представителями пакстонских парней тайно, вежливо их выслушал и пообещал не выдвигать против них никаких обвинений. По их предложению он также организовал выплату щедрых вознаграждений за каждый скальп индейца — мужской или женский.

Франклин негодовал. «Такие действия заставляют испытывать презрение к нему самому и к его правительству, — писал он другу. — Все уважение к нему со стороны Ассамблеи утрачено. Все надежды на счастье при правительстве хозяев рухнули». Его чувства были взаимными: в письме к дяде, хозяину колонии Томасу Пенну, губернатор Джон Пенн столь же строго порицал Франклина: «Здесь никогда не будет надежд на покой и счастье, пока этот негодяй обладает свободой распространять зловредную отраву, которой наполнено его черное сердце».

Черная горечь действительно начала проникать в сердце Франклина, обычно столь оптимистичное. Ограниченный пределами Филадельфии и втянутый в интриги бесчестных политиков, лишенный покоя дома и находивший мало удовлетворения в своих научных и профессиональных интересах, Франклин частично утратил жизнерадостную манеру поведения. Его письма того времени содержат скорее резкие, чем

юмористические оценки политиков и даже довольно мрачные пассажи. Своему лондонскому другу-квакеру, практикующему врачу Джону Фотергиллу, Франклин писал: «Вы тешите себя приятной мыслью, что творите добро? Вы ошибаетесь. Половина людей, которых вы спасаете, вовсе того не стоят, так как они совершенно бесполезны, а почти вся другая половина не должна спасаться, потому что эти люди приносят вред»[247].

И снова борьба с владельцами колонии

Итак, борьба между губернатором и Ассамблеей возобновилась, причем в еще более острой форме. Они сражались за контроль над милицией, над маяком и, разумеется, над налогами. Ассамблея одобрила закон налогообложений поместий владельцев колонии, за которым последовала общая идея компромисса по вопросу о Тайном совете. Франклин от лица Ассамблеи написал губернатору письмо с предупреждением, что наложение вето на законопроект «несомненно усилит позор и вину, лежащие на семьях владельцев, и вызовут еще большее (если это возможно) презрение к правительству»[248].

На карту был поставлен не принцип правления, а власть над Пенсильванией. Франклин понимал: партия владельцев колонии имеет теперь прочную поддержку жителей пограничных районов и их ирландских, шотландских и немецких родственников. Это усилило его решимость продолжить неравную борьбу за реализацию своей мечты — убедить британцев отозвать хартию, дарованную хозяевам, и сделать Пенсильванию колонией британской короны.

Большинство жителей Пенсильвании не разделяли его предпочтений. Купеческая аристократия Филадельфии находилась в дружеских отношениях с семейством Пеннов. Проживавшие в приграничных районах пресвитериане и этнические группы рабочих создали новый союз после истории с пакстонскими парнями, к тому же они боялись, что возвращение королевской власти принесет восстановление власти официальной английской церкви, от которой когда-то бежали их недовольные предки. Даже такие известные квакеры, как Айзек Норрис{47} и Израэль Пембертон{48}, склонные к союзу с Франклином, с подозрением отнеслись бы к новой хартии, которая частично отменяла бы религиозные свободы, гарантированные много лет тому назад ныне покойным Уильямом Пенном. Своим упрямством Франклин вносил разброд в стан своих друзей и способствовал объединению врагов.

Также и в Лондоне имелось не больше поддержки идее восстановления королевской власти, чем в то время, когда Франклин начинал там кампанию в качестве дипломатического агента Ассамблеи Пенсильвании. Лорд Гайд, бывший боссом Франклина в британском почтовом ведомстве, писал: даже те королевские министры, которые, возможно, и не прочь «прибрать колонию к рукам», не желали мериться силами с семейством Пеннов. Он официально предупредил Франклина, как

получившего назначение от короля, о том, что «от всех чиновников, служащих короне, ожидают помощи правительству». Франклин пошутил по поводу этого предостережения, заявив, что он «не будет ограничен Гайдом»[249].

Тем не менее Франклин по-прежнему эффективно контролировал Ассамблею и в марте 1764 года добился двадцати шести резолюций — «ожерелья резолюций», как он говорил, — требующих отставки правительства владельцев колонии. Хозяева, как утверждал он, действовали «тиранническими и негуманными» способами. Они использовали угрозу, исходившую от индейцев, «чтобы вымогать у людей привилегии для себя… приставляя к горлу нож дикарей». В последней резолюции заявлялось: Ассамблея будет спрашивать мнения граждан, следует ли направить королю «смиренное обращение» с просьбой «проявить милость и взять жителей провинции под свою защиту и правление».

Результатом стала кампания по сбору подписей за отставку правительства владельцев колонии. Франклин напечатал петиции на английском и немецком языках и даже подготовил несколько видоизмененную версию для квакерского сообщества, но его сторонники смогли собрать всего три с половиной тысячи подписей. Противники же изменений смогли собрать пятнадцать тысяч подписей в поддержку своей позиции.

И вновь появился памфлет. Это сочинение Франклина «Хладнокровные размышления о текущей ситуации» оказалось намного горячее, чем предполагало название. Автор не был, по крайней мере в тот момент, настолько бесстрастным, чтобы не использовать в споре привычное оружие — юмор, сатиру и иносказания. В памфлете критиковались уступки пакстонским парням и неспособность управлять колонией. «Религия, к счастью, не имеет никакого отношения к нашим сегодняшним расхождениям, хотя серьезные страдания приносит нам необходимость вмешиваться в ссору», — писал он, будучи не вполне корректным. Но в любом случае, продолжал он, именно корона, а не владельцы колонии, с наибольшей вероятностью защитит религиозные свободы.

Новым оппонентом Франклина стал Джон Дикинсон — зять одного из лидеров квакеров Айзека Норриса. Дикинсон был когда-то другом Франклина и не являлся ярым сторонником владельцев колонии, однако он разумно доказывал, что не следует так легко отказываться от гарантий, имевшихся в хартии Пенна, и предполагать, что королевские министры окажутся более просвещенными людьми, чем члены нынешнего правительства. Норрис, не желая находиться под перекрестным

огнем, притворился больным и в мае ушел с поста спикера Ассамблеи. Вместо него на этот пост был избран Франклин.

Франклину пришлось иметь дело и с более старшим по возрасту противником, также бывшим другом главным судьей Уильямом Алленом, чья горячая поддержка хозяев давно привела к резкому разрыву между ними. Когда в августе Аллен вернулся из поездки в Англию, Франклин совершил «шаг к примирению» — нанес ему визит. В присутствии гостей Аллен осудил его нападки на владельцев колонии. Он заявил, что переход к королевскому правлению будет стоить Пенсильвании сто тысяч фунтов и что эта идея не находит поддержки в Лондоне.

По мере того как приближались выборы в Ассамблею, намеченные на 1 октября, война памфлетов становилась все более жестокой, так как противники Франклина пытались не допустить его переизбрания. В одной анонимной публикации, озаглавленной «Мерка, применимая к одному, должна применяться и к другому», содержались самые разные оскорбительные заявления в адрес Франклина. В частности, утверждалось, будто его сын Уильям — незаконнорожденный ребенок «кухонной девки» по имени Барбара. Также цитировались чуточку измененные антинемецкие пассажи, написанные Франклином ранее. Наконец в этой публикации он безосновательно обвинялся в покупке почетных званий, в стремлении получить должность губернатора от короля и в краже результатов экспериментов с электричеством у других ученых.

В других пасквилях его представляли похотливым развратником:

> Франклин, хотя и в преклонном возрасте,
> Без посторонней помощи приходит в состояние возбуждения
> И проворно берется за дело,
> Когда его приглашает к этому молодое тело[250].

Современные избирательные кампании часто критикуют за чрезмерное использование негативной информации, а современную прессу обвиняют в грубости и непристойности. Но сегодня самые грубые взаимные нападки политических противников бледнеют в сравнении с памфлетами, распространявшимися перед выборами в Ассамблею в 1764 году. Пенсильвания пережила эту кампанию, как пережил ее и Франклин, а американская демократия узнала, что может процветать в условиях неограничиваемой и даже чрезмерной свободы выражений. Как показали выборы 1764 года,

американская демократия построена на фундаменте неограниченной свободы слова. В последующие века процветающими нациями становились те, которые, подобно Америке, комфортно чувствовали себя в условиях самой острой внутриполитической полемики.

День выборов был таким же безумным, как и памфлеты претендентов. Множество избирателей толпилось 1 октября на ступеньках здания законодательного органа Пенсильвании, очередь желающих проголосовать не убывала и после полуночи. Сторонники Франклина смогли добиться, чтобы избирательные участки работали до рассвета, и они будили каждого, кто, как им было известно, еще не проголосовал. Это стало тактической ошибкой. Партия владельцев колоний направила своих агитаторов даже в Джермантаун, чтобы заполучить еще больше голосов. Франклин финишировал тринадцатым из четырнадцати претендентов на восемь мест от Филадельфии.

Однако его фракция сохранила контроль над Ассамблеей, которая быстро проголосовала за направление британскому кабинету петиции против партии владельцев. А в качестве утешительного приза, который, возможно, оказался еще приятнее победы на выборах, она проголосовала (девятнадцать «за» и одиннадцать «против») за то, чтобы отправить Франклина в Англию в качестве своего дипломатического представителя.

Это решение вызвало новый шквал памфлетов. Дикинсон заявил, что Франклин не сможет работать эффективно, потому что его ненавидят Пенны, презирают королевские министры и считают «крайне неприятным человеком очень многие серьезные и уважаемые жители» Пенсильвании. Главный судья Аллен назвал его «самой непопулярной и одиозной личностью в провинции… он постоянно испытывает приступы ярости, разочарования и злобы». Но теперь, когда Франклин должен был снова отправиться в Англию, к нему начала возвращаться уравновешенность. «Теперь я должен покинуть (возможно, навсегда) страну, которую люблю, — писал он. — Желаю всяческого процветания моим друзьям и прощаю врагов»[251].

И вновь его жена отказалась ехать. Не позволила она и взять с собой их дочь. Так почему же он так хотел покинуть дом? Отчасти потому, что скучал по Лондону, а отчасти потому, что чувствовал себя в Филадельфии стесненным и подавленным.

Но имелась и более высокая цель. Франклин разрабатывал концепцию будущего Америки, которая не ограничивалась только высвобождением Пенсильвании из-под власти партии владельцев. В соответствии с планом, подготовленным для конференции в Олбани, предполагались более широкий союз колоний и более

равноправные отношения между колониями и метрополией в рамках увеличившейся в размерах Британской империи. Такие отношения могли бы предусматривать, полагал он, представительство колоний в британском парламенте. Отвечая на опасение, что Британия может обложить колонии налогами, он предложил Ричарду Джексону, которого оставил после себя в Лондоне как представителя Пенсильвании, возможный ответ Америке: «Если вы хотите ввести для нас налоги, то обеспечьте нам представительство в вашей легислатуре{49}, и давайте станем одним народом».

Перед отъездом в Англию в ноябре 1764 года Франклин написал письмо дочери. Оно содержало родительское наставление «быть заботливой и нежной к твоей доброй маме», а также типичные для Франклина советы, такие как «приобретать полезные знания в арифметике и бухгалтерском учете». Но в нем было также и более серьезное указание. «У меня много врагов, — предупреждал он. — Малейшую твою неосторожность они будут представлять как преступление, чтобы серьезнее ранить меня и причинить мне страдание. Следовательно, тебе как никогда необходимо быть крайне осмотрительной во всех твоих поступках, чтобы не дать козырей в руки моим недоброжелателям».

Но он имел также и много сторонников. Более трехсот человек пришли попрощаться с ним, когда он отплывал на корабле из Филадельфии. Был дан прощальный пушечный салют, и собравшиеся исполнили гимн «Боже, храни короля», в котором заменили последние строчки: «Франклин, на тебя мы возлагаем нашу надежду / Бог спасет всех нас». Одним провожавшим он сказал, что намерен вернуться уже через несколько месяцев, другим — что, возможно, не вернется никогда. Неизвестно, чему верил он сам, но, как оказалось, ни одно из предсказаний не было правильным[252].

Глава 10. Агент-подстрекатель *(Лондон, 1765–1770)*

Расширенная семья

Когда Франклин без предварительного уведомления приехал к миссис Стивенсон по старому адресу на Крейвен-стрит, хозяйки не было дома, и горничная сказала ему, что не знает, где она. «Поэтому я сел и стал ждать ее возвращения, — вспоминал Франклин в письме к ее дочери Полли. — Она была сильно удивлена, увидав меня в своей гостиной». Возможно, удивлена, но все же готова к его приезду. Его комнаты оставались не заняты, так как и его друзья, и его суррогатная семья не сомневались, что когда-нибудь он вернется[253].

Это будет совсем короткая поездка, уверял он свою настоящую жену, а возможно, и самого себя. Он хотел вернуться домой к концу лета, о чем и написал Деборе вскоре после прибытия. «Через несколько месяцев я надеюсь закончить здесь дела и вернуться к спокойной жизни в кругу моей маленькой семьи». Она слышала это много раз. Но фактически он уже никогда не увидит ее снова. Несмотря на ее мольбы и ухудшающееся здоровье, он будет продолжать свою становящуюся все более бесполезной миссию свыше десяти лет вплоть до кануна революции.

Эта миссия требовала выполнения сложных маневров ради сохранения хрупкого динамического равновесия, для чего Франклину приходилось прибегать к самым разным хитростям и уловкам.

С одной стороны, он по-прежнему оставался верным роялистом, желавшим сохранить благосклонность королевских министров, чтобы избавить Пенсильванию от ненавистных ему Пеннов. Он также руководствовался личными мотивами: защита своей почтмейстерской должности, возможно, получение еще более высокого назначения и реализация давней мечты о земельном участке. С другой стороны, когда стало ясно, что британское правительство проявляет мало интереса к правам колоний, он вынужден был прилагать усилия для восстановления своей репутации американского патриота[254].

Как бы там ни было, Франклин с удовольствием вернулся к той жизни, которую так любил вести в Лондоне. Известный врач Джон Прингл стал его лучшим другом. Они играли в шахматы, регулярно посещали клубы и вскоре приобрели привычку совершать совместные летние путешествия. Он также близко познакомился с Джеймсом Босвеллом, биографом великого Сэмюэла Джонсона{50}. После одной из проигранных шахматных партий Босвелл записал в дневнике, что Прингл имел

«исключительно угрюмый вид», а Франклин, как всегда, был «весел и остроумен». Франклин и миссис Стивенсон вновь стали жить в обстановке семейного уюта, а Полли, по-прежнему находившаяся за городом у тетушки, продолжала оставаться объектом родительской любви Франклина и его интеллектуального флирта.

Он выбрал Полли в качестве первого потенциального пользователя нового фонетического алфавита, который изобрел во время донкихотских поисков способа упрощения правописания в английском языке. Нетрудно понять, почему этот алфавит не пользовался успехом. «Kansider chis alfabet, and giv mi instanses af syts Inlis uyrds and saunds az iu mee hink kannat perfektlyi bi eksprest byi it» («Познакомьтесь с этим алфавитом и приведите мне примеры тех английских слов и звуков, которые, как вы думаете, не могут быть выражены с его помощью») — так выглядело одно из более-менее понятных предложений, написанных новым способом. После длинного и практически непереводимого на нормальный язык ответа, в котором Полли без энтузиазма сообщала, что алфавит «myit bi uv syrvis» («может использоваться»), она перешла на нормальный английский и заканчивала письмо так: «С искреннем облегчением я могу подписаться по-прежнему…»

То, как терпеливо Полли потворствовала этим лингвистическим фантазиям, — показатель интеллектуальной связи, существовавшей между ними. Фонетическая реформа была абсолютно бесполезной, хотя ей Франклин обычно придавал большое значение, зато стала крайним проявлением его страсти к социальным улучшениям. Она потребовала изобретения шести новых букв, для которых в типографиях не имелось соответствующих литер, и предусматривала отказ от шести существующих, которые Франклин счел ненужными. Отвечая на многочисленные возражения Полли, он настаивал: с трудностями в изучении нового правописания удастся справиться благодаря лежащей в основе логике, и отвергал ее опасения, что слова окажутся оторванными от своих этимологических корней и, таким образом, утратят свою силу. Но вскоре и сам отказался от дальнейших поисков. Через несколько лет он познакомил со своей системой Ноя Вебстера. Знаменитый лексикограф напечатал письма Франклина к Полли в книге Dissertations on the English Language («Диссертации об английском языке», 1789), которую посвятил Франклину. Он назвал проект «исключительно интересным», но добавил: «Будет ли он отвергнут вследствие высокомерия и предубежденности, предстоит решить моим согражданам»[255].

Франклин вывел из безвестности внука Темпла, незаконнорожденного ребенка своего незаконнорожденного сына, и сделал его членом причудливого семейства, сложившегося на Крейвен-стрит. Их отношения были странными даже по меркам семейства Франклинов. Мальчику было четыре года, когда Франклин восстановил с ним родственные связи. Долгое время ребенок находился под присмотром разных женщин, присылавших подробные счета за понесенные расходы (стрижка, прививка, покупка одежды) миссис Стивенсон, а та пыталась получить компенсацию от Уильяма, находившегося в Нью-Джерси. Во всех своих письмах того периода к Деборе, наполненных подробными сведениями о своих друзьях и знакомых, Франклин ни разу не упомянул о Темпле. Но когда мальчику исполнилось девять лет, Уильям робко поинтересовался у отца, нельзя ли сделать так, чтобы его сын стал жить с ним в Америке. «Он смог бы тогда носить свое настоящее имя и быть представлен как сирота, которому я был крестным отцом и которого собираюсь воспитать как собственного сына».

Предчувствуя последующую борьбу за симпатии мальчика, Франклин предпочел взять его под свое крыло. На Крейвен-стрит ребенок был известен просто как Уильям Темпл, и под этим именем Франклин записал его в школу, которой руководил зять Уильяма Страхана, довольно эксцентричный педагог, разделявший увлеченность Франклина реформой правописания. Даже несмотря на то, что Темпл стал членом расширенной семьи Стивенсон, остальные ее члены притворялись (по крайней мере на людях), будто не знают его действительного происхождения. (В конце 1774 года в письме с описанием свадьбы, на которой он был шафером, Полли назвала его «мистером Темплом, молодым джентльменом, который учится здесь в школе и находится на попечении доктора Франклина». Лишь после того как Франклин вернулся со своим внуком в Америку, где тот начал носить настоящую фамилию, Полли призналась, что все время подозревала о существовании между ними каких-то отношений. «Я радовалась, услышав, что он получил фамилию Франклин, на которую, как я всегда знала, он имел определенное право»)[256].

Закон о гербовом сборе 1765 года

В Филадельфии Франклин по-прежнему считался «народным трибуном» и защитником прав колоний. Когда в марте 1765 года весть о его благополучном прибытии в Лондон достигла Америки, в его родном городе «почти всю ночь» звонили колокола, толпы его сторонников «бегали как сумасшедшие», и немалое количество спиртного было выпито за его здоровье. Но радость оказалась недолгой. Франклину предстояло оказаться втянутым в споры по поводу печально известного закона о гербовом сборе, который требовал взимания налога с каждой газеты, книги, альманаха, юридического документа или колоды карт, произведенных на территории колоний[257].

Это был первый случай, когда парламент предложил ввести для колоний крупный внутренний налог. Франклин считал, что парламент имеет право вводить внешние налоги — например таможенные пошлины и тарифы для регулирования торговли. Но считал неразумным и даже антиконституционным обложение внутренним налогом людей, которые не имели своего представительства в законодательном органе. Тем не менее он не проявил должной энергии в борьбе против закона о гербовом сборе. Напротив, в сложившейся ситуации пытался играть роль примирителя.

Вместе с несколькими другими представителями колоний Франклин встретился в феврале 1765 года с премьер-министром Джорджем Гренвиллом, который объяснил, что большие затраты на войны с индейцами делают введение какого-то налога на колонии неизбежным. В чем мог заключаться лучший способ введения налога? Франклин утверждал, что это должно быть сделано в «обычной конституционной манере», то есть посредством направления королем запросов к колониальным легислатурам, обладавшим исключительной властью устанавливать налоги для жителей. Смогут ли Франклин и другие представители, спрашивал Гренвилл, поручиться, что колонии согласятся на выплату нужной суммы, и в каких пропорциях следует распределить эту сумму между колониями? Франклин и другие представители признали, что не могут дать на этот счет твердых гарантий.

Через несколько дней Франклин предложил другой вариант. Он — и как знаток экономической теории, и как печатник — основывался на своем давнем желании: пусть в Америке обращается больше бумажных денег. Парламент, предлагал он, мог бы разрешить выпуск новых аккредитивов, которые

выдавались бы заемщикам под шесть процентов годовых. Бумажные расписки служили бы законным платежным средством и находились бы в обращении наравне с валютой, повышая таким образом денежную массу в Америке. Британия могла бы получать доход в виде процентов, вместо того чтобы вводить прямые внутренние налоги. «Эта мера действовала бы подобно обычному налогу на колонии, но не была бы такой неприятной, — утверждал Франклин. — Богатые, в руках которых сосредоточена основная масса денег, платили бы в действительности бóльшую часть такого налога». Но Гренвилл, по словам Франклина, «был ослеплен желанием ввести гербовый сбор» и отверг предложенную идею. Возможно, это произошло к счастью для Франклина: позже он узнал, что даже его друзья в Филадельфии не поддерживали идею выпуска аккредитивов[258].

Когда в марте закон о гербовом сборе был принят, Франклин занял прагматичную позицию — и тем самым допустил ошибку. Он рекомендовал назначить своего хорошего друга Джона Хагеса чиновником по сбору гербовой пошлины в Пенсильвании. «Выполнение этой задачи может сделать вас непопулярным на какое-то время, но спокойные и твердые действия, направленные в любых обстоятельствах силой вашей власти на благо людей, постепенно примирят вас с ними, — опрометчиво утверждал он в письме к Хагесу. — Между тем верность короне и правительству этой страны всегда будут для вас и для меня самым разумным курсом действий независимо от безумства черни». Желая сохранить хорошие отношения с королевскими министрами, Франклин роковым образом недооценил безумство черни у себя дома.

В этой ситуации весьма разумно действовал Томас Пенн. Он отказался выдвинуть своего кандидата на должность сборщика нового налога, заявив, что если сделает это, то «люди могут подумать, что мы согласны с возложением на них такого бремени». Джон Дикинсон, молодой оппонент Франклина и лидер партии владельцев в Ассамблее, подготовил декларацию против закона о гербовом сборе, получившую полную поддержку депутатов[259].

Это был один из самых серьезных политических промахов Франклина. Слепая ненависть к Пеннам не позволила ему понять, что большинство его друзей-пенсильванцев еще сильнее ненавидят налоги, вводимые из Лондона. «Я делал все от меня зависящее, чтобы не допустить принятия закона о гербовом сборе, — не слишком убедительно доказывал он филадельфийскому другу Чарльзу Томсону, — но наши силы оказались недостаточными». Затем он перешел к обоснованию

своего прагматизма. «Мы могли бы попытаться помешать заходу солнца. Но не допустить его мы не могли. А раз уж оно зашло, мой друг, и, возможно, пройдет немало времени, прежде чем оно взойдет, то давайте сделаем ночь настолько комфортной, насколько это в наших силах. Мы еще можем зажечь свечи».

Это письмо, ставшее достоянием гласности, дало толчок пиар-кампании, имевшей для Франклина катастрофические последствия. Томсон сообщал, что Филадельфия, вместо того чтобы зажигать свечи, готова выпустить на волю «силы тьмы». «Помешательство настолько овладело всеми слоями общества, что я предвижу гибель нескольких человек до того, как пламя будет потушено», — писал испуганный Хагес человеку, осчастливившему его должностью, которая оказалось крайне незавидной[260].

Дэвид Холл, партнер Франклина по печатному делу, отправил ему похожее предупреждение. «Люди крайне резко настроены против всего, что, по их мнению, имеет хоть малейшее отношение к закону о гербовом сборе», — написал он. Разгневанные жители Филадельфии «вбили себе в головы, будто вы приложили к нему руку, и это создало вам много врагов». Он добавил, что опасается за безопасность Франклина в случае возвращения. На карикатуре, напечатанной в Филадельфии, был изображен дьявол, нашептывающий на ухо Франклину: «Бен, ты будешь представителем всех моих владений»[261].

Неистовство достигло апогея в один из вечеров в конце сентября, когда большая толпа собралась в одном из питейных заведений Филадельфии. Заводилы обвиняли Франклина в поддержке закона о гербовом сборе и вознамерились сровнять с землей его новый дом, а также дома Хагеса и других сторонников Франклина. «Если я доживу до завтрашнего утра, то представлю вам дальнейший отчет», — написал Хагес в дневнике, который он позже отослал Франклину.

Дебора из соображений безопасности отправила дочь в Нью-Джерси. Но сама, как всегда, прочно привязанная к своему дому, бежать отказалась. Ее двоюродный брат Джозайя Давенпорт прибыл с двадцатью друзьями, чтобы защитить ее. Отчет Деборы о той ночи, каким бы душераздирающим он ни был, является также и свидетельством ее стойкости. Она так описывала эти события в письме к мужу:

> Ближе к ночи я сказала ему [кузену Давенпорту], что он должен достать ружье или два, так как у нас нет ни одного. Я послала за братом, чтобы он пришел к нам и принес ружье. Мы также превратили одну комнату в

склад боеприпасов. Я распорядилась организовать оборону наверху, чтобы руководить всем самой. Когда мне посоветовали удалиться, я выразила уверенность, что ты не сделал ничего кому-либо во вред и что я сама не обидела ни одного человека. Никто не причинит мне никаких неудобств. Я тоже не буду вмешиваться ни в чьи дела.

Дом Франклина и его жена были спасены, когда группа сторонников, которых окрестили «парнями белого дуба», собралась вместе, чтобы дать отпор банде городской черни. Если бы дом Франклина был разрушен, заявили они, та же участь постигла бы дома всех участников этого преступления. Наконец банда рассеялась. «Я восхищаюсь твердостью духа и смелостью, которые ты продемонстрировала, — написал он Деборе, узнав о выпавших ей суровых испытаниях. — Женщина заслуживает хорошего дома, способного ее защитить»[262].

Кризис, вызванный законом о гербовом сборе, спровоцировал радикальные перемены в Америке. Появились новые колониальные лидеры, особенно в Виргинии и Массачусетсе, которых не устраивало владычество Англии. Пусть большинство американцев не испытывали сильных сепаратистских или националистических настроений вплоть до 1775 года; все равно конфликт между имперским контролем и правами колоний прорывался наружу в самых разных формах. Молодой Патрик Генри, которому исполнилось двадцать девять лет, стал заметной фигурой в легислатуре Виргинии благодаря выступлениям против налогообложения без представительства. «Цезарь имел своего Брута, Карл I — Кромвеля, Георг III — …» Его слова были заглушены криками «Измена!» прежде, чем он смог закончить свою речь, но это свидетельствовало, что некоторые колонисты настроены чрезвычайно серьезно. Вскоре у него появился союзник в лице Томаса Джефферсона. В Бостоне группа людей, называвших себя «сынами свободы», собралась у винокуренного завода и затем атаковала дома сборщика налога в Массачусетсе и губернатора Томаса Хатчинсона. Среди набиравших силу патриотов, в конце концов ставших бунтовщиками, были молодой коммерсант Джон Хенкок{51}, пламенный агитатор Сэмюэл Адамс и его угрюмый кузен адвокат Джон Адамс.

Впервые после конференции в Олбани в 1754 году лидеры разных колоний вновь начали думать об Америке как о едином пространстве. Конгресс девяти колоний, включая Пенсильванию, состоялся в октябре в Нью-Йорке. Он не только призвал аннулировать закон о гербовом сборе, но и отверг право

парламента устанавливать для колоний внутренние налоги. В качестве лозунга участники конгресса выбрали подпись под карикатурой, сочиненную Франклином более десяти лет назад, когда он пытался добиться единства в Олбани: «Объединиться или умереть».

Находясь в Лондоне, Франклин не спешил присоединяться к начавшемуся безумию. «Поспешность Ассамблеи Виргинии вызывает удивление, — писал он Хагесу. — Однако я надеюсь, что наши станут держаться в границах осторожности и умеренности». В тот момент он больше симпатизировал губернатору Массачусетса Хатчинсону, позже ставшему его непримиримым врагом. Оба они были разумными людьми, потрясенными разгулом черни и видевшими в этом угрозу для себя. «Когда мы с вами были в Олбани десять лет тому назад, — писал ему Хатчинсон, — мы не предлагали союза для таких целей, как эти»[263].

Умеренность Франклина отчасти была обусловлена его характером, любовью к Англии и мечтами о согласии в империи. По своей натуре он был скорее ловким дельцом, чем революционером, любил остроумные беседы за бутылкой мадеры и ненавидел беспорядок и буйство толпы. Тонкие вина и изысканные блюда способствовали развитию не только его подагры, но и неотчетливости представлений об озлобленности, которая усиливалась у него на родине. Возможно, еще более важно то, что он предпринимал последнюю попытку превратить Пенсильванию из колонии Пеннов в королевскую колонию.

Эти усилия всегда были обречены на провал, а теперь, после закона о гербовом сборе, и подавно. В результате королевское правление утратило популярность в Пенсильвании, а просьбы колоний начали вызывать меньше сочувствия в Лондоне. В ноябре 1765 года, через год после прибытия Франклина в Лондон и именно тогда, когда он начал осознавать, какой вред его репутации нанесен рассуждениями о гербовом сборе, Тайный совет официально отложил действия, предусмотренные антипенновской петицией, которой он в свое время добился. Франклин первоначально поверил (по крайней мере на словах), что это просто временная отсрочка. Но вскоре он понял, что Томас Пенн был прав, когда писал своему племяннику губернатору Джону, что осуществление действий на основе петиции означало бы закрытие этого вопроса «навсегда»[264].

Новый раунд

Франклин взялся за решение сложной задачи — компенсировать причиненный ему политический вред — в конце 1765 года, когда его репутация защитника прав колоний сильно пострадала из-за уклончивости в отношении к закону о гербовом сборе. В первую очередь он организовал кампанию по рассылке писем. Своему партнеру Дэвиду Холлу и многим другим корреспондентам доказывал, что никогда не поддерживал закон. Он также убедил известных лондонских квакеров выступить в его защиту. «Я могу с уверенностью утверждать, что Бенджамин Франклин сделал все, что было в его силах, чтобы воспрепятствовать закону о гербовом сборе, — писал Джон Фотергилл[52] своему другу в Филадельфию. — Он отстаивал права и привилегии Америки с величайшей твердостью». Холл напечатал это письмо в «Пенсильванской газете».

Франклин полагал, что добиться аннулирования закона можно тем способом, который имел прямое отношение к склонности Бедного Ричарда быть экономным и рассчитывать только на собственные силы, — посредством бойкотирования британского импорта и отказа от трансакций[53], требующих использования гербовых марок. Такой подход также побудил бы британских торговцев и производителей, страдающих от сокращения экспорта, требовать отмены закона. В статьях для британских газет, подписанных псевдонимом Домотканый, он высмеивал представление о том, что американцы не смогут обойтись без таких импортируемых британских товаров, как чай. Если потребуется, они будут готовить чай из кукурузы: «Ее зеленые обжаренные початки неописуемо вкусны»[265].

Два сардонических эссе Франклина, опубликованные под псевдонимом Домотканый, вошли в число как минимум тринадцати печатных атак на закон о гербовом сборе, осуществленных им в течение трех месяцев. В одной статье-мистификации, подписанной псевдонимом Путешественник, доказывалось: Америка не нуждается в британской шерсти. При этом автор статьи на полном серьезе повествовал, что «в хвостах американских овец столько шерсти, что каждое животное возит за собой тележку на четырех маленьких колесах, чтобы укладывать на нее свой хвост, а не волочить его по земле». В статье, подписанной Пацификусом Секундусом[54], он прибегал к старой тактике использования едкой сатиры, притворяясь сторонником введения военного правления в колониях. Для этого потребовалось бы всего пятнадцать тысяч британских солдат и

около двенадцати миллионов фунтов в год. «Кто-то может возразить, что, разрушив города в наших колониях, убив половину населения и вынудив другую бежать в горы, мы можем лишить себя выгод, обусловленных привычкой этих людей покупать наши промышленные товары. Однако недолгое размышление убедит нас, что с тех пор как мы лишились большого объема европейской торговли, лишь спрос в Америке поддерживается сейчас на прежнем уровне и способствует значительному росту цен на эти товары, так что сокращение этого спроса пойдет нам на пользу, так как мы сможем покупать наши товары дешевле». Единственный минус для Англии, отмечал он, что «множество наших бедняков могут умереть с голоду из-за сокращения рабочих мест»[266].

(Как мы неоднократно отмечали, Франклин часто писал анонимно или под псевдонимами: в молодые годы подписывался Silence Dogood (Сайленс Дугуд), а затем Busy-Body (Сплетник), Alice Addertongue (Элис Аддертанг), Poor Richard (Бедный Ричард), Homespun (Домотканый) и другими именами. Иногда он действительно пытался сохранить анонимность, а иногда лишь надевал узнаваемую маску. Такая практика была нередкой для писателей XVIII века, в том числе и для кумиров Франклина — Аддисона, Стиля и Дефо. «Едва ли десятая часть всех достойных внимания книг издается под настоящими именами», — заявил как-то, пусть и слегка преувеличивая, Аддисон. В те времена анонимное авторство считалось более утонченным и менее вульгарным и снижало вероятность обвинения в клевете и подстрекательстве к бунту. Иногда джентльмены считали ниже своего достоинства ставить собственные имена под памфлетами и газетными статьями. Также появлялась гарантия, что диссидентские политические и религиозные сочинения будут критиковаться по существу, не затрагивая личности авторов)[267].

Франклин создал еще одну политическую карикатуру, в пару к «Объединиться или умереть»: на ней изображалась окровавленная и расчлененная Британская империя, по краям которой были написаны названия колоний. Подпись под карикатурой — «Подайте пенни Велизарию» — напоминала об истории византийского полководца, который угнетал провинции, а умер в нищете. Франклин напечатал карикатуру на листах, нанял человека для их раздачи перед зданием парламента и направил одну из них своей сестре Джейн Миком. «Соль, — объяснял он, — в том, что колонии могут быть повержены, но при этом империя будет искалечена». Введение в действие закона о гербовом сборе, предупреждал он одного британского министра, приведет к «возникновению глубоко укоренившейся антипатии

между двумя странами и заложит основу для будущего полного разделения»[268].

По-прежнему лояльный к Британии, Франклин страстно желал не допустить раскола. Решение проблемы, с его точки зрения, состояло в том, чтобы обеспечить колониям представительство в парламенте. В тезисах, которые Франклин готовил перед встречей с министрами, он записал следующий аргумент: «Представительство полезно по двум причинам. Оно предоставляет информацию и знания большому совету. Оно обеспечивает лучшее разъяснение причин действий государства в отдаленных частях империи. Оно позволит навечно сохранить союз, который иначе может быть разрушен».

Но также Франклин предупреждал: время уходит. «Еще не так давно колонии считали бы преимуществом и честью разрешение посылать своих представителей в парламент, — писал он своему другу в январе 1766 года. — Теперь наступает время, когда они становятся к этому безразличны и, вероятно, не станут об этом просить, хотя, возможно, и согласятся на такой вариант, если им его предложат. Но настанет час, когда они, безусловно, его отвергнут».

Не считая вопроса о представительстве в парламенте, писал Франклин, «следующее замечательное дело» — добиться, чтобы традиционный метод запрашивания средств мог использоваться каждой из колониальных легислатур. В тезисах, подготовленных к встрече с министрами, он предложил третью возможность, которая стала бы шагом к независимости колоний: «наделение их правом посылать делегатов от каждой ассамблеи в общий совет». Другими словами, американские колонии сформировали бы свою собственную федеральную легислатуру, вместо того чтобы подчиняться законам, принимаемым парламентом. Единственной силой, объединяющей две части Британской империи, оставался бы король. Этот путь шел от плана, предложенного Франклином более десяти лет тому назад; в своих тезисах рядом с этим предложением он написал два слова: «План Олбани»[269].

Тринадцатого февраля 1766 года Франклин получил возможность изложить свою точку зрения парламенту. Его эффектное появление, тонко срежиссированное поддерживавшими его парламентариями, являлось примером умелого использования лоббизма и театральных приемов. В один день он превратился в главного борца за дело независимости Америки и блестяще восстановил свою репутацию у себя дома.

Ему задали сто семьдесят четыре вопроса. Многие из них были сформулированы заранее лидерами нового правительства вигов (глава — лорд Рокингем), которое симпатизировало

колониям и искало возможности отменить закон о гербовом сборе. Но часть парламентариев были настроены враждебно. В этой обстановке Франклин действовал убедительно и спокойно. Первый вопрос задал член парламента, чей производственный бизнес пострадал в результате спада в торговле. Он спросил, заплатили ли американцы какие-то налоги Британии. «Много, и очень тяжелые», — ответил Франклин и затем подробно пересказал историю вопроса (правда, исключив некоторые спорные пункты по поводу налогообложения земель владельцев колонии).

Оппонент резко прервал его. «Разве колонии, — спросил он, — не в состоянии заплатить гербовый сбор?» Франклин ответил: «У колоний нет достаточного количества золота и серебра, чтобы оплачивать гербовый сбор в течение года».

Гренвилл, защищая закон (принятый по его инициативе), спросил Франклина: обязаны ли, по его мнению, колонии платить за то, что королевские войска обеспечивают безопасность границ? Американцы, возразил Франклин, защищают себя сами, и таким образом защищают и британские интересы. «Во время последней войны колонии подготовили, экипировали и снабдили жалованьем почти двадцать пять тысяч человек, потратив на это несколько миллионов фунтов», — объяснил он, добавив: возмещена была лишь малая толика этих средств.

Более важный вопрос, заявил Франклин, в том, как добиться согласия в отношениях с Британской империей. «Как относилась Америка к Великобритании до закона о гербовом сборе?» — спросил Франклина его сторонник по имени Грей Купер.

> *Франклин*. Превосходно. Американцы охотно подчинялись правительству короны и соблюдали все законы, принятые парламентом. Вам не надо было тратиться на форты, крепости или армии, чтобы держать их в повиновении. Они управлялись этой страной с помощью пера, чернил и бумаги. Они были законопослушны. Они не только уважали, но и любили Великобританию, ее законы, ее обычаи и нравы и даже ее моды, что способствовало значительному росту торговли.
>
> *Купер*. И каково их настроение сейчас?
>
> *Франклин*. О, оно сильно изменилось.
>
> *Купер*. Каким виделся американцам парламент?
>
> *Франклин*. Они считали парламент защитником и гарантом своих свобод.
>
> *Купер*. Они больше не испытывают к нему такого же

почтения?

Франклин. Оно значительно ослабло.

И вновь Франклин подчеркнул различие между внешними и внутренними налогами. «Я никогда не слышал возражений против права вводить пошлины для регулирования торговли. Но мы никогда не считали, что парламент имеет право устанавливать для нас внутренние налоги, потому что мы не имеем в нем своих представителей».

Пойдет ли Америка на компромисс? Нет, утверждал Франклин, для нас это дело принципа. Значит, только военная сила могла бы заставить американцев платить гербовый сбор?

«Я не вижу, каким образом военная сила могла бы использоваться для достижения этой цели», — ответил Франклин.

Вопрос. Почему?

Франклин. Предположим, войска будут отправлены в Америку. Но они не встретят там вооруженного сопротивления. Что они станут делать? Они не могут заставить человека покупать гербовые марки, если он обходится без них. Они не встретят бунта, но вызвать его они действительно могут.

Развязка наступила, когда сторонники закона о гербовом сборе попытались опровергнуть утверждение о различии между внешними и внутренними налогами. Если колонии не признают внутренний налог, разве они не смогут затем воспротивиться введению торговых пошлин и других внешних налогов?

«До сих пор этого никогда не происходило, — ответил Франклин. — В последнее время использовалась масса аргументов, чтобы показать им, что разница отсутствует… Сейчас они считают эти аргументы несостоятельными. Но со временем, возможно, они их убедят».

Это была драматическая концовка, ставшая предвестником многих бед. Проводя различие между внутренними налогами и внешнеторговыми пошлинами, Франклин вновь занимал более умеренную и прагматичную позицию, чем некоторые новоявленные американские лидеры, включая большинство членов Ассамблеи Массачусетса, которых раздражала перспектива введения Лондоном высоких импортных пошлин. Но до «Бостонского чаепития»{55} оставалось еще почти восемь лет. По обеим сторонам Атлантики отмена парламентом закона о гербовом сборе была воспринята с радостью, даже несмотря на то, что она заложила основу для будущего конфликта из-за Декларативного акта, согласно которому парламент получал

право «во всех случаях» вводить в действие законы для колоний[270].

Франклин продемонстрировал разум и решительность: он стелил мягко, но жестко было спать. Для человека, обычно не любящего произносить речи, это было самое длительное ораторское выступление в жизни. Он сделал свое дело не столько за счет красноречия, сколько благодаря настойчивости, с которой все время возвращал дискуссию к реалиям, сложившимся в Америке. Как вспоминал сам Франклин, даже один из его твердолобых оппонентов-консерваторов заявил позднее, что «с того дня он полюбил меня за воодушевление, с которым я защищал мою страну». Прославившийся в Англии как писатель и ученый, он был признан теперь лучшим американским оратором. По сути, он стал также послом Америки в целом; помимо интересов Пенсильвании, он начал вскоре представлять интересы Джорджии, а затем Нью-Джерси и Массачусетса.

В Филадельфии его репутация была полностью восстановлена. Его друг Уильям Страхан, отправив копию протокола заседания парламента Дэвиду Холлу для публикации в Америке, немало тому способствовал. «Этому протоколу, — писал Страхан, — более чем чему-либо еще мы обязаны быстрой и полной отменой одиозного закона». С военной баржи, окрещенной «Франклин», прогремел салют, а в тавернах предлагалась бесплатная выпивка и угощение всем, кто прибывал со свежими новостями о триумфе над Англией. «Ваши враги наконец-то начали стыдиться своих грязных инсинуаций и признали, что колонии в долгу перед вами», — написал Чарльз Томсон[271].

Салли и Ричард Бейч

Выигранная дипломатическая баталия заставила Франклина вспомнить о добродетелях его жены, оставшейся дома, или хотя бы почувствовать себя виноватым за пренебрежение ею. Экономность Деборы и ее уверенность в собственных силах стали символами способности Америки пойти на жертвы, но не платить несправедливый налог. Теперь, когда налог был отменен, Франклин вознаградил ее, отправив домой несколько подарков: четырнадцать ярдов атласа «помпадур» («по цене одиннадцать шиллингов за ярд»), две дюжины перчаток, шелковый халат и нижнюю юбку для Салли, турецкий ковер, сыры, штопор и несколько скатертей и занавесок, которые, как он вежливо информировал жену, были выбраны миссис Стивенсон. Письмо, сопровождавшее эти дары, гласило:

> Моя дорогая детка, так как закон о гербовом сборе наконец отменен, я хочу, чтобы ты имела новые вещи, которые я не посылал раньше, так как знал, что ты не захочешь выглядеть более нарядной, чем твои соседи, если только твоя одежда не будет изготовлена твоими руками. Если бы торговля между двумя странами была полностью прекращена, то мне было бы приятно вспоминать, что однажды я был одет с головы до ног в шерсть и лен, сотканные моей женой, что я никогда в жизни не был более горд каким-либо другим нарядом и что она и ее дочь в случае необходимости могли бы изготовить все это еще раз.

Возможно, весело замечал он, какие-нибудь сыры еще останутся, когда он вернется домой и насладится ими. Но хотя в период борьбы за отмену закона ему перевалило за шестьдесят и его миссия в Англии казалась завершенной, Франклин не был готов возвращаться. Вместо этого он планировал провести лето 1766 года в поездке по Германии со своим другом врачом Джоном Принглом[272].

Письма Деборы мужу, какими бы неуклюжими они ни были, передавали и ее силу, и ее чувство одиночества. «Я не принимаю участия ни в каких развлечениях. Я сижу дома и тешу себя надеждой, что следующий корабль привезет мне письмо от тебя». Она сообщала, что справляется с тяжелыми мыслями, вызванными его отсутствием и политической ситуацией, занимаясь уборкой дома, и что старается (возможно, в

соответствии с его инструкциями) не надоедать ему своей озабоченностью вопросами политики. «Я написала тебе несколько писем, по одному почти каждый день, но не смогла удержаться, чтобы не сказать несколько слов о государственных делах, и поэтому уничтожила их и начала писать снова, затем опять сожгла написанное, и так далее». Описывая их недавно достроенный дом, она сообщала, что еще не развесила его картины, потому что боялась вбивать в стену гвозди без его одобрения. «Большая разница между тем, когда муж дома и когда он в отъезде, а поскольку каждый боится сделать что-то не так, то все остается недоделанным».

Его ответные письма были обычно деловыми, он концентрировался главным образом на вопросах обустройства их дома. «Я хотел бы присутствовать при завершении работ на кухне, — писал он. — Полагаю, ты плохо представляешь себе, как лучше ее оборудовать, а мои идеи, как следует выводить пар, запахи и дым, я не могу объяснить тебе на словах». Он составил подробные инструкции, как покрасить каждую комнату, и время от времени упоминал о своем окончательном возвращении домой. «Если железный котел еще не установлен, то оставь все как есть до моего возвращения, когда я привезу более практичный медный»[273].

В конце 1766 года завершилось его восемнадцатилетнее партнерство с Дэвидом Холлом в печатном бизнесе. В их расставании присутствовала нотка взаимного недовольства. Холл стал менее активно использовать страницы «Пенсильванской газеты» для атак на владельцев колонии, и двое друзей Франклина помогли ему найти новую типографию и вернуть газете прежнюю направленность. Холл рассматривал это решение как противоречащее духу их партнерского соглашения, даже несмотря на то, что срок его действия уже истек. «Хотя вам и не воспрещается и дальше иметь отношение к печатному бизнесу в этом месте, во многом именно так это и следует понимать», — писал он с некоторым сожалением.

Франклин ответил ему из Лондона, что новая конкурирующая типография была «введена в действие без моего ведома и участия, и я впервые узнал о ней, прочитав рекламное объявление в вашей газете». Он выразил свое глубокое уважение к Холлу и заявил, что не имел с ним политических или редакционных разногласий, хотя некоторые его политические союзники считали иначе. «Я никогда не причислял вас ни к одной партии, и так как вы никогда не порицали меня за то, какой стороны я держусь в политических делах, то я никогда не осуждал вас за то, что вы не делали того же самого, веря, что

каждый человек имеет и должен иметь свободу суждений в такого рода делах».

Но он счел нужным добавить, что теперь, когда исходное соглашение перестало действовать, ему не возбраняется вступать в конкуренцию. «Я не мог предвидеть восемнадцать лет назад, что в конце этого срока стану настолько богатым, что смогу жить, не занимаясь бизнесом». Далее он выразил скрытую угрозу, замаскированную под совет, заявив, что получил предложение стать партнером в конкурирующем бизнесе, но решил не принимать его до тех пор, пока Холл будет делать чуть больше того, что он, по мнению Франклина, обязан делать. «Надеюсь, что у меня не будет причин пойти на такой шаг, — говорил он о возможности объединения с конкурентом Холла. — Я знаю, что имеется весьма приличная сумма, которую должны мне мои заказчики, и надеюсь, что вами будет возвращено мне еще намного больше денег, чем вы рассчитываете». Если так, писал Франклин, то эти деньги вместе с его собственными доходами позволят ему уйти на покой. «Мои средства будут достаточно большими, особенно с учетом того, что я не склонен тратить много. В этом случае у меня не будет намерения вновь заняться печатным делом»[274].

Прекращение партнерства означало, что Франклин стал бы терять в год по шестьсот пятьдесят фунтов, которые питали его любовь к экономии. Его жизнь в Лондоне представляла характерное для среднего класса сочетание экономности и потворства своим желаниям. Хотя он и не предавался развлечениям и не жил на широкую ногу, чего можно было бы ожидать от человека его положения, но любил путешествовать. Его счета показывают, что он заказывал для своего дома высококачественное пиво по цене тридцать шиллингов за баррель (резкий контраст с первым пребыванием в Лондоне, когда он проповедовал преимущества хлеба и воды перед пивом). Его усилия по достижению экономии были направлены главным образом на его жену. В июне 1767 года он писал ей:

> Важный источник наших доходов перекрывается, и если мне предстоит лишиться должности почтмейстера, что… вовсе не кажется невероятным, то нам придется ограничиваться рентными и процентными доходами в качестве средств к существованию. Это сделает недоступными способы ведения домашнего хозяйства, требующие дополнительных затрат, и развлечения, которые мы позволяли себе в прошлом. Что касается меня, то я живу здесь настолько экономно, насколько

> возможно, чтобы не быть лишенным жизненных удобств, не устраиваю обедов ни для кого и довольствуюсь одним блюдом, когда обедаю дома. Но дороговизна здесь такова, что расходы изумляют меня. Я вижу по суммам счетов, которые ты получила в мое отсутствие, что твои расходы также очень велики, и я очень озабочен тем, что твоя ситуация естественным образом заставляет принимать многих посетителей, что сопряжено с тратами, которых нелегко избежать.…Но когда доходы людей сокращаются, то, не сумев пропорционально сократить и расходы, они неизбежно впадают в нужду.

Это письмо выглядит особенно холодным, потому что оно было написано в ответ на известие, что их дочь Салли влюбилась и надеется получить его благословение на брак. Салли освоилась в высшем обществе Филадельфии, посещала балы и даже разъезжала в экипаже противника Франклина губернатора Пенна. Но она полюбила человека, характер и финансовое положение которого вызывали немало вопросов.

Ричард Бейч, просивший руки Салли, эмигрировал из Англии, чтобы работать в качестве импортера и морского страхового брокера в Нью-Йорке, но затем перебрался в Филадельфию и открыл на Честнат-стрит магазин галантерейных товаров. Любимец женщин, неудачливый в бизнесе, Бейч был помолвлен с Маргарет Росс, лучшей подругой Салли. Когда Маргарет неизлечимо заболела, то на смертном одре попросила Салли позаботиться о Бейче ради нее, и Салли с готовностью взяла на себя это обязательство.

Для Деборы принять решение в отсутствии мужа стало непосильным бременем. «Я вынуждена быть отцом и матерью, — писала она Франклину с оттенком недовольства. — Я надеюсь, что не разочарую тебя, так как поступаю в соответствии со своими трезвыми суждениями».

Несомненно, это событие должно было бы ускорить возвращение Франклина. Однако он предпочитал оставаться вдалеке. Он по-настоящему срочно начал собираться домой всего один раз — когда узнал, что его сын собрался жениться, причем именно в Лондоне. «Так как я сомневаюсь, что смогу вернуться этим летом, — писал он Деборе, — то не стану причиной задержки ее счастья, если ты считаешь партию подходящей». Позволив себе издалека побаловать свое дитя, он послал Салли вместе с письмом две летних шляпки.

Через несколько недель он разразился длинной проповедью о необходимости экономить деньги. «Не устраивайте дорогой

свадьбы, — писал он Деборе, — сделайте все экономно и аккуратно, как того требуют наши сегодняшние обстоятельства». Бейч должен понять, добавлял он, что они дадут за дочерью хорошее, но не чрезмерное приданое:

> Я надеюсь, его ожидания не превосходят того состояния, которым будет располагать наша дочь до нашей смерти. Я могу лишь сказать, что если он окажется хорошим мужем для нее и хорошим сыном для меня, то он найдет меня настолько хорошим отцом, насколько я могу таковым быть. Но в настоящее время — и, я полагаю, ты согласишься со мной — мы не можем сделать больше, чем в достаточной мере снабдить ее одеждой и мебелью на общую сумму не свыше пятисот фунтов.

Но затем пришли более тревожные новости. По указанию Франклина Уильям проверил финансовое положение Бейча и обнаружил, что дела у того совершенно расстроены. К тому же он узнал, что отец Маргарет Росс давно установил этот факт и не дал дочери разрешения на брак. «Мистер Бейч часто пытался обмануть его [Росса] в отношении своих денежных обстоятельств, — докладывал Уильям. — Коротко говоря, он просто искатель богатых невест, желающий поправить свои дела за счет вступления в родственные отношения с семьей, которая будет его содержать». В конце он сделал приписку: «Сожги это [письмо]». но Франклин поступил иначе.

Свадьба была отложена, а Бейч попытался объясниться с Франклином письменно. Действительно, признавался он, у него возникли серьезные финансовые проблемы, но не по его вине. Его обманным путем заставили принять на себя денежные обязательства торгового партнера, который пострадал от бойкота английских товаров, начавшегося после принятия закона о гербовом сборе[275].

«Я люблю свою дочь так же, как любой отец любит своего ребенка, — отвечал Франклин, вероятно, допуская некоторое преувеличение. — Но я уже говорил вам прежде, что мое состояние невелико и едва достаточно для меня и моей жены… Если вы не сможете убедить нас в том, что будете способны содержать мою дочь подобающим образом, то, я надеюсь, вы откажетесь от действий, которые могут иметь губительные последствия для вас обоих». Франклин написал Деборе в тот же день, сообщив, что, по его мнению, теперь Бейч должен отступить. «Недавние неудачи в делах, — писал Франклин, — вероятно, побудят его воздержаться от поспешного вступления в

брак». Он предположил, что Салли, возможно, захочет побывать в Англии, где она могла бы встретиться с другими мужчинами, например с сыном Уильяма Страхана[276].

Хотя чувства Франклина совершенно ясны, его письма не содержали прямого запрета на вступление дочери в брак. Возможно, он понимал, что поскольку сам не возвращается домой для улаживания этого дела, то не имеет ни морального права, ни практической возможности отдавать на этот счет какие-либо указания.

От семьи он был отделен не только огромным расстоянием, но и эмоциональной отчужденностью.

Еще более запутало и без того непростую семейную ситуацию вмешательство миссис Стивенсон. Живя с Франклином, она считала себя духовной подругой Деборы и написала ей письмо с выражением сочувствия. Франклин, сообщала она, в скверном настроении. Уязвленная его раздражительностью, она решила утешить себя покупкой шелка и халата для его дочери, даже несмотря на то, что никогда не виделась с ней прежде. Действительно, признавалась она, ее так взволновало известие о будущей свадьбе, что захотелось купить еще больше подарков, но Франклин ей запретил. Она признавалась, что давно тоскует по возможности сесть рядом с Деборой и поболтать о всяких пустяках. «Я искренне верю, что ваше ожидание увидеть мистера Франклина время от времени становится слишком сильным, чтобы его могла вынести нежная, любящая жена»[277].

Игнорируя семейную драму в Филадельфии, Франклин в августе 1767 года отправился во Францию, чтобы провести там летний отпуск. «Я слишком долго оставался этим летом в Лондоне и теперь ощущаю потребность в путешествии для укрепления здоровья», — писал он Деборе. Его настроение было настолько мрачным, что по дороге, как он сообщал Полли, «я постоянно ввязывался в споры с хозяевами гостиниц». Франклин и его товарищ по путешествию Джон Прингл были огорчены неудобной конструкцией экипажа, не позволявшей им в полной мере обозревать окрестности. Объяснения кучера, ворчал Франклин, «заставили меня, как и в сотне других случаев, пожелать, чтобы человечество никогда не было наделено способностью к рассуждениям, так как оно плохо знает, как ею следует пользоваться».

Однако по прибытии в Париж дела пошли веселей. Он заинтересовался тем, как парижские дамы накладывают румяна, о чем предпочел подробно рассказать в письме Полли, а не своей дочери: «Вырежьте в куске бумаги отверстие диаметром три дюйма, наложите его на щеку таким образом, чтобы верхняя часть

отверстия находилась непосредственно под вашим глазом, затем с помощью щеточки, смоченной в краске, закрасьте лицо вместе с краями бумаги. Когда бумага будет удалена, на щеке останется круглое красное пятно»[278].

Франклина чествовали во Франции как знаменитость. В этой стране эксперименты с электричеством назывались особым словом — franklinistes, и он вместе с Принглом был приглашен в Версаль на грандиозный couvert (торжественный ужин) с королем Людовиком XV и королевой Марией. «Он говорил с нами обоими очень любезно и весело», — сообщал Франклин Полли. Однако, несмотря на трудности в отношениях с английским правительством, Франклин подчеркивал, что по-прежнему «считает своих короля и королеву самыми лучшими в мире и самыми любезными».

Версаль, отмечал он, великолепен, но не поддерживается в должном состоянии — «местами кирпич, из которого сложены стены, искрошился, а некоторые окна разбиты». В то же время Париж обладает множеством превосходных качеств, которые казались ему очень привлекательными с учетом его любви к общественным усовершенствованиям. Улицы подметались каждый день, так что, в отличие от лондонских, «по ним приятно ходить», а вода «такая же чистая, как в самых лучших источниках, поскольку пропускается через фильтры в виде резервуаров, наполненных песком». В то время как его дочь готовилась к свадьбе в отсутствие отца, Франклин заказал себе в Париже новое платье и парик с косой, которые, как он рассказывал Полли, позволили ему выглядеть «на двадцать лет моложе». Поездка настолько укрепила его здоровье, шутил он, что «однажды я едва не начал ухаживать за женой моего друга»[279].

По возвращении из Франции Франклин быстро написал несколько очаровательных писем Полли и другим своим корреспондентам и отправил лишь короткую весточку домой. Он, по-видимому, был недоволен тем, что письма из Филадельфии содержали мало новостей о его дочери, помимо сообщений о том, что она «разочарована» необходимостью отложить замужество на неопределенный срок. В первую очередь он заверил Дебору, что «превосходно чувствует себя после возвращения из поездки», а уже затем соизволил поинтересоваться состоянием дочери.

К тому времени, хотя он об этом и не знал, Салли и Ричард сделали решительный шаг и поженились. В октябре 1767 года, как сообщалось в Pennsylvania Chronicle (новом конкуренте франклиновской Gazette), «мистер Ричард Бейч, коммерсант, проживающий в этом городе, сочетался браком с мисс Салли Франклин, единственной дочерью прославленного доктора

Франклина, молодой леди исключительных достоинств. На следующий день все корабли в гавани были украшены флагами по случаю этого радостного события»[280].

Нет никаких свидетельств, что Франклин когда-либо выразил сожаление по поводу отсутствия на свадьбе своей единственной дочери. В декабре его сестра Джейн Миком направила ему письменное поздравление по случаю «бракосочетания вашей возлюбленной дочери с достойным джентльменом, которого она любит и который является единственным человеком, могущим сделать ее счастливой». Франклин ответил ей в феврале следующего года в довольно сдержанной манере: «Она доставила удовольствие себе и своей матери и, я надеюсь, будет жить счастливо, но, я думаю, перед свадьбой им следовало бы лучше подумать, как они собираются содержать свою семью»[281].

В следующие месяцы Франклин передавал приветы Деборе и Салли, но никогда не делал попыток познакомиться с Бейчем. Наконец в августе 1768 года он написал Бейчу, признав его членом семьи. «Возлюбленный сын, — многообещающе начал он, прежде чем слегка обдать его холодом. — Я полагал, что шаг, который вы осуществили, взяв на себя ответственность за семью, в то время как ваши дела выглядят столь неутешительно с точки зрения возможных средств для ее содержания, является весьма поспешным и опрометчивым». Вот почему, объяснял Франклин, он не отвечал на предыдущие письма Бейча. «Я не мог сказать ничего приятного: я не хотел писать то, что думал, не желая причинять боль там, где не мог доставить радость». Однако в конце короткого письма Франклин немного смягчался. «Время сделало меня более спокойным, — писал он. — Шлю вам наилучшие пожелания, и если вы окажетесь хорошим мужем и сыном, то найдете в моем лице любящего отца». В постскриптуме, состоявшем из одного предложения, он передавал привет Салли и сообщал, что посылает ей часы.

Дебора пришла в сильное волнение. В записке, направленной вместе с письмом Франклина Бейчу, который в тот момент находился в Бостоне, она написала: «Мистер Бейч (или мой сын Бейч), спешу доставить вам радость: хотя здесь нет возвышенных слов, которые произнесли бы другие, но ваш отец (я так буду его называть) и вы, как я надеюсь, проведете вместе много счастливых дней»[282].

В начале 1769 года Дебора получила от Франклина еще более приятные новости. Его здоровье оставалось очень хорошим, писал он, но: «Я знаю, что в соответствии с естественным порядком вещей так не может продолжаться долго». Ему только что исполнилось шестьдесят три. Следовательно, он «не мог

доставить себе в будущем никакого другого удовольствия, кроме как снова вернуться в Филадельфию, чтобы провести там вечер своей жизни вместе с друзьями и семьей». Салли и ее муж вернулись из Бостона, надеясь найти Франклина дома. Но он по-прежнему не был готов вернуться, вопреки всему, о чем писал.

Не вернулся он и весной, узнав, что у Деборы случился удар. «Это плохие симптомы в преклонных годах, они предвещают неприятности в будущем», — написал ее врач Франклину. Он проконсультировался со своим напарником по путешествиям Джоном Принглом, который был врачом королевы, и передал его рекомендации Деборе. Чтобы выразить легкое недовольство своим своенравным мужем, она с пренебрежением отнеслась к его советам и заявила, что ее состояние обусловлено главным образом «неутешным горем», вызванным его долгим отсутствием. «Я не в состоянии больше это переносить и поэтому слегла и не могла встать снова».

Даже хорошая новость не могла побудить его вернуться в Филадельфию. Когда летом он узнал, что Салли ждет ребенка, он выразил свои нежные чувства, отослав ей несколько «предметов роскоши» — шесть кружек, из которых беременные женщины обычно пили общеукрепляющую смесь из вина, хлеба и специй. Салли не упускала ни единой возможности завоевать его любовь. Ребенок, родившийся в августе 1769 года, был назван Бенджамином Франклином Бейчем. Франклин оказался более привязан к своим внукам, чем к детям; Бенни Бейч, подобно его кузену Темплу Франклину, стал в будущем частью его свиты. Пока же он послал свои наилучшие поздравления молодым родителям и указание обязательно привить Бенни против оспы[283].

Суррогатная семья

В своей семейной жизни, как и в личной жизни вообще, Франклин не искал глубоких привязанностей. Однако он действительно имел потребность в домашнем уюте и в атмосфере, стимулирующей интеллектуальную деятельность. Все это дала ему суррогатная лондонская семья. На Крейвен-стрит сложилась интеллектуальная и одухотворенная атмосфера, которой не было на Маркет-стрит. Его домовладелица, миссис Стивенсон, была более веселой, чем Дебора, а ее дочь Полли — немного сообразительнее, чем Салли. К тому же в сентябре 1769 года, сразу после возвращения Франклина из Франции, Полли нашла себе поклонника, который был более выдающимся человеком, чем Бейч.

Уильям Хьюсон был хорошим уловом для Полли, которая в свои тридцать лет все еще была не замужем. Он обещал вскоре стать известным преподавателем и исследователем в области медицины. «Он, должно быть, умный, потому что думает как *мы*, — изливала свои чувства Полли в письме, написанном в загородном доме родственницы, у которой она по-прежнему проживала. — Вам или моей матери не следует удивляться, если я сбегу с этим молодым человеком, чтобы лично убедиться в неосторожности такого шага и в том, что девушке моего возраста требуется быть благоразумнее».

На фоне этих полушутливых признаний Полли весело кокетничала с Франклином, признаваясь (вероятно, притворно) в отсутствии энтузиазма по поводу брака с Хьюсоном. «Возможно, он слишком молод», — сообщала она своему пожилому обожателю. Она преисполнена счастья, добавляла она, но не уверена в том, произойдет ли «побег благодаря новому знакомству или же радостной вести о том, что мой старый знакомый [то есть Франклин, приехавший из Парижа] вернулся в эту страну».

Ответ Франклина, написанный на следующий день, содержал больше игривых намеков, чем поздравлений. «Если бы истина была известна, то я имел бы причину ревновать к этому действующему столь искусно красивому молодому врачу». Он утверждал, что польстил бы своему тщеславию и «повернул бы тугое ухо к голосу рассудка», решив «предположить, что вы испытывали радость от моего возвращения целым и невредимым».

В течение почти целого года Полли откладывала свое замужество из-за того, что Франклин отказывался однозначно

высказаться по поводу предложения Хьюсона. Наконец в мае 1770 года Франклин написал, что у него нет возражений. Вряд ли это было безоговорочное согласие. «Я уверен, что вы являетесь лучшим судьей в вашем личном деле, чем я», — утверждал он, добавляя, что брак кажется ему «рациональным». Что касается ее обеспокоенности тем, что она не имеет большого денежного приданого, то тут Франклин не мог удержаться, чтобы не заметить: «Я думаю, для меня вы являетесь достаточным богатством даже без единого шиллинга»[284].

Хотя он отсутствовал на свадьбах обоих родных детей, сделал все возможное, чтобы присутствовать на этой свадьбе. Даже несмотря на то, что торжество состоялось в середине лета, когда он обычно ездил за границу, Фраклин остался в Англии, чтобы провести Полли по центральному проходу церкви, исполняя роль ее отца. Несколькими неделями позже он заявил, что рад ее счастью, но признался, что «время от времени оказывается в подавленном настроении» из-за перспективы утраты ее дружбы. К счастью для всех, этого не случилось. Он стал близким другом молодой супружеской пары и впоследствии обменялся с Полли еще более чем ста тридцатью письмами.

Через несколько месяцев после свадьбы Полли и Уильям Хьюсон ненадолго остановились у Франклина на Крейвен-стрит на время, пока миссис Стивенсон находилась за городом у своих друзей. Вместе они выпустили номер придуманной ими газеты, чтобы отметить свою встречу. The Craven Street Gazette от 22 сентября 1770 года сообщала об отъезде «королевы Маргарет» и возникшем вследствие этого недовольстве Франклина. «Большая персона (названная так за свои размеры)… едва ли могла чувствовать себя комфортно в то утро, хотя новый кабинет министров обещал ей на обед жареную баранью лопатку с картофелем». Франклин также был расстроен тем, что «королева Маргарет» забрала с собой ключи от шкафа и он не мог добыть своих кружевных рубашек, что помешало ему отправиться в Сент-Джеймсский дворец на празднование дня коронации. «Множество заявлений, выражавших недовольство, было сделано по этому случаю в адрес Ее Величества. <…> Рубашки в конце концов нашлись в другом месте, но было уже слишком поздно».

Четыре дня подряд в газете высмеивались различные недостатки Франклина: то он действовал вопреки своим призывам экономить топливо, разводя огонь в спальне, когда, кроме него, в доме никого не было. То клялся починить входную дверь, но так ничего и не сделал, потому что не мог решить, следует ли купить новый замок или новый ключ. То давал торжественный обет ходить в церковь по воскресеньям.

«Печальный опыт показал, что хорошие цели легче провозглашать, чем осуществлять на практике, — сообщалось в воскресном выпуске газеты. — Несмотря на вчерашнее официальное распоряжение Совета, сегодня никто в церковь не пошел. По-видимому, тело большой персоны пролежало в постели так долго, что завтрак был закончен только тогда, когда идти стало слишком поздно». Мораль этой истории вполне соответствовала стилю Бедного Ричарда: «Вероятно, тщетно надеяться на реформацию по примеру наших великих народов».

Один интересный сюжет в этой газете, скорее всего, имеет отношение к жившей по соседству женщине, с которой Франклин безуспешно пытался флиртовать. В тот день Франклин притворился наносящим ей визит. «Доктор Фэтсайдс{56} четыреста шестьдесят девять раз обошел столовую, пройдя в точности то расстояние, на котором жила от него его возлюбленная леди Барвелл, но так как не застал ее дома, то и не предпринял никаких усилий, чтобы добиться или избежать поцелуя. Тогда он уселся подремать в удобном кресле, что ему и удалось осуществить без помех». Но на третий день отсутствия миссис Стивенсон Gazette сообщила, что доктор Фэтсайдс «начинает желать возвращения Ее Величества».

Последний номер содержал одно из неподражаемых писем Франклина редактору, подписанное псевдонимом Негодование. Он ругал еду и условия жизни. Автор письма, адресованного Полли и ее мужу, возмущался: «Эти нечестивцы продержатся у власти еще одну неделю, и тогда нация будет погублена — безвозвратно погублена, если королева не вернется или (что еще лучше) не выгонит их всех и не назначит меня и моих друзей наследовать им». Ему ответил Ненавидящий скандалы, написавший, что недовольному был предложен замечательный обед из говяжьих ребер, но он отверг его, сказав, что «говядина не дает ему возможности хорошо пропотеть, но зато, к его немалому неудовольствию, вызывает чесотку в спине, потому что он потерял палку с китайским наконечником из слоновой кости в виде руки, обычно называемую чесалкой для спины, которую ему подарила Ее Величество»[285].

На Крейвен-стрит Франклин мог позволить себе реализовать многие эксцентричные идеи, приходившие ему в голову. Одна из них предусматривала принятие воздушных ванн, для чего он открывал окно и в течение часа «сидел в своей комнате совершенно раздетый». Другая подобная вольность предполагала легкий флирт. Известный художник Чарльз Уилсон Пил рассказывал, как однажды зашел на Крейвен-стрит без предупреждения и увидел там «доктора, у которого на коленях

сидела девушка». Возможно, этой девушкой была Полли, хотя набросок этой сцены, сделанный Пилом позднее, не позволяет утверждать этого с уверенностью[286].

В конце концов Полли и Уильям Хьюсон покинули Крейвен-стрит и забрали с собой скелеты, «заспиртованный утробный плод» и инструменты для медицинских исследований. Позднее Франклин и миссис Стивенсон переехали в другой дом на этой же улице. Их причудливые отношения отразились в капризном письме, которое он написал ей во время одной из ее регулярных поездок к друзьям за город. Напоминая ей слова Бедного Ричарда о том, что гости становятся в тягость через три дня, убеждал ее вернуться ближайшим дилижансом. Но чтобы она не подумала, что он слишком зависим от нее, выразил удовлетворение одиночеством. «Я нахожу удовольствие в возможности чуть больше быть хозяином самому себе, ездить куда угодно и делать все что угодно, когда и как мне это заблагорассудится, — заявлял он. — Однако это счастье, возможно, слишком велико, чтобы быть дарованным кому-то, кроме святых и праведных отшельников. Грешники, подобные мне — можно сказать, и подобные нам, — обречены жить вместе и дразнить друг друга»[287].

Хиллсборо и таможенные пошлины Таунсхенда

Во время знаменитого выступления за отмену закона о гербовом сборе Франклин допустил серьезную ошибку: сказал, что американцы признают за парламентом право вводить внешние налоги, такие как тарифы и экспортные пошлины, но не внутренние, взимаемые со сделок внутри страны. Он повторил этот аргумент в апреле 1767 года, подписав свои статьи в одной лондонской газете сначала как Друг обеих стран, а затем как Беневолюс{57}. Стремясь исправить ухудшившиеся отношения между странами, он раз за разом повторял, что американцы всегда охотно соглашались отдавать деньги на защиту империи. «Колонии подчиняются требованию платить все внешние налоги, установленные для них, в виде пошлин на товары, импортируемые в их страну, и никогда не оспаривали полномочия парламента по установлению таких пошлин», — писал он[288].

Новый министр финансов Чарльз Таунсхенд был среди тех, кто с пристрастием расспрашивал Франклина о признании только внешних, но не внутренних налогов. Таунсхенд считал, что такое различие является «абсурдом», но решил притвориться, будто бы удовлетворен объяснениями, чтобы доставить удовольствие представителям колоний — или спровоцировать их. В блестящей речи, благодаря которой получил прозвище Чарли-Шампанское (он произнес ее в состоянии легкого алкогольного опьянения), он изложил план установления импортных пошлин на стекло, бумагу, фарфор, краски и чай. Еще хуже то, что часть денег, собранных таким образом, должна была пойти на выплату жалованья королевским губернаторам, которые, таким образом, избавились бы от своей зависимости от колониальных легислатур.

И вновь, как и в случае с принятием закона о гербовом сборе, Франклин проявил мало озабоченности, когда пошлины Таунсхенда были одобрены парламентом в июне 1767 года, и не осознал, насколько отстал он радикального движения, набиравшего силу в колониях. Возмущение новыми пошлинами оказалось особенно сильно в портовом городе Бостоне, где «Сыны свободы», ведомые Сэмюэлом Адамсом, успешно подогревали соответствующие настроения танцами вокруг «дерева свободы». Адамс добился, чтобы Ассамблея Массачусетса составила циркулярное письмо к остальным колониям, содержавшее

просьбу об отмене нового закона. Британский кабинет министров потребовал отозвать письмо и после того, как Ассамблея отказалась, направил в Бостон войска.

Даже когда сведения о недовольстве американцев достигли Лондона, Франклин продолжал сохранять умеренность. Он написал несколько статей, призывая обе стороны проявлять «вежливость и хорошие манеры». Своим друзьям в Филадельфии он сообщил, что не одобряет радикализма, набирающего силу в Бостоне, а в статьях, опубликованных в Англии, старательно — а иногда даже слишком старательно — пытался убедить англичан отказаться от поспешного решения.

Поиски компромисса нашли отражение в пространной статье Франклина «Причины недовольства американцев», опубликованной в январе 1768 года в лондонской Chronicle. Написанная от имени англичанина, она разъясняла причины убежденности американцев в том, что именно их собственные легислатуры должны контролировать все доходы, и содержала следующее заявление: «Я не поддерживаю эти мнения». Его цель, доказывал он, в том, чтобы «познакомить людей с идеями, имеющимися у американцев». Действуя в этом направлении, Франклин пытался добиться цели двумя способами: предупреждал, что ярость Америки из-за налога, введенного парламентом, способна разорвать империю на клочки, а затем притворно сокрушался по поводу «буйных неистовств», которые «не собирался поддерживать»[289].

Он проявил сходную реакцию, когда прочитал серию анонимных статей, опубликованных в Филадельфии под общим названием «Письма фермера из Пенсильвании». В то время Франклин не знал, что они написаны Джоном Дикинсоном, его филадельфийским противником в сражениях с владельцами колоний. Дикинсон допускал, что парламент имеет право регулировать торговлю, но утверждал, что парламент не может использовать это право для получения доходов с колоний без их согласия. Франклин договорился опубликовать эти письма в Лондоне как памфлет в мае 1768 года и написал к ним предисловие. Но он воздержался от безоговорочной поддержки содержавшихся в них аргументов. «Насколько эти мнения справедливы или несправедливы, я в настоящий момент судить не берусь».

К тому времени Франклин начал понимать, что его аргумент о различии между внешними и внутренними налогами был, по-видимому, неприменим на практике. «Чем больше я думаю и читаю на эту тему, — писал он Уильяму в марте, — тем больше нахожу подтверждений мнению о том, что никакая

промежуточная доктрина не может быть достаточно обоснована». Имелось всего два варианта: «Парламент имеет власть устанавливать для нас *все* законы, и парламент не имеет власти устанавливать для них *никаких* законов». Сам он начинал склоняться ко второму варианту, но признавал, что испытывает неуверенность[290].

Неуклюжие пляски вокруг вопроса о власти парламента, которые демонстрировал Франклин в первой половине 1768 года, способствовали тому, что его современники (а также последующие историки) делали разные выводы о том, во что он в действительности верил или какие игры вел. В действительности имелось несколько факторов, которые ему приходилось учитывать: он искренне верил, что умеренность и здравомыслие приведут к восстановлению согласия между Британией и колониями; он хотел предпринять последнюю попытку вырвать Пенсильванию у хозяев; он по-прежнему стремился к тому, чтобы некоторые сделки с землей одобрялись британским правительством. Но главное, как он признавался во многих письмах, его взгляды постоянно изменялись и он все время пытался привести мысли в порядок.

И вот еще один фактор, усложнявший ситуацию. Желание Франклина помочь разрешить возникшие споры в сочетании с амбициями породило надежду, что он может получить в британском кабинете министров должность чиновника, надзирающего за делами колоний. Министром иностранных дел в этом кабинете был только что назначен лорд Хиллсборо, и Франклин (безосновательно) полагал, что отношение этого человека к колониям окажется дружественным. «Я не думаю, что эта титулованная особа является врагом Америки», — писал он другу в январе. В письме сыну Франклин признавался, что у него имеются личные интересы. «Мне сообщили, что идут переговоры о назначении меня заместителем секретаря лорда Хиллсборо», — сообщал он. Однако приходилось признать — шансы весьма невелики. «Здесь считают, что я слишком американец».

В этом состояла суть дилеммы, стоявшей перед Франклином. Его стали подозревать, как признавался он в письме к другу, «слишком американцем в Англии и слишком англичанином в Америке». Мечтая о гармоничной и растущей Британской империи, он по-прежнему надеялся, что сможет соответствовать и нашим, и вашим. «Родившийся и выросший в одной из стран, долгое время живущий и заведший множество приятных знакомств в другой, я желаю процветания обеим», — заявлял он. Таким образом, он мечтал и даже всерьез надеялся получить должность в правительстве, на которой мог бы попытаться

удержать две части империи вместе[291].

Когда Хиллсборо укрепился во власти, став главой совета по торговле и министром по делам колоний, Франклин получил поддержку других британских министров, которые почувствовали, что предоставление ему должности в правительстве поможет поддерживать разумный баланс сил. Наиболее заметной фигурой среди них был лорд Норт, ставший министром финансов после смерти Таунсхенда. Франклин встретился с ним в июне и признался, что хотел бы вернуться в Америку. Однако он добавил, что «остался бы с удовольствием, если бы смог каким-то образом быть полезен правительству». Норт понял намек и попытался обеспечить поддержку его назначению.

Этого не случилось. Надежды Франклина войти в британское правительство рухнули окончательно после его долгой и малоприятной беседы с лордом Хиллсборо в августе 1768 года. Хиллсборо заявил, что не намерен назначать Франклина и предпочел бы вместо него взять своего заместителя Джона Поунолла, лояльного бюрократа. Франклин пришел в уныние. Поунолл, «по-видимому, имеет прочное предубеждение против нас», писал он Джозефу Галловэю, своему союзнику по пенсильванской Ассамблее. И, нанося прямой удар по миссии Франклина в дополнение к личному оскорблению, Хиллсборо заявил, что раз и навсегда отказывается рассматривать петицию о выведении Пенсильвании из-под власти владельцев колонии. Так как надежды на достижение двух главных целей оказались перечеркнуты, то Франклин был готов изменить свою умеренную позицию в битве колоний с парламентом. Это оказалось поворотным пунктом[292].

Патриот Америки

Когда ситуация стала окончательно ясна, Франклин взялся за перо, чтобы начать печатную войну против Хиллсборо и пошлин Таунсхенда. Обычно большинство его статей были анонимными, но на этот раз он не слишком старался скрывать свое авторство. Он даже подписал одну из них прозрачным для всех псевдонимом Фрэнсис Линн. Отношения между Британией и Америкой оставались дружественными, утверждал он, «до тех пор, пока в головах ваших министров не возникла идея обложить нас налогом на основании решения парламента». Он утверждал, что колонии не намерены бунтовать против короля, но ошибочные действия министров способны «превратить в бунтовщиков миллионы лояльных подданных». Необходимо что-то делать. «Неужели в Британии не найдется мудрого и порядочного человека, который мог бы выдвинуть предложение, способное предотвратить зло?» В другой статье, написанной от имени озабоченного ситуацией англичанина, он предлагал задать семь «вопросов» «тем джентльменам, которые собираются предпринять энергичные меры в отношении американцев». Один из вопросов звучал так: «Почему их следует лишать собственности без их согласия?» Что касалось лично Хиллсборо, то Франклин назвал его «нашим новым Аманом»[293].

Оппоненты открыли ответный огонь. Одна из статей в Gazette, подписанная Макиавелли, называла «пародией на патриотизм» то, что так много американцев «заваливали газеты и увешивали деревья свободы» жалобами на обложение налогом, хотя в то же самое время исподтишка добивались назначений для своих друзей и «пытались заполучить должности» для себя. Макиавелли привел список из пятнадцати лицемеров; первым значился Франклин, занимавший должность почтмейстера. Франклин ответил, хотя и анонимно, что американцы критикуют парламент, а не короля. «Будучи лояльными подданными своего монарха, американцы считают, что имеют такое же право получать от него должности в Америке, как шотландцы в Шотландии или англичане в Англии».

Весь 1769 год Франклин испытывал все бóльшую озабоченность тем, что ситуация чревата разрывом. Америка не может быть побеждена британскими войсками, утверждал он, и скоро станет достаточно сильной для того, чтобы завоевать независимость. Если это случится, Британия будет сожалеть об упущенной возможности добиться согласия в империи. Чтобы подкрепить свою точку зрения, он опубликовал в январе 1770

года притчу о львенке и большой английской собаке, которые вместе плыли на корабле. Собака обижала львенка и «часто отбирала у него еду». Но львенок рос и в конце концов стал сильнее собаки. В один прекрасный день в ответ на оскорбления он сбил собаку с ног «мощным ударом», заставив ее «сожалеть о том, что она провоцировала его враждебность, а не поддерживала дружбу». Притча была «скромно посвящена» лорду Хиллсборо[294].

В парламенте многие стремились к компромиссу. Одно из предложений заключалось в том, чтобы отменить большинства пошлин Таунсхенда и оставить только пошлину на чай в качестве подтверждения права парламента регулировать торговлю и пошлины. Это было прагматичное решение, которое ранее показалось бы Франклину привлекательным. Но сейчас он уже не был склонен проявлять умеренность. «Не сумма, уплачиваемая нами в качестве пошлины на чай, вызывает наше недовольство, но сама суть закона», — писал он Страхану. Частичная отмена «может воспламенить ситуацию еще сильнее» и дать импульс «безрассудным действиям» и эскалации того, что «приведет к полному отделению»[295].

Сепаратистские настроения были уже достаточно сильны, особенно в Бостоне. Пятого марта 1770 года молодой подмастерье оскорбил одного из британских солдат, посланных взимать пошлины Таунсхенда. Поднялась стрельба, зазвучал набат, и в дело вступила толпа вооруженных и разгневанных бостонцев. «Стреляйте и будьте прокляты», — кричали собравшиеся. Солдаты открыли огонь. В бостонской бойне погибло пятеро американцев.

В том же месяце парламент пошел на частичную отмену пошлин Таунсхенда и оставил только пошлину на чай. В письме к своему филадельфийскому другу Чарльзу Томсону, опубликованном во многих колониях, Франклин призывал к постоянному бойкоту всех промышленных товаров из Британии. Америка, утверждал он, должна проявлять «настойчивость и упорство в своих решениях».

Франклин наконец-то заразился пламенным патриотизмом, распространявшимся по всем колониям, особенно в Массачусетсе. В письме бостонскому священнику Сэмюэлу Куперу он утверждал: парламент не обладает полномочиями облагать колонии налогами или направлять британские войска. «В действительности они не имеют такого права, и их требования являются следствием узурпации власти». Однако, подобно многим американцам, он еще не был готов выступать за полный разрыв с Британией. Решение, полагал он, заключается в новом

соглашении, по которому ассамблеи колоний остались бы лояльны к королю, но больше не подчинялись бы британскому парламенту. В письме Куперу есть такие слова: «Позвольте нам сохранять приверженность королю (который наилучшим образом расположен к нам и имеет фамильную заинтересованность в нашем процветании), так как такая приверженность является наиболее правдоподобным средством защиты от своевольной власти коррумпированного парламента, который не любит нас и заинтересован в том, чтобы держать нас в подчинении и вымогать у нас деньги». Это была элегантная формула федеративной системы правления. К сожалению, она основывалась на непроверенном предположении, что король проявит больше сочувствия к правам колоний, чем парламент[296].

Письмо Куперу, широко опубликованное в печати, способствовало также тому, что нижняя палата легислатуры Массачусетса назначила Франклина своим дипломатическим агентом в Лондоне. В январе 1771 года он нанес визит лорду Хиллсборо, чтобы предъявить ему новые верительные грамоты. Хотя министр переодевался для приема у короля, он согласился принять Франклина. Но когда Франклин упомянул о своем новом назначении, Хиллсборо презрительно усмехнулся: «Я должен сказать вам прямо, мистер Франклин. Вы не являетесь дипломатическим агентом». «Я не понимаю вашу светлость, — ответил Франклин. — У меня в кармане документ о моем назначении».

Хиллсборо заявил, что губернатор Хатчинсон наложил вето на билль о новом назначении Франклина.

«Это не билль, — возразил Франклин, — а решение палаты, принятое большинством голосов».

«Палата представителей не имеет права назначать дипломатических агентов, — резко возразил Хиллсборо. — Мы не признаем никаких дипломатических агентов, кроме тех, которые назначены в соответствии с актами, принятыми Ассамблеей и одобренными губернатором».

Очевидно, что этот аргумент Хиллсборо является не чем иным, как надуманным предлогом. Ведь Франклин был назначен дипломатическим агентом Ассамблеи Пенсильвании без согласия губернатора Пенна. Министр пытался отказать людям в праве назначать представителей в Лондоне, и Франклин был потрясен. «Милорд, я не могу понять, почему согласие *губернатора* должно считаться необходимым для назначения представителя *народа*».

С этого момента разговор принял иной характер. Хиллсборо, побледнев, разразился тирадой о том, насколько его «твердость» необходима, чтобы навести порядок в мятежных колониях. На это

Франклин ответил личным выпадом: «Я уверен, что нет большой разницы, было назначение признано или нет. Я не понимаю, чем дипломатический агент в *данное время* может быть полезен любой из колоний. Следовательно, я больше не доставлю вашей светлости никаких беспокойств». С этими словами Франклин решительно вышел из комнаты и отправился домой записывать содержание беседы[297].

Хиллсборо «чрезвычайно обиделся на мои последние слова, которые он считает крайне грубыми и оскорбительными, — сообщал Франклин Сэмюэлу Куперу в Бостон. — Я нахожу, что он не ошибся на мой счет».

Сначала Франклин притворялся, будто его не беспокоит враждебность Хиллсборо. «Его коллеги по кабинету министров любят его ничуть не больше, чем я», — утверждал Франклин в письме Куперу. В другом письме он описывал Хиллсборо как «надменного, высокомерного, исключительно высоко ценящего свои политические знания и способности (такими, каковы они есть), любящего каждого, кто готов льстить ему, и враждебного ко всем, кто осмеливается говорить ему неприятную правду». Единственная причина, по которой он оставался у власти, заключалась, как предполагал Франклин, в том, что другие министры «не знают, как справиться с таким беспокойным человеком, вечно упорствующим в своих заблуждениях».

Тем не менее скоро стало ясно, что столкновение с Хиллсборо плохо отразилось на Франклине. Его друг Страхан заметил, что тот стал «очень необщительным, и это состояние накладывается на его природную инертность, так что теперь нет никакой возможности заставить его принять участие в чем-нибудь». Оно также усилило его пессимизм относительно роста напряженности в отношениях Америки с Британией. В действиях парламента можно увидеть намерение «посеять семена полного разъединения двух стран», сообщал он массачусетскому Комитету по переписке. «Кровавая распря приведет к абсолютному порабощению Америки или к гибели Британии вследствие утраты ею колоний»[298].

Несмотря на свои пессимистические настроения, Франклин по-прежнему надеялся на примирение. Он убеждал Ассамблею Массачусетса избегать проявления «открытого непризнания и неповиновения» власти парламента и вместо этого использовать стратегию, направленную на «постепенное ослабление предполагаемой власти парламента над Америкой». Он даже зашел настолько далеко, что дал Куперу следующий совет: возможно, «разумно поощрять метрополию, чтобы она проявляла озабоченность своей собственной репутацией». И он продолжал

убеждать проводить политику лояльности если не парламенту, то хотя бы короне.

Это дало повод врагам обвинить его в примиренчестве. «Доктор не жертва обмана, а инструмент вероломной политики, проводимой лордом Хиллсборо», — писал амбициозный виргинец Артур Ли своему другу Сэмюэлу Адамсу. Ли продолжал обвинять Франклина в желании сохранить за собой должность почтмейстера и пристроить на теплое местечко своего сына. Все это объясняет, утверждал он, «выжидательную тактику, которую он всегда демонстрировал в американских делах».

Ли имел свои мотивы: он хотел занять место Франклина в качестве дипломатического агента в Лондоне. Но Франклин по-прежнему пользовался поддержкой большинства массачусетских патриотов, включая (по крайней мере на то время) и Сэмюэла Адамса. Адамс проигнорировал мнение Ли, опубликовал полученное от него письмо, и друзья Франклина в Бостоне, включая Томаса Кашинга и Сэмюэла Купера, заверили его в своей поддержке. Критика со стороны Ли, писал Купер, служит «подтверждению мнения о вашей ценности и одновременно показывает всю низость ее автора». Но она также высветила трудности, с которыми сталкивался Франклин, пытаясь, как во время кризиса из-за закона о гербовом сборе, одновременно сохранять верность Британии и быть американским патриотом[299].

Глава 11. Мятежник
(Лондон, 1771–1775)

Каникулы 1771 года

С приближением лета 1771 года Франклин решил на время отойти от дел. Он не мог продвинуться ни на шаг вперед, по крайней мере на тот момент, в решении основных задач — в борьбе, во-первых, против хозяев колоний и парламента, и во-вторых, за земельный участок и должность в британском кабинете министров. Но он по-прежнему не был готов вернуться домой. Поэтому решил спасаться от политических стрессов излюбленным способом — с помощью путешествий, которым посвятил оставшуюся часть года. В мае он совершил поездку по промышленным районам Северной и Средней Англии, в июне и августе гостил в поместье своего друга в Южной Англии, а осенью побывал в Ирландии и Шотландии.

Во время майского путешествия Франклин посетил деревню Клафам, где имелся большой пруд. Стоял ветреный день, поверхность воды была покрыта рябью, и он решил проверить свои теории об использования масла для успокоения волнения. Вылив в воду всего одну чайную ложку масла, с удивлением наблюдал, как эта малая доза «обеспечила мгновенное успокоение», которое постепенно распространилось на «четверть поверхности пруда площадью примерно в пол-акра, сделав ее гладкой как зеркало».

Несмотря на то что Франклин продолжал углубленно изучать влияние масла на волнение водной поверхности, он находил также способы повеселиться, превращая свои эксперименты в занимательные фокусы. «После этого я стал возить, куда бы я ни направлялся в этой стране, небольшое количество масла в верхней полой части моей бамбуковой трости», — писал он. Однажды во время визита в поместье лорда Шелберна он отправился на прогулку вдоль ручья с группой друзей, среди которых были великий актер Дэвид Гаррик{58} и французский философ аббат Морелле{59}. Неожиданно Франклин заявил спутникам, что способен успокаивать волны. Он поднялся немного выше по течению ручья, взмахнул три раза своей тростью, и поверхность воды успокоилась. Лишь позднее он показал друзьям трость и объяснил ее секрет[300].

Поездка по Средней и Северной Англии в компании двух коллег-ученых дала Франклину возможность заняться изучением промышленной революции, которая была особенно заметна в этом регионе. Он посетил заводы по производству железа и олова в Ротерхаме, литейные заводы в Бирмингеме и шелкопрядильную фабрику в Дерби, где непрерывно вращалось 63 700 бобин и «за

процессом скручивания нитей следили дети в возрасте от пяти до семи лет». В Манчестере «он сел в лодку на лошадиной тяге», принадлежавшую герцогу Бриджуотеру{60}, которая, в полном соответствии с фамилией пэра, провезла его по водоводу, проложенному над рекой, до входа в угольную шахту. Под Лидсом они навестили ученого Джозефа Пристли{61}, продемонстрировавшего им «несколько интересных экспериментов с электричеством» и затем описавшего свойства некоторых открытых им газов.

Франклин критиковал меркантилистские торговые законы Англии, которые предназначались для подавления производства в колониях. Он доказывал (не вполне искренне), что Англии не следует бояться превращения Америки в промышленного конкурента. Однако в письмах, отправленных из путешествия в 1771 году, давал подробные рекомендации по развитию шелкопрядильной, ткацкой и металлургической отраслей, которые могли бы помочь колониям стать самодостаточными. Он становился «все более и более убежден», как писал своему массачусетскому другу Томасу Кашингу, в «неспособности» Англии удовлетворить растущую потребность Америки в тканях. «Следовательно, вынужденная необходимость, а также благоразумие вскоре побудят нас искать ресурсы в нашей собственной промышленности».

Франклин ненадолго вернулся в Лондон в начале июня, «чтобы быть на приеме в день рождения короля», — так писал он Деборе. Несмотря на разногласия с парламентом в вопросах налоговой политики, он оставался сторонником Георга III. «Хотя мы боремся за ослабление деспотической власти парламента, — писал он Кашингу на той неделе, — я хотел бы, чтобы среди нас сохранялась прочная, основанная на чувстве долга преданность королю и его семье»[301].

После двухнедельного пребывания в Лондоне Франклин направился на юг Англии, где навестил своего друга Джонатана Шипли в особняке эпохи Тюдоров в Твайфорде недалеко от Винчестера. Шипли был англиканским епископом в Уэльсе, но проводил бóльшую часть времени в Твайфорде с женой и пятью жизнерадостными дочерьми. Это был настолько восхитительный визит (Франклин вполне мог иметь в виду стимулирующее его интеллект общество пяти остроумных молодых девиц), что он с сожалением говорил о необходимости вернуться в Лондон для просмотра накопившейся за неделю корреспонденции. В благодарственном письме семейству Шипли, к которому прилагались в виде подарка сушеные яблоки из Америки, Франклин сетовал, что вынужден «с неохотой вдыхать

лондонский дым», и выражал надежду вернуться в конце лета в «приятную атмосферу Твайфорда» на продолжительный срок[302].

Автобиография

Франклин, которому исполнилось шестьдесят пять лет, начал все больше задумываться о семейных делах. Он стал испытывать любовь ко всей своей родне, несмотря на то — или, возможно, как он допускал, именно благодаря этому, — что продолжал жить вдали от нее. В написанном в то лето длинном письме своей единственной оставшейся в живых сводной сестре Джейн Миком он хвалил ее за то, что она хорошо ладит с его филадельфийской родней со стороны жены, и в выразительном пассаже размышлял, насколько легче родственникам поддерживать хорошие отношения, находясь далеко друг от друга. «Наш отец, который был очень мудрым человеком, говорил: те, кто любят друг друга на расстоянии, обычно находят множество поводов для нелюбви, когда начинают жить вместе». Хорошим примером, отмечал он, могут служить отношения их отца с его братом Бенджамином. «Хотя тогда я был еще ребенком, помню, насколько дружественной была их переписка», пока Бенджамин жил в Англии. Но когда дядя Бенджамин переехал в Бостон, начались «споры и размолвки».

Франклин также написал Джейн о шестнадцатилетней Салли Франклин, которая присоединилась к его суррогатной семье на Крейвен-стрит. Салли была единственным ребенком второго двоюродного брата, который продолжал красильный бизнес семейства Франклинов в Лейстершире. Его письмо дополнялось подробным генеалогическим древом, показывающим, как все они произошли от Томаса Франклина из Эктона. Салли оказалась последней представительницей рода Франклинов в Англии.

Интерес к семье еще больше возрос после посещения одного из его любимых лондонских магазинов старой книги. Хозяин магазина показал ему собрание старых политических памфлетов, содержавших множество примечаний. Франклин с удивлением обнаружил, что все они были сделаны его дядей Бенджамином. «Я полагаю, он расстался с ними, когда уезжал из Англии», — написал Франклин в письме к другому двоюродному брату. Он немедленно купил сборник[303].

Итак, в конце июня, когда Франклин наконец-то освободился от дел и вернулся в Твайфорд к Шипли, он пребывал в задумчивости. Карьерные перспективы были неясны, и его ум все больше занимала история семьи. Так сложились условия для осуществления самого продолжительного из его литературных замыслов — «Автобиографии Бенджамина Франклина». «Дорогой сын», — начинал он повествование в форме письма к Уильяму,

которого не видел уже семь лет. Эпистолярная форма давала ему возможность свободно излагать свои мысли, пользуясь разговорным языком. Он притворялся, по крайней мере в начале, что это просто личная переписка, а не литературный труд. «Обычно я пишу более методично, — сообщал он в абзаце, который вставил, перечитав несколько генеалогических отступлений, сочиненных в первый день работы. — Не следует одеваться для встречи в тесной компании так же, как на бал». Но предназначалась ли автобиография действительно только сыну? Нет. С самого начала ясно, что Франклин писал ее также и для широкой публики. Информация, которая была бы наиболее интересна Уильяму — имя и подробности жизни его матери, — отсутствовала: Франклин не стал также писать письмо на обычном листе почтовой бумаги: вместо этого он использовал левую половину листа в формате ин-фолио, оставляя правую половину свободной для будущих изменений и дополнений.

В начале второго дня работы он взял паузу для краткого обзора своей карьеры, демонстрируя намерение написать полномасштабные мемуары. Кроме того, на второе утро он использовал чистые правые поля первых страниц, чтобы вставить длинный отрывок, оправдывающий «тщеславное» решение «уступить присущей старикам склонности поговорить о себе». Его цель, заявлял он, — описание того, как он поднялся из безвестности и стал знаменитым, и сообщение полезных сведений о пути к успеху. Он надеялся, что другие смогут воспользоваться его советами.

Очевидно, что все это адресовалось более широкой аудитории, а не только его сыну, который уже достиг сорока лет и являлся губернатором Нью-Джерси. Однако здесь имелся подтекст, адресованный одному ему. Уильям-губернатор заважничал и проявлял больше любви к аристократии и истеблишменту, чем его отец. Автобиография должна была напомнить об их скромном происхождении и стать гимном ценностям трудолюбия, бережливости и предпринимательства, а также всему работящему среднему классу, который боролся с претенциозностью родовитой элиты, а не подражал ей. В течение почти трех недель Франклин ежедневно работал над автобиографией и затем по вечерам читал написанное вслух семейству Шипли. Поскольку это сочинение имело форму письма и поскольку оно читалось вслух, в прозе Франклина звучит голос симпатичного старого рассказчика. Лишенное признаков литературы для избранных, не содержащее ярких метафор и поэтической цветистости, это повествование являло собой последовательные описания интересных ситуаций и

поучительных уроков. Время от времени, когда чувствовал, что рассказывает о каком-либо событии с чрезмерной гордостью, он исправлял написанное, добавляя в свой адрес самоуничижительные комментарии и ироничные замечания, подобные тем, которые умеет отпускать хороший рассказчик послеобеденных историй.

В результате на свет появилось одно из самых очаровательных литературных произведений Франклина: портрет его самого в молодом возрасте. Романист Джон Апдайк назвал его «безмятежным сочинением, полным веселых противоречий и юмористических деталей, — нежным взглядом на прошедшую молодость, благодаря которому исключительно амбициозный молодой человек оценивается старшим с максимальной снисходительностью».

Ироничная беспристрастность и окрашенная легким юмором оценка собственного развития помогали Франклину держать своего героя на некотором расстоянии от себя, раскрывая его характер, но не слишком углубляясь в него. В череду полуанекдотических поучительных историй он включил мало сведений о его внутренних борениях и духовных исканиях. В большей степени описательные, чем аналитические, воспоминания представляют собой веселый взгляд на простой подход к жизни, который лишь намекает на более глубокий смысл, найденный им в служении ближнему и, таким образом, своему Богу. Написанное им не претендует ни на что другое, кроме как на подшучивание над любыми претензиями. Это сочинение общительного человека, любящего рассказывать истории, превращая их в поучительные притчи, и копаться в мелочах простых жизненных уроков.

Кому-то эта простота кажется недостатком. Знаменитый литературный критик Чарльз Ангофф утверждает, что «Автобиографии» «не хватает буквально всего, что необходимо по-настоящему выдающемуся произведению belles lettres: изящества стиля, обаяния личности героя и интеллектуального полета». Однако неправда, что «Автобиографии» не хватает обаяния личности героя. Как отмечает историк Генри Стил Коммаджер, ее «безыскусная простота, ясность, хороший язык, свежесть и юмор привлекают все новые и новые поколения читателей». Действительно, при непредвзятом прочтении это произведение доставляет истинное удовольствие, и к тому же оно является своего рода архетипом «домотканой» американской литературы. Наконец, благодаря сотням изданий практически на всех существующих языках оно стало самой популярной автобиографией в мире.

В наш век, когда мемуары пишутся очень быстро, следует иметь в виду, что Франклин создавал нечто новое для своего времени. «Исповедь» святого Августина посвящена главным образом его религиозному перерождению, а «Исповедь» Руссо еще не была опубликована. «До Франклина ведь не было знаменитых автобиографий, и у него не было образцов», — замечает Карл Ван Дорен. Но это не совсем так. Среди тех, кто к тому времени опубликовал своего рода автобиографии, значатся имена Бенвенуто Челлини, лорда Герберта Шербурского и епископа Жильбера Бурне. Но Ван Дорен прав, утверждая, что Франклин «писал для среднего класса, который имел мало историков. Его книга была первым автобиографическим шедевром „человека, который сделал себя сам“». Ближайшим известным образцом использования повествовательного стиля была одна из любимых книг Франклина — аллегорические фантазии Джона Баньяна «Путешествие пилигрима». Но Франклин писал историю, хотя и давнюю, вполне реального пилигрима в самом что ни на есть реальном мире.

К моменту отъезда из Твайфорда в середине августа он закончил первые четыре части текста, позже получившего название «Автобиография». Она описывала его жизнь с юных лет, когда он работал печатником и участвовал в различных гражданских инициативах, и до того момента, когда в 1731 году он основал филадельфийскую библиотеку и ее филиалы. Лишь в последних строчках он вскользь упоминал о политике. «Эти библиотеки, — отмечал он, — сделали обычных торговцев и фермеров столь же развитыми, как и большинство джентльменов в других странах, и, может быть, способствовали возникновению сопротивления, оказанного нашими колониями в защиту своих привилегий». Лишь спустя тринадцать лет по настоянию друзей он продолжил изложение этой истории[304].

Франклин, готовый заниматься созданием семей всякий раз, когда для этого возникали малейшие предпосылки, взял под свое крыло младшую из дочерей Шипли, одиннадцатилетнюю Китти, и привез ее в своем экипаже в Лондон, где она стала ходить в школу. По дороге они болтали о том, мужчины каких типов подойдут в качестве мужей каждой из дочерей Шипли. «Что касается меня, — кокетливо призналась Китти, — мне нравятся пожилые мужчины, и так или иначе они привязываются ко мне». Возможно, ей следовало бы выйти замуж за более молодого человека, предположил Франклин, «и позволить ему состариться под вашим наблюдением, потому что по мере старения он будет нравиться вам с каждым годом все больше и больше». Но Китти ответила, что предпочла бы выйти замуж за человека, которому

уже много лет, «и тогда я могла бы стать богатой молодой вдовой».

Так зародился легкий флирт, продолжавшийся всю оставшуюся жизнь Франклина. Однажды он попросил жену прислать из Филадельфии белку в подарок дочерям Шипли. Когда через год бедное животное нашло преждевременную смерть в зубах собаки, Франклин сочинил цветистую эпитафию, а затем придумал другой, более простой вариант, получивший широкую известность: «Here Skugg / Lies snug / As a bug /In a rug» («Здесь Скаг / Уютно устроилась / Как жучок / В пледе»). Он обессмертил свое чувство к Китти пятнадцать лет спустя, когда в возрасте восьмидесяти лет написал для нее маленькое эссе «Искусство видеть приятные сны».

В последний вечер его пребывания в Твайфорде семейство Шипли настояло на том, чтобы заочно отпраздновать день рождения его двухлетнего внука Бенджамина Франклина Бейча, находившегося в тот момент в Филадельфии. «За то, чтобы он стал таким же хорошим человеком, как его дед», — произнесла тост миссис Шипли. Франклин в ответ выразил надежду, что Бенни окажется намного лучше, чем он. На это замечание епископ Шипли отреагировал так: «Мы объединим их достоинства и будем довольны, даже если он окажется не *настолько* хорошим»[305].

Самым забавным во всех этих проявлениях любви к Бенни было то, что Франклин никогда прежде не видел внука и не демонстрировал особого желания встретиться с ним. Он даже никогда не виделся с отцом ребенка. Но в тот момент Ричард Бейч уже приближался к берегам Англии с задачей найти знаменитого тестя. Бейч без предупреждения явился на Крейвен-стрит, где его радостно приветствовала миссис Стивенсон. Однако Франклин, который пробыл в Лондоне всего около недели, к тому времени уже отправился в очередное путешествие.

Ирландия и Шотландия

Вместе с Ричардом Джексоном, другим дипломатическим агентом Пенсильвании в Англии, Франклин отправился в конце августа 1771 года в трехмесячное путешествие по Ирландии и Шотландии, желая выяснить, действительно ли взаимоотношения этих частей в составе Британской империи могли бы послужить моделью для Америки. Поездка началась удачно. Во время посещения ирландского парламента Джексону как члену английского парламента любезно предоставили право присутствовать на заседании нижней палаты. Однако, увидев знаменитого Франклина, спикер палаты предложил, чтобы тот как представитель американских легислатур также получил такую привилегию. «Весь парламент единодушно проголосовал „за“, — сообщал Франклин Кашингу. — Я воспринял это как знак уважения к нашей стране».

С другой стороны, многое из увиденного в Ирландии огорчило его. Англия жестко регулировала ирландскую торговлю, и проживавшие в Англии землевладельцы нещадно эксплуатировали ирландских крестьян-арендаторов. «Они живут в жалких лачугах из глины и соломы, одеты в лохмотья и питаются главным образом картофелем», — отмечал он. От разницы в доходах богатых и бедных классов он пришел в состояние шока, что побудило его еще больше гордиться тем, что Америка создает активный средний класс. Силу Америки, считал он, составляют гордые свободные землевладельцы и торговцы, имеющие право голоса в общественных делах и широкие возможности для того, чтобы кормить и одевать свои семьи[306].

Во время пребывания в Дублине он неожиданно встретился со своим врагом, лордом Хиллсборо, родовое поместье которого находилось в Северной Ирландии. Что удивительно, Хиллсборо настоял, чтобы Франклин и Джексон погостили у него. Франклин оказался в затруднительном положении. «Так как это могло предоставить возможность сказать что-нибудь об американских делах, — писал он другу, — то я согласился принять приглашение». Позднее он написал сыну, что «был настроен не ехать». Но, как выяснилось, на поездке настоял Джексон, а Франклин, не найдя другого экипажа, вынужден был отправиться с ним.

Это был на удивление теплый визит. В доме Хиллсборо Франклина «задержали под тысячью любезных предлогов» почти на неделю. Министр «казался внимательным ко всему, что могло бы сделать мое пребывание в его доме приятным». Сюда входило

даже «накидывание мне на плечи его плаща, чтобы, выходя на улицу, я случайно не простудился».

При обсуждении проблемы бедности в Ирландии Хиллсборо обвинил Англию в том, что она ограничивает развитие местного производства. Разве не справедливо будет сказать то же самое, спросил Франклин, о политике Англии в отношении Америки? К удовольствию Франклина, Хиллсборо ответил, что «производство в Америке ограничиваться не должно». Он даже предложил субсидировать американские шелковую и винодельческую отрасли. Ему было бы приятно также услышать «мнение и советы» Франклина о том, как создать правительство на Ньюфаундленде{62}. Не подумает ли Франклин об этом, а вернувшись в Лондон, «не поделится ли своими соображениями?» «Разве все это не кажется тебе необычным?» — писал он сыну. В письме Томасу Кашингу он предполагал, что всему этому может иметься более циничное объяснение. Поведение Хиллсборо «означало только, что, похлопывая и поглаживая лошадь, он пытается заставить ее быть более терпеливой, когда поводья натягиваются туже, а шпоры глубже вонзаются в ее бока». Или, возможно, «он почувствовал приближающуюся бурю и решил заранее уменьшить число своих врагов, которых он так неосмотрительно себе создал»[307].

Франклин прибыл в Эдинбург в субботу вечером, в штормовую погоду, и «промучался» ночь в скверной гостинице. «Но истинный христианин Дэвид Юм{63}, следуя предписаниям Евангелия, приютил странника, и теперь я живу у него», — сообщал Франклин на следующий день. Его старый друг Юм построил новый дом и был горд тем, что его повар лучше всех в Европе умеет готовить суп из бараньей головы. Разговор за столом также оказался под стать угощению: философия (Юм недавно подружился в Париже с Руссо), история и положение дел в американских колониях.

Через десять дней Франклин направился на запад в сторону Глазго, чтобы увидеться с лордом Кеймсом{64}, еще одним своим любимым шотландским философом. Кеймс также был выдающимся ботаником, выращивавшим деревья разных пород; одно из деревьев, посаженных Франклином во время этого визита, живо до сих пор. На обратном пути в Эдинбург Франклин побывал на металлургическом заводе в Карроне, где Джеймс Уатт создавал паровой двигатель, и, таким образом, смог продолжить изучение процесса индустриализации. На заводе изготавливались различные пушки, в том числе и те, которые позднее в течение нескольких лет использовались против колоний. Вес самых крупных орудий, за отливкой стволов которых они наблюдали,

достигал тридцати двух тонн.

Вернувшись в Эдинбург в дом Юма, Франклин провел там еще несколько дней, наслаждаясь обществом местных интеллектуалов. Он встретился с Адамом Смитом, который, как утверждается, показал ему несколько первых глав своего сочинения «Исследование о природе и причинах богатства народов». Возможно, подозревая, что они больше никогда не увидят своего американского друга, Юм организовал прощальный обед, куда пригласил многих известных Франклину шотландских ученых и писателей, включая лорда Кеймса[308].

Встреча с Бейчем

Франклин планировал подольше остаться у Юма, но во время пребывания в его доме он получил два письма. Одно — от зятя, Ричарда Бейча. Он сообщал, что, не застав Франклина в Лондоне, отправился навестить своих родителей в городе Престоне недалеко от Манчестера. Другое — от Полли. «Мистер Бейч в Престоне, где он будет с приятными надеждами ожидать встречи с вами. Мы все были очень рады знакомству с ним». Поэтому Франклин ускорил своей отъезд в Лондон, чтобы по дороге заехать повидаться с зятем. Неудивительно, что Салли Франклин Бейч, находясь в Филадельфии, беспокоилась о том, как поладят ее муж и отец. «Если даже встреча окажется не такой сердечной, как я могла бы желать, то я все равно уверена: когда ты примешь во внимание, что это мой отец, — писала она Ричарду, — твоя доброта и твоя любовь ко мне заставят тебя постараться завоевать его уважение и дружбу». Как оказалось, ее страхи были безосновательны. «Я могу, — с радостью писал Бейч Деборе, — с огромным удовлетворением сообщить вам, что он принял меня с распростертыми объятиями и такой любовью, какой я не ожидал». Бейч был особенно рад тому, что многие говорили ему, будто он похож на Франклина, — такое откровение в дофрейдовские времена не рассматривалось как отражение предпочтений Салли при выборе мужа. «Я рад сходству с ним в любом отношении», — с восторгом сообщал Бейч.

И было от чего. Старый кудесник очаровал всю семью Бейча, особенно его мать Мэри Бейч, «величественную» и «серьезную» вдову шестидесяти восьми лет, родившую двенадцать детей. Во время пребывания Франклина в ее доме она каждый вечер вела с ним беседы до полуночи. Спустя несколько недель Франклин направил ей письмо с выражениями благодарности, корзину устриц и (будучи не в силах победить свое тщеславие) собственный портрет. Миссис Бейч переносила его из гостиной в столовую и обратно, чтобы все время держать перед глазами. «Он так похож на оригинал, что вы не представляете, с каким удовольствием мы смотрим на него, видя сходство и с моим сыном, и с вами»[309].

Бейч вернулся в Лондон вместе с Франклином, какое-то время оставался у него на Крейвен-стрит и прилагал немалые усилия, чтобы во всем угодить тестю. «Его поведение мне понравилось», — сообщал Франклин Деборе. Но его чувство к зятю было не столь велико, чтобы предложить ему помощь в получении государственной должности, например таможенного

инспектора. «Я придерживаюсь того мнения, что почти любая профессия, которой обучался человек, подходит для занятия определенной должности… с учетом капризов начальства». Вместо этого он посоветовал Бейчу вернуться домой, стать коммерсантом (продающим товар только за наличные деньги) и «всегда быть рядом» со своей женой. Следует подчеркнуть, что совет исходил от человека, который прожил врозь с женой, отделенной океаном, более пятнадцати лет и всячески цеплялся за свою должность королевского почтмейстера.

Что касается Салли, то он посоветовал ей изучать бухгалтерский учет (вечная тема) и помогать мужу. «При наличии у вас магазина, если он будет располагаться там, где вы живете, ты всегда сможешь быть полезной мужу, как твоя мать мне, так как ты не лишена способностей и, я надеюсь, не слишком горда». Понятливые Бейчи поселились в конце концов в доме Деборы, открыли магазин в одном из принадлежавших Франклину зданий на Маркет-стрит и начали рекламировать продажу шелковых и других тканей «только за наличные». Когда магазин галантерейных товаров стал приносить, как жаловался Бейч Франклину, «серьезные огорчения», он был превращен в «винный и бакалейный магазин», который вскоре также стал влачить жалкое существование. Дело не в представлениях о статусе женщины с тем образованием, которое было у Салли, и не в представлениях Бейча о его долге, просто они следовали указанию Франклина не быть слишком гордыми[310].

Дебора так часто писала Франклину об их внуке Бенни, что в его ответах стала звучать нотка предостережения: «Я вижу, ты влюблена в него, и твое счастье неразрывно связано с его счастьем». Он хвалил ее за то, что она не вмешивалась, когда Салли пыталась приучать Бенни к дисциплине. «Я боялся, зная твое нежное отношение к нему, что он станет слишком избалованным и, возможно, испорченным».

Однако он иначе относился к тому, что избалованным, возможно, вырастет сын Полли Стивенсон — Уильям Хьюсон, появившийся на свет той весной. «Пожалуйста, давай ему все, что ему нравится, — писал он Полли. — Это придает [детям] довольный вид и… они становятся еще более красивыми». В том же письме он с оптимизмом отреагировал на провокационное сообщение Полли, что ее мать обрела нового друга. «Я привык иметь соперников, — писал Франклин, — и едва ли за всю жизнь имел подругу или возлюбленную, которая не нравилась бы другим так же сильно, как и мне самому».

За два года Билли Хьюсон фактически превратился в еще одного внука Франклина. Отвечая на письмо жены,

рассказывавшей об их собственном внуке, Франклин писал: «В ответ на твою историю о твоем внуке я хочу рассказать тебе немного о моем крестнике. Ему исполнился двадцать один месяц, растет крепким и здоровым и начинает немного говорить и даже петь. На прошлой неделе он пробыл у нас несколько дней, сильно привязался ко мне и не соглашался садиться завтракать без того, чтобы не пойти позвать Па». Однако Франклин все же соизволил добавить, что наблюдение за Билли «вызывает у меня желание вернуться домой, чтобы поиграть с Бенни»[311].

Когда Франклин вылил чайную ложку масла в пруд в Клафаме и отметил, что масло покрыло площадь в пол-акра, он близко подошел к открытию, которое было сделано лишь в следующем веке: к определению размера молекул. Если бы он взял объем чайной ложки масла (2 $см^3$) и разделил бы его на ту площадь, на которую оно разлилось (пол-акра, или 2000 $м^2$), то получил бы грубую оценку размера молекулы масла (10^{-7} см). Как отмечал Чарльз Танфорд в своей замечательной книге «Бен Франклин, успокоивший волны» (Ben Franklin Stilled the Waves), «фактически Франклин правильно определил порядок размера молекул, став первым человеком, который это сделал, хотя сам и не сознавал того». Франклин всегда добивался большего успеха, когда искал практического смысла в своих открытиях, а не занимался теоретическими изысканиями. Вместо того чтобы теоретизировать по поводу размера молекул, он стал искать конкретное применение результатов эксперимента с водой и маслом. Можно ли спасать корабли от бурных волн, выливая масло в море? С тремя друзьями из Королевской академии он отправился в Портсмут, чтобы это выяснить. «Эксперимент, — сообщал Франклин, — не принес успеха, на который мы надеялись». Волны на поверхности ослабли, но не ослабла сила, вызывающая их возникновение (возможно, еще одна метафора). Однако отчет о неудачном эксперименте был признан достаточно интересным для того, чтобы быть опубликованным в трудах Королевского научного общества[312].

Всякий раз, когда во время пребывания в Англии ему удавалось ненадолго избавиться от необходимости заниматься политикой, Франклин продолжал научные изыскания. После того как он установил молниеотводы на соборе Св. Павла, смотрители королевских складов военного имущества также попросили его придумать способы защиты подведомственных им зданий от молний. Эти просьбы вновь вовлекли его в спор о том, какими должны быть верхние части молниеотводов: остроконечными или закругленными. Франклин настаивал на остроконечной форме, но после американской революции король (возможно, по политическим причинам) приказал заменить остроконечную форму на закругленную. Кроме того, для обогрева здания палаты общин Франклин разработал собственную систему отопления, обеспечивавшую непрерывную циркуляцию по трубам горячей воды.

Среди других достижений лондонского периода можно

назвать следующие:

• *Определение причины простудных заболеваний*: хотя микробы и вирусы к тому времени еще не были обнаружены, Франклин одним из первых стал утверждать, что простудные заболевания и грипп «могут распространяться посредством передачи инфекции», а не под влиянием холодного воздуха. «Путешествуя в условиях наших суровых зим, я часто страдал от холода, едва не отмораживая себе конечности, но это никогда не вызывало у меня простудных заболеваний, — писал он филадельфийскому врачу Бенджамину Рашу в 1773 году. — Люди часто заражаются простудными заболеваниями друг от друга, когда собираются в небольшой закрытой комнате, в карете и т. п. и когда, сидя рядом и разговаривая, дышат одним воздухом». Наилучшей защитой от этого является свежий воздух. На протяжении всей своей жизни Франклин любил находиться в проветриваемых помещениях и открывал окна даже зимой[313].

• *Изучение эффекта физических упражнений*: один из способов предотвращения простудных заболеваний, утверждал он, — это регулярные физические упражнения. Лучше всего измерять эффект физических упражнений, утверждал он, не их продолжительностью, а «той степенью теплоты, которую они вызывают в теле». Это была одна из первых теорий, связывающих выполнение физических упражнений с вырабатываемыми организмом калориями тепла. Например, объяснял он, подъем и спуск по ступеням лестницы производят в пять раз больше тепла в теле, чем прогулка длиной в милю по ровной местности. При оценке эффекта плавания Франклин установил, что оно вызывало учащение его пульса с шестидесяти до ста ударов в минуту. И вновь он правильно предсказал, что «теплота в теле обычно повышается с ростом частоты пульса»[314].

• *Отравление свинцом*: сам будучи печатником, Франклин заметил, что работа с горячими свинцовыми шрифтами часто вызывала неподвижность или паралич конечностей. Он также обратил внимание, что люди некоторых профессий демонстрируют повышенную склонность к тяжелому заболеванию, получившему название «сухая боль в желудке». Один его друг подсказал ему, что люди, которые пьют ром из перегонных аппаратов со свинцовыми змеевиками, также часто страдают этим заболеванием. Действуя как эпидемиолог, Франклин одним из первых открыл причину этой болезни. «Она распространена среди ремесленников разных профессий, работающих со свинцом: стекольщиков, словолитчиков, паяльщиков, горшечников-глазуровщиков, изготовителей свинцовых белил и маляров». Он предложил, помимо прочего,

чтобы змеевики спиртоперегонных аппаратов изготавливались из чистого олова, а не из сплава олова со свинцом[315].

• *Движение кораблей в каналах*: когда Франклин вместе со своим другом Джоном Принглом, президентом Королевского общества, был в Голландии, ему рассказали, что корабли в мелких каналах движутся медленнее, чем в глубоких. Как догадался Франклин, это происходит потому, что движущийся корабль должен перемещать количество воды, вытесняемое его корпусом. Эта вода проходит по сторонам от корпуса и под корпусом корабля. Если перемещение воды под корпусом затрудняется вследствие движения по мелководью, то тогда большее количество воды должно проходить по сторонам от корпуса, что приводит к замедлению скорости корабля. Эта научная теория имела огромное практическое значение, и Франклин повел себя соответствующим образом. «Я намерен провести соответствующий эксперимент», — написал он Принглу. Он построил четырнадцатифутовый деревянный желоб глубиной и шириной в шесть дюймов и поместил в него маленький кораблик, к которому привязал шелковую нитку для буксировки. Нитка проходила по вращающемуся блоку, а тянущее усилие обеспечивала привязанная к нитке монета. Франклин засекал время прохождения игрушечным корабликом фиксированного расстояния при разной глубине воды в желобе. Результаты исследования показали, что движение по мелкому каналу требовало на двадцать процентов больше затрат времени или энергии, чем движение по глубокому каналу[316].

• *Соленость океанов*: в соответствии с господствовавшей в то время теорией, первоначально вода в океанах была пресной, но со временем в ней растворилось множество солей и минералов, которые выносили в океаны реки. В письме к брату Питеру Франклин предположил, что имеется не менее серьезное доказательство в поддержку противоположной гипотезы: «Вся вода на планете первоначально была соленой, а пресная вода, которую мы находим в источниках и реках, является продуктом ректификации». Как выяснилось позднее, в этом случае Франклин оказался не прав. Океаны с течением веков становятся все более солеными[317].

• *Стеклянная гармоника*: одним из самых парадоксальных его изобретений является музыкальный инструмент, получивший название стеклянной гармоники. Принцип его работы основывался на распространенной привычке скучающих за обеденным столом гостей и некоторых музыкантов производить резонирующий звук посредством перемещения мокрого пальца по кромке стакана. В Англии Франклин посетил концерт музыки,

исполнявшейся на бокалах для вина, и в 1761 году усовершенствовал эту идею, установив тридцать семь стеклянных чашечек разных размеров на вращающемся валу. Для вращения этого хитроумного устройства он снабдил его ножной педалью и маховым колесом, что позволило извлекать звуки разных тонов, прижимая мокрые пальцы к краям чашечек. В письме к одному итальянскому исследователю электричества Франклин подробно описал свое изобретение. «Этот инструмент, — утверждал он, — превосходно подходит для исполнения нежной и жалобной итальянской музыки». Стеклянная гармоника была какое-то время очень популярна. Мария-Антуанетта брала уроки игры на этом инструменте, Моцарт и Бетховен писали для него музыку, и его специфическое звучание часто можно было услышать на свадьбах. Но звуки стеклянной гармоники вызывали меланхолию, возможно, из-за ядовитого свинца{65}, и в конце концов этот инструмент вышел из моды[318].

Социальная философия

Многие годы Франклин разрабатывал собственную систему социальных воззрений, которая представляла собой смесь либеральных, популистских и консервативных идей и стала одним из архетипов философии американского среднего класса. Он восхвалял трудолюбие, предприимчивость, бережливость и уверенность в своих силах. С другой стороны, он также выступал за гражданское сотрудничество, социальную благотворительность и добровольное объединение людей для улучшения повседневной жизни. Франклин в равной мере не доверял элитам и черни и выступал против передачи власти знати и неуправляемой толпе, как человек с философией лавочника испытывал страх перед проявлениями классовой борьбы. Он имел врожденную веру в необходимость социальной мобильности и возможность повышения социального статуса благодаря упорному труду.

Его природный консерватизм в отношении государственного вмешательства в экономику и благосостояние граждан наглядно проявляется в вопросах, которые он поставил перед Питером Коллинсоном в 1753 году (см. ранее). В частности, спрашивал, не будут ли законы, «заставляющие богатых содержать бедных, делать последних иждивенцами» и «поощрять их лень»[319].

Перед Коллинсоном эти две проблемы были поставлены в виде вопросов. Но в эссе, написанных в конце 1760-х — начале 1770-х годов, Франклин совершенно открыто заявлял о своем консерватизме. Наибольшую известность получило его сочинение «О работающих бедных», подписанное псевдонимом Медиус{66} и опубликованное в The Gentleman's Magazine в 1768 году, где критиковались авторы, которые возбуждали массы утверждениями, будто богатые угнетают бедных. «А вы не хотите признать один-два аргумента другой стороны?» — спрашивал он. В Англии условия жизни бедняков являются лучшими в Европе, утверждал Франклин. Но почему? Потому что английское законодательство помогает поддерживать бедняков. «Этот закон не был придуман бедными. Все законодатели люди состоятельные… Они добровольно обложили свои имения и имения других налогом, чтобы содержать бедных». Эти законы — проявление сострадания. Но Франклин предупреждал, что они могут иметь непредвиденные последствия. «Я опасаюсь, что предоставление людям всего, что им необходимо в старости и в болезни, независимо от их трудолюбия и бережливости в то время, пока они молоды и здоровы, будет угождать нашей естественной лености, поощрять нашу праздность и

расточительство и, таким образом, еще больше способствовать бедности — тому злу, которое оно призвано излечить».

Франклин не только предупреждал об опасности социального иждивенчества, но и предлагал свою версию экономической теории перетекания денег. Чем больше зарабатывают богатые и общество в целом, тем больше денег найдет свой путь к бедным. «Богатые не работают друг для друга. <…> Все, что они или их семьи используют или потребляют, производится работающими бедными». Богатые тратят деньги на одежду, мебель и жилища, давая возможность бедным заработать средства к существованию. «Наши работающие бедные получают ежегодно весь чистый доход нации». Он также выступал против установления более высокой минимальной оплаты труда. «Можно принять закон, повышающий заработную плату, но если наши промышленные товары окажутся слишком дорогими, то их нельзя будет продавать за границей»[320].

Однако его экономический консерватизм уравновешивался фундаментальной нравственной убежденностью в том, что любые действия должны оцениваться по ценности вклада в общественное благо. Принципы, поощряющие трудолюбие, хороши, но не потому, что приводят к росту личного богатства, а потому, что повышают совокупное благосостояние общества и укрепляют человеческое достоинство каждого, кто стремится к общественному благу. Люди, приобретающие больше богатства, чем им требуется, обязаны помогать другим и создавать гражданские институты, способствующие успеху общества в целом. «Его идеалом был процветающий средний класс, представители которого жили бы простой жизнью в условиях демократического равенства, — писал Джеймс Кемпбелл. — Те, кто добивается значительных экономических успехов, обязаны помогать истинно нуждающимся, но те, кто сознательно не выполняет положенную работу, не могут ожидать помощи от общества»[321].

К этой смеси философских максим Франклин добавил пылкую проповедь традиционных английских либеральных ценностей — свободу и права личности. При всем этом в вопросе о рабстве, имевшем огромное значение, он еще не завершил моральную эволюцию. Как дипломатический агент нескольких колоний, включая Джорджию, он чувствовал неуклюжесть и неубедительность аргументов в защиту Америки: британцы упрекали его страну, утверждая, что сохранение рабства превращает борьбу колонистов за свободу в фарс.

В 1770 году он анонимно опубликовал «Дискуссию о рабстве», участник которой с американской стороны пытался

защититься от обвинений в лицемерии. В Америке только «одна семья из ста» имеет рабов, и во многих этих семьях «с рабами обращаются весьма гуманно». Он также утверждал, что условия жизни «работающих бедняков» в Англии «по-видимому, мало отличаются от условий, в которых живут рабы». В какой-то момент аргументация автора начинает отдавать расизмом: «Возможно, вы думаете, что негры мягкие и покладистые люди. Некоторые из них действительно таковы. Но большинство — коварные, угрюмые, мрачные, злобные, мстительные и в высшей степени жестокие»[322].

Стремясь защитить Америку любой ценой, Франклин использовал недостойные аргументы. Он даже прибегал к прямой подтасовке фактов. Пропорция американских семей, имевших рабов, составляла не один к ста, а один к девяти (в 1790 году рабов имели 47 644 семей из 410 636).

Моральную и фактологическую слабость его аргументации придавало и то обстоятельство, что семья Франклина продолжала держать рабов — хотя сам он пытался представить рабство в Америке как отклонение от нормы. Двух рабов, сопровождавших его во время первой поездки в Америку, в этот раз при нем уже не было; еще один или два раба продолжали быть частью домашнего хозяйства Деборы в Филадельфии[323].

Однако его взгляды эволюционировали. Через два года после написания «Дискуссии» он начал переписываться с пламенным аболиционистом из Филадельфии Энтони Бенезетом. Франклин использовал несколько аргументов Бенезета в статье, написанной в 1772 году для лондонской Chronicle. В ней он порицал — используя более сильные выражения, чем когда-либо, — «непрерывное уничтожение людей посредством отвратительного перемещения человеческих тел и душ». И даже почти согласился с утверждением Бенезета, что рабство как таковое — а не просто импорт новых рабов — должно быть запрещено. «Я рад слышать, что негативное отношение к рабовладению становится в Северной Америке все более распространенным, — писал он Бенезету. — Надеюсь, что со временем оно будет принято во внимание нашей легислатурой, которая отменит рабство».

В том же духе Франклин писал своему другу, филадельфийскому врачу Бенджамину Рашу. «Надеюсь, что со временем друзья свободы и гуманности справятся с практикой, которая так долго позорила нашу нацию и религию». Однако важно отметить, что в письмах Бенезету и Рашу имелось важное уточнение — «со временем». Франклин начал выступать за полную отмену рабовладения (а не просто за прекращение ввоза рабов) только после революции[324].

Победа над Хиллсборо

От озадачившего Франклина заботливого внимания лорда Хиллсборо вскоре не осталось и следа. «По возвращении в Лондон, — писал Франклин сыну, — я заехал поблагодарить его за любезное отношение ко мне в Ирландии». Швейцар сказал Франклину, что министра «нет дома». Франклин оставил ему свою карточку и назавтра вернулся снова, чтобы услышать тот же самый ответ, хотя в тот день Хиллсборо совершенно точно принимал гостей. Франклин повторил попытку через неделю, потом еще через одну, но все безрезультатно. «Последний раз я приехал к нему в приемный день, когда у его дверей стояло несколько экипажей. Мой кучер, подъехав в дому, спустился с козел и начал открывать дверь кареты. Швейцар, увидев меня, подошел и велел кучеру не открывать дверь, не узнав предварительно, дома ли хозяин, а затем, повернувшись ко мне, сказал: „Хозяина нет дома“. С тех пор я ни разу не видел его рядом, и мы лишь испепеляли друг друга взглядами на расстоянии».

Хиллсборо «отбросил меня, как выжатый апельсин, из которого нельзя больше получить ни капли сока», — жаловался Франклин. Вновь он начал подумывать о возвращении в Филадельфию. «Я все больше тоскую по дому», — написал он Уильяму. Но действовал один фактор, мешавший быстрому отъезду из Англии. Несмотря на малые шансы на успех, Франклин продолжал надеяться, что сможет получить для себя (а также для друзей, родственников и партнеров) денежную ссуду на участок земли вдоль реки Огайо[325].

Ради достижения этой цели он вовлекался в разнообразные партнерства, в том числе с Illinois Company{67}, а затем с Indiana Company{68}, которые не смогли заручиться необходимой поддержкой в Лондоне. Летом 1769 года Франклин помог организовать мощнейший консорциум, не оставлявший сомнений в возможности переиграть лорда Хиллсборо. Grand Ohio Company — так назывался консорциум — имел в числе учредителей богатейших и известнейших жителей Лондона, в частности Томаса и Ричарда Уолполов. Какое-то время казалось, что это объединение, также известное как Walpole Company, обречено на успех. Но летом 1770 года Хиллсборо удалось положить подготовленные документы под сукно под предлогом необходимости более тщательно изучить их.

Однако группа Уолпола сумела удержаться на плаву, сделав акционерами компании нескольких ведущих министров, включая

лорда-канцлера и председателя Тайного совета. К весне 1772 года Хиллсборо больше не мог тормозить ход дела. Даже король дал Хиллсборо знать, что ожидает скорого решения вопроса. В апреле совет по торговле передал отклоненную им заявку на выделение земельного участка в Тайный совет. Но через два месяца Тайный совет провел свои собственные слушания, на которых присутствовали Франклин, Уолпол и многие другие влиятельные акционеры. Хиллсборо угрожал, что в случае одобрения заявки покинет свой пост (вряд ли сильный аргумент, так как в Тайном совете многие, по словам Франклина, желали «унизить его»). И они это сделали. Разрешение на земельный участок был выделен, и Хиллсборо ушел в отставку.

Франклин и его друзья так никогда и не получили земли из-за возросшего напряжения в отношениях между Британией и ее колониями. «Дело с землей продвигается, но крайне медленно, — написал он другу год спустя. — Я начинаю рассуждать, как один из двух матросов, которым пришлось тянуть со склада на корабль длинный канат. Один сказал: „Какой длинный и тяжелый канат, скорей бы он закончился“. „Черт возьми, — выругался другой, — я думаю, если у него и был конец, то его наверняка кто-нибудь уже отрезал“».

Тем не менее Франклин сумел добиться отставки своего врага. «Наконец-то мы избавились от лорда Хиллсборо», — радостно сообщал он Уильяму. Хиллсборо, в свою очередь, назвал Франклина «одним из самых вредных людей в Англии». Однако, маскируя вражду случайными проявлениями притворного добросердечия, они, невзначай встретившись следующим летом в Оксфорде, сумели заключить перемирие. Хиллсборо слегка поклонился, приветствуя Франклина. «В ответ на эту причуду, — сообщал Франклин Уильяму, — я поприветствовал его во время выступления его сына на сцене театра, хотя в действительности мне было безразлично; так что теперь мы в расчете. Ты знаешь, люди в состоянии гнева говорят: „Если он ударит меня, то я ударю его“. Мне же иногда кажется, что правильнее было бы говорить: „Если он станет льстить мне, то я стану льстить ему“»[326].

Письма Хатчинсона

«В мои руки недавно попала часть переписки, которая, как я имею причины считать, заложила основы большинства, если не всех наших сегодняшних поводов для недовольства». Этими зловещими словами, обращенными в декабре 1772 года к массачусетскому единомышленнику Томасу Кашингу, Франклин вызвал бурю, которая привела его к окончательному разрыву с Британией. К этому письму прилагалась пачка других; шесть были написаны губернатором Массачусетса Томасом Хатчинсоном, бостонским коммерсантом из старой пуританской семьи. В прошлом Хатчинсон был другом Франклина, и в 1754 году они вместе подготовили для конференции в Олбани план союза колоний. Письма были тайно переданы Франклину неназванным членом парламента и затем отосланы Кашингу с указанием не публиковать их.

Письма Хатчинсона содержали советы, как усмирять волнения в колониях. «Необходимо ограничить то, что называется английскими свободами», — утверждалось в одном. Когда письма были опубликованы в Бостоне (Джон и Сэмюэл Адамс с согласия Томаса Кашинга пошли на этот шаг вопреки требованию Франклина), они вызвали ярость местных патриотов-радикалов.

Совсем не этого добивался Франклин. Его целью было успокоить мятежные настроения в колониях, показать Кашингу и некоторым другим лидерам, что ошибочная политика Англии вызвана в большей степени дурными советами людей вроде Хатчинсона, чем безрассудной ненавистью к Америке. Письма, верил он, могли бы даже усилить «тенденцию… к примирению», а ведь именно этого, как заявлял он позднее, «я искренне желал»[327].

Действительно, в большинстве посланий, написанных в начале 1773 года, Франклин стремился ослабить напряженность. «Я надеюсь, что будут предприняты необходимые усилия для того, чтобы сохранить спокойствие народа, — писал он Кашингу в марте, — так как ничто не будет более желанным для наших врагов, чем если мятежами мы дадим хороший повод для усиления военного присутствия и наложения на нас еще более строгих ограничений». Когда Ассамблея Массачусетса приняла резолюцию о неподчинении парламенту, Франклин предпринял усилия, чтобы удержать англичан от чрезмерной реакции. «По моему мнению, правильнее и разумнее не обращать на это внимания, — писал он министру по делам колоний лорду Дартмуту, сменившему Хиллсборо на этом посту. — Это только

слова»[328].

Чтобы выразить свою точку зрения, не вызывая ненужной враждебности, Франклин обратился к любимому жанру сатиры в двух анонимных памфлетах, написанных для английских газет в сентябре 1773 года. Первый назывался «Правила превращения большой империи в малую». В нем говорилось, как один «античный мудрец» (речь шла о древнегреческом флотоводце и правителе Фемистокле{69}) однажды похвастался, что знает, как превратить маленький город в большой. Затем Франклин перечислил двадцать способов обратного превращения целой империи. Среди них указывались следующие.

> В первую очередь, джентльмены, вам следует учесть, что большую империю, как и большой пирог, легче всего объедать с краев.
>
> Особенно позаботьтесь о том, чтобы провинции никогда не включались в состав метрополии, чтобы они не пользовались теми же общепризнанными правами, теми же привилегиями в торговле и чтобы они управлялись в соответствии с более жесткими законами, которые вы будете принимать для себя, не позволяя колониям участвовать в выборах законодательного органа.
>
> Но как бы покорно ни подчинялись колонии вашему правлению, проявляя верность вашим интересам и готовность терпеливо переносить все тяготы, вы должны помнить, что они всегда готовы к бунту, и обращаться с ними соответственно. Размещайте в них войска, которые своей наглостью могут спровоцировать восстания масс. <…> Подобно мужу, который подозрениями доводит жену до греха, вы также можете со временем превратить свои подозрения в реальность. Всякий раз, когда несправедливо пострадавший приезжает в столицу с жалобой, наказывайте просителя — затягивайте рассмотрение дела, вводите в издержки и в итоге выносите решение в пользу его обидчика.
>
> Истощайте их новыми налогами. Они, вероятно, будут жаловаться вашему парламенту на то, что налогами их облагает законодательный орган, в котором они не имеют своего представительства, и что это противоречит общему праву. <…> Позвольте парламенту игнорировать их требования <…> и обращайтесь с подателями петиций с крайним презрением.

Список, отражающий оскорбления, нанесенные Америке, был длинным: присылка в качестве управляющих колониями «мотов» и «болтливых адвокатов», «затруднение торговли бесконечными предписаниями», назначение «наглых» сборщиков налогов и размещение войск в домах жителей, а не на границе, где они приносили бы пользу. «Если вы последуете этим правилам для уменьшения размеров своих колоний, — говорилось в конце памфлета, — то избавитесь от тяжелой необходимости управлять ими». Памфлет был подписан Q. E. D. — начальными буквами латинского выражения quod erat demonstrandum («что и требовалось доказать»), которое обычно ставили в конце философских рассуждений для указания на то, что исходное предположение доказано[329].

Две недели спустя Франклин опубликовал еще более едкую пародию на обращение Англии с Америкой — «Эдикт короля Пруссии». Эта плохо замаскированная мистификация представляла собой вымышленную декларацию короля Фридриха II. Поскольку германцы в давние времена создали первые поселения в Англии и впоследствии защищали эту страну в войне против Франции, то они решили, «что должны получать доходы и с британских колоний». Таким образом, Пруссия наложила пошлины в размере четырех с половиной процентов на весь британский экспорт и импорт и запретила строительство в Англии новых промышленных предприятий. В эдикте также сообщалось: уголовники, содержавшиеся в немецких тюрьмах, «будут выпущены на свободу» и отправлены в Англию для «повышения заселяемости этой страны». Чтобы кто-нибудь по глупости не пропустил самую суть эдикта, в нем пояснялось: в Англии все эти меры должны считаться «справедливыми и разумными», потому что они «скопированы» с правил, установленных британским парламентом для американских колоний[330].

В момент выхода «Эдикта» в свет Франклин гостил в загородном поместье лорда Ле Деспенсера, который как генеральный почтмейстер Великобритании был боссом Франклина и затем стал его другом. Ле Деспенсер был, по словам Ван Дорена, «известным греховодником», восстановившим старое аббатство, где собирал распутных друзей, чтобы устраивать там богохульные церемонии и настоящие оргии (так гласила молва). Они подружились в 1772 году, когда Ле Деспенсер стал вести себя чуть более прилично, и Франклин помог ему составить упрощенную деистическую версию «Книги общей молитвы». (В реформистском порыве Франклин написал также сжатую версию «Отче наш».) Франклин разговаривал за завтраком с Ле

Деспенсером и другими его знакомыми в столовой, когда один из гостей «вбежал, задыхаясь», с утренними газетами в руках и заявил: «Король Пруссии заявляет права на наше королевство!» Пока текст читали вслух, Франклин притворялся непричастным.

«Да будет проклято его неблагоразумие», — воскликнул один из гостей. Но чтение приближалось к концу, и другой гость заподозрил мистификацию. «Провалиться мне на этом месте, если это не одна из ваших американских шуток в наш адрес», — сказал он Франклину. Чтение, отметил Франклин, «закончилось дружным смехом и общим признанием того, что это отличный удар».

В письме к Уильяму Франклин откровенно гордился произведенным эффектом. Сам он предпочитал «Правила» из-за «многообразия поднятых вопросов и юмористических концовок в каждом из абзацев». Другим больше нравился «Эдикт». Он похвалялся: «Меня никто не заподозрил в авторстве, кроме одного или двух друзей, и я слышал, как вторая пародия [„Эдикт“] превозносилась до небес как самый острый и сильный памфлет, появившийся за последнее время».

Однако не все его письмо оказалось веселым. Трещина между становившимся все более радикальным дипломатическим агентом и королевским губернатором, имевшим друзей в высшем классе и соответствующие амбиции, постепенно и неуклонно расширялась. «Парламент не имеет права принимать законы, налагающие любые ограничения на колонии, — утверждал Франклин. — Я знаю, что твое мнение по этим вопросам отличается от моего. Ты абсолютно государственный человек»[331].

В Кокпите

«Я хочу узнать побольше об этом чае», — обеспокоенно писал Франклин своему другу в конце 1773 года. Парламент еще более усилил оскорбление, нанесенное посредством пошлины на чай, новыми правилами, которые фактически предоставляли коррумпированной Ост-Индской компании монополию на торговлю. Франклин взывал к спокойствию, но бостонские радикалы под предводительством Сэма Адамса и «Сынов свободы» повели себя иначе. Шестнадцатого декабря 1773 года после массового митинга у Старой Южной церкви около пятидесяти патриотов, загримированных под индейцев племени могавков, отправились в порт, где выбросили в море триста сорок два ящика с чаем общей стоимостью десять тысяч фунтов.

Франклин был шокирован «актом вопиющей несправедливости с нашей стороны». Его симпатий к делу борьбы колоний за независимость было недостаточно, чтобы преодолеть изначальное консервативное неприятие власти толпы. Акционеры Ост-Индской компании «не являются нашими врагами», утверждал он. Неправильно «уничтожать частную собственность»[332].

В то время как в Бостоне происходило знаменитое «чаепитие», Англия была охвачена распрей, связанной с публикацией похищенных писем Хатчинсона.

Франклин выражал удивление, что его имя не упоминалось в связи с этим делом, и сообщал о «желании и дальше оставаться в тени». Но в декабре два человека участвовали в незаконченной дуэли в Гайд-парке, после того как один обвинил другого в краже писем. Когда второй раунд дуэли стал неизбежен, Франклин счел необходимым выйти на сцену. «Я являюсь тем единственным человеком, который получил и переслал в Бостон эти письма», — написал он в редакцию лондонской Chronicle в день празднования Рождества. Но не принес извинений. Это были не «частные письма, не переписка друзей», утверждал он: «они были написаны государственными чиновниками для людей, облеченных властью». В них содержался призыв «настроить метрополию против своих колоний»[333].

Роль Франклина в публикации похищенных писем давала козыри тем британским политикам, которые считали его источником неприятностей. В начале января его вызвали в Тайный совет. Заседание проходило в знаменитой комнате, получившей название «Кокпит», или «Арена для петушиных боев», потому что во времена Генриха VIII там проводились петушиные

бои. Официальным поводом стало желание членов Совета получить информацию о петиции Ассамблеи Массачусетса с требованием смещения Хатчинсона с поста губернатора. Однако вскоре последовали исключительно вопросы о том, являются ли письма Хатчинсона, представленные Франклином в качестве вещественных доказательств, частными и каким образом они были получены.

Франклин с удивлением обнаружил среди присутствующих заместителя генерального прокурора Александра Веддербурна, неприятного амбициозного чиновника, голосовавшего против отмены закона о гербовом сборе и обладавшего (по выражению премьер-министра лорда Норта) «услужливой совестью». Было ясно, что политический вопрос о петиции с требованием отзыва Хатчинсона превращается в юридическое преследование Франклина на основе обвинения в публикации писем. Правительство, многозначительно заявил Веддербурн, имеет «право выяснить, как они были получены».

«Я думал, это политический, а не юридический вопрос, — заявил Франклин Совету, — и не пригласил с собой адвоката». «Доктор Франклин может получить помощь адвоката или отвечать без него, как ему заблагорассудится», — сказал один лорд из числа членов Совета. «Я хочу иметь адвоката», — заявил Франклин. На вопрос о том, сколько времени ему понадобится для подготовки материалов, Франклин ответил: «Три недели».

Для Франклина эти три недели оказались невеселыми. Весть о «Бостонском чаепитии» достигла Англии и еще больше подорвала симпатии к борьбе американцев за свободу. Его называли поджигателем, а как отмечал он сам, «газеты были наполнены резкими выпадами в мой адрес». Появились даже намеки на то, что он может быть арестован. Его компаньоны-акционеры из группы Уолпола выразили опасение, что его вовлеченность в дело может затруднить получение земельного участка, и поэтому он написал им о своем желании быть вычеркнутым «из списка компаньонов». (Эта просьба была сформулирована таким образом, что в действительности он не был исключен из числа компаньонов и остался акционером без права голоса[334].)

Тайный совет вновь собрался в Кокпите 29 января 1774 года. Произошедшее в тот день сражение заставило померкнуть все прошлые бои, для которых эта комната изначально предназначалась. «Были приглашены все придворные, — отмечал Франклин, — как будто для развлечения». В числе собравшихся членов Совета и зрителей можно было увидеть самых разных людей — от епископа Кентерберийского до жаждавшего реванша

лорда Хиллсборо. Немногие сторонники Франклина, в том числе Эдмунд Бёрк{70}, лорд Ле Деспенсер и Джозеф Пристли, пришли, чтобы оказать ему моральную поддержку. Позднее Франклин сказал, что это было похоже на «травлю быка».

Веддербурн, обладавший острым языком, говорил в своем часовом выступлении и умно, и безжалостно. Он назвал Франклина «основным проводником» (намекая на его успехи в изучении электричества) агитации против британского правительства. Вместо того чтобы сосредоточиться на достоинствах массачусетской петиции, он говорил исключительно о похищенных письмах. «Частная корреспонденция до сих пор считалась священной, — негодовал Веддербурн. — Франклин потерял право на уважение со стороны общественных институций и частных лиц». С отменным остроумием Веддербурн добавлял: «Впредь он будет называть эти письма вымыслом, а сам будет именоваться man of letters»{71}. За остроумием скрывалось серьезное обвинение. Бёрк назвал атаку Веддербурна «яростной филиппикой», а другой присутствующий описал ее как «поток злобных оскорблений».

В своем неистовом выступлении Веддербурн сделал несколько важных замечаний. Высмеивая утверждение Франклина, будто желание Хатчинсона сохранить письма в тайне означало признание, что ему есть что скрывать, прокурор резонно заметил: Франклин сам в течение почти года скрывал, что замешан в этом деле. «Он молчал до тех пор, пока едва не стал причиной убийства» невиновного человека, утверждал Веддербурн, имея в виду дуэль в Гайд-парке. Стуча кулаком по столу, который (согласно Джереми Бентаму) «стал скрипеть под тяжестью оскорблений и угроз», Веддербурн обвинял Франклина в желании стать губернатором.

Присутствующие потешались и злорадствовали, но на лице Франклина не отражалось никаких эмоций. Он стоял у стены в своем простом костюме, сшитом из синего манчестерского бархата. Эдвард Бэнкрофт, один из друзей Франклина (позднее шпионивший за ним в Париже), описывал его поведение так: «Доктор, одетый в костюм из крапчатого манчестерского бархата, стоял прямо, сохраняя полную неподвижность. Мускулы его лица были не напряжены, что придавало его облику мягкое, спокойное выражение, которое он сохранял без видимого труда».

В конце речи Веддербурн предложил считать Франклина свидетелем и заявил: «Я готов допросить его». В официальном протоколе заседания было записано: «Доктор Франклин сохранял молчание, но через своего адвоката заявил, что не желает быть допрошенным». Молчание стало самым эффективным оружием:

оно придавало ему мудрый, благородный и спокойный вид. В данном случае позволило ему выглядеть более сильным, чем его могущественные противники, и выражать скорее презрение и снисходительность, чем раскаяние и смирение[335].

Тайный совет, как и ожидалось, отверг петицию Ассамблеи Массачусетса, направленную против Хатчинсона, назвав ее «беспочвенной, мелочной и скандальной». На следующий день Франклин был письменно информирован о том, что его старый друг лорд Ле Деспенсер «счел необходимым» уволить его с должности почтмейстера в Америке. Франклин пришел в ярость: он всегда гордился тем, что сделал почтовую систему в колониях эффективной и прибыльной, и немедленно написал короткое письмо Уильяму, предлагая ему оставить губернаторский пост и стать фермером. «Это более честное и достойное занятие, потому что более независимое». Своей сестре Джейн он написал в более задумчивом тоне: «Я лишился своей должности. Но не беспокойся из-за этого. Мы с тобой почти закончили наше жизненное путешествие, нам осталось пройти недлинный путь до дома, и в нашем кармане достаточно денег, чтобы заплатить за билеты в почтовой карете»[336].

В один из ближайших дней после слушаний в Кокпите Франклин, опасаясь ареста или конфискации документов, незаметно покинул дом на Крейвен-стрит и спустился на берег Темзы. Там он погрузил в лодку чемодан с документами и направился вверх по течению в дом своего друга в Челси, где и провел несколько дней. Когда опасность миновала, вернулся на Крейвен-стрит и вновь стал принимать гостей. «Я обнаружил, что не потерял ни одного друга, — отмечал он. — Все продолжали регулярно посещать меня, демонстрируя дружеские чувства и неизменное уважение». По просьбе близких он составил длинный и подробный отчет о деле Хатчинсона, но не опубликовал его, отметив: «такие достойные порицания дела я обхожу молчанием»[337].

Однако Франклин продолжил выпускать анонимные памфлеты. Пойдя на поводу вполне понятного в данных обстоятельствах желания похвастаться (нетипичного для него), он опубликовал полуанонимную статью (подписанную Homo Trium Literarum, то есть «Человек писем» — по оскорбительному прозвищу, данному Веддербурном), в которой утверждал, что «почитатели доктора Франклина в Англии возмущены тем, что мистер Веддербурн назвал его вором». Он указывал, что французы в предисловии к его научным трудам, только что вышедшим из печати, также назвали его вором, «укравшим с небес священный огонь, который он приручил». В анонимном

описании слушаний в Кокпите, опубликованном в одной бостонской газете, он говорил сам о себе: «Доктор поступил с этими письмами благородно, его намерение отослать их было достойным: ослабить раскол между Британией и колониями»[338].

Сатира и сарказм Франклина стали как никогда острыми. В эссе, написанном после того, как генерал Гейдж был направлен в Массачусетс, чтобы сменить Хатчинсона на посту губернатора, он предложил Британии «без промедления ввести в Северной Америке полностью военное правление». Это «настолько бы устрашило американцев», что они с радостью стали бы платить налоги. «Когда из колонистов вытянут последние гроши, — добавлял он, — их следует продать тому, кто согласится больше заплатить». Например, Испании или Франции. В другой статье он предлагал генералу Гейджу политику, исключающую в дальнейшем возможность любых мятежей в Америке: «кастрировать всех лиц мужского пола». Таких «зачинщиков», как Джон Хенкок и Сэм Адамс, следовало «обрить наголо». Одна из побочных выгод, добавлял он, в том, что это принесет пользу оперному театру и сократит число людей, эмигрирующих из Британии в Америку[339].

И вновь встал вопрос: почему бы наконец не отправиться домой? Его жена была при смерти, сам он стал политическим изгоем. Как было уже не раз, решил, что уедет. Как только уладит дела с Министерством почт, сказал друзьям; к маю, пообещал Ричарду Бейчу. И вновь не уехал. Остаток 1774 года провел в Англии, ничем особо не занимаясь, не выполняя никаких официальных поручений, не встречаясь с министрами. Даже король нашел это странным.

«Где доктор Франклин?» — спросил в то лето Его Величество лорда Дартмута.

«Я думаю, сэр, он в городе. Он собирался в Америку, но я полагаю, он еще здесь».

«Я слышал, — сказал король, — он собирался в Швейцарию».

«Я знаю, — ответил лорд Дартмут, — что ходили такие слухи».

В действительности же Франклин оставался на Крейвен-стрит, редко выезжая из дома и принимая в основном только близких друзей. Как он написал сестре в сентябре, «я не видел никого из министров с января и не имел никаких контактов с ними»[340].

Разрыв с Уильямом

Назревающее столкновение между Британией и Америкой неизбежно предвещало и личное столкновение между Франклином и его сыном-лоялистом. Озабоченный перспективой первого конфликта, Франклин оставался безразличным к возможности второго.

Со своей стороны Уильям прилагал отчаянные усилия, чтобы удерживать равновесие между обязанностями сына и обязанностями королевского губернатора Нью-Джерси. В письмах к отцу, написанных после сражения в Кокпите, он надеялся завоевать его благосклонность, льстя ему, заверяя в своей преданности и склоняя к возвращению домой. «Ваша популярность в этой стране, какой бы она ни была по другую сторону океана, намного больше, чем когда-либо прежде, — писал Уильям в мае. — По прибытии сюда вы можете рассчитывать на получение знаков самого высокого уважение и любви». Однако он дал ясно понять: несмотря ни на какие советы отца он не имеет намерения покидать пост.

В борьбу оказался втянут издатель Уильям Страхан, один из ближайших друзей Франклина в Англии, ставший позднее доверенным лицом и его сына. Он убеждал Уильяма быть хозяином самому себе, твердо придерживаться лоялистских убеждений и давать министрам понять, что не позволит воззрениям отца влиять на его преданность правительству, которому он служит.

Уильям прислушался. Написав заботливое письмо отцу, вскоре после этого направил письмо лорду Дартмуту, министру по делам колоний. «Его Величество может быть уверено, что я сделаю все, что в моей власти, для сохранения спокойствия в провинции», — обещал он. Затем многозначительно добавил: «Никакие личные отношения или связи никогда не заставят меня отказаться от исполнения обязанностей, налагаемых на меня моей должностью». Это следовало понимать так: его лояльность к отцу не скажется на его лояльности к Британии. Лорд Дартмут немедленно отреагировал своими собственными заверениями: «Я погрешил бы против моего собственного отношения к вашей личности и вашему поведению, если бы предположил, что вы могли бы руководствоваться какими-то соображениями, способными заставить вас забыть о вашем долге королю».

Уильям пошел дальше простых заверений в лояльности. Он начал осуществлять то, что сам назвал «секретной и конфиденциальной перепиской» с лордом Дартмутом, в которой

содержалась информация о настроениях американцев. Во всех колониях растет готовность оказать помощь Массачусетсу, предупреждал он в ответ на решение Британии блокировать порт Бостона. В сентябре в Филадельфии предполагалось провести съезд делегатов колоний, получивший впоследствии название Первого Континентального конгресса. Уильям дал ясно понять, на чьей он стороне. Предполагаемый съезд, заявлял он, «абсурден, если не антиконституционен». Далее следовали сомнения в его способности вызвать массовый бойкот британских товаров[341].

Его отец имел другое мнение обо всем. Он настаивал на проведении Континентального конгресса уже более года и был уверен: конгресс должен будет призвать к бойкоту и обязательно это сделает. В этом случае, с радостью написал он Уильяму, «нынешний кабинет министров наверняка уйдет в отставку». Он также пожурил Уильяма за то, что тот так цепляется за губернаторство, и, как обычно, рассмотрел этот вопрос с финансовой и политической точек зрения. Оставаясь зависимым от жалованья губернатора, утверждал Франклин, он никогда не сможет расплатиться с долгами своему отцу. Кроме того, изменение политического климата означало, что «ты окажешься в неблагоприятной ситуации и, возможно, вскоре захочешь уйти в отставку сам». Это письмо было подписано просто: Б. Франклин[342].

Даже зная о том, что его письма вскрываются и прочитываются британскими властями, Франклин настойчиво побуждал своих американских сторонников занимать твердую позицию. Континентальный конгресс, писал он, должен проголосовать «за немедленное полное прекращение торговли с этой страной, как импорта, так и экспорта… до тех пор, пока вы не получите компенсации». На карту было поставлено немало: «смогут ли американцы и их будущие бесчисленные поколения пользоваться общечеловеческими правами или они будут жить хуже восточных рабов».

В те дни, когда на доставку корреспонденции за океан требовалось два месяца, многие письма вполне могли разминуться в пути. Уильям продолжал убеждать отца в том, что Континентальный конгресс — плохая затея. «Никто не хочет предвидеть последствия, к которым все это может привести». Вместо этого бостонцам следовало бы возместить ущерб за испорченный чай, и тогда «через несколько месяцев их порт был бы разблокирован».

Несколькими месяцами ранее Франклин действительно высказывал подобные мысли — для бостонцев-де благоразумнее

всего расплатиться за устроенное ими «чаепитие». «Такой шаг устранил бы многие предубеждения, которые имеются сейчас в отношении нас», — писал он Кашингу в марте. Однако лекция на эту тему, прочитанная сыном, привела его в ярость, и в сентябре он написал сокрушительный ответ, опровергая Уильяма пункт за пунктом. Британия незаконно «выкачала многие тысячи фунтов» из колоний. «Из этих денег она и должна возместить ущерб». Этот аргумент заканчивался прямым выпадом против Уильяма: «Но ты, придворный до мозга костей, смотришь на все глазами правительства».

В октябре Франклин написал сыну еще одно письмо, в котором повторил прежние аргументы, а затем переключился на личные отношения: многозначительно отметил, что сын не возвращает ему долги за несколько лет и вряд ли будет способен их вернуть, если останется на должности королевского губернатора[343].

Какое-то время не приходило никакого ответа. Затем, накануне Рождества 1774 года, Уильям прислал отцу письмо, полное горя и страдания. Дебора умерла. Франклина не было рядом с ней.

«Я прибыл сюда в прошлый вторник, чтобы присутствовать на похоронах моей бедной старой матери, которая умерла в понедельник», — написал он, имея в виду свою мачеху. Покорная и страдающая жена Франклина медленно чахла после удара, случившегося с нею пять лет тому назад. «Я чувствую, как теряю силы», — писала она в 1772 году. Бóльшую часть 1774 года она была слишком слаба, чтобы вообще что-то писать. Очевидно, что Франклин продолжал посылать ей короткие весточки, выдержанные то в отеческом, то в деловом тоне. В них содержались жизнерадостные сообщения о состоянии его здоровья, поздравления от семьи Стивенсонов и укоры за редкие письма к нему.

«На похоронах было очень много народа», — продолжал Уильям. Со всей очевидностью желая заставить отца почувствовать вину, он описал свой последний визит к Деборе в минувшем октябре: «Она сказала мне, что уже никогда тебя не увидит, если ты не приедешь этой зимой, так как была уверена, что не доживет до следующего лета. Я искренне желал, чтобы ты приехал осенью. Полагаю, что разочарование сильно угнетало ее дух».

В конце письма он умолял отца покинуть Англию. «В этой стране на вас смотрят как на врага, и вы рискуете попасть в беду из-за вашей политической позиции, — предупреждал Уильям. — Вам наверняка лучше вернуться сейчас, пока вы способны

переносить тяготы морского путешествия, в страну, население которой вас глубоко уважает». Он также страстно желал увидеть своего собственного сына, Темпла, которому было четырнадцать лет, и просил Франклина привезти его в Америку. «Я надеюсь, что увижу вас и его весной и что вы проведете какое-то время у меня»[344].

Секретные переговоры с Хау и Чатемом

В то время как в декабре жена его медленно умирала, сам Франклин с удовольствием флиртовал за шахматными партиями с самыми модными светскими дамами, каких только мог встретить в Лондоне. Но эти шахматные партии не были просто разновидностью светского общения. Они являлись частью отчаянных усилий некоторых членов оппозиционной британской партии вигов предотвратить революцию в колониях.

Процесс начался в августе, когда он получил приглашение от лорда Чатема, бывшего Уильяма Питта-старшего, который дважды был премьер-министром и назывался «великим человеком из народа» до тех пор, пока не согласился принять звание пэра и титул графа Чатема. Великий оратор из стана вигов был непоколебимым сторонником Америки. В 1774 году он заболел и вышел из правительства, но затем вновь решил вернуться в политику как непримиримый противник лорда Норта и его курса на подавление освободительного движения в колониях.

Лорд Чатем тепло принял Франклина, выразил абсолютную поддержку колониям в борьбе против новых налогов и надежду на то, что колонии «проявят твердость». В ответ Франклин постарался убедить Чатема объединиться с другими «мудрыми людьми» из партии вигов, чтобы добиться падения «нынешнего бездарного кабинета министров» и сформировать правительство, которое восстановило бы «единство и гармонию между Британией и колониями».

«Это маловероятно, — ответил Чатем. — В Англии слишком много людей считают недопустимым идти на дальнейшие уступки, потому что Америка намерена создать собственное независимое государство». «Америка не стремилась к независимости, — воскликнул Франклин. — Уверяю вас, что не единожды объездил континент почти от края и до края и, бывая в компании самых разных людей, ел, пил и откровенно беседовал с ними, но никогда не слышал ни от одного человека, пьяного или трезвого, слов о желании отделения».

Здесь Франклин не был честен до конца. Прошло десять лет с его последней поездки в Америку, и он прекрасно знал, что небольшая, но постоянно растущая группа радикальных колонистов, пьяных и трезвых, активно желала независимости. Даже сам он начал задумываться о такой возможности.

Джозайя Квинси-младший, фанатичный бостонский патриот и сын старого друга Франклина, посетивший его той осенью, рассказывал: они говорили о «полном освобождении колоний»

как о наиболее вероятном исходе[345].

Следующий акт драмы начался с любопытного приглашения от одной светской дамы, имевшей большие связи. Однажды она заявила, что хотела бы сыграть с Франклином в шахматы. Даму звали Каролина Хау — сестра адмирала Ричарда Хау и генерала Уильяма Хау. Братья командовали военно-морскими и сухопутными силами Британии во время революции, но в то время они оба в какой-то мере еще симпатизировали борьбе американцев (их сестра была вдовой дальнего родственника братьев Хау и поэтому всем известна как миссис Хау)[346].

Когда в начале декабря Франклин приехал к миссис Хау, нашел, что она «способна вести умные беседы и обладает прекрасными манерами». Они с удовольствием сыграли несколько партий в шахматы, и Франклин «весьма охотно» принял приглашение хозяйки сыграть с ней снова через несколько дней. На этот раз их беседа носила иной характер. Сначала они поговорили о ее интересе к математике, который, по словам Франклина, «не часто встречается у женщин», а затем миссис Хау обратилась к вопросам политики.

«Что нужно сделать, — спросила она, — в споре между Великобританией и колониями?»

«Они должны поцеловаться и стать друзьями», — ответил Франклин.

«Я часто говорила, что хотела бы, чтобы правительство привлекло вас к участию в разрешении этого спора, — сказала она. — Уверена, что никто не мог бы сделать это лучше вас. Вы считаете это осуществимым?»

«Разумеется, мадам, если стороны расположены к примирению, — ответил он. — Обе страны поистине не имеют противоположных интересов. Это вопрос, который разумные люди могли бы уладить за полчаса».

Однако он добавил: «Правительство никогда не согласится привлечь меня к выполнению этой полезной работы, оно скорее станет поносить меня».

«Да, — согласилась собеседница, — оно недостойно вело себя по отношению к вам. И действительно, некоторые из министров стыдятся теперь своего поведения».

Позже, тем же вечером, Франклин ужинал с двумя своими старыми друзьями, квакерами Джоном Фотергиллом и Дэвидом Барклаем, которые высказали то же желание видеть его в качестве посредника на переговорах. «Возьмитесь за перо, — убеждали они, — и составьте проект примирения».

Он так и сделал. Его «Тезисы к дискуссии» включали семнадцать пунктов, в том числе следующие: Массачусетс должен

расплатиться за уничтоженный чай; пошлины на чай должны быть отменены; правила регулирования промышленного производства в колониях должны быть пересмотрены; все деньги, собранные в виде торговых пошлин, должны быть переданы в казначейства колоний; никакие войска не должны размещаться в колонии без согласия ее легислатуры; все полномочия по введению новых налогов должны быть сосредоточены в руках колониальных легислатур, а не парламента. Друзья попросили позволения показать этот перечень некоторым «умеренным министрам», и Франклин согласился.

Эти приватные переговоры были прерваны в середине декабря, когда Франклин наконец-то получил резолюции, одобренные Первым Континентальным конгрессом. На съезде в Филадельфии, продолжавшемся до конца октября, подтвердилась лояльность Америки короне — но не парламенту. Кроме того, было принято решение бойкотировать британские товары, если парламент не отменит драконовские законы.

В Лондоне многие из дипломатических агентов колоний отказались поддержать резолюции конгресса. Поэтому Франклин вместе с другими агентами от Массачусетса взялся доставить эти документы лорду Дартмуту, который «сказал нам, что это была сдержанная и приличная петиция и что он охотно берется представить ее Его Величеству».

В день Рождества Франклин заехал к миссис Хау на партию в шахматы. Едва он вошел, как она сказала, что ее брат адмирал Хау хотел бы с ним встретиться. «Вы позволите мне послать за ним?» — спросила она.

Франклин охотно согласился, и приехавший вскоре лорд Хау начал осыпать его комплиментами. «Ни один человек не смог бы сделать больше для примирения наших разногласий», — заявил адмирал и попросил Франклина подготовить несколько предложений, которые он мог бы передать соответствующим министрам.

Франклин, опасаясь оказаться между двух огней, указал, что Континентальный конгресс ясно выразил, чего хотят колонии. Но он согласился на другую тайную встречу, также замаскированную под игру в шахматы с миссис Хау, через неделю.

На этот раз беседа оказалась не столь сердечной. Лорд Хау спросил Франклина, не считает ли тот полезным для Англии направить в Америку своего эмиссара для поиска компромисса. Это могло бы оказаться «чрезвычайно полезным», ответил Франклин, особенно, если бы этот эмиссар был «высокого звания и общественного положения».

Тут в разговор вмешалась миссис Хау и предложила на эту

роль своего брата, тонко намекнув на слухи об отправке другого ее брата, армейского генерала, с менее миролюбивой миссией. «Я хочу, чтобы вы, мой брат, были бы посланы туда с таким поручением, — сказала она. — Я хотела бы этого больше, чем отправки туда генерала Хау во главе армии».

«Думаю, мадам, — многозначительно ответил Франклин, — что следовало бы найти для генерала Хау более почетную миссию».

Затем лорд Хау достал лист бумаги с текстом и спросил, знакомо ли его содержание Франклину. Это был экземпляр «Тезисов к дискуссии». Франклин сказал, что его роль в составлении этого документа должна сохраняться в тайне, но он охотно признает свое авторство. Хау ответил, что «был огорчен», узнав, что предложения составлены Франклином, потому что нет никакой надежды на то, что правительство согласится их принять. Он настоятельно посоветовал Франклину пересмотреть предложения и составить новый план, «который оказался бы приемлемым». Миссис Хау могла бы переписать его своей рукой, так что авторство Франклина осталось бы в тайне. Если бы Франклин сделал это, намекнул лорд Хау, то мог бы «рассчитывать на получение любой награды, предоставление которой находится во власти правительства». Такая неявная попытка подкупа возмутила Франклина. «Для меня это было то, что французы называют „плевком в суп“», — отмечал он позднее. Тем не менее он продолжал доверять Хау и решил подыграть ему. «Мне нравилась его манера общения, — признавался он, — и я был склонен ему доверять».

Документ, доставленный на следующий день миссис Хау, не содержал серьезных уступок. Вместо этого в нем более четко формулировалась позиция Америки и заявлялось о необходимости «крепить дружественный союз». Хотя переговоры с Хау продолжались на протяжении всего февраля, поддерживаемые главным образом надеждами адмирала на назначение эмиссаром в Америку, они так и не продвинулись ни на шаг вперед к взаимоприемлемому результату.

Тем временем Франклин принимал участие в ряде других тайных переговоров и консультаций, в том числе и с лордом Чатемом. Бывший премьер-министр пригласил его в свой загородный дом, чтобы познакомить с несколькими предложениями, которые планировал представить парламенту, а затем сам заехал к нему на два часа на Крейвен-стрит для продолжения дискуссии. Посещение лордом Чатемом скромных меблированных комнат Франклина — все это время его экипаж стоял на виду у всей улицы — вызвало настоящий переполох в

ближайших кварталах. «Приезд такого выдающегося человека по столь важному делу немало польстил моему тщеславию», — признавался Франклин. Это событие оказалось особенно приятным, потому что пришлось в точности на первую годовщину унижения Франклина в Кокпите.

Компромисс, предложенный Чатемом, в то время как они с Франклином сидели в маленькой гостиной в доме миссис Стивенсон, позволил бы парламенту регулировать торговлю в империи и посылать войска в Америку. Но лишь легислатуры колоний имели бы право вводить налоги, а Континентальному конгрессу придавался бы официальный и постоянный статус. Хотя Франклин и не одобрил всех предложенных деталей, охотно согласился поддержать план, который Чатем собрался представить палате лордов 1 февраля.

Чатем красноречиво изложил суть своих предложений, и лорд Дартмут от имени правительства назвал их «очень серьезными и значительными и поэтому требующими дополнительного рассмотрения». На тот момент Франклину казалось, что все его тайные переговоры и лоббистские усилия способны принести плоды.

Затем взял слово лорд Сэндвич, который как первый лорд адмиралтейства проводил жесткую линию в вопросах отношений с колониями. В «неистовой, гневной» речи он раскритиковал проект Чатема, а затем избрал мишенью Франклина. Невозможно поверить, сказал он, что план вышел из-под пера английского пэра. Напротив, он показался ему творением кого-то из американцев. Франклин пересказывал потом эту сцену: «Повернув лицо ко мне, [он] сказал, что видит перед собой человека, составившего этот план, одного из самых злобных и опасных врагов, которых когда-либо имела Британия. Это заставило многих лордов обратить на меня взор, но… я хранил невозмутимое выражение, как если бы мои черты были вырезаны из дерева». Чатем ответил: план составлен им, но он не стыдится того, что консультировался с «человеком, превосходно знакомым со всеми американскими делами, с джентльменом, на которого делались намеки и так несправедливо бросалась тень». Затем он воздал хвалу Франклину как человеку, «которого вся Европа глубоко уважает за знания и мудрость и ставит в один ряд с нашими Бойлями и Ньютонами, который является гордостью не только английской нации, но и всего человечества». Франклин позже написал сыну, возможно, в его скромности содержалась и толика притворства: «Труднее вынести такой непомерный комплимент, чем в равной степени непомерное оскорбление»[347].

Но Чатем не только не был у власти, но и пытался

действовать вопреки политической конъюнктуре. Дартмут быстро взял другой тон и согласился с лордом Сэндвичем, что билль в том виде, в каком он представлен, необходимо немедленно отклонить. «Билль Чатема, — писал Франклин другу в Филадельфию, — рассмотрен с тем же пренебрежением, какое могло быть проявлено к балладе, представленной пьяным грузчиком»[348].

В течение нескольких следующих недель Франклин участвовал в бурной череде новых встреч во имя спасительного компромисса. Но к началу марта 1775 года, когда он наконец-то подготовился к отъезду из Англии, его терпение закончилось. Он написал дерзкое обращение к лорду Дартмуту с требованием выплаты Британией компенсаций за блокаду Бостонской гавани. Когда он показал его своему другу и компаньону по проекту получения земельного участка Томасу Уолполу, тот «попеременно посмотрел на лист бумаги и на меня несколько раз, будто опасаясь, не сошел ли я с ума». Франклин взял себя в руки и решил не передавать Дартмуту текст.

Но зато Франклин сыграл некоторую роль при одной из последних и наиболее красноречивых попыток обрести мир. Он провел 19 марта в обществе выдающегося философа и оратора партии вигов Эдмунда Бёрка. Через три дня Бёрк произнес в парламенте свою знаменитую, но оказавшуюся бесполезной речь «О примирении с Америкой». «Великая империя и мелкие умы плохо сочетаются друг с другом», — провозгласил он.

Однако в тот момент Франклин уже находился на борту почтово-пассажирского корабля, двигавшегося на запад от Портсмута. Он провел свой последний день в Лондоне вместе со старым другом и коллегой-ученым Джозефом Пристли. Люди, плохо знавшие Франклина, писал Пристли, иногда находили его человеком замкнутым и даже холодным. Но в тот день, когда они обсуждали возможную войну и газетные статьи, он был эмоционален до крайности. Временами ему на глаза наворачивались слезы, из-за которых он не мог читать[349].

Глава 12. Независимость *(Филадельфия, 1775–1776)*

Выбор позиции

Подобно тому, как когда-то сын Уильям помогал ему проводить знаменитые эксперименты с воздушным змеем, теперь уже сын самого Уильяма, Темпл, помогал Франклину опускать самодельный термометр в воды океана. Три-четыре раза в день они измеряли температуру и заносили полученные данные в таблицу. Франклин узнал от своего нантакетского кузена, капитана китобойной шхуны Тимоти Фолгера, о направлении течения Гольфстрима. Во второй половине своего шестинедельного путешествия домой, написав подробный отчет о бесплодных переговорах, Франклин переключил внимание на изучение этого феномена. Карты, которые он опубликовал, и результаты проведенных им измерений температуры представлены на веб-сайте NASA, что указывает: они удивительным образом совпадают с результатами измерений, проводившихся с современных спутников с помощью датчиков инфракрасного излучения[350].

Путешествие было на удивление спокойным, но в самой Америке начался давно ожидавшийся шторм. Ночью 18 апреля 1775 года, когда Франклин находился посередине океана, отряд британских солдат направился из Бостона на север, чтобы арестовать инициаторов «Бостонского чаепития» Сэмюэла Адамса и Джона Хенкока и захватить военное снаряжение, собранное их сторонниками. Пол Ревир подал сигнал тревоги, а вслед за ним это стали делать и другие люди, оставшиеся неизвестными истории. Так что когда британские солдаты достигли Лексингтона, там их встретили семьдесят американских «солдат народной милиции».

«Эй вы, мятежники, разойдитесь по домам!» — приказал британский майор. Сначала они послушались приказа. Но затем прогремел выстрел. В ходе последовавшего столкновения погибли восемь американцев. Победоносные британские солдаты направились маршем в сторону Конкорда, где, как рассказывал Эмерсон, «стояли в боевом порядке фермеры, и звуки выстрелов были слышны далеко вокруг». (Каким-то образом лексингтонские бойцы выпали из поэтической версии истории, написанной Эмерсоном, подобно тому, как Уильяму Доусу и другим гонцам не нашлось места в стихотворении Лонгфелло «Скачка Пола Ревира».) В ходе продолжавшегося весь день отступления к Бостону более двухсот пятидесяти британских солдат были убиты и ранены американскими ополченцами.

Когда 5 мая Франклин прибыл в Филадельфию вместе с

пятнадцатилетним внуком, там уже начали собираться делегаты Второго Континентального конгресса. В честь прибытия доктора звонили колокола. «Доктор Франклин чрезвычайно рад увидеть нас вооруженными и готовыми к самым худшим событиям, — писал местный репортер. — Он полагает, что ничто другое не спасет нас от жалкого рабства».

Америка действительно вооружалась. Среди тех, кто прибыл в Филадельфию на той неделе, имея в багаже тщательно подогнанную военную форму, был старый армейский товарищ Франклина — Джордж Вашингтон, ставший владельцем плантаций в Виргинии после завершения войны с французами и индейцами. Почти тысяча солдат народной милиции в конном и пешем строю встретили его на окраине Филадельфии, а оркестр исполнял патриотические песни, когда его экипаж въезжал в город. Однако по-прежнему не было согласия (кроме как среди радикальных патриотов делегации Массачусетса) относительно того, должна ли разразившаяся война вестись за независимость или просто за утверждение прав американцев в рамках Британской империи, которая останется прежней. Для решения этого вопроса потребовался еще год — но не Франклину.

Франклин был избран членом конгресса на следующий день после прибытия. Семидесятилетний, он был самым старым среди коллег. Большинство из остальных шестидесяти двух членов конгресса, собравшихся в здании законодательного органа Пенсильвании — таких как Томас Джефферсон, Патрик Генри из Виргинии и Джон Хенкок из Массачусетса, — еще даже не родились на свет, когда Франклин впервые пришел работать туда более сорока лет тому назад. Франклин переехал в дом на Маркет-стрит, который он сам спроектировал, но в котором никогда прежде не жил. В этом доме Дебора провела без него последние десять лет. Его дочь Салли взяла на себя хозяйственные заботы, ее муж Ричард Бейч проявлял почтительность к тестю, а их двое детей, Бен и Уилл, веселили домашних. «Уилл берет игрушечное ружье, марширует с ним и одновременно подает сигналы, дуя в дудку», — писал Франклин[351].

В то время Франклин открыто не высказывался по вопросу о независимости и избегал посещения таверн, в которых другие делегаты проводили вечера в дискуссиях. Однако он прилежно посещал пленарные заседания и совещания в комитетах, хотя и говорил на них мало, а затем шел домой обедать с семьей. В самом начале долгих и противоречивых отношений с Франклином красноречивый и амбициозный Джон Адамс жаловался, что к старику все относятся с почтением, даже когда

он «молча сидит в своем кресле, по обыкновению бóльшую часть времени погруженный в дремоту».

Многим из более молодых и горячих делегатов никогда не доводилось быть свидетелями того, как пользуется Франклин искусством молчания, как умеет казаться мудрым, не говоря ничего. Его больше знали как человека, который успешно выступал в парламенте против закона о гербовом сборе, и никто не понимал, что любовь к разглагольствованиям была ему не свойственна. В результате поползли слухи. В чем заключается его игра? Не остается ли он втайне лоялистом?

Среди испытывавших подозрения находился и Уильям Брэдфорд, унаследовавший печатный и газетный бизнес своего отца, бывшего сначала патроном, а затем конкурентом Франклина. Некоторые из делегатов, как он признавался молодому Джеймсу Мэдисону, «начали активно подозревать доктора Франклина, что он прибыл сюда скорее как шпион, а не как друг, и что он намеревается раскрыть наши слабые стороны и заключить мир с министрами»[352].

Фактически Франклин провел бóльшую часть мая в ожидании благоприятного случая для того, чтобы попытаться привлечь к делу борьбы за независимость Америки двух близких ему людей. Одним из них был Джон Галловэй, его старый союзник в борьбе против Пеннов, который в течение десяти лет действовал как его заместитель в Ассамблее Пенсильвании. На Первом Континентальном конгрессе Галловэй предложил создать американский конгресс, который обладал бы властью, подобной власти парламента, причем оба органа должны проявлять лояльность королю. Это был план союза в рамках Британской империи, который Франклин поддерживал на конференции в Олбани и позже, но который безапелляционно отвергнул конгресс. Разочарованный, Галловэй отказался от назначения делегатом Второго Континентального конгресса.

К началу 1775 года Франклин был убежден, что время планов, подобных плану Галлоуэя, прошло. Тем не менее попытался убедить Галлоуэя присоединиться к нему в качестве члена нового конгресса. Он писал ему, что было бы неправильно уходить из общественной жизни «в то время, когда ваши способности так нужны». Первоначально он дал Галлоуэю лишь тонкий намек на свое отношение к вопросу о независимости. «По-видимому, люди не могли понять, к какой партии он примкнет», — вспоминал позднее Галловэй[353].

Другой человек, которого Франклин хотел привлечь к делу революции, был ему еще более близок.

Встреча в Тревосе

Губернатор Нью-Джерси Уильям Франклин, по-прежнему сохранявший лояльность британскому кабинету министров и непрерывно конфликтовавший со своей легислатурой, узнал о возвращении отца в Филадельфию из газет. Это оказалось для него, как он писал в письме к Страхану, «весьма неожиданной новостью». Уильям очень хотел встретиться с отцом и потребовать обратно своего сына Темпла. Однако сначала он должен был принять участие в специальной сессии легислатуры Нью-Джерси, которую сам назначил на 15 мая. Вскоре после того как она завершилась в обстановке взаимной вражды сторон, три поколения Франклинов — отец, сын и несчастный внук между ними — наконец-то оказались вместе[354].

Франклин и его сын выбрали для своей встречи нейтральное место — Тревос, большой каменный помещичий дом Джозефа Галлоуэя в округе Бакс, расположенном к северу от Филадельфии. Удивительно, но, несмотря на эмоциональный характер встречи, ни оба Франклина, ни Галловэй, по-видимому, никогда не писали о ней. Единственным источником сведений о событиях в Тревосе по иронии судьбы оказался дневник Томаса Хатчинсона, губернатора Массачусетса, письма которого были тайно похищены Франклином. В своем дневнике Хатчинсон записал отчет о встрече, переданный ему Галлоуэем три года спустя. Тогда оба они как лоялисты находились в изгнании в Англии.

Вечер начался с довольно неуклюжих объятий и последовавшей затем краткой беседы. В какой-то момент Уильям отвел Галлоуэя в сторону и шепнул, что до сегодняшнего дня избегал серьезных разговоров с отцом о политике. Но вскоре после того как «стаканы свободно пошли по кругу» и было выпито немало мадеры, мужчины опять вернулись к политическим разногласиям. «Послушайте, мистер Галловэй, — обратился Франклин к своему давнему союзнику, — вы действительно придерживаетесь мнения, что я должен продвигать идею примирения?»

Галловэй действительно имел такое мнение, но Франклин не захотел его слушать. Он привез с собой длинное письмо, написанное Уильяму во время плавания через Атлантический океан, в котором подробно описывал тщетные усилия в переговорах о достижении примирения. Хотя Галловэй уже слышал отрывки рассказа, Франклин прочитал вслух бóльшую часть письма и сообщил о перенесенных им унижениях. В ответ

Галловэй поведал свои ужасные истории о том, как анонимные радикалы попытались заманить его в ловушку, попросив предложить план спасения Британского союза. Революция, подчеркнул он, была бы равносильна самоубийству.

Уильям доказывал: всем им лучше сохранять нейтралитет. Но отец оставался глух к его аргументам. Как записал позднее Хатчинсон, Франклин «раскрыл свои замыслы и высказался в пользу достижения независимости», а затем «стал протестовать против коррумпированности и расточительности королевства». Уильям гневно возражал, но также проявлял и заботу о безопасности отца. Намереваясь «предать колонии пожару», он, как надеялся Уильям, должен «позаботиться о том, чтобы не сгореть самому»[355].

В итоге Уильям, расстроенный и угнетенный, отправился обратно в Нью-Джерси, чтобы вернуться к своим обязанностям королевского губернатора. С ним поехал его сын Темпл. Бенджамину и Уильяму удалось договориться в Тревосе о том, что мальчик проведет лето в Нью-Джерси, а затем вернется в Филадельфию, чтобы поступить в колледж, основанный его дедом. Уильям надеялся послать его в Королевский колледж (ныне Колумбийский университет), но Бенджамин отверг план сына, потому что колледж стал рассадником идей приверженности британской короне. Вскоре Темпл оказался втянутым в соперничество между двумя мужчинами, которые боролись за его внимание. Он старательно пытался угодить обоим, но вскоре понял, что это невозможно.

Франклин-мятежник

Трудно указать в точности, когда Америка прошла точку невозврата, осознав необходимость и желательность полной независимости от Британии. Трудно даже сказать, когда этот момент наступил для тех или иных конкретных людей. Франклин, в течение десяти лет балансировавший на грани между надеждой и отчаянием в отношении разрыва, озвучил личное мнение перед членами семьи во время встречи в Тревосе.

В начале июля 1775 года, ровно за год до того, как его друзья из числа американских патриотов придали собственной позиции декларативный статус, Франклин уже был готов излагать свою точку зрения публично. Произошло несколько событий, вынудивших его перейти в стан мятежников: неуважение, разбитые надежды, предательство и враждебные Америке английские законы. Но важно также учитывать стержневые причины эволюции Франклина и, в более широком смысле, причины эволюции тех, для кого он служил примером.

Когда англичане-иммигранты, такие как его отец, осваивали новые земли, они стали создавать новый тип людей. Как постоянно подчеркивал Франклин в письмах к сыну, Америка не должна была воспроизводить жесткие управляющие иерархии Старого Света, аристократические структуры и феодальные общественные порядки, ценящие происхождение, а не личные достоинства. Ее сила должна была заключаться в возникновении людей среднего класса, экономных и трудолюбивых торговцев и ремесленников, которые отстаивали бы свои права и гордились своим статусом.

Как и многие из новых американцев, Франклин имел негативный опыт общения с властью, и именно по этой причине сбежал из бостонской типографии брата. Он не боялся элит, независимо от того, состояли ли они из граждан Пенсильвании или из членов палаты лордов. Он был дерзким в своих сочинениях и демонстрировал вызывающие манеры. И усвоил философские идеи новых мыслителей эпохи Просвещения, веривших, что свобода и толерантность — фундамент гражданского общества.

Долгое время он лелеял идею согласия, в соответствии с которой Британия и Америка могли бы процветать в расширившей свои пределы империи. Но чувствовал, что это возможно, только если Британия прекратит порабощать американцев посредством законов о торговле и налогов, устанавливаемых из-за океана. Как только стало ясно, что

Британия не собирается отказываться от абсолютного подчинения своих колоний, единственным выходом для американцев оставалась борьба за независимость.

Кровавое сражение при Банкер-Хилл и сожжение Чарльстона, произошедшие в июне 1775 года, воспламенили ненависть, которую испытывали к Британии Франклин и его соратники-патриоты. Тем не менее большинство участников Континентального конгресса еще не так прочно встали на революционную дорогу. Многие легислатуры колоний, в том числе и в Пенсильвании, инструктировали своих делегатов противодействовать любым призывам к независимости. Предводителем лагеря осторожных был давний оппонент Франклина Джон Дикинсон, который по-прежнему отказывался устанавливать молниеотвод на своем доме.

Пятого июля Дикинсон провел через конгресс обращение к королю, получившее название Петиции оливковой ветви. Объясняя все беды вероломными происками «надоедливых» и «вводящих в заблуждение» министров, депутаты «умоляли» короля спасти Америку. Конгресс также принял декларацию, объяснявшую, почему необходимо взяться за оружие. В ней утверждалось: «Мы не имеем в виду распустить союз, который так долго и так успешно существовал между нами и который мы искренне хотим видеть обновленным».

Франклин, как и другие делегаты, согласился подписать Петицию оливковой ветви ради сохранения единства. Но в тот же день публично сделал свои собственные мятежнические заявления. Средство, которое он для этого выбрал, был довольно странным — письмо старому лондонскому другу и коллеге-печатнику Уильяму Страхану. Не обращаясь более к нему «дорогой Стрейни», он писал в приступе холодной и расчетливой ярости:

> Мистер Страхан,
>
> Вы являетесь членом парламента и принадлежите к тому большинству, которое обрекло мою страну на уничтожение. Вы начали жечь наши города и убивать наших людей. Посмотрите на свои руки! Они обагрены кровью ваших родственников! Мы с вами долгое время были друзьями, но теперь вы мой враг, а я — ваш,
>
> *Б. Франклин.*

Что сделало это знаменитое письмо особенно примечательным, так это то, что Франклин позволил опубликовать и распространять его — но так и не отослал

адресату. Вместо этого оно было использовано как ловкое средство демонстрации его чувств к американским собратьям. Двумя днями позднее Франклин написал Страхану другое, более мягкое письмо, которое и отправил в Лондон. «Слова и аргументы теперь бесполезны, — писал он скорее с сожалением, чем с гневом. — Все идет к разрыву». Он не отправил более гневную версию письма — и он не сохранил среди бумаг его более мягкую версию[356].

(Франклин перестал поддерживать тесные дружеские отношения со Страханом, который четырьмя годами ранее заявил: «Мы разные, но мы не расходимся во мнениях». В тот самый день, когда Франклин писал свое неотправленное письмо, Страхан писал ему из Лондона, сокрушаясь, что разгорающаяся война приведет в конце концов к «уничтожению целостности наиболее славной из когда-либо существовавших структур светского и религиозного правления». Они продолжали переписываться в 1775 году, причем Страхан просил Франклина вернуться в Англию «с предложениями компромисса». Франклин ответил в октябре предложением о том, чтобы Страхан «направил нам предложения справедливого мира, если вы выберете его, и никто не будет готов более, чем я, поддерживать их, так как я взял себе за правило не смешивать личные обиды с общественной деятельностью». Он подписал свое письмо так же, как Страхан свое: «Ваш преданный и покорный слуга». Год спустя, когда Франклин прибыл в Париж в качестве посланника Америки, он получил в подарок головку стилтонского сыра, которую Страхан прислал ему из Лондона[357].)

Седьмого июля Франклин написал еще двум близким английским друзьям. В послании к епископу Шипли он резко выступал против применявшейся англичанами тактики настраивания рабов и индейцев против колонистов, а затем извинялся за гневный тон своего письма. «Если спокойный и флегматичный от природы человек может настолько разгорячиться в позднем возрасте, способном остудить самые горячие чувства, то именно сейчас вы имеете такого человека, в настоящее время близкого к бешенству»[358].

В письме к Джозефу Пристли он жаловался, что Петиция оливковой ветви обречена. «Мы привезли очередную смиренную просьбу короне, чтобы дать Британии еще один шанс, еще одну возможность вернуть дружбу колоний. Исполнить ее, я полагаю, у британской короны не хватит разума, и поэтому делаю вывод, что она потеряла колонии навсегда». В письме к Пристли содержалось также краткое описание рабочего дня Франклина и разговор об экономии в американских колониях:

> Мое время никогда еще не использовалось так полно. В шесть часов утра я заседаю в комиссии по безопасности, куда меня назначила Ассамблея для приведения провинции в состояние обороны; в комиссии работаю до девяти, после чего отправляюсь на заседания конгресса, которые продолжаются до четырех часов дня… Бережливость и трудолюбие принимают здесь очаровательные формы. Джентльмены, которые прежде заказывали по два-три блюда, гордятся теперь тем, что съедают просто кусок мяса с пудингом. Таким образом, в условиях чахнущей торговли с Британией мы сможем платить больше добровольных налогов, направляемых на поддержку наших войск[359].

Получив свободу действий после личного разрыва с сыном и публичного разрыва со Страханом, Франклин стал одним из самых горячих противников Британии среди членов Континентального конгресса. Он работал в комиссии по внесению поправок в декларацию, которую должен был выпустить генерал Вашингтон, и результаты его усилий выглядели так, что конгресс побоялся принимать декларацию или публиковать ее. Совершенно очевидно, что документ вышел из-под пера Франклина. В нем содержались фразы, которые Франклин использовал, чтобы опровергнуть заявления Британии о финансировании обороноспособности колоний («беспочвенные утверждения и злонамеренные измышления»). Даже завершался документ серьезным сравнением американо-британских отношений с отношениями между Британией и Саксонией («ее метрополией») — сравнением, которое он прежде в шутку делал в пародии «Эдикт короля Пруссии». В еще более строго сформулированной преамбуле к резолюции конгресса о каперстве, которую Франклин составил, но никогда не представлял на рассмотрение, он обвинял Британию в «использовании любой несправедливости, которая может диктоваться алчностью и осуществляться под влиянием жадности» и в «откровенном грабеже под прикрытием официального постановления парламента, в соответствии с которым все наши владения признаются их владениями»[360].

Теперь даже у клеветников Франклина больше не оставалось сомнений в том, какова его истинная позиция. Мэдисон, который, подобно многим виргинцам, постоянно хотел получать сведения о Франклине, попросил Брэдфорда выяснить, по-прежнему ли циркулируют слухи о его двурушничестве. «Продолжают ли распространяться сплетни о поведении доктора Франклина?»

Брэдфорд признался, что мнения изменились. «Подозрения в отношении доктора Франклина исчезли. Каким бы ни был его ближайший проект, я уверен, что теперь он выбрал подходящую ему сторону и благоволит нашему делу».

Джон Адамс также сообщал своей жене Эбигейл, что Франклин окончательно перешел в революционный лагерь. «Он, не колеблясь, поддерживает наши самые смелые действия и даже, по-видимому, считает нас слишком нерешительными». Этот завистливый к чужой славе оратор не мог подавить легкого раздражения: британцы верили, что американская оппозиция «всем обязана» Франклину, а «их бумагомаратели припишут настроение и результаты работы этого конгресса именно ему»[361].

Первый проект Статей Конфедерации

Чтобы колонии отважились на мятеж, людям нужно было осознать себя новой нацией. Чтобы быть независимыми от Британии, колониям нужно было стать более зависимыми друг от друга. Как лидер, очень часто путешествующий и минимально приверженный местническим интересам, Франклин долгое время поддерживал идею создания Конфедерации — еще со времен с плана, который он составил в Олбани в 1754 году.

Этот план, так никогда и не принятый, предполагал учреждение межколониального конгресса, который был бы лоялен королю. Теперь, в 1775 году, Франклин вновь выдвинул эту идею, но с одним важным отличием: хотя его план учитывал возможность того, что новая конфедерация останется частью королевской империи, он был составлен таким образом, чтобы работать даже в случае отделения Америки от метрополии.

Статьи Конфедерации и Бессрочного союза, представленные Конгрессу 21 июля, как и план, выдвинутый в Олбани, содержали зачатки значительного концептуального прорыва, который в итоге определил федеративное устройство Америки на принципах разделения власти между центральным правительством и правительствами штатов. Однако Франклин шел впереди своего времени. Он предложил, чтобы центральное правительство было достаточно сильным — более сильным, чем в конце концов созданное в соответствии с фактическими статьями Конфедерации, которые Конгресс начал разрабатывать в следующем году.

Многие формулировки Франклина были взяты из планов создания конфедерации в Новой Англии, которые, в свою очередь, вели происхождение от плана, составленного поселениями в Массачусетсе и Коннектикуте в 1643 году. Но масштаб и властные полномочия значительно превосходили все, что предлагалось когда-либо прежде. «Конфедерации будет впредь называться Соединенными колониями Северной Америки, — так начинался подробный документ из тринадцати статей, составленный Франклином. — Вышеупомянутые Соединенные колонии входят, таким образом, в прочную Лигу дружбы, обязывая себя и последующие поколения обороняться от врагов, отстаивать свободы и имущество, обеспечивать безопасность граждан и их семей и защищать общее благосостояние»[362].

Согласно предложению Франклина, Конгресс должен был состоять из одной палаты, в которой каждый штат имел бы представительство, пропорциональное численности населения.

Конгресс должен был обладать властью вводить налоги, объявлять войну, руководить армией, создавать международные союзы, решать споры между колониями, образовывать новые колонии, выпускать единую валюту, создавать почтовую систему, регулировать торговлю и вводить в действие законы, «необходимые для общего благоденствия». Франклин также предлагал, чтобы вместо одного президента Конгресс назначал «исполнительный совет» из двенадцати человек, члены которого занимали бы свои должности в течение трех лет. Франклин включил также особое условие: в случае если Британия примет требования Америки и выплатит финансовые компенсации за нанесенный ущерб, союз может быть распущен. В противном случае «эта конфедерация будет сохраняться вечно».

Как прекрасно понимал Франклин, это в значительной степени было равнозначно декларации независимости от Британии и декларации зависимости колоний друг от друга. Ни одна из этих идей не имела до сих пор широкой поддержки. Поэтому он зачитал свое предложение с тем, чтобы оно было зафиксировано в протоколе, но не поставил его на голосование. Он согласился ждать часа, когда остальная часть Континентального конгресса последует за ним.

В конце августа, когда для Темпла настало время возвращаться из Нью-Джерси в Филадельфию, Уильям неожиданно предложил сопровождать мальчика в поездке. Франклин, которого не радовала перспектива прибытия его сына-лоялиста в город, где заседал мятежный Конгресс, решил сам отправиться за внуком[363].

Темпл был долговязым, любящим повеселиться подростком, столь же неорганизованным, как и большинство его пятнадцатилетних сверстников. Немало писем пришлось рассылать, чтобы вернуть забытые им где попало личные вещи. Его мачеха часто говорила ему: «Тебе очень не везет с одеждой». Уильям прилагал много усилий для сохранения видимости семейной гармонии и включал добрые слова о Франклине в каждое свое письмо Темплу. Борясь за привязанность сына, он также старался удовлетворять частые потребности Темпла в деньгах, в результате чего мальчик получал меньше уроков экономии, чем другие члены семьи.

И вновь Франклин оказался в окружении близких, что он находил весьма приятным: рядом с ним дочь и ее муж, двое их детей (шестилетний Бенни и двухлетний Уильям), Темпл и наконец Джейн Миком, его единственная оставшаяся в живых сводная сестра. Ни в одном из писем того времени, которыми мы располагаем, имя Деборы не упоминается; казалось, жизнь на

Маркет-стрит протекала без нее.

Теперь Франклин был в состоянии в прямом и в переносном смысле закрыть счета в отношениях с параллельной лондонской семьей.

Он выслал миссис Стивенсон тысячу фунтов в счет погашения своей задолженности по квартирной плате и настоятельно порекомендовал вложить эти деньги в покупку земли, а не в ценные бумаги. «Британия начала с нами войну, которая, как я понимаю, вряд ли закончится быстро, — писал он, — весьма вероятно, что бумаги быстро упадут в цене».

Что касается миссис Стивенсон, то она впала в «плохое настроение», тоскуя о нем. «Без воодушевляющей надежды провести остаток жизни вместе с вами, — писала Франклину ее подруга, — она будет очень несчастна». Отвечая на письмо, Франклин в своей жизнерадостной манере снова предложил заключить брак, но на этот раз между своим внуком Бенни и дочерью Полли Стивенсон Элизабет Хьюсон[364].

Поездка в Кембридж

Франклин служил своей стране, двигавшейся по пути революции, в ролях, приличествующих человеку его возраста: дипломата, заслуженного государственного деятеля, мудреца и погруженного в дремоту делегата. Но он по-прежнему имел склонность и талант к «ручному» управлению, к организации и к практической реализации намеченного.

Он был очевидной кандидатурой на пост главы комиссии по замене британской почтовой системы и затем, в июле, стал новым американским почтовым министром. Эта работа приносила неплохой доход в тысячу фунтов в год, но патриотизм Франклина пересилил его экономность: он стал перечислять заработную плату на лечение раненых солдат. «У нас люди могут быть столь же старательны в стремлении к общему благу, как у вас в стремлении зарабатывать тысячи в год, — писал он Пристли. — В этом состоит различие между некоррумпированными новыми государствами и коррумпированными старыми». Однако его приверженность непотизму оставалась неизменной: Ричард Бейч получил в новой системе должность финансового ревизора.

Франклин также отвечал за создание системы обращения бумажных денег, что было одним из его давних увлечений. Как обычно, он с головой погрузился в детали. Используя ботанические знания о структуре прожилок листьев различных деревьев, сам создал рисунки для банкнот, чтобы максимально затруднить их подделку. И вновь Бейч получил протекцию: оказался одним из тех, кого Франклин выбрал для контроля за процессом печатания новых купюр.

Помимо этих назначений, Франклин также руководил процессом сбора свинца для отливки пуль, занимался поиском способов производства ружейного пороха и возглавлял работу комиссий по установлению отношений с индейцами и стимулированию торговли с врагами Британии. Кроме того, он стал главой комитета самообороны Пенсильвании. В этой должности наблюдал за строительством системы секретных подводных заграждений, призванных предотвратить проникновение военных кораблей неприятеля в акваторию реки Делавэр. Он составлял подробные предложения, изобилующие историческими ссылками, об использовании солдатами пик и даже луков и стрел (подобные предложениям, сделанным в 1755 году, использовать собак) в целях компенсации нехватки пороха в колониях.

Идея использования стрел могла бы показаться

экстравагантной, но он обосновывал ее в письме, направленном в Нью-Йорк генералу Чарльзу Ли. Вот какие аргументы он, в частности, приводил: «Человек может стрелять из лука точно так же, как из обычного мушкета. <…> Он может выпустить четыре стрелы за то же время, которое требуется, чтобы зарядить мушкет и выпустить одну пулю. <…> Полет стрелы, видимый человеческому глазу, устрашает врагов и отвлекает их внимание от выполнения боевых задач. Человек в результате попадания стрелы в любую часть тела выведен из строя до тех пор, пока стрела не будет извлечена»[365].

С учетом возраста и физической немощи Франклина можно было бы ожидать, что он станет использовать свой опыт, пребывая в комфортных условиях в Филадельфии. Но среди его качеств была постоянная готовность или даже страстное желание участвовать не в абстрактном теоретизировании, а в практических делах любого рода. К тому же путешествия, как и в молодые годы, поднимали его жизненный тонус. Так, он совершил поездки по поручению Конгресса в октябре 1775 и в марте 1776 года.

Октябрьская поездка стала ответом на обращение генерала Вашингтона, принявшего командование разношерстным народным ополчением Массачусетса и старавшегося превратить его, как и прибывавших к нему жителей глухих окраин колоний, в ядро боеспособной континентальной армии. При плохом воинском снаряжении и падающем боевом духе было непонятно, сможет ли он сохранить свое войско в течение зимы. Поэтому Конгресс назначил комиссию для наблюдения за ситуацией, и хотя этим практически ограничивались все ее полномочия, Франклин согласился ее возглавить.

Накануне отъезда он написал письма двум британским друзьям, чтобы обратить их внимание на решимость американцев добиться победы. «Теша себя надеждой подчинить нас, вы не понимаете ни наших людей, ни нашей страны», — объяснял он Дэвиду Хартли. В письме к Джозефу Пристли он привел несколько математических выкладок, чтобы над ними мог поразмышлять один из их общих друзей: «Британия, израсходовав три миллиона, убила в этой кампании 150 янки, то есть потратила 20 000 фунтов на каждого убитого. <…> За то же время в Америке родилось 60 000 детей. На основе этих данных его математический ум легко может рассчитать время и количество денег, которые нужно потратить, чтобы уничтожить всех нас»[366].

Франклин и два других члена комиссии встречались с генералом Вашингтоном в Кембридже в течение недели.

Дисциплина войск представляла большую проблему, и Франклин приступил к ее разрешению в своей обычной тщательной манере, разрабатывая (как он делал это двадцатью годами ранее для ополчения Пенсильвании) невероятно подробные методики и процедуры. Например, перечень предписываемых наказаний предусматривал от двадцати до тридцати девяти ударов плетью для часовых, заснувших на посту, штраф в размере месячного жалованья для офицера, отсутствующего в своей части без официального разрешения, семидневное пребывание в тюрьме на хлебе и воде для рядовых, отсутствующих без увольнительной, и смертную казнь для бунтовщиков. Пищевой рацион для каждого военнослужащего определялся с той же тщательностью: фунт мяса или соленой рыбы в день, фунт хлеба, пинта молока, кварта пива или сидра и так далее, вплоть до количества мыла и свечей[367].

Когда комиссия готовилась к отъезду, Вашингтон попросил ее обратить внимание Конгресса на «необходимость наличия и регулярной высылки денег». Это представляло для колоний наибольшую трудность, и Франклин предложил типичный для него способ получения 1,2 миллиона фунтов в год просто за счет усиления экономии. «Если пятьсот тысяч семей будут тратить каждую неделю на один шиллинг меньше, — объяснял он Бейчу, — то они смогут оплатить всю сумму, даже не почувствовав этого. Воздержание от потребления чая обеспечит три четверти этих денег, а пятьсот тысяч женщин, изготавливая пряжу или вязаные вещи на три пенса каждую неделю, принесут остальную часть суммы». Со своей стороны Франклин направил свое жалование почт-директора и сто фунтов, которые миссис Стивенсон сумела собрать в Лондоне, на лечение раненых американцев. Он также взыскал с Ассамблеи Массачусетса деньги, которые она была должна ему за выполнение функций лондонского агента и которые он сберег[368].

Во время этой поездки на одном из обедов он встретился с женой Джона Адамса, Эбигейл, которая позже пренебрежительно отзывалась о нем, но в тот вечер была им очарована. Описание, сделанное в письме к мужу, показывает, что она хорошо поняла манеру его поведения, но не его религиозные убеждения:

> Я нашла его общительным, но не болтливым, и когда он говорил, то что-то весьма похвальное слетало с его языка. Он был важным, однако приятным и любезным. Вы знаете, что я претендую на знание физиогномики, и я думаю, что смогла прочитать на его лице добродетели его сердца, среди которых патриотизм проявлялся в

полной мере, и этот патриотизм дополняется всеми христианскими добродетелями, так как истинный патриот должен быть религиозным человеком[369].

На обратном пути в Филадельфию Франклин сделал остановку в Род-Айленде, чтобы встретиться со своей сестрой Джейн Миком. Она бежала из занятого британцами Бостона и нашла приют у старых знакомых Франклина — Кэтрин Рэй Грин и ее мужа. В доме Кэти проживали десятки беженцев, преимущественно родственников и друзей, и Франклин беспокоился, что Джейн, «должно быть, оказалась большой обузой для этого гостеприимного дома». Фактически же, как отмечает Клод Анн Лопес, «Джейн и Кэти, которых разделяло целое поколение, множество жизненных обстоятельств и особенности характера, находились в прекрасных отношениях». Подобно тому, как Франклин имел обыкновение находить неродных дочерей для себя, Джейн нашла и стала воспитывать Кэти. («Благодарю Бога за то, что у меня есть ты!» — писала Джейн Кэти, хотя у нее была собственная дочь, с которой она не поддерживала отношений[370].)

Франклин ответил любезностью на любезность. Забирая Джейн, убедил десятилетнего сына Кэти по имен Рэй отправиться с ними в Филадельфию и поступить вместе с Темплом в тамошний колледж. Поездка в карете по Коннектикуту и Нью-Джерси доставила Джейн большое удовольствие. «Речи моего дорогого брата мне даже более приятны, чем самая прекрасная погода», — сообщала она Кэти. Добрые чувства оказались настолько прочны, что позволили преодолеть любые политические разногласия во время краткого пребывания в губернаторском особняке в Перт-Эмбой, куда они заехали, чтобы навестить Уильяма.

После этого визита Франклину суждено было увидеть сына еще только раз: во время их последней напряженной встречи, состоявшейся десятью годами позже в Лондоне. Но тогда ни один из них об этом не знал, и встреча была короткой. «Мы хотели, чтобы они задержались подольше, — писала Темплу жена Уильяма, — но папа стремился поскорее домой»[371].

После возвращения комиссии в Филадельфию Конгрессом было создано несколько подразделений морской пехоты с целью захвата военных грузов, доставляемых из Англии. Франклин рассказывал, что один из барабанщиков нарисовал на своем барабане гремучую змею, предупреждающую: «Не наступи на меня». В неподписанной статье, наполненной смелым юмором с долей яда, Франклин утверждал, что этот рисунок должен стать

символом, а текст к нему — девизом борющейся Америки. Гремучая змея, как отмечал Франклин, не имеет глазных век и, «следовательно, может считаться символом бдительности». Она также никогда не атакует первая, а вступив в борьбу, никогда не сдается и «поэтому является символом великодушия и истинного бесстрашия». Что касается колец на хвосте гремучей змеи, то у змеи, нарисованной на барабане, их ровно тринадцать, «что соответствует числу объединившихся американских колоний. Как я помню, только количество колец на теле змеи может увеличиваться». Кристофер Гадсон, делегат Конгресса от Южной Каролины, подхватил предложение, содержавшееся в статье Франклина, и нарисовал желтый флаг с изображением гремучей змеи, подписав: «Не наступи на меня». В начале 1776 года этот флаг использовали первые подразделения морской пехоты, а позднее и многие другие подразделения бойцов народного ополчения[372].

Канада

Осенняя миссия в окрестностях Бостона была вполне логичной — достаточно легкое путешествие в родной город. Решение Конгресса отправить Франклина с новой миссией и согласие на эту поездку объяснить не так просто. В марте 1776 года Франклин, которому на тот момент было уже семьдесят лет, отправился в путешествие в Квебек.

Объединенные американские силы, часть которых возглавлял патриотически настроенный Бенедикт Арнольд, вторглись в Канаду с целью помешать англичанам направить военную экспедицию вниз по Гудзону и проникнуть на территорию колоний. Попавшие в ловушку и оказавшиеся в осаде американские войска провели трудную зиму и обратились к Конгрессу с просьбой о подкреплениях. И вновь конгресс отреагировал на просьбу созданием комиссии, во главе которой опять оказался Франклин.

В первый день своего путешествия Франклин и другие члены комиссии проехали чуть севернее Перт-Эмбой, где Уильям продолжал изображать видимость сохранения власти, даже несмотря на то, что местные повстанцы ограничили свободу его перемещений. Франклин не стал наносить визит сыну, который стал теперь противником. Действительно, Уильям наглядно продемонстрировал, кому он верен, отправив в Лондон всю информацию, которую сумел собрать о миссии своего отца. «Доктор Франклин, — отмечал он, — планирует убедить канадцев вступит в союз с другими колониями». Однако в письмах к Темплу Уильям высказывал сожаления и страхи. Достаточно ли здоров старик для такого путешествия? Есть ли способ уговорить его остаться дома? «Ничто не причиняет мне больше страданий, чем эта его поездка».

К тому времени, когда путешественники достигли Саратоги, где им пришлось дожидаться, пока растает лед на озерах, Франклин понял, что в этой поездке мог бы и не выжить. «Я взялся за тяжелое предприятие, которое для моего возраста может оказаться слишком трудным, — писал он Джозайе Квинси. — Поэтому я сел писать нескольким друзьям что-то вроде прощальных писем». Но он немного лукавил. После тяжелого месячного путешествия, в течение которого ему не раз приходилось спать на полу в покинутых домах, Франклин прибыл в Монреаль. По дороге он обзавелся шапкой из меха куницы, которую сделал знаменитой, когда, будучи послом в Париже, носил ее в качестве неотъемлемого атрибута своего имиджа

мудреца из заморской лесной глуши[373].

Несмотря на трудное положение войск, Бенедикт Арнольд угостил Франклина и его коллег роскошным ужином, что оказалось возможно благодаря щедрости молодых французских дам. Увы, Франклин был не в состоянии насладиться подарком. «Я страдал от многочисленных крупных фурункулов, — писал он позже. — В Канаде мои ноги опухли, и я опасался водянки».

Военная ситуация была не лучше. Осажденная американская армия ждала, что члены комиссии привезут необходимые средства, и испытала большое разочарование, когда узнала, что ее ожидания не сбылись. С другой стороны, возглавляемая Франклином делегация наделялась собрать нужные средства среди канадцев, но это оказалось невозможным. Франклин выдал Арнольду триста пятьдесят три фунта золотом из своего кармана. Этот красивый жест произвел благоприятное впечатление, но мало помог исправлению ситуации.

Франклин получил инструкции попытаться убедить Квебек присоединиться к американскому восстанию, но решил даже не делать таких попыток. «До прибытия денег представляется совершенно неуместным предлагать создание федерального союза этой провинции с другими, — докладывал он, — так как те немногие друзья, которых мы здесь имеем, вряд ли отважатся продвигать эту идею до тех пор, пока не увидят, что наша платежеспособность восстановлена и что к нам прибыло достаточное подкрепление».

Когда появились сведения, что из Англии отправилась очередная флотилия, канадцы стали еще менее гостеприимны. Комиссия сделала следующий неизбежный вывод: «Если невозможно получить деньги для достойной поддержки вашей армии, чтобы она вызывала уважение, а не ненависть народа, то мы повторим свое твердое и единодушное мнение о том, что ее лучше немедленно отсюда вывести».

Франклин, чувствовавший себя обессиленным и потерпевшим поражение, в течение мая прилагал усилия для возвращения в Филадельфию. «С каждым днем я чувствую себя все более слабым», — писал он. Когда же он вернулся домой, приступы подагры стали настолько сильными, что он целыми днями не выходил на улицу. Казалось, поездка в Канаду — последняя его миссия на благо своей страны.

Но силы стали постепенно возвращаться, чему способствовали визит генерала Вашингтона и известия о важном событии, которое вскоре должно было произойти. Его слабое здоровье, как писал он Вашингтону 21 июня, «держало меня вдали от конгресса и компании почти постоянно с тех пор, как вы

покинули нас, поэтому я мало знаю о том, что там делается, за исключением подготовки Декларации независимости»[374].

Путь к Декларации

До 1776 года большинство колониальных лидеров верили — или вежливо соглашались верить — в то, что Америка спорит с введенными в заблуждение королевскими министрами, а не с самим королем и не с концепцией королевской власти. Чтобы достичь независимости, нужно было убедить сограждан и себя самих осуществить непростой шаг, отказавшись признавать это различие. Одним из событий, способствовавших этому, стала публикация в январе того года анонимного сорокасемистраничного памфлета под названием «Здравый смысл».

Автор памфлета, написанного в прозе простым, но выразительным языком, который часто использовал Франклин, доказывал: не существует «природной или религиозной причины для разделения людей на королей и подданных». Правило передачи престола по наследству является исторической мерзостью. «Один честный человек больше ценен для общества и угоден Богу, чем все когда-либо жившие на свете коронованные головорезы». Таким образом, у американцев оставался только один путь: «Все, что является справедливым или естественным, умоляет об отделении».

В течение нескольких недель после появления памфлета в Филадельфии было продано сто двадцать тысяч экземпляров. Многие считали автором памфлета Франклина, так как в нем нашли отражение его резкие мысли о развращенности наследственной власти. В действительности же Франклин приложил руку к этому сочинению скорее косвенным образом: настоящим автором был дерзкий лондонский квакер по имени Томас Пейн. Ранее Пейн потерпел неудачу на поприще изготовления корсетов, был уволен с должности клерка налогового ведомства, а затем добился чести быть представленным Франклину, который, что неудивительно, проявил к нему симпатию.

Когда Пейн решил эмигрировать в Америку и стать там писателем, Франклин обеспечил ему переезд и написал в 1774 году письмо Ричарду Бейчу с просьбой помочь устроить Пейна на работу. Вскоре Пейн получил в Филадельфии место печатника и стал оттачивать мастерство эссеиста. Когда он показал Франклину рукопись «Здравого смысла», тот оказал ему искреннюю поддержку и предложил сделать несколько исправлений[375].

Памфлет Пейна вдохновил силы, выступавшие за революцию.

Легислатуры колоний стали проявлять меньше осторожности и настолько пересмотрели инструкции своим делегатам, что разрешили им обсуждать вопрос о независимости. Седьмого июня, когда Франклин выздоровел, делегат от Виргинии Ричард Генри Ли, брат и вечный соперник Артура Ли, выдвинул официальное предложение: «Соединенные колонии являются и по праву должны быть свободными и независимыми государствами». Хотя Конгресс отложил голосование по этому предложению на несколько недель, он предпринял немедленные шаги к достижению независимости, непосредственно повлиявшие на семейство Франклинов, а именно распорядился распустить все королевские органы власти в колониях. Патриотически настроенные конгрессы провинций стали проявлять напористость, и один из них — конгресс штата Нью-Джерси — объявил 15 июня 1776 года губернатора Уильяма Франклина «врагом свобод страны». Однако в знак уважения к тому, что он был Франклином, приказ об аресте Уильяма содержал указание обращаться с ним «со всей той деликатностью и мягкостью, которая допускается характером данного дела».

Но Уильям не был настроен проявлять деликатность и мягкость. Его выступление на суде 21 июня было настолько вызывающим, что один из судей описывал его как «во всех отношениях соответствующее его высокому происхождению», скорее имея в виду его незаконнорожденность, чем знаменитое родство по отцовской линии. Со своей стороны, старший Франклин действовал не слишком по-отечески. Его письмо Вашингтону, в котором говорилось о подготовке Декларации независимости, было написано в день, когда допрашивали сына, но Франклин даже не упомянул об этом событии. Он также не произнес ни слова и не предпринял никаких действий, чтобы помочь ему, когда Континентальный конгресс тремя днями позже проголосовал за заключение Уильяма в тюрьму Коннектикута.

Таким образом, слова, которые Уильям написал накануне заключения сыну, находившемуся теперь под неусыпной опекой деда, выглядели болезненно великодушными: «Мой дорогой мальчик, благослови тебя Бог, будь почтительным и внимательным к своему деду, которому ты обязан очень многим». Завершал он письмо с несколько натянутым оптимизмом: «Если мы переживем сегодняшнюю бурю, то все сможем встретиться и с удовольствием насладиться радостями мирной жизни»[376].

Они пережили бурю и действительно встретились снова, но им никогда не пришлось больше вместе наслаждаться радостями жизни. Раны, нанесенные событиями 1776 года, оказались слишком глубокими.

Редактор Джефферсона

В то время когда Конгресс готовился к голосованию по вопросу о независимости, была назначена комиссия для выполнения некоего дела. На тот момент оно не представлялось важным, зато впоследствии оказалось фундаментальной задачей. Это было составление декларации, разъяснявшей суть решения. В комиссию, разумеется, вошел Франклин, а кроме него — Томас Джефферсон, Джон Адамс, коммерсант из Коннектикута Роджер Шерман и нью-йоркский адвокат Роберт Ливингстон[377].

Как же оказалось, что Джефферсон, которому было всего тридцать три года, удостоился чести составлять такой документ? Его имя стоит первым в списке членов комиссии, и это означает, что он был ее председателем, потому что получил наибольшее число голосов и потому что был из Виргинии, колонии, которая предложила резолюцию. Четверо его коллег занимали посты в других комиссиях, которые считали более важными, и ни один из них не понимал, что документ в конце концов станет рассматриваться как текст, подобный священному писанию.

Со своей стороны Адамс ошибочно полагал, что уже обеспечил себе место в истории, написав преамбулу к резолюции 10 мая, призывавшей к демонтажу системы королевской власти в колониях. Он самоуверенно заявил, что этот документ будет рассматриваться историками как «самая важная резолюция, когда-либо принятая в Америке».

Несколькими годами позже в присущей ему напыщенной манере Адамс утверждал, что Джефферсон хотел, чтобы именно он сочинил текст декларации, но что он убедил молодого человека взять эту честь на себя, сказав ему: «Причина первая: вы виргинец, а виргинец должен быть во главе этого дела. Причина вторая: я неприятный, подозрительный и непопулярный человек. Вы же совсем другой. Причина третья: вы пишете в десять раз лучше, чем я». По воспоминаниям Джефферсона, все обстояло иначе. Комиссия «единодушно настояла на том, чтобы я один составил проект», — писал он[378].

Что касается Франклина, то он по-прежнему лежал в постели со своими фурункулами и подагрой, когда впервые встретился с членами комиссии. Кроме того, позже он говорил Джефферсону: «Я взял себе за правило всякий раз, когда это в моей власти, избегать роли составителя документов, которые будут рецензироваться государственными учреждениями».

Таким образом, именно Джефферсон удостоился чести написать несколько фраз, вошедших в число самых знаменитых в

истории человечества. Сидя в одиночку в своей комнате на втором этаже в доме на Маркет-стрит, всего в одном квартале от дома Франклина, он написал знаменитые начальные слова: «Когда ход событий…» Важно отметить, что затем последовала атака не на британское правительство (то есть министров), а на воплощение британского государства (то есть короля). «Атака на короля, — отмечает историк Полина Майер, — была конституционной по форме. Именно поэтому англичане объявили произошедшее революцией»[379].

Документ, составленный Джефферсоном, во многих отношениях был подобен тому, который написал бы Франклин. В нем содержался перечень претензий к британцам и подробно описывались, как это часто делал Франклин, попытки Америки к примирению несмотря на непреклонность Англии. Действительно, слова Джефферсона в чем-то перекликаются со словами, которые ранее использовал Франклин в том же году в проекте резолюции, который не был опубликован.

> Поскольку всякий раз, когда короли вместо того, чтобы защищать жизни и имущество подданных, что является их священным долгом, предпринимают усилия по уничтожению и того и другого, они таким образом перестают быть королями, становятся тиранами и разрывают все узы верности между собой и народом, то мы далее торжественно заявляем, что как только нам станет ясно, что войска и корабли короля прибыли в Америку или собираются прибыть туда в будущем по *приказам Его Величества*, чтобы уничтожить любой город или жителей любого города или поселка, или что по тому же приказу дикари завербованы для убийства наших бедных переселенцев и членов их семей, с того момента мы полностью перестанем признавать свою лояльность Великобритании до тех пор, пока это королевство будет подчиняться ему или любому из его потомков как своему повелителю[380].

Однако стиль Джефферсона отличался от стиля Франклина. Он был украшен плавными каденциями и приятными для слуха фразами, поэтичными и в то же время мощными, несмотря на гладкость. К тому же Джефферсон опирался на глубокую философию, чего нельзя найти у Франклина. Он воспроизводил язык и идеи английских и шотландских мыслителей эпохи Просвещения, и наиболее важная — концепция естественных прав, выдвинутая Джоном Локком, сочинение которого «Второй трактат о правлении» автор прочитал не менее трех раз. И он

разработал свою аргументацию в более изощренной манере, чем это сделал бы Франклин, используя концепцию договора между государством и его подданными, договора, основанного на общем согласии людей. Также следует отметить, что Джефферсон свободно заимствовал фразы других авторов, в том числе из знаменитой Декларации прав в новой конституции Виргинии, составленной хорошо знакомым ему плантатором Джорджем Мейсоном. Делал это в манере, которая сегодня могла бы породить обвинения в плагиате, но в то время считалась не только уместной, но и свидетельствующей об учености. Действительно, когда раздраженный Джон Адамс, с завистью воспринимавший похвалы в адрес Джефферсона, указал несколько лет спустя на то, что в Декларации не было новых идей и что многие фразы в ней были взяты у других авторов, Джефферсон парировал: «Я никоим образом не считал своей обязанностью изобретать новые идеи, не используя мнений, высказанных когда-либо прежде»[381].

Завершив проект Декларации и внеся в него несколько изменений, предложенных Адамсом, он отослал его Франклину в пятницу утром 21 июня. «Не будет ли доктор Франклин так любезен внимательно просмотреть его, — писал он в сопроводительной записке, — и предложить изменения, которые подскажет его более широкий взгляд на этот предмет?»[382] В то время люди вели себя со своими редакторами гораздо более вежливо.

Франклин сделал в проекте всего несколько поправок. Часть можно увидеть — они написаны его рукой на том, что сам Джефферсон называл черновым наброском Декларации. (Этот замечательный документ хранится в библиотеке Конгресса и опубликован на ее веб-сайте.) Наиболее важная из поправок была небольшой, но весьма существенной. Сильными движениями пера он вычеркнул последние три слова в предложении Джефферсона «Мы считаем эти истины священными и неоспоримыми» и заменил их словами, которые теперь вписаны в скрижали истории: «Мы считаем эти истины самоочевидными»[383].

Идея о «самоочевидных истинах» основывалась в меньшей степени на трудах Джона Локка, любимого мыслителя Джефферсона, чем на научном детерминизме Исаака Ньютона и аналитическом эмпиризме близкого друга Франклина Дэвида Юма. В рамках того, что получило название «вилки Юма»{72}, великий шотландский философ наряду с Лейбницем и другими мыслителями разработал теорию, проводившую различие между синтетическими истинами, описывающими несомненные факты (например, «Лондон больше Филадельфии»), и аналитическими

истинами, которые становятся очевидными благодаря использованию доводов разума и определений (например, «сумма углов треугольника равна 180°», «все холостяки неженаты»). Используя слово «священный», Джефферсон заявлял, намеренно или нет, что рассматриваемый принцип — равенство людей и наделение их Создателем неотчуждаемыми правами — есть религиозное утверждение. Поправка Франклина превращала его в утверждение рациональности.

Другие поправки Франклина оказались менее удачны. Он заменил слова Джефферсона «подчинить их деспотической власти» на «подчинить их абсолютному деспотизму» и образное «вторгнуться и залить нас кровью» на более скупое «вторгнуться и уничтожить нас». А несколько его изменений выглядят откровенно педантичными: например, «размер их жалованья» превращается в «размер и выплату их жалованья»[384].

Второго июля Континентальный конгресс наконец-то сделал важный шаг на пути к голосованию по вопросу о независимости. Пенсильвания была одним из последних штатов, державшихся до конца; вплоть до июня ее легислатура инструктировала своих делегатов решительно противиться любым действиям, «которые могут подтолкнуть или привести к отделению от метрополии». Но под давлением более радикального крыла легислатуры инструкции были изменены. Возглавляемая Франклином делегация Пенсильвании, за исключением воздержавшегося консерватора Джона Дикинсона, присоединилась к делегациям остальных колоний и приняла участие в голосовании по вопросу о независимости.

Как только голосование завершилось, Конгресс превратил сам себя в одну большую комиссию по рассмотрению проекта Декларации Джефферсона. Но члены этой комиссии не были столь тактичны в своих редакторских усилиях, как Франклин. Большие разделы были по сути выхолощены, в особенности тот, в котором король критиковался за сохранение работорговли. Конгресс также, к его чести, сократил более чем наполовину пять последних параграфов проекта, в которых Джефферсон настолько бессвязно излагал свои мысли, что это отвлекало читателя от основного содержания документа[385]. Джефферсон буквально обезумел от горя. «Я сидел рядом с доктором Франклином, — вспоминал он, — который понимал, что я не могу быть нечувствительным к кромсанию моего текста».

Но процесс (помимо улучшения великого документа) имел еще одно благоприятное последствие: Франклин, стараясь утешить Джефферсона, рассказал ему одну из самых знаменитых маленьких историй своей жизни. Когда Франклин был молодым

печатником, его друг, начавший заниматься производством шляп, захотел сделать вывеску для своей мастерской. Вот как рассказывал об этом сам Франклин:

> Он придумал для нее следующий текст: «Джон Томпсон, шляпник, изготавливает и продает шляпы за наличные деньги» — и дополнил его изображением шляпы. Но затем решил показать ее своим приятелям, чтобы они предложили ему поправки. Первый, увидевший надпись, решил, что слово «шляпник» является тавтологией из-за последующих слов «изготавливает шляпы», которые и так говорят о характере занятий. Слово было вычеркнуто. Второй приятель заметил, что слово «изготавливает» также может быть опущено, потому что покупателей не волнует, кто изготавливает шляпы.
>
> Это слово также было убрано. Третий приятель сказал, что, по его мнению, слова «за наличные деньги» не нужны, так как в их городе не принято торговать в кредит. Считалось само собой разумеющимся, что каждый, кто совершает покупку, платит за нее наличными. Эти слова также были удалены, и теперь надпись гласила: «Джон Томпсон продает шляпы». «Продает шляпы, — сказал четвертый приятель, — но ведь никто не ожидает, что ты будешь раздавать их даром. Для чего эти слова?» Они также были удалены, как и слово «шляпы» — ведь изображение шляпы и так мог видеть каждый покупатель. В конце концов на вывеске остались слова «Джон Томпсон», дополненные изображением шляпы[386].

На состоявшейся 2 августа официальной церемонии подписания начертанного на пергаменте текста Декларации председатель Конгресса Джон Хенкок поставил на документе свою подпись со знаменитой завитушкой. «Мы не должны пытаться идти разными путями, — провозгласил он. — Нам всем необходимо сплотиться». Согласно одному из ранних американских историков Джареду Спарксу, Франклин ответил: «Да, разумеется, мы должны сплотиться, так как иначе наверняка будем висеть по одиночке». Их жизни, как и их слава, были поставлены на одну карту[387].

Идея конституции

После провозглашения объединившихся колоний новым государством Второй Континентальный конгресс должен был заняться созданием, причем с нуля, новой системы правления. Поэтому он приступил к работе над тем, что стало называться Статьями Конфедерации. Этот документ был составлен в окончательном виде лишь в конце 1777 года, и потребовалось еще четыре года, чтобы колонии его ратифицировали. Но базовые принципы были разработаны в течение нескольких недель после принятия Декларации независимости.

В проекте Статей Конфедерации, представленном годом ранее, Франклин предлагал создать сильное центральное правительство, назначаемое Конгрессом, который всенародно избирался бы на основе пропорциональной системы представительства. По своему характеру и воспитанию он был одним из самых демократичных лидеров колоний. Большинство из его идей не доминировали в новых статьях, но аргументы, использовавшиеся в спорах — и на собраниях Ассамблеи Пенсильвании, на которых составлялась новая конституция штата, — оказали в итоге влияние.

Один из ключевых вопросов заключался в том, что создается — конфедерация независимых государств или единое государство. Или конкретнее: должен ли каждый штат иметь один голос в Конгрессе или получать голоса пропорционально численности населения? Неудивительно, что Франклин отдавал предпочтение второму варианту, и не просто потому, что сам происходил из крупного штата, но потому, что, по его убеждению, власть общенациональному конгрессу должны давать люди, а не штаты. К тому же предоставлять маленьким штатам такое же представительство, как и крупным, было бы несправедливым. «Конфедерация, построенная на столь чудовищно несправедливых принципах, не сможет долго просуществовать», — предсказывал он.

Так как спор становился все ожесточеннее, Франклин попытался придать своей аргументации немного искрометного юмора. Маленькие штаты утверждали, что при пропорциональном представительстве их задавят более крупные. Франклин отвечал, что во времена создания союза с Англией некоторые шотландцы предсказывали своей стране судьбу Ионы, проглоченного китом, а в итоге в правительство вошло так много шотландцев, «что в конце концов создалось впечатление, будто именно Иона проглотил кита». Джефферсон отметил, что Конгресс

отреагировал на эту реплику дружным искренним смехом. Тем не менее он проголосовал за вариант предоставления каждому штату одного голоса. Сначала Франклин угрожал убедить Пенсильванию не вступать в Конфедерацию, но в конце концов смирился.

Другой вопрос касался того, следует ли рассматривать рабов как часть населения штата с точки зрения оценки налоговых обязательств. Нет, доказывал один из делегатов от Южной Каролины, рабов следует воспринимать не как население, а как собственность, скорее как овец, а не как людей. Франклин дал ему резкую отповедь: «Есть разница между ними и овцами. Овцы никогда не поднимут восстание»[388].

В то время как Конгресс обсуждал новые статьи, в Пенсильвании проходил конституционный съезд штата, причем ради удобства — в том же здании. Франклин единодушно был избран председателем, и его главный вклад заключался в том, что он настоял на создании однопалатной легислатуры. Идея обеспечения баланса власти между напрямую избираемой легислатурой и не напрямую выбираемой «верхней» палатой, против которой он выступал, была рудиментом аристократической элитарной системы, с которой боролась Америка. Франклин сравнивал двухпалатный законодательный орган со сказочной двухголовой змеей. «Она хотела напиться из ручья, но на пути к воде встретила забор, вынуждавший ее двигаться в одном из двух противоположных направлений; одна голова хотела направо, другая налево, на споры ушло много времени, и когда решение наконец было принято, бедная змея скончалась от жажды». Он также приложил руку к списку требований, которым должны были отвечать должностные лица в Пенсильвании. В отличие от других штатов им запрещалось владеть собственностью, но зато они должны были обладать «прочной приверженностью к справедливости, умеренности, сдержанности, трудолюбию и бережливости».

Идея Франклина об однопалатном законодательном органе была в конце концов отвергнута и в Пенсильвании, и в Соединенных Штатах, но бурно приветствовалась во Франции, которая реализовала ее (с сомнительными результатами) после революции. Другое ультрademократическое предложение Франклина съезду штата Пенсильвания заключалось в том, чтобы принятая Декларация о правах не поощряла владение крупной собственностью или высокую концентрацию богатства в руках немногих, так как это представляет «угрозу для счастья человечества». В итоге это предложение показалось съезду также слишком радикальным.

Франклин не жалел времени на работу в различных комиссиях Конгресса. Например, в сотрудничестве с Джефферсоном и Адамсом он помогал создавать большую государственную печать. Джефферсон предложил изобразить на ней сынов Израиля, идущих через пустыню, а Адамс — использовать образ Геркулеса. Идея Франклина — поместить на лицевой стороне девиз E Pluribus Unum{73}, а на обратной — сцену гибели войск фараона в водах Красного моря и фразу «Восстание против тиранов угодно Богу». Позднее Джефферсон поддержал план Франклина, и он в значительной степени был одобрен Конгрессом[389].

Новая встреча с лордом Хау

Переговоры Франклина в Лондоне с адмиралом Ричардом Хау, начатые во время сражений за шахматной доской в доме сестры Хау в конце 1774 года, завершились безрезультатно, но не повредили взаимному уважению, которое испытывали друг к другу эти два человека. Лорда Хау разочаровало то, что тупик перечеркнул его надежды официально отправиться в колонии в качестве посла мира. В июле 1776 года в подчинении адмирала находились все британские вооруженные силы в Америке, включая сухопутные войска, которыми командовал его брат генерал Уильям Хау. Кроме того, лорд Хау желал получить полномочия, необходимые для того, чтобы попытаться достичь примирения. Адмирал разработал вместе с братом подробное предложение, содержавшее пункты о перемирии, помиловании лидеров мятежников (с тайным исключением из списка Джона Адамса) и обещаниями вознаградить любого американца, который будет помогать восстановлению мира.

Так как англичане не признавали Континентальный конгресс легитимным органом власти, то лорд Хау не знал, куда ему следует направлять свои предложения. Поэтому по прибытии в Сэнди-Хук, штат Нью-Джерси, он послал письмо Франклину, обращаясь к нему «мой дорогой друг». Он «надеялся быть полезным в продвижении к установлению прочного мира и единения с колониями»[390].

Франклин зачитал письмо Конгрессу и получил разрешение дать ответ, что и сделал 30 июля. Это был искусный и красноречивый текст, ясно выражавший намерение Америки оставаться независимой, но при этом предпринять последнюю попытку не допустить революции.

«Я в целости получил письма, которые Ваша светлость любезно направила мне, и прошу Вас принять мою благодарность», — начинал Франклин с необходимой в таких случаях вежливостью. Но тон письма быстро накалялся, даже воскресло выражение «потопить нас в крови», которое он когда-то вычеркнул из проекта Декларации, составленного Джефферсоном.

> Направлять помилование колониям, которые в действительности являются пострадавшими сторонами, значит считать нас невежественными, неотесанными и бесчувственными. Этого мнения долгое время придерживалась ваша плохо информированная и гордая

нация, чтобы потешаться над нами, но оно может иметь и другой эффект, помимо нарастания нашего возмущения. Невозможно и думать о том, чтобы мы подчинились правительству, которое с невиданным варварством и жестокостью сжигает наши беззащитные города посреди зимы, подстрекает дикарей убивать наших мирных фермеров, наших рабов — расправляться со своими хозяевами, а теперь даже привозит иностранных наемников, чтобы потопить наши поселения в крови.

Однако Франклин сумел наполнить письмо не только яростью. С большим сожалением и болью вспоминал, как они совместно трудились над тем, чтобы не допустить необратимого разрыва. «Я долгое время бесстрашно, с неистощимым рвением пытался сохранить от крушения эту изящную и благородную китайскую вазу — Британскую империю, так как знаю, что после того как она будет разбита, отдельные части не смогут сохранить даже доли той прочности, которые имелись у единого целого», — писал он. «Ваша светлость, возможно, помнит слезы радости, которые текли по моим щекам, когда в доме вашей доброй сестры в Лондоне вы однажды осчастливили меня надеждой, что примирение может скоро произойти».

Возможно, Франклин намекал, что мирные переговоры могли бы оказаться полезны. Но это было маловероятно. От Хау требовалась готовность рассматривать Британию и Америку «как разные государства». Сам Франклин сомневался, что Хау обладает такими полномочиями. Но если бы Британия захотела заключить мир с независимой Америкой, то Франклин не считал «соглашение с такой целью практически неосуществимым». Он заканчивал письмо на приятной личной ноте, заявляя о «прочном уважении и даже любви, которую всегда будет питать к Его светлости»[391].

Хау, по понятным причинам, был захвачен врасплох ответом Франклина. Посыльный, доставивший письмо, сообщал об «удивлении» на его лице. Лорд заметил, что его «старый друг высказался очень сердечно». Когда посыльный спросил, не желает ли его светлость отправить ответ, «тот отказался, сказав, что доктор был слишком добросердечен и что если бы он полностью выразил свои чувства, то причинил бы ему лишь страдания, чего хотел бы избежать».

Хау выжидал две недели, в течение которых британцы благодаря искусному маневрированию добились преимущества над силами генерала Вашингтона на Лонг-Айленде. Затем он

послал тщательно сформулированный и исключительно вежливый ответ своему «достопочтенному другу». Адмирал признавал, что не обладает полномочиями «для ведения переговоров о воссоединении с Америкой в любом другом ее качестве, кроме как субъекта британского королевства». Тем не менее он заявил, что мир возможен на условиях, изложенных Конгрессом в Петиции оливковой ветви, направленной королю годом раньше: там перечислялись все требования колоний относительно автономии, однако сохранялась определенная форма союза с Британией под властью короны. Хотя в своем «публичном заявлении» он воздерживался от однозначных высказываний, теперь давал четко понять, что мир, который рисуется в его воображении, будет служить «общим интересам обеих стран». Другими словами, Америка должна рассматриваться как самостоятельная страна в составе империи[392].

Это было то, о чем Франклин мечтал столько лет. Однако после 4 июля предложение выглядело запоздалым. Теперь Франклин остро чувствовал это. Джон Адамс и его коллеги по радикальной фракции — даже еще острее. Поэтому в Конгрессе прошло много дискуссий и споров, следует ли Франклину поддерживать переписку. Хау форсировал события, освободив захваченного в плен американского генерала и отпустив его в Филадельфию. Он передал приглашение Конгрессу направить неофициальную делегацию для проведения переговоров до того, как «будет нанесен решающий удар».

Троих членов Конгресса — Франклина, Адамса и Эдварда Рутледжа из Южной Каролины — уполномочили встретиться с Хау, чтобы выслушать его предложения. Включение в делегацию Адамса (который предупреждал Конгресс, что, как говорил его биограф Дэвид Маккуллог, посланец Хау — «подсадная утка, направленная с целью убедить Конгресс отказаться от независимости») служило предохранительным механизмом против возможного возвращения Франклина к привычным попыткам поиска мира.

Возможно, с определенной долей иронии Франклин предложил, чтобы встреча состоялась в губернаторском особняке в Перт-Эмбой, где ранее жил его сын, ныне находившийся под стражей, или на острове Стейтен. Хау выбрал второй вариант. Во время поездки делегация провела одну ночь в Нью-Брунсвике, где гостиницы были настолько переполнены, что Франклину и Адамсу досталась на двоих одна кровать.

В результате оба провели веселую ночь, описание которой содержится в дневнике Адамса и позволяет бросить беглый

взгляд на личность Франклина и многолетние эксцентричные отношения со своим старым соратником.

Адамс страдал от простуды, и когда они пошли спать, закрыл маленькое окошко, имевшееся в их комнате. «Ох! — сказал Франклин. — Не закрывайте окно, иначе мы здесь задохнемся».

Адамс ответил, что боится холодного ночного воздуха. «Воздух в этой комнате скоро будет хуже, чем на улице, — возразил Франклин. — Откройте окно и ложитесь в постель, а я постараюсь убедить вас в своей правоте. Уверен, что вы незнакомы с моей теорией простуды».

Адамс приоткрыл окно и «прыгнул в постель» — зрелище, которое стоило увидеть. Он признался, что читал письма Франклина (см. ранее), в которых утверждалось, что никто не простужается от холодного воздуха, но эта теория не согласуется с его личным опытом. Не мог бы Франклин разъяснить ее поподробнее?

С несвойственной для него сдержанностью Адамс писал: «Затем доктор начал разглагольствовать о воздухе и о простуде, о дыхании и потении, и это меня настолько развлекло, что я быстро уснул и оставил его наедине с философией. Следует отметить, что Франклин, возможно, не заразился простудой от Адамса не только потому, что победил в споре об окне, но и потому, что философствовал всласть»[393].

Отправив лодку, чтобы доставить американскую делегацию на остров Стейтен, Хау велел своему офицеру остаться на противоположном берегу в качестве заложника. Но Франклин и его коллеги взяли офицера с собой, чтобы продемонстрировать веру в благородство Хау. Хотя Хау и провел гостей мимо двойной шеренги угрожающе выглядевших гессенских наемников, сорокапятиминутная встреча, состоявшаяся 11 сентября, прошла сердечно, и американцев угостили хорошим кларетом, ветчиной, копченым языком и бараниной.

Хау заверял, что колонии могли бы получить все, о чем просили в Петиции оливковой ветви: контроль за законодательством и налогами и «пересмотр любых законов о плантациях, которые могут наносить ущерб колонистам». Он утверждал, что британцы по-прежнему доброжелательны к американцам: «Когда американец погибает в бою, Англия переживает его смерть». Он сам ощущает это. Если бы Америка погибла, сказал он, «я воспринимал и оплакивал бы это как потерю брата».

Адамс зафиксировал немедленную реакцию Франклина. «Доктор Франклин с непринужденным видом и сосредоточенным выражением лица, поклонившись и улыбнувшись, ответил с той

наивностью, которая иногда проявлялась в его разговорах и часто прослеживалась в его текстах: „Боже мой, мы сделаем все возможное, чтобы спасти вашу светлость от такого страдания“».

Хау доказывал: спор, породивший эту ужасную войну, касается только методов, которые должна использовать Британия для сбора налогов с Америки. Франклин ответил: «Этого мы никогда не отрицали, особенно после проведенной реквизиции». Америка, продолжал Хау, обеспечивала и другие источники мощи империи, включая и «ее людей». Франклин, труды которого о росте народонаселения хорошо были известны Хау, согласился: «Производство людей у нас налажено неплохо».

Почему же тогда, спрашивал Хау, невозможно поставить заслон «этим разрушительным крайностям?» Потому, отвечал Франклин, что теперь слишком поздно заключать мир и требовать возврата верности королю. «К нам были направлены вооруженные силы, сожжены наши города, — сказал он. — Мы не можем теперь ждать благоденствия под властью Великобритании. Все прошлые связи уничтожены». Адамс также «пылко упомянул о своей собственной решимости не отступать от идеи независимости».

Американцы предполагали, что Хау отправится домой для получения полномочий на ведение переговоров с ними как с независимой страной. Но это оказалось тщетной надеждой.

«Боже мой, — сказал Франклин, — Америке нечего ожидать, кроме безусловного порабощения…»

Хау прервал его: никто не требует порабощения, но совершенно ясно, что никакое соглашение невозможно, по крайней мере в данный момент. Хау извинился за то, что «джентльменам пришлось терпеть трудности такого дальнего путешествия ради столь ничтожного результата»[394].

Во Францию с Темплом и Бенни

Спустя две недели после возвращения со встречи с лордом Хау комиссия Конгресса, действовавшая в обстановке строгой секретности, поручила Франклину выполнение самой опасной, сложной и увлекательной из всех его общественных миссий. Он должен был еще раз пересечь Атлантику, стать послом в Париже и выпросить у Франции, наслаждавшейся редким состоянием мира с Англией, помощь и союзничество, без которых Америка вряд ли могла рассчитывать на победу.

Это было странное назначение. Казалось, старый и больной Франклин теперь наконец-то удобно устроится в семейном кругу, который фактически состоял из его потомства. Но в этом решении, с точки зрения Конгресса, имелась своя логика. Хотя Франклин посещал Францию только дважды, в этой стране он был самым известным и уважаемым американцем. Кроме того, как член созданной Конгрессом комиссии по секретной переписке он проводил в последние годы конфиденциальные переговоры с разными французскими посредниками. Среди них был и Жюльен де Бонвулуар, агент, кандидатура которого была лично одобрена новым королем Людовиком XVI.

Франклин встречался с ним трижды в декабре 1775 года, и хотя Бонвулуар и был исключительно осмотрителен, у него сложилось впечатление, что Франция готова оказать поддержку американскому восстанию, по крайней мере тайно[395].

Для поездки во Францию были выбраны и два других эмиссара: Сайлес Дин, коммерсант и делегат Конгресса от Коннектикута, уже побывавший в Париже в марте 1776 года, и Томас Джефферсон. Когда Джефферсон попросил освободить его от этого поручения по семейным обстоятельствам, на его место был назначен сварливый виргинец Артур Ли, который ранее принял от Франклина обязанности агента колоний в Лондоне.

Франклин открыто заявлял, что принимает назначение крайне неохотно. «Я стар и ни на что не гожусь, — говорил он другу Бенджамину Рашу, сидевшему на заседаниях конгресса рядом с ним. — Но, как говорят лавочники о нераспроданных запасах одежды, я являюсь не чем иным, как ненужным остатком, и вы можете использовать меня для чего угодно»[396]. Однако, зная Франклина — его любовь к путешествиям, жажду новых ощущений, понимание Европы и (возможно) склонность избегать затруднительных ситуаций, — вполне возможно, что он приветствовал назначение. Имеется несколько свидетельств того, что он его добивался. В ходе дискуссий в секретной комиссии в

предыдущем месяце он составил «Набросок предложений о мире» с Англией, который комиссия решила не пускать в дело. В тексте Франклин говорил о желании вернуться в Англию:

> Необходимость сделать такие предложения или использовать какие-то другие средства для продвижения к миру обеспечит Б. Ф. предлог для поездки в Англию, где он имеет много друзей и знакомых, в особенности среди известных писателей и самых блестящих ораторов в обеих палатах парламента. Он считает, что сумеет, если условия мира не будут приняты, добиться такого разделения чувств нации, которое значительно ослабит ее усилия, направленные против Соединенных Штатов[397].

Его встреча с лордом Хау, состоявшаяся после того как он составил докладную записку, сделала поездку в Англию менее привлекательной, особенно в сравнении с парижскими возможностями. По опыту предыдущих визитов он знал, что сможет полюбить Париж, и к тому же жить там наверняка безопаснее, чем оставаться в Америке при неясном исходе войны (войска Хау в то время приближались к Филадельфии). Немногие враги Франклина, включая британского посла в Париже и нескольких американских лоялистов, считали, что он ищет предлог, чтобы избежать опасности. Даже его друг Эдмунд Бёрк, проамерикански настроенный философ и член парламента, размышлял на эту тему. «Я никогда не поверю, — говорил он, — что Франклин собирается завершить свою долгую жизнь, каждый час которой был блестящим, столь глупым и бесчестным бегством»[398].

Подозрения, вероятно, были чересчур прямолинейными. Если бы личная безопасность являлась главным предметом его заботы, то пересечение в условиях военного времени Атлантического океана, контролируемого военным флотом противника, да еще в возрасте семидесяти лет и при постоянных жалобах на подагру и камни в почках, не самый логичный образ действий. Как и всегда, когда Франклин решался пересечь Атлантику, данное решение также диктовалось множеством противоречивых эмоций и желаний. Но, безусловно, возможность послужить своей стране, выполнив поставленную задачу, к чему лучше него не был подготовлен ни один американец, и возможность быть торжественно принятым в Париже и жить в нем — понятные причины, по которым он принял решение. Готовясь к отъезду, он снял со своего банковского счета три тысячи фунтов и одолжил их Конгрессу на военные нужды.

Его внук Темпл провел лето в Нью-Джерси в заботах о своей несчастной одинокой мачехе. После ареста мужа Элизабет Франклин, всегда отличавшаяся душевной хрупкостью, совершенно обезумела от горя. «Я ничего не могу делать, кроме как тяжело вздыхать и плакать, — писала она в июле своей золовке Салли Бейч. — У меня так трясутся руки, что я едва могу держать перо». Упрашивая Темпла остаться с нею, она жаловалась на «буйных солдат», окруживших ее особняк. «Они ведут себя со мной страшно грубо, нагло и оскорбительно и пугают меня до потери сознания». Они даже пытались, добавляет она, украсть домашнюю собаку Темпла[399].

Темпл прибыл в дом мачехи в конце июля, по обыкновению растеряв по дороге часть вещей. («По-видимому, существует, — писал его дед, — некий фатум, сопровождающий перемещение твоих вещей между Эмбоем и Филадельфией».) Старший Франклин прислал Элизабет денег, но та просила большего. Не мог бы он «замолвить словечко», чтобы Уильяму разрешили вернуться к семье? «Примите во внимание, мой дорогой и уважаемый господин, что сейчас я прошу за вашего сына и моего возлюбленного мужа». Франклин ответил отказом и отверг ее жалобы, указав, что другие люди, попавшие в руки англичан, страдают еще сильнее. Он также не предпринял никаких усилий, чтобы встретиться с нею, когда проезжал через Эмбой, направляясь на встречу с лордом Хау. С момента ее замужества он демонстрировал мало желания подружиться с ней, встречаться или вступать в переписку, не говоря уже о том, чтобы делать ей комплименты, которые так щедро расточал другим молодым женщинам[400].

Темпл проявлял больше сочувствия. В начале сентября он планировал поехать в Коннектикут, чтобы увидеться с арестованным отцом и передать ему письмо от Элизабет. Но Франклин запретил ему, сказав, что важнее побыстрее приступить к занятиям в Филадельфии. Темпл не сдавался. Ведь он не имел никакой секретной информации и просто хотел доставить письмо от Элизабет. Дед оставался непреклонным. «Ты ошибочно полагаешь, будто бы я опасаюсь того, что ты передашь опасную секретную информацию своему отцу, — сердито выговаривал он. — Ты был бы более прав, если бы подозревал, что я мало забочусь о твоем благополучии». Если Элизабет хочет написать мужу, добавлял он, то может сделать это под наблюдением губернатора Коннектикута, и даже прилагал к своему письму необходимую почтовую бумагу. На самом деле Франклин понимал, что внук имеет другие мотивы — один дурной, второй похвальный — для встречи с отцом. «Я скорее думаю, что этот

план возник из-за твоей склонности к праздношатанию и нерасположенности к возвращению в колледж вкупе с не осуждаемым мною желанием увидеться с отцом, любить которого ты имеешь так много причин». Не обвинять сына в желании встретиться с отцом? Признать, что он имеет много причин, чтобы его любить? Для Франклина такие сантименты в отношении Уильяма — нечто необычное, даже поразительное[401].

Неделю спустя спор прекратился сам собой. Заботясь, чтобы сведения о его парижской миссии остались в строгой тайне, Франклин изъяснялся загадочно: «Я надеюсь, что ты вернешься сюда немедленно и твоя мать не будет возражать, — писал он. — Здесь намечается что-то такое, что пойдет тебе на пользу».

Решение взять Темпла во Францию он принял без консультаций с Элизабет, которая умерла год спустя, так никогда больше и не увидев мужа и пасынка. Он также не поставил об этом в известность Уильяма, который лишь задним числом узнал, что его единственный сын, мальчик, которого он знал всего год, отплыл во Францию. Именно влиянием силы личности Бенджамина Франклина, который так часто проявлял равнодушие к чувствам членов своей семьи, объясняется то, что Уильям безропотно смирился с ситуацией. «Если старый джентльмен взял мальчика с собой, — писал он несчастной жене, — то, я надеюсь, лишь для того, чтобы записать его в какой-нибудь зарубежный университет»[402].

Франклин также решил взять с собой и другого внука, Бенни Бейча. Экстравагантное трио отправилось в путь 27 октября 1776 года на борту небольшого, но быстроходного американского военного корабля с подходящим названием «Репрайзл»{74}. Неугомонный старик, которому вскоре должен был исполниться семьдесят один год, измученный болезнями, но по-прежнему амбициозный и авантюрный, направлялся в далекую землю, из которой, как он был убежден, ему не суждено вернуться. Его сопровождали остроумный легкомысленный юноша семнадцати лет и семилетний мальчик, желающий всем нравиться. Франклин надеялся, что опыт пребывания в Европе пойдет на пользу внукам, а их присутствие будет утешать его самого. Двумя годами позднее в письме к Темплу, используя слова, применимые к обоим мальчикам, Франклин объяснял одну из причин, по которым хотел взять их с собой: «Если я умру, то со мной рядом будет находиться отпрыск, который закроет мне глаза»[403].

Глава 13. Придворный
(Париж, 1776–1778)

Самый известный в мире американец

По воспоминаниям Франклина, хотя плавание через океан на борту «Репрайзл» в суровых зимних условиях и продолжалось всего тридцать дней, оно «совершенно измотало» его. От солонины его тело вновь покрылось сыпью и фурункулами, другая пища была слишком жесткой для его старых зубов, а маленький фрегат подвергался такой сильной килевой качке, что Франклин с трудом мог спать. Поэтому, увидев побережье Бретани, измученный Франклин, не желая ждать попутного ветра, который пригнал бы судно ближе к Парижу, пересел на рыбачью лодку, доставившую его и двух растерянных внуков в крошечную деревушку Орей. Прежде чем смог отправиться в Париж в карете, он написал Джону Хенкоку, что будет избегать роли «общественного деятеля» и постарается держаться в тени, «полагая, что для начала благоразумно выяснить, действительно ли двор хочет и готов официально принять посланника Конгресса»[404].

Однако Франция — не то место, где самый известный в мире американец мог бы сохранять анонимность или даже рассчитывать сделать это. Едва экипаж прибыл в Нант, город дал в честь Франклина грандиозный бал, на котором его приветствовали как выдающегося философа и государственного деятеля. Темпл восхищался высотой богато украшенных женских причесок. После того как дамы Нанта увидели мягкую меховую шапку Франклина, они начали носить имитирующие ее парики, и этот стиль получил название coiffure à la Franklin{75}.

Для французов этот человек — ученый, обуздавший молнию, и трибун свободы — был символом и добродетельной сельской вольности, романтизированной Руссо, и рассудочной мудрости века Просвещения, прославленной Вольтером. В течение более чем восьми лет он будет исполнять идеально обе роли. В добродушной и неторопливой манере, сдобренной остроумием и joie de vivre{76}, которую так обожали французы, он олицетворял собой образ Америки как здорового и просвещенного государства, борющегося против коррумпированного и иррационального старого порядка.

В его руках, почти в той же степени, как в руках Вашингтона и других американцев, находилась судьба Революции. Если бы Франклин не смог обеспечить поддержку со стороны Франции — в виде материальной помощи, моральной поддержки и военного флота, — Америке было бы трудно одержать победу. Уже являясь крупнейшим американским ученым и писателем своего времени,

он демонстрировал ловкость, которая сделала его величайшим американским дипломатом всех времен. Он умело раскрывал сочетание романтизма и здравомыслия, что приводило в восторг французских philosophes (философов), и очарование американской свободой, которая так дорога ее народу, и трезвую расчетливость ее национальных интересов, направлявшей усилия американских государственных деятелей.

Франция, имевшая за плечами четырестасорокалетнюю традицию регулярных войн с Англией, являлась готовым союзником, особенно потому, что жаждала отомстить на территории Америки за неудачи в последней Семилетней войне. Накануне отъезда Франклин узнал, что Франция согласилась тайно направить помощь американским мятежникам под видом коммерческих грузов.

Но убедить французов сделать больше представлялось непростым делом. Франция испытывала финансовые трудности, поддерживала хрупкий показной мир с Британией и проявляла понятную осторожность, опасаясь делать большую ставку на страну, которая после стремительного отступления Вашингтона с Лонг-Айленда выглядела потерпевшей поражение. К тому же ни Людовик XVI, ни его министры инстинктивно не поддерживали стремления Америки избавиться от власти наследственной монархии — что могло бы стать заразительным примером для других.

Одним из козырей Франклина была его слава, и он стал одной из фигур в длинном ряду государственных деятелей, включавшем Ришелье, Меттерниха и Киссинджера, которые понимали: известность человека создает представление о его исключительности, а это делает его влиятельным. Его теории атмосферного электричества получили подтверждение во Франции в 1752 году. Французское собрание его сочинений было опубликовано в 1773 году, а новое издание «Пути к изобилию» Бедного Ричарда под названием La Science du Bonhomme Richard вышло сразу после его приезда и в течение двух лет переиздавалось четырежды. Его слава была так велика, что люди толпами выходили на улицы, надеясь увидеть его въезд в Париж 21 декабря 1776 года.

На протяжении нескольких недель казалось, что весь светский Париж желает иметь изображение его благородного лица. Знакомый всем образ появлялся на медальонах разных размеров, на картинах и гравюрах, на табакерках и печатках. «Количество проданных моих изображений невероятно велико, — писал он дочери Салли. — Все эти картины, бюсты и гравюры (копии с копий которых распространяются повсюду) сделали

здесь изображение лица твоего отца таким же известным, как изображение луны». Увлечение зашло так далеко, что стало слегка раздражать короля, хотя и давало ему повод для развлечений. Он подарил графине Диане де Полиньяк, которая часто докучала ему похвалами американцу, ночной горшок севрского фарфора, внутри которого находилась камея с портретом Франклина[405].

«Его слава была больше славы Лейбница, Фридриха или Вольтера, а по-человечески его любили и уважали больше, — вспоминал Джон Адамс много лет спустя после того, как его собственная ревность к славе Франклина немного улеглась. — Едва ли можно было встретить крестьянина или горожанина, камердинера, кучера или лакея, горничную или кухарку, которой не было бы известно имя Франклина»[406].

Французы даже пытались признать его одним из своих. Франклин всегда допускал, как отмечалось в начале этой книги, что его фамилия происходит от *франклинов*, то есть от названия представителей класса полноправных английских граждан, владевших земельными участками, и в этом он был почти наверняка прав. Но амьенская Gazette писала, что фамилия Franquelin была весьма распространенной в провинции Пикардия, из которой многие семьи эмигрировали в Англию.

Различные объединения французских философов, помимо учеников Вольтера и Руссо, также заявляли о своих претензиях на него. Наиболее известными являлись физиократы, первопроходцы в экономической науке, разработавшие концепцию laissez-faire (невмешательства государства в экономику). Эта группа стала для него новой Хунтой, и он писал очерки для ее ежемесячного журнала.

Один из самых известных физиократов Пьер Самуэль Дюпон де Немур (эмигрировавший в 1799 году в Америку, где позднее его сын основал химическую компанию Du Pont) описывал своего друга Франклина с пафосом мифотворца: «В его глазах читалось идеальное самообладание, — писал он, — а на губах играла неизменная спокойная улыбка». Другим внушал благоговение факт, что Франклин очень скромно одевался и не носил парика. «Все в нем говорило о простоте и чистоте естественных нравов, — восхищался один парижанин, сделавший также чисто французский комплимент его любви к молчанию: — Он знал, как быть невежливым, не будучи грубым».

Молчаливость и скромное платье ошибочно побуждали многих считать его квакером. Вскоре после приезда Франклина один французский церковник сообщал: «Этот квакер носит одеяние своей секты. У него приятное лицо, неизменные очки, на

черепе мало растительности, он не снимает меховую шапку». Складывается впечатление, что Франклин мало делал для изменения этого образа, так как прекрасно знал, что Франция, всем на удивление, очарована квакерами. Вольтер превозносил их спокойную простоту в одном из четырех «Писем об Англии», а, как отмечал Карл ван Дорен, «Париж восхищался добротой и твердостью этой секты»[407].

Франклин прекрасно знал о том образе, который создал для себя, и забавлялся им. «Представьте меня, — писал он другу, — очень скромно одетым, с моими прямыми седыми волосами, вылезающими из-под моей единственной прически в виде меховой шапки, надвинутой на лоб почти до самых очков. Подумайте, как это может выглядеть среди напудренных голов парижан». Это был образ, очень отличавшийся от того, который он имел и о котором писал Полли во время своего первого визита во Францию в 1767 году, когда купил «уйму париков» и велел портному «сделать из себя француза»[408].

Действительно, его новый простоватый внешний вид был отчасти позой, искусным творением первого великого американского имиджмейкера и мастера пиара. Он появлялся в своей мягкой шапке из меха куницы на большинстве светских приемов, в том числе и на приеме в знаменитом литературном салоне мадам Деффан, и этот предмет одежды стал неотъемлемым атрибутом всех его изображений на медальонах и портретах. Эта шапка служила символом исконной чистоты и добродетельности Нового Света, подобно тому, как неизменные очки (также изображавшиеся на портретах) стали символом мудрости. Все это помогало ему играть ту роль, в которой и представлял его себе Париж: благородного сельского философа и простоватого мудреца из лесной глуши — даже несмотря на то, что бóльшую часть жизни он прожил на Маркет-стрит и Крейвен-стрит. Франклин отвечал взаимностью на то обожание, которое проявляла к нему Франция. «Я нахожу их самой приятной нацией на свете», — сообщал он Джозайе Квинси. «Испанцы по общему мнению считаются жестокими, англичане надменными, шотландцы дерзкими, датчане жадными и т. д., но я думаю, что французы не имеют национального порока, который можно было бы им приписать. Они склонны к фривольностям, которые, впрочем, достаточно безвредны». Как он писал своему бостонскому родственнику, «это самая учтивая нация в мире»[409].

Двор Франклина в Пасси

В Англии Франклин создал уютное домохозяйство с неофициальной семьей. Во Франции он быстро организовал не просто домохозяйство, но настоящий двор в миниатюре. Этот двор находился и в прямом, и в переносном смысле между салонами Парижа и дворцом в Версале и со временем стал включать не только необходимые элементы новой семьи, но и широкий круг многочисленных визитеров: друзей, депутатов, шпионов, интеллектуалов, придворных и флиртующих дам из числа обожательниц Франклина.

Деревушка Пасси, в которой Франклин главенствовал в своем избранном кружке, представляла собой группу вилл и поместий приблизительно в трех милях от центра Парижа, на краю Булонского леса. Одна из лучших тамошних усадеб принадлежала Жаку-Донатьену Лерай де Шомону, торговцу-нуворишу, который сделал состояние на торговле со странами Ост-Индии и который был теперь мотивирован — искренней симпатией и надеждой на прибыль — на то, чтобы связать себя с делом борьбы за независимость американских колоний. Он предложил, причем первоначально без всякой платы, комнаты и питание Франклину и его компании, и его поместье в Пасси стало первым зарубежным посольством Америки. Для Франклина это место было идиллическим. Он имел «прекрасный дом» и «большой сад для прогулок», а также «множество знакомых», как сообщал он миссис Стивенсон. Единственное, чего ему недоставало, так это «порядка и экономии в моей семье, которые были установлены под вашим руководством», — добавлял он, делая лишь слабый намек на то, что мог бы пожелать ее возвращения и восстановления в статусе партнера по домохозяйству. Но он не настаивал, так как чувствовал себя весьма комфортно в новой компании и в новом женском обществе. «Я не помню, чтобы когда-нибудь видел деда в более добром здравии, — писал Темпл Салли. — Воздух в Пасси и теплые ванны три раза в неделю превратили его в молодого мужчину. Его приятная веселость заставляет каждого влюбляться в него, особенно дам, которые всегда позволяют ему поцеловать себя».

Главное здание в поместье Шомона (на котором Франклин установил молниеотвод) было окружено несколькими павильонами, садами в английском стиле и величественными террасами, а поблизости имелся восьмиугольный пруд, с берега которого открывался вид на Сену. Обеды, подававшиеся в два

часа дня, состояли из семи блюд, и Франклин вскоре собрал у себя коллекцию вин более чем из тысячи бутылок бордо, шампанского и шерри. Остроумная мадам Шомон исполняла роль хозяйки дома, а ее старшая дочь стала «дамой сердца» Франклина. Он также увлекся несовершеннолетней дочерью сеньора деревни, к которой, выдавая желаемое за действительное, обращался как к своей «госпоже» (когда она вышла замуж за маркиза Тоннера, мадам Шомон скаламбурила: «Все молниеотводы господина Франклина не смогли бы предотвратить попадания молнии{77} в мадемуазель»).

Через свои торговые компании Шомон осуществлял поставки товаров американцам, в том числе селитры и военной формы. Поскольку он следовал предписанию Бедного Ричарда преуспевать, творя добро, то многие сомневались в истинных мотивах его действий. «Он захватил бы в свои руки, если бы смог, всю торговлю со всеми тринадцатью колониями», — писала одна газета[410].

Шомон также делал Франклина знаменитым. По его заказу известный итальянский скульптор Джованни Баттиста Нини изготовил серию медальонов с изображением Франклина, а королевский художник Жозеф Дюплесси написал его замечательный портрет маслом. Этот портрет кисти Дюплесси, весьма понравившийся Франклину, висит теперь в одном из залов на верхнем этаже в нью-йоркском музее «Метрополитен» (другие картины Дюплесси можно увидеть в вашингтонской Национальной портретной галерее и во многих других музеях).

Бенни был помещен в ближайшую школу-интернат, где быстро овладел французским; каждое воскресенье он приходил обедать к деду, причем иногда с одноклассниками-американцами. Из Англии приехал внучатый племянник Джонатан Уильямс, и на какое-то время на него был возложен контроль за осуществлением торговых операций. Темпл выступал в роли верного, хотя и ничем не выдающегося помощника Франклина; он стал немного плейбоем, но тем не менее обладал большинством из тринадцати добродетелей своего деда. Франклин, постоянно занятый преодолением трудностей, связанных с отправкой вооружения и заключением коммерческих сделок, нуждался в любых проявлениях верности и семейной поддержки, которые мог получить. За пределами семейного круга ему часто приходилось иметь дело с весьма разношерстной публикой: с коллегой по дипломатической миссии, оказавшимся нечистым на руку, с другим коллегой, ненавидевшим всех вокруг, с секретарем, который был шпионом, с поваром, присваивавшим чужие деньги, и с владельцем поместья, строившим планы быстрого

обогащения.

Нечистым на руку коллегой по дипломатической миссии оказался фаворит Франклина, который, впрочем, был человеком умным и не совсем бесчестным. Сайлес Дин, депутат от Коннектикута, прибыл во Францию в июле 1776 года, за пять месяцев до Франклина, и помог организовать секретную отправку первой партии помощи для Америки. При осуществлении этой сделки он сотрудничал с посредником по имени Пьер-Огюстен Карон де Бомарше, дипломатом-дилетантом, потенциальным спекулянтом и всемирно известным драматургом, который только что написал «Севильского цирюльника» и уже заканчивал «Женитьбу Фигаро». Подобно Бомарше, Дин, по-видимому, был не прочь погреть руки на закупках для американских колоний и использовал непостижимые методы бухгалтерского учета. Через год он был отозван обратно в Америку, чтобы предстать перед комиссией Конгресса, расследовавшей его деятельность, — и не выдержать проверки. Но Франклин всегда сохранял к нему дружеское расположение.

В этом бестиарии непримиримым антагонистом Дина, а затем и Франклина стал третий американский эмиссар — Артур Ли из Виргинии. Он был параноидально подозрителен ко всем окружающим, и такое его поведение лишь частично оправдывалось тем, что во многих случаях он оказывался прав. Он проявлял ревность к Франклину еще с тех пор, когда работал вместе с ним в качестве агента колоний в Лондоне (и входил в состав соперничающего синдиката). Вместе со своими братьями Уильямом Ли и Ричардом Генри Ли он стал инициатором многих слухов, порождавших сомнения в лояльности и в намерениях Франклина.

Сразу после того как Ли смог разоблачить, отчасти с использованием реальных фактов, сомнительные сделки Дина, он начал ничем не оправданную кампанию, призванную посеять сомнения в лояльности Франклина. «Я все более и более убеждаюсь в том, что старый доктор имеет отношение к неблаговидным делам», — писал он брату. Позже отмечал, на этот раз с более серьезными основаниями, что Франклин «больше предается удовольствиям, чем мог бы делать это в его положении даже молодой человек»[411].

Посчитав однажды Франклина слишком мягким в отношении Англии, теперь Ли считал его слишком мягким в отношении Франции. Он был также убежден, что почти каждый в Пасси является шпионом или обманщиком, и беспокоился из-за любых мелочей, вплоть до цвета военной формы, отправленной в Америку, и того факта, что Дин занимал комнаты, близко

расположенные к комнатам Франклина.

В редких случаях Ли и Франклин забывали о своих враждебных отношениях, как это случалось, когда они обсуждали свое общее дело. Однажды вечером в Пасси Франклин попотчевал его замечательным рассказом о событиях июля 1776 года, который Ли, бывший в те дни в Лондоне, благоговейно записал затем в своем дневнике. Это было «чудо в человеческих делах», — рассказывал Франклин, одно из тех, которое привело к «величайшей из всех революций, которые когда-либо видел мир».

Однако к началу 1778 года Ли и Франклин почти не разговаривали. «Я имею право знать причины, по которым вы обращаетесь со мной таким образом», — написал Ли после того, как поток его возмущенных писем остался без ответа. Франклин разразился самыми гневными словами из всех, которые когда-либо писал:

> Сэр, это правда, что я оставил некоторые ваши письма без ответа. Мне не нравится отвечать на злобные выпады. Я ненавижу споры. Я стар, я не проживу долго, мне надо многое сделать и у меня нет времени на препирательства. Если я часто получал и терпел ваши диктаторские замечания и упреки, оставляя их без ответа, то припишите это истинным причинам — моей заботе о славе и успехе нашей миссии, которые пострадали бы от наших ссор, моей любви к покою, моего уважения к ваших хорошим качествам и моей жалости к вашему больному рассудку, который бесконечно изводит себя ревностью, подозрениями и фантазиями. Другие люди считают вас больным, приписывают вам дурные намерения или отказываются уважать вас. Если вы не вылечите себя от раздражительности, то кончите сумасшествием, предвестником которого она является, что я мог наблюдать во многих случаях. Храни вас Бог от такой ужасной беды. И ради всего святого умоляю оставить меня в покое.

Как и другое знаменитое гневное письмо Франклина, в котором он называет своего друга Страхана врагом, это также осталось неотправленным, хотя в нем он обдумал каждое слово. Франклин обычно был не расположен к ссорам, а теперь, к тому же, как он сам отметил, стал слишком стар для них. Вместо этого письма он на следующий день написал Ли чуть более мягкий ответ. В исправленной версии он вновь признавал, что не ответил на несколько писем Ли, «в особенности на ваши разгневанные

письма, в которых вы диктаторски поучали и контролировали меня, как если бы я был одним из ваших молодых слуг». В действительности, как сообщал Франклин, он сжег эти письма, поскольку «со всей очевидностью видел важность продолжения нашей жизни в обстановке сдержанной вежливости по отношению друг к другу». Он также пожаловался Дину: «Я терпеливо сношу все его упреки ради нашего дела, но это дается с трудом»[412].

Ли притягивал к себе одинаково с ним мыслящих визитеров, которые оказывались столь же докучливыми людьми, как и он сам. Его брат Уильям был направлен эмиссаром в Австрию, но, не будучи там принят, обосновался в Париже. Так же поступил и Ричард Айзард, богатый и завистливый плантатор из Южной Каролины, прибывший в Париж после того, как в качестве эмиссара колоний оказался персоной нон грата в Тоскане. Когда Айзард принял сторону братьев Ли, Франклин ответил на это анонимной сатирой: «Мольба буквы Z, обычно называемой Ezzard, Zed или Izard». В ней буква Z жалуется на то, что она поставлена в конец алфавита и «полностью исключена из слова *мудрый*»[413].

Шпион Бэнкрофт

Артур Ли терпеть не мог Эварда Бэнкрофта, секретаря американской делегации. Бэнкрофт был занимательной личностью во всех смыслах этих слов. Он родился в Массачусетсе в 1744 году и в юности воспитывался Сайлесом Дином. В возрасте девятнадцати лет он отправился работать на плантации в Гайану, где много писал о тропических растениях и запатентовал краситель для тканей, изготавливаемый из коры местного черного дуба. В 1767 году в возрасте двадцати трех лет перебрался в Лондон, где стал заниматься целительством и спекуляциями на фондовой бирже. Здесь он получил дружескую поддержку от Франклина, который рекомендовал его к избранию в Королевское общество и платил ему за сбор информации о британских лидерах. Когда в марте 1776 года Дин готовился к отплытию во Францию, он получил от Франклина инструкцию «встретиться с мистером Бэнкрофтом, прежде написав ему письмо от имени мистера Гриффитса из Турнхем Грин, что вблизи Лондона». Бэнкрофт прибыл в Париж в июле, как и Дин, и начал работать на своего бывшего воспитателя[414].

Когда через несколько месяцев в Париж прибыл Франклин, он назначил Бэнкрофта секретарем делегации. Чего он не знал (и что историкам предстояло обнаружить только столетие спустя после обращения к секретным архивам в Лондоне), так это что Бэнкрофт незадолго до событий стал активным секретным агентом Британии.

Британскую секретную службу, которая к 1777 году тратила ежегодно около двухсот тысяч фунтов на сбор информации, возглавлял неглупый человек по имени Уильям Иден, впоследствии лорд Окленд. Ответственным за наблюдение за операциями во Франции был уроженец Нью-Гемпшира Пол Уэнтворт, переехавший в Лондон в 1760-х годах и зарабатывавший на жизнь спекуляциями с акциями и покупкой земли в Вест-Индии и Южной Америке, включая и плантации в Гайане, где Бэнкрофт начинал как врач-исследователь.

Уэнтворт и завербовал Бэнкрофта как одного из своих многочисленных шпионов в Париже. В декабре 1776 года они заключили официальное соглашение, в соответствии с которым Бэнкрофт получил секретный псевдоним «доктор Эдвард Эдвардс». Этот документ начинался со слов, что «Доктор Эдвардс обязан поддерживать переписку с П. Уэнтвортом, сообщая ему все, что сможет узнать по следующим темам». Далее следовали десять параграфов, в которых уточнялось, какого рода

информацию должен поставлять Бэнкрофт:

> Прогресс в заключении союза с Францией и ожидаемая помощь <…> То же самое с Испанией и любым другим европейским двором. <…>
>
> Способы получения кредита, имущество и деньги, а также каналы и привлеченные агенты. <…> Секретная переписка Франклина и Дина с Конгрессом <…> Описание кораблей и грузов, даты отплытия и названия портов. <…> Информация, поступающая из Америки.

Каждую неделю общительный и вежливый Бэнкрофт предоставлял секретные отчеты, написанные невидимыми чернилами между строчками фиктивных любовных писем. Британские мастера шпионажа пользовались специальным химическим раствором, позволяющим сделать секретные записи видимыми. Бэнкрофт должен был прятать письма в бутылку с прикрепленной к ней веревкой и опускать ее по вторникам в полдесятого вечера в дупло дерева, стоявшего у южной террасы сада Тюильри, откуда она должна была забираться посыльным из британского посольства. Инструкции по опусканию бутылки были предельно четкими: «Бутылка должна быть запечатана, а к ее горлу привязана обычная бечевка длиной около полуярда, другой конец которой должен быть привязан к деревянному колышку… колышек должен быть воткнут в землю с западной стороны». За эти услуги Бэнкрофт первоначально получал по пятьсот фунтов в год, но он работал так хорошо, что его вознаграждение было повышено до тысячи фунтов, что соответствовало годовому жалованью секретаря американской делегации Франклина. Он также зарабатывал немало на стороне, используя инсайдерскую информацию для спекуляций на рынках ценных бумаг[415].

Сотни секретных отчетов, отправленных Бэнкрофтом британцам, содержали важную информацию о коммерческих сделках, которые заключали американцы в Пасси, об их переговорах с французскими министрами, о датах отправки вооружения в Америку и о других важных военных решениях. Например, он сообщил об отплытии Лафайета в Америку в апреле 1777 года, перечислил имена отправившихся с ним французских офицеров и указал, что корабль Лафайета выйдет из испанского порта Сан-Себастьян и направится «прямо в Порт-Ройял в Южной Каролине». Он также предупреждал, что французы «направляют от восьми до десяти военных кораблей для защиты торговых судов колоний в прибрежных водах Франции и для вытеснения оттуда британских крейсеров», а в сентябре 1777 года добавил, что «четыре военных корабля вышли из Тулузы, чтобы

присоединиться к флоту, стоящему в Бресте». В апреле 1778 года он сообщил, что французский адмирал граф Д'Эстанг отплыл из Тулона, чтобы принять участие в войне на стороне американцев, и что он «имеет под своим началом семнадцать линейных кораблей и фрегатов для уничтожения или нейтрализации английского флота». В письме, отправленном на следующей неделе, Бэнкрофт информировал, что «флот, находящийся в Бресте, готов», и указывал на возможность того, что известный французский маршал «граф Брольо готовится осуществить вторжение в Англию»[416].

Франклин и Дин настолько доверяли Бэнкрофту, что нередко тайно направляли его в Лондон для сбора информации. Он использовал эти поездки для передачи наиболее ценных результатов своих шпионских усилий британцам, а затем возвращался с информацией, которая выглядела ценной, но фактически была сфабрикована британской разведкой. Англичане настолько старались отвести от Бэнкрофта любые возможные подозрения, что во время одной из его поездок в Лондон для видимости арестовали его и поместили в тюрьму как американского агента. «Доктор Бэнкрофт арестован в Лондоне за переписку с нами и оказание нам помощи, — информировал Конгресс подавленный горем Дин. — Я переживаю за доктора Бэнкрофта больше, чем могу выразить словами». Всем показалось чудом, когда через несколько недель Бэнкрофта выпустили и позволили вернуться к прежней работе в Пасси[417].

Артур Ли быстро начал проявлять подозрительность в отношении его верности. «Репутация доктора Бэнкрофта как биржевого игрока прекрасно вам известна, — писал он Франклину и Адамсу после того, как узнал об очередной его отправке с секретной миссией в Лондон в феврале 1779 года. — Его образ жизни, открытое пренебрежение требованиями благопристойности и религии вам хорошо известны, как и его враждебность ко мне». Но важнее то, что Ли ссылался на материалы, указывающие на шпионскую деятельность Бэнкрофта: «Я располагаю доказательствами, позволяющими мне считать доктора Бэнкрофта человеком, совершившим преступные деяния в отношении Соединенных Штатов».

Так как Ли с параноидальной подозрительностью относился чуть ли не к каждому, то его сигналы обычно игнорировались. Однако подозрительность не помогла ему заметить, что его собственный личный секретарь также был шпионом. Среди документов, хранящихся в Британской библиотеке, имеется более десятка копий, снятых с самых важных писем Ли, а также докладная записка, информирующая главу разведывательной

службы, что ее агент «выкрал дневник Ли и скопировал из него информацию»[418].

Но даже в такой обстановке Франклин по-прежнему исключал возможность наличия шпионов в своем окружении, хотя сразу по приезде был предупрежден о необходимости быть бдительным одной женщиной из Филадельфии, в то время проживавшей в Париже. «Вы окружены шпионами, которые следят за каждым вашим шагом», — писала она. С целью в большей степени превознести свои добродетели, чем обратиться к проблеме, он отправил ей ставший знаменитым ответ:

> Я давно подметил одно правило, которое предотвращает любое беспокойство, вытекающие из таких действий. Оно заключается в следующем: заботиться о том, чтобы не краснеть ни за какие поступки, которые я совершаю публично, и не делать ничего такого, что шпионы могли бы видеть и приветствовать. Когда поступки человека справедливы и благородны, то чем более о них известно, тем более растет и укрепляется его репутация. Следовательно, если бы я был уверен, что мой камердинер шпион, коим он, возможно, и является, то думаю, что не должен был бы увольнять его за это, если в других отношениях он мне симпатичен[419].

С одной стороны, ответ Франклина выглядит наивным, так как предательство Бэнкрофта ставило судьбу кораблей под угрозу. (Нет прямых свидетельств того, что какой-либо из них был впоследствии потоплен. Плавание Лафайета прошло спокойно, англичане не смогли действовать достаточно быстро, чтобы помешать проходу эскадры Д'Эстанга через Гибралтарский пролив, а Брольо так и не вторгся в Англию.) Но, с другой стороны, Франклин понимал, что делал, так как использовал предположения о наличии шпионов в своем окружении, чтобы после начала серьезных переговоров натравить англичан на французов.

Реализм и идеализм

Министр иностранных дел Франции граф де Вержен был профессиональным дипломатом. Он выглядел дородным, неряшливо одетым и лишенным претенциозности, но, по словам Сьюзен Мэри Элсоп, чья книга Yankees at the Court («Янки при дворе») очаровательно описывает ту эпоху, «был добрым и любящим человеком, умевшим проницательно оценивать людей». И действительно, с Франклином он был одновременно любезным и расчетливым. Вержен никогда не получил полного признания при дворе Людовика XVI, так как его жена происходила из буржуазного сословия, но сам он восхищался в ней рациональностью, присущей среднему классу, и, по-видимому, с удовольствием обнаружил эту черту во Франклине[420].

Вержен был реалистом в своих взглядах на международные отношения, которые кратко выразил в 1774 году, заявив: «Влияние каждой державы измеряется мнением о ее внутренней силе». Он также был ярым антибританцем, что помогло ему стать сочувствующим делу борьбы за независимость американских колоний.

Весной 1776 года, как раз накануне прибытия Франклина, Вержен подготовил для короля несколько предложений, в которых откровенно заявлялось, какой должна быть политика Франции: «Англия является естественным врагом Франции, причем врагом алчным, амбициозным, коварным, имеющим дурную репутацию; неизменной целью ее политики является унижение и уничтожение Франции». Для победы Америки, доказывал он, поддержка Франции необходима. В экономических и политических интересах Франции попытаться нанести ущерб Англии, поддержав новую нацию. Он представил эти предложения Людовику XVI и его кабинету, в который входил и контролер финансов Анн Робер Жак Тюрго, друг и поклонник Франклина. Встреча произошла в сверкающем золотом кабинете заседаний государственного совета в Версале.

Тюрго и другие министры были озабочены тяжелым финансовым положением Франции и неготовностью страны к войне и поэтому стали призывать к осторожности. Король одобрил компромиссный вариант: Франция будет оказывать определенную поддержку Америке, но только втайне. Было решено, что все письма Вержена на эту тему будут диктоваться его пятнадцатилетнему сыну, почерк которого в случае попадания писем не в те руки было бы невозможно идентифицировать[421].

Франклин впервые встретился с Верженом 28 декабря 1776

года на секретном совещании в Париже уже спустя несколько дней после своего прибытия. При поддержке Дина и Ли он начал настойчиво и, возможно, слишком поспешно подталкивать Францию к заключению союза. Министр иностранных дел высказал свои комплименты Франклину в отношении его знаний и остроумия, но не взял на себя никаких обязательств, сказав лишь, что внимательно рассмотрит памятную записку по этому вопросу, если Франклин соблаговолит ее написать. В своих записях, сделанных в тот вечер, он описывал Франклина как человека «умного, но осмотрительного», а в письме к послу в Лондоне отметил: «Его слова звучат мягко и искренне, а сам он кажется человеком очень одаренным»[422].

Франклин принял предложение Вержена написать памятную записку и представил реальный расклад сил, который, как он знал, будет оценен французским министром по достоинству. Если Франция и ее союзник Испания присоединятся к американцам, то Британия потеряет колонии, владения в Вест-Индии и «торговлю, которая сделала ее такой богатой». Это ввергнет ее в «состояние слабости и униженности». Америка будет готова «дать самые твердые гарантии» того, что Франция и Испания получат любой из островов Вест-Индии, потерянных Британией. Но если Франция станет упираться, то Америка может «оказаться вынужденной закончить войну посредством компромиссного соглашения» с Британией. «Задержка может иметь фатальные последствия»[423].

Но Франклин осознавал, что обращение к трезвому расчету — лишь одна часть уравнения. Лучше, чем большинство других дипломатов во всей истории своей страны, он понимал, что силу Америки в мировых делах обеспечивает уникальное сочетание идеализма и реализма. Когда они сплетаются, как это происходило позже в разных политических инициативах от доктрины Монро до плана Маршалла, то становятся скелетом для эластичной внешней политики. «Великие моменты в истории Америки наступали тогда, — писал историк Бернард Бейлин, — когда идеализм и реализм объединялись, и никто не знал этого лучше, чем Франклин»[424].

Франклин, непревзойденный мастер реальной политики, доказал во Франции, что не только знает, как вести игру на основе расчета реального расклада сил, но также как играть на набирающих звучание струнах американской исключительности, то есть на представлении о том, что Америка отделена от остального мира благодаря особой добродетельной натуре. Он понимал, что и «твердая» сила, порожденная стратегической прозорливостью, и «мягкая», проистекающая из американских

идеалов и культуры, в равной степени важные гаранты ее будущего влияния на судьбы мира. В дипломатических делах, как и в личных, он был «человеком, верившим во власть разума и в реальность добродетели», как утверждал писатель и математик Кондорсе, ставший одним из его лучших французских друзей.

Поэтому, составив для Вержена памятную записку, исполненную духом классического дипломатического реализма, Франклин приступил к задаче усиления позиций Америки за счет ее идеализма. Он договорился о присылке вдохновляющих документов — в том числе текста конституции, написанного им для Пенсильвании, — для перевода и издания. Так он собирался завоевать сердца и умы жителей Франции и других стран. «Вся Европа за нас», — сообщал он комиссии по секретной переписке в своем письме, в котором объяснял свои аргументы в пользу публикации этих документов. Затем продолжил классическое описание привлекательности идеалов Америки: «Тирания настолько прочно укоренилась в остальной части мира, что перспектива возникновения в Америке убежища для тех, кто любит свободу, порождает общую радость, и наше дело вызывает уважение всего человечества». Он заканчивал письмо, вторя блестящей метафоре «города на горе», использовавшейся многими выдающимися апологетами американской исключительности от Джона Уинтропа до Рональда Рейгана. «Мы боремся за достоинство и счастье всех людей, — провозглашал он. — Американцам выпала честь быть призванными Провидением для выполнения этой почетной задачи». Несколько недель спустя он завершил свое письмо бостонскому другу такими словами: «Здесь все убеждены, что наше дело — это дело всего человечества, и что мы боремся за их свободу, защищая нашу собственную»[425].

Стратегия публичной дипломатии Франклина озадачила Вержена. «Я действительно не знаю, что собирается здесь делать Франклин», — писал он. «Вначале мы думали, что у него имеется множество разных проектов, но внезапно он замкнулся в своем убежище с philosophes». Французский министр отверг предложение Америки о немедленном заключении союза, отвечал отказом на предложения о дальнейших встречах и держался на расстоянии от Франклина в течение нескольких месяцев, чтобы посмотреть, как будут разворачиваться военные действия. Однако он тайно предложил определенную помощь: Франция пообещала предоставить Америке еще один кредит и разрешила использовать свои порты американским торговым судам.

Франклин вел свою пиар-кампанию точно так же, как делал в Англии, — с помощью анонимных статей в прессе. Наиболее

сильный эффект произвела убийственная пародия по мотивам «Эдикта короля Пруссии», которую он написал вскоре после первой встречи с Верженом. Она якобы была письмом, адресованным командующему войсками гессенцев в Америке, от некоего немецкого графа, получавшего щедрую плату за гибель каждого солдата, направленного за океан. Поскольку Британия решила не платить за раненых солдат, а платить только за убитых, граф побуждал командующего к тому, чтобы число погибших возрастало:

> Я не имею в виду, что вы должны их убивать специально, ведь мы должны быть гуманными, мой дорогой барон, но вы могли бы внушить хирургам, соблюдая все правила приличия, что искалеченный человек — это позор их профессии и что нет более мудрого образа действий, чем позволить каждому умереть, когда он станет непригодным для сражений. <…> Следовательно, вы будете обещать продвижение всем, кто подвергнет себя риску; вы убедите их искать славы среди опасностей.

Он также использовал свое остроумие для нейтрализации пропагандистских сообщений, распространявшихся британским послом лордом Стормонтом. На вопрос об одном из этих сообщений он ответил: «Это не правда, это всего лишь Стормонт». После этого он сам и весь светский Париж стали использовать имя посла в новообразованном глаголе «стормонтировать» (stormonter), отчасти созвучном французскому глаголу mentir, означающему *лгать*[426].

По поводу стратегий и методов действий Франклина во Франции циркулировали самые нелепые слухи. Один британский шпион (не Бэнкрофт) сообщал: Франклин собирается изготовить «множество отражающих зеркал», которые предполагает установить на берегу вблизи Кале, чтобы фокусировать энергию солнца на британских кораблях и таким образом уничтожать их. Затем последовало сообщение об электрическом разряде, который будет передан по проводам через канал, чтобы уничтожить весь Британский остров. Издававшаяся в Нью-Джерси Gazette пошла еще дальше: Франклин-де изобрел электрический аппарат, способный сдвигать массы суши, и особый метод использования нефти, позволяющий успокаивать волны в одном месте и вызывать шторм в другом[427].

Увы, все на самом деле обстояло более прозаично. В частности, он общался с европейцами, желавшими завербоваться в американскую армию на офицерские должности. Полученные

им письма общим числом более четырехсот содержали множество заявок. Часть была продиктована желанием проявить геройство, а часть — заурядным тщеславием. «Не было дня, чтобы ко мне не являлось по несколько визитеров, не считая писем, — жаловался он. — Вы даже не представляете, как я измотан». Среди посетителей были мать, предлагавшая трех сыновей, голландский хирург, желавший изучать тела убитых на поле боя, и монах-бенедиктинец, обещавший молиться за Америку, если она оплатит его карточные долги. Но на первое место Франклин поставил оригинальную рекомендацию, которую один из кандидатов привез от родной матери. Ее письмо начиналось словами: «Сэр, если в вашей Америке кто-то знает секрет, как перевоспитать отвратительного субъекта, ставшего наказанием своей семьи…»

История одного из просителей показала, как нежелание Франклина сразу говорить людям «нет» делало его легкой мишенью для вымогателей. Ирландец по имени Уильям Парсонс, проживавший в то время в Париже, написал Франклину жалостливое письмо с описанием своего трудного положения и с просьбой помочь ему поступить на службу в американскую армию. Франклин не дал ему рекомендацию, но одолжил пятнадцать гиней, с которыми Парсонс сбежал в Англию, бросив несчастную жену. Когда эта женщина написала Франклину письмо с обвинениями в том, что он стал причиной бегства ее мужа, Франклин отверг эти обвинения, аннулировал задолженность в пятнадцать гиней и послал женщине гинею, чтобы она смогла купить себе еды. В течение следующих трех месяцев она изводила его требованиями о еще большей помощи.

Но не все просители оказывались негодяями. Франклин нашел среди искателей протекции нескольких действительно блестящих офицеров, получивших его рекомендацию: маркиза де Лафайета, барона фон Штойбена (чин которого в прусской армии Франклин сознательно завысил, желая убедить генерала Вашингтона принять протеже) и графа Пуласки, известного польского офицера, который в американской армии дослужился до должности бригадного генерала. Тем не менее Вашингтон быстро стал испытывать недовольство из-за большого числа офицеров, направленных к нему Франклином. «Наши корпуса уже сформированы и полностью укомплектованы офицерами, — писал он, — каждая новая партия становится источником затруднений для Конгресса и для меня самого, а сами прибывшие к нам джентльмены начинают испытывать разочарование и досаду».

Поэтому Франклин попытался по возможности отказывать

большинству просителей или снабжать их письмами, содержащими, в частности, такие слова: «…направляется за свой счет и вопреки моим советам». Чтобы справиться с непрерывным потоком просьб или, возможно, просто посмеяться над незадачливыми просителями, Франклин даже составил форму ответного письма, которая была размножена типографским способом. «Предъявитель сего, собирающийся в Америку, просит меня дать ему рекомендательное письмо, хотя лично о нем я ничего не знаю, даже его имени», — гласил его текст. «Я вынужден направить его к себе самому для выяснения его характера и заслуг, о которых он, безусловно, знает лучше, чем могу знать я»[428].

В сентябре 1777 года Фраклин и двое его коллег-эмиссаров вновь собрались обратиться к Вержену с вопросом о признании Америки Францией и, чтобы скрыть слабость своей позиции, попросить в семь раз большей помощи, чем уже была предоставлена. Эта встреча оказалась зловещей по двум причинам. Прежде чем она состоялась, шпион Бэнкрофт сообщил детали послу Стормонту, который заявил протест Вержену. Тот, в свою очередь, сделал американцам выговор за неосмотрительность. К тому же вскоре после встречи пришло сообщение, что генерал Хау захватил Филадельфию.

Своим успехом Хау нанес удар лично Франклину. Его дом на Маркет-стрит был занят британским капитаном по имени Джон Эндрюс, который после того, как семейство Бейч нашло убежище в деревне, украл принадлежавшие Франклину электрические приборы, книги, музыкальные инструменты и его элегантный портрет, написанный Бенджамином Уилсоном в 1759 году (портрет был возвращен из Англии в 1906 году и теперь висит на втором этаже в Белом доме).

Америке это грозило еще более тяжелыми последствиями. Хау находился в Филадельфии, а генерал Бергойн двигался вниз по течению Гудзона, и в случае соединения двух британских армий Новая Англия оказалась бы отрезанной от остальных колоний.

Франклин сохранял хладнокровие. На сообщение о триумфе Хау он ответил: «Вы ошибочно понимаете ситуацию. Не Хау захватил Филадельфию, а Филадельфия захватила Хау». С одной стороны, это казалось пустой бравадой. С другой — это была трезвая оценка. Если бы Бергойн замедлил свое движение по Гудзону и если бы Хау не двинулся на север на подкрепление ему, то оба могли бы оказаться изолированными друг от друга. Артур Ли хотел воспользоваться опасным положением Америки, чтобы предъявить Франции ультиматум: либо она немедленно

заключает с Америкой военный союз, либо Америка вынуждена будет пойти на примирение с Британией. «Доктор Франклин занимал другую позицию», — записал Ли в дневнике. «Эффект такого заявления, — доказывал Франклин, — способен заставить их покинуть нас в состоянии отчаяния или гнева». Он чувствовал, что Америка в конце концов завоюет положение, при котором заключение союза окажется в интересах самой Франции.

И он оказался прав. Незадолго до полудня 4 декабря в Пасси прискакал гонец с сообщениями с фронта. Франклин спросил его, слышал ли он о падении Филадельфии. «Да, сэр, — ответил тот. — Но я привез еще более важную новость. „Генерал Бергойн и вся его армия взяты в плен!“» Бергойн потерпел поражение в битве при Саратоге, и теперь Хау действительно оказался в изоляции[429].

Драматург Бомарше, оказавшийся в тот момент в Пасси, немедленно захотел воспользоваться этой новостью, чтобы провести биржевые спекуляции; он помчался в Париж с такой скоростью, что по дороге его экипаж перевернулся, а сам он сломал руку. Бэнкрофт также экстренно отправился в Лондон для консультации со своими хозяевами (он тоже был бы не прочь заняться спекуляциями, но новость достигла Лондона раньше его самого).

Франклин, гораздо более спокойный, чем его эксцентричные друзья, написал сообщение для печати, содержавшее мало деталей и большие преувеличения. «Из Филадельфии в дом доктора Франклина в Пасси спустя тридцать четыре дня пришла почта. Четырнадцатого октября генерал Бергойн был вынужден сложить оружие, и девять тысяч двести его людей убиты или взяты в плен. <…> Генерал Хау находится в Филадельфии в окружении. Все коммуникации с его флотом перерезаны». Фактически же ни Хау не находился в западне, ни Америка не стояла в шаге от победы. Однако поражение британцев под Саратогой стало поворотным пунктом в военной кампании и — поскольку Франклин знал, что сила на полях сражений тесно коррелирует с силой за столом переговоров, — не менее важным поворотным пунктом в его дипломатических усилиях. Записка, направленная им в тот же день Вержену, составлена в более сдержанном тоне, чем сообщение для прессы. Она начиналась так: «Мы имеем честь сообщить вашему превосходительству о полном уничтожении сил под командованием генерала Бергойна».

Через два дня Людовик XVI, находясь в своем кабинете в Версале, поставил подпись на документе, подготовленном для него Верженом, в соответствии с которым американская

делегация приглашалась для подачи своего предложения о заключении официального союза. Доставивший этот документ секретарь Вержена добавил, что «оно не может состояться слишком скоро»[430].

Договоры о дружбе и союзничестве

Спустя год после отклонения предложения о союзе французы, ближе к концу 1777-го, внезапно начали проявлять нетерпение. Их подгонял не только успех Америки под Саратогой и завершение собственной программы перевооружения военно-морского флота, но также и новая тактика Франклина. Он начал натравливать французов и британцев друг на друга и давать возможность каждой из сторон обнаруживать — и здесь он полагался на шпионов, которые, как он знал, имелись в его окружении, — насколько сильно другая сторона желала заключения соглашения. Франклин написал новое предложение о заключении франко-американского союза 7 декабря, Темпл доставил его на следующий день, и в течение недели три американских эмиссара неоднократно встречались с Верженом. Французы быстро согласились на полное признание Америки, на заключение торговых соглашений и создание политического альянса. Но затем возникла заминка: Франция нуждалась в одобрении своих шагов Испанией, так как две страны были связаны пактом семейства Бурбонов от 1761 года, обязывавшим их действовать согласованно. Вержен направил в Мадрид курьера и пообещал американцам, что они получат ответ через три недели. Тем временем англичане направили в Париж своего самого опытного эмиссара Пола Уэнтворта, большого мастера организации шпионской деятельности. Уэнтворт был зол на своего тайного агента Бэнкрофта за то, что тот передал инсайдерскую информацию партнеру по спекуляциям, прежде чем познакомил с ней Уэнтворта, который сам спекулировал на бирже. Король Георг III, расстроенный плохими новостями своих шпионов, обозвал их всех не заслуживающими доверия биржевыми махинаторами. Но все же, пусть и с неохотой, дал согласие на секретную поездку Уэнтворта с миссией мира.

Уэнтворт прибыл в Париж в середине декабря, именно тогда, когда американцы встречались с Верженом, и направил послание Сайлесу Дину, которое было достойно британского шпиона: джентльмена, желающего увидеться с ним, можно найти следующим утром в экипаже в указанном месте на дороге в Пасси, или позднее на выставке в Люксембургской галерее, или в общественной бане на Сене, где Дин найдет записку с указанием номера кабинки, которую ему следует использовать. Дин направил ответ, достойный американца: он будет в своем кабинете, где с удовольствием встретится с каждым, кто захочет его увидеть[431].

На обеде с Дином Уэнтворт предложил план примирения Британии и ее колоний. Америка будет иметь собственный конгресс, будет подчиняться парламенту только в вопросах внешней политики и торговли, а все оскорбительны законы, принятые после 1763 года, будут отменены. Он также предложил личные стимулы: рыцарское звание, звание пэра, должности и деньги Дину или любому американцу, который поможет заключить мир.

Франклин сначала отказался встречаться с Уэнтвортом. Но затем пришел ответ из Испании на предложение Франции о мире с Америкой. Как ни странно, испанский король отверг план, заявив, что Испания не видит никаких оснований признавать Америку. Теперь Франции, если бы она выбрала такой путь, пришлось бы действовать в одиночку.

В первую неделю нового 1778 года Франклин начал усиливать давление. Он организовал утечку информации в прессу о том, что британские эмиссары находятся в городе и что они могут заключить пакт с Америкой, если Франция не сделает этого быстро сама. Такой пакт, утверждалось далее, мог бы даже предусматривать поддержку американцами усилий Британии по захвату принадлежащих Франции островов в Вест-Индии. Франклин также согласился встретиться с Уэнтвортом 6 января, хотя и обещал не предлагать ему никаких взяток.

Отчет Уэнтворта, отправленный в Лондон, был написан грубым языком, которого вполне можно было ожидать от секретного агента, пытавшегося организовать встречу в бане: «Я заехал к 72 [Франклину] вчера и нашел его очень занятым со своим племянником [или Джонатан Уильямс, или, что более вероятно, Темпл], которому было велено покинуть комнату, в которой мы оставались вместе два часа, прежде чем к нам присоединился 51 [Дин], когда беседа прекратилась». Уэнтворт также добавил, что он предложил Франклину неподписанное письмо, в котором говорилось о возможности «безоговорочного 107», что являлось закодированным обозначением независимости. «[Франклин] сказал, что это очень интересное, разумное письмо, — сообщал Уэнтворт, — и похвалил его прямоту, здравомыслие и благожелательный дух». Затем он добавил: «Жаль, что оно не пришло чуть раньше».

Не вполне понимавший, кто за кем шпионит, Франклин использовал наивный подход, который описал годом ранее. В его интересах было, чтобы британцы поняли (как случилось из-за шпиона Бэнкрофта), насколько близки американцы к заключению соглашения с Францией. Но в его интересах также было, чтобы французы обнаружили (как произошло благодаря непрерывному

наблюдению за Уэнтвортом), что американцы ведут переговоры с британским эмиссаром. Он хотел бы, чтобы все сказанное Уэнтворту подслушали французы. Как отметил историк из Йеля Джонатан Далл, «неумелость британского правительства давала Франклину шанс сыграть одну из лучших дипломатических ролей: простодушного мужлана, который, возможно, является не таким уж простодушным, каким хочет себя показать»[432].

Действительно, встреча Франклина с Уэнтвортом, по-видимому, подхлестнула французов. Через два дня секретарь Вержена наведался к американцам. У него был только один вопрос: «Что нужно сделать для того, чтобы американцы перестали прислушиваться к любым предложениям Англии об установлении с ней новых связей?» Благодаря маневрам Франклина, а также победе под Саратогой Франция теперь так же сильно желала заключения альянса, как его желала Америка.

Франклин лично написал ответ: «Эмиссары долгое время предлагали соглашение о дружбе и торговле, которое до сих пор не заключено. Немедленное соглашение устранит неопределенность, в которой они находятся, и обеспечит им такую уверенность в дружбе Франции, которая позволит твердо отвергнуть все предложения о мире, исходящие от Англии, поскольку они, по своей сути, не предполагают полной свободы и независимости Америки».

Это было все, что теперь нужно было услышать французам: Франклину сообщили, что король одобрит соглашения — одно о дружбе и торговле, а другое о создании военного союза — даже без участия Испании. Франция поставила одно условие: Америка не сможет заключить в будущем мир с Британией без согласия Франции. Таким образом борьба за заключение соглашений о дружбе и создание альянса была выиграна.

Эти соглашения имели один важный аспект: они не нарушали идеалистического представления, поддерживаемого Франклином и его коллегами, о том, что Америка в своей пуританской чистоте должна избегать вовлечения в международные союзы или попадания в сферы влияния европейских держав. Торговые права, предоставленные американцам, носили взаимный и не эксклюзивный характер и разрешали открытую и свободную торговлю с другими странами. «Не допускается никакой монополии для нашей торговли, — отмечал он в письме к Конгрессу. — Не допускается она и для Франции. Но мы вольны предоставлять ее другим странам»[433].

Американские эмиссары собрались в Париже, чтобы подписать соглашение, 5 февраля 1778 года. Однако секретарь Вержена простудился, и официальную церемонию пришлось

отложить на день. На обеих встречах Франклин появлялся без своего обычного коричневого сюртука. Вместо него он надевал костюм из синего манчестерского бархата, выглядевший старомодным и слегка поношенным. Сайлес Дин, найдя такую метаморфозу забавной, спросил, отчего она. «Чтобы позволить ему взять реванш, — ответил Франклин. — Я был в этом сюртуке в тот день, когда Уэддерберн унижал меня в Уайтхолле». С момента того унижения прошло четыре года, и он сохранил костюм для такого случая[434].

Рядом с Франклином стоял всегда готовый прийти на помощь, якобы преданный секретарь Эдвард Бэнкрофт. Британский шпион снял с документа копию и нанял специального курьера, который доставил ее министрам в Лондон через сорок два часа. Двумя неделями ранее он уже написал невидимыми чернилами несколько писем, где в общих чертах обрисовал содержание документа. Он передал информацию, что французский конвой в составе трех кораблей и двух фрегатов готовится выйти из Киберона, чтобы доставить документ обеспокоенному американскому Конгрессу. Он также сообщал: «Мы только что получили письмо от прусского министра, в котором говорится, что король Пруссии немедленно последует примеру Франции и признает независимость Америки».

Много лет спустя, когда Бэнкрофт торговался с англичанами о выплате причитавшихся ему денег, он написал секретную докладную записку, в которой сообщал секретарю по иностранным делам о том, что это была «информация, за которую многие люди ради осуществления своих спекуляций дали бы мне здесь больше денег, чем я получил от правительства».

Бэнкрофт действительно использовал эту информацию для зарабатывания денег посредством спекуляций на рынках. Он направил четыреста двадцать фунтов своему биржевому партнеру в Англии — рожденному в Филадельфии коммерсанту Сэмюэлу Вартону — и сообщил ему о предстоящем заключении союза, чтобы тот смог начать игру на понижение. «Быки, вероятно, окажутся в тяжелом положении», — предрекал он в одном тайном послании Вартону, которое было написано невидимыми чернилами. Это письмо было перехвачено британской секретной службой, но остальные дошли до Вартона и до другого его партнера — британского банкира Томаса Уолпола. В результате Бэнкрофт заработал на биржевых спекуляциях тысячу фунтов[435].

Людовик XVI официально признал соглашение, приняв трех эмиссаров в Версале 20 марта. Толпы народа собрались у дворца, чтобы увидеть знаменитого американца. Они громко кричали «Да здравствует Франклин!», когда его карета въезжала в ворота,

украшенные золотыми геральдическими символами.

Среди находившихся во внутреннем дворе дворца были, по утверждениям Сьюзен Мэри Элсоп, «официальные привратники», вручившие прибывшим церемониальные шпаги, обычно необходимые для допуска во дворец. Каждый из американских эмиссаров получил по шпаге вместе с другими предметами официальных придворных одеяний. Но не Франклин. Не видя причин отказаться от простого стиля в одежде, который сослужил ему такую хорошую службу, он надел заурядный коричневый костюм и, разумеется, свои знаменитые очки — его единственное украшение. Он остался без шпаги, а когда выяснилось, что купленный для такого события парик плохо сидит, решил отказаться и от этого предмета. «Его можно было принять за фермера, — писала одна из присутствовавших на церемонии дам, — так разительно он отличался от других дипломатов в напудренных париках, в полном парадном одеянии и украшенных золотом и орденскими лентами».

Одна из уступок этикету заключалась в том, что он не надел свою меховую шапку, а вместо нее нес в руке белую шляпу. «Белый цвет — символ свободы?» — спросила мадам де Деффан, старая аристократка, в салоне которой Франклин появлялся в меховой шапке. Но независимо от того, придавал он такой смысл белому цвету или нет, вскоре белые мужские шляпы стали очень модными в Париже, как и многое другое, что носил Франклин. Когда в полдень Франклина ввели в королевскую спальню после завершения официального приема, Людовик XVI стоял в молитвенной позе. «Надеюсь, что это будет во благо обеих наций», — сказал он, давая свое королевское одобрение признанию статуса Америки как независимого государства. Обращаясь лично к Франклину, добавил: «Я весьма доволен вашим поведением с момента вашего прибытия в мое королевство».

После обеда, который дал Вержен, Франклин удостоился чести, если не удовольствия, побыть рядом с известной своей надменностью королевой Марией-Антуанеттой, пока та играла за карточным столом. Королева, по-видимому, невысоко оценила человека, который, как ей сообщили, был когда-то «мастером в типографии». Она рассеянно заметила: с таким прошлым никто никогда не смог бы занять высокого положения в Европе. Франклин не без гордости согласился с ней[436].

Дипломатический триумф Франклина способствовал окончательному выбору курса на революцию. Он также изменил баланс сил в мире, причем не только между Англией и Францией, но также — хотя Франция наверняка к этому не стремилась —

между республиканством и монархизмом.

«Франклин выиграл, — пишет Карл ван Дорен, — дипломатическую кампанию, равную по важности сражению при Саратоге». Историк из Йеля Эдмунд Морган идет еще дальше, называя ее «величайшей дипломатической победой, когда-либо достигнутой Соединенными Штатами». С возможным исключением в отношении создания НАТО эта оценка может быть справедливой, хотя отчасти свидетельствует о скудости успехов Америки за столом переговоров, идет ли речь о Версальском соглашении, заключенном после Первой мировой войны, или о переговорах в Париже в конце вьетнамской войны. В самом крайнем случае можно просто сказать, что триумф Франклина дал Америке возможность одержать окончательную победу в войне за независимость и в то же время избежать длительных затруднений, которые помешали бы ей как новой нации.

До того как сообщение о заключенном соглашении достигло Филадельфии, Конгресс обсуждал, следует ли рассматривать новые предложения о мире, поступившие от Британии. Теперь, всего после двух дней размышлений, он решил вместо этого ратифицировать договор с Францией. «Вы не можете даже представить, какую радость соглашения с Францией вызвали у всех истинных американцев», — писал Франклину из Массачусетса его друг Сэмюэл Купер[437].

Глава 14. Бонвиван
(Париж, 1778–1785)

Джон Адамс

В апреле 1778 года, вскоре после того как американцы подписали соглашения с Францией, в Париж прибыл Джон Адамс, чтобы заменить Сайлеса Дина в качестве одного из трех американских эмиссаров. Французы не испытывали восторга по поводу этой замены. «Мистер Дин, — сообщал Эдвард Бэнкрофт своим хозяевам в Лондон, — пользуется здесь большим уважением, а его преемник Дж. Адамс вызывает сильное недоверие». Бэнкрофт отмечал, что Адамс также чувствовал себя несчастным: «Адамс искренне разочарован тем, что здесь уже все сделано, и поговаривает о возвращении».

Когда они вместе работали в Конгрессе, Адамс первоначально относился к Франклину с недоверием, а затем последовательно испытывал к нему гамму самых разных чувств: смущения, раздражения, восхищения и ревности. Во время их поездки на переговоры с лордом Хау на остров Стейтен (когда им пришлось спать в одной кровати при открытом окне) он нашел Франклина одновременно и забавным, и вызывающим раздражение. Поэтому, когда он прибыл в Париж, оказалось неизбежным, что он и Франклин, как и в прошлом, будут относиться друг к другу со сложной смесью надменности и завистливого восхищения.

Их отношения были неоднозначными. Негодовал Адамс на Франклина или уважал его? Находил Франклин Адамса сходящим с ума или же совершенно здоровым? Испытывали они к друг к другу взаимную симпатию или антипатию? На эти вопросы не может быть однозначных ответов, потому что отношения между двумя незаурядными и сильными личностями часто наполнены противоречивыми чувствами друг к другу.

Оба они отличались сообразительностью, но при этом были людьми с совершенно разным складом характера: Адамс — несгибаемый, прямой и любивший спорить; Франклин — обаятельный, молчаливый и любивший пофлиртовать. Адамс был твердым в своих моральных принципах и в приверженности определенному образу жизни, а Франклин славился игривостью. Адамс учил французский, погружаясь с головой в учебники грамматики и запоминая наизусть множество текстов погребальных речей. Франклин (мало интересовавшийся грамматикой) учил язык, развалясь на подушках в гостиных знакомых французских дам и сочиняя для них забавные короткие истории. Адамс чувствовал себя комфортно в противостоянии с людьми, а Франклин предпочитал соблазнять людей, и то же самое можно было сказать об их способах обращения с нациями.

Адамс, которому на момент прибытия исполнилось сорок два года, был на тридцать лет младше Франклина и почти на пять лет младше сына Франклина Уильяма. Более чувствительный к оскорблениям, реальным и воображаемым, Адамс испытывал к Франклину очень сильные чувства. Временами его приводили в смятение беззаботность Франклина и его потворство своим слабостям. «Он испытывал зависть — и подозрение — к людям без резких граней характера, людям, легко вращающимся в возвышенных сферах», — писал об Адамсе историк из Беркли Роберт Миддлкауф в монографии «Бенджамин Франклин и его враги». — «Он был неспособен к непринужденным действиям и к проявлению легких форм лицемерия, которые помогают другим людям на протяжении всей жизни». Дэвид Маккуллог в своей мастерски написанной биографии Адамса высказывается о нем более сочувственно и взвешенно, но также указывает на сложность его отношения к Франклину[438].

Большинство обид Адамса было вызвано ощущением, что он постоянно оказывается в тени старшего коллеги. Франклин имел здесь «монополию на доброе имя и злоупотреблял ею до неприличия», — жаловался Адамс своему другу через несколько месяцев после прибытия в Париж. Но читая его неласковые высказывания в адрес Франклина, следует помнить, что время от времени он награждал нехорошими эпитетами всех, с кем встречался. (Например, однажды он назвал Джорджа Вашингтона болваном.) Несмотря на личные трения, Адамс и Франклин были прочно связаны присущими им обоим чувствами патриотизма и горячей приверженности делу независимости Америки.

Франклин укрыл Адамса под своим крылом в Пасси, записал десятилетнего Джона Куинси Адамса в тот же пансион, в котором учился Бенни Бейч, и стал приглашать коллегу на все светские и культурные мероприятия, которые посещал. В том числе и на знаменитую встречу с Вольтером в стенах академии. В первый же день пребывания Адамса в Пасси Франклин взял его на обед в дом бывшего министра финансов Жака Тюрго, а в последующие дни часто возил в салоны светских дам, обольстительные манеры которых приводили в восторг его самого и ужасали Адамса.

Еще более отвратительным казался пуританину Адамсу стиль жизни и работы Франклина. Его беспокоила мысль о том, какой будет цена их роскошного проживания в Пасси, но особенно он встревожился, когда узнал: амбициозный Шомон не берет с них арендной платы. Вскоре после своего прибытия Адамс написал в дневнике, как трудно заставить Франклина сосредоточиться на работе:

> Я обнаружил, что обязанности нашей комиссии никогда не будут выполняться, если их не буду выполнять я. <…> Жизнь доктора Франклина полна непрерывных легкомысленных развлечений. Он поздно завтракает, и сразу после завтрака к нему прибывает множество посетителей в экипажах. Философы, академики, экономисты; кое-кто из немногочисленного клана скромных друзей, подвизающихся на литературном поприще, которых он нанял переводить какие-то свои старые сочинения, такие как Bonhomme Richard, и для чего, как я знаю, привлекается Полли Бейкер и другие; но гораздо бóльшую часть посетителей составляют дамы и дети, приезжающие удостоиться чести увидеть великого Франклина и иметь удовольствие рассказывать затем истории о его простоте и о его лысине… Каждый день его приглашают на обеды, и он никогда не отказывается, если только мы уже не пригласили какую-то компанию пообедать с нами. Он всегда звал меня с собой, так что мне приходилось посылать извинения, ссылаясь на то, что мне необходимо время для изучения французского языка и выполнения задач нашей миссии. Мистер Франклин всегда держит в кармане книжечку, в которую записывает все приглашения на обед, и мистер Ли утверждает, что это единственное, в чем он проявляет пунктуальность. <… > В таких приятных и важных занятиях и развлечениях проходит день и вечер, и он возвращается домой между девятью и двенадцатью вечера[439].

Один из французских друзей Франклина отзывался о его рабочих привычках более позитивно: «Он был готов есть, спать и работать всякий раз, когда считал это уместным, то есть соответствующим его потребностям, так что никогда еще не было более неспешного человека, хотя он, безусловно, выполнял огромное количество работы». Эти два описания стиля поведения Франклина не просто отражают разные взгляды на него самого, но и разные взгляды на работу. Франклин всегда был трудолюбивым и в Америке верил в необходимость *придавать себе вид* трудолюбивого человека. Но во Франции, где *видимость удовольствия* считалась более ценной, Франклин сумел усвоить соответствующий стиль поведения. Как отмечает Клод Анн Лопес: «В колониальной Америке считалось порочным выглядеть праздным, во Франции считалось вульгарным выглядеть занятым»[440].

Как-то один француз спросил Адамса, не удивительно ли, что Франклин никогда не посещает церковных служб. «Нет, — со смехом ответил Адамс, — потому что господин Франклин не…» — но не докончил фразу из опасения показаться богохульником.

«Господин Франклин обожает только великую природу, — сказал француз, — что вызывает к нему благожелательный интерес многих людей обоих полов».

«Да, — ответил Адамс, — все атеисты, деисты и вольнодумцы, а также философы и дамы на его стороне».

«Да, — продолжал француз, — он прославился как философ и как великий законодатель Америки».

Но тут Адамс не смог сдержать раздражения. «Он великий философ, но как законодатель он сделал очень мало для Америки, — разъяснял он французу. — Во Франции, Англии и в остальной Европе все верят, что его наэлектризованная волшебная палочка сотворила нашу революцию, но для этого нет никаких оснований. <…> Он не составлял даже конституцию Пенсильвании, какой бы плохой она ни была». (Адамс, который не был демократом, как Франклин, и верил в необходимость контроля за властью народа, резко возражал против однопалатной легислатуры)[441].

Через несколько лет Франклин устал от Адамса и заявил, что «в некоторых вопросах тот иногда демонстрировал полную потерю разума». Но в те дни он находил, что Адамса вполне можно терпеть, иногда даже восхищаться им. И он был счастлив сделать его частью своего окружения, хотя Адамс проявлял мало энтузиазма в отношении царящего в нем легкомыслия[442].

Вольтер

Французские философы, подобно Франклину, жаждали проявить себя в реальном мире, а не оставаться погруженными в метафизику. Их светской версией Библии являлась «Энциклопедия», составленная Дидро и содержавшая статьи: по экономике — Тюрго, по политологии — Монтескье, по искусству — Руссо, по естественным наукам — Кондорсе и по физиологии человека — Гельвеция. Царившим над ними королем или богом — или, возможно, ни тем ни другим, так как к королям и богам он относился скептически, — был Вольтер, участвовавший в «Энциклопедии» анонимно. В любом случае он играл исключительную роль в интеллектуальной жизни Франции.

Вольтер и Франклин были, по крайней мере в сознании французской публики, братьями по духу. Оба старика воплощали остроумие и здравый смысл эпохи Просвещения. Игривые, но острые пародисты, разоблачители ортодоксии и притворства, последователи деизма, защитники терпимости и апостолы революции — вот что это были за люди. Неизбежной становилась не только встреча двух мудрецов, но и то, что их общение захватит воображение публики сильнее, чем встреча Франклина с королем[443].

В начале 1778 года Вольтеру было восемьдесят четыре года, он болел, ходили слухи, что он умер. (Его ответ, даже более остроумный, чем подобный ответ Марка Твена{78}, гласил: сообщения о его смерти верны, но преждевременны.) В феврале Франклин посетил дом Вольтера с церемониальным визитом и попросил хозяина благословить его семилетнего внука Бенни Бейча. Двадцать испытывающих благоговейный трепет учеников наблюдали за происходящим и проливали «слезы умиления». Вольтер возложил руки на голову мальчика и произнес по-английски: «Бог и Свобода». По словам Кондорсе, одного из свидетелей этой сцены, Вольтер также добавил: «Единственное подходящее благословение для внука мсье Франклина».

Кое-кто попытался высмеять это представление. Одна из язвительных парижских газет обвиняла философов, что они «разыграли сцену легкомысленного низкопоклонства», а когда бывший губернатор Массачусетса Хатчинсон услышал о словах благословения «Бог и Свобода», то заметил: «трудно сказать, какое этих двух слов больше использовалось в дурных целях». Однако в Европе с благоговением читали сообщения об этой встрече[444].

Франклин и Вольтер приняли участие в еще более

впечатляющей встрече, состоявшейся в Королевской академии 29 апреля того же года. Франклин был одет с присущей ему простотой: обычное платье, никакого парика и никаких украшений, кроме очков. Вольтер, которому через месяц предстояло умереть, выглядел изможденным и болезненным. Толпа потребовала, чтобы они заключили друг друга в объятия, и этот акт вызвал, по словам Кондорсе, такое «шумное одобрение, что можно было подумать, будто бы это Солон обнимает Софокла». Сравнение с двумя греческими мыслителями, один из которых прославился в законотворчестве, а другой в литературе, распространялось по всей Европе, о чем присутствовавший при этом событии Джон Адамс сообщал с характерной для него смесью благоговения и раздражения:

> Повсеместно звучали заявления, что мсье Вольтер и мсье Франклин должны быть представлены друг другу. Это не было исполнением обязательства, это должно было быть чем-то бóльшим. ни один из наших философов, по-видимому, не представлял, что это является столь желательным или ожидаемым; однако они взяли друг друга за руки. Этого оказалось недостаточно. Крики продолжались до тех пор, пока не прозвучало конкретное требование: Il faut s'embrasser à la française («нужно обняться по-французски»). Два состарившихся актера театра философии и фривольности крепко обнялись и поцеловали друг друга в щеки, после чего суматоха улеглась. А затем по всему королевству и, полагаю, по всей Европе немедленно стали распространяться слова: Qu'il est charmant de voir embrasser Solon et Sophocles («Как прелестно видеть Солона и Софокла обнимающимися»)[445].

Академия — одна из баз Франклина в среде интеллектуальной элиты Парижа. Другая — знаменитая масонская ложа «Девять сестер», названная в честь девяти муз. Франкмасонство во Франции, зарождавшееся в клубах для общения деловых людей, что преимущественно наблюдалось и в Америке, стало затем частью движения философов и других свободомыслящих людей, оспаривавших ортодоксии церкви и монархии. Клод Адриен Гельвеций, свободомыслящий philosophe, первым нарисовал в своем воображении суперложу в Париже, включающую в себя выдающихся писателей и художников. Когда он умер, его вдова мадам Гельвеций (о которой мы вскоре узнаем много интересного) помогла профинансировать ее создание в 1776 году.

Франклин и Вольтер вступили в ложу «Девять сестер» в апреле 1778 года, в том же месяце, когда состоялась их публичная встреча в академии. Ложа обеспечила Франклину знакомство с влиятельными сторонниками и возможность приятно проводить вечера. Но она была опасным местом. И король, и церковники с подозрением относились к ложе — и к вступлению в нее Франклина.

Споры о ложе обострились после того, как в ноябре 1778 года она провела поминальную службу по Вольтеру, который несколькими месяцами ранее, находясь на смертном одре, прогнал священников, пытавшихся совершить последние обряды. Кое-кто из друзей, включая Кондорсе и Дидро, посчитали разумным не появляться на церемонии. Франклин не только посетил ее, но и принял в ней участие.

Зал был задрапирован черной тканью и едва освещался свечами. Звучали песни, речи и стихи, в которых содержалась критика духовенства и абсолютизма во всех формах. Племянница Вольтера представила его бюст работы Гудона{79} (Гудон, будучи членом ложи, изготовил также и бюст Франклина, который в настоящее время находится в Художественном музее Филадельфии). Затем пламя свечей осветило огромную картину, на которой Вольтер был изображен возносящимся из могилы, чтобы быть представленным богиням Истины и Милосердия. Франклин снял с головы масонский венок и торжественно возложил его к нижнему краю полотна. Затем все перешли в банкетный зал, где в первом тосте была отдана дань уважения Франклину — «плененный гром затихает у его ног» — и Америке.

Людовик XVI, хотя и сам являлся масоном, был раздражен этим спектаклем и добился от других масонских лож запрета ложи «Девять сестер». После нескольких месяцев споров ситуация разрешилась, когда ложа «Девять сестер» реорганизовала себя сама и Франклин стал ее гроссмейстером. В последующие годы Франклин ввел в ложу многих американцев, включая своего внука Темпла, шпиона Эдварда Бэнкрофта и морского офицера Джона Пола Джонса. Он также помог создать внутри ложи группу, напоминавшую его Американское философское общество, ставшую известной как Societe Apollonienne[446].

Мадам Брийон

Какими бы интересными ни были франкмасоны и philosophes, отнюдь не дружба с ними сделала Франклина знаменитым во Франции. В этой стране о нем распространилось множество мнений, среди них — репутация легендарного распутного старого повесы, имевшего множество любовниц среди парижских дам. Но действительность, как следует признать, менее пикантна. Его знаменитые подруги были любовницами лишь разума и души. Правда, это вряд ли делает отношения Франклина с ними менее интересными.

Первыми возникли отношения с одаренной и чувствительной соседкой по Пасси мадам Брийон де Жуи, превосходной пианисткой, получившей известность благодаря игре на клавесине и фортепьяно, все более модном во Франции. После первой встречи с Франклином весной 1777 года она переживала из-за того, что была слишком застенчива, чтобы произвести на него должное впечатление. Поэтому на следующий день она попросила одного общего друга прислать ей ноты шотландских мелодий, которые, как ей было известно, любил Франклин. «Я попытаюсь сыграть их и сочинить нечто подобное в том же стиле! — писала она. — Я действительно хочу предоставить этому великому человеку несколько мгновений отдыха от его забот, а также доставить себе удовольствие увидеться с ним».

Так начались дружеские отношения, которые вскоре приобрели сексуальную окраску и дали пищу многочисленным слухам. Адамс и многие другие были шокированы тем, что мадам Бриойн называла своей «милой привычкой сидеть на ваших коленях», и историями о долгих совместных вечерах. «Я уверен, что вы целовали мою жену», — написал однажды Франклину ее муж. Однако далее мсье Брийон просил: «Мой дорогой доктор, позвольте и мне поцеловать вас». Отношения Франклина с мадам Брийон, как и с другими выдающимися дамами Парижа, были сложными и никогда не доводились до логического завершения. Это была, как проницательно отмечала Клод Анн Лопес, amitie amoureuse{80}, и Франклину отводилась роль Cher Papa — любящего пофлиртовать отца[447].

Мадам Брийон, которой к моменту знакомства с Франклином исполнилось тридцать три года, была женщиной, жившей под властью противоречивых страстей и частых перемен настроения. Ее муж, на двадцать четыре года старше ее (но на семь лет моложе Франклина), был богатым, выжившим из ума и неверным супругом. Она имела двух дочерей с прекрасными вокальными

данными, проживала в одном из самых элегантных поместий в Пасси, проявляла склонность впадать в депрессию и испытывать приступы жалости к самой себе. Хотя она не говорила по-английски, между ней и Франклином в период их восьмилетних отношений состоялся обмен более чем ста тридцатью письмами, и к тому же она была способна не только очаровывать его, но и манипулировать им.

Она делала это, сочиняя и исполняя для него музыку, формируя вокруг него настоящий парижский салон и направляя ему лестные письма на французском языке, написанные ею от третьего лица. «Мне, — утверждала она, — доставляет искреннюю радость думать, что иногда я могу развлекать господина Франклина, которого люблю и уважаю так, как он этого заслуживает». Когда американцы выиграли сражение при Саратоге, мадам Брийон сочинила триумфальную увертюру под названием «Марш инсургентов» (иногда исполняемую и в наши дни) и сыграла ее для него одного. Они также флиртовали за шахматной доской. «Она по-прежнему сердится, — игриво писала мадам Брийон о себе, — из-за тех шести партий в шахматы, которые он так безжалостно выиграл у нее, и предупреждает, что не пожалеет ничего, чтобы взять реванш»[448].

К марту 1778 года после нескольких месяцев музицирования и игры в шахматы Франклин был готов к чему-то большему. Поэтому он решил шокировать ее изложением некоторых своих вольнодумных теологических идей и попросил спасти его душу. «Вы были достаточно любезны, — писала она, уже от первого лица, — доверить мне ваши мысли». Ее предложения выглядели обещающими, даже содержащими далеко идущие намеки. «Я знаю слабое место моего кающегося грешника, и я смогу ему помочь! Пока он любит Бога, Америку и превыше всего меня, отпускаю ему все его грехи, прошлые, настоящие и *будущие*».

Далее мадам Брийон перешла к описанию семи смертных грехов, весело отметив, что он победил шесть — от гордыни до лени. Когда же она перешла к седьмому — греху вожделения, — то стала чуть более застенчивой. «Седьмой — не буду его называть. Все великие люди поражены им… Вы любили, мой дорогой собрат, вы были добрым и милым, и в ответ оказывались любимым! Что же в этом ужасного?»

«Она обещает повести меня на небеса по столь восхитительной дороге», — ликовал Франклин в своем ответе ей. «Я прихожу в восторг, когда думаю о том, что мне будут отпущены *будущие* грехи». Обращаясь к десяти заповедям, он доказывал, что в них должны быть включены еще две: размножаться и заполнять землю и любить друг друга. Он

утверждал, что всегда охотно следовал этим двум заповедям и это «должно компенсировать то, что я так часто не соблюдал одну из десяти. Имею в виду ту, которая запрещает нам желать жены ближнего, заповедь, которую я (признаюсь) постоянно нарушал»[449].

Увы, мадам Брийон, уловив сделанный намек, подала сигнал к поспешному отступлению. «Не осмеливаюсь решать этот вопрос без консультаций с тем ближним, жены которого вы возжелали», — написала она, имея в виду своего мужа. Она поясняла, что существуют двойные стандарты, которые должна соблюдать. «Вы мужчина, а я женщина, и хотя мы сможем думать в одном направлении, должны говорить и действовать по-разному. Возможно, нет большого вреда в том, что мужчина имеет желания и поддается им; женщина также может иметь желания, но поддаваться им она не должна».

Сама она ничего не знала о том, что ее муж следует двойным стандартам. И вновь не кто иной, как Джон Адамс, описал в шокирующих деталях ситуацию, которую наблюдал, когда Франклин взял его на обед к Брийонам, где собралась «большая компания представителей обоих полов». Мадам Брийон показалась Адамсу «одной из красивейших женщин Франции», а ее муж «грубым сельским помещиком». Среди гостей была одна «очень некрасивая и неуклюжая женщина». «Позднее я узнал от доктора Франклина и от его внука, — отмечал Адамс, — что эта женщина — любовница господина Брийона». Он также высказал догадку, но на этот раз безосновательную, что мадам Брийон имела любовную связь с другим соседом. «Я был удивлен, что эти люди могли существовать вместе в таких, по-видимому, дружеских отношениях и не пытаться при этом перерезать друг другу горло. Но я совсем не знал общества».

Год спустя мадам Брийон узнала наконец о любовной связи своего мужа с «некрасивой» молодой женщиной, мадемуазель Жюпен, гувернанткой ее дочерей. Она выгнала ее из дома, но затем стала опасаться, что та получит должность экономки у Франклина. После того как Франклин во время встречи один на один за закрытыми дверями своего кабинета уверил ее, что не имеет намерения нанимать эту женщину, мадам Брийон написала ему письмо, выдававшее облегчение. «Моя душа успокоилась, мой дорогой папа, так как она высказала все наболевшее вашей душе и больше не боится, что мадемуазель Ж. может поселиться у вас и стать источником ваших мучений»[450].

Еще до этого приступа ревности мадам Брийон начала прилагать усилия к тому, чтобы Франклин перестал обращать внимание на других женщин, несмотря на то что сам он не был

расположен умерять свой пыл. «Когда вы расточаете вашу дружбу, как вы делали это прежде, моя симпатия к вам не ослабевает, но отныне я буду стараться быть строже к вашим проступкам», — угрожала она.

В своем ясном, но в то же время игривом ответе Франклин утверждал, что она не имеет права предъявлять к нему такие собственнические требования. «Вы отвергаете и полностью исключаете все плотское в нашей взаимной привязанности, дозволяя мне только несколько поцелуев, учтивых и целомудренных, подобных тем, которые вы могли бы разрешить вашим маленьким кузенам, — упрекал он ее. — Что я получаю такого особенного, что способно помешать мне платить той же монетой другим?»

Он включил в свое письмо проект договора о «мире, дружбе и любви», состоявшего из девяти статей. Договор начинался со статей, которые устроили бы ее, а далее следовали статьи, декларировавшие в значительной степени противоположное, которые устроило бы его. В одной из первых статей говорилось о том, что «господин Ф. будет приходить к ней всякий раз, когда она пошлет за ним», и что он «будет оставаться с ней до тех пор, пока это будет доставлять ей удовольствие». С другой стороны, его условия предполагали, что «он будет покидать мадам Б. всякий раз, когда ему заблагорассудится» и что «сможет не появляться у нее столько, сколько ему захочется». Заключительная статья договора развязывала ему руки, поскольку разрешала «любить любую другую женщину до тех пор, пока будет находить ее любезной его сердцу». Однако при этом он добавлял, что не имеет «большой надежды» на одобрение ею последнего предложения и что «я не слишком рассчитываю встретить другую женщину, которую смог бы любить столь же нежно»[451].

Описывая свои сексуальные желания, Франклин мог быть откровенно сладострастным: «Мой маленький мальчуган, которого вы должны были бы нежно любить, вместо того чтобы быть откормленным и веселым, подобно тем, которые присутствуют на ваших элегантных рисунках, остается слабым и жаждущим пищи, которой вы его так бесчеловечно лишаете». Мадам Брийон продолжала эпистолярный диалог, называя Франклина эпикурейцем, желающим «упитанной, полнощекой любви», а себя — сторонницей платонизма, которая «старается притупить его маленькие стрелы». В другом содержащем непристойные намеки письме он рассказывает басню о человеке, отказавшемся одолжить своих коней другу. Но сам он был не таким. «Вы знаете, что я готов пожертвовать прекрасными

крупными конями».

После десятков чувственных выпадов и уверток, осуществленных ими по крайней мере на бумаге, мадам Брийон отвергла раз и навсегда его страстные желания плотской любви. В обмен она также прекратила попытки помешать ему искать такой любви где-то еще. «Платонизм, возможно, не является самым веселым учением, но зато служит надежной защитой для прекрасного пола, — писала она. — Следовательно, дама, которая находит его подходящим, советует джентльмену кормить своего фаворита за другими столами, а не за теми, которые накрывает она, поскольку на них всегда будет подаваться слишком скудная пища для его ненасытного аппетита»[452]. Письмо, завершавшееся приглашением на чай на следующий день, не положило конец их отношениям. Они просто приобрели другую форму. Мадам Брийон заявила, что впредь хотела бы исполнять роль обожающей отца дочери, а ему назначает роль любящего отца.

> Именно к отцу обращается эта нежная и любящая дочь. Когда-то у меня был отец, лучший из мужчин, мой самый близкий друг. Я потеряла его слишком рано! Вы часто спрашивали меня: «Не мог бы я занять место того, о котором вы горюете?» И вы рассказали мне о гуманном обычае некоторых дикарей, которые принимают в свои семьи военнопленных взамен умерших родственников. Вы заняли в моем сердце место моего отца.

Франклин, либо по собственному желанию, либо по необходимости, дал формальное согласие. «С бесконечным удовольствием принимаю, мой дорогой друг, предложение, которое вы сделали с такой добротой, выступить в качестве вашего отца», — писал он. И далее ударялся в философию. Как поведал он Бенни и Темплу, для него важно именно сейчас, когда пребывает вдали от Филадельфии, где живет его собственная «возлюбленная дочь», всегда иметь рядом с собой отпрыска, который «позаботится обо мне и закроет мои глаза, когда я обрету вечный покой». Он обещал, что будет изо всех сил стараться исполнять свою роль как можно лучше. «Я люблю вас как отец, всем сердцем. По правде говоря, иногда подозреваю, что мое сердце хочет пойти дальше, но пытаюсь скрыть это от себя»[453].

Трансформация их отношений помогла Франклину сочинить одну из его самых грустных и откровенных маленьких историй под названием «Поденка» (The Ephemera), написанную для мадам Брийон после одной из прогулок в ее саду (тема подсказана статьей, напечатанной им в «Пенсильванской газете» пятьдесят

лет тому назад). Как-то ему довелось подслушать, писал он, жалобу одной из крошечных мушек-однодневок, которая поняла, что семь часов, отведенные ей для жизни, подходят к концу.

> Я видела, как рождаются, преуспевают и исчезают поколения. Мои нынешние друзья являются детьми и внуками друзей моей молодости, которых, увы, больше нет на свете! И хотя я пока еще достаточно здорова, но должна скоро последовать за ними, так как по закону природы не могу ожидать, что проживу на семь или восемь минут дольше. Какой сейчас смысл во всех моих трудах по сбору нектара на этом листе, если я не смогу ими воспользоваться!
>
> Мои друзья утешают меня мыслью об имени, которое оставлю после себя. Они говорят, что я достаточно долго жила для природы и для славы. Но что такое слава для Поденки, которой больше не существует?
>
> Для меня после всех моих страстных поисков теперь не осталось никаких прочных удовольствий, кроме размышлений о долгой жизни, потраченной со смыслом, чувствительной беседы с немногими любезными дамами-поденками и доброй улыбки и гармонии, исходивших от всегда любезной Brillante (сверкающей)[81] [454].

Последующие годы жизни во Франции Франклин оставался эмоционально привязан к мадам Брийон. Привязанность видна даже в письмах, написанных после возвращения в Америку. Новое распределение ролей разрешало ему такие вольности, как игра в шахматы с общим другом до поздней ночи в ее ванной комнате, в то время как сама она, погрузившись в воду, наблюдала за происходящим на доске. Но шахматные партии в ванной были довольно невинным занятием, так как в те времена ванну было принято закрывать сверху широкой доской. «Боюсь, что мы могли доставить вам большие неудобства, вынудив вас пробыть в ванне так долго», — извинялся он на следующий день, добавляя к этим словам несколько двусмысленное обещание: «Больше никогда не соглашусь начать шахматную партию с соседом в вашей ванной комнате. Вы можете простить мне эту неучтивость?» Разумеется, она могла. «Я получаю такое удовольствие, когда вижу вас, что мне не доставляет больших неудобств выходить из ванны даже в поздний час».

Отказавшись от возможности романа на земле, они развлекались, обещая друг другу роман на небесах. «Даю вам слово, — поддразнивала она, — что стану вашей женой в раю при

условии, что вы не будете одерживать слишком много побед над небесными девами, ожидая меня. В загробной жизни я хочу иметь верного мужа».

Лучше, чем кто-либо другой, она сформулировала то, что делало его столь привлекательным для женщин: «Эта веселость и эта галантность, которые заставляют всех женщин любить вас, потому что вы любите их». С проницательностью и нежной любовью она заявляла: «Вы обладаете добрейшим сердцем и здоровыми моральными принципами, живым воображением и той веселой шаловливостью, которая показывает: самые мудрые мужчины дозволяют, чтобы их мудрость постоянно разбивалась о скалы женственности»[455].

В последующие годы Франклин будет помогать мадам Брийон справляться с приступами депрессии. Он попытается содействовать, как мы увидим, браку Темпла с одной из ее дочерей. Но к 1779 году он все больше уделял внимания другой женщине — с еще даже более очаровательным домашним укладом, — проживавшей в соседней деревне Отей.

Мадам Гельвеций

Анна Катрина де Линвиль д'Отрикур родилась в одной из самых знаменитых аристократических семей Лотарингии, но поскольку была десятым ребенком из двадцати детей, то не могла рассчитывать на приданое. Таким образом, когда ей исполнилось пятнадцать лет и она достигла брачного возраста, ее отправили в монастырь. Но, как оказалось, она не имела ни характера, подходящего для монастырской жизни, ни необходимых для такой жизни средств. Когда ей исполнилось тридцать, средства, выделенные для нее семьей, закончились, и пришлось отправиться в Париж, где ее приютила добрая тетушка, которая оставила своего мужа, стала романисткой и открыла свой салон, куда входили блестящие интеллектуалы, склонные к слегка богемному образу жизни.

Живость и красота Анны Катрины привлекали многих поклонников, в частности экономиста Тюрго, который был моложе ее на восемь лет. Позднее Тюрго стал главным финансовым контролером Франции и другом Франклина. Тюрго был обаятельным, но недостаточно состоятельным, и поэтому она вышла замуж за более солидного человека, Клода Адриена Гельвеция.

Гельвеций был одним из приблизительно пятидесяти генеральных откупщиков Франции — группы людей, получавших королевскую привилегию на сбор налогов и арендных платежей. После того как Гельвеций заработал в этой должности немалое состояние, он решил удовлетворить свои общественные и интеллектуальные амбиции. В результате богатый финансист женился на бедной аристократке и стал, как отмечалось ранее, известным философом, помогавшим планировать создание масонской ложи «Девять сестер». Его главный научный труд De l'Esprit («Об уме»), изданный в 1758 году, представлял собой противоречивую апологию безбожного гедонизма. В нем утверждалось, что деятельность человека направляется любовью к удовольствиям. Вокруг себя Гельвеций собрал лучшие умы эпохи Просвещения, включая Дидро, Кондорсе, Юма (с которым встречался во время случайных приездов в Эдинбург) и Тюрго, который по-прежнему пользовался расположением семьи, хотя и был отвергнут как поклонник.

Когда в 1771 году, за пять лет до прибытия Франклина, Гельвеция не стало, его вдова Анна Катрина, именовавшаяся теперь мадам Гельвеций, выдала замуж двух своих дочерей, позволив им найти мужей по их собственному выбору, подарила

каждой из них по поместью и купила ферму в деревне Отей вблизи Пасси. Она была веселой, общительной и, что соответствовало ее аристократическому происхождению, но убогому воспитанию, чем-то вроде беззаботной представительницы богемы, которая наслаждалась распространением вокруг себя несколько грубоватой ауры. Известны часто повторяемые слова, приписываемые многим, но вероятнее всего в действительности произнесенные писателем Фонтенелем, которому уже было далеко за восемьдесят, когда он посещал ее салон. Случайно увидев мадам Гельвеций не до конца одетой, он воскликнул: «Где мои семьдесят лет!»

В Отей она ухаживала за садом. Разбивая его, отвергла четкую французскую планировку. Наблюдала за утками и собаками, составлявшими пестрый и шумный зверинец, и держала салон, обладавший подобными чертами. Друзья поставляли ей редкие растения, необычных домашних животных и провокационные идеи, а она воспитывала их всех в своем доме, который получил шутливое название Академии Отей[456].

С мадам Гельвеций жили два священника и один аколит.

• Аббат Андре Морелле сорока с лишним лет, известный политэконом и один из авторов «Энциклопедии». Впервые он встретился с Франклином в 1772 году на вечере в Английском доме, где тот показывал фокус с успокаиванием волн своей волшебной тростью. Оба любили хорошие вина, пение, экономические теории и полезные изобретения.

• Аббат Мартин Лефевр де ла Рош тридцати с лишним лет, бывший бенедиктинец, которого (по словам Морелле) «мадам Гельвеций получила после того, как мода секуляризовалась».

• Пьер Жан Жорж Кабанис, холостой поэт двадцати с небольшим лет. Переводил Гомера, изучал медицину, писал книгу о больницах и уважал Франклина, рассказы и анекдоты которого почтительно записывал.

«Мы рассуждали о морали, политике и философии, — вспоминал де ла Рош. — Notre Dame d'Auteuil{82} возбуждала ваше кокетство, и аббат Морелле спорил до хрипоты и приводил свои аргументы для доказательства того, во что сам не верил»[457].

Именно Тюрго, по-прежнему влюбленный в мадам Гельвеций, первым привез к ней Франклина в 1778 году. Ей уже было около шестидесяти, но она по-прежнему оставалась веселой и красивой. Ее домашний зверинец, в котором царила атмосфера добродушного подшучивания и интеллектуальной непочтительности, соответствовал вкусам Франклина, и вскоре

после первого визита он написал ей письмо с описанием электромагнетизма ее личности:

> Я пытался придумать гипотезу для объяснения того, почему вы имеете так много друзей, причем самых разных. Я вижу, что государственные деятели, философы, историки, поэты и люди, сведущие во многих областях знаний, притягиваются к вам подобно тому, как соломинки — к крупному куску янтаря. <…> Мы находим в вашем приятном обществе ту очаровательную благожелательность, то любезное внимание к одолжениям, ту готовность доставлять удовольствие и получить его самой, которых никогда не находим в обществе друг друга… Мы не только получаем удовольствие от общения с вами, но также получаем больше удовольствия от общения друг с другом и с самими собой <…>[458].

Неудивительно, что когда Франклин впервые привез в Отей Джона Адамса, тот был шокирован поведением и самой мадам Гельвеций, и ее домашнего окружения. Оба аббата, как он утверждал, «имеют столько же власти прощать грех, как и совершать его». По поводу моральных «нелепостей» в доме он писал: «Никакое республиканское правительство никогда не сможет существовать при таких национальных нравах». Его жена Эбигейл ужаснулась еще сильнее, когда позднее побывала в этом доме, и так описала мадам Гельвеций своим восхитительно злым пером:

> Ее волосы были завиты, поверх них она надевала маленькую соломенную шляпку, к которой сзади прикреплялся грязный платок из марли. Она задавала тон в беседе во время обеда, часто брала руку доктора в свою и иногда клала руки на подлокотники кресел обоих джентльменов, а затем небрежно обхватывала руками шею доктора. Я испытывала глубокое отвращение, так как никогда не имела желания знакомиться с дамами такого сорта. После обеда она улеглась на небольшом диванчике, демонстрируя присутствующим больше, чем просто ступни ног. У нее имелась маленькая болонка, которая в списке фаворитов занимала второе место после доктора. Эту болонку она целовала, а когда та делала лужу на полу, то вытирала ее своей блузкой[459].

Франклин не просто флиртовал с мадам Гельвеций: в

сентябре 1779 года он предложил ей вступить в брак в той манере, которая была более чем наполовину серьезной, но при этом иронически отрешенной (что и позволило обоим сохранить чувство собственного достоинства). «Если этой даме нравится проводить с ним дни, то ему понравилось бы проводить с ней ночи, — писал он через Кабаниса, высказываясь от третьего лица. — В то время как он уже подарил ей много своих дней, хотя у него их осталось так мало, она проявляет неблагодарность, ни разу не подарив ему ни одной из своих ночей, которые постоянно записываются в чистый убыток, не принося счастья никому, кроме Пупона [ее собаки]»[460].

Она понемногу завлекала его. «Я надеялась, что после того как вы изложили так много приятного на бумаге, — писала она неразборчивым почерком, — придете и что-нибудь мне скажете». Франклин продолжал свои попытки в искусной, хотя по-прежнему юмористически отстраненной манере, сочинив для нее две маленьких истории.

Одна была записана со слов мух, живущих в его комнате. Они жалуются на опасности, исходящие от пауков в Пасси, и благодарят ее за то, что она велела ему убрать паутину. «Нам остается желать только одного, — заключают они. — Мы хотим увидеть, как вы оба создадите наконец общий дом»[461].

Тюрго, у которого Франклин теперь вызывал больше ревности, чем восторга, советовал ей отклонять брачные предложения, что она и делала. Несмотря на это, Франклин продолжил ухаживания и написал одну из самых известных своих историй, «Елисейские поля», в которой поделился мечтой подняться на небо и обсудить ситуацию с ее покойным мужем и со своей покойной женой, которые там поженились. Превознося достоинства мадам Гельвеций и ставя их выше достоинств покойной жены, он предлагал им взять реванш:

> Рассерженный вашим жестоким решением, объявленным столь категорично в прошлый вторник, — решением оставаться всю жизнь одинокой из уважения к вашему дорогому мужу, — я отправился домой, лег на кровать и, поверив, что мертв, обнаружил себя на Елисейских полях. <…> [Господин Гельвеций] принял меня с исключительной любезностью, поскольку, как он сказал, ему известна моя репутация. Он задал мне тысячу вопросов о войне и о нынешнем состоянии религии, свободы и правления во Франции. «Вы ничего не спрашиваете о вашей дорогой подруге мадам Г., — заметил я, — однако она по-прежнему вас сильно любит,

и я был рядом с ней всего час назад».

«Ах, — ответил он, — вы заставили меня вспомнить о моем прошлом счастье. Но необходимо забыть о нем, чтобы быть счастливым здесь. В первые несколько лет я думал только о ней. Наконец утешился. Взял себе другую жену, настолько похожую на нее, какую только мог найти. Она, надо признать, не столь красива, но имеет столько же здравомыслия, чуть больше характера и любит меня безмерно. Ее постоянное занятие — угождать мне, и она действительно отправилась собирать лучший нектар и лучшую амброзию, чтобы угостить меня сегодня вечером; оставайтесь со мной, и вы увидите ее».

При этих словах новая мадам Г. вошла с нектаром: в то же мгновение я узнал в ней мадам Ф., мою старую американскую подругу. Я стал укорять ее, но она отвечала мне холодно: «Я была вашей верной женой сорок девять лет и четыре месяца, почти полвека, удовлетворитесь этим. Здесь я создала новый союз, который будет сохраняться вечно». Оскорбленный отказом моей Эвридики, я внезапно решил оставить неблагодарных ду́хов и вернуться на нашу добрую землю, чтобы снова увидеть солнечный свет и вас. И вот я здесь! Давайте вместе возьмем реванш[462].

Под фривольностью скрывалось искреннее намерение (так считали его друзья и друг-соперник Тюрго), однако оно было выражено так, чтобы автор оставался в безопасности и по-прежнему выглядел умным. Всегда испытывавший дискомфорт от глубоких эмоциональных связей Франклин умело выполнил маневр, позволивший ему отдалиться. Вместо того чтобы продолжать ухаживания тайно, что означало бы опасную серьезность, стал делать это открыто, напечатав рассказ на своем печатном станке несколько месяцев спустя. Поступив таким образом, он выставил свое сердце на всеобщее обозрение, и теперь оно могло безопасно резвиться в границах между искренностью и самоуничижительной игривостью. «Франклин почему-то никогда полностью не отдавался любви, — отмечает Клод Анн Лопес. — Какая-то часть его личности всегда держалась в стороне и с иронией наблюдала за происходящим». Но всего этого — и серьезности, и публичной игривости — оказалось для мадам Гельвеций слишком много. В июне 1780 года она покинула Отей, чтобы провести лето в Туре. Надеялась, как утверждал Тюрго в письме к общему другу, «что сможет забыть

раздражавшую ее суматоху». Он добавлял также, что отдых не только наилучшим образом «отразился на ее спокойствии, но и восстановил спокойствие в другой голове [то есть Франклина], которая столь неразумно пришла в возбужденное состояние»[463].

Что до Франклина, то искусный танец полусерьезного флирта, каким бы невостребованным он ни был, оказал омолаживающее воздействие на его тело и дух. «Я не нахожу, что старею, — писал он той весной. — Дожив до семидесяти лет и полагая, что мое дальнейшее продвижение по этому пути, вероятно, приведет меня к могиле, я ненадолго остановился, обернулся, двинулся в обратном направлении и шел целых четыре года, так что теперь вы можете считать, что мне шестьдесят шесть»[464].

Багатели

В результате флиртов Франклина в Пасси и Отей появились вышеупомянутые короткие басни и притчи — например «Поденка», «Мухи» и «Елисейские поля», — которые он написал для развлечения своих подруг. Франклин называл их *багателями* — это французское слово обозначает небольшие веселые музыкальные пьесы. Многие из них напечатал на своем печатном станке в Пасси. Эти багатели были похожи на маленькие истории, сочиненные в прошлом («Испытание Полли Бейкер»), но все написанное в Пасси (общим числом около дюжины) носило легкий налет французского остроумия.

Нередко тексты становились предметом льстивого критического разбора. «Багатели Франклина содержат очарование и нравственную правду, — заявляет Альфред Оуэн Олдридж. — Они занимают место в ряду мировых шедевров литературы легкого жанра». Но это не совсем так. Ценность багателей в том, что они дают беглый взгляд на личность Франклина, а не в литературных достоинствах, которые кажутся довольно незначительными. Это просто jeux d'esprit — шутки, такие же веселые, как упражнение для пяти пальцев. Многие демонстрируют искаженное самосознание Франклина, а некоторые оказываются слегка тяжеловесными попытками давать уроки морали[465].

Самым веселым является «Диалог подагры и господина Франклина» — предшественник старого рекламного ролика Alka Seltzer, в котором мужчина бранит свой желудок. Когда болезнь приковала его к постели в октябре 1780 года, мадам Брийон написала ему поэму Le Sage et la Goutte («Мудрец и подагра»). Там содержался намек, что болезнь вызвана любовью к «одной хорошенькой даме, а иногда к двум, трем или четырем». В поэме были, в частности, такие строки:

> Умеренность, дорогой доктор, — сказала подагра, —
> Не является той добродетелью, которую вы олицетворяете.
> Вы любите поесть, вы любите приятные разговоры с дамами,
> Вы играете в шахматы, когда вам следует гулять.

Однажды проснувшись среди ночи, Франклин ответил подруге длинным и веселым диалогом, в котором подагра

бранила его за потворство слабостям, а также, зная любовь самого Франклина к поучениям, предписывала курс упражнений и свежий воздух:

Г-н Фр. Ох! Ох! Ох! Что я сделал такого, чтобы заслужить столь ужасные страдания?

Подагра. Очень многое; ты ешь и пьешь, не зная меры, и позволяешь своим ногам подолгу оставаться без движения.

Г-н Фр. Кто это обвиняет меня?

Подагра. Это *я*, *я*, Подагра.

Г-н Фр. Что? Мой враг собственной персоной?

Подагра. Нет, *я* тебе не враг.

Г-н Фр. Повторяю, ты мой враг, ты не только ужасно мучаешь мое тело, но и губишь мое доброе имя; ты называешь меня обжорой и пьяницей, но теперь весь мир, который меня знает, будет свидетельствовать, что я не являюсь ни тем ни другим.

Подагра. Мир может думать, как ему заблагорассудится, он всегда очень почтителен к себе, а иногда и к своим друзьям. Но я-то знаю, что количество мяса и вина, допустимое для человека, который в разумной мере занимается физическими упражнениями, чрезмерно для того, кто не занимается никакими упражнениями вовсе…

Если ты ведешь сидячий образ жизни, то по крайней мере твои развлечения, твой отдых должны быть активными. Следует ходить пешком, или ездить верхом, или, если погода не позволяет, играть на бильярде. Но давай исследуем твой обычный день. Хотя утром светает рано и у тебя есть время, чтобы выйти погулять, что ты делаешь? Почему вместо того чтобы раззадоривать свой аппетит перед завтраком с помощью полезных упражнений, ты развлекаешься книгами, брошюрами или газетами, которые обычно не стоят того, чтобы их читать? Дальше ты поглощаешь чрезмерный завтрак, четыре чашки чая со сливками и одним или двумя кусками поджаренного хлеба с маслом, с ломтиками вяленой говядины, а это, как полагаю, совсем не те продукты, которые легко переварить.

Сразу после этого ты начинаешь скрипеть пером за письменным столом или беседуешь с людьми, которые пришли по делу. Так проходит время до часу дня без каких-либо телесных движений. Все это я могла бы

простить, с учетом, как ты выражаешься, сидячего характера работы. Но чем ты занят после обеда? Прогулка по прекрасным садам друзей, с которыми ты обедал, была бы наилучшим выбором здравомыслящего человека! Ты же усаживаешься за шахматы и проводишь за игрой по два-три часа!

Ты знаешь сады мадам Брийон и их прекрасные аллеи, тебе знакома красивая лестница в сотню ступенек, ведущая от верхней террасы к расположенной внизу лужайке. Раньше ты посещал это милое семейство дважды в неделю, после обеда, и именно тебе принадлежат слова, что «человек, пройдя милю вверх и вниз по лестнице, может получить такую же физическую нагрузку, которую дают десять миль по ровной дороге». Какая возможность имелась здесь у тебя, чтобы выполнять физические упражнения обоими способами! Но пользуешься ли ты ею? И как часто?

Г-н Фр. Я не могу немедленно ответить на этот вопрос.

Подагра. Я сделаю это за тебя, и не однажды[466].

Он направил эту багатель мадам Брийон вместе с письмом, которое беззастенчивым образом опровергало содержавшееся в ее поэме утверждение, будто «дамы также вносили свой вклад в развитие ужасной болезни». Как отмечал Франклин, «когда я был молодым и больше наслаждался милостями прекрасного пола, чем сейчас, то не страдал подагрой. Следовательно, если бы дамы Пасси проявили больше христианского милосердия, к чему я так часто тщетно призывал вас, то сейчас подагра бы не доставляла мне столько мучений». С тех пор секс стал для них скорее темой для добродушных шуток, а не источником напряженности. «Я сделаю все, что в моих силах, в духе христианского милосердия, — писала она в ответ, — но не в *вашем* понимании христианского милосердия».

Франклин использовал багатели для совершенствования своих навыков владения языком; он выполнял их прямой и обратный перевод, показывал друзьям, в частности аббату де ла Рошу, а затем вносил исправления. Например, написал свою знаменитую историю о том, как было заплачено слишком много за свист, в двух столбцах: в левом располагался текст на французском, в правом — на английском, а по краям оставлены поля для исправлений. Так как мадам Брийон не говорила по-английски, Франклин отсылал ей французские версии своих сочинений, часто с исправлениями, сделанными кем-то еще.

Она была более терпимой в вопросах грамматики, чем в вопросах морали. «Корректор французской версии испортил вашу работу, — отзывалась она о поправках, внесенных де ла Рошем в диалог с Подагрой. — Оставьте ваши сочинения такими, какие они есть, используйте слова, которые называют вещи своими именами, и смейтесь над грамматистами, которые из-за стремления к чистоте языка ослабляют выразительность ваших сентенций». Например, Франклин часто придумывал новые французские слова, такие как indulger (означающее «потакать своим слабостям»), которые его друзья исправляли. Однако мадам Брийон находила неологизмы очаровательными. «Немногие пуристы могли бы играть словами, потому что эти люди взвешивают слова на весах строгой учености, — писала она, — но так как вы, по-видимому, выражаетесь более убедительно, чем грамматисты, то мое решение в вашу пользу»[467].

Франклину во французском особенно трудно было усвоить различия мужского и женского родов. Он даже в шутку употреблял слово masculines (мужские) в женском роде, а слово feminines (женские) — в мужском, и жаловался на необходимость справляться о таких вещах в словаре. «На протяжении шестидесяти последних лет [с шестнадцатилетнего возраста] предметы мужского и женского рода — я уже не говорю о залогах и именах — всегда создавали мне много проблем», — признавался он. «Мне было бы приятнее оказаться в раю, где все эти различия будут устранены».

Так насколько хорош был французский язык Франклина? К 1780 году он говорил и писал много и с удовольствием, хотя и не всегда с точным соблюдением правил фонетики и грамматики. Такой подход нравился большинству его тамошних друзей, особенно женщинам, но неудивительно, что он вызывал раздражение у Джона Адамса. «Считается, что доктор Франклин говорит по-французски очень хорошо, но я обращал его внимание на то, что он делает много грамматических ошибок». Адамс с негодованием отмечал: «Он признавался мне, что не уделяет никакого внимания грамматике. Его произношение, за которое французские дамы и господа его очень хвалили и которое ему самому казалось довольно хорошим, было, как я вскоре обнаружил, далеко от совершенства»[468].

Багатель Conte («Сказка»), которую его друзья считали самой очаровательной, представляла собой притчу о религиозной терпимости. Умирающий французский офицер рассказывает о своем сне, в котором он возносится к небесным вратам и наблюдает за тем, как святой Петр спрашивает предстающих

перед ним людей об их религиозной принадлежности. Первый отвечает, что он католик, и святой Петр говорит ему: «Займи здесь свое место среди католиков». Подобную процедуру проходят приверженец англиканской церкви и квакер. Когда же офицер признается, что он не принадлежит ни к какой вере, святой Петр проявляет к нему снисхождение: «Ты все равно можешь сюда войти, лишь найди для себя место, где сможешь» (Франклин, по-видимому, корректировал рукопись несколько раз, чтобы сделать яснее мысль о веротерпимости, и в одной версии выразил ее прямолинейно: «Войди все равно и займи любое место, какое пожелаешь»)[469].

Эта притча перекликалась со многими подобными короткими историями, написанными Франклином раньше, в которых он призывал к религиозной терпимости. Хотя с возрастом вера Франклина в великодушного Бога становилась все сильнее, французских интеллектуалов восхищало то, что он не примкнул ни к одной религиозной секте. «Наши вольнодумцы тщательно изучали его религиозные убеждения, — писал один из его знакомых, — и теперь они утверждают, что обнаружили, будто он придерживается их веры, то есть не имеет никакой веры вообще»[470].

Шахматы и громкие ветры

Одним из самых известных увлечений Франклина были шахматы, о чем свидетельствует его знаменитая шахматная партия в ванной комнате мадам Брийон. Он видел в шахматах метафору дипломатии и жизни и эту ассоциацию ясно выразил в багатели «Этика шахмат» (1779). Ее основу составляло эссе, написанное в 1732 году для филадельфийской Хунты. «Игра в шахматы не просто праздное развлечение, — так начиналось сочинение. — Посредством игры в шахматы приобретаются или укрепляются несколько очень ценных качеств ума, полезных человеку на протяжении всей жизни. Ибо жизнь своего рода шахматная партия: мы часто ставим цели, которых хотим добиться, и находим конкурентов или противников, с которыми хотим сразиться».

Шахматы, утверждал он, развивают предусмотрительность, осторожность и способность не падать духом. Они также требуют соблюдения важных правил поведения: никогда не подгонять своего противника, не пытаться прибегать к обману, притворяясь, что вы сделали плохой ход, и никогда не злорадствовать по поводу своей победы. «Умеряйте свое желание победить соперника и получайте удовольствие от победы над собой». Есть ситуации, в которых благоразумно позволить противнику взять назад его плохой ход. «Вы, разумеется, можете проиграть партию своему оппоненту, но вы наверняка завоюете нечто более ценное — его уважение»[471].

Во время одной из затянувшихся за полночь шахматных партий к нему в Пасси прибыл гонец с важными депешами из Америки. Но Франклин отмахивался от него до тех пор, пока не закончил игру. В другой раз он играл с герцогиней Бурбон, которая неожиданно сделала ход, оставивший ее короля без защиты. Вопреки правилам игры Франклин быстро взял короля. «Ах, — воскликнула герцогиня, — мы так с королями не поступаем». В ответ прозвучала знаменитая реплика Франклина: «Зато мы в Америке поступаем с ними так»[472].

Однажды вечером в Пасси во время затянувшейся шахматной партии в комнате догорели свечи. Не желая прекращать игру, Франклин отправил за свечами своего противника. Тот вышел из комнаты, но быстро вернулся с удивленным видом и сообщил, что на улице уже рассвело. Франклин открыл ставни. «Вы правы, уже утро, — сказал он. — Пойдемте спать».

Этот случай вдохновил его на написание багатели об удивлении, которое он испытал, увидев, что в шесть часов утра

солнце уже встало и осветило мир. Следует заметить, что на этом этапе жизни он больше не разделял убеждений Бедного Ричарда в необходимости рано ложиться и рано вставать. Франклин заявлял, что это открытие удивит тех его читателей, которые, «как и я, никогда не видели солнечного света раньше полудня». В результате он сделал вывод, что если бы люди вставали немного раньше, они могли бы экономить немало денег на свечах. Он даже привел псевдонаучный расчет, сколько помог бы сберечь этот «экономический проект», если бы в летние месяцы парижане раньше ложились и раньше вставали: без малого девяносто семь миллионов ливров, огромную сумму, которую город Париж мог бы экономить каждый год, используя солнечный свет вместо света свечей.

В заключение Франклин дарил эту идею публике, не требуя никакого материального вознаграждения. «Я ожидаю лишь, что мне воздадут за нее хвалу», — заявлял он. В конце концов он удостоился чести, о которой даже не мог мечтать: в большинстве историй о том, как люди придумали способ экономить на освещении за счет сдвига времени, авторство идеи, лежащей в основе этого подхода, приписывается Франклину. Однако следует помнить, что для него это было не более чем шуткой и что в летний период он не предлагал сдвигать стрелки на один час[473].

Эссе, в котором пародировались и человеческие привычки, и научные трактаты, носило (как и его юношеские сочинения) отпечаток влияния Джонатана Свифта. «Это было ироническое произведение того типа, какое написал бы Свифт вместо „Скромного предложения“, если бы провел пять лет в обществе мадам Гельвеций и мадам Брийон», — отмечает Альфред Оуэн Олдридж[474].

Похожей научной пародией, даже еще более веселой и известной (или, возможно, печально известной) стало его шутливое предложение Королевской академии Брюсселя провести исследование причин и способов предотвращения громкого испускания газов. Отмечая, что руководители академии обещали при выборе тем для научного изучения «принимать во внимание их полезность», он предлагал провести «серьезное исследование», которое было бы достойно «нашего просвещенного века»:

> Общеизвестно, что при переваривании повседневной пищи в кишечниках людей возникает большое количество ветров. Тот, кто позволяет ветрам выходить наружу и смешиваться с атмосферным воздухом, оскорбляет окружающих, потому что процесс испускания ветров порождает зловоние. Следовательно, хорошо

воспитанные люди стараются не наносить такого оскорбления окружающим, принудительно сдерживая усилия организма по высвобождению ветров. Такое сдерживание настолько противно природе человека, что часто порождает сильные боли и становится причиной будущих заболеваний…

Если бы выход ветров наружу не сопровождался отвратительным зловонием, то вежливые люди, вероятно, сдерживали бы себя в обществе при испускании газов не в большей степени, чем при сплевывании или сморкании. Следовательно, предлагаемая мною тема исследований заключается в создании лекарства, безопасного и не вызывающего отвращения, которое при смешивании с нашей повседневной пищей или приправами к ней способствовало бы естественному испусканию из нашего кишечника ветров не только не зловонных, но даже столь же приятных, как духи.

С претензией на научную серьезность Франклин объяснял, как разные продукты и минералы изменяют запах испускаемых газов. Может ли такое вещество, как известь, сделать их запах приятным? «Это достойно проведения эксперимента!» Тот, кто сделает это открытие, удостоится «вечной славы», утверждал Франклин, так как оно будет гораздо более «полезным, чем те открытия в науке, которые прежде делали философов знаменитыми». Все труды Аристотеля и Ньютона, указывал он, мало помогли тем, кто страдает от испускания ветров. «Какое утешение могут доставить вихревые потоки Декарта человеку, у которого бушуют ураганы в кишечнике!» Изобретение нового лекарства для ароматизации газов в кишечнике позволит хозяевам свободно испускать ветры с приятной уверенностью, что это доставит удовольствие гостям. В сравнении с такой роскошной возможностью, утверждал он, используя скверный каламбур, все предыдущие открытия «не стоят и фартинга»{83}.

Хотя этот фарсовый тест и был напечатан в его собственной типографии в Пасси, Франклин проявил осторожность и никогда не показывал его широкой публике. Однако он разослал его своим друзьям и указывал, что такое предложение могло бы заинтересовать одного из них — известного химика и специалиста по газам Джозефа Пристли, «который сможет сам обеспечивать себя материалом для исследований»[475].

Одна по-настоящему очаровательная научная пародия создана им в виде письма к аббату Морелле. В нем прославлялись

чудесные свойства вина и красота человеческого локтя.

> Мы слышали о чуде превращения воды в вино на свадьбе в Кане Галилейской. Но такое превращение по доброте Божьей происходит ежедневно перед нашими глазами. Посмотрите на дождь, который сходит с небес на наши виноградники; там он достигает корней виноградной лозы, чтобы превратиться в вино; это является постоянным доказательством того, что Бог любит нас и любит видеть нас счастливыми. Чудо в Кане было осуществлено только для того, чтобы ускорить процесс.

Что касается человеческого локтя, объяснял Франклин, то очень важно, что он находится в правильном месте, так как иначе нам было бы трудно пить вино. Если бы по воле Провидения локоть оказался на руке слишком низко, то кисть руки с трудом доставала бы до рта. Подобным образом, если бы локоть размещался слишком высоко, то кисть руки со стаканом находилась бы выше уровня нашего лица. «Но в существующей ситуации мы способны пить, не испытывая неудобств, так как стакан опрокидывается прямо нам в рот. Давайте же со стаканом в руке преклонимся перед этой великодушной мудростью, преклонимся и выпьем!»[476]

Дела семейные

Где же находились члены настоящей семьи Франклина и насколько они были отдалены от членов его новой параллельной семьи? Их разделяло огромное расстояние. Дочь Салли, обожавшая отца, писала, как она прилежно восстанавливала их дом в Филадельфии после того, как его покинули британцы в мае 1778 года. Но в то время как письма от его взрослых французских подруг начинались словами Cher Papa («Дорогой папа»), большинство писем от его настоящей дочери начинались более сдержанно: «Дорогой и уважаемый сэр». Его ответы, адресованные «дорогой Салли», а иногда и «моей дорогой дочери», часто содержали выражения удовольствия успехами его внуков. Но иногда даже его комплименты сопровождались нотациями. «Если бы ты знала, какое счастье мне доставляют твои письма, — выговаривал он, — я думаю, ты писала бы мне чаще».

В начале 1779 года Салли написала о высоких ценах на товары в Америке и о том, как она занята изготовлением скатертей. Но, к сожалению, допустила ошибку, добавив, что была приглашена на бал в честь генерала Вашингтона и заказала во Франции булавки, кружева и перья, чтобы выглядеть модно одетой. «Здесь никогда раньше не было такого количества нарядов и развлечений», — радостно сообщала она отцу и добавляла, что хотела бы получить от него в подарок какие-нибудь украшения, чтобы с гордостью продемонстрировать его вкус.

В то время Франклин занимался сочинением милых багателей для своих французских подруг. Кроме того, обещал Полли Стивенсон пару бриллиантовых сережек, если один из его лотерейных билетов выиграет. Но он с негодованием ответил на мольбу Салли прислать нескольких предметов роскоши. «То, что ты заказала длинные черные булавки, кружева и перья, вызвало у меня такое чувство отвращения, как будто ты насыпала соли в мою порцию земляники, — сердился он. — Я вижу, что пряжа отложена в сторону и ты должна быть одета для бала! По-видимому, ты не знаешь, моя любезная дочь, что из всех дорогих вещей в этом мире самой дорогой является безделье». Он послал несколько предметов, «которые являются полезными и необходимыми», но сопроводил этот свой жест грубоватым советом с легким налетом свойственного ему юмора по поводу некоторых легкомысленных украшений. «Если ты носишь свои батистовые манжеты, какие ношу и я, и не заботишься о том, чтобы штопать на них дырки, то они со временем станут

кружевными, а перья, моя дорогая девочка, можно надергать из хвоста любого петуха в Америке»[477].

Обиженная таким отношением, она ответила ему письмом с подробным изложением доказательств своего трудолюбия и бережливости и попыталась вернуть его благосклонность, отослав ему несколько образцов домотканой шелковой материи в качестве подарков королеве Марии-Антуанетте. Зная о желании отца всячески способствовать развитию местной шелкопрядильной промышленности, она добавляла: «Я покажу, что может экспортироваться из Америки».

Это был примирительный жест со всеми элементами — трудолюбием, самоотверженностью, продвижением американских товаров, благодарностью Франции, — которые должны были понравиться Франклину. Увы, шелковая материя была испорчена в пути соленой водой, но что еще хуже — отец стал насмехаться над ее планом. «Хотел бы я знать, каким образом тебе, которой не хватает денег на башмаки для себя, пришло в голову дарить ткани королеве, — писал он в ответ. — Я еще посмотрю, можно ли будет покрасить материю, чтобы сделать пятна на ней незаметными, и сшить из нее летние костюмы для меня, Темпла и Бенни». Тем не менее он закончил письмо на более доброй и нежной ноте. «Все вещи, которые ты заказала, будут тебе отправлены, чтобы ты оставалась хорошей девочкой и продолжала прясть пряжу и вязать чулки для своей семьи»[478].

Сердце Франклина оказывалось гораздо более мягким, когда дело касалось новостей о внуках. В конце 1779 года Салли родила четвертого ребенка и в надежде доставить удовольствие Франклину назвала мальчика Луисом, по имени французского короля. В Америке это имя было настолько необычным, что люди часто спрашивали, является ли ребенок мальчиком или девочкой. Когда ее сын Уилли, проснувшись после страшного сна, прочитал вслух «Отче наш» и адресовал свою молитву Геркулесу, она обратилась за советом к отцу: «Что лучше сделать: кратко познакомить его с основами религии или позволить ему еще какое-то время молиться Геркулесу?» Франклин с долей юмора ответил, что ей следовало бы учить его «направлять свои молитвы более подходящим образом, так как поклонение Геркулесу теперь почти вышло из моды». Салли его послушалась. Вскоре она написала, что Уилли успешно изучает Библию и что у него «исключительная память» на литературные произведения. «Он выучил наизусть речь Антония над телом Цезаря, которую с трудом может продекламировать без слез». Ее дочь Элизабет, добавляла она, любит смотреть на портрет деда и «часто пытается соблазнить вас выйти из рамы, чтобы поиграть с нею, с помощью

куска яблочного пирога — кушанья, которое она любит больше всего»[479].

Салли также инициировала проект, который должен был получить безусловное одобрение отца. В то время как в декабре 1779 года солдаты армии Вашингтона мерзли в своих изорвавшихся мундирах, она мобилизовала женщин Филадельфии на сбор пожертвований, покупку одежды и изготовление более чем двух тысяч рубашек для осажденных войск. «Я очень занята кройкой и шитьем рубашек… для наших смелых солдат», — сообщала она. Когда Вашингтон попытался заплатить наличными за еще большее количество рубашек, женщины отвергли это предложение и продолжили работать бесплатно. «Надеюсь, вы одобрите то, что мы сделали», — писала она, явно напрашиваясь на похвалу. Франклин, разумеется, одобрил это начинание. Он похвалил ее за amor patrie (любовь к родине) и опубликовал во Франции отчет о ее деятельности[480].

Ее сын Бенни также ощущал на себе особенности любви Франклина. Мальчик фактически был похищен из лона семьи Бейчей, чтобы сопровождать деда в поездке в Европу. После двух лет учебы в закрытом пансионе вблизи Пасси, в течение которых он видел деда не чаще одного раза в неделю, девятилетний ребенок был отправлен в школу в Женеву. За четыре года ему ни разу не довелось увидеть Франклина. Несмотря на свою любовь к французам, Франклин чувствовал, что католическая монархия не лучший учитель для его внука, поскольку, как писал он Салли, «я намереваюсь сделать из него пресвитерианина и республиканца»[481].

Бенни забрал из Женевы французский дипломат Филиберт Крамер, который был издателем сочинений Вольтера. Изголодавшийся по человеческой любви и нуждавшийся в мужчине, способном заменить ему отца, Бенни привязался к Крамеру, но тот через несколько месяцев неожиданно умер. Какое-то время Бенни жил у вдовы Крамера Катарины, а затем был отдан на попечение Габриеля Луи де Мариньяка, поэта и офицера в отставке, который был директором школы.

Страшно одинокий, Бенни умолял, чтобы его брат Уильям или его одноклассник из Пасси Джон Кинси Адамс приехал навестить его. В крайнем случае мог бы он иметь удовольствие иметь портрет Франклина и какие-то новости о семье?

Франклин, всегда готовый рассылать свои портреты, направил один из них Бенни вместе с сообщением об успехах Салли в обеспечении рубашками солдат Вашингтона. «Будь прилежен в учебе, которая также может рассматриваться как служение своей стране, и будь достоин своей добродетельной

матери», — писал он. Он также упомянул о том, что четверо бывших одноклассников Бенни из Пасси умерли от оспы и что он должен быть благодарен за то, что ему сделали прививку в детстве. Однако даже такие выражения любви содержали намек на зависимость его чувства от обстоятельств: «Я всегда буду сильно тебя любить, если ты будешь хорошим мальчиком», — так завершал он одно из своих писем[482].

Бенни демонстрировал хорошие успехи в первый год и даже выиграл школьный конкурс на лучший перевод с латыни на французский. Франклин послал ему немного денег, чтобы он смог организовать небольшой праздник, на который победитель конкурса по традиции всегда приглашал своих одноклассников. Он также попросил Полли Стивенсон, по-прежнему проживавшую в Лондоне, подобрать для Бенни несколько книг на английском, так как внук стал проявлять признаки утраты навыков пользования этим языком. Полли, зная, насколько ее друг любит лесть, выбрала книгу, в которой содержались упоминания о Франклине[483].

Но Бенни в конце концов стал испытывать страхи, свойственные впавшему в депрессию подростку, возможно, из-за того, что его никогда не навещали ни Франклин, ни Темпл и даже ни разу не взяли на каникулы в Пасси. Он стал застенчивым и ленивым, сообщала мадам Крамер, которая продолжала присматривать за ним. «У него прекрасное сердце, он чувствителен, рассудителен и серьезен, но никогда не бывает веселым и жизнерадостным, он неприветлив, имеет мало потребностей и лишен фантазии». Бенни не играл в карты, никогда не участвовал в потасовках и не демонстрировал признаков того, что когда-нибудь сможет проявить «большие таланты» или «страстные увлечения». (В этом предсказании она ошиблась, так как во взрослой жизни Бенни стал пассионарным газетным редактором.) Когда она напоминала Бенни о том, что он выиграл конкурс по переводу с латыни и что он, безусловно, способен хорошо учиться, «он холодно отвечал, что ему просто повезло», сообщала она Франклину. А когда она предложила ему попросить у деда увеличить размер своего денежного содержания, он не проявил к ее словам никакого интереса.

Родители Бенни проявляли беспокойство, и Ричард Бейч робко заявил, что, возможно, Франклин мог бы найти время для посещения внука. «Нам было бы весьма приятно услышать, что вы нашли время для поездки к нему в Женеву, — писал Бейч, добавляя: — Эта поездка могла бы благотворно сказаться на вашем здоровье». Но это было неуверенное предположение, сделанное чуть ли не в извиняющемся тоне. «Я подозреваю, что

ваше время используется более полезным образом», — тут же добавлял он. Мадам Крамер со своей стороны предположила, что, по крайней мере, он мог бы писать Бенни почаще[484].

Франклин не нашел времени для поездки в Женеву, но зато сочинил для него одно из самых поучительных маленьких эссе, в котором прославлялись достоинства образования и прилежания. Те, кто учатся старательно, писал он, «живут в комфорте в хороших домах», в то время как те, которые бездельничают и пропускают занятия, «оказываются бедными, грязными, оборванными, невежественными и порочными и ютятся в жалких хижинах и на чердаках». Франклину так понравилось это наставление, что он отправил его копию Салли, которая в восторге пообещала, что «Уилли выучит его наизусть». Но Бенни даже не сообщил, что получил послание. Тогда Франклин послал ему еще одну копию и велел перевести ее на французский, а затем прислать перевод обратно, чтобы он мог убедиться в том, что внук все понял как надо[485].

Наконец Бенни нашел себе друга, который вывел его из состояния апатии: Сэмюэла Джохоннота, внука бостонского приятеля Франклина Сэмюэла Купера. Этот «беспокойный и непокорный» парень был исключен из школы в Пасси, и Франклину удалось договориться, чтобы его отправили в школу в Женеве. Он был смышленым учеником, первым в классе, и подстегивал Бенни к тому, чтобы тот стремился занять почетное место рядом с ним.

В социальном плане влияние Джохоннота на Бенни еще более заметно. Он начал проявлять все больше бунтарских наклонностей, характерных для его семьи. Однажды кошка разбила одну из их копилок для монет, и друзья решили в отместку убить любую кошку, которая им попадется, что и сделали. Бенни отправился на свой первый бал, и это событие нервировало его настолько сильно, что он испытал облегчение, когда пожар на улице заставил танцующих срочно покинуть помещение. Затем были второй бал и третий, на которых он чувствовал себя довольным собой. Бенни написал деду, что теперь у него появились развлечения, рассказал об охоте на бабочек и выездах на сбор винограда и осмелел настолько, что даже намекнул на желательность увеличения своего денежного содержания, а также получения в подарок часов, «хороших золотых часов». Это было бы очень практично, уверял он деда, обещая тщательно ухаживать за ними.

Франклин ответил в том же духе, в каком отреагировал на просьбу Салли прислать ей кружева и перья. «Я не могу позволить себе дарить золотые часы детям, — писал он. — Ты не должен

выпрашивать у меня дорогие вещи, которые принесут тебе мало пользы». Он также пришел в ужас, когда молодой Джохоннот попросил, чтобы ему и Бенни было позволено вернуться в Париж. Это вызвало еще одно суровое предостережение, направленное Джохонноту, но предназначавшееся обоим мальчикам: «Для вас настало время вырабатывать мужественный и твердый характер»[486].

Это предписание следовало бы также адресовать и его другому внуку, Темплу, который отправился во Францию для продолжения образования, но не записался ни в один колледж и не прослушал ни одного учебного курса.

Работа Темпла в американской делегации была достаточно ответственной, но он тратил бóльшую часть своего свободного времени на охоту, прогулки верхом и вечеринки. Надеясь помочь ему устроиться в жизни, Франклин предложил женить своего шаловливого внука на Кунигунде, старшей дочери мадам Брийон.

В этом не было ничего неожиданного. Неутомимый, но никогда не добивающийся успеха сват, Франклин непрерывно пытался, обычно с ироничной полусерьезностью, женить своих детей и внуков на детях и внуках своих друзей. Однако на этот раз он говорил абсолютно серьезно, даже несколько жалобно. Его письмо с официальным предложением, неуклюже написанное на французском, не исправлявшимся его друзьями, содержало утверждение, что мадам Брийон была для него как дочь, и выражало надежду, что ее дочь займет в его сердце такое же место. Он сообщал, что Темпл, которого Брийоны называли Франклинетом, согласился с этим предложением, особенно после того, как Франклин пообещал «оставаться во Франции до конца своих дней», если этот брак состоится. После повторения желания иметь рядом с собой детей, чтобы «закрыть мои глаза, когда я умру», он перешел к восхвалению достоинств Темпла, «который лишен пороков» и «имеет то, что необходимо, чтобы со временем стать выдающимся человеком».

Прекрасно зная Темпла, Брийоны, возможно, не во всем согласились с такой оценкой. Они, безусловно, не собирались принимать такое предложение. Главный их аргумент заключался в том, что Темпл не был католиком. Это дало Франклину повод порассуждать, как он часто делал это прежде, о необходимости проявлять религиозную терпимость и о том, что все религии имеют в своей основе одни и те же базовые принципы. (Один из пяти принципов, названных им в этом письме, содержал часто высказывавшееся им религиозное кредо: «Наилучшее служение Богу состоит в том, чтобы делать добро человеку».)

В своем ответе мадам Брийон согласилась с тем, что «есть

только одна религия и одна мораль». Тем не менее они с мужем отказались одобрить предлагаемый брак. «Мы обязаны следовать обычаям нашей страны», — заявила она. Господин Брийон собирался покинуть пост генерального сборщика налогов и хотел бы иметь зятя, способного стать его преемником. «Эта должность является самым ценным нашим активом, — писала мадам Брийон, забыв, как часто жаловалась Франклину на судьбу, называя себя жертвой брака, заключенного по финансовым соображениям. — Здесь требуется человек, знающий законы и обычаи нашей страны, исповедующий нашу религию».

Франклин понимал, что возражения господина Брийона могут быть вызваны чем-то бóльшим, чем просто вероисповеданием Темпла. «Могли возникнуть и другие возражения, о которых он не сообщил мне, — писал Франклин мадам Брийон, — и я не должен создавать ему неприятностей». Темпл же имел в течение года ряд романов с женщинами высокого и низкого происхождения, включая одну французскую графиню и одну итальянку, пока наконец не влюбился, хотя и ненадолго, в младшую дочь Брийонов, которой было всего пятнадцать лет. На этот раз господин Брийон, по-видимому, был готов дать согласие на брак и даже предложил жениху должность и наследство, но непостоянный Темпл уже увлекся другими женщинами, в том числе и одной замужней дамой, которая в конце концов осчастливила третье поколение Франклинов внебрачным сыном[487].

Глава 15. Миротворец
(Париж, 1778–1785)

Полномочный посол

К лету 1778 года всем трем американским эмиссарам стало ясно, что выполнять миссию во Франции должен кто-то один. Троим не только трудно договариваться о единой политике, объяснял Франклин Конгрессу, но с некоторых пор стало невозможно работать под одной крышей. Даже их слуги ссорились. Кроме того, французы назначили в Америку полномочного посла, и протокол требовал, чтобы новая нация ответила назначением своего представителя того же ранга. Артур Ли выдвинул на этот пост сам себя и вместе со своими братьями стал тайно бороться за заветный приз. Джон Адамс заявил друзьям, что Франклин, несмотря на рабочие привычки и мягкость в отношении Франции, был бы лучшей кандидатурой. Франклин открыто не добивался должности, но в июле 1778 года настойчиво попросил Конгресс «разделить нас».

Французы лоббировали кандидатуру Франклина. Они дали понять, что предпочитают Франклина, и в сентябре Конгресс избрал его единственным полномочным послом. Голосование закончилось с результатом 12–1, причем против проголосовала Пенсильвания, где враги ставили под сомнение его преданность новой власти и указывали, что его внук Темпл является сыном заключенного в тюрьму губернатора-лоялиста[488].

Новость о назначении Франклина достигла Парижа лишь в феврале 1779 года: война и зима затрудняли плавание американских кораблей. Когда же она была официально объявлена, Артур Ли впал в мрачное настроение и отказался передавать дела преемнику. Что касается Адамса, то его биограф Дэвид Маккуллог сообщает: «Новое назначение в точности соответствовало тому, что рекомендовал сделать сам Адамс, и полученное известие заставило его почувствовать себя более несчастным, чем когда-либо прежде». Вскоре он покинул Париж, по крайней мере на время, чтобы вернуться в Массачусетс.

Франклин страдал от подагры и не смог немедленно представить свои новые верительные грамоты, но в конце марта нанес визит королю и его министрам. Помня об оскорбленных чувствах Адамса, Франклин старался поддерживать с ним сердечные отношения. Он отправил ему вежливое и веселое письмо, в котором описывал свои поездки в Версаль и жаловался, что «усталость оказалась чрезмерной для моих ног и сделала меня недееспособным почти на всю следующую неделю». В ответном письме Адамс изображал видимость сохранения дружеских отношений и даже выражал некое одобрение

глубокого уважения, которое Франклин оказывал французам. Правда, он тут же усомнился в целесообразности сравнения себя с ними. «Я чрезвычайно рад, что вы были приняты при дворе в новом качестве, — сообщал он, — и не сомневаюсь, что ваше мнение о доброй воле этого двора в отношении Соединенных Штатов является справедливым».

Однако хрупкое спокойствие Адамса было нарушено, когда Франклин и французы решили реквизировать корабль, который должен был доставить его домой, и передали его в состав флотилии, которую Джон Пол Джонс планировал использовать против британцев (о чем подробнее будет рассказано ниже). Прекрасно зная, что Адамс с нетерпением ждет отплытия в порту Нанта, Франклин чувствовал себя виноватым и даже убедил влиятельного военно-морского министра Антуана де Сартина написать Адамсу письмо с объяснением. Франклин обещал, что при первой возможности будет выделен другой корабль для доставки его домой и что ему будет предоставлена привилегия совершить это плавание с новым послом Франции в Соединенных Штатах.

Адамс притворился удовлетворенным: «Выполнение государственных дел не должно затрудняться ради предоставления удобств частному лицу, и честь путешествия с новым послом должна служить мне компенсацией за утрату перспективы быстрого возвращения домой». Демонстрируя слабый налет политического лицемерия, отсутствием которого он всегда славился, Адамс зашел настолько далеко, что даже попросил Франклина «сделать мне одолжение и передать мои комплименты мадам Брийон и мадам Гельвеций, к которым я испытываю глубокое уважение». Но чем дольше Адамс сидел на чемоданах в порту, тем более едким становился. После обеда с Джонсом он заявил, что капитан является человеком «эксцентричным и непоследовательным», и пришел в ярость от мысли, что Джонс и Франклин тайно сговорились задержать его возвращение домой. «Отдано распоряжение, чтобы я подвергался всякого рода унижениям, — писал он в дневнике. — Презирают меня эти люди или боятся?» Неизбежно Адамс начинал приписывать дурные намерения Франклину. Преисполненный необычайного самомнения, подозревал, будто Франклин задерживает его возвращение из страха перед тем, что могут быть раскрыты «опасные истины». «Боится ли старый фокусник моего голоса в Конгрессе? — вопрошал Адамс в дневнике. — Он имеет для этого основания, так как часто слышал его здесь — голос, вселяющий ужас в творцов зла».

Франклин не обращал внимания на мрачные подозрения

Адамса и продолжал оставаться сердечным с ним в своих письмах. «Я позабочусь о том, чтобы высказать ваше почтение милым дамам, о которых вы упоминали», — обещал он и даже согласился, правда, после трех настойчивых просьб Адамса, чтобы новый корабль направился сначала в Бостон, а не в Филадельфию, как было бы удобнее французскому послу. Но все бесполезно. Новые мрачные подозрения терзали разум Адамса. Именно они наложили отпечаток на его отношения с Франклином после возвращения Адамса в Европу в следующем году[489].

В то время как Адамс еле сдерживал свои эмоции, Артур Ли с братьями начали открытую войну с целью добиться возвращения Франклина в Америку. Ли распространил письмо, в котором обвинял Франклина, что тот «плетет мелкие заговоры» и «сеет раздоры», а также обращал внимание Конгресса на поток обличительных писем в адрес Франклина, которые они с Ральфом Айзардом написали в начале этого года.

Предупрежденный зятем Ричардом Бейчем об этих интригах, Франклин сумел парировать злобные нападки братьев Ли. «Моя слишком высокая репутация, — писал он, — глубоко огорчает несчастных джентльменов, причиной несчастья которых являются их характер и мучительные темные чувства ревности, раздражения, подозрения, зависти и злобы».

Гораздо сильнее Франклина задели сообщения Бейча о том, что Ли с союзниками нападают на Темпла: он любил своего внука слепо, как никого раньше. «Айзард, Ли и компания, — писал Бейч, — всячески муссируют то, что вашим личным секретарем является ваш внук, которого они считают не заслуживающим доверия из-за принципов, которых придерживается его отец». Затем он зловеще предупреждал: «Они замышляют добиться его возвращения». В отдельном послании Салли Бейч по секрету сообщала, что ее муж боится информировать Франклина о развязанной против Темпла кампании, понимая, как это его огорчит. Франклин действительно огорчился. «Мне кажется, скорее мне можно поставить в заслугу, что я не допустил превращения достойного молодого человека в тори», — написал он Ричарду Бейчу. Затем дал волю гневу при мысли о том, что Темпл может быть отозван:

> Им недостаточно того, что я потерял сына, они хотят отнять и внука! Будучи семидесятилетним стариком, я осуществил зимнее плавание по поручению Конгресса и по делам государственной службы, не имея другого помощника, который бы позаботился обо мне. Я

> продолжаю пребывать в чужой стране, где в случае моей болезни его забота утешила бы меня, а в случае смерти рядом со мной был бы мой отпрыск, который закрыл бы мои глаза и позаботился о моих бренных останках.

В письме Салли, отправленном в те же дни, он вновь высказывал эти чувства и повторял: бессердечные попытки разлучить его с Темплом тщетны. «Я скорее расстанусь с должностью, чем со своим отпрыском, — угрожал он. — Но я уверен, что какие бы предложения ни выдвигали слабовольные или порочные люди, Конгресс окажется достаточно мудрым и доброжелательным, чтобы не обойтись со мной таким образом». Конгресс действительно встал на его сторону. Не было предпринято никаких серьезных усилий для смещения Темпла, который сохранил свою должность секретаря американской делегации[490].

Темплу на тот момент было около девятнадцати, и он по-прежнему оставался проказливым юношей, который старательно работал, но пользовался глубоким уважением немногих людей, помимо своего деда. Так как летом 1779 года споры вокруг его фигуры обострились, он решил доказать свою храбрость участием в дерзкой военной экспедиции Лафайета, задумывавшейся с целью неожиданного нападения на англичан.

Французский генерал, который был меньше чем на три года старше Темпла, недавно вернулся во Францию после службы под началом Джорджа Вашингтона. К тому времени революция достигла состояния неустойчивого равновесия, при котором британские войска под командованием сэра Генри Клинтона по-прежнему удерживали Нью-Йорк, но мало чем занимались, кроме совершения набегов на близлежащие города. Поэтому Лафайет после возвращения в Париж начал вынашивать свой план нападения на британцев на их главном острове и поделился им с Франклином и французскими военными. «Я восхищаюсь неутомимостью вашего гения, — писал Франклин. — Безусловно, побережье Англии и Шотландии совершенно открыто и беззащитно», — и признавал также, что недостаточно разбирается в военной стратегии, чтобы «осмеливаться давать советы в этой области». Но он мог высказать свою моральную поддержку. «Многие моменты истории доказывают, что во время войны попытки, считающиеся невозможными, часто именно по этой причине оказываются возможными и осуществимыми, потому что никто их не ожидает».

Лафайет очень хотел, чтобы Темпл был на его стороне. «Мы всегда будем вместе на протяжении всей кампании, что, как я

уверен, доставит мне огромное удовольствие», — писал он молодому человеку. Сам же Темпл, который всегда слыл денди, очень беспокоился о своем звании, своем служебном положении, своих полномочиях и своей военной форме. Он хотел, чтобы его направили в эту экспедицию как офицера, а не как простого добровольца, и настаивал на праве носить офицерские эполеты, хотя Лафайет не поддерживал этого. После того как эти вопросы уладились, экспедиция в Британию была отменена приказом французских военных властей. Франклин не скрывал разочарования. «Я тешил себя надеждой, — писал он Лафайету, — что он, возможно, переймет от вас часть тех очаровательных манер, которые доставляют такое удовольствие всем, кто вас знает». И вновь Темпл лишился возможности сделать себе имя своими силами[491].

Джон Пол Джонс

Одна из частей плана вторжения в Британию действительно была реализована, благодаря чему Франклин смог познакомиться с некой исключительно колоритной личностью. Когда Лафайет планировал свою кампанию, Франклин сказал ему, что многое будет зависеть от осмотрительного и смелого командующего морскими силами, хорошо знающего побережье. Однако они остановились на кандидатуре командующего, который, как уже знал Франклин, был в большей степени смелым, чем осмотрительным, — Джона Пола Джонса. Сын шотландского землемера, Джон Пол (таким было его имя при рождении) впервые отправился в плавание в возрасте тринадцати лет, служил первым помощником капитана на судне, перевозившем рабов, и вскоре стал командовать собственным торговым кораблем. Но горячий капитан, на протяжении всей своей карьеры склонный к провоцированию мятежей, попал в беду после двух неприятных событий: сначала ошибочно приказал выпороть ни в чем не повинного члена экипажа, который вскоре после этого скончался, а затем сам проткнул шпагой матроса, угрожавшего бунтом. В итоге капитан бежал в Виргинию, поменял фамилию на Джонс и с началом революции получил должность командующего пестрым военно-морским флотом Америки, который состоял из кораблей, принадлежавших ранее пиратам и иным искателям приключений. К 1778 году он приобрел известность благодаря смелым набегам на города, расположенные на побережье Англии и Шотландии.

Во время очередного рейда Джонс решил похитить одного шотландского графа, но тот неожиданно отплыл в сторону Бата, так что команде Джонса не оставалось ничего другого, как убедить графиню отказаться от фамильного серебра. В припадке благородства Джонс решил выкупить награбленное добро у своей команды, чтобы вернуть его хозяевам, и написал цветистое письмо графу с изложением своего намерения, а копии разослал своим друзьям, в том числе Франклину, который к тому времени принял на себя трудную роль американского надзирателя за деятельностью Джонса и одновременно хозяина его случайного пристанища в Пасси. Франклин пытался помочь Джонсу разрешить эту проблему, но его усилия привели к долгому обмену письмами с оскорбленным графом и его расстроенной женой. Вернуть серебро удалось только после окончания войны.

Франклин решил, что импульсивный капитан принесет больше пользы и меньше вреда, если сделает целью своих рейдов

острова в Ла-Манше. «Каперы с острова Джерси причиняют нам большой ущерб, — писал он Джонсу в мае 1778 года. — Мне сообщили, что ваше небольшое судно под командованием такого смелого офицера может оказать нам большую услугу, преследуя их там, где не осмелятся более крупные корабли». Он добавлял также, что это предложение исходит от «высоких властей», имея в виду военно-морского министра Франции Антуана Сартина[492].

Джонс, которым не так-то легко было управлять, ответил, что его корабль «Рейнджер» слишком «прихотлив и тихоходен» и что требуется обещание большого вознаграждения, чтобы убедить его команду предпринять еще несколько рейдов. Но он знал, как польстить Франклину: направил ему копии своих судовых журналов с записями о сражениях, которые Франклин с жадностью прочитал. В итоге без согласия своих коллег-эмиссаров и властей Франции Франклин решил, что Джонсу следует доверить командование кораблем, построенным для американцев в Амстердаме. Увы, нервные голландцы, всячески стремившиеся сохранять нейтралитет, отвергли этот план, в том числе и потому, что англичане, предупрежденные их агентом Бэнкрофтом, начали оказывать на них давление.

В феврале 1779 года Франклин наконец-то смог помочь Джонсу получить старый сорокапушечный военный корабль «Дюра», который Джонс быстро переименовал в «Боном Ришар» в честь своего патрона. Джонс был настолько воодушевлен, что в том же месяце нанес визит в Пасси, чтобы поблагодарить Франклина и его лендлорда Шомона, помогавшего снабжать Джонса деньгами и формой для моряков.

Для этого визита, возможно, имелась и другая причина. У Джонса, по-видимому, был тайный роман с мадам Шомон[493]. Во время его пребывания в Пасси произошел инцидент, который, как выяснилось в последующих письмах, напоминал французский фарс. Одна морщинистая старуха, жена садовника Шомонов, утверждала, что Джонс пытался ее изнасиловать. Франклин в постскриптуме к своему следующему письму сделал краткий намек на этот пикантный инцидент, и Джонс ошибочно решил, что «тайна, о которой вы так деликатно упомянули», имеет отношение к эпизоду с убийством мятежного члена команды его корабля. Поэтому он предоставил длинный отчет об этом давнем деле. Франклин, которого подробная история о пронзенном шпагой мятежнике одновременно смутила и увлекла, ответил, что никогда не слышал ее прежде, и пояснил, что «тайна», на которую он намекал, имела отношение к заявлению жены садовника о попытке Джона изнасиловать ее в саду приблизительно «в семь часов вечера накануне своего отъезда».

Женщина пересказала испытанный ею ужас во всех деталях, «многие из которых я не могу описать на бумаге», и сообщила, что три ее сына «намерены убить вас». Но Джонсу не следует беспокоиться: в Пасси все нашли эту историю очень забавной. «Она вызвала смех», сообщал Франклин, так как старуха была «одной из самых толстых, вульгарных, грязных и безобразных, которых только можно найти среди тысячи старых женщин». Мадам Шомон, чье знакомство с сексуальными аппетитами Джонса не помешало ей продемонстрировать французскую беззаботность, заявила, что это «дает ей хорошее представление о силе аппетита и о смелости американцев». Все сошлись на мысли, как уверял Джонса Франклин, что старуха обозналась. Просто во время празднования последнего дня Масленицы одна из горничных переоделась в военный мундир Джонса и в шутку напала на жену садовника. Кажется невероятным, что жена садовника даже в тусклом свете раннего вечера могла быть так легко одурачена — сам Бомарше не пытался ввести такую сцену с переодеванием в «Женитьбу Фигаро», — но объяснение было вполне удовлетворительным, чтобы об этом событии больше не упоминалось в последующих письмах[494].

Все это происходило именно тогда, когда Франклин помогал планировать тайное нападение на Британию, предложенное Джонсом и Лафайетом, которые вместе приехали в Пасси и часами занимались там внимательной оценкой друг друга под пристальным наблюдением Франклина. Оба офицера были горды и вскоре начали соперничать в важных и второстепенных вопросах — начиная с того, кто будет руководить различными аспектами операции вторжения, и заканчивая тем, будут ли их люди обедать за одним столом. Франклин приложил все свое дипломатическое искусство, чтобы попытаться успокоить Джонса. «Неоднократно наблюдалось, что совместные экспедиции сухопутных и морских сил часто терпят неудачу из-за ревности и плохого взаимопонимания между офицерами разных родов войск», — отмечал он. Затем, говоря почти противоположное тому, что в действительности ощущал, он добавлял: «Хорошо зная вас и вашу манеру обдумывать такие события, я выражаю уверенность, что между вами не может произойти ничего подобного». Франклин ясно дал понять, что у него вызывал вполне понятное беспокойство характер Джонса. Требовалось «хладнокровное, осторожное поведение», предупреждал он. Джонс должен помнить, что Лафайет высокопоставленный офицер и что совместная операция станет «своего рода испытанием ваших способностей и совместимости ваших характеров и вашей предрасположенности к согласованным

взаимодействиям друг с другом».

В инструкциях, предназначенных Джонсу, Франклин еще отчетливее приказывал ему проявлять сдержанность, особенно с учетом предыдущего похищения его командой фамильного серебра шотландского графа. «Хотя англичане беспричинно сожгли много беззащитных городов в Америке, вы не должны следовать их примеру, если только требование разумной суммы выкупа не отвергается, и в этом случае ваши собственные благородные чувства, а также эти инструкции побудят вас своевременно уведомить о вашем намерении с тем, чтобы больные и старые люди, женщины и дети могли быть эвакуированы в первую очередь». На что Джонс отвечал: «Ваши либеральные и великодушные инструкции сделают труса храбрецом»[495].

Когда от участия Лафайета в этой военной экспедиции было решено отказаться, Франклин и французы пришли к единодушному мнению, что Джонсу следует продолжать военно-морские атаки, одну из которых он и предпринял в сентябре 1779 года. Результатом стало легендарное сражение между «Боном Ришаром» и гораздо лучше вооруженным британским кораблем «Серапис». Когда командир «Сераписа» после интенсивной бомбардировки противника предложил ему сдаться, Джонс, по крайней мере согласно легенде, ответил: «Я еще не начинал стрелять!» Как сообщал Джонс в своем ярком и подробном отчете Франклину: «Я решительно дал ему негативный ответ».

Джонс сумел намертво сцепить «Боном Ришар» с «Сераписом», и его люди стали карабкаться на мачты, чтобы бросать оттуда гранаты в трюм корабля противника. После трехчасового сражения, во время которого половина из трехсот его моряков были убиты или ранены, Джонс сумел взять «Серапис». После этого «Боном Ришар» затонул. «Сцена была настолько ужасной, что ее невозможно описать человеческим языком, — сообщал он Франклину. — Человечество может лишь ужасаться и стенать по поводу того, что война способна вызывать столь губительные последствия». Франклин испытывал гордость за успех Джонса, и они стали еще более близкими друзьями. «В Париже и Версале только и говорили о вашем хладнокровии и стойкости во время этого ужасного сражения», — отвечал он. Франклин помог Джонсу, который отчаянно стремился завоевать уважение в обществе, вступить в масонскую ложу «Девять сестер» и сопровождал его во время триумфального визита к королю в Версаль. Франклин даже оказался втянут в долгие и острые споры с непокорным Пьером Ланде, командиром «Альянса», который, как предполагалось, должен был входить во флотилию Джонса.

Ланде не сумел прийти на помощь во время сражения с «Сераписом» и фактически вел огонь по «Боном Ришару». В течение следующих двух лет Франклин и Джонс боролись с Ланде, поддерживаемым Артуром Ли, за должность командира «Альянса». Когда Ланде все-таки получил под командование этот корабль и вышел в море, измученный борьбой Франклин решил: лучше, если его друзья сами будут решать свои проблемы. Во Франции у него было много других дел[496].

Друг двора

Отсутствие Джона Адамса в Париже, столь приятное и для Франклина, и для французского двора, оказалось недолгим. Он уехал еще более угрюмым, чем обычно, после того как Франклин стал единственным послом Америки во Франции, но спустя несколько месяцев по решению Конгресса вновь отправился в Париж. Его новая официальная миссия заключалась в переговорах о мире с Британией — как только наступит благоприятный момент. Но так как момент все не наступал, Адамс довольствовался тем, что вмешивался в должностные обязанности Франклина.

Это раздражало французского министра иностранных дел Вержена. Когда Адамс сразу по прибытии в феврале 1780 года предложил открыто объявить о своих полномочиях вести переговоры с британцами, Вержен напомнил об обещании американцев не предпринимать подобных действий независимо от Франции. Адамс не должен ничего говорить, а тем более делать. «Прежде всего, — строго наставлял его Вержен, — примите необходимые меры предосторожности, чтобы цель вашей миссии оставалась неизвестной лондонскому двору»[497].

Франклин также испытывал раздражение. Возвращение Адамса могло стать помехой укреплению отношений с французским двором и напоминало о том, как фракции Адамса и семейства Ли в Конгрессе пытались бросить на него тень. Пребывая в задумчивости, он написал письмо Вашингтону, в котором высказывал безоговорочную уверенность в незыблемости репутации генерала, но выражал озабоченность собственной. «Скоро я должен буду уйти со сцены», — писал Франклин в необычной для него интроспективной манере, имея в виду не пост во Франции, но жизнь в этом мире. Незыблемая репутация Вашингтона во Франции, продолжал он, не страдает от попыток соотечественников, обуреваемых завистью и ревностью, «бросить тень на заслуги человека при его жизни». Ясно, что он пытался уверить не только Вашингтона, но и самого себя в том, что история проигнорирует «тонкий голос низменных страстей»[498].

Если говорить конкретнее, то Франклин пытался объяснить себе и своим друзьям (а также истории), почему Адамс, а не он был выбран для ведения переговоров о возможном мире с Британией. Сразу по прибытии Адамса Франклин написал письмо старому другу, члену парламента Дэвиду Хартли, с которым ранее обсуждал вопросы обмена пленными и возможности заключения мира. Хартли предложил десятилетнее перемирие

между Британией и Америкой. Франклин отвечал, что, по его «личному мнению», такое перемирие имело бы смысл, но также отмечал: «Ни вы, ни я не обладаем в настоящее время властными полномочиями» для ведения переговоров по таким вопросам[499].

Теперь такими полномочиями был наделен Адамс, и Франклин высказал мнение по поводу выбора, сделанного Конгрессом. «Следовательно, если Конгресс доверил не мне, а другим вести переговоры о мире, когда они должны будут начаться, то это, возможно, потому, что он слышал мое очень своеобразное мнение, согласно которому едва ли когда-то существовали такие вещи, как плохой мир или хорошая война, и что меня, следовательно, легко было бы побудить пойти на ненадлежащие уступки»[500].

Франклин действительно часто говорил, что плохого мира или хорошей войны не существует, и повторял это десяткам друзей после окончания революции. Иногда это утверждение использовалось как антивоенный лозунг и цитировалось, чтобы представить Франклина одним из самых выдающихся пацифистов в истории. Но здесь все не так просто. На протяжении жизни Франклин неоднократно поддерживал войны, когда считал их оправданными; он помогал формировать народное ополчение в Филадельфии и занимался сбором средств для военных действий против французов и индейцев. Хотя первоначально и прилагал усилия для недопущения революции, он стал ее прочным приверженцем после того, как решил, что независимость Америки неизбежна. Слова из письма адресованы как Хартли, так и истории. Он хотел объяснить, почему не был выбран в качестве представителя для ведения переговоров о мире. Возможно, еще более интригующим казалось его желание дать своим британским друзьям знать, что если бы переговоры начались, то он мог бы обеспечить для них лучший канал, чем Адамс[501].

В то же время Франклин был горячо предан союзу с Францией, сильнее, чем большинство его американских коллег. Это стало причиной серьезной публичной размолвки с Адамсом, произошедшей после его возвращения во Францию в начале 1780 года. В прежние годы напряженность между ними основывалась в большей мере на различиях в характере и стиле, но теперь была вызвана фундаментальными политическими разногласиями по поводу того, должна ли Америка проявлять к Франции благодарность, лояльность и преданность.

В первые дни революции оба разделяли взгляды, основанные на концепциях своего рода изоляционизма или исключительности Америки. С тех пор эти взгляды проходили красной нитью через всю американскую историю: Соединенные Штаты никогда не

должны выступать в роли просителя в поисках поддержки со стороны других стран и обязаны проявлять осторожность при вступлении в запутанные международные альянсы. Даже после начала своего романа с Францией в 1777 году Франклин вновь заявил о приверженности этому принципу: «Я никогда не менял своего мнения, высказанного в Конгрессе: новорожденное государство должно сохранять чистоту и не напрашиваться в союзники к другим государствам», — уверял он Артура Ли. Во время переговоров о заключении союза с Францией он успешно сопротивлялся попыткам добиться от него уступок в предоставлении монополии в торговле с Америкой.

Однако после подписания договора с Францией в 1778 году Франклин стал прочным приверженцем демонстрации благодарности и лояльности этой стране. По словам историка дипломатии Джеральда Стоуржа, он «превозносил великодушие и щедрость Франции в терминах, которые временами выглядели почти смешными». Верность Америки Франции, на взгляд Франклина, основывалась как на идеализме, так и на реализме, и он описывал ее скорее в терминах морали, чем холодных расчетов коммерческих выгод и европейского баланса власти. «Это действительно великодушная нация, любящая славу и защищавшая угнетенных, — так отзывался он о Франции в своем письме Конгрессу. — Сказать им, что их *коммерция* выиграет в результате наших успехов и что в их *интересах* помочь нам, по-видимому, то же самое, что сказать „помогите нам, и мы не будем обязаны вам“. Такой неблагоразумный и неподходящий язык использовался иногда некоторыми из наших граждан и не приносил хороших результатов»[502].

В то же время Адамс был гораздо более трезвым реалистом. Он чувствовал, что Франция поддерживает Америку, руководствуясь национальными интересами — ослабить Британию и установить новые выгодные торговые отношения, — и ни одна сторона не должна высказывать другой какую-либо моральную благодарность.

Франция, как предсказывал Адамс, будет помогать Америке только до определенного момента; ей нужно, чтобы новая нация порвала с Британией, но не стала настолько сильной, чтобы не нуждаться в поддержке Франции. Адамс полагал, что Франклин проявлял слишком много раболепства перед двором, и после своего возвращения в 1780 году он усиленно продвигал свою точку зрения. «Мы должны быть осторожными, — писал Адамс Конгрессу в апреле, — в отношении того, как мы превозносим наши представления и приукрашиваем наши утверждения о щедрости и великодушии любой из держав».

Неудивительно, что Вержен хотел иметь дело только с Франклином и в конце июля 1780 года направил Адамсу довольно резкое письмо, посвященное самым разным темам — от ревальвации американской валюты и до развертывания сил французского военного флота, — которые он счел уместным затронуть в этом язвительном послании, являвшемся одновременно и дипломатическим, и недипломатическим. От имени двора Людовика XVI он заявил: «Король не испытывает потребности в удовлетворении ваших настойчивых просьб обратить его внимание на интересы Соединенных Штатов». Другими словами, Франция больше не желала иметь дело с Адамсом[503].

Вержен информировал Франклина об этом решении и направил ему копии раздраженных писем Адамса, дополнив их просьбой, чтобы Франклин «целиком предоставил их Конгрессу». В своем ответе Франклин, хотя это и было небезопасно, проявил чрезвычайную откровенность с Верженом, признавшись, что разочарован Адамсом. «Лишь его собственное неблагоразумие, а никоим образом не полученные им инструкции послужили причиной справедливого неудовольствия, — продолжал Франклин, отчетливо дистанцируясь от действий Адамса. — Он никогда не говорил мне о своих делах в Европе больше того, что я сам читал в газетах, — признавался Вержену Франклин. — Мы поддерживаем с ним вежливые, но не близкие отношения». В заключение он обещал отослать Конгрессу письма Адамса, которые предоставил ему Вержен.

Хотя Франклин мог и, возможно, должен был отправить эти письма без комментариев, он воспользовался возможностью, чтобы написать («с неохотой») собственное письмо конгрессу с подробным изложением разногласий с Адамсом. Их спор возник отчасти из-за различия в стиле дипломатии. Адамс верил в необходимость недвусмысленного выражения американских интересов, в то время как Франклин предпочитал использовать уговоры и дипломатический шарм:

> Мистер Адамс… полагает, как говорит сам, что Америка была слишком щедрой в выражениях благодарности Франции, которая более обязана нам, чем мы ей, и что мы должны показать моральную силу. Я опасаюсь, что он ошибается в выборе позиции и что к этому двору следует относиться любезно и деликатно. Король, молодой и добродетельный правитель, получает, как я убедился, удовольствие от размышлений о великодушной щедрости усилий по оказанию помощи

угнетенным и представляет это как часть славы правления. Думаю, что было бы правильно усиливать это удовольствие нашими выражениями признательности и что выражения благодарности не только являются нашим долгом, но и служат нашим интересам[504].

Так как британцы еще не были готовы, а французы больше не хотели иметь с ним дело, Адамс вновь покинул Париж, испытывая сильное раздражение. А Франклин снова попытался сделать так, чтобы их разногласия не приобрели личного характера. Он написал Адамсу в Голландию, куда тот направился, чтобы попытаться получить кредит для Америки, и выразил сочувствие по поводу трудностей задачи. «Я долгое время испытывал унижение, — признавался он, — при мысли о необходимости ездить от двора к двору с просьбами о деньгах и с предложениями дружбы». А в следующем письме, жалуясь, как долго Франция отвечает на его просьбы, Франклин сдержанно признавался Адамсу: «Я обладаю двумя христианскими добродетелями — верой и надеждой. Но моя вера — это только вера, о которой говорит апостол: в существование невидимого». Если их совместные предприятия потерпят неудачу, добавлял он, «я готов отойти от дел, бежать или пойти с вами в тюрьму — как угодно Богу»[505].

К концу 1780 года Америка отчаянно нуждалась в деньгах. В начале года командующий британскими войсками сэр Генри Клинтон отплыл из Нью-Йорка в южном направлении вместе с заместителем генералом Корнуоллисом для подготовки нападения на город Чарльстон (Южная Каролина). Оно произошло в мае следующего года, и после того как Клинтон вернулся в Нью-Йорк, Корнуоллис расположил там штаб британских войск. Тем же летом оказавшийся в трудной ситуации генерал Бенедикт Арнольд перешел на сторону противника, причем сделал это так, что его имя стало синонимом предательства. «В нашем нынешнем положении, — писал Вашингтон Франклину в октябре 1780 года, — нам необходимо одно из двух: мир или как можно более энергичная помощь союзников, в особенности финансовая».

Обращаясь к Вержену в феврале 1781 года, Франклин прибегал к любым уловкам — прежде всего личным просьбам, дополненным рассуждениями об идеалах и национальных интересах. «Я стар, — говорил он, добавляя, что болезнь делает возможной его скорую отставку. — Нынешнее стечение обстоятельств является критическим». Если в ближайшее время не поступят дополнительные деньги, то Конгресс может потерять

влияние. Новое правительство окажется мертворожденным, и Англия восстановит контроль над Америкой. А это, предупреждал он, изменит баланс сил таким образом, что «позволит им стать Ужасом Европы и безнаказанно вести себя с наглостью, которая свойственна их нации»[506].

Его просьба была дерзкой: двадцать пять миллионов ливров. В конце концов Франция согласилась предоставить шесть миллионов, что оказалось большой победой Франклина и достаточной суммой, чтобы надежды американцев продолжали жить.

Однако Франклин испытывал уныние. Его враги после возвращения домой стали действовать с прежней мстительностью. «Политическое спасение Америки зависит от отзыва доктора Франклина», — писал Ральф Айзард Ричарду Ли. Даже Вержен высказал определенные сомнения, которые дошли до сведения Конгресса. «Хотя я глубоко уважаю господина Франклина, — писал он своему послу в Филадельфии, — тем не менее обязан признать, что его возраст и любовь к спокойствию порождают в нем апатию, несовместимую с выполнением порученных ему дел». Айзард поставил на голосование требование об отзыве Франклина, поддержанное фракцией Ли и Адамса. Хотя Франклин сохранил пост, Конгресс все же решил направить специального эмиссара, которому предстояло принять на себя заботы о проведении будущих финансовых транзакций.

Итак, в марте, после получения от Франции обещаний предоставления нового кредита, Франклин заявил о своей готовности уйти в отставку. «Я перешагнул семидесятипятилетний рубеж», — писал он, добавляя затем, что страдает от подагры и общей слабости. «Не думаю, что мои умственные способности ухудшились, но, возможно, буду последним, кто это обнаружит». Отдав общественной деятельности пятьдесят лет, он приобрел «славу, достаточную для удовлетворения любых разумных амбиций», и у него «не осталось никакого другого желания, кроме желания уйти на покой, которое, как я надеюсь, Конгресс удовлетворит».

Он включил одну личную просьбу о том, чтобы члены Конгресса подыскали работу для его внука Темпла, который отказался от возможности изучать право ради того, чтобы служить своей стране в Париже. «Если они сочтут подходящим использовать его в качестве секретаря посла при любом европейском дворе, то я убежден, что будут иметь основания быть довольными его поведением, и я с благодарностью восприму его назначение как любезность, оказанную лично мне»[507].

Специальный уполномоченный по мирным переговорам

Конгресс отклонил прошение Франклина об отставке. Напротив — приятный сюрприз! — он получил дополнительную роль одного из пяти специальных уполномоченных по мирным переговорам с Британией в случае окончания войны. Другими специальными уполномоченными стали Джон Адамс (первоначально единственный уполномоченный; в тот момент он находился в Голландии), Томас Джефферсон (вновь отказавшийся от заморского назначения по личным обстоятельствам), плантатор и коммерсант из Южной Каролины Генри Лоуренс (взятый во время плавания в плен британцами и заключенный в лондонский Тауэр) и нью-йоркский адвокат Джон Джей. Кандидатура Франклина вызвала много споров и была утверждена отчасти под давлением Вержена. Несмотря на сомнения в энергичности Франклина, французский министр инструктировал своего посла в Филадельфии лоббировать его кандидатуру и информировать Конгресс, что его поведение «является столь же ревностным и патриотичным, сколь мудрым и осмотрительным». Вержен также просил Конгресс обязать новую делегацию не предпринимать никаких шагов без одобрения Франции. Конгресс согласился и дал своим специальным уполномоченным строгую инструкцию «поддерживать по всем вопросам самые честные и доверительные контакты с министрами нашего великодушного союзника, короля Франции, и не предпринимать во время переговоров о мире или перемирии никаких действий, не поставив их в известность и не получив их согласия»[508].

Адамс пришел в ужас от такой зависимости и назвал полученные инструкции «позорными». Джей с ним согласился, заявив: «Отдавая себя в руки короля Франции», Америка не «сможет ни проводить в жизнь свои интересы, ни укреплять свой статус». В то же время Франклин был доволен инструкциями о необходимости следовать указаниям Франции. «Я столько раз был свидетелем проявления доброты Его Величества по отношению к нам, — писал он Конгрессу, — и искренности его честного и способного министра [Вержена], что не сомневаюсь: доверие будет использоваться разумно и иметь счастливые последствия»[509].

Его также ободрил и личный триумф. Вопреки возражениям даже таких друзей, как Сайлес Дин, он смог добиться назначения

Темпла секретарем новой делегации. Почетность его нового назначения и отказ в отставке помогли ему почувствовать себя моложе своих лет. «Я называю эту преемственность высокой честью, — писал он другу, — и действительно считаю его более высоким, чем первое назначение, когда считал, что всех усилий моих врагов… недостаточно, чтобы помешать ему состояться».

Он даже написал еще одно дружеское письмо Адамсу, чья ведущая роль в переговорах с Британией была ослаблена в результате назначения новой делегации. Их совместное назначение, доказывал Франклин Адамсу, большая честь, но одновременно он жаловался, что их, вероятно, будут критиковать за все, чего бы они ни достигли. «Я никогда не слышал о мире, заключенном даже на самых благоприятных условиях, который не порицали бы как недостаточно выгодный, — писал он. — „Блаженны миротворцы“ — это выражение, полагаю, следует понимать как имеющее отношение к тому свету, так как на этом свете их часто проклинают»[510].

Как мастер налаживать отношения между властью и дипломатией, Франклин знал: невозможно выиграть за столом переговоров то, что не выиграно на поле боя. Он сумел договориться о союзе с Францией только после того, как американцы одержали победу в битве под Саратогой в 1777 году, и смог бы договориться о приемлемом мире с Британией только после того, как Америка и ее союзница Франция одержали бы даже еще более крупную победу.

Эта проблема разрешилась в октябре 1781 года. Британский генерал лорд Корнуоллис двинулся маршем на север от Чарльстона, стремясь вступить в бой с силами генерала Вашингтона, и занял их позиции в Йорктауне, Виргиния. Поддержка французов сыграла решающую роль. Лафайет выступил против южного фланга Корнуоллиса, чтобы отрезать ему путь к отступлению, французский флот вошел в Чесапикский залив, чтобы помешать противнику спастись морем, французская артиллерия прибыла из Род-Айленда, а девять тысяч французских солдат присоединились к двенадцати тысячам американских солдат под командованием генерала Вашингтона. Две колонны по четыре сотни человек в каждой, одна французская, а другая американская, начали совместную атаку и бомбардировку позиций неприятеля, которая продолжалась день и ночь с такой интенсивностью, что когда Корнуоллис 17 октября направил из своего лагеря барабанщика, чтобы подать сигнал о готовности сдаться, французы и американцы не сразу его заметили. Прошло четыре года после битвы под Саратогой и шесть с половиной лет после сражений при Лексингтоне и Конкорде. Девятнадцатого

ноября сообщение о триумфе союзников под Йорктауном было доставлено Вержену, который направил ноту Франклину, а тот размножил ее на своем типографском станке в Пасси и утром следующего дня разослал друзьям.

Хотя казалось, что война успешно завершена, Франклин проявлял осторожность. Вплоть до отставки нынешнего кабинета министров сохранялась вероятность, что Британия возобновит боевые действия. «Я помню, что когда мальчишками мы боксировали один на один, нам разрешалось даже после того как противник заявлял, что с него довольно, наносить завершающий удар, — писал он Роберту Моррису, американскому министру финансов. — Давайте держать порох сухим»[511].

Правительство лорда Норта пало в марте 1782 года, и ему на смену пришел кабинет министров, возглавляемый лордом Рокингемом. Теперь переговоры о мире между Америкой и Британией стали возможны. Так случилось, что Франклин оказался единственным из пяти американских специальных уполномоченных, находившихся в тот момент в Париже. Таким образом, в течение нескольких следующих месяцев, вплоть до прибытия сначала Джея, а затем и Адамса, он вел переговоры в одиночку. При этом столкнулся с двумя усложняющими ситуацию факторами:

• Америка дала обещание координировать дипломатические отношения с Францией и ее союзниками и самостоятельно не вести переговоров с Лондоном. Но британцы требовали прямых переговоров, которые привели бы к заключению сепаратного мира с Америкой. Сначала Франклин для отвода глаз настаивал на согласованных с Францией действиях. Но за сценой он договаривался о сепаратных, прямых мирных переговорах с Британией.

• В правительстве Рокингема работали два соперничавших министра: министр иностранных дел Чарльз Фокс и министр по делам колоний лорд Шелберн. Каждый направил на переговоры в Париж своих представителей. Франклину приходилось маневрировать, чтобы добиться предоставления полномочий на ведение переговоров с американцами эмиссару Шелберна (его он находил более симпатичным и уступчивым).

Начало переговоров

«Великие дела часто рождаются из незначительных обстоятельств», — записал Франклин в дневнике, который начал вести одновременно с началом переговоров в 1782 году. В этом случае имелась в виду случайная встреча его старой симпатии мадам Брийон и англичанина по имени лорд Чолмонделей, который был другом Шелберна. Мадам Брийон направила Чолмонделея с визитом к Франклину в Пасси, и через него Франклин передал свои слова глубокого уважения новому министру по делам колоний. Франклин знал Шелберна и с симпатией относился к нему по крайней мере с 1766 года, когда лоббировал выделение ему земельного участка на Западе и время от времени заезжал с визитами в его огромное поместье в Уиотшире. Мадам Гельвеций также сыграла здесь небольшую роль: Шелберн недавно направил ей несколько кустов крыжовника, и Франклин учтиво сообщил, что они прибыли в «превосходном состоянии»[512].

В ответ Шелберн направил к Франклину для начала переговоров Ричарда Освальда, одноглазого лондонского экс-коммерсанта и экс-работорговца, жившего когда-то в Америке. Освальд прибыл 15 апреля и немедленно попытался убедить Франклина, что Америка могла бы добиться более быстрого и более выгодного для себя результата, если бы вела переговоры отдельно от Франции. Но Франклин не был еще к этому готов. «Я дал ему знать, — писал он, — что Америка не пойдет на соглашение иначе как совместно с Францией». Вместо этого на следующий день он взял Освальда в Версаль на встречу с Верженом, который предложил провести в Париже мирную конференцию для всех воюющих сторон[513].

На обратном пути из Версаля Освальд снова приводил доводы в пользу сепаратного мира. Как только вопрос о независимости Америки будет решен посредством переговоров, утверждал он, его не надо будет больше поднимать на международном уровне, в то время как другие вопросы, касающиеся только Франции и Испании (в том числе о владении Гибралтаром), могли бы продолжать обсуждаться и далее. Он даже высказал скрытую угрозу: если Франция окажется вовлеченной в переговоры и станет выдвигать слишком много требований, Англия продолжит войну и будет финансировать ее за счет приостановки платежей по своему государственному долгу.

Вопрос о независимости, указал Франклин, был решен еще в

1776 году. Британия должна просто признать независимость Америки, а не предлагать обсуждать ее. Что касается прекращения платежей по государственному долгу ради возобновления военных действий, то тут Франклин воздержался от ответа. «Я не хотел удерживать их от прекращения платежей, поскольку считал его равнозначным прекращению финансирования их правительства, — писал он в своем дневнике. — Такие угрозы не могли остановить меня, так как я хорошо помню старую поговорку: *те, кто угрожают, сами напуганы*».

Вместо этого Франклин предложил, чтобы Британия подумала о выплате репараций Америке, особенно тем ее гражданам, которые пострадали от жестоких действий отрядов индейцев, завербованных англичанами. «Ничто не могло бы в большей степени способствовать примирению», — утверждал он, а кроме того, это привело бы к возобновлению торговли, в чем так заинтересована Британия.

Он даже выдвинул предложение об особом виде репараций: Британия должна отказаться от контроля над Канадой. Ведь деньги, которые могла бы получать Британия от пушной торговли, составляли бы лишь малую долю той суммы, которую пришлось бы затрачивать на защиту огромной канадской территории. Эти деньги также были бы намного меньше тех, которые Британия могла бы заработать благодаря возобновлению торговли с Америкой. К тому же деньги, которые Америка могла бы выручить от продажи новых земель в Канаде, могли бы использоваться на выплату компенсаций тем патриотам, чьи дома были разрушены британскими войсками, а также сохранившим верность британской короне лоялистам, чье имущество было конфисковано американцами.

За спиной Франции Франклин вел хитроумную игру. Он знал, что Франция, несмотря на враждебность к Британии, не желает уступать Америке контроль над Канадой. Это сделало бы границы Америки более надежными, ослабило напряженность в отношениях с Британией и снизило ее потребность в дружбе с Францией. Если бы Англия продолжала удерживать Канаду, объяснял Франклин Освальду, то это «неизбежно вынудило бы нас развивать и укреплять наш союз с Францией». В отчете о беседе с Освальдом, направленном Вержену, Франклин не упоминал о предложении отказаться от претензий на Канаду. Это было первым свидетельством, что Франклин, несмотря на настойчивые уверения в желании работать рука об руку с Францией, готов действовать самостоятельно, когда это оправданно.

Обычно перед встречами Франклин записывал основные идеи, которые хотел донести до собеседника, и Освальд «выпрашивал» у него эти записи, чтобы затем показать их Шелберну. После некоторых колебаний Франклин уступил его просьбам. Освальд был очарован доверием, которое оказал ему Франклин, а Франклин нашел Освальда благоразумным и не склонным к вероломству человеком. «Мы расстались хорошими друзьями», — отмечал он. Франклин испытывал одно сожаление по поводу бумаг, которые доверил Освальду: оно касалось упоминания о том, что лоялистам в Америке может быть выплачена компенсация за конфискованное имущество. Поэтому он напечатал на своем станке и направил Адамсу и другим фальшивый номер бостонской газеты, где подробно описывались ужасы, которые творили британцы над невинными американцами. Это было сделано с целью подчеркнуть, что не должно быть никакого сочувствия к лоялистам и что именно американцы заслуживали получения компенсаций. Фальшивый номер газеты выглядел очень убедительно. Он содержал описание погрузки на корабль скальпов американцев, якобы посылавшихся индейцами в Англию, и письмо, текст которого приписывался Джону Полу Джонсу. Чтобы придать газетному номеру больше правдоподобия, Франклин даже разместил в нем выдуманные объявления о продаже нового кирпичного дома на юге Бостона и гнедой кобылы в Салеме[514].

Британия согласилась с предложением Вержена о проведении мирной конференции с участием всех заинтересованных сторон, но это означало отправку в Париж нового эмиссара, который должен был представлять министра иностранных дел Чарльза Фокса, а не министра по делам колоний Шелберна. Имя нового эмиссара не сулило ничего хорошего: Томас Гренвилл, сын небезызвестного Джорджа Гренвилла, добившегося принятия закона о гербовом сборе в 1765 году. Но Фокс, давно симпатизировавший американской стороне, уверил Франклина, что молодому Гренвиллу, которому исполнилось всего двадцать семь лет, можно доверять. «Я слишком хорошо знаю широту ваших взглядов, чтобы опасаться, что какие-то предубеждения в отношении *имени* мистера Гренвилла могут помешать вам проявить уважение к превосходным качествам его сердца и разума или проявить полнейшее доверие к искренности его желания достижения мира»[515].

Когда Гренвилл в начале мая прибыл в Париж, Франклин немедленно повез его в Версаль, где молодой англичанин тут же допустил ошибку, заявив Вержену, что если «Англия даст независимость Америке», то Франция должна будет вернуть

несколько захваченных ею островов в Карибском бассейне, после чего можно быстро заключить мир.

С легкой улыбкой Вержен обратился к новоиспеченному английскому дипломату и свел на нет значение его предложения о независимости. «Америка, — сказал он, — не просила вас об этом. Здесь господин Франклин. Он даст вам ответ».

«Разумеется, — сказал Франклин, — мы не считаем себя обязанными обсуждать то, что и так принадлежит нам и что мы купили ценой нашей крови и всего того, что нам дорого».

Подобно Освальду, Гренвилл надеялся, что сумеет убедить Франклина заключить сепаратный мир с Британией, а не оставаться связанным требованиями Франции. С этой целью он через несколько дней прибыл в Пасси и предупредил, что Франция «может настоять» на принятии нескольких пунктов, не имеющих отношения к союзу, который она заключила с Америкой. Если это произойдет, то Америка не должна будет чувствовать себя обязанной по условиям этого союза «продолжать войну, чтобы обеспечить [Франции] выполнение этих пунктов».

Как и в случае с Освальдом, Франклин отказался пойти на такую уступку. «Я уделял чуть больше моих чувств общей теме выгод, обязательств и благодарности», — отмечал Франклин. Люди, которые хотят избавиться от своих обязательств, часто «становятся изобретательными в нахождении причин и аргументов» для того, чтобы это сделать, но Америка не последует таким путем. Даже если один человек взял деньги в долг у другого, затем вернул их, он все равно должен испытывать чувство благодарности. «Он вернул денежный долг, но обязательство остается».

Гренвилл отвечал, что это слишком расширенное толкование понятия благодарности, так как Франция являлась той стороной, которая реально выиграла от отделения Америки от Британии. Но по признанию Франклина, он настолько сильно ощущал «великодушную и благородную манеру», в которой Франция оказывала поддержку Америке, что «никогда не смог бы позволить себе подумать о таких аргументах в пользу ослабления своей признательности»[516].

Гренвилл и далее раздражал Франклина попытками скрыть тот факт, что его полномочия позволяют вести переговоры только с Францией и не предусматривают прямых переговоров с Америкой, которую Британия до сих пор не признавала как независимое государство. В начале июня Франклин вступил с ним в конфликт. Почему его полномочия, спрашивал Франклин, не позволяют ему иметь дело напрямую с Соединенными Штатами? Как сообщал на следующий день Франклин Адамсу, Гренвилл не

смог дать удовлетворительного объяснения, но заявил, что, по его убеждению, просто произошла ошибка при переписывании старого текста полномочий британской делегации. Это, разумеется, не убедило Франклина. Он настаивал на том, чтобы Гренвилл получил новый документ с указанием полномочий до начала любых переговоров. Это не просто вопрос соблюдения протокола, как прекрасно понимал Франклин. Он настаивал, чтобы Британия по умолчанию признала независимость Америки как предварительное условие переговоров. «Я представляю, как не хочется королю делать первый шаг, — писал он Адамсу, — так как само предоставление таких полномочий явилось бы в некотором роде признанием нашей независимости»[517].

Франклин был готов действовать в согласии с Францией, но не намеревался позволять Британии настаивать, чтобы Франция вела переговоры от имени Америки. Вержен с ним соглашался. «Они хотят вести переговоры с нами вместо вас. Но король [Франции] на это не согласится. Он полагает, что это ущемит достоинство вашего государства. Вы должны участвовать в переговорах сами». Все, что необходимо, добавил Вержен, так это чтобы «переговоры шли параллельно, а итоговые документы подписывались в один и тот же день».

Умышленно или нет, но Вержен дал Франклину свое молчаливое разрешение на начало сепаратных дискуссий с британцами. Поскольку британцы очень добивались возможности таких дискуссий и поскольку Британию на них представляли два соперничающих между собой дипломата, то Франклин имел в руках много рычагов воздействия. Когда Гренвилл в начале июня приехал в Пасси, чтобы еще раз попытаться добиться прямых переговоров, Франклин на этот раз решил скорее «уклониться от дискуссии», чем отвергнуть саму идею.

«Если Испания, Голландия и даже Франция будут настаивать на неразумных условиях, — спросил Гренвилл, — то следует ли полагать, что Америка станет воевать только за свои интересы?»

«В настоящее время нет никакой необходимости принимать во внимание соображения такого рода, — ответил Франклин. — Если какая-то из держав выдвинет нелепые требования, — продолжал он с улыбкой, — тогда у нас будет достаточно времени подумать, в чем заключаются наши обязательства».

Поскольку Гренвилл жаждал начала прямых переговоров, то был готов конфиденциально сообщить Франклину, что «он получил инструкцию признать независимость Америки до начала обсуждений условий соглашения». Освальд также хотел начала прямых переговоров и прибыл в Пасси двумя днями позднее, чтобы намекнуть о своей готовности представлять на переговорах

Британию, если Франклин отдаст предпочтение ему. Он был скромен. Он настаивал, что не пытается занять место Гренвилла, так как уже стар и не нуждается в будущей славе. Но Фраклин понял, что теперь он находится в выгодной позиции, имея возможность выбора между двумя жаждущими претендентами. Освальд, более искушенный, чем Гренвилл, мог одновременно казаться и сильнее желающим мира, и более опасным. Он признавался, что мир «абсолютно необходим» Британии: «Наши враги могут делать с нами все, что им вздумается; сейчас они контролируют положение. Но с другой стороны, в Лондоне оставались и те, кто воодушевлен нашей недавней победой над французским флотом во время крупного сражения в Вест-Индии». Если он и Франклин не станут действовать быстро, эти люди могут сыграть решающую роль и война продолжится. Освальд предупреждал: ведется даже еще более серьезная дискуссия о способах финансирования дальнейших военных действий. Обсуждается отказ от выплаты доходов по облигациям на сумму более одной тысячи фунтов, что не затронуло бы бóльшую часть населения.

Франклин заметил, что рассматривает это как «своего рода запугивание». Однако Освальд сумел смягчить Франклина с помощью лести. «Он постоянно упоминал об огромном уважении, которое испытывают ко мне министры, — отмечал Франклин. — Они зависели от меня, потому что их страну необходимо извлечь из теперешнего отчаянного положения, так что, возможно, ни один человек никогда не имел столько возможностей сделать так много хорошего, как имею сейчас я».

Освальд вызывал все более сильную симпатию Франклина тем, что частным образом демонстрировал согласие с ним в отношении содержания будущего договора. Когда Франклин выступил против идеи выплаты компенсаций лоялистам, чье имущество было конфисковано, заявив, что такое требование вызовет ответное требование Америки о выплате репараций за все города, сожженные британцами, Освальд доверительно сообщил, что сам думает точно так же. Кроме того, согласился с Франклином в том, что Британия должна уступить Канаду Америке. Все это выглядело так, как если бы он участвовал вместе с молодым Гренвиллом в конкурсе на получение должности представителя Британии на переговорах и пытался заручиться расположением Франклина.

Как ни странно, но так это и было. Он показал Франклину составленный Шелберном меморандум, в котором предлагалось наделить Освальда, если этого захочет Франклин, полномочиями по ведению переговоров с Америкой. Шелберн писал, что готов

предоставить Освальду любые полномочия, «которые господин Франклин и он [Освальд] могут счесть способствующими окончательному разрешению вопросов между Великобританией и Америкой». Таким образом, утверждалось в меморандуме Шелберна, Британия может заключить мир с Америкой «в манере, отличной от манеры заключения мира между Великобританией и Францией, которые всегда находились во враждебных отношениях друг с другом».

Освальд скромно отмечал, что Гренвилл является «весьма благоразумным молодым джентльменом» и что он охотно бы уступил ему право вести переговоры с Францией. Однако если Франклин считает «полезным», чтобы Освальд напрямую имел дело с американцами, то «рад посвятить этому свое время и силы».

Франклин охотно принял такое предложение. Он отмечал, что имеющееся у Освальда «понимание Америки» означало, что он будет успешнее, чем Гренвилл, «склонять кабинет министров к разумным действиям». Франклин спросил Освальда, предпочел бы он вести переговоры со всеми странами, включая Францию, или только с одной Америкой. Очевидно, Освальд выбрал второй вариант. «Он сказал, что не хотел бы заниматься переговорами с иностранными государствами, — отметил Франклин. — Если бы он принял какое-то поручение, то оно должно было быть связано с ведением переговоров с Америкой». Франклин согласился написать Шелберну секретное письмо, рекомендующее такой выбор[518].

Отчасти Франклином двигало чувство симпатии к Освальду, который был одного с ним возраста, и отсутствие такой симпатии к более молодому Гренвиллу, тайно передавшему лондонской Evening Post неточный отчет об одной из их встреч и вызывавшему у Франклина раздражение. «Мистер Освальд, человек почтенного возраста, по-видимому, не имеет сейчас иного желания, кроме как быть полезным в добрых делах, — отмечал Франклин. — Мистер Гренвилл, молодой человек, естественным образом желающий добиться славы, по-видимому, стремится стать умелым мастером ведения переговоров». Франклин, по-прежнему амбициозный в свои семьдесят шесть, верил теперь в сдерживающее влияние преклонных лет.

Хотя Франклин демонстративно настаивал на участии Франции во всех переговорах, сам все больше верил, что теперь в интересах Америки необходимо иметь свой собственный, отдельный канал для контактов с Британией. Поэтому, когда он прибыл в Версаль в середине июня, через неделю после важной встречи с Освальдом, был менее искренен с Верженом, чем

обычно. «Мы говорили о попытках [Британии] разделить нас и о благоразумии держаться вместе и действовать согласованно», — записал он. Однако на этот раз скрыл кое-какую информацию: не сообщил о предложении Освальда иметь отдельный канал для ведения переговоров и о своем предложении, согласно которому Британия должна уступить Канаду Америке. Не был Франклин и полностью откровенным с Конгрессом, который инструктировал своих специальных представителей — с одобрения Франклина — не делать ничего без ведома Франции и без поддержки с ее стороны. В письме, направленном в конце июня Роберту Ливингстону, новому американскому министру иностранных дел, Франклин сообщал, что Британия направила двух эмиссаров, Освальда и Гренвилла, и что он отверг их попытки оторвать Америку от Франции. «Первоначально они имели определенные надежды убедить воюющие страны вести переговоры раздельно, одна за другой, но найдя это невозможным, после взаимных обменов посланиями решили вместе вести переговоры о заключении общего мира». Однако на следующий день он снова заявил о своем желании иметь отдельный канал в письме, которое написал Освальду для передачи Шелберну: «Я могу лишь надеяться, что по-прежнему существует намерение облечь вас властью в отношении переговоров с Америкой».

Подобным образом и Британия оказалась вовлечена в интригу с организацией дополнительного канала. Помимо ведения неформальных дискуссий с Францией, она направила своих эмиссаров непосредственно в Конгресс, чтобы попытаться побудить его членов принять для Америки статус доминиона, что позволило бы иметь самостоятельные парламенты, лояльные единому королю. Когда весть об этом дошла до Франклина, он написал другое письмо Ливингстону, предупреждая, что этим попыткам следует всячески противодействовать. «Король ненавидит нас всей душой», — заявлял он. Если бы ему предоставили «какую-то власть» над Америкой, «она вскоре оказалась бы расширена с помощью подкупа, хитрости и силы, так что в итоге мы оказались бы в абсолютном подчинении»[519].

План мира по Франклину

В начале июля ситуация с переговорами упростилась вследствие смерти лорда Рокингема. Шелберн стал премьер-министром, Фокс оставил пост министра иностранных дел, а Гренвилл был отозван. Для Франклина настало подходящее время, чтобы направить Освальду неформальное, но конкретное предложение о мире, что он и сделал 10 июля.

Его предложение было разделено на две части: обязательные и желательные условия. В первой категории значились четыре условия: независимость Америки, «полная и совершенная во всех смыслах»; вывод всех британских войск; безопасность границ; право на ловлю рыбы за пределами канадского побережья. В категории желательных условий также стояло четыре пункта: выплата возмещения за разрушения, произведенные в Америке; признание вины Британии; соглашение о свободной торговле; уступка Канады Соединенным Штатам.

Освальд немедленно посвятил Шелберна во все детали, но Франклин держал свои предложения в тайне и никогда не записывал их. Он также не консультировался с Верженом и даже не информировал его о предложении, сделанном Освальду[520].

Таким образом, ясно видя ситуацию и слегка пренебрегая формальностями, Франклин подготовил сцену для финального этапа переговоров, положившего конец революционной войне.

Шелберн быстро информировал Освальда, что эти предложения являются «недвусмысленными подтверждениями искренности доктора Франклина». Британия готова, заявлял он, подтвердить независимость Америки — предварительное условие для начала переговоров, — и это подтверждение должно быть «сделано решительно, чтобы избежать будущих рисков проявления враждебности». Если Америка откажется от желательных условий, продолжал Шелберн, а «те, которые называются необходимыми, сохранятся в качестве основы для дискуссии», то тогда он уверен, что соглашение о мире может быть «быстро заключено». Хотя переговоры потребовали еще нескольких месяцев, все, по сути, так и произошло[521].

Однако принятие окончательной резолюции было отложено, так как Франклин стал испытывать приступы «жестокой подагры» и боли от камней в почках, что вывело его из строя на весь август и сентябрь. Джон Джей, наконец-то прибывший в Париж, возглавил переговоры с американской стороны. Этот педантичный житель Нью-Йорка доказывал, что формулировка полномочий Освальда, предоставлявших ему право вести

переговоры с «вышеупомянутыми колониями и плантациями», не намного лучше формулировки полномочий Гренвилла, и поэтому требовал, чтобы прежде чем переговоры будут продолжены, Освальд получил документ, ясно указывающий, что он имеет право вести дела с независимым государством.

Когда Джей и Франклин приехали к Вержену, французский министр заявил, что не считает необходимым настаивать, чтобы в формулировке полномочий Освальда содержалось ясное указание на суверенитет Америки. Франклин, высказавший по этому вопросу противоположное мнение, был удивлен, что Вержен молчаливо одобряет продолжение британо-американских переговоров. Он интерпретировал это как великодушный и милостивый жест, демонстрирующий добрую волю Франции. Интерпретация Джея, более циничная, но и более правильная, состояла в том, что Вержен не хотел, чтобы Британия признала независимость Америки иначе, как в рамках всеобъемлющего соглашения о мире, подписанного также Францией и Испанией. «Этот двор предпочитает отсрочить признание нашей независимости Британией, — сообщал Джей Конгрессу, — чтобы держать нас под своим контролем» до тех пор, пока требования Франции и Испании не будут удовлетворены. «Я вынужден добавить, что доктор Франклин не интерпретирует поведение этого двора так же, как и я»[522].

Скептицизм Джея по поводу мотивов поведения Франции привел к горячему спору с Франклином по возвращении из Версаля в Пасси вечером того же дня. Особенно возмутили Джея слова Вержена о намерении Испании претендовать на территорию между Аллегемскими горами и рекой Миссисипи. Франклин полностью согласился, что Испании не следует позволять «держать нас в клетке». При этом он прочитал Джею одну из мягких лекций о благоразумности предположения, что друг, подобный Франции, действует честно до тех пор, пока не появятся неопровержимые доказательства обратного. Франция не пыталась затормозить переговоры, как это казалось Джею; напротив, доказывал Франклин, Вержен продемонстрировал готовность способствовать их быстрому продвижению, отказавшись от возражений против формулировки полномочий Освальда.

Но подозрения Джея получили подкрепление, когда он узнал, что Вержен направил своего заместителя с секретной миссией в Лондон. Не доверяя ни французам, ни Франклину, Джей решился на рискованную игру, тайно направив в Лондон собственного эмиссара. Особенно интригующим было то, что посланцем стал Бенджамин Воган, давний друг и издатель Франклина, который

прибыл в Париж, чтобы навестить старого приятеля и сделать все, что в его силах, для заключения мира.

Джей попросил Вогана сообщить лорду Шелберну: в формулировке полномочий Освальда должны содержаться слова, что он направлен для ведения переговоров с «Соединенными Штатами». Такое изначально ясное признание независимости Америки, обещал Джей, поможет «разрезать веревки», привязывающие Америку к Франции. Шелберн, желавший заключить мир до падения своего правительства, готов был пойти достаточно далеко, чтобы удовлетворить Джея. В середине сентября его кабинет предоставил Освальду новые полномочия по «ведению переговоров с полномочными представителями, назначенными колониями, именуемыми тринадцатью соединенными штатами» и вновь подтвердил, что независимость Америки может быть признана как предварительное условие дальнейших дискуссий.

Итак, 5 октября, когда удовлетворенные Джей и Франклин вновь гармонизировали отношения, официальные переговоры начались. Освальд продемонстрировал новую «верительную грамоту», а Джей представил проект соглашения, очень похожий на тот, который Франклин неофициально предлагал в июле. Единственным добавлением к четырем обязательным пунктам Франклина стал пункт, безусловно, приятный Британии, но не Франции или Испании: он предоставлял британцам и американцам право свободного плавания по Миссисипи. Однако затем переговоры застопорились на несколько недель после того, как Британия успешно отбила нападение французов и испанцев на Гибралтар, что заметно приободрило ее правительство. В подкрепление Освальду Шелберн прислал Генри Стрейчи, сотрудника кабинета министров, который служил секретарем у адмирала Хау. Вслед за ним в Париж вновь прибыл и Джон Адамс — чтобы выступить в роли члена американской делегации. Адамс оставался, как всегда, прямолинейным и испытывал подозрения и сомнения в отношении всех, кроме себя самого. Даже Лафайет, ставший близким другом Франклина, немедленно был охарактеризован Адамсом как «нечистопородный тип» с «непомерными амбициями», «страстно желающий славы». Адамс также публично и недипломатично продемонстрировал свое личное недоверие к Вержену, не появляясь у него в течение почти трех недель, до тех пор, пока министр «не заставил его вспомнить об обязанности» нанести ему визит. (Вержен, который был настолько же мягок в обхождении, насколько Адамс груб, сбил с толку вечно подозрительного Адамса, предложив ему изысканный обед и угостив прекрасными французскими винами и мадерой)

[523].

Подобным образом Адамс уклонялся от нанесения визита вежливости Франклину, который вынужденно пребывал в Пасси из-за подагры и камней в почках. Правда, им удавалось обмениваться любезными письмами во время пребывания Адамса в Голландии. «Он не мог вынести пребывания рядом с ним», — записал в дневнике Мэтью Ридли, американский коммерсант, проживавший в Париже. Ридли, друг обоих, в конце концов убедил Адамса в необходимости нанести визит в Пасси.

Адамс испытывал особое раздражение, потому что недавно узнал о письме Франклина к Конгрессу, написанному по просьбе Вержена, которое ранее привело к его отзыву из Франции. Как объяснял Адамс другу, Франклином двигала «низменная ревность» и «корыстная зависть». Но это абсолютно неправильное понимание мотивов Франклина, поступившего так скорее вследствие раздражения, чем ревности, и к числу его немногочисленных пороков никак нельзя было отнести зависть.

Но независимо от причин гнева, к моменту возвращения в Париж Адамс был наполнен им до краев. «То, что не испытываю дружеских чувств к Франклину, я признаю, — писал он. — То, что не могу иметь никаких дел с человеком, обладающим подобными моральными качествами, тоже признаю». В дневнике Адамс сказал даже больше: «Коварство Франклина должно привести к разрыву между нами. С этой целью он будет прибегать к провокациям, инсинуациям, интригам и маневрам»[524].

Убедительным свидетельством обаяния Франклина является то, что он довольно хорошо умел ладить с Адамсом, если они вместе принимались за работу. Когда Адамс резко заявил ему во время наконец-то нанесенного визита в Пасси, что разделяет более жесткую позицию Джея в отношении Франции, «доктор выслушал меня внимательно, но ничего не сказал». А на состоявшейся на следующий день встрече трех американских дипломатов Франклин спокойно согласился с Адамсом и Джеем, что имеет смысл встречаться с британскими участниками переговоров без оглядки на Францию. Повернувшись к Джею, он сказал: «Я разделяю ваше мнение и буду продолжать вести дела с этими джентльменами без консультаций с [французским] двором».

Готовность Франклина вести переговоры без консультаций с Францией не была чем-то новым; он начал использовать этот подход еще до прибытия в Париж Адамса и Джея, но старался создавать впечатление, будто делает это отчасти для защиты взглядов двух своих коллег, и такая тактика помогала смягчить позицию Адамса. Франклин «продолжает работать с нами в

полной гармонии и единодушии, — радостно записывал Адамс в дневнике, — и остается умелым и полезным во время переговоров благодаря своей проницательности и репутации».

Со своей стороны Франклин продолжал испытывать к Адамсу ту же многолетнюю смесь восхищения и раздражения. Он говорил Ливингстону несколько месяцев спустя, уже после завершения переговоров: «Адамс имеет добрые намерения в отношении своей страны, всегда честен, часто мудр, но иногда и в некоторых вопросах бывает абсолютно не в своем уме»[525].

Тридцатого октября, в сорок седьмой день рождения Адамса, американские дипломаты и их британские коллеги начали интенсивную неделю переговоров, которые шли ежедневно с одиннадцати утра и часто продолжались по вечерам во время поздних ужинов. Британцы согласились признать четыре обязательных пункта, которые Франклин предложил еще в июле, но не желательные пункты, такие как уступка Канады. Основные споры на той неделе разворачивались вокруг следующих вопросов:

• Права на рыбную ловлю в районе Ньюфаундленда. Главный вопрос для Адамса, который, как отмечает Дэвид Маккуллог, был весьма красноречив в монологах о «древней доле Новой Англии в лове священной трески». Франклин также оставался тверд в этом пункте и приводил экономический аргумент: деньги, которые получат американцы за счет рыболовства, будут потрачены на британские товары, как только возобновится торговля. «Вы боитесь, что рыбы недостаточно, — спрашивал он, — или что мы станем вылавливать ее слишком много?» Британцы уступили по этому пункту к неудовольствию Франции, которая надеялась получить особые права на рыбный промысел (когда враги Франклина в Америке обвинили его в поддержке позиций Франции и выступлении против прав американцев на рыболовство, он написал Джею и Адамсу и попросил их засвидетельствовать его твердость в этом вопросе; Джей любезно исполнил его просьбу, а Адамс сделал это довольно неохотно)[526].

• Довоенные долги, не выплаченные американцами британским коммерсантам. Франклин и Джей считали, что их следует аннулировать, так как Британия конфисковала или уничтожила большое количество американской собственности. Однако Адамс настаивал, чтобы такие долги были возвращены, и его точка зрения

возобладала.

• Западная граница. Франклин, который на протяжении своей жизни наблюдал экспансию американцев на запад, настаивал, чтобы ни одна страна не получила прав на земли между Аллегемскими горами и Миссисипи. Как записал Джей, «он неизменно высказывал мнение, что мы должны настаивать на признании Миссисипи в качестве нашей западной границы». И вновь это оказалось не то предложение, которое стали бы поддерживать Франция или Испания на многосторонней мирной конференции. Но Британия охотно согласилась признать реку в качестве западной границы при условии свободы судоходства по ней для обеих стран.

• Компенсации лоялистам в Америке, имущество которых конфисковано. Наиболее спорный вопрос, и Франклин сделал его таковым в еще большей степени. Он оправдывал свою непримиримую позицию с точки зрения морали. Лоялисты содействовали развязыванию войны, и их убытки гораздо меньше тех, которые понесли американские патриоты, чья собственность уничтожена британцами. Но его упорство имело и личную подоплеку. Среди наиболее видных лоялистов были его бывший друг Джозеф Галловэй и, что еще более важно, сын Уильям. Гнев Франклина, направленный на сына, и желание продемонстрировать его публично оказали большое влияние на его отношение к претензиям лоялистов, что внесло болезненную личную ноту в завершающий этап переговоров.

Уильям, освобожденный из коннектикутской тюрьмы в сентябре 1778 года в результате обмена пленными, проживал в оккупированном британцами Нью-Йорке, где занимал пост президента Совета объединенных лоялистов. В этой должности он организовал ряд мелких, но довольно жестоких нападений на американцев. Одно из них закончилось линчеванием американского капитана, и генерал Вашингтон пообещал повесить в ответ одного из своих британских военнопленных, молодого и обладавшего большими связями в свете офицера по имени Чарльз Эсгилл, если убийцы капитана не предстанут перед судом.

Друзья и родственники Эсгилла использовали свое влияние, чтобы попытаться спасти его жизнь, и Шелберн направил личное послание Франклину с просьбой вмешаться в ситуацию.

Франклин решительно отказался. Он заявил, что целью Вашингтона было «наказание человека, совершившего умышленное убийство». Если англичане отказываются выдать или наказать убийцу, то это говорит о том, что они больше хотят сохранить жизнь ему, чем капитану Эсгиллу. «Следовательно, мне кажется, что просьба должна быть адресована английскому правительству»[527].

Вопрос стал для Франклина более личным, когда британский военный трибунал оправдал находившегося под обвинением британского солдата на том основании, что тот просто выполнял приказ. Это заставило возмущенных американцев потребовать ареста человека, отдавшего такие приказы, — Уильяма Франклина. В результате в августе 1782 года, через двадцать лет после прибытия в Америку в качестве губернатора Нью-Джерси, Уильям предусмотрительно отбыл в Лондон, куда приплыл в конце сентября, как раз тогда, когда начинался заключительный раунд переговоров о мире, которые вел его отец с Освальдом.

Воган влез не в свои дела и еще больше осложнил ситуацию просьбами к Шелберну позаботиться об Уильяме. Он информировал премьер-министра, что Темпл Франклин во время встречи с ним в Пасси «выразил робкую надежду увидеть что-нибудь, сделанное для отца», а сам Воган добавил к этому личное (ошибочное) мнение, будто содействие Уильяму Франклину окажет «своевременное влияние» на расположенность Бенджамина Франклина к Британии. В результате Шелберн встретился с Уильямом и пообещал сделать все возможное, чтобы помочь ему и другим лоялистам. Франклин испытал досаду, узнав об этом, и особенно разгневался, когда обнаружил, что неудачное вмешательство Вогана осуществлялось от имени молодого Темпла, который действовал в интересах отца, ничего не сказав об этом деду[528].

Франклин выразил свои чувства, как часто делал, в короткой притче. Жил-был, писал он, огромный лев, царь лесов, среди подданных которого была «стая верных собак». Но царь-лев «под влиянием дурных советников» решил начать против них войну. Немногие из этих собак, особенно нечистопородные, помесь волка и лисы, соблазнились царскими обещаниями щедрых наград, покинули честных собак и присоединились к их врагам. Когда собаки отстояли свободу, волки и лисы из царского окружения стали требовать компенсации для тех полукровок, которые остались верны царю. Но тут выступил конь, «демонстрируя смелость и свободолюбие, черты его натуры», и заявил, что любые вознаграждения для братоубийц несправедливы и лишь приведут к новым войнам. «У царского

совета хватило здравомыслия, — заканчивал повествование Франклин, — отвергнуть это требование»[529].

В заключительные дни переговоров Франклин стал еще ожесточеннее выступать против любых компенсаций лоялистам, даже несмотря на то, что Джей и Адамс проявляли определенную готовность к компромиссу по этому вопросу. Раньше Адамс обвинял Франклина в ненадежности из-за его предполагаемых симпатий к сыну-лоялисту. Теперь же он был сбит с толку тем, что Франклин стал проявлять воинственность в противоположном направлении. «Доктор Франклин прочно настроен против тори, — отмечал Адамс в дневнике, — он занимает в этом вопросе более решительную позицию, чем мистер Джей или я».

Учитывая влияние эмигрантов-лоялистов, проживавших в Британии, Шелберн понимал, что его правительство может пасть, если он ничего не сделает для удовлетворения их претензий. Делегаты прилагали усилия до последнего дня, но Франклин угрожал торпедировать все соглашения из-за одного этого пункта. Он достал из кармана документ, воскрешавший его собственное требование, что Британия, если она хочет выплаты компенсаций лоялистам за утраченное имущество, должна заплатить за все разрушенные американские города, разграбленное имущество, захваченные грузы, сожженные деревни и даже за его украденную библиотеку в Филадельфии. Британцы вынужденно смягчили свои требования. Выслушав обличительную речь Франклина, они удалились в соседнюю комнату, посовещались и вернулись с заявлением, что готовы довольствоваться обещанием Конгресса «настоятельно рекомендовать» каждому штату провести реституцию, которую он сочтет подходящей для возвращения лоялистам конфискованного имущества. Американцы знали, что штаты мало что станут делать в этом направлении, и потому согласились, но Франклин по-прежнему настаивал на одном исключении, нацеленном на Уильяма: рекомендация не должна применяться к лоялистам, которые «поднимали оружие против вышеупомянутых Соединенных Штатов».

На следующее утро, 30 ноября 1782 года, специальные представители Америки вместе с секретарем делегации Темплом Франклином встретились с британской делегацией в номере Освальда в «Гранд Отель Мусковит» для подписания предварительного соглашения, которое, по сути, положило конец революционной войне. Что касается обязательств, возлагавшихся на Францию, то договор не становился юридически обязывающим до тех пор, «пока условия мира не будут согласованы между Великобританией и Францией». Для этого потребовалось еще девять месяцев. Но договор имел немедленное и необратимое

значение, суть которого содержалась в его первой строке, провозглашавшей Соединенные Штаты «свободными, суверенными и независимыми».

В тот день американская делегация в полном составе отправилась в Пасси, где Франклин дал торжественный обед. Даже Джон Адамс подобрел, по крайней мере на какое-то время. Он признался своему другу Мэтью Ридли, что Франклин «вел себя правильно и благородно»[530].

Умиротворение французов

Франклину выпала трудная обязанность объяснить Вержену, почему американцы нарушили обязательства перед Францией и инструкции Конгресса, заключив договор без консультаций с ним. После отправки Вержену копии подписанного соглашения, которое, как он подчеркнул, было временным, Франклин на следующей неделе нанес ему визит в Версале. Французский министр холодно, но вежливо отметил, что «такое внезапное подписание статей» не было «приятным [французскому] королю» и что американцы «не особенно вежливы». Тем не менее Вержен признал, что сами американцы действовали правильно, и отметил, что «наша беседа была дружественной».

Только когда Франклин обратился с дерзкой просьбой о предоставлении Францией еще одного кредита и сообщил о передаче мирного соглашения Конгрессу, Вержен воспользовался возможностью выразить официальный протест. С его стороны, указывал он Франклину, неуместно «давать Америке надежду на мир, даже не удосужившись узнать о состоянии переговоров, которые ведем мы». Америка взяла на себя обязательство не рассматривать вопрос о ратификации любого мирного договора до тех пор, пока Франция не придет к соглашению с Британией. «Вы всегда достойно исполняли свои обязанности, — продолжал Вержен. — Я настоятельно прошу вас подумать, как вы собираетесь выполнять обязательства перед королем»[531].

Ответ Франклина, названный «дипломатическим шедевром» и «одним из самых знаменитых дипломатических писем», объединял несколько исполненных достоинства выражений раскаяния с апелляциями к национальным интересам Франции. «Ничто в предварительном договоре не было направлено против интересов Франции, — заявлял он, впрочем, не вполне корректно, — и никакого мира не будет между нами и Англией до тех пор, пока вы не заключите с ней свой мир». Используя французское слово, которое приблизительно переводится как «благопристойность», Франклин попытался минимизировать значение проступка американской делегации.

> За то, что не проконсультировались с вами до подписания соглашений, мы виновны в нарушении правил bienséance. Но так как мы сделали это не потому, что недостаточно уважали короля, которого мы все любим и почитаем, то надеемся, что это будет нам прощено и что грандиозная работа, которая так успешно

выполнялась до сих пор, искусно доведенная до завершения и служащая славе его царствования, не окажется сведенной на нет единственным неосторожным поступком с нашей стороны.

Он неустрашимо продолжал добиваться нового займа. «Несомненно, все сооружение немедленно рухнет, если вы на этом основании откажетесь предоставлять нам дальнейшую помощь».

Здесь одновременно звучала мольба и подразумевалась угроза: предав гласности факт нарушения договоренности между нами, предупреждал он, мы нанесем ущерб взаимным интересам обеих стран.

«Англичане, как я только что узнал, тешат себя мыслью о том, что им уже удалось разделить нас. Надеюсь, что мы не будем разубеждать их в этом и что им придется самим узнать, насколько они заблуждались»[532]. Вержен был крайне удивлен этим письмом, копию которого направил французскому послу в Филадельфию. «Вы можете представить себе мое изумление, — писал он. — Думаю, было бы правильно информировать наиболее влиятельных членов Конгресса о недостойном поведении его эмиссаров в отношении нас». Он не обвинял Франклина лично и лишь отмечал, что «тот слишком легко уступил предвзятому мнению своих коллег». Далее Вержен посетовал, что новая нация оказалась не из тех, которые вступают в обременительные для себя альянсы. «Нам скудно заплатят за все то, что мы сделали для Соединенных Штатов, — пожаловался он, — и за то, что мы обеспечили им существование как нации».

Здесь Вержен мало что мог поделать. Решительное противодействие, о чем тонко намекал Франклин, быстро подтолкнуло бы американцев к еще более тесному союзу с Британией. Поэтому, хотя и неохотно, он решил оставить все как есть, проинструктировав посла не заявлять никакого официального протеста Конгрессу, и даже согласился, чтобы Франция предоставила еще один кредит[533].

«Два великих дипломатических дуэлянта официально скрестили шпаги, — отмечал Карл Ван Дорен, — и философ изысканно обезоружил министра». Но, возможно, лучшую аналогию позволяют провести любимые Франклином шахматы. Начиная с разыгранного гамбита, приведшего к заключению союза Америки с Францией, и до эндшпиля, обеспечившего мир с Англией при сохранении дружбы с французами, Франклин мастерски вел сложную «трехмерную» партию против двух агрессивных игроков, проявляя исключительное терпение, когда

его фигуры оказывались в трудном положении, и умело использовал стратегические преимущества, когда положение его фигур оказывалось более благоприятным[534].

Франклин способствовал разработке трех великих документов той войны: Декларации независимости, договора с Францией и договора с Англией. Теперь он обратил свои помыслы на достижение мира. «Все войны являются глупостями, очень дорогостоящими и очень вредными, — писал он Полли Стивенсон. — Когда человечество осознает это и согласится улаживать свои споры в третейском суде? Если бы даже люди решали это посредством жребия, это все равно лучше, чем воевать и уничтожать друг друга». В письме старому английскому другу Джозефу Бенксу он еще раз, отмечая важность достигнутого соглашения, повторил свое знаменитое, хотя и отчасти вводящее в заблуждение кредо: «Никогда не бывает хорошей войны или плохого мира»[535].

Бенни и Темпл

Вместо того чтобы немедленно вернуться домой, Франклин решил насладиться покоем и свободным временем, общаясь с друзьями и членами семьи и предаваясь интеллектуальным занятиям в идиллической атмосфере Пасси. Его внук Бенни томился в школе в Женеве — городе, который с недавних пор оказался в водовороте бурных политических событий (из-за предоставления равных избирательных прав всем его жителям). Теперь, когда дипломатические обязанности Франклина стали не столь обременительными, он решил позволить Бенни приехать в Пасси на каникулы летом 1783 года — впервые за четыре года после его отъезда в Женеву[536].

Бенни, воссоединившийся с дедом, на которого он так хотел произвести впечатление, был совершенно им очарован. Франклин «совсем не похож на других пожилых людей, — объяснял он одному из гостей, — капризных и вечно чем-то недовольных. Мой дед смеется и радуется жизни, как молодой». Близость внука согревала душу Франклина. Бенни «очень вырос», сообщал он родителям мальчика, и «заметно улучшил свои знания и поведение». Полли Стивенсон он написал: «Он каждый день купается в моей любви». В то лето Бенни исполнилось четырнадцать лет. Дед брал его на Сену, где давал ему уроки плавания, а Темпл учил своего двоюродного брата фехтованию и танцам. Темпл также произвел на него впечатление, когда якобы убил мышь с помощью газа гелия, а затем снова ее оживил и потом уже убил в самом деле с помощью электрического тока одной из батарей в лаборатории Франклина. «Я уверен, что мой двоюродный брат сошел бы в Америке за чародея»[537].

Франклин знал, что в школе Бенни часто болел и страдал от уныния, к тому же ситуация в Женеве оставалась неспокойной. Он решил, что внуку не следует туда возвращаться даже несмотря на то, что там остались его вещи и книги. Ранее он уже подумывал отправить мальчика в одну из английских школ под присмотр Полли Стивенсон, которую подобная перспектива привела в восторг. Теперь же, обеспокоенный тем, что Бенни утрачивает навыки владения английским, решил обсудить с Полли эту возможность более серьезно. «Будет ли это по-прежнему удобно для вас? — спрашивал Франклин. — Он послушен, мягок, готов следовать добрым советам и не будет плохим примером для ваших *других* детей». Полли высказала осторожную готовность. «Боюсь, что он найдет нас настолько заурядными, что едва сможет это выносить, — отвечала она, — но

если английская сердечность заменит французскую утонченность, то мы имеем шанс сделать его счастливым»[538].

Франклин, который все больше привязывался к Бенни, решил оставить его в Пасси. «Он продемонстрировал такую нерасположенность покинуть меня, а Темпл так не хотел с ним расставаться, что я решил оставить его, — объяснял Франклин в письме, направленном Полли в конце 1783 года. — Он ведет себя превосходно, и мы его очень любим». Возможно, с его способностью к языкам Бенни мог бы стать дипломатом, думал Франклин. Однако для этого требовалось поступить на государственную службу, что в случае с Темплом оказалось непростым делом. Однажды он заявил Ричарду Бейчу то же, что говорил своему сыну Уильяму и многим другим: для человека унизительна зависимость от государственной должности. Теперь ту же мысль он снова высказал Ричарду, на этот раз в письме о судьбе Бенни. «Я намерен дать ему профессию, на которую он сможет полагаться, а не быть вынужденным просить у кого-то милостей или должностей»[539].

Выбор Франклина был очевиден. Маленький печатный станок в Пасси активно использовался в ту осень для печатания его багателей, так что он с радостью наблюдал, как мальчик с удовольствием работает в домашней типографии. Был приглашен мастер-плавильщик для обучения технологии отливки шрифта, а к весне Франклин убедил лучшего и самого искусного печатника Франции Франсуа Дидо взять Бенни в качестве ученика. Внуку предстояло пойти по стопам деда не только как печатника, но впоследствии и как редактора газеты.

Что касается Темпла, то Франклин был вынужден просить для него милостей и должностей. Во время отдыха прекрасным летом 1783 года он направил министру иностранных дел Ливингстону еще одну просьбу о протекции для внука Темпла:

> Он прошел почти семилетний период ученичества на государственной службе и показал себя способным достойно служить Соединенным Штатам на этом поприще как человек, обладающий необходимыми знаниями, рвением, энергией, манерами и владеющий языками. <…> Не в моих привычках просить должности для себя или моих родственников, и я не собираюсь делать это и в данном случае. Лишь надеюсь, что если он не получит место в вашем новом министерстве, я буду информирован об этом как можно раньше. Пока у меня есть силы, я мог бы сопровождать его в поездке в Италию с возвращением через Германию, которая принесла бы

ему больше пользы, если бы он совершил ее со мной, а не один, и которую я ему давно уже обещал в качестве вознаграждения за верную службу и нежную привязанность ко мне.

Но Темпл не получил должности в министерстве и не отправился в путешествие по Европе. Вместо этого он предпочел пойти по стопам деда (и отца) менее похвальным образом, чем Бенни. После неудачных попыток жениться на дочерях Бриойнов вступил в любовную связь с проживавшей в Пасси замужней женщиной по имени Бланшетта Кайо, муж которой был известным актером. От Темпла она родила внебрачного сына Теодора. По горькой иронии судьбы ребенок умер от оспы — болезни, унесшей жизнь единственного законного наследника по мужской линии трех поколений Франклинов. Теодор Франклин — незаконнорожденный сын незаконнорожденного сына внебрачного ребенка самого Франклина оказался, хотя и на короткое время, единственным потомком Бенджамина Франклина. Но, к сожалению, он не оставил после себя наследника, носящего его имя[540].

Увлечение воздухоплаванием

Среди развлечений, которыми наслаждались Бенни и его дед летом и осенью 1783 года, было посещение грандиозных представлений — первых полетов воздушных шаров. История воздухоплавания началась в июне 1783 года, когда братья Жозеф и Этьен Монгольфье запустили в окрестностях Лиона надутый горячим воздухом неуправляемый воздушный шар, поднявшийся на высоту около шести тысяч футов. Франклины при этом не присутствовали, но были свидетелями подъема в воздух первого воздушного шара, наполненного водородом. Ученый по имени Жак Шарль изготовил из шелковой материи воздушный шар диаметром двадцать четыре фута и наполнил его водородом, который он получал, смачивая купоросным маслом раскаленные железные опилки. В обстановке ажиотажа шар взмыл в парижское небо на глазах пятидесяти тысяч зрителей и после сорока пяти минут полета приземлился в деревне, расположенной в пятнадцати милях от места старта. «Сельские жители, увидев падение шара, перепугались, — писал Франклин сэру Джорджу Бенксу, председателю Королевского общества, — и набросились на него с камнями и ножами, в результате чего он оказался изрядно покалечен». Затем началось соревнование за честь совершить первый полет с человеком. Его выиграли братья Монгольфье: 21 ноября они поднялись в небо на своем шаре, наполненном горячим воздухом. В то время как огромная толпа издавала ободряющие возгласы, а бесчисленное количество женщин попадало в обморок, воздушный шар с двумя людьми и несколькими бутылками шампанского оторвался от земли, едва не зацепившись за ветки деревьев. «Тогда я очень переживал за этих людей, опасаясь, что они могут выпасть из корзины или сгореть», — сообщал Франклин. Но вскоре воздухоплавателям удалось освободить воздушный шар, и он медленно поплыл в направлении Сены. Через двадцать минут братья приземлились на другом берегу реки и откупорили бутылки в честь своего триумфа. Франклин был среди выдающихся ученых, удостоверивших факт исторического полета. Он поставил подпись под документом, находясь у себя в Пасси, куда на следующий день прибыли братья Монгольфье.

Братья Монгольфье верили, что подъемную силу обеспечивает не только горячий воздух, но и дым, и поэтому инструктировали своих «аэронавтов» забрасывать пламя сырой соломой и шерстью. Однако Франклин отдавал предпочтение модели с «легковоспламеняющимся воздухом», в которой

использовался водород, и оказал финансовую поддержку организации первого полета на таком шаре «с человеком на борту». Этот полет состоялся девятью днями позднее. В то время как Франклин наблюдал за ним из своего экипажа, остановившегося вблизи садов Тюильри (подагра не позволила ему подойти по мокрой траве к толпе зрителей), Шарль и его партнеры провели в воздухе более двух часов и успешно приземлились на расстоянии двадцати семи миль от места старта. И вновь Франклин направил через Бенкса отчет в Королевское общество: «У меня был карманный бинокль, через который я следил за полетом, пока не перестал различать сначала людей, потом корзину, а когда в последний раз посмотрел на шар, он показался мне не больше грецкого ореха». Со времени проведения первых экспериментов с электричеством Франклин неизменно верил, что сначала наука должна очаровывать и удовлетворять любопытство, а уже потом сделанным открытиям следует искать практическое применение. Первоначально он не пытался предугадать пользу от воздушных шаров, но был убежден, что в один прекрасный день эксперименты, как сообщал он Бенксу, «проложат путь к таким открытиям в естественных науках, о которых в настоящее время мы не имеем представления». Можно ожидать, отмечал он в другом письме, «важных последствий, которые не в состоянии предвидеть никто». Также широко известным оказалось его еще более краткое выражение той же мысли, сделанное в ответ на вопрос одного из зрителей о том, какова практическая польза от воздушного шара. «А какая польза, — ответил он вопросом на вопрос, — от новорожденного ребенка?»[541]

Так как англичане не видели пользы от полетов на воздушных шарах и были чересчур гордыми, чтобы последовать французам, то они не разделяли всеобщих восторгов: «Я не наблюдаю склонности у более респектабельной части Королевского общества разделять увлечение воздухоплаванием до тех пор, пока какой-либо эксперимент не докажет его пользу для общества или науки», — писал Бенкс. Франклин язвительно посмеялся над таким отношением. «Мне не кажется разумным отказываться от продолжения нового эксперимента, который, по-видимому, усиливает власть человека над материей, до тех пор, пока мы не сможем увидеть, для чего эта власть может применяться, — отвечал он. — Когда мы научимся управлять ею, то сможем надеяться, что рано или поздно найдем применение для нее, как человек нашел применение силам магнетизма и электричества, первые эксперименты с которыми носили просто развлекательный характер». К началу следующего года он

придумал способ практически применить воздушные шары: они могли использоваться в войне или, еще лучше, как средство сохранения мира. «Одним из полезных эффектов может, вероятно, оказаться убеждение монархов в безрассудстве ведения войн, так как даже самый могущественный из них будет не в состоянии сохранять в неприкосновенности границы своих владений», — утверждал он в письме Яну Ингенхоусу, голландскому ученому и врачу.

Однако главным образом Франклин получал удовольствие от всеобщей бурной радости и тех развлечений, которые сопровождали новое явление. Демонстрационные полеты причудливых воздушных шаров, фантастически украшенных, стали массовым увлечением парижан в том сезоне и повлияли на фасоны шляп, причесок и одежды и даже на танцы. Темпл Франклин и Бенни Бейч придумали собственные миниатюрные модели. А Франклин написал одну из типичных пародий, в которой, как и во многих предыдущих, звучал голос вымышленной дамы. «Если вы хотите наполнить свой воздушный шар веществом, в десять раз более легким, чем легковоспламеняющийся газ, — писала она в одну из газет, — то вы можете найти его в больших количествах и готовым к употреблению в обещаниях поклонников и ухажеров»[542].

Серый кардинал

Как ни увлекался Франклин легкомысленными развлечениями предреволюционного Парижа, в его сочинениях того времени основное внимание уделялось идеям эгалитаризма и антиэлитаризма, необходимым для построения нового американского общества, основанного на ценностях среднего класса. Дочь Салли прислала ему вырезки из газет с сообщениями об учреждении боевого Ордена Цинцинната и общества кавалеров этого ордена — Общества Цинцинната, которое возглавил генерал Вашингтон. В этот орден могли вступить отличившиеся в войне офицеры американской армии, которым затем разрешалось передавать титул члена общества старшим сыновьям. Франклин в начале 1784 года едко высмеял эту идею. Китайцы правы, говорил он, отмечая родителей людей, добившихся славы, так как родители сыграли определенную роль в успехах детей. Но удостаивать особой чести потомков выдающихся людей, не имеющих никакого отношения к заслугам предков, «не только безосновательно и абсурдно, но часто вредно для них самих». Любая форма наследственной аристократии или дворянства, по его заявлению, «полностью противоположна торжественно провозглашенной миссии их страны».

В этом же письме он высмеивал и символ Общества Цинцинната — белоголового орлана, выбранного и в качестве национального символа страны. Это совпадение привело к появлению одного из самых известных юмористических рассуждений Франклина о ценностях Америки и о ее национальном символе:

> Я не хочу, чтобы белоголовый орлан был выбран в качестве символа нашей страны, так как он является птицей с плохими моральными качествами. Он не добывает себе пропитание честным трудом; вы сами могли видеть его сидящим на засохшем дереве вблизи реки, где он, слишком ленивый, чтобы ловить рыбу самому, наблюдает за трудами ястреба-рыболова. В сравнении с ним индюк является птицей, вызывающей намного больше уважения, и к тому же коренным жителем Америки… Он несколько тщеславен и глуповат, это правда, но он не становится от этого менее достойным и безусловно является смелой птицей, способной без колебаний атаковать гренадера британской гвардии[543].

Франклин так часто получал письма от людей, желавших эмигрировать в Америку, что в начале 1784 года напечатал брошюру на французском и английском языках, призванную поощрять к эмиграции наиболее трудолюбивых и отговаривать тех, кто стремился к праздной жизни высшего класса. Эссе «К сведению тех, кто хотел бы перебраться в Америку» является одним из самых наглядных выражений веры в то, что американское общество должно основываться на добродетелях средних (или «посредственных», как он иногда говорил, вкладывая в это слово похвальный смысл) классов, своей принадлежностью к которым он по-прежнему гордился.

Он отмечал, что в Америке мало людей, столь же бедных или столь же богатых, как в Европе. «Там скорее преобладает счастливая посредственность». В Америке почти нет богатых собственников и борющихся за выживание арендаторов, а «большинство людей обрабатывает собственные участки земли» или занимается торговлей или каким-то ремеслом. Франклин был непримирим к тем, кто искал наследуемых привилегий или «не имел никаких положительно рекомендующих качеств, кроме происхождения». В Америке, объяснял он, «люди спрашивают иностранца не кто он, а что он умеет делать». Гордясь своими предками, людьми труда, а не аристократами, он заявлял, что истинный американец «будет считать себя более обязанным специалисту по генеалогии, который смог бы подтвердить, что его предками и родственниками на протяжении десяти поколений были пахари, кузнецы, плотники, токари, ткачи, дубильщики или даже сапожники, то есть полезные члены общества, чем если бы тот мог всего лишь доказать, что они дворяне, не создающие ничего полезного, но праздно живущие за счет труда других людей».

В Америке, провозглашал Франклин, рождается общество, в котором «представителя высших классов», не желающего работать, «будут презирать и игнорировать», в то время как любой, кто обладает полезными умениями, будет пользоваться уважением. Все это способствует улучшению морального климата в стране. «При почти всеобщей умеренности достатка, преобладающей в Америке и вынуждающей людей заниматься делом для получения средств к существованию, пороки, обычно возникающие из-за праздности, в значительной степени становятся невозможными». Подразумевалось, что он описывает ту Америку, которая существовала, но также в общих чертах обрисовывает, какой бы хотел видеть Америку в будущем. В целом это была хвалебная песнь ценностям среднего класса, которые он олицетворял и стремился сделать неотъемлемой

частью характера новой нации[544].

Любовь Франклина к среднему классу и его добродетелям, трудолюбию и бережливости, означали, что его социальные теории — смесь консерватизма (как мы видели, он сомневался в законах о щедрой социальной помощи, порождавших зависимость бедняков) и популизма (он возражал против привилегий наследования и против высоких нетрудовых доходов, получаемых за счет владения крупными поместьями). В 1784 году Франклин развивал эти идеи, рассматривая моральные аспекты обладания предметами роскоши в избыточном количестве. «Я вовсе не думал о средстве против роскоши», — жаловался он Бенджамину Вогану. С другой стороны, стремление к роскоши заставляет людей много работать. Он вспоминал, как его жена однажды подарила красивую шляпку одной сельской девушке, и вскоре все остальные девушки в этой деревне начали старательнее вязать варежки, чтобы заработать денег на покупку модных шляпок. Этот случай согласовывался с его утилитаристскими воззрениями: счастливее стали не только девушки, получившие модные шляпки, но и жители Филадельфии, получившие теплые варежки. Однако чрезмерно расходовать время на приобретение предметов роскоши бессмысленно, это «общественное зло». Поэтому он предлагал, чтобы Америка ввела высокие пошлины на импорт дорогих украшений[545].

Из-за неприязни к чрезмерному богатству он выступал в защиту высоких налогов, особенно на предметы роскоши. Человек имеет «естественное право» на все заработанное им, необходимое для содержания его самого и его семьи, писал он министру финансов Роберту Моррису. «Но вся собственность сверх того — это собственность народа, который создал ее посредством своих законов». Подобным образом он доказывал Вогану, что жесткое уголовное законодательство служит интересам тех, кто пытается защитить избыточную собственность. «Чрезмерное богатство порождается самим обществом, — утверждал он. — Простые и мягкие законы были бы достаточны для защиты имущества, которое является необходимым»[546].

Некоторым из современников Франклина, как богатым, так и бедным, его социальная философия казалась причудливой смесью консервативных и радикальных убеждений. Однако на самом деле она представляла собой очень связное мировоззрение. В отличие от многих последующих революций, американская революция не была радикальным бунтом угнетенного пролетариата. Напротив, она осуществлялась по большей части гражданами-собственниками под буржуазным лозунгом «Нет налогов без представительства». Эти смешанные убеждения

Франклина стали частью мировоззрения большинства представителей американского среднего класса: его веры в добродетели трудолюбия и бережливости, его готовности вступать в добровольные ассоциации для помощи другим людям, его консервативной оппозиции раздаче подаяний, порождающей лень и иждивенчество, и его отчасти противоречивого недовольства избыточной роскошью, наследственными привилегиями и существованием паразитирующего класса крупных собственников.

Окончание войны позволило возобновить переписку со старыми друзьями из Англии, в частности с коллегой-печатником Уильямом Страханом, которому он девять лет тому назад написал свое знаменитое, но так и не отправленное письмо, заканчивавшееся словами: «Отныне вы мой враг». К 1780 году Франклин смягчился настолько, что подписал черновик письма к нему словами «В прошлом любящий вас друг», которые затем заменил на «Давно вас любящий ваш покорный слуга». В 1784 году он уже подписывался «Искренне любящий вас». И вновь они обсуждали теории Франклина о том, что высшие государственные чиновники должны работать бесплатно, и его утверждения о врожденной коррумпированности английского общества и английского правительства. Теперь, однако, тон их дискуссий стал полушутливым, так как Франклин утверждал, что американцы, сохранившие «остатки любви» к британцам, должны помочь им в управлении государством. «Если у вас не осталось достаточно разума и добродетели, чтобы управлять собой, — писал он, — отмените старую безумную конституцию и направьте представителей в Конгресс». Чтобы Страхан понял, что он шутит, Франклин признался: «Вы скажете, что мой совет пахнет мадерой. Вы правы. Это дурацкое письмо является просто результатом болтовни после второй бутылки»[547].

Начало лета 1784 года Франклин потратил на новые страницы автобиографии. Он написал около сорока процентов того, что стало затем знаменитой книгой, еще в 1771 году, находясь в гостях у епископа Шипли в Твайфорде. Теперь он откликнулся на просьбу Вогана, заявившего, что история Франклина поможет объяснить «пути возвышения людей», и написал в Пасси то, что составило еще десять процентов этого сочинения. Его внимание в то время было сосредоточено на потребности создать новый американский характер, и бóльшая часть написанного в 1784 году посвящена объяснению знаменитого проекта самосовершенствования, при реализации которого он стремился выработать у себя тринадцать добродетелей, начиная бережливостью и трудолюбием и

заканчивая умеренностью и смирением.

Его друзья в Пасси были особенно заинтригованы историей блокнота в твердой обложке, который Франклин использовал для записи своих усилий по обретению этих добродетелей. Франклин, еще не выработавший у себя достаточной скромности, гордо показывал блокнот Кабанису, молодому врачу, жившему с мадам Гельвеций. «Мы дотронулись до этого бесценного блокнота, — записал Кабанис в дневнике. — Мы держали его в руках. Здесь записана в некотором роде хронология души Франклина!»[548]

В свободное время Франклин занимался усовершенствованием одного из своих самых известных и полезных изобретений: бифокальных очков. В письме к другу, написанном в августе 1784 года, он заявлял, что «гордится изобретением двойных очков, которые, позволяя видеть дальние объекты так же хорошо, как и ближние, делают мои глаза такими же полезными, какими они были когда-то». Через несколько месяцев в ответ на просьбу о дополнительной информации Франклин подробно описал его детали:

> Та выпуклость стекол очков, через которые человек четче и яснее всего видит на расстоянии, пригодном для чтения, не является наилучшей для более дальних расстояний. Поэтому раньше я имел две пары очков, которые время от времени менял, как, например, в путешествиях, когда иногда читал, а иногда рассматривал окружающие пейзажи. Найдя такую смену очков утомительной и недостаточно быстрой, я разрезал стекла и тех и других очков пополам и склеил разные половины между собой. Поскольку я ношу очки постоянно, мне требуется всего лишь направлять взгляд вверх или вниз, когда хочу отчетливо разглядеть что-то вдали или вблизи, и таким образом подходящие очки всегда находятся на мне[549].

На портрете, написанном Чарльзом Уилсоном Пилом в 1785 году, Франклин изображен именно в таких очках.

Благодаря своей славе ученого и изобретателя в 1784 году Франклин был назначен королем в комиссию по изучению теорий Фридриха Антона Месмера, чья пропаганда новых методов врачевания привела к появлению нового термина «месмеризм» (фамилия другого члена комиссии, доктора Жозефа Игнаса Гильотена, вскоре, в период французской революции, также породит неологизм). Месмер, одержимый венский врачеватель, верил, что все болезни вызываются искусственными нарушениями универсального потока флюидов, испускаемых небесными

телами, и могут быть вылечены разработанными им методами животного магнетизма. Его лечение предполагало, что пациенты должны размещаться вокруг больших дубовых чанов, наполненных битым стеклом и железными опилками, а врачеватель с помощью намагниченного металлического стержня будет магнетизировать и месмеризировать их. Месмеризм как один из симптомов заката эпохи Просвещения стал очень популярным в Париже и отодвинул на второй план увлечение воздухоплаванием. Среди его приверженцев были Лафайет, Темпл Франклин и королева Мария-Антуанетта.

Многие заседания комиссии проводились в Пасси, где Франклин как представитель науки подвергался новому методу лечения. В своем дневнике четырнадцатилетний Бенни описал одну такую сессию, во время которой последователи Месмера «после того как магнетизировали больных людей… отправились в сад, чтобы магнетизировать там деревья». Было ясно, что сила магнетизма способна вызывать странные эффекты. Однако члены комиссии решили: «Наша роль заключается в том, чтобы сохранять хладнокровие, здравомыслие и непредубежденность». Поэтому они завязывали пациентам глаза, чтобы те не знали, подвергаются ли лечению методами Месмера на самом деле. «Мы обнаружили, что могли бы влиять на пациентов сами, так что их ответы оказывались одинаковыми независимо от того, магнетизировались они или нет». Члены комиссии пришли к выводу, что Месмер — шарлатан и что наблюдавшиеся эффекты вызваны, как указано в отчете, «силой воображения». В неопубликованном приложении к отчету указывалось, что лечение оказывалось действенным при сексуальном возбуждении молодых женщин с помощью «приятной щекотки». Франклин написал Темплу, который больше не был последователем Месмера, что отчет основательно разоблачил теории обманщика. «Кое-кто думает, что наш отчет положил конец учению Месмера, — говорил он, — но во всем мире оно пользуется удивительным доверием, а обманы, не менее абсурдные, поддерживаются на протяжении веков»[550].

Финал

Одним из источников огорчений для Франклина была необходимость проводить переговоры с другими европейскими странами вместе с Джоном Адамсом. Он признавался одному своему другу, что обеспокоен, «какими будут плоды коалиции между моим невежеством и его самоуверенностью». Период умиротворенности у Адамса продолжался всего несколько месяцев после подписания временного мира с Британией, после чего его клеветнические нападки на Франклина возобновились. В своем письме Роберту Ливингстону Адамс называл Франклина «неразборчивым политиканом». «Если бы этот джентльмен и мраморный Меркурий в саду Версаля оказались претендентами на пост посла, я без колебаний отдал бы свой голос за статую, руководствуясь тем соображением, что она не принесет вреда».

Неудивительно, что Франклин испытал волнение, когда Томас Джефферсон, дважды отказывавшийся от предложения присоединиться к Франклину и Адамсу в качестве дипломатического представителя, наконец-то уступил требованиям Конгресса и прибыл в Париж в августе 1784 года. Джефферсон был абсолютным антиподом Адамса: дипломатичный и обаятельный, неравнодушный к Франции, способный хранить верность без ревности, любитель женщин и развлечений и полностью лишенный пуританского ханжества. Он был также философом, изобретателем и ученым, чье любопытство, характерное для века Просвещения, соответствовало любопытству Франклина.

Еще лучше, что Джефферсон хорошо знал темные стороны характера Адамса. Джеймс Мэдсон пожаловался ему, что письма Адамса — «демонстрация его тщеславия, предубеждения против французского двора и злобы к доктору Франклину». Джефферсон ответил: «Он ненавидит Франклина, ненавидит Джея, ненавидит французов, ненавидит англичан. За кого он будет держаться?»

Джефферсон разделял веру Франклина в то, что идеализм и реализм должны играть важную роль в международной политике. «В интересах наций, как и людей, следовать велениям совести», — заявлял он. И в отличие от Адамса безгранично уважал Франклина. «Во Франции доктор Франклин вызывает больше уважения и благоговения, чем любой другой человек, иностранец или француз», — писал он, провозглашая Франклина «великим человеком и украшением эпохи». Когда через несколько месяцев распространилась новость о том, что он должен будет заменить Франклина, Джефферсон отреагировал на нее следующими

словами: «Никто не может заменить его, сэр, я лишь его преемник»[551].

Джефферсон часто обедал с Франклином, играл с ним в шахматы и слушал рассуждения о лояльности, которую Америка должна проявлять к Франции. Его успокаивающее присутствие даже помогло Франклину и Адамсу ладить друг с другом, и три человека, работавшие вместе над Декларацией, весь сентябрь ежедневно пребывали теперь вместе в Пасси, занимаясь подготовкой новых дипломатических и торговых соглашений с европейскими странами. Фактически имелось многое, о чем три патриота запросто могли договориться. Они разделяли веру в свободу торговли, открытость договоренностей и в необходимость покончить с меркантилистской системой репрессивных коммерческих соглашений и ограничительной схемой деления мира на сферы влияния. Адамс заметил с несвойственным ему великодушием: «Мы действовали в удивительном согласии, в хорошем настроении и полном единодушии».

И для людей, и для наций настал период примирения. Если Франклин сумел исправить отношения с Адамсом, то оставалась надежда, что он сможет исправить и отношения с сыном. «Дорогой и уважаемый отец, — написал ему Уильям из Англии. — Губительное противостояние между Великобританией и Америкой закончилось. Я постоянно озабочен тем, чтобы написать вам и попытаться возродить нежные отношения и связи, которые, до начала недавних бед, составляли гордость и счастье моей жизни». Это благородный, великодушный и в чем-то жалобный жест сына, который, несмотря на драматические события, никогда не говорил ничего плохого о своем далеком отце и не переставал любить его. Но Уильям тоже был Франклином и не мог ни заставить себя признать, что был не прав, ни принести извинения. «Если я ошибался, то не мог ничего с этим поделать. Это ошибка суждения, которую самое зрелое размышление, на которое я способен, не может исправить, и я действительно верю, что если бы те же обстоятельства возникли завтра, мое поведение оказалось бы точно таким же, каким было». Уильям готов был приехать в Париж, если его отец не хочет ехать в Англию, с тем, чтобы они могли разрешить свои проблемы во время «личной беседы»[552].

Ответное письмо Франклина показывало его страдание, но также подавало сигнал надежды. Оно начиналось со слов, что он «рад обнаружить, что ты хочешь возродить тесные отношения» и что «это будет приятно мне». Но потом любовь сменилась гневом:

> В действительности ничто не причиняло мне столько страдания и не воздействовало так сильно на мои чувства, как то, что я в преклонном возрасте обнаружил, что меня покинул единственный сын, поднявший к тому же оружие против меня в деле, в котором на карту поставлена моя слава, состояние и вся жизнь. Ты утверждаешь, что этого требовали твой долг перед твоим королем и уважение к твоей стране. Я не должен винить тебя за различия между нами в отношении к общественным делам. Все мы люди, и всем нам свойственно ошибаться. Наши мнения нам неподвластны, они во многом формируются и направляются обстоятельствами, которые часто бывают столько же необъяснимыми, сколь и непреодолимыми. Твоя ситуация была такой, что немногие осудили бы твое желание сохранять нейтралитет, *хотя существуют естественные обязанности, главенствующие над политическими*. (Выделено Франклином.)

Тут он остановил себя. «Это неприятная тема, — написал Франклин. — Я закрываю ее». Было бы не совсем удобно, считал он, «приезжать тебе сюда в данный момент». Вместо этого в Лондон в качестве посредника направился Темпл. «Ты можешь доверить своему сыну семейные дела, которые хочешь обсудить со мной». Затем несколько снисходительно добавлял: «Я верю, что ты не будешь знакомить его с людьми, в обществе которых ему не следовало бы находиться». Темпл, возможно, и был сыном Уильяма, но Франклин давал ясно понять, кто его контролирует[553].

В свои двадцать четыре года Темпл проявлял мало мудрости, свойственной его деду, но зато в избытке обладал эмоциями, скрепляющими семьи, даже и разделенные расстояниями. Он давно надеялся, как сообщал своему другу в Лондон, вернуться туда, «чтобы обнять своего дорогого отца». Тем не менее во время визита в Лондон был достаточно осторожен, чтобы проявить верность деду, и даже испросил его разрешения, прежде чем поехать с отцом на морское побережье.

Через несколько недель Франклин начал опасаться, что Темпл может бросить его ради отца, и принялся бранить внука, что тот мало ему пишет. «Я с нетерпением ждал каждого прибытия почты. Но от тебя ни слова». Помимо прочего, жаловался Франклин, это ставит его в затруднительное положение, когда другие спрашивают, что слышно о Темпле. «Оцени, что должен чувствовать я, что могут подумать они, и

скажи, как мне следует воспринимать такое пренебрежение». Из всех членов его семьи лишь Темпл мог вызвать такое проявление ревности и собственнических чувств.

Что касается Темпла, то он вовсю радовался жизни. С ним обращались как с выдающейся личностью: его чествовали Королевское общество, лорд-мэр и многие светские дамы, устраивавшие в его честь чаепития. Джильберт Стюарт нарисовал его портрет, а друг вручил ему список лучших сапожников и портных, добавив при этом: «А когда тебе захочется клубнички, отправляйся к этим проверенным девочкам, которые, я думаю, довольно хорошенькие»[554].

Темпл был неспособен разрешить вопросы, разделявшие отца и деда, но смог выполнить одну часть своей миссии: убедить Полли Стивенсон приехать в Пасси. В свои сорок пять она уже десять лет была вдовой, а ее мать, многолетняя домашняя хозяйка и собеседница Франклина, умерла в прошлом году. («Она любила вас нежной любовью», — написала Полли, сообщая эту печальную новость.) Франклин просил Полли побыстрее приехать к нему, так как, по его словам, сейчас он напоминает здание, которое требует «такого ремонта, что хозяин сочтет более дешевым снести его и построить новое». К концу лета 1784 года его письма стали еще более умоляющими. «Приезжайте, мой дорогой друг, поживите со мной, пока я здесь, и отправляйтесь со мной в Америку, если я действительно туда соберусь»[555].

В начале декабря 1784 года, в последнюю зиму Франклина во Франции, в Пасси приехали многие близкие ему люди, образовав самую приятную версию гибридной семьи, настоящей и суррогатной, которую он так любил собирать вокруг себя. Здесь, к его великой радости, были Темпл и Бенни, Полли со своими тремя детьми, Томас Джефферсон и другие великие умы, а также мадам Брийон и мадам Гельвеций с ее необычной свитой.

«На короткий момент, — отмечали Клод Анн Лопес и Евгения Герберт, — его разные „семьи“ находились почти что в идеальном состоянии равновесия, образуя силовое поле доброй воли, центром которой был он сам»[556]. Темпл немало позабавил Полли, когда она вновь увидела его в Лондоне спустя десять лет. Она с улыбкой напоминала Франклину, как он тогда пытался сохранить в секрете от мальчика его истинное происхождение. «Мы видим прочное сходство с вами и видели его тогда, когда не смели и подумать открыто сказать об этом, так что притворялись несведущими, какими полагали нас вы или считали, что мы должны быть таковыми». Это давало ей возможность немного подколоть их обоих: «Я уверена, что вы могли бы быть красивее вашего внука, но тогда вы никогда бы не были таким

благовоспитанным».

Более тесное знакомство с Темплом не обязательно, за исключением случая с дедом, порождало нежное чувство к нему, и Полли после приезда в Пасси испытывала к Темплу все меньше и меньше симпатии. «Он так любит свой гардероб, — писала она родственнице, — имеет такое самомнение и настолько озабочен получением удовольствий, что его нельзя считать ни дружелюбным, ни заслуживающим уважения человеком».

В то же время Бенни, благодаря выгодам обучения в Женеве и естественному стремлению нравиться, поразил Полли «своей разумной и смелой манерой поведения, лишенной малейшего налета фатовства». У него была прическа скорее английского лихого парня, чем французского щеголя, и «благодаря простой одежде он сохраняет милые особенности своей натуры». Темпл мог казаться внешне похожим на Франклина, но Бенни, который плавал в Сене, с увлечением запускал воздушных змеев, брал Полли в поездки по Парижу и проявлял усердие в освоении профессии печатника, больше напоминал деда «по уму»[557].

Прощание

Время от времени Франклин писал о желании не разрушать свой маленький рай, остаться во Франции и умереть среди тех, кто так любил и радовал его. Подагра и камни в почках делали перспективу плавания через океан довольно мрачной, в то время как тлеющие угольки страстного увлечения парижскими дамами еще доставляли ему наслаждение. В мае 1785 года в письме другу он вспоминал одну из своих любимых застольных песен:

> Если бы я мог управлять страстями с абсолютной властью,
> Становиться мудрее и чувствовать себя лучше, даже теряя силы,
> Без подагры и камней на закате моей жизни.

«Но что значат наши желания? — вопрошал он. — Я пел эту песню-пожелание тысячи раз, когда был молод, и теперь в возрасте восьмидесяти лет обнаруживаю, что получил все, о чем просил меня избавить: подагру, камни в почках и неспособность управлять своими страстями».

Тем не менее когда в том же месяце Франклин узнал, что Конгресс наконец-то принял его отставку, а Темпл не получил никакой должности в Европе, он решил, что настало время отправляться домой. Из Пасси он написал Полли, которая к тому времени уже вернулась в Англию, и попросил ее сопровождать его. Он мог воспользоваться предоставленными ему привилегиями и заказать просторную каюту для всей ее семьи. «Возможно, у вас никогда больше не будет такой благоприятной возможности». Но она, по крайней мере на какое-то время, решила остаться в Англии. Франклин отослал описание планов путешествия сестре Джейн и дополнил его таким пояснением: «Я заработался допоздна, теперь настало время, когда я должен пойти домой и лечь в постель». Такие метафоры он стал использовать все чаще, и одна из них получила дальнейшее развитие в письме к Дэвиду Хартли, который неоднократно помогал ему при проведении переговоров. «Мы долгое время вместе занимались лучшей из всех работ, работой по достижению мира, — писал он. — Оставляю вас и дальше трудиться в этой области, но мой рабочий день закончился, и я собираюсь домой, в постель! Пожелайте мне хорошего ночного отдыха, как я желаю вам приятного вечера. Прощайте!»[558]

Прощание в Пасси было драматичным и сопровождалось потоками слез. «Каждый день моей жизни я буду помнить, что этот великий человек, мудрец был моим другом, — позже записала мадам Брийон. — Если вам когда-нибудь будет приятно вспомнить о женщине, любившей вас больше всего на свете, подумайте обо мне».

Мадам Гельвеций и здесь осталась непревзойденной. «Возвращайтесь, мой дорогой друг, возвращайтесь к нам», — написала она в письме, направленном вдогонку Франклину, чтобы перехватить его в момент посадки в лодку. Каждому из своих друзей он вручил подарок, обреченный стать реликвией. Кабанис получил полую трость, которая волшебным образом успокаивала волны, аббат Морелле — ящик с инструментами и кресло, а владелец поместья Шомон — стол, который легко можно было делать выше или ниже. (Он также вручил Шомону счет за усовершенствования, которые сделал в своих апартаментах, включая установку молниеотвода и ремонт камина — «чтобы излечить его от невыносимой привычки дымить».)

Облегчая Франклину путешествие до Гавра, королева Мария-Антуанетта предоставила ему собственный портшез, который переносили отличавшиеся ровным ходом испанские мулы. Ее супруг, король Людовик XVI, подарил ему свой миниатюрный портрет, обрамленный четырьмястами восемью мелкими бриллиантами. Франклин также обменялся подарками с Верженом, передавшим через помощника, что «Соединенные Штаты никогда не будут иметь более усердного и полезного слуги, чем господин Франклин»[559].

Двенадцатого июня, в день отъезда из Пасси, Бенни записал в дневнике: «Скорбное молчание, нарушаемое лишь редкими всхлипываниями, царило вокруг». Джефферсон, пришедший проститься с ним в момент отъезда, вспоминал: «Дамы душили его в объятиях, а после того как он представил меня в качестве своего преемника, я сказал, что хотел бы, чтобы и эти привилегии он передал мне, но он ответил: „Вы еще слишком молоды“»[560].

Франклин планировал пересечь Ла-Манш, а уже после решить, в состоянии ли он выдержать океанское путешествие. Если нет, то он отправится обратно в Гавр и в портшезе королевы вернется в Пасси.

Однако, как обычно, путешествие оказало на Франклина не угнетающий, а ободряющий эффект, и он был единственным из пассажиров, не страдавшим морской болезнью во время плавания по бурным водам Ла-Манша. По прибытии в Саутгемптон он со всеми сопровождающими направился на бальнеологический курорт, где, как отметил в дневнике, купался в струях воды «и,

плавая на спине, задремал и проспал около часа, не утонув и не перевернувшись!»[561].

Оставалась еще одна драматическая сцена, которую Франклин должен был сыграть, одно последнее эмоциональное испытание перед своим восьмым и последним плаванием через Атлантику. Четыре дня он оставался в гостинице «Стар Инн» в Саутгемптоне, чтобы встретиться со старыми английскими друзьями и проститься с ними. К нему приехал епископ Шипли с дочерью Китти. Приехал и Бенджамин Воган, прощенный за несанкционированные контакты с Джеем и Темплом и готовивший к печати новое издание сочинений своего друга. Устраивались торжественные обеды и приемы, которые Франклин описывал как «очень дружественные».

Но главный персонаж, навестивший его в «Стар Инн», заслужил лишь краткого упоминания в его дневнике. «Встретился с сыном, приехавшим из Лондона накануне вечером», — записал Франклин. Ни слова о примирении, о пролитых слезах или о проявленных чувствах, лишь холодное сообщение о переговорах, о долгах и собственности.

Франклин восстановил к тому времени полный контроль над Темплом и вел трудные переговоры от имени внука. Он настаивал, чтобы Уильям продал Темплу свою ферму в Нью-Джерси за сумму, меньшую цены покупки, аргументируя это требование наличием у Уильяма многочисленных и тщательно зафиксированных долгов, до сих пор не возвращенных отцу. Он также получал права на все претензии Уильяма на земельные участки в Нью-Йорке. Отняв у Уильяма сына, он отнимал теперь его имущество и лишал его связи с Америкой.

Последняя встреча трех поколений Франклинов, омраченная напряженностью в отношениях между отцом и сыном, завершилась настолько холодно, что ни один из них ни разу не счел уместным рассказать о ней. Дневник Франклина не содержит никаких подробностей, нет упоминаний и в его письмах или разговорах. Они с сыном больше никогда не переписывались. Уильям написал письмо единокровной сестре Салли четыре дня спустя, но, как ни удивительно, рассуждал лишь о ее детях и о портрете, который пытался отправить ей, но ни разу не упомянул о недавней драматической встрече. Ближе всего он подошел к этой теме в конце длинного письма, рассуждая о том, как скоро все они окажутся в Филадельфии, и жалуясь, что «судьба забросила меня на другую сторону земного шара». Даже десятилетия спустя, приступив к сбору документов о жизни деда, Темпл обронил лишь случайную и незначительную фразу о том, что в Саутгемптоне Франклин «имел удовольствие встретиться со

своим сыном, бывшим губернатором Нью-Джерси»[562].

Уильяма не пригласили на прощальный прием, состоявшийся 27 июля на борту корабля, на котором отправлялся в Америку его отец. Воодушевленный предстоящим путешествием и не проявлявший сожаления по поводу холодного расставания с сыном, Франклин просидел с друзьями до четырех часов утра. На следующий лень, проснувшись поздно утром, он обнаружил, что друзья ушли, что рядом с ним два его внука и что корабль уже стоит под парусами, готовый плыть домой.

Глава 16. Мудрец
(Филадельфия, 1785–1790)

Наконец-то дома

Во время этого последнего путешествия через океан Франклин не чувствовал потребности изучать успокаивающее влияние масла на морские волны или даже просто упоминать об этом. Также, несмотря на многочисленные обещания друзьям, не приступил к работе над мемуарами, которые некогда начал как письмо «дорогому сыну», недавно покинутому им навсегда.

Вместо этого он отдался увлечению, которое давало возможность его разуму отдохнуть и взбодриться: проводил научное исследование поверхности океана, ставил эксперименты и приходил к практическим выводам. Результатом этих усилий стал сорокастраничный отчет с описанием наблюдений и теорий по самой разной морской тематике, снабженный многочисленными графиками, рисунками и таблицами данных. В какой-то момент Франклин взял паузу и признался: «Мною овладела словоохотливость, свойственная старикам, — а затем продолжил: — думаю, что мог бы прямо сейчас раз и навсегда выдать на-гора весь мой запас знаний о море».

А запас этот был велик. Иллюстрированные диаграммами теории о том, как проектировать корпус корабля, чтобы минимизировать его сопротивление ветру и воде. Описание прежних экспериментов и проекты новых по изучению воздействия воздушных потоков на предметы разных форм. Объяснения, как использовать разрезанные на части игральные карты, чтобы оценить силу ветра. Трансформация последнего эксперимента в другой с использованием парусов и рангоута. Способы применения во́ротов, предотвращающие разрыв якорных цепей. Анализ заполнения водой трюма корабля, корпус которого дал течь. Предложение по разделению корпуса корабля на отсеки, подобно тому, как это делали китайцы. Реальные истории о попавших в беду кораблях, одни из которых утонули, а другие спаслись, и рассуждения о причинах каждого из таких исходов. Сравнение эскимосских каяков, китайских джонок, индейских каноэ и малайских проа. Предложения по строительству водяных гребных винтов и воздушных пропеллеров и многое, многое другое, страница за страницей, диаграмма за диаграммой.

Франклин также вновь обратил внимание на Гольфстрим: на этот раз он поставил эксперимент, желая выяснить, является ли Гольфстрим глубоководным течением или подобен теплой реке, текущей вблизи поверхности океана. Для этого пустая бутылка, заткнутая пробкой, опускалась с помощью груза на глубину тридцати пяти морских саженей. Под давлением воды пробка

выскакивала из горла, позволяя бутылке наполняться морской водой. Вода, взятая с глубины, была на шесть градусов холоднее поверхности океана. Подобные эксперименты с использованием небольших бочонков с двумя клапанами показали: вода вблизи дна даже на глубине всего восемнадцати морских саженей на двенадцать градусов холоднее воды на поверхности. Франклин составил карты и графики изменения температуры и предположил: «Термометр может оказаться полезным инструментом для мореплавателей», способным помочь капитанам использовать влияние Гольфстрима при плавании на восток и избегать влияния Гольфстрима при плавании на запад и таким образом сокращать время пересечения Атлантики на неделю или более[563].

Помимо этого, Франклин писал пояснительные записки, снабженные данными экспериментов, о том, как исправлять дымящие камины и правильно выкладывать печи. С высоты наших дней может показаться, что эти трактаты перегружены деталями, но не следует забывать, что они посвящались одной из самых серьезных проблем того времени — избавлению людей от копоти, покрывавшей жилища внутри и снаружи. Это был самый важный вклад Франклина в науку с момента экспериментов с электричеством в 1752 году. И, подобно более ранним исследованиям, новые, выполненные во время морского вояжа 1785 года, также показали его уникальную способность — характерную для изобретателя, возможно, гениального, — понимать важность единства научной теории, технического новшества, продуманных экспериментов и практической полезности[564].

В сентябре 1785 года Франклин вместе с двумя внуками высадился на филадельфийской пристани вблизи Маркет-стрит — спустя шестьдесят два года после того, как он семнадцатилетним беглецом впервые сошел на этот берег. «Нас радостно встретила толпа людей и проводила почти до дверей моего дома». Палили пушки, звонили колокола, Салли обняла отца, а по щекам Темпла потекли слезы. Франклин, долгое время переживавший из-за вреда, который могли нанести его репутации разного рода Ли и Адамсы, испытал чувство облегчения. «Теплый прием, устроенный согражданами, превзошел все мои ожидания», — с гордостью писал он Джону Джею[565].

Теперь людей, собравшихся вокруг него в доме на Маркет-стрит, было даже больше, чем в Пасси. Они-то и образовывали единую семью, от которой Франклин получал огромное удовольствие. Здесь были его вечно послушная долгу дочь Салли, исполнявшая роль хозяйки дома, и ее муж Ричард Бейч, звезд с

неба не хватавший, но всегда любезный. Помимо Бенни и Уилли, у Бейчей появилось еще четверо детей — «четверо маленьких, что-то лепечущих детишек, которые забирались на дедушкины колени и доставляли мне огромное удовольствие», — и еще один был на подходе. В течение года Полли Стивенсон должна была сдержать обещание и приехать погостить со своими тремя детьми. «Что касается моих домашних обстоятельств, — писал Франклин епископу Шипли, — то сейчас они складываются как нельзя лучше. Я окружен отпрысками, рядом со мной заботливая и любящая дочь и шестеро внуков»[566].

Бенни поступил в Филадельфийскую академию, основанную его дедом (переименована позже в Университет штата Пенсильвания), а по ее окончании в 1787 году стал печатником. Франклин был этому чрезвычайно рад. Он построил для Бенни типографию, помог подобрать и отлить шрифты и предложил для издания несколько книг. Однако теперь его прежнее стремление издавать бестселлеры наподобие альманаха Бедного Ричарда уступило место желанию печатать более серьезные и нравоучительные сочинения, и Бенни в конце концов начал чувствовать себя неуютно. Тем не менее он продолжал преданно служить Франклину в качестве секретаря и писца. Темпл попытался стать джентльменом-фермером в своем поместье в Нью-Джерси, отнятом у отца, однако обладал неподходящим для забот об урожае и стадах характером. Предпринимая непродуманные попытки создать образцовое французское поместье, он донимал французских друзей просьбами прислать ему особей благородного оленя (американская оленина, по его словам, была безвкусной), охотничьих собак и охотничьи костюмы для слуг. После того как олень издох в пути, Темпл вернулся к образу жизни городского денди и стал проводить бóльшую часть времени на вечеринках в лучших домах Филадельфии. Меж тем дед, единственный искренне любивший его человек, продолжал тщетные попытки найти ему должность при каком-нибудь посольстве.

Хотя и не такой подвижный, чем прежде, Франклин продолжал любить клубное общество, как и в бытность свою молодым ремесленником. Немногие оставшиеся в живых члены старых сообществ возобновили встречи, причем нередко в его доме. До того времени дожили всего четверо из добровольной пожарной команды, основанной Франклином в 1736 году, но он откопал где-то свое ведро и созвал старых огнеборцев. Американское философское общество, некогда проводившее сессии в его столовой, в 1786 году избрало Темпла новым членом наряду с несколькими действительно выдающимися

интеллектуалами, с которыми Франклин познакомится во время пребывания в Европе: Ле Вейяром, Ларошфуко, Кондорсе, Ингенхаузом и Кабанисом. Чтобы применить честную любознательность к «трудной и сложной науке правления», которую философское общество применяло к науке о природе, Франклин организовал специальную группу — Общество политических исследований, куда вошли несколько молодых друзей Франклина, в том числе Томас Пейн.

Франклин достиг возраста, когда уже не беспокоятся по поводу расточительного расхода времени. Подолгу он играл с друзьями в карты, хотя это заставляло его иногда, как он писал Полли, испытывать кратковременные угрызения совести. «Но другое размышление приносит мне облегчение: „Ты же знаешь, что душа бессмертна, почему же не можешь потратить немного времени, если перед тобой целая вечность?“ Поэтому, легко поддаваясь самоуговорам и, подобно прочим разумным существам, удовлетворяясь даже слабым доводом в пользу того, что мне хотелось бы сделать, я снова тасую карты и начинаю новую партию»[567].

Обнаружив на Маркет-стрит богатый рынок фермерской продукции и сделав вывод, что теперь продукты питания стало выгоднее покупать, чем выращивать самому, Франклин превратил свой маленький огород в крошечную копию сада в Пасси с гравийными дорожками, посадками ягодных кустарников и тенистыми тутовыми деревьями. Одному из его гостей довелось наблюдать следующую сцену: «Мы нашли его в саду, сидящим на траве под раскидистым тутовым деревом в обществе нескольких джентльменов и двух или трех дам. Под деревом стоял чайный столик, и миссис Бейч, которая является единственной дочерью доктора и живет вместе с ним, обслуживала собравшихся. Рядом с ней находились трое ее детей. По-видимому, они обожали своего дедушку»[568].

Это был образ жизни, позволявший не допускать сильных приступов подагры и мочекаменной болезни. Он страдал от болей, только когда ходил или «давал течь», как он писал Вейяру. «Так как я веду умеренный образ жизни, не пью вина и ежедневно выполняю упражнения с гантелями, то льщу себя надеждой, что камень не будет расти так же быстро, как без всего этого, и я по-прежнему смогу терпеть его присутствие. Люди, живущие долго и выпивающие чашу жизни до дна, должны быть готовы найти на дне естественный осадок».

Двадцать два года назад он лично контролировал каждую деталь строительства нового дома на Маркет-стрит и даже инструктировал Дебору из-за океана по вопросам внутренней

отделки и покупки мебели. Но жить в этом доме ему приходилось только наездами, и теперь он находил его слишком тесным для разросшейся семьи, клубных собраний и увеселений. Настало время, решил он, начать новое строительство.

Несмотря на возраст, Франклин нашел эту перспективу увлекательной. Имея страсть к новейшим усовершенствованиям и испытывая приятное возбуждение от предвкушения скорого начала работ, он с удовольствием вникал во все детали проектирования и тайны строительного мастерства.

Как он писал Вейяру, ему доставляло удовольствие наблюдать за «каменщиками, плотниками, каменотесами, малярами и стекольщиками», мастерством которых он восхищался еще в Бостоне, будучи ребенком. К тому же он знал, что вложения в недвижимость очень выгодны — стоимость земли в Филадельфии быстро росла, как и стоимость аренды жилья[569].

План предусматривал снос трех принадлежащих ему старых домов на Маркет-стрит и возведение на их месте двух новых и более просторных. Франклин ухаживал за Деборой в одном из этих домов, начинал работать печатником в другом, но ностальгия не была ему присуща. Однако он вынужден был изменить планы из-за спора о границах земельного участка. «Мой сосед оспаривает нынешние границы, и я обязан отложить строительство до тех пор, пока спор не будет разрешен по закону, — написал он сестре Джейн в Бостон. — Тем временем работники и материалы уже найдены; я заказал пристройку к дому, в котором живу, так как дом становится тесным для нашей растущей семьи».

Новая трехэтажная пристройка, непосредственно примыкавшая к существующему дому, имела тридцать три фута в длину и шестнадцать футов в глубину, что увеличивало жилую площадь на треть. На нижнем этаже находилась большая столовая, в которой могли разместиться двадцать четыре человека, а на третьем этаже — новые спальни. Но самым замечательным помещением, целиком занимавшим весь второй этаж, была библиотека, соединенная переходом со «старой доброй спальней» Франклина. На полках, располагавшихся вдоль стен от пола до потолка, стояло четыре тысячи двести семьдесят шесть книг, что, по словам одного посетителя, делало эту библиотеку «самой большой и самой лучшей частной библиотекой в Америке» (некоторое преувеличение). Как признавался Франклин своей сестре Джейн, «с трудом представляю, как оправдать строительство библиотеки в том возрасте, который вскоре обяжет меня покинуть вас, но все мы склонны забывать о том, что состарились, а строительство

развлекает меня»[570].

В конце концов Франклин смог построить и два новых дома, один из которых стал типографией внука Бенни, а затем спроектировал крытый переход между ними во внутреннем дворе собственного перестроенного дома. Новые строительные проекты позволили ему реализовать на практике различные идеи о пожарной безопасности, которые он пропагандировал в течение многих лет. Ни одна деревянная балка в одной комнате не стыковалась непосредственно с деревянной балкой в соседней комнате, межэтажные перекрытия и лестницы были оштукатурены, а на крыше имелся специальный люк, через который «можно было выйти наружу и полить водой кровельную дранку в случае, если по соседству начнется пожар». Во время перестройки старого дома он с удовлетворением отметил, что молния расплавила верхушку молниеотвода в то время, пока он был во Франции, но сам дом не пострадал, так что «изобретение принесло пользу изобретателю»[571].

Помимо книг, в новой библиотеке было собрано разнообразное научное оборудование, включая устройства для изучения электричества и стеклянную «машину», демонстрирующую движение крови в теле человека. Чтобы сделать процесс чтения более комфортным, Франклин изготовил большое кресло-качалку с опахалом, которое приводилось в действие ножной педалью. В библиотеке находились и музыкальные инструменты: стеклянная гармоника, клавесин, «глассикорд» (разновидность стеклянной гармоники), альт и колокольчики.

От Джеймса Уатта, знаменитого бирмингемского создателя парового двигателя, он привез первое простейшее копировальное устройство, для которого придумал несколько усовершенствований. Документы писались медленно сохнувшими чернилами, приготовленными на основе гуммиарабика, а затем плотно прижимались к листам влажной папиросной бумаги — так получались копии оригинала. Копирование можно было выполнять до тех пор, пока чернила оставались влажными, то есть в течение целого дня. Франклину, который впервые стал использовать это устройство в Пасси, оно понравилось настолько, что он заказал еще один экземпляр, который отдал Джефферсону[572].

Франклин особенно гордился одним своим искуснейшим изобретением — механической рукой, которая могла снимать и возвращать на место книги с верхних полок. Он подготовил его полное описание с необходимыми чертежами, диаграммами и инструкциями, которое было столь же подробным, как и научные

трактаты, написанные во время плаваний через океан. Это очень характерно для Франклина. На протяжении всей жизни он погружался в детали и мелочи с такой одержимостью, что сейчас это могло бы показаться ненормальным. Он был крайне педантичен в описании каждой технической детали своих изобретений, будь то механическая рука, печка или молниеотвод. В своих научных трактатах, посвященных самым разным темам — от критики наследования привилегий до рассуждений о торговле, — он приводил множество расчетов и исторических ссылок. Даже в пародийных юмористических сочинениях, подобных предложению о научном исследовании испускаемых кишечником газов, он подкреплял аргументацию полушутливыми-полусерьезными фактами, расчетами и ссылками на прецеденты[573].

Эта склонность в самой очаровательной манере проявилась в его длинном письме к молодой подруге Китти Шипли, дочери епископа Шипли, посвященном искусству видеть приятные сны. Оно содержало ссылки на его теории о питании, физических упражнениях, свежем воздухе и здоровье. Физические упражнения должны предшествовать приему пищи, указывал он, а не наоборот. В спальне необходимо постоянно поддерживать приток свежего воздуха. Мафусаил, напоминал он, всегда спал на открытом воздухе. Франклин выдвигал подробную, хотя и не обоснованную научно теорию, как воздух в душном помещении становится насыщенным и таким образом затрудняет выделение через поры в коже человека «гнилых частиц». После изложения нескольких научных и псевдонаучных теорий он называл три важных условия, позволяющие избегать неприятных сновидений:

> 1. При умеренном потреблении пищи тело выделяет в единицу времени меньшее количество пота, следовательно, постельное белье насыщается нашим потом медленнее, и мы можем спать дольше, не испытывая дискомфорта от ощущения несвежести простыней.
>
> 2. Используя более тонкое и менее плотное постельное белье, легче пропускающее пот из нашего тела, мы испытываем меньше неудобств и дольше чувствуем себя комфортно.
>
> 3. Когда вы просыпаетесь из-за ощущения дискомфорта и не можете быстро заснуть снова, встаньте с постели, взбейте и переверните подушку, снимите простыни и встряхните их не менее двадцати раз. Затем расстелите их на кровати и дайте им остыть. Тем

временем, не одеваясь, ходите по комнате до тех пор, пока кожа не высохнет. Это произойдет быстрее, если воздух в комнате будет сухим и прохладным. Когда почувствуете, что холодный воздух вам неприятен, возвращайтесь в постель, и ваш сон будет сладким и приятным. <…> Если вы слишком ленивы, чтобы встать с постели, то поднимите одеяло рукой и ногой, чтобы впустить больше свежего воздуха, а затем резко опустите его. Это действие, повторенное двадцать раз, настолько освободит белье от впитанного пота, что позволит вам хорошо спать какое-то время. Но последний метод не так хорош, как первый. Те, кто не любит беспокойства и могут позволить себе иметь две кровати, получат большое удовольствие, если, проснувшись, перейдут из разгоряченной кровати в прохладную. Он завершал рассуждения на ласковой ноте: «Есть ситуация, в которой даже самое строгое соблюдение этих методов окажется совершенно бесполезным. Мне нет необходимости рассказывать об этой ситуации вам, мой дорогой друг, но без упоминания мой отчет на эту тему был бы неполным. Эта ситуация — когда человек, желающий видеть приятные сны, не заботится о сохранении того, что важнее всего остального, — чистой совести»[574].

Пенсильвания меж тем процветала. «Урожаи здесь обильные, — писал Франклин другу, — а работы хватает всем». Однако, как обычно, политики штата были расколоты на две фракции. Одну образовали популисты, главным образом местные лавочники и фермеры. Они поддерживали демократическую конституцию штата, в написании которой принимал участие Франклин. Конституция предусматривала прямые выборы в однопалатную легислатуру. В другой фракции состояли те, кто страшился власти масс, в том числе средние и крупные землевладельцы. Идеология Франклина устраивала и тот и другой лагерь, так что оба они искали его поддержки, и каждому он стремился угодить. В результате обе фракции выдвинули его в исполнительный совет штата, а затем и на должность президента, которая соответствовала должности губернатора. В обоих случаях его избрание было почти единогласным[575].

Довольный тем, что он по-прежнему так популярен, Франклин с гордостью воспринял свое избрание. «Как бы стар я ни был, — говорил он племяннику, — я еще не утратил чувствительности в том, что касается моей репутации». В письме епископу Шипли он признавался: остатки амбиций, от которых он

считал себя полностью избавившимся, по-прежнему не давали ему покоя.

Ему доставляло радость и то, что после многих лет, в течение которых на него осуществлялись тайные нападки из-за угла, он смог завоевать престиж, стоя над схваткой. «Он ослабил яростное противоборство партий в своем штате, — отмечал Бенджамин Раш, — или, если воспользоваться аналогией с одним из его открытий, его присутствие и советы, подобно маслу, выливаемому на поверхность бурных вод, успокаивали волны фракционной борьбы». Это был талант, который вскоре сослужил хорошую службу и самому Франклину, и его стране[576].

Конституционный конвент 1787 года

Необходимость новой федеральной конституции стала очевидной (особенно для тех, кто хотел это замечать) уже через несколько месяцев после ратификации Статей Конфедерации в 1781 году. Тогда в Конгресс прибыл курьер с сообщением о победе под Йорктауном. В государственной казне не было денег на оплату расходов курьера, так что членам конгресса пришлось доставать деньги из собственных карманов. Конгресс, в соответствии со Статьями Конфедерации, не имел власти вводить налоги или заниматься чем-то подобным. По этой причине он попытался реквизировать деньги у штатов, то есть действовать так же, как — в мечтах колониальных лидеров — король. А штаты, как когда-то опасались король и его министры, часто не реагировали на подобные требования.

К 1786 году ситуация выглядела угрожающе. Бывший офицер революционной армии Дэниел Шейс возглавил восстание бедных фермеров на западе Массачусетса против налогов и сбора долгов. Возникли опасения, что анархия распространится и дальше. Конгресс, который тогда собирался в Нью-Йорке, перебирался из одного здания в другое, часто оказываясь неспособным оплатить счета или собрать кворум. Тринадцать штатов наслаждались независимостью не только от Британии, но и друг от друга. Нью-Йорк стал взимать плату со всех кораблей, прибывающих из Нью-Джерси, а этот штат в ответ обложил налогом маяк на Сэнди-Хук, обслуживавший нью-йоркскую гавань. Другие штаты находились в стадии формирования — включая и называвшийся в то время Франклин, а затем переименованный в Теннеси, — то есть боролись за налаживание возможных отношений с существующими штатами. Когда переселенцы, пожелавшие создать штат Франклин, спросили у самого Франклина, как относиться к конкурирующим заявлениям Северной Каролины, он предложил им передать вопрос на рассмотрение Конгресса, который, как было известно каждому, мало что мог сделать полезного[577].

После того как Мэриленд и Виргиния не смогли договориться об установлении сухопутных и морских границ, в Аннаполисе была созвана конференция всех штатов для разрешения таких споров, а также более общих проблем торговли и сотрудничества. Конференция, на которой присутствовали представители всего пяти штатов, не смогла добиться заметных результатов, но Джеймс Мэдисон и Александр Гамильтон вместе с другими политиками, понимавшими необходимость создания более

сильного национального правительства, использовали ее для распространения призывов к проведению федерального съезда (конвента) с очевидной целью — внести изменения в Статьи Конфедерации. Конвент предполагалось провести в Филадельфии в мае 1787 года.

Ставки были необычайно высоки, как утверждал Франклин, избранный одним из делегатов от Пенсильвании, в письме Джефферсону в Париж. «Наша федеральная конституция обычно считается несовершенной, и конвент, впервые предложенный Виргинией и затем рекомендованный Конгрессом, должен собраться здесь в следующем месяце, чтобы пересмотреть ее и предложить поправки. <…> Если он не пройдет успешно, то это причинит большой вред, так как покажет, что мы не обладаем достаточной мудростью, чтобы самим управлять собой»[578].

Итак, они собрались необычно жарким и влажным летом 1787 года, чтобы разработать в обстановке строжайшей секретности новую американскую конституцию, которая оказалась бы наиболее совершенной из всех написанных когда-либо человеческой рукой.

Делегаты образовали, по словам Джефферсона, «ассамблею полубогов». Если его оценка верна, то «полубоги» были в основном молодыми людьми. Гамильтону и Чарльзу Пинкни — по двадцать девять лет (тщеславный Пинкни заявлял, что ему всего двадцать четыре года, чтобы считаться самым молодым делегатом съезда, которым в действительности был двадцатишестилетний Джонатан Дейтон из Нью-Джерси). Франклин, которому исполнился восемьдесят один год, был на пятнадцать лет старше следующего за ним по возрасту делегата, а средний возраст остальных делегатов составлял около сорока[579].

Когда генерал Вашингтон прибыл 13 мая в Филадельфию, он первым делом нанес визит Франклину, который приготовил для гостя бочонок темного пива и принял его в новой столовой. Среди многих ролей, сыгранных прославленным филадельфийским мудрецом на этом конвенте, была роль символического хозяина. Его сад с тенистым тутовым деревом, расположенный всего в нескольких сотнях ярдов от здания законодательного органа штата, стал местом, где делегаты могли перевести дух после жарких дебатов и спокойно поговорить друг с другом за чашкой чая, послушать рассказы Франклина и настроиться на поиски необходимых компромиссов. Среди шестнадцати больших фресок в Зале Великого эксперимента в вашингтонском Капитолии, отображающих сцены большой исторической важности — от подписания соглашения на борту «Мэйфлауэра» и до маршей суфражисток, — есть одна, на которой нарисованы Гамильтон,

Мэдисон и Джеймс Уилсон, беседующие с Франклином под тенистым тутовым деревом.

Если бы Франклин был полностью здоров и имел соответствующие амбиции, он мог бы оказаться единственным человеком, помимо Вашингтона, имевшим шансы председательствовать на конвенте. Однако он предпочел, чтобы эту должность занял Вашингтон. К сожалению, проливной дождь и сильные почечные колики вынудили его пропустить первое заседание 25 мая, и поэтому он попросил другого члена делегации выдвинуть кандидатуру Вашингтона. В своем дневнике того периода Мэдисон отмечал: «предложение было любезно сделано от Пенсильвании, так как доктор Франклин мог рассматриваться как единственный конкурент».

В понедельник 28 мая Франклин прибыл на второе заседание конвента, чтобы занять место за одним из четырнадцати круглых столов в Восточном кабинете здания Законодательного собрания, в котором он проработал так много лет. Согласно некоторым поздним отчетам, это был грандиозный выезд: чтобы минимизировать страдания Франклина, его целый квартал несли в закрытом портшезе, привезенном из Парижа, четверо заключенных из тюрьмы, расположенной на Уолнат-стрит. Они высоко держали портшез на гибких жердях и шли очень медленно, чтобы не допустить болезненных толчков[580].

Самообладание и любезность, которые демонстрировал Франклин, каждое утро занимая свое место, и предпочтение, которое он отдавал ироничным притчам перед пылкими ораторскими выступлениями, добавляли заседаниям спокойствия. «Он ежедневно демонстрировал пример необыкновенной доброжелательности, пунктуально посещая заседания конвента», — сказал Бенджамин Раш, добавив, что Франклин назвал конвент «наиболее величественным и уважаемым собранием, на котором он когда-либо присутствовал».

Иногда у Франклина могли заметно дрожать руки, он мог быть недостаточно сосредоточенным в своих речах и выдвигать озадачивавшие присутствующих предложения. Однако делегаты проявляли к нему уважение и всегда давали возможность высказаться. Эта смесь чувств нашла красноречивое отражение в записях одного из участников съезда, Уильяма Пирса из Джорджии:

> Доктор Франклин известен как величайший философ нашего времени; ему понятны все явления природы, даже небеса подчиняются ему и тучи позволяют укрощать молнии с помощью громоотводов.

> Но какова обоснованность его претензий на то, чтобы считаться политиком, покажет время. Очевидно, что он не слишком блещет на публичных заседаниях. Он не оратор и, по-видимому, не позволяет политике завладевать всем его вниманием. Однако он является выдающейся личностью и рассказывает истории более увлекательно, чем кто-либо другой, кого мне доводилось слышать.

В последующие четыре месяца многие из любимых мыслей Франклина — об однопалатной легислатуре, о молитвах, об учреждении исполнительного совета вместо должности президента и об отказе от выплаты жалованья должностным лицам — вежливо выслушивались и, иногда с легким недоумением, клались под сукно. Однако Франклин обладал тремя уникальными качествами. Они-то и сделали его ключевой фигурой в ситуации, когда достигнутый конвентом исторический компромисс спас нацию.

Во-первых, Франклин лучше понимал суть демократии, чем большинство делегатов, относившихся к этому слову и к самой идее как к чему-то скорее опасному, чем желательному. «Трудности, которые мы переживаем, — заявлял Элбридж Джерри из Массачусетса, — проистекают от избытка демократии». Граждане, вторил ему Роджер Шерман из Коннектикута, «должны как можно меньше вмешиваться в дела правительства». Франклин придерживался диаметрально противоположной точки зрения. Не признавая власти толпы, он при этом выступал за прямые выборы, доверял среднему человеку и противился всему, что несло в себе дух элитарности. Конституция, разработанная им для Пенсильвании, предполагала прямые выборы в однопалатную легислатуру и была самой демократичной из всех конституций новых штатов.

Во-вторых, Франклин путешествовал больше всех остальных делегатов и хорошо знал не только государства Европы, но и тринадцать штатов, и прекрасно понимал, что у них общего и чем они различаются. Должность почтмейстера помогала создавать единство Америки. Он был одним из немногих, кто чувствовал себя как дома и в обеих Каролинах, и в Коннектикуте, так как в этих штатах когда-то открывал свои типографии. Он мог обсуждать особенности выращивания индиго с плантатором из Виргинии и вопросы торговли с коммерсантом из Массачусетса.

В-третьих, что оказалось самым важным, Франклин был воплощением толерантности и прагматичного компромисса, характерных для века Просвещения. «Обе стороны должны

поступаться частью своих требований», — проповедовал он в одном из выступлений, и это выражение стало его мантрой. «Мы посланы сюда, чтобы консультироваться, а не спорить друг с другом», — говорил он в другой раз. «Его обезоруживающе искренняя манера маскировала исключительно сложную личность, — писал исследователь американской конституции Ричард Моррис, — но его уживчивая натура раз за разом примиряла противоборствующие интересы»[581].

Эти характеристики оказались бесценными для разрешения основных вопросов, стоявших перед конвентом. Главный заключался в том, останется ли Америка конфедерацией тринадцати независимых штатов, станет ли единым государством или — если «полубоги» сумеют доказать свою изобретательность — волшебным сочетанием того и другого, как предлагал Франклин в плане, подготовленном для конференции в Олбани в 1754 году. Этот вопрос имел множество важных аспектов. Будет ли Конгресс напрямую избираться населением или же формироваться на основании решений легислатур штатов? Будет ли представительство пропорциональным населению штата или же одинаковым для всех штатов? Будет ли верховная власть принадлежать центральному правительству или правительствам штатов?

Эти вопросы вызывали глубокий раскол в американском обществе. Часть населения, к которой принадлежал и Франклин, выступала за создание верховного национального правительства и подчиненную роль штатов. Другая часть состояла из яростных противников любого ограничения самостоятельности штатов, закрепленной в Статьях Конфедерации.

Уже созыв конвента ясно указывал, что целью станет пересмотр Статей, а не их отмена. Наиболее радикальные сторонники прав штатов даже отказались присутствовать на конвенте. «Я чую недоброе», — заявил Патрик Генри. Сэмюэл Адамс оправдывал свое отсутствие следующими словами: «Дело начато неудачно. Я предвижу национальное правительство вместо федеративного союза суверенных штатов»[582].

Делегация Виргинии, возглавляемая Мэдисоном и Эдмундом Рэндольфом, прибыла в Филадельфию заблаговременно и предложила то, чего боялись сторонники сохранения прав штатов: полностью отменить Статьи и начать все заново, с новой конституции для сильного национального государства. Оно должно было возглавляться обладающей большими полномочиями палатой представителей, избираемой прямым голосованием на основе пропорционального представительства. Палата представителей должна была избирать верхнюю палату,

президента и судей.

Франклин долгое время отдавал предпочтение однопалатной легислатуре, избираемой прямым голосованием. Он не видел причин для контроля за демократическим волеизъявлением народа и именно такую систему разработал для Пенсильвании. Но в первую неделю работы конвент решил, что эта система чересчур демократична. Мэдисон вспоминал: «Положение о том, что „Национальная легислатура должна состоять из двух палат“, было согласовано и принято без возражений всеми, за исключением Пенсильвании, которая, вероятно, действовала так из почтения к доктору Франклину, известному стороннику однопалатного законодательного органа». В план, разработанный Виргинией, внесли одно изменение. Чтобы предоставить правительствам штатов определенную «долю» в новом Конгрессе, делегаты решили: верхняя палата, названная Сенатом по аналогии с древнеримской предшественницей, избиралась бы легислатурами штатов, а не палатой представителей (такой порядок действовал до 1913 года)[583].

Однако центральный вопрос оставался нерешенным. Будет ли число голосов в палатах Конгресса пропорционально численности населения или, в соответствии со Статьями Конфедерации, одинаково для каждого штата? Здесь шел не только философский спор между сторонниками сильного национального правительства и сторонниками защиты прав штатов. Здесь шла борьба за реальную власть: маленькие штаты, такие как Делавэр и Нью-Джерси, опасались оказаться задавленными крупными штатами, такими как Виргиния и Нью-Йорк.

Спор становился все более горячим, угрожая завести работу конвента в тупик. 11 июня Франклин решил: настало время восстановить дух компромисса. Он написал свою речь заранее и из-за плохого самочувствия попросил зачитать ее другого делегата. «До тех пор, пока пункт о пропорции представительства не оказался на повестке дня, — так начиналось выступление, — мы вели споры хладнокровно и спокойно». Призвав к тому, чтобы делегаты больше советовались друг с другом, а не спорили, указал на опасность чрезмерной самоуверенности и настойчивости. «Заявления о своем твердом мнении и непоколебимой решимости никогда не изменять его не просвещают и не убеждают нас, — настаивал он. — Позитивность и доброта на одной стороне естественным образом порождают подобие на другой». Ему самому хотелось бы, заявил он, пересмотреть многие свои мнения, в том числе и о желательности однопалатной легислатуры. Но теперь для всех делегатов конвента настало время компромисса.

Далее Франклин выдвинул несколько предложений. Одни казались вполне разумными, другие — довольно странными. Он защищал идею пропорционального представительства, ссылаясь на исторический пример Шотландии: несмотря на численно меньшее представительство в британском парламенте, она не позволила Англии заглушить свой голос на парламентской трибуне. Затем со своей вечной любовью к деталям он предоставил несколько подробных математических расчетов, показывающих, как маленькие штаты могли бы получить достаточное число голосов, уравновешивая власть более крупных штатов. Имелись и другие варианты, заслуживающие рассмотрения. Возможно, более крупные штаты могли бы отказаться от каких-то своих земель в пользу более мелких: «Если окажется необходимым уменьшить в размерах Пенсильванию, то я не буду возражать против передачи одной ее части Нью-Джерси, а другой — Делавэру». Но если это невозможно, то вот еще более сложный вариант: для каждого штата могли быть установлены одинаковые налоговые отчисления и выделено одинаковое число голосов в Конгрессе в решениях о том, как тратить эти деньги. Затем с крупных штатов могли бы взиматься дополнительные налоговые отчисления с пропорциональным предоставлением голосов в Конгрессе по распоряжению этими средствами[584].

Речь была долгой, сложной для понимания и временами сбивала слушателей с толку. Эти предложения серьезны или какая-то их часть представляет собой теоретические рассуждения? По-видимому, ответа никто не знал. Франклин не предпринял попыток поставить на голосование предложение о корректировке границ штатов или о создании особых казначейских резервов, как не сделали этого и другие делегаты. Более важным, чем его замысловатые предложения, был сдержанный и примирительный тон выступления. Речь, демонстрировавшая открытость новым идеям и отсутствие пропаганды воззрений какой-то одной стороны, давала сигнал к успокоению, и призывы к креативному компромиссу возымели успех.

Несколько минут спустя Роджер Шерман из Коннектикута предложил еще один возможный вариант: палата представителей формируется пропорционально численности населения, а в Сенате каждый штат получает одинаковое количество голосов. Сэмюэл Джонсон, также представлявший этот штат, объяснил внутреннюю логику того, что получило позднее название коннектикутского компромисса. Новая страна была в каком-то смысле «единым политическим организмом», но во многих отношениях оставалась федерацией независимых штатов. Однако

две концепции не антагонистичны, потому что могут быть объединены «как половинки единого целого». Однако это план не вызвал продолжительного обсуждения. На тот момент идея, получившая пять голосов за и шесть против, была отвергнута, а победило предложение о пропорциональном представительстве в обеих палатах.

По мере того как дни становились все жарче, накалялись и споры о представительстве. Уильям Патерсон из Нью-Джерси выдвинул контрпредложение об исправлении, а не отмене статей, в соответствии с которым однопалатные легислатуры в каждом штате, большом и малом, имели бы один голос. Крупные штаты могли бы отвергнуть эту идею, но в ходе обострившейся дискуссии один из делегатов от Делавэра заявил, что если крупные штаты добьются создания национального правительства, то «небольшие штаты найдут более честного и достойного иностранного союзника, который возьмет их под свою опеку и установит с ними справедливые отношения».

И вновь для Франклина настало время попытаться восстановить спокойствие, и на этот раз он сделал это неожиданным способом. В своем выступлении 28 июня предложил, чтобы каждое заседание начиналось с молитвы. В условиях, когда конвент «ощупью идет вперед, как будто пытаясь найти в темноте политическую истину», говорил он, «как же мы до сих пор не подумали о смиренном обращении к Творцу света с просьбой просветить наш разум?» Затем он произнес слова, ставшие знаменитыми: «Чем дольше я живу, тем больше я вижу убедительных доказательств истины о том, что Бог вершит всеми делами человека. И если воробей не может упасть на землю без Его повеления, то возможно ли, чтобы империя могла возникнуть без Его помощи?»

Франклин верил, и с возрастом все сильнее, в универсальное, хотя временами и туманное, божественное провидение, в принцип, согласно которому Бог проявляет благожелательную заинтересованность во всех людских делах. Но он никогда не демонстрировал особой веры в более специфическое представление о конкретном Божьем промысле, в соответствии с которым Бог осуществляет непосредственное вмешательство с учетом просьб, содержащихся в молитве. Отсюда возникает вопрос: выдвигал ли он свое предложение о молитве из глубокого чувства веры или из-за прагматической убежденности в том, что это будет способствовать смягчению остроты политических дискуссий?

Возможно, здесь, как обычно, присутствовало и то и другое, но второго, вероятно, немножко больше. Франклин не имел

склонности молиться на людях и крайне редко посещал церковь. Однако считал полезным напомнить конвенту полубогов, что они находятся перед лицом могущественного Бога и перед лицом истории. Чтобы добиться успеха, им стоило ощутить священный страх перед грандиозностью стоящей перед ними задачи и быть смиренными, а не самоуверенными. В противном случае, заключал он, «мы будем разделены мелкими, частными, местными интересами, наши проекты потерпят фиаско, а мы сами станем притчей во языцех и покроем себя позором в глазах будущих поколений»[585].

Гамильтон предостерегал, что внезапно пригласить священника — значит заставить публику подумать, будто «эта мера вызвана растерянностью и разногласиями среди делегатов съезда». На это Франклин ответил, что ощущение тревоги вне зала заседаний может скорее помочь, чем повредить происходящим внутри дискуссиям. Другое возражение было вызвано тем, что на оплату трудов священника не выделено денег. Идею спокойно сдали в архив. Внизу листа с текстом своей речи Франклин сделал замечательную пометку: «Съезд за исключением трех или четырех человек счел молитвы ненужными!»[586]

Пришлось предложить более земные меры. Через два дня после речи о необходимости молитвы — в субботу 30 июня — он помог запустить процесс, обеспечивший выход из тупика и в значительной степени способствовавший формированию новой нации. До этого дня шло обсуждение возможных компромиссов, но теперь пришла пора настоять на одном из них и поставить его на голосование.

Прежде всего Франклин сжато сформулировал проблему: «Все многообразие мнений сводится к двум пунктам. Если используется пропорциональная система представительства, то, как утверждают маленькие штаты, их свободы окажутся под угрозой. Если вводится принцип равенства предоставляемых голосов, то крупные штаты заявляют, что в опасности окажутся их деньги».

После этого, используя простую аналогию, основанную на его любви к ремесленникам и к строительству, он мягко подчеркнул важность компромисса.

«Когда нужно изготовить широкий стол, который не проходит в дверь, мастер чуть-чуть уменьшает размер столешницы и чуть-чуть расширяет дверной проем, обеспечивая необходимое соответствие размеров того и другого. Подобным образом и в нашем случае обе стороны должны поступиться частью своих требований».

Наконец он предложил разумный компромисс. В нижнюю палату представители будут избираться прямым голосованием пропорционально численности населения каждого штата, но в Сенат «легислатуры штатов будут выбирать и направлять равное число делегатов». Палата представителей займется вопросами налогообложения и расходования средств, а Сенат — утверждением высших чиновников и вопросами государственного суверенитета[587].

Конвент постановил назначить комиссию, в которую вошел и Франклин, для уточнения деталей компромисса. Он был одобрен с минимальным перевесом голосов, причем принятый вариант во многом напоминал предложенный Франклином 16 июля. «Это была большая победа Франклина на конвенте, — утверждает Ван Дорен, — так как именно он предложил компромиссный вариант, объединивший делегатов».

Возможно, это некоторое преувеличение. Франклин не был ни автором идеи, ни первым, кто предложил ее конвенту. Она выросла из предложений Шермана из Коннектикута и других делегатов. Тем не менее роль Франклина оказалась ключевой. Он служил воплощением духа компромисса и неустанно призывал к согласию своих коллег, он нашел наиболее приемлемый вариант из имеющихся и конкретизировал его и наконец написал проект и выбрал правильный момент для постановки вопроса на голосование. Его авторитет, его беспристрастность и его известность побудили делегатов охотнее согласиться с выдвинутым им предложением. Искусный ремесленник взял понемногу у каждого и смастерил вполне приличную штуку, которая объединяет нацию вот уже более двух веков.

Через несколько дней после того, как Франклин предложил свой компромисс, он принимал у себя в саду нескольких делегатов. Среди приглашенных на чаепитие был и Элбридж Джерри из Коннектикута, главный критик ничем не сдерживаемой демократии. Тенистый сад Франклина стал как раз тем местом, где можно было остудить самые горячие головы. Джерри привел с собой одного из министров штата Массачусетс по имени Манассия Катлер, близкого ему по духу человека, занимавшегося в тот момент лоббированием схем территориального межевания для Ohio Company, которую он помогал основать. В своем дневнике Катлер отмечал, что у него «тряслись колени» при мысли о встрече с прославленным мудрецом, но дружеский стиль общения Франклина быстро позволил ему почувствовать себя комфортно. «Я был восхищен глубокими познаниями, которые он, по-видимому, имел в каждой области, твердостью его памяти, ясностью ума и живостью

характера, ясно видными, несмотря на его преклонный возраст, — записал Катлер. — Он прост в общении, и все в нем излучает неограниченную свободу и счастье. Он обладает неиссякаемым юмором, а вдобавок необычной живостью, которая кажется столь же естественной и непроизвольной, как его дыхание».

Узнав, что Катлер страстный ботаник, Франклин немедленно продемонстрировал ему недавно полученную диковинку: заспиртованную в бутылке десятидюймовую змею с двумя отчетливо сформировавшимися головами. Представьте, что бы произошло, весело рассуждал он, если бы одна голова змеи захотела обойти забор справа, а другая слева, и они не смогли бы договориться. Франклин собирался сравнить эту ситуацию с той, которая недавно возникла на конвенте, но другие делегаты остановили его. «Он, по-видимому, забыл, что все происходящее на заседаниях должно было храниться в глубокой тайне, — отмечал Катлер. — Ему намекнули на необходимость соблюдения требований секретности, что лишило меня возможности узнать историю, которую он собирался рассказать».

Мысль, которую хотел высказать Франклин, без сомнения, была той же самой, которую он высказывал на съезде штата Пенсильвания в 1776 году. Тогда он выступал против двухпалатной легислатуры, потому что ее могла постигнуть участь сказочной двухголовой змеи, умершей от жажды, потому что головы не смогли договориться, с какой стороны обходить забор. Действительно, в написанной им в 1789 году статье, в которой превозносилась однопалатная легислатура Пенсильвании, он вновь упоминал о том, что сам называл «известной политической притчей о змее с двумя головами». Однако был вынужден признать, что при выработке компромисса, необходимого для создания национального Конгресса, две головы могли бы быть полезнее, чем одна[588].

В других вопросах Франклин также обычно был на стороне тех, кто выступал против ограничения демократии. Например, возражал против предоставления президенту права накладывать вето на законы, принимаемые Конгрессом, который он считал прямым рупором воли народа. Губернаторы колоний, напоминал он делегатам, использовали это право для того, чтобы вымогать для себя больше полномочий и денег всякий раз, когда легислатура хотела получить одобрение своего законопроекта. Когда Гамильтон предложил сделать президента чуть ли не монархом, избираемым пожизненно, Франклин указал, что сам является живым доказательством того, что жизнь человека иногда длится дольше, чем период его умственного и физического

расцвета. Вместо этого было бы более демократичным придавать президенту после окончания срока президентства статус обычного гражданина. Утверждение, что «возвращение в народные массы является переходом на более низкую ступень, — говорил он, — противоречит республиканским принципам. В демократических государствах правители являются слугами народа — своего властителя и повелителя. Следовательно, для правителей возвращение в народ является не понижением, а повышением статуса».

Подобным образом Франклин доказывал, что Конгресс должен обладать властью объявлять импичмент президенту. В прошлом, когда импичмент не был предусмотрен, единственным способом, которым народ мог устранить продажного правителя, являлось убийство. В результате «правитель лишался не только жизни, но и возможности восстановить свою репутацию». Франклин также считал, что будет более демократичным, если исполнительная власть сосредоточится в руках не одного человека, а немногочисленного совета, как это происходило в Пенсильвании. Предстояли трудные дебаты по поводу возможности того, что президентское кресло займет Вашингтон (по общему мнению, он должен был стать первым президентом). Поэтому Франклин дипломатично заявил, что первый человек, который займет пост, будет, вероятно, великодушным, но человек, который придет следующим (вероятно, он предчувствовал, что им может оказаться Джон Адамс) может оказаться большим автократом. В этом вопросе Франклин не получил поддержки, но конвент решил четче определить роль кабинета министров.

Также Франклин безуспешно выступал за прямые выборы федеральных судей вместо передачи права их назначения президенту или Конгрессу. Как обычно, в поддержку своей точки зрения он рассказал поучительную историю. В Шотландии существовала практика назначения судей адвокатами, которые всегда выбирали на должность судьи самого способного, чтобы избавиться от конкурента и поделить его клиентов между собой. В Америке же сами избиратели заинтересованы в том, чтобы «осуществлять наилучший выбор», и прямые выборы судей позволяли бы это делать[589].

Многие делегаты считали: только те, кто обладает значительной собственностью, могут претендовать на государственные должности. Так и было в большинстве штатов, за исключением Пенсильвании. Молодой Чарльз Пинкни из Южной Каролины зашел настолько далеко, что стал настаивать на имущественном цензе для президента в сто тысяч долларов,

хотя это могло исключить Вашингтона из числа претендентов. Тогда Франклин встал со своего места и, как вспоминает Мэдисон, «выразил неприятие всего, что могло бы унижать достоинство простых людей». Любые предложения относительно того, чтобы Конституция «отдавала предпочтение богатым», оскорбляли его демократические чувства. Напротив, утверждал он, «некоторые из величайших мошенников, с которыми мне пришлось познакомиться, были чрезвычайно богатыми мошенниками». Подобным образом Франклин выступал против предоставления права голоса только тем, кто соответствует определенным имущественным критериям: «Мы не должны принижать человеческие достоинства и гражданский дух простых людей». В этих вопросах он успешно отстоял свою точку зрения[590].

Только в одном вопросе Франклин занимал позицию, которая могла показаться не такой уж демократической, хотя сам он так не считал. Федеральные чиновники, утверждал он, не должны получать жалованья. В своей книге «Радикализм американской революции» историк Гордон Вуд заявляет, что предложение Франклина отражало «классические чувства правящей аристократии». Даже Джон Адамс, обычно менее демократичный в своих воззрениях, писал из Лондона, что при такой политике «все должности монополизируют богатые, а бедные и средние классы будут отстранены от власти, после чего немедленно наступит аристократический деспотизм».

Я полагаю, что Франклин не намеревался предложить нечто из области элитарности или эксклюзивности, а просто видел такой способ ограничить коррупционные влияния. Во многих письмах на эту тему он никогда не учитывал, хотя и должен был бы, что его план может ограничить получение должностей теми, кто не может позволить себе работать бесплатно. Действительно, в этом вопросе Франклин, казалось, проявлял странную забывчивость. Он основывал свою позицию на вере в граждан-добровольцев и на давней убежденности в том, что погоня за выгодой окончательно развратила английское правительство. Именно этот аргумент он приводил в переписке с Уильямом Страханом тремя годами ранее и использовал те же слова в зале заседаний конвента.

> Существуют две страсти, оказывающие мощное влияние на человеческие дела. Это амбиции и жадность; жажда власти и жажда денег. По отдельности каждая обладает огромной силой, побуждающей к действию, но когда они объединяются в одном и том же человеке, то

> вызывают в умах наиболее сильные эффекты. <…> А к какому типу следует отнести людей, которые будут стремиться получать преимущества посредством многочисленных интриг, жестокой борьбы и бесконечных взаимных оскорблений сторон, разбивающих в пух и прах самые достойные репутации? На эти места наверняка не станут назначаться мудрые и умеренные люди, любящие мир и порядок, наиболее достойные доверия. Это будут наглые и жестокие люди с сильными страстями и неутомимым стремлением удовлетворять свои корыстные интересы.

В этом вопросе Франклин почти не нашел поддержки, и идея была отвергнута даже без обсуждения, хотя «восприняли ее с большим уважением, — записал Мэдисон, — проистекавшим скорее из уважения к ее автору, чем из понимания ее целесообразности или практической осуществимости»[591].

В течение этого долгого жаркого лета возникали и юмористические ситуации. Губернатор Пенсильвании Моррис, который умел составлять серьезные документы, но временами вел себя на конвенте как озорной шутник, поспорил с Гамильтоном, что за хороший обед похлопает по плечу сурового и неустрашимого генерала Вашингтона и скажет ему: «Мой дорогой генерал, как я рад видеть вас в таком добром здравии!» Моррис воплотил в жизнь свое намерение, но, посмотрев в лицо Вашингтону, заявил, что даже за тысячу обедов никогда не повторит этой выходки. Элберт Джерри, выступая против сохранения большой постоянной армии, предложил фривольное сравнение с пенисом в состоянии эрекции: «Превосходная гарантия домашнего спокойствия, но опасный соблазн участия в зарубежной авантюре»[592].

Наконец делегатам удалось достичь целого ряда компромиссов, в том числе и по вопросу о рабстве. Но одни были недовольны тем, что в итоге штаты сохранили слишком много суверенитета, а другие — тем, что, по их мнению, создать достаточно сильное национальное правительство не удалось. Сварливый Лютер Мартин из Мэриленда с презрением заявил, что они состряпали «совершенную мешанину», и покинул заседание до заключительного голосования.

Оценка его была справедлива во всем, за исключением достигнутого результата. «Мешанина» действительно имела место, но она оказалась настолько близка к совершенству, насколько под силу простым смертным. От первых слов: «Мы, народ…» и до тщательно взвешенных компромиссов и

противовесов, последовавших далее, она являла собой стройную систему, в которой власть национального правительства, как и власть штатов, исходила от населения. Таким образом, этот документ реализовывал на практике девиз большой государственной печати, предложенный Франклином в 1776 году, — E Pluribus Unum («Из многих — единое»).

Мудрый терпеливый шахматист и ученый-практик, Франклин понимал: они преуспели не потому, что были обречены на успех, а потому, что допускали возможность неудачи. «Мы проводим эксперименты в политике», — писал он Ларошфуко. Дюпону де Немуру он признавался: «Нам не следует ожидать, что новое правительство может быть сформировано подобно тому, как разыгрывается шахматная партия, — умелой рукой, не делающей ошибок»[593].

В завершение своего триумфа Франклин выразил эти чувства в слегка ироничном, но полном очарования заключительном обращении к конвенту. Его речь прославляла добродетель интеллектуальной терпимости, осуждала зло самонадеянной непогрешимости и провозглашала на века то просветительское кредо, которое стало ключевым для свободной Америки. Эти слова были самыми красноречивыми из всех, когда-либо написанных Франклином, — и, возможно, из написанных кем-либо об американской системе правления и о духе компромисса, который ее породил:

> Я признаю, что не полностью одобряю эту Конституцию в настоящий момент. Но я не уверен, что не одобрю ее никогда. Прожив долгую жизнь, я побывал во многих ситуациях, в которых был обязан, получив более точную информацию или полный набор фактов по важным вопросам, изменять свое мнение, которое я прежде считал правильным, но позднее таковым не находил. Чем старше я становлюсь, тем сильнее склоняюсь к сомнениям в правильности собственных суждений и к уважению мнений других людей. Большинство людей, как и большинство сект и религий, думают, что обладают истиной в последней инстанции, и всякий раз, когда другие расходятся с ними во мнении, считают это ошибкой. Протестант Стиль в своем обращении говорил Папе, что единственное различие во мнениях о верности учений между нашими двумя церквями — в том, что римская церковь непогрешима, а англиканская не бывает неправой. Но хотя многие частные лица оценивают собственную непогрешимость

столь же высоко, немногие выражают это так же естественно, как одна французская дама, которая во время небольшого спора с сестрой заявила: «Сестра, я не знаю, как это получается, но я не встречала никого, кроме себя, кто был бы *всегда* прав».

С такими чувствами я принимаю эту Конституцию со всеми ее недостатками — если они являются таковыми, — потому что думаю, что нам необходимо общее правительство. <…> Я сомневаюсь также, будет ли способен любой другой съезд, который мы сможем созвать, разработать лучшую Конституцию. Когда вы собираете несколько человек, чтобы получить выгоду от их совокупной мудрости, вы неизбежно собираете вместе все их предубеждения, страсти, ошибочные мнения, частные интересы и эгоистические воззрения. Можно ли ожидать идеального результата от такого собрания? Поэтому меня удивляет, что эта система настолько близко приближается к совершенству. Я думаю, она удивит наших врагов, которые совершенно уверены, что наши мнения смешались, подобно мнениям строителей Вавилонской башни, и что штаты находятся на грани разделения и только и ждут, чтобы при следующей встрече перерезать друг другу горло. Таким образом, я соглашаюсь с этой Конституцией, потому что не ожидаю лучшей и потому что не уверен, что она уже не является лучшей.

Франклин завершил свое выступление призывом к тому, чтобы «ради нашего будущего мы действовали усердно и единодушно». Для этой цели он предложил конвенту объявить, что документ принимают все штаты. Это позволило бы подписать его даже немногим несогласным делегатам. «Я не могу не пожелать, чтобы каждый участник конвента, который по-прежнему может иметь возражения, подобно мне, усомнился бы в данном случае в своей непогрешимости и ради нашего единства поставил бы свое имя под этим документом»[594].

Так и оказалось, когда Франклин закончил свою речь. Большинство делегатов (даже те, кто имел сомнения) последовали его призыву и встали в очередь в составе своих делегаций, чтобы принять участие в историческом подписании. Когда процедура подписания была завершена, Франклин обратил их внимание на солнце, освещавшее спинку кресла Вашингтона, и заметил, что художникам на картинах часто бывает трудно показать отличие восходящего солнца от заходящего. «Во время

заседания, — сказал он, — когда у меня возникали то надежды, то страхи в отношении этого вопроса, я смотрел на спинку кресла председательствующего и не мог сказать, вижу восход или закат. Но теперь имею счастье твердо знать: я вижу солнце, которое восходит, а не заходит».

Согласно рассказу, записанному Джеймсом Мак-Генри из Мэриленда, Франклин высказался еще более сжато в ответ на вопрос некой миссис Пауэлл, которая обратилась к нему, когда он выходил из зала заседаний. Какое правление, спросила она, уготовили нам делегаты? На что Франклин ответил: «Республиканское, мадам, если вы сможете его сохранить»[595].

Историк Клинтон Росситер назвал заключительную речь Франклина «самой замечательной сценой в его замечательной жизни», а исследователь из Йельского университета Барбара Оберг — «кульминацией жизни Франклина как пропагандиста, мастера убеждения людей». Ловко используя двойные отрицания в несколько самоуничижительной манере — «Я не уверен, что никогда не одобрю это», «Я не уверен, что это не является самым лучшим», — он подчеркивал: для формирования нации людям необходимы смирение и осознание подверженности ошибкам. Оппоненты критиковали подход Франклина как лишенный четких принципов, однако в этом и состояла суть направляемого им месседжа. «Находить компромисс, — указывает Оберг, — не значит проявлять героизм, добродетель или моральную силу. Но в этом состоит суть демократического процесса»[596].

На протяжении всей жизни Франклин своими мыслями и делами помогал закладывать фундамент здания демократической республики, краеугольным камнем которого стала эта Конституция. Еще будучи молодым человеком, он учил своих друзей-ремесленников, как стать добродетельными, трудолюбивыми и ответственными гражданами. Затем пытался завербовать их в свои ассоциации — Хунту, библиотеки, пожарные дружины, патрули охраны правопорядка и народную милицию — к их взаимной выгоде и на благо общества в целом. Позднее он создавал целые сетевые организации, от почтовой службы до Американского философского общества, призванные выковывать связи, помогающие интегрировать формирующуюся нацию. Наконец в 1750-х годах начал подталкивать колонии к единству, дающему силы, к объединению ради достижения общих целей — таким способом, который помог бы формированию национальной идентичности.

С тех пор Франклин старательно работал над каждым важным документом, способствующим созданию новой республики. Он был единственным человеком, подписавшим все

четыре основополагающих акта: Декларацию независимости, договор о союзе с Францией, мирный договор с Англией и Конституцию. Кроме того, разработал первую схему федеративного устройства Америки — оставшийся нереализованным план для конференции в Олбани 1754 года, — в соответствии с которой независимые штаты и федеральное правительство делили бы между собой власть. А Статьи Конфедерации, предложенные им в 1775 году, более близко подходили к окончательному варианту Конституции, чем слабые и неудачные альтернативные статьи, одобренные в 1781 году.

Конституция, отмечал Генри Мэй в своей книге «Просвещение в Америке», отражала «все добродетели современного ей века Просвещения, но также и один из его недостатков: веру в то, что все можно уладить с помощью компромисса». Для Франклина, являвшегося воплощением века Просвещения и присущего ему духа компромисса, это вряд ли было недостатком. Для него компромисс являлся не только практическим, но и моральным принципом. Он был необходим для проявления терпимости, смирения и уважения к другим. В течение более двух веков этот «недостаток» вполне успешно помогал Конституции и формируемой с ее помощью нации справляться с каждой возникавшей проблемой. Оставался лишь один серьезный вопрос, который не мог быть разрешен, тогда или позже, посредством конституционного компромисса, — рабство. И это была та самая проблема, по которой Франклин, по мере того как его жизнь приближалась к концу, занимал все более бескомпромиссную позицию[597].

Эндшпиль

Роль Франклина в случившемся в Филадельфии чуде могла бы считаться достойным венцом деятельности, посвященной созданию свободной и демократической республики. Для большинства людей, по крайней мере для большинства людей его эпохи в возрасте восьмидесяти двух лет, всего этого уже казалось достаточно для удовлетворения любых амбиций. Теперь он мог, если бы захотел, отойти от общественной жизни, зная, что всеми уважаем и защищен от нападок врагов. Тем не менее через месяц после того, как лично представил Ассамблее Пенсильвании экземпляр новой федеральной Конституции, он принял предложение о третьем переизбрании на годичный срок в должности президента штата. «Я намеревался завершить годичную работу в качестве президента в следующем году, чтобы весной иметь возможность совершить поездку в Бостон, — написал он своей сестре. — Я уже более пятидесяти лет проработал на государственных должностях».

Но Франклину уже не довелось ни совершить путешествие, ни увидеть сестру. Мучившие его камни в почках и общее состояние здоровья сестры вынудили их довольствоваться обменом письмами, а не визитами. К тому же, как он открыто признавал, гордость заставляла его по-прежнему высоко ценить общественное признание. «Это доставляет мне немалое удовольствие, и, полагаю, удовольствие и моей сестре доставит то, что после таких долгих испытаний я избран моими дорогими согражданами в третий раз, — писал он. — Всеобщее и неограниченное доверие народа льстит моему тщеславию больше, чем могло бы польстить звание пэра». Многие письма Франклина сестре наполнены такого рода чистосердечными признаниями, особенно в последние годы. Как-то он с раздражением заявил ей, «что ваша почта управляется очень плохо», и стал порицать ее склонность втягиваться в мелкие споры между родственниками. Это привело к появлению часто повторяемых юмористических историй о том, что Франклины всегда находились в состоянии легкой ссоры. Что случилось, спрашивал он, с кузенами Фолгерами из Нантакета? «Они чрезвычайно застенчивы. Но я восхищаюсь честной прямотой их речей. Около года тому назад я пригласил двоих из них пообедать со мной. Они ответили, что приедут — если не найдут лучшего занятия. По-видимому, они его нашли, так как с тех пор я их ни разу не видел»[598].

Ною Вебстеру, знаменитому лексикографу, посвятившему ему свои «Рассуждения об английском языке», Франклин жаловался,

что бесконтрольное использование новых слов засоряет язык — обычная жалоба скуповатых писателей, но нетипичная для общительного Франклина, который когда-то развлекался изобретением новых английских слов и с еще бóльшим удовольствием развлекал парижских дам, придумывая новые слова по-французски. «Я обнаруживаю глагол, образованный от существительного notice: „Я не заметил бы этого, если бы не был джентльменом, *etc*.“ Возьмем также другой глагол от существительного advocate: „джентльмен, который *защищает* или который *защищал* это предложение, *etc*.“ Вот еще глагол от существительного progress, самого неудобного и противного из трех: „комитет, продвинувшись вперед в обсуждении вопроса, решил объявить перерыв.… Если вы придерживаетесь моего мнения об этих новациях, то вы воспользуетесь своим авторитетом, чтобы осудить их“»[599].

У Франклина наконец-то появилось время, чтобы возобновить работу над автобиографией. Он написал восемьдесят семь рукописных страниц в Твайфорде в 1771 году, а затем добавил к ним еще двенадцать в 1784 году в Пасси. Регулярно работая над рукописью с августа 1788-го по май следующего года, завершил еще сто девятнадцать страниц. На этот раз он остановился на прибытии в Англию в качестве дипломатического агента колоний. «Я пропустил все факты и транзакции, знание которых не пошло бы на пользу молодому читателю», — написал он Вогану. Его цель по-прежнему состояла в том, чтобы предоставить учебник по самосовершенствованию для амбициозных представителей среднего класса Америки, описывая «успешное избавление от бедности» и «преимущества отдельных типов поведения, которые я наблюдал»[600].

Но теперь камни в почках причиняли ему еще более сильные страдания, и он был вынужден принимать спиртовую настойку опия. «Я страдаю от сильнейших приступов боли, которая заставляет меня прибегать к опию, так что в промежутке между этими двумя событиями мало что успеваю записать», — жаловался он Вогану. Он также беспокоился, что написанное им не стоит публикации. «Скажите честно, следует ли мне напечатать этот текст или лучше убрать его в долгий ящик, — спрашивал он, — так как я стал так стар и так слаб умом, как, впрочем, и телом, что не могу больше доверять своим собственным суждениям». Теперь он начал диктовать свои воспоминания Бенни, а не записывать их сам, но сумел закончить всего лишь несколько страниц.

Друзья посылали ему различные домашние средства от камней в почках. Один из советов, присланных Воганом, немало

позабавил Франклина: его издатель утверждал, будто положительного эффекта можно добиться, принимая небольшие дозы болиголова. Временами он мог говорить о своих болезнях в веселом тоне и повторял свою мысль о том, что «пьющий чашу до дна должен быть готов увидеть на дне осадок», как он это делал в разговорах со своей давней знакомой Элизабет Партридж. Он по-прежнему «шутил, смеялся и рассказывал веселые истории, как и в те далекие времена, когда был совсем молодым человеком пятидесяти лет»[601].

Однако Франклин все больше примирялся с мыслью, что жить ему осталось недолго, и в его письмах все отчетливее начинала звучать нотка прощания. «До сих пор эта долгая жизнь была довольно счастливой, — писал он Кэти Рэй Грин, пленившей его сердце и разум тридцать пять лет тому назад. — Если бы мне позволили прожить эту жизнь еще раз, я бы не возражал, и лишь пожелал бы сделать то, что делают авторы в повторных изданиях своих книг, то есть исправить кое-какие опечатки». В том году Вашингтон стал президентом, и в письме к нему Франклин рассказывал, как рад, что все еще жив. «Ради моего собственного покоя я должен был умереть два года назад, но, хотя эти годы принесли мне много страданий, рад, что прожил их, так как они позволили мне увидеть нашу сегодняшнюю ситуацию»[602].

Он также испытывал радость по поводу революции, начинавшейся в его любимой Франции. Всплеск демократических настроений порождает «смуты и беды», отмечал он, полагая, однако, что эти настроения приведут к распространению демократии и в итоге — к разумной конституции. По этой причине большинство его писем французским друзьям были неуместно беззаботными. «Вы все еще живы? — писал он французскому ученому Жану Батисту Лерою, своему другу и соседу по Пасси, в конце 1789 года. — Или толпа парижан ошибочно приняла голову монополиста знаний за голову монополиста зерна и принялась носить ее по улицам на шесте?» (В этом письме также содержалось знаменитое высказывание: «В этом мире неизбежны только смерть и налоги».) Он уверял Луи Гийома ле Вейяра, еще одного друга и соседа по Пасси, что все к лучшему. «Когда брожение заканчивается и вызывающие его частицы оседают на дно, вино становится превосходным и вызывает радость в сердцах тех, кто его пьет»[603].

Франклин заблуждался, страшно заблуждался по поводу французской революции, хотя и не прожил достаточно долго, чтобы осознать это. Ле Вейяр вскоре закончил свой жизненный путь на гильотине. Та же участь постигла химика Лавуазье, который вместе с Франклином работал в комиссии по изучению

методов Месмера. Экономист Кондорсе, сопровождавший Франклина в его знаменитых встречах с Вольтером, был заключен в тюрьму и принял в камере смертельную дозу яда. А Ларошфуко, переводивший для Франклина тексты конституций и поддерживавший с ним оживленную переписку, был забит до смерти толпой черни.

Рабство

В самом конце жизни Франклин взялся за выполнение одной из своих последних общественных миссий — морального крестового похода против рабства. Это помогало ему смыть одно из немногих темных пятен его жизни, отданной борьбе за свободу. На протяжении большей части XVIII века рабство было тем институтом, против которого выступали немногие белые. Даже в славившейся духом братства Филадельфии рабовладение набирало силу вплоть до 1760 года, когда доля рабов в городском населении достигла почти десяти процентов. Однако взгляды на эту проблему начали постепенно изменяться, особенно после призывов, прозвучавших в Декларации независимости, и нескольких довольно неуклюжих компромиссов в тексте Конституции. Джордж Мейсон из Виргинии, несмотря на то что сам владел двумя сотнями рабов, на конституционном съезде назвал институт рабства «вредным» и заявил: «Все хозяева рабов являются мелкими тиранами, навлекающими гнев небес на страну». Взгляды Франклина также эволюционировали. Он, как мы уже знаем, долгое время держал в доме одного или даже двух рабов, а будучи молодым издателем, печатал объявления о продаже людей. Но еще в 1729 году он издал одно из первых произведений, направленных против рабства, а позднее присоединился к сторонникам доктора Брея, открывавшим в Америке школы для черных. Дебора записала своих чернокожих слуг в одну из таких школ. После этого Франклин заявил о своей «крепнущей вере в природные способности черной расы». В написанных им в 1751 году «Наблюдениях о росте народонаселения» он резко критиковал рабство, но главным образом с экономической, а не с моральной точки зрения. Выражая симпатию филадельфийскому аболиционисту Энтони Бенезету в 1770-х годах, он соглашался, что ввоз новых рабов должен быть немедленно прекращен, но ослабил свою поддержку безоговорочной отмене рабства словами о том, что она должна произойти «в свое время». В качестве дипломатического агента Джорджии в Лондоне он защищал право этой колонии иметь рабов. Но в написанной в 1772 году статье «Дело Сомерсета и работорговля», как и в нескольких других, утверждал: один из самых тяжелых грехов Британии в отношении Америки заключается в том, что она «навязала» ей институт рабовладения.

Трансформация взглядов Франклина достигла своего апогея к 1787 году, когда он возглавил Общество Пенсильвании за отмену рабства. Его члены попытались убедить его подать петицию

против рабства Конституционному конвенту, но, понимая необходимость достижения деликатных компромиссов между Севером и Югом, он предпочел не поднимать этот вопрос. Однако после конвента стал открыто высказываться на эту тему.

Одно из соображений против немедленной отмены рабства, которое до поры до времени разделял и Франклин, заключалось в том, что было бы практически неосуществимо и небезопасно освободить сотни тысяч взрослых рабов и попытаться сделать их членами общества, к жизни в котором они не готовы (в 1790 году из четырехмиллионного населения Соединенных Штатов почти семьсот тысяч составляли рабы). Поэтому филадельфийское Общество не только занималось пропагандой отмены рабства, но и старалось помочь рабам стать добропорядочными гражданами. «Рабство является таким жестоким унижением человеческой натуры, что само его искоренение, если оно не будет выполнено с должным тщанием, иногда может стать источником многих серьезных зол, — писал Франклин в ноябре 1789 года, обращаясь к населению от имени членов Общества. — Несчастный, с которым долгое время обращались как с грубым животным, слишком часто не соответствует общепринятым представлениям о человеческом существе. Цепи, сковывающие его тело, сковывают также его умственные способности и чувства к окружающим людям». Как это характерно для Франклина, он представил обществу подробный план и процедуры «улучшения условий освобождения чернокожих». План предусматривал создание комитета из двадцати четырех человек, разделенного на четыре подкомитета:

Инспекционный подкомитет, занимающийся вопросами морали, поведения и стандартными ситуациями, в которых оказываются освобожденные негры, а также предоставлением консультаций и рекомендаций.

Опекунский подкомитет, размещающий детей и подростков у подходящих людей для освоения (в течение непродолжительного времени ученичества или службы) простейших ремесел или иных видов деятельности.

Подкомитет по образованию, наблюдающий за школьным образованием освобожденных чернокожих детей и подростков.

Подкомитет по труду, занимающийся трудоустройством тех освобожденных чернокожих, которые способны работать, так как отсутствие работы порождает нищету, праздность и многие порочные

привычки[604].

От имени Общества в феврале 1790 года Франклин подал Конгрессу официальную петицию об отмене рабства. «Все люди созданы Всемогущим Господом по Своему образу и подобию и все являются объектами Его заботы и в равной мере заслуживают счастья», — провозглашалось в ней. Долг Конгресса в том, чтобы «распространить благо свободы на народ Соединенных Штатов», и это должно быть сделано «без различий по цвету кожи». Следовательно, Конгресс должен предоставить «свободу тем несчастным людям, которые единственные на этой земле свободы низведены до положения рабов»[605].

Франклин и его петиция вызвали негодование защитников рабства, самым известным из которых был конгрессмен Джеймс Джексон из Джорджии, заявивший на заседании палаты, что Библия разрешает рабство и что без рабов некому бы было выполнять трудную работу на плантациях. Это заявление подтолкнуло Франклина к созданию его последней великой пародии, написанной менее чем за месяц до смерти.

Он начал свою литературную деятельность шестьдесят девять лет тому назад, когда шестнадцатилетним подмастерьем стал публиковаться под псевдонимом Сайленс Дугуд — так звалась притворно стыдливая вдова, от имени которой он писал свои сочинения. Далее продолжил свою писательскую карьеру, просвещая читателей другими подобными мистификациями, такими как «Испытание Полли Бейкер» и «Эдикт короля Пруссии». Именно в духе последнего из этих эссе он анонимно опубликовал в местной газете, снабдив подходящими учеными цитатами, речь члена алжирского дивана, якобы произнесенную им сто лет тому назад.

Эта речь отличалась удивительным сходством с речью конгрессмена Джексона. «Аллах велик, и Магомет пророк его» — такими были начальные слова. Затем осуществлялся переход к критике петиции некой пуристской секты, требовавшей прекратить практику превращения в рабов пленных европейских христиан и использования их на тяжелых работах в Алжире. «Если мы не будем превращать этих людей в рабов, то кто станет возделывать наши поля в таком жарком климате? Кто будет заниматься повседневным трудом в наших городах и наших домах?» Отказ от превращения «неверных» в рабов приведет к тому, что стоимость земли и арендная плата снизятся вдвое.

> Кто компенсирует землевладельцам их потери? Будет ли делать это государство? Достаточно ли для этого денег в казне? <…> А если мы освободим рабов,

что тогда делать с ними? Немногие из них вернутся в свои родные страны; им слишком хорошо известны тяготы, которые придется там испытать; они не воспримут нашу священную религию; они не усвоят наши обычаи; наши люди не будут осквернять себя браками с ними. Должны ли мы содержать их как попрошаек на наших улицах или подвергать наше имущество опасности разграбления? Люди, привыкшие к рабству, не станут работать ради куска хлеба, если их к этому не принуждать.

А что плохого в их нынешних условиях? <…> Здесь они живут на земле, где распространяет свой свет солнце ислама и где оно светит во всю силу, так что они имеют возможность познакомиться с истинным религиозным учением и таким образом спасти свои бессмертные души. <…> Когда они служат нам, мы заботимся о том, чтобы обеспечить их всем необходимым, и обращаемся с ними гуманно. Те, кто работает в их собственной стране, как мне хорошо известно, хуже питаются и одеваются и живут в менее комфортных жилищах <…>

Как же жестоко они ошибаются, полагая, что рабство запрещено Кораном! Разве следующие две заповеди — «Господа, обращайтесь со своими рабами заботливо, рабы, служите своим господам с радостью и верностью», — не считая многих других, не являются очевидным доказательством обратного? <…> Так давайте же не будем выслушивать богомерзкие предложения об освобождении христианских рабов, поддержка которых приведет к обесцениванию наших земель и домов и, таким образом, к тому, что многие добропорядочные граждане лишатся собственности, возникнет всеобщее недовольство и начнутся мятежи[606].

В этой пародии Франклин указывал, что алжирский диван в итоге отверг петицию. Конгресс также решил, что не обладает полномочиями для того, чтобы предпринимать какие-то действия в соответствии с аболиционистской петицией Франклина.

В кровать

Неудивительно, что в конце жизни многие люди пересматривают свои религиозные убеждения. Франклин никогда всецело не присоединялся к церкви, не разделял никаких сектантских догм и считал более полезным сосредоточиваться на земных, а не на духовных проблемах. Когда в 1757 году он едва не утонул во время кораблекрушения у берегов Англии, в шутку написал Деборе: «Если бы я был римским католиком, то, возможно, по такому случаю дал бы обет построить часовню в честь какого-нибудь святого, но так как я не католик, то, если я вообще способен давать обеты, должен был бы поклясться построить *маяк*». Подобным образом, когда в 1785 году один из городов Массачусетса выбрал для себя название Франклин и попросил пожертвовать денег на церковный колокол, Франклин посоветовал построить вместо колокольни библиотеку, для которой он послал «книги вместо колокола, так как смысл важнее звука»[607].

С возрастом аморфная вера Франклина в доброжелательного Бога, по-видимому, становилась более крепкой. «Если бы не справедливость нашего дела и не последующее вмешательство Провидения, в которое мы верили, мы бы погибли, — писал он после войны Страхану. — Если бы прежде я был атеистом, то должен был бы теперь поверить в существование Создателя и Его руководство нашими делами!»[608]

Его приверженность религии основывалась скорее на убеждении, что она — полезное и практичное средство принуждать людей лучше себя вести, чем на представлении о том, что она дана свыше. Как-то он написал письмо, возможно, отправленное в 1786 году Томасу Пейну, в ответ на рукопись, в которой едко высмеивались религиозные обряды. Франклин просил своего адресата не публиковать еретический трактат, но аргументировал свою просьбу тем, что публикация может иметь вредные последствия, а не тем, что идеи ложны. «Для вас может оказаться нетрудным вести добродетельную жизнь без помощи религии, — писал он, — но подумайте о том, как велика доля слабых и невежественных мужчин и женщин и неопытной и неосмотрительной молодежи обоих полов, которые нуждаются во влиянии религии, чтобы удерживаться от порока». Кроме того, отмечал он, личные последствия для автора, вероятно, будут неприятными. «Тот, кто плюет против ветра, плюет себе в лицо». Если письмо действительно адресовалось Пейну, то оно возымело действие. Пейн долгое время готовил беспощадную атаку на

организованную форму религиозной веры в виде книги, получившей позже название «Век разума», но воздерживался от публикации этого сочинения еще в течение семи лет, почти до самой своей смерти[609].

Наиболее важная религиозная роль, исполненная Франклином — она имела исключительное значение для формирования новой просвещенной республики, — это роль апостола религиозной терпимости. Он жертвовал средства всем религиозным конфессиям Филадельфии (так, в апреле 1788 года пожертвовал пять фунтов на строительство новой синагоги для секты *микве израиль*) и выступал против использования религиозных клятв в конституциях Пенсильвании и Соединенных Штатов. Во время празднования в 1788 году дня 4 июля Франклин был слишком слаб, чтобы встать с постели, но колонна демонстрантов прошла под окнами его дома. Впервые, как будто исполняя желание Франклина, «священники разных христианских конфессий и еврейский раввин шли рука об руку»[610].

Итог его религиозных воззрений был подведен за месяц до смерти, когда он отвечал на вопросы преподобного Эзры Стайлса из Йеля. Франклин начал с пересказа своего основополагающего кредо: «Я верю в Единого Бога, Творца Вселенной. Он управляет ею по воле Своего провидения. Ему мы должны поклоняться. Наилучшее наше служение Ему состоит в том, чтобы делать добро другим Его детям». Эти убеждения фундаментальны для всех религий, все прочее — просто дополнительные украшения. Затем он ответил на вопрос Стайлса о том, верит ли в Иисуса, и сказал, что такой прямой вопрос задается ему впервые. Предоставленная Иисусом система моральных принципов, ответил Франклин, была «лучшей, которую когда-либо видел или увидит мир». Но на вопрос о божественном происхождении Иисуса он дал на удивление искренний и ироничный ответ: «У меня есть, — заявил он, — некоторые сомнения в божественности Его происхождения, хотя я не могу выносить безапелляционных суждений, поскольку никогда не изучал проблему. Считаю, что сейчас задавать мне этот вопрос не нужно — вскоре я ожидаю возможности узнать истину более легким способом»[611].

Последнее письмо, написанное Франклином, адресовано Томасу Джефферсону, его духовному наследнику в деле распространения веры в разум, эксперимент и терпимость, присущей веку Просвещения. Джефферсон заехал навестить Франклина и привез ему новости от друзей во Франции. «Он последовательно вспомнил всех, — отмечал Джефферсон, — с быстротой и воодушевлением, казалось, невероятными с учетом его слабеющих сил». Джефферсон похвалил его за успешное

продвижение с автобиографией, которая, как он предсказывал, окажется очень поучительной. «Я не могу судить о ней сам, — ответил Франклин, — но дам вам образец». С этими словами он вытащил лист бумаги с описанием последних недель переговоров в Лондоне с целью предотвращения войны и настоял на том, чтобы Джефферсон сохранил его на память. Затем Джефферсон задал вопрос об одной секретной проблеме, требовавшей разрешения. Какие карты использовались для указания западных границ Америки на переговорах о мире в Париже? После того как Джефферсон ушел, Франклин изучил вопрос и написал свое последнее письмо. Его разум был достаточно ясен, чтобы описать с достаточной точностью происходившие дискуссии и использовавшиеся карты с указанием рек, впадавших в залив Пассамакуодди[612].

Вскоре после того как Франклин закончил это письмо, у него начался жар и усилились боли в груди. В течение десяти дней он был прикован к постели, страдая от кашля и затруднения дыхания. За ним ухаживали Салли и Ричард Бейч, а также Темпл и Бенни. Его навещала и Полли Стивенсон, убеждавшая его яснее выразить свои религиозные убеждения; ей доставило удовольствие увидеть, что у его кровати висела картина с изображением Страшного суда. Лишь однажды в течение этого периода Франклин ненадолго встал и попросил привести его постель в порядок, чтобы он смог «умереть приличным образом». Салли выразила надежду на его выздоровление и на то, что он сможет прожить еще много лет. «Надеюсь, что нет», — спокойно ответил он[613].

Затем прорвался нарыв в легких, и он больше не смог говорить. Бенни приблизился к его кровати, и дед взял его руку в свою. В одиннадцать вечера 17 апреля 1790 года в возрасте восьмидесяти четырех лет Франклин скончался.

В далеком 1728 году, будучи начинающим печатником, гордящимся своей верой в честность, необходимую людям его профессии, Франклин написал для себя, а может, просто для собственного развлечения шутливую эпитафию, отразившую ироничный взгляд на его странствия по миру:

> Тело Бенджамина Франклина, печатника
> (словно обложка потрепанной книги,
> со стертыми страницами, со стертым шрифтом
> и старой позолотой)
> лежит здесь, став пищей червей.
> Но работа на этом не закончена,
> и, по его глубокому убеждению, появится новое и

более элегантное издание,
изменённое и откорректированное самим Автором[614].

Однако незадолго до смерти Франклин распорядился сделать на могиле, которую хотел разделить со своей женой, более простую надпись. Его надгробный памятник, писал он, должен представлять собой мраморную плиту «шести футов длиной, четырех футов шириной, плоскую, с надписью у верхнего края: Бенджамин и Дебора Франклин»[615].

Около двадцати тысяч скорбящих людей, более чем когда-либо прежде в Филадельфии, вышли на улицы, чтобы наблюдать за погребальной процессией, направлявшейся к кладбищу при церкви Христа, расположенному всего в нескольких кварталах от его дома. Впереди процессии шли священнослужители всех городских религиозных конфессий.

Глава 17. Эпилог

Уильям Франклин. В своем завещании Франклин передавал своему единственному оставшемуся в живых сыну не имевшие никакой ценности претензии на получение земельных участков в Канаде и прощал ему все невозвращенные долги. «Та печально известная роль, которую он сыграл против меня в последней войне, вынуждает не оставлять ему имущества, которое он пытался у меня отнять». Уильям, считавший, что уже расплатился со всеми долгами, передав по акту свои земли в Нью-Джерси, жаловался на «постыдную несправедливость» завещания и за оставшиеся двадцать пять лет жизни так и не вернулся в Америку. Но он по-прежнему свято чтил память отца и не позволял себе резких публичных высказываний в его адрес. Действительно, когда его собственный сын Темпл в состоянии крайнего возбуждения занимался подготовкой издания биографии и трудов Франклина, Уильям начал работу над своим собственным вариантом биографии, который, как он надеялся, воздаст должное отцу, показав «поворот в его сознании и многообразие его знаний». Но этому не суждено было случиться. Он женился на своей домовладелице Мэри Д'Эвелин, но после ее смерти в 1811 году оказался совершенно разбитым и одиноким человеком. Сам он умер три года спустя, находясь вдали от сына и страдая от того, что называл «тем состоянием одиночества, которое более всего невыносимо моей натуре»[616].

Темпл Франклин. Унаследовав немалую долю имущества своего деда и все его важнейшие документы, Темпл вернулся в Англию в 1792 году и временно воссоединился с отцом. Оставаясь все тем же очаровательным, но бесцельно живущим озорником, впал в раздраженное состояние из-за настойчивых призывов отца жениться и начать работать над бумагами деда и довел неразбериху в семейных отношениях Франклинов до новых высот. Он обзавелся еще одним незаконнорожденным ребенком, дочерью по имени Эллен, матерью которой была младшая сестра новой жены Уильяма, а затем резко порвал с ними отношения и уехал в Париж, оставив маленькую Эллен Франклин на воспитание Уильяма, который был ей одновременно и дядей, и дедом. В течение четырнадцати лет Темпл не поддерживал контактов с отцом и не публиковал документы деда, даже несмотря на то, что некоторые отрывки «Автобиографии» стали издаваться во Франции. Наконец в 1812 году он написал отцу о своем намерении опубликовать унаследованные бумаги и о желании приехать в Лондон, чтобы проконсультироваться с ним.

Уильям, не забывший тот холодный ответ, который получил на письмо, написанное отцу двадцать восемь лет тому назад, был чрезвычайно рад. «Я буду счастлив увидеть тебя, — написал он, — я не могу думать, что умру в состоянии вражды с тем, с кем так тесно связан».

Но Темпл так никогда и не приехал в Англию. В 1817 году он опубликовал «Автобиографию» (без заключительной вставки) и бессистемную подборку некоторых бумаг деда. Он прожил в Париже еще около шести лет с новой любовницей, англичанкой Ханной Кольер, на которой женился за несколько месяцев до смерти в 1823 году. Позже Ханна перевезла многие из бесценных рукописей Франклина в Лондон, где они были случайно обнаружены в 1840 году в мастерской портного, который использовал их для изготовления выкроек. Рукописи, которые Темпл оставил в Филадельфии, растаскивались разными охотниками за сувенирами до тех пор, пока Американское философское общество не начало в 1860-х годах собирать их вместе[617].

Салли и Ричард Бейч. Верной дочери Франклина и ее мужу отходила бóльшая часть его недвижимости, включая дома на Маркет-стрит, при условии, что Ричард «сделает свободным их раба-негра по имени Боб» (Ричард так и сделал, но Боб начал пить, не смог содержать себя и попросил вновь сделать его рабом; Бейч на это не согласились, но разрешили ему жить в доме до конца жизни). Салли также досталась миниатюра с портретом Людовика XVI, обрамленная бриллиантами, с условием, что она «не превратит любой из этих бриллиантов в украшение, кроме как для себя и своих дочерей, и таким образом не будет вводить или поддерживать в стране дорогую, тщеславную и бесполезную моду на ношение драгоценностей». Она продала бриллианты, чтобы осуществить давнее желание побывать в Англии. Вместе с мужем Салли отправилась в гости к Уильяму, с которым всегда поддерживала тесные отношения. По возвращении из этой поездки Бейч поселились на ферме в Делавэре.

Бенджамин Бейч. Унаследовавший печатное оборудование Франклина и многие его книги, он пошел по стопам своего деда, начав издавать через семьдесят лет после выхода первого номера New England Courant радикальную газету Джефферсона The American Aurora. Газета стала рупором тех, кто верил, даже еще сильнее, чем Франклин, в необходимость профранцузской и более демократичной политики, и критиковала Вашингтона, а затем и Адамса за имперское президентство. Какое-то время она была самой популярной газетой в Америке, и недавно ей были посвящены две книги. Политические воззрения Бенни привели к

разрыву отношений с родителями, как и его решение вопреки их воле жениться на некой энергичной даме по имени Маргарет Марко. В 1798 году был арестован за антиправительственную агитацию и за клевету на Адамса, но еще до начала суда умер от желтой лихорадки в возрасте двадцати девяти лет. К тому времени он находился в таких тяжелых отношениях с родителями, что его сестры были вынуждены тайком уходить из дома, чтобы повидаться с ним во время финальной стадии его болезни. Маргарет быстро вышла замуж за журналиста из редакции газеты покойного мужа, ирландца по имени Уильям Дуэйн, и они продолжили издание газеты. Одна из сестер Бенни, Дебора Бейч, вышла позднее замуж за одного из сыновей Дуэйна от его первого брака[618].

Полли Стивенсон. От человека, к которому она испытывала благоговейное отношение более тридцати пяти лет, ей не досталось ничего, кроме серебряной пивной кружки. Вскоре после смерти Франклина ее стали тяготить его родственники и все американское. Когда ее второй сын Том вернулся в Англию (в сопровождении Уилли Бейча), чтобы изучать там медицину, она стала писать ему длинные письма о своем желании вернуться домой. Но она умерла в 1795 году, прежде, чем ей представилась такая возможность. Том вернулся в Филадельфию, где стал успешным врачом, его брат Уильям и сестра Элиза также остались в Америке, и все они обзавелись собственными счастливыми семьями.

Преисполненные энтузиазма торговцы из Бостона и Филадельфии. Самый необычный пункт в дополнительном распоряжении к завещанию Франклина относился к учреждению им доверительного фонда. Он отмечал, что, в отличие от основателей подобных фондов, сам был рожден в бедности и получал помощь от тех, кто поддерживал его как начинающего ремесленника. «Я хочу быть полезным даже после смерти, если это возможно, в профессиональном обучении и продвижении молодых людей, которые могли бы быть полезны своей стране». Поэтому он распорядился — в соответствии со своим часто высказываемым убеждением, что государственные служащие не должны получать жалованья, — чтобы две тысячи фунтов, заработанные им в должности президента Пенсильвании, были распределены между Бостоном и Филадельфией и предоставлялись бы в виде ссуд «под пять процентов годовых тем молодым женатым ремесленникам», которые закончили ученичество и собирались открыть собственное дело. Со своей обычной страстью к мелочам Франклин подробно описывал, как должны происходить выдача и возврат ссуд, и рассчитал, что

через сто лет ежегодный доход для каждого города будет составлять сто тридцать одну тысячу фунтов. К тому времени города могли бы тратить сто тысяч фунтов из этой суммы на общественные проекты, сохраняя остальную часть средств в доверительном фонде, который еще через сто лет, по его расчетам, с учетом выданных ссуд и накопленных процентов, имел бы в своем распоряжении четыре миллиона шестьдесят одну тысячу фунтов. С этого момента деньги должны были бы перейти в государственную казну.

Произошло ли все так, как он предполагал? В Бостоне управление фондом пришлось видоизменить, так как прежняя система ученичества устарела, но ссуды продолжали выдаваться в соответствии с духом его завещания, и через сто лет в фонде накопилось около четырехсот тысяч фунтов — несколько меньше, чем по его расчетам. В тот год было основано учебное заведение, известное сейчас как Технологический институт Бенджамина Франклина. На его учреждение было потрачено три четверти этой суммы плюс посмертный дар Эндрю Карнеги, который считал Франклина полубогом. Непотраченные деньги так и остались в фонде. Еще через сто лет в нем накопилось почти пять миллионов долларов, что не эквивалентно четырем миллионам фунтов, но все равно составляет приличную сумму. В соответствии с волей Франклина деньги фонда были затем израсходованы. После юридического спора между несколькими заинтересованными сторонами, разрешенного специальным постановлением легислатуры, деньги фонда переданы Технологическому институту Бенджамина Франклина.

В Филадельфии посмертный дар также прирастал меньшими темпами. Через сто лет после смерти Франклина на счету фонда имелось сто семьдесят две тысячи долларов, то есть около четверти того, на что он рассчитывал. Три четверти этой суммы пошли на учреждение Института Франклина в Филадельфии — доныне процветающего научного музея, — а из оставшихся средств продолжали выдаваться ссуды молодым ремесленникам, главным образом на покупку жилья. Еще сто лет спустя, в 1990 году, в фонде накопилось два миллиона триста тысяч долларов. Почему же сумма оказалась в два с лишним раза меньше, чем в Бостоне? Один из патриотов Филадельфии утверждал, что Бостон превратил фонд в «сберегательную компанию для богатых». Филадельфия, которая в соответствии с пожеланиями Франклина старалась выдавать ссуды преимущественно бедным людям, с меньшим успехом, чем Бостон, добивалась возврата средств.

В тот год мэр Филадельфии Уилсон Гуд предложил, возможно, в шутку, чтобы деньги Бена Франклина использовались

на финансирование званого вечера с участием *Бена* Вереена и Ареты *Франклин*. Другие горожане уже более серьезно предлагали потратить их на развитие туризма, что вызвало общественное недовольство. В конце концов мэр назначил экспертный совет из ученых-историков, и штат разделил деньги в соответствии с общими рекомендациями. Среди получателей средств оказались Институт Франклина, многие общедоступные библиотеки и пожарные компании, а также группа, названная Филадельфийские академии, выдававшая стипендии участникам программ профессионального обучения в городских школах. Когда в 2001 году было объявлено о предоставлении таких стипендий, один колумнист из Philadelphia Inquirer указал, что разнообразие имен стипендиатов — среди которых были и такие, как Абимель Акаедева, Мухаммед Огуе, Зракпа Карподлех, Давид Кузяк, Педро Лопес и Рани Ли, — порадовало бы благотворителя. Он, безусловно, улыбнулся бы, узнав об использовании его средств во время ралли экспериментальных автомобилей «Тур де соль». Например, несколько получателей стипендий из одной бедной школы на западе Филадельфии использовали грант от покорителя небесного электричества на создание электромобиля, получившего по итогам соревнований премию под названием «Энергия мечты»[619].

Глава 18. Заключение

Исторические размышления

Человечество делится на две категории, утверждал в 1868 году журнал Nation, — «естественных приверженцев» и «естественных противников» Бенджамина Франклина. Одна из причин такого разделения в том, что он, вопреки заявлениям некоторых комментаторов, не является воплощением американского характера. Напротив, воплощает лишь одну из его граней. Франклин представляет одну сторону национальной дихотомии, существовавшей еще с тех пор, когда он и Джонатан Эдвардс являли собой два полюса американской культуры[620].

На одной стороне были те, кто, подобно Эдвардсу и семейству Мэзер, верили в высшее предопределение и спасение только через Божью милость. Они отличались религиозным рвением, ощущением принадлежности к своему классу и социальной иерархии и предпочитали возвышенные ценности мирским. На другой стороне — Франклин и ему подобные, верившие в спасение через добросовестный труд. Религиозные воззрения их основывались на милосердии и толерантности, и они бесстрашно боролись с обстоятельствами и продвигались вверх по социальной лестнице.

Отсюда выросло много генетических противоположностей американского характера, и Франклин олицетворяет одну из них: приверженность прагматизму, а не романтизму, практичной благотворительности, а не абстрактным рассуждениям о нравственности. Он отдавал предпочтение религиозной терпимости, а не евангельской вере. Социальной мобильности, а не сохранению окостеневших элит. Добродетелям среднего класса, а не эфемерным возвышенным устремлениям.

На протяжении трех веков после рождения Франклина оценки его личности менялись. Это способствовало лучшему пониманию даже не его самого, а ценностей судивших о нем людей и их отношения к набирающему силу среднему классу. С грандиозной исторической сцены, наполненной многими гораздо более величественными и недоступными отцами-основателями, он взирал на каждое поколение со своей знаменитой полуулыбкой и откровенно говорил обо всем, что было важно на тот момент, приводя в ярость одних и увлекая других. Его образ, так сказать, отражал или преломлял установки каждой последующей эпохи.

В первые годы после его смерти, по мере того как враждебность его личных антагонистов ослабевала, почтение к нему росло. Даже Уильям Смит, воевавший с ним в легислатуре и

в академии, произнес уважительную хвалебную речь во время поминальной службы в 1791 году, в которой он отбросил в сторону их «ненужные разногласия и споры» и сосредоточился на филантропической и научной деятельности Франклина. Когда позднее его дочь выразила сомнение в том, что он верил «в десятую часть того, что говорил о молниеотводе старого Бена», Смит искренне рассмеялся ей в ответ[621].

Другой антагонист Франклина, Джон Адамс, также немного смягчился. «Ничто в жизни не угнетало и не огорчало меня больше, чем необходимость, вынуждавшая так часто выступать его оппонентом», — такую мучительную переоценку сделал он в 1811 году. Его прежняя жесткая критика, объяснял он, являлась в определенном смысле свидетельством величия Франклина. «Будь он заурядным человеком, я никогда не стал бы брать на себя труд разоблачения его действий». Адамс даже представил недостаток религиозного чувства у Франклина, который иногда называл граничащим с атеизмом, в более благоприятном свете. «Все секты считали его, и, я полагаю, справедливо, приверженцем безграничной веротерпимости».

Временами, утверждал Адамс, Франклин был лицемером, плохим дипломатом и политиком, имеющим неверные ориентиры. Но в эссе Адамса содержалось также несколько ярчайших признаний высокой оценки личности Франклина, выделявшихся среди того, что написано о нем современниками:

> Франклин был гениальным человеком, оригинальным, проницательным и изобретательным, способным делать открытия в науке в не меньшей степени, чем усовершенствования в изящных искусствах и технике. Он обладал бескрайним воображением. <…> В нужный момент он умел быть остроумным. Когда находился в хорошем настроении, его чувство юмора было деликатным и приятным. Его сатира могла быть добродушной или едкой, как у Горация или Ювенала, как у Свифта или Рабле — по его усмотрению. Он талантливо владел приемами иронии, аллегории и выдумки, которые мог с необыкновенным мастерством использовать для пропаганды моральных и политических истин. Он был мастером проявления той детской простоты, которую французы называют naivite и которая никогда не перестает очаровывать[622].

К тому времени взгляды Франклина на центральную роль среднего класса в жизни Америки полностью восторжествовали, несмотря на стенания тех, кто видел в этом проявление

тенденции к вульгаризации общества. «Усваивая элегантность аристократии и деятельность рабочего класса, люди среднего класса приобретали моральную власть над обществом», — писал историк Гордон Вуд. Так он описывал Америку начала 1800-х годов, но этими словами мог бы описывать и личность Франклина. Репутация Франклина стала еще выше, когда в 1817 году внук Темпл наконец-то издал его письма и дневники. Адамс написал Темплу, что этот сборник «заставил меня заново пережить время пребывания в Пасси», что могло бы быть неоднозначно истолковано теми, кто знал об их вражде в период дипломатической миссии во Франции, если бы не последующее уточнение: «Едва ли есть росчерк его пера, не заслуживающий того, чтобы быть сохраненным». Фрэнсис, лорд Джеффри, основатель Edinburgh Review, превозносил сочинения Франклина за «безыскусственную веселость», за попытку «склонить массы к добродетели» и прежде всего за сосредоточенность на гуманистических ценностях, сформулированных эпохой Просвещения. «Этот самоучка-американец, возможно, является самым рациональным из всех философов. Ни в одном из своих рассуждений он никогда не теряет здравый смысл»[623].

Однако в начале 1800-х годов на смену веку Просвещения пришла литературная эпоха, ценившая романтизм выше рациональности. Одновременно произошел и глубокий пересмотр отношения к Франклину, особенно среди тех, кто, как предполагалось, обладал повышенной чувствительностью. Романтики восхищались не разумом и интеллектом, но сильными эмоциями, субъективной восприимчивостью и воображением. Они превозносили героическое и мистическое, а не терпимость и рациональность. Их высокомерная критика принижала значение Франклина, Вольтера, Свифта и других мыслителей эпохи Просвещения[624].

Великий поэт-романтик Джон Китс был одним из многих, кто критиковал Франклина за его слабую художественную восприимчивость. Он был, как писал Китс брату в 1818 году, «полным смысла и прагматичных максим» и «не возвышенным человеком». Друг Китса и его первый издатель, поэт и редактор Лей Хант, с презрением отзывался о «низких сентенциях» Франклина и утверждал, что тот стоял «во главе тех, кто думает, будто человек живет хлебом единым». Он имел «мало страстей и был лишен воображения», продолжал обвинять Лей, и поощрял человечество «любить богатство», что лишено «высоких позывов» или «сердца и души». Кроме того, шотландский критик Томас Карлайл, влюбленный в романтический героизм, презрительно называл Франклина «отцом всех янки», что, возможно, не столь

порочащее его обвинение, как полагал Карлайл[625].

Утонченный вкус американских трансценденталистов, таких как Торо и Эмерсон, страдавших, подобно поэтам-романтикам, аллергией на рационализм и материализм, также побуждал их считать Франклина слишком приземленным. Грубоватые обитатели лесной глуши, относящиеся к среднему классу, по-прежнему с благоговением относились к «Автобиографии» Франклина — это была одна из книг, которые Дэйви Крокет взял с собой в последнее путешествие в Аламо{84}, — но такой рафинированный отшельник, как Торо, не нашел для нее места, отправляясь на Уолденский пруд{85}. Действительно, первая глава Уолденского журнала{86}, посвященная экономике, содержит таблицы и диаграммы, тонко высмеивающие те, которые использовались Франклином. Эдгар Алан По в своем рассказе «Деловой человек» сходным образом подшучивал над Франклином и другими «методичными» людьми при описании возвышения и методов действий его антигероя с подходящим именем Питер Профит.

Имя Франклина упоминается в полуисторическом романе Германа Мелвилла «Израэль Поттер», написанном в 1855 году. В этом произведении он представлен как обладающий неглубоким умом любитель изрекать сентенции. Но Мелвилл, обращаясь к читателю напрямую, извинялся и указывал, что Франклин не был столь одномерной личностью, какой показан в книге. «Стремясь изобразить его здесь с меньшим благоговением, чем принято, рассказчик чувствует себя так, будто воспользовался шерстяными чулками мудреца вместо того, чтобы почтительно обращаться с его прославленной шапкой, которую он когда-то многозначительно надвигал на самые брови». Сам Мелвилл судил о Франклине как об очень многостороннем человеке со всеми вытекающими отсюда плюсами и минусами. «Тщательно анализировавший окружавший мир Франклин мог играть в нем любую роль». Он перечисляет десятки начинаний, в которых Франклин преуспел, и затем добавляет, выражая самую суть критической позиции романтиков: «Франклин был кем угодно, но только не поэтом» (сам Франклин с ним согласился бы. Он писал, что «одобряет занятие стихами тогда и сейчас с целью совершенствования владения языком, но не более того»)[626].

Эмерсон дал сходную неоднозначную оценку. «Франклин был одним из наиболее здравомыслящих людей, когда-либо живших на свете, — писал он своей тетке, — и более полезным, нравственным и безупречным», чем Сократ. Но затем он сокрушался: «Франклин-человек является умеренным, безвредным и экономным гражданином, в нем нет ничего

героического». В одном из произведений Натаниэля Готорна некий молодой человек жалуется, что все сентенции Франклина говорят «исключительно о том, как заработать деньги, или о том, как их сохранить». В ответ на это сам Готорн замечает, что в подобных высказываниях имеется определенный смысл, но они «учат людей выполнению лишь малой доли их обязанностей»[627].

С расцветом романтизма росло презрительное отношение тех, у кого определение «буржуазный» становилось ругательным словом, к горячо любимому Франклином городскому среднему классу и его «торгашеским» ценностям. Подобный снобизм проявляли самые разные группы: пролетарии и аристократы, радикально настроенные рабочие и праздные землевладельцы, марксисты и представители элиты, интеллектуалы и антиинтеллектуалы. Флобер утверждал, что ненависть к буржуазии «есть начало всех добродетелей», то есть провозглашал нечто диаметрально противоположное тому, что проповедовал Франклин[628].

Но более полное издание наследия Франклина способствовало восстановлению его репутации. После Гражданской войны рост промышленности и наступление Позолоченного века{87} подготовили почву для прославления его идей, и в течение трех следующих десятилетий он был самым популярным героем в истории Америки. Стали печататься большими тиражами многочисленные романы Горацио Элджера, в которых рассказывалось о добродетельных мальчиках, сумевших выкарабкаться из нищеты и разбогатеть. Слава Франклина росла также благодаря появлению типично американской философии прагматизма, провозглашавшей, буквально по Франклину, что истинность любого предположения — научного, морального, теологического или социального — определяется тем, насколько хорошо оно коррелирует с экспериментальными результатами и приносит практическую пользу.

Его литературный наследник Марк Твен, облачавший свой юмор в такие же домотканые одежды, жил в эпоху, прекрасно подходившую для дружелюбного подшучивания над Франклином, который «тратил свои таланты на придумывание сентенций и афоризмов, призванных причинить страдание всем представителям подрастающих поколений грядущих веков <…>, мальчикам, которые в противном случае были бы счастливыми». Но Твен поневоле был поклонником Франклина, и еще бóльшими его поклонниками были выдающиеся капиталисты, воспринимавшие его сентенции как руководство к действию[629].

Промышленник Томас Меллон{88}, установивший статую

Франклина в штаб-квартире своего банка, утверждал: Франклин вдохновил его оставить семейную ферму под Питтсбургом и заняться бизнесом. «Я считаю знакомство с „Автобиографией“ Франклина поворотным пунктом своей жизни, — писал он. — Передо мной возник Франклин, еще более бедный, чем я, который благодаря предприимчивости, бережливости и умеренности стал образованным и мудрым и достиг богатства и славы. <…> Сентенции „Бедного Ричарда“ в точности соответствовали моим собственным чувствам. Я перечитывал эту книгу снова и снова и задавался вопросом, не могу ли стать похожим на него, используя те же самые способы». Эндрю Карнеги{89} испытал сходное воодушевление. История успеха Франклина не только служила ему ориентиром в бизнесе, но и вдохновила на активную филантропическую деятельность, в особенности на приверженность к созданию публичных библиотек[630].

Франклина как «первого великого американца» прославлял самый авторитетный историк того периода Фредерик Джексон Тёрнер{90}. «Его жизнь — это история здравого смысла Америки в ее наивысшей форме, — писал он в 1887 году, — в области бизнеса, политики, науки, дипломатии, религии и филантропии». Его мнение поддерживал и самый влиятельный редактор той эпохи Уильям Дин Хоувеллс, возглавлявший журнал Harper's. «Он был великим человеком, — писал Хоувеллс в 1888 году, — и цели, достижению которых он посвящал себя с неисчерпаемым энтузиазмом, имели прямое отношение к непосредственному благополучию людей и продвижению к знаниям». Несмотря на то что был «цинично скептичным в отношении идеалов и верований, священных для большинства из нас», он «умело способствовал повышению морального и материального благополучия нации»[631].

Маятник вновь качнулся в обратную сторону в 1920-х годах, когда Позолоченный век индивидуализма разочаровал интеллектуалов. Макс Вебер тщательно препарировал трудовую этику среднего класса с квазимарксистской точки зрения в своей знаменитой книге «Протестантская этика и дух капитализма», в которой Франклин (и Бедный Ричард) часто упоминались как пример «философов жадности». «Все моральные установки Франклина, — писал Вебер, — окрашены утилитаризмом». Он обвинял Франклина в том, что тот верил только в необходимость «зарабатывать все больше и больше денег и отказываться от всех спонтанных жизненных увлечений».

Литературный критик Ван Вик Брукс проводил различие между двумя культурами Америки — интеллектуальной и «домотканой» — и называл Франклина основателем последней.

По словам Брукса, он воплощал «показной оппортунизм» и «мудрость двойного стандарта». Поэт Уильям Карлос Уильямс добавлял, что он был «нашим мудрым проповедником крючкотворства», а Синклер Льюис в своем романе «Бэббит» принижал значение буржуазных ценностей и гражданской активности. Имея в виду часто цитируемое кредо Франклина, Льюис писал: «Если бы вы спросили Бэббита, каковы его религиозные убеждения, он, наверное, ответил бы, как подобает члену Клуба толкачей, выспренно и красноречиво: „Моя религия — служить человечеству, любить ближнего, как себя самого и вносить мою лепту в то, чтобы сделать жизнь более счастливой для всех и каждого“»[632].

Наиболее злобными и забавными — и во многих отношениях ошибочными — были нападки на Франклина английского критика и новеллиста Д. Г. Лоуренса. Его эссе, написанное в 1923 году, временами оказывается громкой проповедью концепции потока сознания, резко упрекающей Франклина в отсутствии романтизма и в буржуазной природе добродетелей, отраженных в его «Автобиографии»:

> Доктор Франклин. Маленький серенький человек! Бессмертная душа, и все! Часть бессмертной души была своего рода дешевым страховым полисом. Но в действительности Бенджамин не заботился о бессмертной душе. Он был слишком занят социальным человеком. <…> Я не люблю его.
>
> Я помню, когда был маленьким мальчиком, отец обычно покупал мне дешевый альманах, на обложке которого изображались солнце, луна и звезды. В нем публиковались пророчества о кровопролитии и голоде. Но по углам страниц располагались короткие юмористические истории с моралью. И я самодовольно посмеивался над женщиной, считавшей цыплят прежде, чем они вылуплялись из яиц, и был убежден, также с некоторым самодовольством, что честность является лучшей политикой. Автором этих безделиц был Бедный Ричард, а Бедным Ричардом был Бенджамин Франклин, сочинивший их в Филадельфии более ста лет тому назад. И я, вероятно, еще до сих пор не справился с истинами Бедного Ричарда. Они по-прежнему мучают меня. Они остаются источником постоянного раздражения.
>
> Потому, хотя я по-прежнему верю, что честность является лучшей политикой, я не люблю политику

вообще; несмотря на то, что по-прежнему неразумно считать цыплят, пока они не вылупились из яиц, мне еще более ненавистно, когда их с упоением считают после появления на свет. Мне потребовалось прожить много лет и бессчетное число раз испытать страдания, чтобы выбраться из загона, огороженного колючей проволокой морали, который соорудил Бедный Ричард. <…>

Что же возвращает нас обратно к вопросу о том, что плохого в Бенджамине, чего мы не можем выносить? Я нравственное существо. И собираюсь оставаться таковым. Я не стану превращаться в маленький добродетельный автомат, каким хотел бы видеть меня Бенджамин. И сейчас я, по крайней мере, знаю, почему не выношу Бенджамина. Он пытается лишить меня моей внутренней целостности и моего заповедного леса — моей свободы.

В своем эссе Лоуренс интерпретировал тринадцать добродетелей Франклина, делая их более соответствующими романтическим воззрениям. Вместо франклиновского определения трудолюбия («Всегда будь занят чем-нибудь полезным») Лоуренс написал: «Всегда служи Святому Духу; никогда не служи человечеству». Вместо франклиновского определения справедливости («Никогда не обижай людей, причиняя им зло») Лоуренс написал: «Единственная справедливость заключается в том, чтобы следовать интуиции души, рассерженной или нежной».

Это жизнеутверждающее эссе, но следует отметить: Лоуренс в своем причудливом определении справедливости, в котором главным оказываются собственные желания индивида, критиковал не реальную личность Франклина, а персонаж, который тот создал в альманахе Бедного Ричарда и в «Автобиографии». Кроме того, Лоуренс располагал несколькими ошибочными фактами: в частности, приписывал Франклину сентенцию «Честность есть лучшая политика», которая выглядит как его собственная, но в действительности принадлежит Сервантесу, и историю о подсчете невылупившихся цыплят, которая восходит к Эзопу[633].

Подход Лоуренса нашел отклик в более самостоятельном, хотя и менее эмоциональном критическом опыте, предпринятом Чарльзом Ангоффом в «Истории литературы американского народа», опубликованной в 1931 году. Данное Карлайлом описание «буржуазности Франклина» и Франклина как отца всех янки было, по утверждению Ангоффа, «клеветой на все племя»,

которое породило таких рафинированных авторов, как Готорн и Торо. «Правильнее назвать Франклина отцом всех киванианцев{91}», — язвил Ангофф, безжалостно развенчивая то, что он считал в мышлении Франклина «низкосортным»:

> Франклин олицетворял качества обитателей Нового Света, наименее достойные восхваления: скупость, финансовую практичность и отсутствие интереса ко всему, что обычно называется духовными ценностями. Бэббитизм{92} не был новым явлением в Америке, но Франклин сделал его ее религией и благодаря своему огромному успеху привил американскому народу настолько прочно, что от последствий этого национальный гений страдает до сих пор. <…> Ни слова о благородстве, ни слова о чести, ни слова о величии души, ни слова о милосердии разума! <…> У него была убогая и ничтожная душа, и более высокие сферы были ему недоступны[634].

Великая депрессия 1930-х годов еще раз напомнила людям, что добродетели трудолюбия и бережливости, помощи ближнему и сохранения единства общества не заслуживают того, чтобы отбрасывать их как незначительные и банальные. Репутация Франклина вновь стала восстанавливаться. Философ-прагматик Герберт Шнейдер в книге «Пуританский разум» указывал, что предыдущие нападки на Франклина были направлены главным образом на проповеди Бедного Ричарда, а не на то, как Франклин в действительности прожил жизнь, которая вовсе не была посвящена обогащению ради обогащения. В 1938 году коллега Шнейдера по Колумбийскому университету Карл Ван Дорен отразил эту точку зрения в своей знаменитой литературной биографии Франклина. «Он шел по этому миру, познавая его с улыбкой», — заключал Ван Дорен. А великий историк науки Бернард Коэн утверждал, что научные достижения Франклина позволяют поставить его в один ряд с такими корифеями, как Ньютон. Эксперименты Франклина, писал Коэн в 1941 году, «заложили основу для объяснения всех известных электрических феноменов»[635].

Франклин также стал духовным патроном приверженцев нравственного самоусовершенствования. Дейл Карнеги изучал «Автобиографию», когда писал свою знаменитую книгу «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей», которая после публикации в 1937 году создала моду, существующую и по сей день, на книги, содержащие простые правила и секреты того, как добиваться успеха в бизнесе и личной жизни. Как отмечал

социолог Дигби Балтцелл, исследователь американских элит, «Автобиография» Франклина стала «первым и величайшим из когда-либо написанных учебников для карьеристов бэббитовского типа»[636].

Стивен Кови, признанный мастер этого жанра, опирался на систему Франклина, создавая бестселлер «Семь навыков высокоэффективных людей» и параллельно — сеть магазинов, где продаются органайзеры FranklinCovey и другие принадлежности, воплощающие идеи Франклина. К началу XXI века на полках магазинов, торгующих литературой по самосовершенствованию, можно найти множество книг на эту тему, в том числе «Книгу Бена о добродетелях: простой недельный план Бена Франклина для достижения успеха и счастья», «12 правил менеджмента Бена Франклина: отец-основатель американского бизнеса решает ваши самые трудные проблемы», «Бен Фраклин: искусство быть добродетельным и формула жизненного успеха», «Фактор Бена Франклина: продажи один на один» и «Здоровый, богатый и мудрый: принципы жизненного успеха на примере карьеры Бенджамина Франклина»[637].

В научном мире с приближением трехвекового юбилея Франклина появилось много книг, в целом благожелательно оценивавших его деятельность. Г. В. Брандс из Техасского университета в книге «Первый американец» с симпатией описал эволюцию характера Франклина. «К своей гениальности он добавил стремление к добродетели», — таков был его главный вывод. В 2002 году Эдмунд Морган, бывший профессор истории Йельского университета, сделал исключительно глубокий анализ характера Франклина на основе изучения его рукописей и личных бумаг. «Мы находим в них, — утверждал Морган, — человека, мудрость которого соответствовала величию его сердца»[638].

В массовом сознании Франклин воспринимается скорее как забавник, а не глубокий мыслитель, вызывавший восхищение Юма, или политический махинатор, бесконечно раздражавший Адамса. В эпоху, которая временами была бедна идеями и событиями, зато наполнена флиртом и ничем не скованным предпринимательством, Франклин считался непревзойденным остроумцем. Он представлялся веселым распутником, как бы между прочим занимавшимся государственными делами (как, например, в таких пьесах, как «1776» и «Бен Франклин в Париже»{93}), искрометным старым оратором, способным рассуждать на любые темы — от выпечки печенья до управления паевыми фондами, — и гениальным мудрецом, чьи поговорки призваны скорее развлекать, чем устрашать амбициозных молодых работников.

«Сегодня мы знаем Бенджамина Франклина преимущественно по его старому рекламному образу: старик в бриджах, в длинном пальто, в очках, с лысой макушкой и длинными волосами — фанатик, безрассудно увлеченный запуском воздушных змеев в грозовые облака, — писал историк Алан Тейлор. — Он больше не вызывает ни споров, ни низкопоклонства — только смех. Мы лишь смутно ощущаем его важность для XIX и начала XX века как образцового выразителя ценностей американского среднего класса»[639].

Для социолога Дэвида Брукса успокоительная версия образа Франклина воплощает и предпринимательский, и моральный настрой Америки начала XXI века. Он был одной из тех исторических фигур из американского Пантеона, пишет Брукс, «которые мгновенно почувствовали бы себя в офис-парке как дома».

> Он, вероятно, присоединился бы к хору энтузиастов современных технологий, утверждающих, будто интернет и новейшие биотехнологии чудесным образом изменят жизнь на земле; он разделял бы страсть к прогрессу. В то же время он выглядел бы вполне уместно со свой иронией и легким цинизмом, которые задают тон в беседах, звучащих в высоких кабинетах…
>
> Но тогда Франклин чувствовал бы себя как дома в современной Америке. Он разделял бы ценности привыкшего к комфорту среднего класса, он был бы оптимистичным, добрым и любезным, а его главным недостатком было бы самодовольство. Каждый легко может представить его в торговом центре, очарованным изобилием товаров и умным маркетингом. В то же время он восхищался бы всеми проявлениями гражданской активности молодых американцев и тем, как взрослые американцы в общественных организациях используют религию в благих целях.

Франклин в течение многих лет несправедливо подвергался нападкам, отмечал Брукс, со стороны романтиков, мишенями для которых были капитализм и буржуазная мораль среднего класса. «Но сейчас главную проблему представляет чрезмерный франклинизм, и мы должны задуматься над тем, как привнести в жизнь сегодняшней Америки ощущение трагизма и моральной ответственности, которых было так мало в ее основателе-яппи»[640].

Бухгалтерская книга

Отсутствие моральной ответственности и духовной глубины является самым серьезным обвинением против Франклина. И в своей жизни, и в своих сочинениях он иногда демонстрировал дефицит преданности, душевных страданий, поэтичности или души. Фраза из письма сестре Джейн (1771) отражает самодовольство и недостаток душевной страсти: «В целом я склонен любить мир таким, каким его нахожу, и подвергать сомнению мои собственные суждения о том, что могло бы его исправить»[641].

Его религиозные верования, особенно в начале жизни, во многом определялись его оценками того, во что людям полезно верить, а не являлись выражениями внутренних убеждений. Деизм выглядел привлекательным, но оказался не слишком полезным, и поэтому Франклин дал ему моральное толкование и редко беспокоил свою душу вопросами о милосердии, спасении, божественном происхождении Христа или другими глубокими проблемами, которые не влекли за собой практических выводов. Он находился на другом краю спектра по отношению к пуританам, занятым мучительными поисками души. Так как он не имел фактических свидетельств существования божественных внушений, то усвоил простое представление о том, что наилучший способ служить Богу — делать добро другим.

Его моральные убеждения также были простыми и приземленными, сосредоточенными на способах приносить реальную пользу ближнему, и он мало интересовался воспитанием в себе более высоких нравственных устремлений. Он больше боролся с тем, что называл «опечатками», чем непосредственно с грехом.

Как ученый, Франклин занимался преимущественно физической стороной нашего мира и демонстрировал мало интереса к абстрактными теориям или высоким материям. Он был великим экспериментатором и талантливым изобретателем, сосредоточенным на том, что может приносить пользу, но не имел ни склонности, ни научной подготовки, чтобы делать глубокие обобщения.

В большинстве начинаний, предпринимавшихся его душой и разумом, масштаб достигался в основном благодаря практицизму, а не глубине мысли или поэтическому таланту. В науке Франклин был более Эдисоном, чем Ньютоном, в литературе — более Твеном, чем Шекспиром, в философии — более доктором Джонсоном, чем епископом Беркли, а в политике — больше

Бёрком, чем Локком.

В его личной жизни также наблюдался дефицит душевной преданности и глубокого чувства. Образно говоря, он бывал во многих прихожих, но редко заходил во внутренние покои. Его любовь к путешествиям отражала дух молодого беглеца, сбежавшего от семьи из Бостона, затем от Деборы после первых мыслей о браке и от Уильяма накануне его свадьбы. На протяжении жизни он имел мало эмоциональных привязанностей, способных удержать его на одном месте, и, по-видимому, так же легко перемещался в физическом пространстве, как и в пространстве человеческих отношений.

Его дружба с мужчинами часто оканчивалась разрывом: с братом Джеймсом, с друзьями молодости Джоном Коллинсом и Джеймсом Ральфом, с партнерами по печатному бизнесу Сэмюэлом Кеймером и Хью Мередитом. Он был общительным человеком, любил посещать клубы, в которых велись просвещенные беседы, но дружеские отношения, устанавливавшиеся с мужчинами, были скорее приятельскими, чем душевно близкими.

Он очень сердечно относился к своей жене, но его любовь к ней была не настолько сильна, чтобы помешать ему прожить за океаном пятнадцать из последних семнадцати лет их супружества. Его отношения с ней диктовались соображениями пользы, как и отношения с лондонской домохозяйкой Маргарет Стивенсон. Со своими многочисленными почитательницами он предпочитал флиртовать, а не устанавливать серьезные отношения, и быстро давал задний ход при первых признаках опасности. Самые горячие чувства он проявлял к сыну Уильяму, но затем пламя превратилось в лед. Лишь внук Темпл неизменно вызывал у него пламенную любовь.

Он мог также, вопреки открыто признаваемой вере в необходимость искренности, смотреть на собственное двуличие сквозь пальцы. Он написал свою первую мистификацию в шестнадцать лет, а последнюю — на смертном одре; он вводил в заблуждение своего работодателя Сэмюэла Кеймера, когда планировал выпускать газету; он совершенствовал уклончивость как метод ведения дискуссии; он в равной мере использовал и реальную добродетель, и видимость ее. «В эпоху, прославлявшую искренность, но практиковавшую неискренность, Франклин казался слишком умелым во втором, — отмечает Тейлор. — По причине вкрадчивости своих манер и частой смены тактик Франклин вызывал подозрения, даже когда не собирался прибегать к обману»[642].

Все это подтолкнуло некоторых критиков к тому, чтобы даже

успехи Франклина на ниве общественного благоустройства представлять как следствия приземленных устремлений мелкой душонки. Апофеозом такой критики является следующий отрывок из знаменитых «Основных течений американской мысли» Вернона Паррингтона:

> Человек, который меньше интересуется золочеными мостовыми в Граде Божьем, чем ровной укладкой булыжников на Честнат-стрит в Филадельфии, который меньше беспокоится о спасении души от вечного горения в огне, чем о защите соседних домов посредством организации эффективной пожарной команды, который менее внимателен к свету, никогда не появлявшемуся на море и на суше, чем к новой модели уличного фонаря, освещающего дорогу запоздавшему путнику, — такой человек, очевидно, не понимает истинной природы людских устремлений[643].

Высокомерное использование Паррингтоном слова «очевидно» дает нам подходящую исходную точку для защиты Франклина. Возможно, это «очевидно» для Паррингтона и других людей с утонченными чувствами, вклад которых в развитие общества не является таким прозаическим, как создание библиотеки, университета, пожарной команды, бифокальных очков, новой конструкции печи, молниеотвода или демократической конституции. Их надменность отчасти порождена стремлением к возвышенным идеалам, которого, как иногда может показаться, так не хватало душе Франклина. Однако отчасти это и проявление снобизма в отношении земных забот и ценностей среднего класса, которые были так дороги Франклину.

Так как же мы, в соответствии с пожеланиями Франклина-бухгалтера, могли бы подвести баланс в бухгалтерской книге его жизни? Подобно тому, как поступал он сам, составляя собственную версию моральных расчетов, мы может перечислить все «за» на одной стороне листа и определить, перевешивают ли они (в чем я сам абсолютно уверен) все «против».

Но сначала мы должны спасти Франклина от карикатур в школьных учебниках — в виде гениального чудака, запускающего под дождем воздушных змеев и изрекающего доморощенные сентенции о том, что сбереженный пенни — это заработанный пенни. Мы должны также спасти его от критики, которая путала его с персонажем, тщательно выписанным им в «Автобиографии»[644].

Когда Макс Вебер заявляет, что этика Франклина основана

только на стремлении заработать больше денег, а Д. Г. Лоуренс доказывает, будто Франклин всю жизнь лишь копил деньги и произносил поучения, оба они демонстрируют полнейшее незнание жизни человека, который ушел из бизнеса в сорок два года, посвятил себя общественным делам и научным исследованиям, отказывался от жалованья на многих занимаемых им государственных должностях, сознательно не брал патенты на свои изобретения и постоянно заявлял, что аккумулирование чрезмерного богатства и праздное купание в роскоши не должно одобряться обществом. Франклин рассматривал накопление денег не как цель, а как путь, позволяющий молодым ремесленникам научиться проявлять высокие моральные качества, чувство общности и гражданскую ответственность. «Пустой мешок трудно поставить вертикально», — утверждали и сам Франклин, и его Бедный Ричард[645].

Чтобы должным образом оценить Франклина, мы должны рассмотреть его во всей его сложности. Он не был ни легкомысленным, ни поверхностным, ни заурядным человеком. В нем, спокойно стоящем перед нами и скромно замаскированном, как для истории, так и для самого себя, под самого обыкновенного типа, не увенчанного париком и лишенного других украшений, необходимо разглядеть несколько слоев.

Давайте начнем с поверхностного слоя, с Франклина, служащего молниеотводом для громов и молний, которые мечут в него с олимпийских высот те, кто презирает ценности среднего класса. Здесь есть что сказать — и Франклин высказывался об этом подробно и часто — в защиту таких личных качеств, как прилежание, честность, трудолюбие и умеренность. Особенно когда они рассматриваются как средства к достижению более благородной и возвышенной цели.

То же самое верно и в отношении гражданских добродетелей, которых придерживался Франклин и которые проповедовал. Созданные им ассоциации для проведения работ по городскому благоустройству и другие общественные начинания помогли установлению социального порядка, способствовавшего повышению общественного благосостояния. Немногие люди когда-либо работали столь старательно или сумели сделать так много, чтобы привить добродетели и позитивные черты характера себе и своим согражданам[646].

Были ли эти усилия слишком приземленными, как утверждает Паррингтон и другие его единомышленники? Возможно, отчасти да, но в автобиографии после подробного рассказа о своих трудах по мощению улиц Филадельфии Франклин дал красноречивую отповедь тем, кто выдвигал против

него подобные клеветнические обвинения:

> Некоторые могут сказать, что все это пустяки, о которых не следует вспоминать или рассказывать. Однако поразмыслим, например, вот о чем: пыль, попавшая в ветреный день в глаза одному человеку или в одну лавку, не имеет большого значения, но большое количество таких случаев в населенном городе и частое их повторение придают этой мелочи вес и значительность. Тогда, может быть, не стоит так сурово критиковать тех, кто уделяет некоторое внимание столь низменным на вид делам? Счастье людей создается не столько большими удачами, которые случаются редко, сколько небольшими каждодневными улучшениями[647].

Подобным образом можно утверждать: хотя вера, основанная на религиозном рвении, способна воодушевлять человека, есть нечто вызывающее восхищение в мировоззрении, основанном на смирении и открытости. Чарльз Ангофф утверждал: «Его основной вклад в религиозный вопрос заключался, главным образом, в добросердечной веротерпимости». Возможно, это и так, но концепция добросердечной религиозной терпимости была в XVIII веке немалым достижением цивилизации. Она явилась одной из важнейших предпосылок к наступлению века Просвещения, более необходимой, чем концепции самых прославленных теологов той эпохи.

И в своей повседневной жизни, и в своих сочинениях Франклин выступает выдающимся пропагандистом учения о толерантности. Он развивал его с неподражаемым юмором в своих притчах, с глубочайшей честностью в своих письмах и поддерживал его всеми своими поступками. Те, кто всеми силами стремится к установлению теократии (и в то время, и, к сожалению, ныне), часто заливают мир кровью. И в этих условиях Франклин способствовал созданию нового типа нации, которая могла бы черпать силу из религиозного плюрализма. Как указывал Гарри Уилс в книге «Под Богом», это «более, чем что-либо другое сделало Соединенные Штаты новым явлением на земле»[648].

Франклин способствовал также более тонкому решению религиозного вопроса: он отделил пуританский дух трудолюбия от строгого вероучения этой секты. Вебер, с его пренебрежением к ценностям среднего класса, смотрел свысока на протестантскую этику, а Лоуренс чувствовал, что ее версия, демистифицированная Франклином, не может удовлетворить темную душу. Однако эта этика полезна для прививки

добродетелей и черт характера, формировавших новую нацию.

«Он переделал в себе пуританина в ревностного буржуа, — пишет Джон Апдайк, в романах которого исследовались именно эти темы, — и в этом, безусловно, его главное значение для американской души: он высвободил энергию, сдерживаемую пуританством, для эпохи Просвещения». Как указывал Генри Стил Коммаджер в «Американском разуме», «во Франклине слились добродетели пуританства без его недостатков и яркий свет эпохи Просвещения без его жара»[649].

Так заслуживает ли Франклин почетного звания «первого философа», данного ему великим современником Дэвидом Юмом? В определенной степени да. Отделение этики от теологии было важным достижением эпохи Просвещения, и Франклин стал ее воплощением в Америке. Кроме того, связывая этику с повседневными результатами человеческих усилий, Франклин заложил основу для одной из самых влиятельных нативных философских систем Америки — философии прагматизма. Когда его этическое и религиозное мышление оценивается в контексте его действий, пишет Джеймс Кемпбелл, оно «становится мощной философской защитой идеи служения общественному прогрессу». Недостаток духовной глубины компенсировался практицизмом и действенностью[650].

А что можно ответить на обвинение в том, что Франклин был слишком склонен к компромиссу, вместо того чтобы героически отстаивать свои принципы? Да, в 1770-х годах, пытаясь выступать посредником между Англией и Америкой, он несколько лет подыгрывал обеим сторонам. Да, он вел себя двусмысленно в ситуации, связанной с принятием закона о гербовом сборе. Но еще будучи молодым ремесленником, он приучал себя не делать утверждений, вызывающих споры, и его привычка добродушно улыбаться, выслушивая самых разных людей, временами придавала ему вид двуличного или склонного к инсинуациям человека.

Здесь также нужно кое-что сказать об образе мыслей Франклина, о его прагматизме и готовности идти на компромисс. Он верил в необходимость смирения, необходимого, чтобы быть открытым другим мнениям. Для него это стало не просто практической, но также и моральной добродетелью. В основе такого представления лежал принцип, имеющий фундаментальное значение для большинства этических систем: каждый человек заслуживает уважения. Например, во время Конституционного конвента он был готов отказаться от части своих убеждений, чтобы сыграть ключевую роль в примирении, которое позволило принять не во всем идеальный документ.

Этого результата нельзя было бы добиться, если бы в зале заседаний находились только воинствующие крестоносцы, готовые насмерть биться за свои принципы. Сторонники компромиссов, возможно, не являются героями, но зато они создают демократию. Еще важнее, что фактически Франклин бескомпромиссно верил в несколько высоких принципов, крайне важных для формирования новой нации, которым не изменял в течение всей жизни. Научившись от брата сопротивляться семейным порядкам, он неизменно находился в оппозиции любой деспотической власти. Например, всегда пребывал в рядах непримиримых противников несправедливой налоговой политики, которую пытались проводить Пенны, даже когда в его интересах было пойти на смягчение своей позиции. Эта непримиримость также означала, что, несмотря на желание достичь компромисса с Британией в 1770-х годах, он твердо придерживался одного убеждения — граждане Америки и ее легислатуры не должны находиться в подчиненном положении.

Подобным образом Франклин помогал создавать — и стал символизировать собою — новый политический порядок, при котором права и власть основывались не на полученном наследстве, а на личных достоинствах и результатах труда. Он поднялся по социальной лестнице от беглого подмастерья до почетного гостя на обедах у королей тем способом, который был, по сути, чисто американским. Но, поднимаясь по этой лестнице, принципиально отказывался, иногда даже в такой крайней форме, как неизменное ношение меховой шапки, от претензий на элитарность.

Вера Франклина в то, что лучшее служение Богу — это служение своему ближнему, может показаться кому-то слишком приземленной. Но в действительности это достойный уважения принцип, в который он свято верил и которому следовал всю жизнь. Его служение ближнему проявлялось в самых разных формах. Он создавал законодательные органы, изобрел молниеотвод, организовывал лотереи и учреждал библиотеки. Он искал практические способы сделать печи менее дымными, а государство — менее коррумпированным. Он создавал местные отряды охраны правопорядка и международные альянсы. Он соединил два типа линз, чтобы сконструировать бифокальные очки, и объединил две концепции народного представительства для достижения общенационального компромисса в формировании выборных органов власти. Как остроумно заметил его друг, французский министр Тюрго, он Eripuit caelo fulmen sceptrumque tyrannis, то есть вырвал молнию у небес и скипетр у тиранов.

Все это сделало его самым выдающимся американцем своего века и наиболее влиятельной личностью в создании того типа общества, который воцарился в Америке. Действительно, корни того, что отличает эту нацию от остальных, можно найти во Франклине: его юмор и мудрость, его техническая изобретательность, его плюралистическая толерантность, его способность сочетать индивидуализм и общественное сотрудничество, его философский прагматизм, его прославление социальной мобильности, основанной на личных достоинствах, его склонность к идеализму, проявлявшаяся в его деятельности как политика, и добродетели Мэйн-стрит (или Маркет-стрит), которые служили основой для гражданских ценностей. Он был эгалитаристом в американском смысле: одобрял тех, кто трудом и талантом прокладывал себе путь к богатству, но выступал против предоставления особых привилегий людям на основе их происхождения.

Его внимание было сосредоточено на том, как простые вопросы влияют на повседневную жизнь, и на том, как обыкновенные люди могли бы создать лучшее общество. Но это не делало его заурядным человеком и не могло считаться отражением неглубины его ума. Напротив, его ви´дение того, как создать новый тип нации, было и революционным, и глубоким. Хотя он не воплощал собой трансцендентальный или поэтический идеал, прекрасно воплощал те идеалы, которые являлись наиболее практичными и полезными. В этом состояла его цель — как оказалось, весьма достойная.

Благодаря всему этому он верил в сердца и умы простых людей больше, чем в сердца и умы представителей элиты. Он рассматривал ценности среднего класса как источник общественной силы, а не как нечто, подлежащее осмеянию. Его руководящий принцип предписывал ему «не любить все, что принижает духовную силу простых людей». Немногие из его коллег-основателей высказывали столь же полную поддержку демократии, и ни один из них в душе не поддерживал ее в такой же степени. С двадцати одного года, когда впервые собрал свою Хунту, он с неизменной, а временами и героической стойкостью сохранял верность основополагающему идеалу — вере в мудрость простых граждан, которая проявлялась в высокой оценке демократии и в неприятии всех форм тирании. Это был возвышенный идеал, трансцендентальный и поэтический на свой лад.

Но, как показала история, также практически полезный.

Список имен

АДАМС, ДЖОН (JOHN ADAMS, 1735–1826). Массачусетский патриот, второй президент США. Вместе с Франклином редактировал составленный Джефферсоном проект Декларации независимости и участвовал в переговорах с лордом Хау в 1776 г. Приехал в Париж в апреле 1778 г. в качестве американского эмиссара, чтобы вместе с Франклином заключить союз между Америкой и Францией. Уехал из Парижа в марте 1779 г., вернулся в феврале 1780 г., затем в августе 1780 г. уехал в Голландию и вновь вернулся в Париж в октябре 1782 г. для участия в заключительной фазе переговоров с Британией.

АЛЛЕН, УИЛЬЯМ (WILLIAM ALLEN, 1704–1780). Коммерсант, а затем главный судья Пенсильвании; первоначально находился в дружеских отношениях с Франклином, но затем разорвал их, встав на сторону партии владельцев колонии.

БЕЙЧ, БЕНДЖАМИН «БЕННИ» ФРАНКЛИН (BENJAMIN «BENNY» FRANKLIN BACHE, 1769–1798). Сын Салли и Ричарда Бейч, ездил в Париж вместе со своим дедом Франклином и двоюродным братом Темплом в 1776 г., был отправлен в школу в Женеву, учился печатному делу в Пасси, открыл с помощью Франклина типографию в Филадельфии, издавал антифедералистскую газету The American Aurora, был арестован по обвинению в клевете на президента Джона Адамса. Умер от желтой лихорадки в возрасте двадцати девяти лет.

БЕЙЧ, РИЧАРД (RICHARD BACHE, 1737–1811). Неудачливый коммерсант, женившийся на дочери Франклина Салли в 1767 г. У них было семеро детей (не считая умерших в младенческом возрасте): Бенджамин, Уильям, Луис, Элизабет, Дебора, Сара и Ричард.

БОМАРШЕ, ПЬЕР-ОГЮСТЕН КАРОН ДЕ (PIERRE-AUGUSTIN CARON DE BEAUMARCHAIS, 1732–1799). Драматург, биржевой спекулянт и коммерсант, занимавшийся перепродажей оружия. Помогал установлению отношений между Францией и Америкой в период американской революции, подружился с Франклином в Пасси. Автор «Севильского цирюльника» (1775) и «Женитьбы Фигаро» (1784).

БРИЙОН ДЕ ЖУИ, АННА-ЛУИЗА БОВЕН Д'АРДАНКУР (ANNE-LOUISE BOIVIN D'HARDANCOURT BRILLON DE JOUY, 1744–1824). Соседка Франклина в Пасси. Хорошо играла на клавесине и стала одной из самых близких подруг Франклина. Написала «Марш инсургентов» в честь победы американцев под Саратогой.

БРЭДФОРД, ЭНДРЮ (ANDREW BRADFORD, 1686–1742).

Филадельфийский печатник и издатель American Weekly Mercury; стал конкурентом Франклина и поддерживал владельцев колонии.

БРЭДФОРД, УИЛЬЯМ (WILLIAM BRADFORD, 1663–1752). Первый нью-йоркский печатник. Встретился с Франклином вскоре после его бегства из Бостона, а затем познакомил его со своим сыном Эндрю в Филадельфии.

БЭНКРОФТ, ЭДВАРД (EDWARD BANCROFT, 1745–1821). Родился в Массачусетсе. Был врачом и биржевым спекулянтом. Познакомился с Франклином в Лондоне, служил секретарем американской миссии во Франции в период американской революции. Как выяснилось позже, являлся британским шпионом.

ВАРТОН, СЭМЮЭЛ (SAMUEL WHARTON, 1732–1800). Коммерсант, уроженец Филадельфии. Перебрался в Лондон в 1769 г. и вместе с Томасом Уолполом стал заниматься разработкой схем получения земельных участков и биржевыми спекуляциями.

ВЕЙЯР, ЛЕ, ЛУИ-ГИЙОМ (LOUIS-GUILLAUME LE VEILLARD, 1733–1794). Владелец знаменитого минерального источника. Сосед Франклина в Пасси. Гильотинирован во время Французской революции.

ВОГАН, БЕНДЖАМИН (BENJAMIN VAUGHAN, 1751–1835). Дипломат и союзник лорда Шелберна. Составлял многие бумаги Франклина в 1779 г. и помогал проводить завершающий этап переговоров о мире с Британией.

ГАЛЛОВЭЙ, ДЖОЗЕФ (JOSEPH GALLOWAY, ок. 1731–1803). Филадельфийский политик и многолетний союзник Франклина в борьбе с владельцами колонии. В его доме в Тревосе произошла напряженная встреча Франклина с сыном Уильямом. Сохранил верность короне и во время революции оказался противником Франклина.

ГАМИЛЬТОН, ДЖЕЙМС (JAMES HAMILTON, 1710–1783). Сын Эндрю Гамильтона. Губернатор Пенсильвании в 1748–1754 гг. и в 1759–1763 гг. Как масон, попечитель Lybrary Company и академии, был другом Франклина, но в вопросах политики они часто оказывались оппонентами.

ГАМИЛЬТОН, ЭНДРЮ (ANDREW HAMILTON, ок. 1676–1741). Спикер Ассамблеи Пенсильвании в 1730-х гг. Защищал Джона Питера Зенгера в деле по обвинению в клевете и обычно поддерживал Франклина.

ГЕЛЬВЕЦИЙ, АННА-КАТРИН ДЕ ЛИНВИЛЬ (ANNE-CATHERINE DE LIGNIVILLE HELVÉTIUS. 1719–1800). Близкая подруга Франклина, проживавшая в деревне Отей рядом с Пасси. В 1780 г. Франклин полушутливо-полусерьезно предлагал ей руку и

сердце. Ее мужем был известный философ и богатый откупщик Клод Адриен Гельвеций. Овдовела в 1771 г.

ГРАВЬЕР, ШАРЛЬ, ГРАФ ДЕ ВЕРЖЕН (CHARLES GRAVIER, COMTE DE VERGENNES, 1717–1787). Французский министр иностранных дел в 1774–1787 гг., с которым Франклин вел переговоры о заключении альянса.

ДЕННИ, УИЛЬЯМ (WILLIAM DENNY, 1709–1765). Британский офицер, назначенный Пеннами на пост губернатора, который он занимал в 1756–1759 гг.

ДЕШВУД, ФРЭНСИС, БАРОН ЛЕ ДЕСПЕНСЕР (FRANCIS DASHWOOD, BARON LE DESPENCER, 1708–1781). Британский политик и глава почтового министерства в 1766–1781 гг. Оказывал покровительство Франклину, но затем вынужден был его уволить с должности заместителя почтмейстера Америки. В его загородном доме Франклин имел удовольствие наблюдать, как его пародия «Эдикт короля Пруссии» напугала нескольких недалеких людей.

ДИКИНСОН, ДЖОН (JOHN DICKINSON, 1732–1808). Политик из Филадельфии, выступавший против Франклина в его борьбе с владельцами колонии и занимавший более осторожную позицию в вопросе о независимости. Написал «Письма пенсильванского фермера», которые Франклин, не зная, кто их автор, помог опубликовать в Лондоне.

ДИН, САЙЛЕС (SILAS DEANE, 1737–1789). Дипломат и коммерсант из Коннектикута. Отправился во Францию добиваться поддержки Америки в июле 1776 г., незадолго до приезда Франклина. Стал союзником Франклина и противником Артура Ли, который обвинил его в коррупции и добился его отзыва.

КАРИТА, МАРИ-ЖАН-АНТУАН-НИКОЛЯ, МАРКИЗ ДЕ КОНДОРСЕ (MARIE-JEAN-ANTOINE-NICOLAS CARITAT, MARQUIS DE CONDORCET, 1743–1794). Математик и биограф, один из авторов «Энциклопедии», издававшейся Дидро. Близкий друг Франклина в Париже. Принял яд в тюрьме, куда был заключен во время Французской революции.

КАШИНГ, ТОМАС (THOMAS CUSHING, 1725–1788). Массачусетский политик, занимавший пост спикера в легислатуре Массачусетса в 1766–1774 гг. Часто переписывался с Франклином, ему были направлены письма Хатчинсона.

КЕЙМЕР, СЭМЮЭЛ (SAMUEL KEIMER, ок. 1688–1742). Лондонский издатель. Переехал в Филадельфию в 1722 г. и на следующий год дал Франклину место в своей типографии — первая работа Франклина. Франклин часто конфликтовал с ним и впоследствии стал его конкурентом. В 1730 г. Кеймер уехал на Барбадос.

КЕЙТ, СЭР УИЛЬЯМ (SIR WILLIAM KEITH, 1680–1749). Губернатор Пенсильвании в 1717–1726 гг. В 1724 г. стал ненадежным патроном Франклина и направил его в Лондон без обещанных средств. Кейт был уволен после того, как оказал неповиновение владельцам колонии. В конце концов как несостоятельный должник был заключен в тюрьму Олд-Бейли, где и умер.

КОЛДЕН, КЕДУОЛЛАДЕР (CADWALLADER COLDEN, 1688–1776). Нью-йоркский политик и натуралист. Часто переписывался с Франклином, обсуждая с ним свои эксперименты и научные открытия.

КОЛЛИНСОН, ПИТЕР (PETER COLLINSON, 1694–1768). Лондонский коммерсант и ученый. Помог Франклину основать библиотеку и снабдил его трактатами об электричестве и оборудованием для изучения электрических явлений.

КУПЕР, СЭМЮЭЛ (SAMUEL COOPER, 1725–1783). Бостонский политик и священник. Горячий сторонник независимости и друг Франклина.

ЛАРОШФУКО, ДЕ, ЛУИ-АЛЕКСАНДР, ГЕРЦОГ (LOUIS-ALEXANDER, DUC DE LA ROCHEFOUCAULD, 1743–1792). Ученый и аристократ. По просьбе Франклина перевел тексты конституций американских штатов для издания во Франции. Забит насмерть толпой во время Французской революции.

ЛЕ РОЙ, ЖАН-БАТИСТ (JEAN-BAPTISTE LE ROY, 1720–1800). Французский ученый. Разделял интерес Франклина к электричеству и стал его близким другом в Париже.

ЛИ, АРТУР (ARTHUR LEE, 1740–1792). Политик и дипломат из Виргинии. Начал проявлять личную вражду к Франклину в конце 1760-х гг., в период их пребывания в Лондоне. Его разногласия с Франклином обострились, когда оба являлись дипломатическими представителями Америки во Франции в 1777 г. Находился в открытой оппозиции к Франклину вместе со своими влиятельными братьями Уильямом, Ричардом, Генри и Фрэнсисом Лайтфутом Ли.

ЛИВИНГСТОН, РОБЕРТ (ROBERT LIVINGSTON, 1746–1813). Министр иностранных дел Соединенных Штатов в 1781–1783 гг.

ЛОГАН, ДЖЕЙМС (JAMES LOGAN, 1674–1751). Известный филадельфийский квакер, с которым Франклин познакомился, создавая библиотеку.

МЭЗЕР, КОТТОН (COTTON MATHER, 1663–1728). Известный пуританский священник, прославившийся охотой на ведьм. Принял от своего отца, Инкриза Мэзера, должность пастора в Старой Северной церкви Бостона. Его сочинения вдохновили Франклина на осуществление ряда общественных проектов.

МЕРЕДИТ, ХЬЮ (HUGH MEREDITH, ок. 1697 — ок. 1749). Печатник в типографии Кеймера. Стал членом франклиновской Хунты, а затем, в 1728 г., его первым партнером. Но когда он вновь стал пить, Франклин в 1730 г. выкупил его долю. Позднее переехал в Северную Каролину.

МОРЕЛЛЕ, АНДРЕ, АББАТ (ABBE ANDRE MORELLET, 1727–1819). Экономист, автор «Энциклопедии» Дидро и любитель вин. Встретился с Франклином в 1772 г. в доме лорда Шелберна, когда Франклин проделывал свой трюк с успокоением волн с помощью масла. Член кружка мадам Гельвеций.

МОРРИС, РОБЕРТ ХАНТЕР (ROBERT HUNTER MORRIS, ок. 1700–1764). Назначенный Пеннами губернатор Пенсильвании в 1754–1756 гг. Выступал против Франклина в вопросе налогообложения поместий владельцев колонии. Сын губернатора Нью-Джерси Льюиса Морриса.

НОЛЛЕТ, ЖАН-АНТУАН (JEAN-ANTOINE NOLLET, 1700–1770). Французский ученый, изучавший электричество. Ярый противник теорий Франклина.

НОРРИС, АЙЗЕК (ИСААК) (ISAAC NORRIS, 1701–1766). Филадельфийский коммерсант, спикер Ассамблеи в 1750–1764 гг., союзник Франклина в борьбе против владельцев колонии.

ПАРКЕР, ДЖЕЙМС (JAMES PARKER, ок. 1714–1770). Нью-йоркский печатник, будучи учеником Уильяма Брэдфорда, сбежал от хозяина. Франклин сделал его сначала партнером по печатному бизнесу в Нью-Йорке, а затем местным почтмейстером и ревизором почтовой службы. Франклин переписывался с ним по поводу планов создания союза колоний перед конференцией в Олбани.

ПЕЙН, ТОМАС (THOMAS PAINE, 1737–1809). Неудачливый изготовитель корсетов, а затем служащий налогового ведомства в Англии. Очаровал Франклина, который снабдил его рекомендательным письмом Ричарду Бейчу, благодаря чему Пейн получил должности журналиста и печатника в Филадельфии. В январе 1776 г. написал памфлет «Здравый смысл», проложивший путь к Декларации независимости. Написал «Век разума», но отложил его издание до 1794 г., возможно, после предостережения Франклина, что читатели могут счесть это сочинение еретическим.

ПЕНН, ДЖОН (JOHN PENN, 1729–1785). Внук основателя Пенсильвании Уильяма Пенна. Был губернатором колонии в 1763–1776 гг. Ездил вместе с Франклином на конференцию в Олбани, обращался к нему за помощью во время бунта пакстонских парней, но вскоре стал политическим противником

Франклина из-за расхождений во взглядах по вопросам прав владельцев колоний и налоговой политики.

ПЕНН, ТОМАС (THOMAS PENN, 1702–1775). Сын Уильяма и дядя Джона Пенна. В 1746 г. стал главным владельцем Пенсильвании, проживал в Лондоне со своим братом Ричардом. Один из главных политических противников Франклина.

ПИТЕРС, РИЧАРД (RICHARD PETERS, ок. 1704–1776). Англиканский священник. Прибыл в Пенсильванию в 1734 г. и стал правой рукой семейства Пеннов. Был одним из противников Франклина, даже несмотря на то, что они вместе работали над созданием академии.

ПРИНГЛ, СЭР ДЖОН (SIR JOHN PRINGLE, 1707–1782). Врач, ставший близким другом Франклина в Англии и сопровождавший его во многих путешествиях.

ПРИСТЛИ, ДЖОЗЕФ (JOSEPH PRIESTLEY, 1733–1804). Богослов, интересовавшийся естественными науками. Познакомился с Франклином в 1765 г. Написал историю исследования электричества, в которой подчеркивалось значение трудов Франклина. Научился выделять кислород и другие газы.

РЭЙ, КЭТРИН «КЭТИ» [ГРИН] (CATHERINE «CATY» RAY [GREENE], 1731–1794). Познакомилась с Франклином во время его поездки в Новую Англию и стала его первым серьезным увлечением. В 1758 г. вышла замуж за Уильяма Грина, ставшего позже губернатором Род-Айленда, но сохранила дружеские отношения с Франклином и его семьей. (Она подписывала свои письма как Caty, но Франклин обращался к ней как к Katy или Katie.)

СМИТ, УИЛЬЯМ (WILLIAM SMITH, 1727–1803). Английский священник и литератор. Был приглашен Франклином в начале 1750-х гг. в новую Филадельфийскую академию, где занял должность ректора. Стал ярым сторонником владельцев колонии и противником Франклина.

СТИВЕНСОН, МАРГАРЕТ (MARGARET STEVENSON, 1706–1783). Домохозяйка Франклина на Крейвен-стрит и частая его спутница во время поездок по Лондону.

СТИВЕНСОН, МЭРИ «ПОЛЛИ» [ХЬЮСОН] (MARY «POLLY» STEVENSON [HEWSON], 1739–1795). Дочь миссис Стивенсон. Многолетняя подруга Франклина, с которой у него сложились не только отношения легкого флирта, но и прочная интеллектуальная связь. В 1770 г. вышла замуж за исследователя в области медицины Уильяма Хьюсона. Овдовела в 1774 г. Посетила Франклина в Пасси в 1785 г. Приехала в Филадельфию в 1786 г., чтобы увидеть его перед смертью.

СТРАХАН, УИЛЬЯМ (WILLIAM STRAHAN, 1715–1785).

Лондонский издатель, ставший близким другом Франклина по переписке еще до того, как встретился с ним лично. Направил к нему в качестве партнера Дэвида Холла. Во время американской революции Франклин написал ему, но так и не отправил свое знаменитое письмо со словами «теперь вы мой враг». Несмотря ни на что они остались друзьями.

ТОМСОН, ЧАРЛЬЗ (CHARLES THOMSON, 1729–1824). Учитель, по национальности ирландец. Франклин дал ему место в Филадельфийской академии и вовлек в политическую жизнь Пенсильвании. Служил глазами и ушами Франклина, пока тот находился в Лондоне. Был секретарем Конгресса в 1774–1789 гг.

ТЮРГО, АНН-РОБЕР-ЖАК (ANNE-ROBERT-JACQUES TURGOT, 1727–1781). Экономист, министр финансов Людовика XVI, друг Франклина и его соперник в борьбе за сердце мадам Гельвеций. Автор знаменитого выражения Eripuit caelo fulmen sceptrumque tyrannis — «Он вырвал молнию у небес и скипетр у тиранов».

УАЙТФИЛД, ДЖОРДЖ (GEORGE WHITEFIELD, 1714–1770). Странствующий проповедник. Присоединился к движению последователей Весли во время своего пребывания в Пемброкском колледже в Оксфорде. Совершил семь поездок в Америку в качестве одного из главных проповедников Великого пробуждения. Получил поддержку Франклина в Филадельфии в 1739 г.

УОЛПОЛ, ТОМАС (THOMAS WALPOLE, 1727–1803). Британский банкир и член парламента, племянник премьер-министра Роберта Уолпола. Учредил вместе с Франклином Grand Ohio Co для получения разрешения на приобретение земельного участка в Америке; позднее занимался биржевыми спекуляциями, используя информацию от Эдварда Бэнкрофта.

УЭНТВОРТ, ПОЛ (PAUL WENTWORTH, ок. 1740–1793). Возглавлял шпионскую деятельность Британии во Франции. Завербовал Эдварда Бэнкрофта. Родился в Нью-Гемпшире, переехал в Лондон в 1760-х гг., разбогател на спекуляциях акциями и земельными участками в Гайане. Встретился с Франклином в Париже в декабре 1777 г., чтобы попытаться торпедировать подписание соглашения между Америкой и Францией.

ФОТЕРГИЛЛ, ДЖОН (JOHN FOTHERGILL, 1712–1780). Лондонский квакер, по профессии врач. Опубликовал труды Франклина по электричеству в 1751 г. и был его врачом в Англии. «Я едва ли могу себе представить, что на свете когда-либо жил лучший человек, чем он», — сказал однажды о нем Франклин.

ФРАНКЛИН, АВИЯ ФОЛГЕР (ABIAH FOLGER FRANKLIN, 1667–1752). Мать. Вышла замуж за Джозайю Франклина в 1689 г. и

имела от него десятерых детей, включая Бенджамина.

ФРАНКЛИН, БЕНДЖАМИН-СТАРШИЙ (BENJAMIN FRANKLIN THE ELDER, 1650–1727). Брат отца Франклина Джозайи. Поощрял (безуспешно) своего племянника заниматься сочинением стихов и проповедей. Овдовев и отойдя от дел, перебрался жить в Бостон в 1715 г.

ФРАНКЛИН, ДЕБОРА РИД (DEBORAH READ FRANKLIN, ок. 1705–1774). Верная гражданская жена Франклина. Возможно, родилась в Бирмингеме, но выросла на Маркет-стрит в Филадельфии и за всю оставшуюся жизнь ни разу не выехала за пределы города. Впервые увидела Франклина в октябре 1723 г., когда он прибыл на лодке в Филадельфию. Была замужем за Джоном Роджерсом, который ее бросил. Вступила в гражданский брак с Франклином в 1730 г. Помогала ему в типографии как бухгалтер и менеджер. Защищала дом во время массовых беспорядков, вызванных принятием закона о гербовом сборе. Имела двух детей: Фрэнсиса, Фрэнки, умершего в возрасте четырех лет, и Сару, Салли, которая во многих отношениях была на нее похожа.

ФРАНКЛИН, ДЖЕЙМС (JAMES FRANKLIN, 1697–1735). Брат Франклина и хозяин типографии, в которую Бенджамин пришел учеником. Начал издавать New England Courant в 1721 г. и был пионером провокационного стиля в американской журналистике.

ФРАНКЛИН, ДЖЕЙН [МЕКОМ] (JANE FRANKLIN [MECOM], 1712–1794). Самая младшая и самая любимая сводная сестра Франклина.

ФРАНКЛИН, ДЖОЗАЙЯ (JOSIAH FRANKLIN, 1657–1745). Отец. Красильщик шелка, родившийся в Эктоне, Англия. Эмигрировал в Америку в 1683 г., где стал заниматься изготовлением свечей. Имел семерых детей от первой жены Анны Чайлд и десятерых (включая Бенджамина Франклина) от второй жены Авии Фолгер Франклин.

ФРАНКЛИН, ДЖОН (JOHN FRANKLIN, 1690–1756). Брат Франклина. Занимался производством мыла и свечей в Род-Айленде, а затем (с помощью Франклина) стал почтмейстером в Бостоне. Франклин изготовил для него гибкий катетер.

ФРАНКЛИН, САРА «САЛЛИ» [БЕЙЧ] (SARAH «SALLY» FRANKLIN [BACHE], 1743–1808). Единственная дочь Франклина. Вышла замуж за Ричарда Бейча в 1767 г. Исполняла роль хозяйки и домоправительницы во время возвращений Франклина в Филадельфию в 1776 г. и 1785 г. Подобно своей матери, никогда не ездила с отцом в Европу, но посетила вместе с ним Бостон в 1763 г.

ФРАНКЛИН, [УИЛЬЯМ] ТЕМПЛ ([WILLIAM] TEMPLE

FRANKLIN, ок. 1760–1823). Незаконнорожденный сын Уильяма Франклина. Дед помогал его воспитанию и обучению, отвез его в Америку в 1775 г. и взял с собой в поездку в Париж в 1776 г., сохранил привязанность внука в борьбе с отцом мальчика. Имел собственных незаконнорожденных детей. Опубликовал бессистемную подборку сочинений деда.

ФРАНКЛИН, УИЛЬЯМ (WILLIAM FRANKLIN, ок. 1730–1813). Незаконнорожденный сын Франклина, воспитывался отцом. Сопровождал Франклина в поездке в Англию, где стал симпатизировать консерваторам. Был назначен королевским губернатором Нью-Джерси, сохранил верность короне и окончательно лишился расположенности отца.

ХАТЧИНСОН, ТОМАС (THOMAS HUTCHINSON, 1711–1780). Первоначально друг и союзник Франклина на конференции в Олбани в 1754 г. Стал королевским губернатором Массачусетса в 1771 г. Его дом сгорел во время волнений, вызванных принятием закона о гербовом сборе, и Франклин написал ему сочувственное письмо. Но в 1773 г. Франклин получил в свое распоряжение несколько его писем и отослал их своим союзникам в Массачусетсе, в результате чего Франклин подвергся допросу британских министров в Кокпите.

ХАУ, РИЧАРД, ЛОРД (LORD RICHARD HOWE, 1726–1799). Британский адмирал. Поступил на службу в королевский флот в четырнадцать лет и стал командующим военными силами Англии в Америке. Впервые тайно встретился с Франклином в доме своей сестры в конце 1775 г. В сентябре 1776 г. состоялась его встреча с Франклином и Адамсом на острове Стейтен.

ХАУ, УИЛЬЯМ (WILLIAM HOWE, 1729–1814). Младший брат адмирала лорда Ричарда Хау. Участвовал во франко-индейской войне, а затем в сражении при Банкер-Хилл. В 1775 г. был заменен в должности командующего британскими сухопутными войсками генералом Томасом Гейджем и продолжил службу под началом брата. В 1799 г. получил титул виконта Хау.

ХОЛЛ, ДЭВИД (DAVID HALL, 1714–1772). Получив рекомендацию Уильяма Страхана, переехал в 1744 г. из Лондона в Филадельфию и занял должность управляющего типографией Франклина. В 1748 г. взял на себя руководство его бизнесом в качестве управляющего партнера.

ХОУМ, ГЕНРИ, ЛОРД КЕЙМ (HENRY HOME, LORD KAMES, 1696–1782). Шотландский судья и философ, проявлявший интерес к сельскому хозяйству, естественным наукам и истории. Впервые встретился с Франклином в 1759 г. во время его поездки по Шотландии.

ЧАТЕМ, УИЛЬЯМ ПИТТ-СТАРШИЙ, ГРАФ (WILLIAM PITT THE

ELDER, EARL OF CHATHAM, 1708–1778). Получил прозвище Великий Общинник, был премьер-министром во время Семилетней войны (1756–1763). Принял титул лорда в 1776 г. Выступал против репрессивных мер, использовавшихся консерваторами. Для проведения переговоров с Франклином, состоявшихся в начале 1776 г., приехал к нему лично и оставил свой экипаж у дверей дома миссис Стивенсон.

ШЕЛБЕРН, ГРАФ (EARL OF SHELBURNE, 1737–1805). Английский друг Франклина, в поместье которого тот демонстрировал свой фокус с успокоением волн с помощью масла. Позднее министр по делам колоний и премьер-министр в период проведения американо-британских переговоров о мире 1782 г., в которых принимал участие Франклин.

ШИПЛИ, ДЖОНАТАН, ЕПИСКОП СЕНТ-АЗАФА (JONATHAN SHIPLEY, BISHOP OF ST. ASAPH, 1714–1788). Англиканский епископ, в доме которого в Твайфорде, недалеко от Винчестера, Франклин начал писать автобиографию.

ШИРЛИ, УИЛЬЯМ (WILLIAM SHIRLEY, 1694–1771). Лондонский адвокат. Переехал в Бостон, где занимал должность губернатора Массачусетса в 1741–1751 гг. и недолгое время командовал британскими экспедиционными войсками. Переписывался с Франклином после конференции в Олбани в 1754 г. и обсуждал с ним возможные формы союза американских колоний.

ШОМОН, ЛЕ, ЖАК-ДОНАТЬЕ ЛЕ РЕЙ (JACQUES-DONATIEN LE RAY DE CHAUMONT, 1725–1803). Коммерсант, занимавшийся поставками оружия, и бывший работорговец. Владелец поместья в Пасси, которое он предоставил для проживания Франклину и американской делегации.

ЮМ, ДЭВИД (DAVID HUME, 1711–1776). Шотландский историк и философ. Наряду с Локком и Беркли один из величайших британских приверженцев эмпирического анализа. Франклин познакомился с ним в Лондоне и посещал его дом в Эдинбурге в 1759 и 1771 гг.

Основные даты жизни

1706 — Родился в Бостоне 17 января (6 января по старому стилю).

1714 — Посещал грамматическую школу в Бостоне.

1715 — Посещал школу Браунелла.

1716 — Начал работать в свечной мастерской отца.

1718 — Поступил учеником к брату Джеймсу.

1722 — Печатался под псевдонимом Сайленс Дугуд.

1723 — Побег из Филадельфии. Работа у Кеймера.

1724 — Поездка в Лондон.

1725 — «Рассуждения о свободе и необходимости, наслаждении и страдании».

1726 — Возвращение в Филадельфию. Работа с Денхамом.

1727 — Поступает в типографию Кеймера.

1728 — Открыл собственную типографию вместе с Хью Мередитом.

1729 — Писал статьи под псевдонимом Сплетник. Приобрел издание «Пенсильванская газета».

1730 — Вступил в гражданский брак с Деборой Рид. Примерно в это время — рождение сына Уильяма.

1731 — Вступил в масонскую ложу. Основал библиотеку.

1732 — Рождение сына Фрэнсиса. Начало издания «Альманаха Бедного Ричарда».

1733 — Проект нравственного самосовершенствования.

1735 — Спор по поводу проповедей Хемпфилла.

1736 — Секретарь Ассамблеи Пенсильвании. Смерть Фрэнсиса. Создание Union Fire Co.

1737 — Получил должность почтмейстера Филадельфии.

1739 — Начало дружбы с проповедником Уайтфилдом.

1741 — Начал выпускать журнал General Magazine, но проект потерпел неудачу. Разработал новую конструкцию печи.

1743 — Рождение Сары (Салли). Учреждение Американского философского общества.

1745 — Коллинсон прислал брошюры об электричестве и стеклянную трубку.

1746 — Летом проводил эксперименты с электричеством.

1747 — Написал «Простую истину». Организовал народную милицию.

1748 — Ушел из печатного бизнеса.

1749 — Составил проект создания Академии (Университета Пенсильвании).

1751 — Труды Франклина по электричеству изданы в

Лондоне. Избран в Ассамблею Пенсильвании.

1752 — Эксперименты с запуском змея в грозовую тучу.

1753 — Стал почтмейстером Америки. Встреча с индейцами в Карлайле.

1754 — Начало франко-индейской войны. Для конференции в Олбани готовил план союза колоний.

1755 — Поставки отряду генерала Брэддока. Принят закон о милиции. Борьба с владельцами колонии.

1756 — Приняты законопроекты о ночных патрулях и уличном освещении.

1757 — Отправился в Лондон в качестве дипломатического агента. Написал «Путь к изобилию» и выпустил последний номер «Альманаха Бедного Ричарда». Поселился у миссис Стивенсон на Крейвен-стрит.

1758 — Посетил с Уильямом Эктон с целью изучения своей родословной.

1759 — Путешествовал по Северной Англии и Шотландии. Английские и американские войска захватили Квебек.

1760 — Побуждал Британию удерживать Канаду. Тайный совет обеспечил частичную победу в борьбе с Пеннами. Путешествовал по Англии с Уильямом.

1761 — Совершил в Уильямом путешествие по Фландрии и Голландии.

1762 — Возвратился в Филадельфию. Уильям назначен королевским губернатором Нью-Джерси и женился.

1763 — Начинается строительство нового дома на Маркет-стрит. Как почтмейстер совершил инспекционную поездку по колониям от Виргинии до Новой Англии. Конец франко-индейской войны.

1764 — Кризис, вызванный действиями пакстонских парней. Проигрыш на выборах в Ассамблею. Возвратился в Англию в качестве дипломатического агента.

1765 — Принят закон о гербовом сборе.

1766 — Свидетельство против закона о гербовом сборе в парламенте. Закон отменен. Прекращено партнерство с Дэвидом Холлом.

1767 — Ввод пошлин Таунсхенда. Путешествие по Франции.

1768 — Активная кампания в лондонской прессе от имени колоний.

1769 — Вторая поездка во Францию.

1770 — Отмена пошлин Таунсхенда, кроме пошлины на чай. Стал дипломатическим агентом Массачусетса.

1771 — Решительное столкновение с Хиллсборо. Начал писать «Автобиографию». Посетил Ирландию и Шотландию.

Встретился с зятем Ричардом Бейчем.

1772 — Тайно переслал похищенные письма Хатчинсона в Бостон.

1773 — Написал пародии «Правила превращения великой империи в малую» и «Эдикт короля Пруссии». «Бостонское чаепитие».

1774 — Допрос в Кокпите по поводу писем Хатчинсона. Лишился должности почтмейстера. Приняты Декларативные законы. Начинаются дискуссии о мире с лордом Чатемом и лордом Хау. Смерть Деборы.

1775 — Возвращение в Филадельфию. Сражения при Лексингтоне и Конкорде. Избран на второй Континентальный конгресс. Предложил первый вариант Статей Конфедерации.

1776 — Уильям смещен с поста королевского губернатора и заключен в тюрьму в Коннектикуте. Миссия в Канаду. Декларация независимости. Встреча с лордом Хау на острове Стейтен. Отъезд во Францию с Темплом и Бенни.

1777 — Поселился в Пасси, чествование в Париже.

1778 — Договоры с Францией о политическом союзе и торговле. Уильям вышел из тюрьмы и присоединился к лоялистам в Нью-Йорке.

1779 — Стал единственным послом во Франции. Салоны мадам Брийон и мадам Гельвеций. Корабль «Боном Ришар» под командованием Джона Пола Джонса одержал победу над «Сераписом».

1780 — Возвращение Адамса, Франклин способствовал смещению его с должности эмиссара. Англичане захватили Чарльстон.

1781 — Адамс снова вернулся в Париж в ранге посла для ведения переговоров с Британией. В состав комиссии по ведению переговоров с Британией назначен также Франклин (вместе с Джеем и другими). Корнуоллис сдался в плен под Йорктауном.

1782 — Переговоры о мире с Британией вместе с Адамсом и Джеем. Уильям вернулся в Лондон.

1783 — Наблюдение за полетами воздушных шаров.

1784 — Комиссия по изучению месмеризма. Полли Стивенсон навестила его в Пасси.

1785 — Последняя встреча с Уильямом. Возвращение в Филадельфию.

1786 — Расширение дома на Маркет-стрит.

1787 — Конституционный конвент. Избран председателем Общества Пенсильвании по пропаганде отмены рабства.

1790 — Умер 17 апреля в возрасте восьмидесяти четырех лет.

Пересчет стоимости валют

Приблизительное соотношение стоимости валют в XVIII веке и сегодня получается путем сравнения стоимостей стандартных наборов потребительских товаров:

1706

Британский фунт был стандартной валютой в Америке. В 1706 г. 1 фунт имел ту же покупательную способность, что и 104 фунта (161 доллар) в 2002 г. Унция золота стоила 4,35 фунта.

1750

Британский фунт по-прежнему был стандартной валютой в Америке, но некоторые колонии (включая, благодаря усилиям Франклина, и Пенсильванию) печатали бумажные деньги, деноминированные в фунтах, причем ценность этих денег не была везде в точности одинаковой.

В 1750 г. 1 фунт имел ту же покупательную способность, что и 103 фунта (160 долларов) в 2002 г. Унция золота стоила 4,25 фунта.

1790

Доллар стал стандартной валютой США, установлен его официальный обменный курс. Стоимость золота в фунтах оставалась фиксированной, но покупательная способность фунта снизилась.

Один фунт стоил 4,55 доллара, или 23,5 французского ливра. Унция золота стоила 4,25 фунта, или 19,5 доллара.

Один фунт в 1790 г. имел ту же покупательную способность, что и 70 фунтов в 2002 г.

Один доллар в 1790 г. имел ту же покупательную способность, что и 19,26 доллара в 2002 г.

Изменения покупательной способности фунта и доллара с 1790 г. несравнимы.

Источники: Economic History Services, eh.net/hmit; John McCusker, How Much Is That in Real Money? (New Castle, Del.: Oak Knoll Press, 2001).

Благодарности

Алиса Мэйхью из Simon & Schuster на протяжении двадцати лет была добрым другом и внимательным редактором для меня и для трех моих книг, вышедших за это время. Ее детальные замечания и ценные редакторские правки моих рукописей имели для меня огромное значение. Она всегда строго следила, помимо прочего, за логикой повествования, и ее энергия при работе над этой книгой ни на секунду не ослабевала и была оценена по достоинству. Аманда Урбан из ICM все эти годы также была моим незаменимым другом и помощником. Она читала предварительные записи, давала дельные советы, проявляла неподдельное участие, а также предоставляла в мое распоряжение гостевую комнату, в которой я мог работать.

Чтобы гарантировать максимальную точность фактов и не допустить непреднамеренных искажений цитат, я договорился с Каролой Февр-Рочестер о просмотре рукописи, источников и примечаний. В течение двадцати четырех лет она работала в Американском философском обществе, которое основал Франклин и которое проделало огромную работу по сохранению его творческого наследия, и ушла на пенсию с должности редактора в этом обществе в 2001 году. Она усердно анализировала материалы и выдвигала полезные предложения. Одна из больших радостей при работе над книгой о Франклине заключалась в возможности встречаться с великодушной и обладающей прекрасным чувством юмора Клод Анн Лопес, которая долгое время работала редактором в Йеле, собирая бумаги Франклина, и является автором нескольких замечательных книг и статей о нем. Она любезно согласилась прочитать отдельные куски моей рукописи и отредактировала три главы, посвященные пребыванию Франклина во Франции, поскольку именно этот период его жизни ей лучше всего известен и наиболее интересен.

Миссис Лопес посоветовала мне попытаться разыскать больше информации о том, как Эдвард Бэнкрофт занимался шпионской деятельностью, работая в американской делегации. Чтобы облегчить себе выполнение этой задачи, я привлек к работе Сьюзен Энн Беннет, исследователя из Лондона, которая, помимо прочего, написала книгу «Бенджамин Франклин с Крейвен-стрит» в свою бытность куратором RSA (бывшего Королевского общества искусств). Я очень благодарен ей за старательную работу и поиски в Британской библиотеке, где хранятся некоторые отчеты Бэнкрофта — закодированные или

написанные невидимыми чернилами.

Я также крайне признателен редакторам из Йеля, которые продолжают выполнение задачи по созданию того, что, по моему мнению, должно стать самым крупным собранием документов, имеющих отношение к кому-либо из живших в прошлом великих людей. Их тридцать седьмой том, посвященный событиям 1782 года, вышел примерно в одно время с этой книгой. Они любезно предоставили мне возможность познакомиться с рукописным вариантом тома, а также с предварительными набросками томов 38, 39 и 40. Я с особым удовольствием вспоминаю деловой обед в Нью-Хейвене в компании миссис Лопес и нескольких ведущих сотрудников команды исследователей, включая Эллен Коэн, Джудит Адкинс, Джонатана Далла, Карен Дюваль и Кейт Оно. На этом обеде присутствовал также пользующийся заслуженным уважением бывший профессор истории Йельского университета Эдмунд Морган, написавший собственную замечательную книгу, посвященную анализу жизни Франклина и его наследия. Профессор Морган любезно согласился прочитать мою рукопись, выразил поддержку моим усилиям и дал полезные советы, касающиеся завершающих глав. Я пытался использовать подход, отличный от его, излагая биографию Франклина в хронологической последовательности, и не претендую на то, чтобы наши оценки во всем совпадали. Те, кто найдут мою книгу интересной, а тем более те, кто не найдут ее таковой, обязательно должны прочитать его книгу, если они еще этого не сделали.

Марсия Балискано — директор лондонского дома Франклина на Крейвен-стрит, который, как все надеются, скоро станет музеем{94}. С необычайным искусством и научной точностью, а также с усердием, которое поразило бы даже Франклина, она критически разобрала мою рукопись и высказала бесценные замечания. Кроме того, любезно познакомила меня с домом на Крейвен-стрит и сумела увлечь, как и многих других, своим делом. Одной из ее давних соратниц является леди Джоан Рейд, собравшая огромное количество информации о Франклине. Я бесконечно признателен ей за то, что она взялась прочитать мою рукопись и методично помогала отделять факты от преданий. Выполняя эту работу, потратила не только огромное количество времени и интеллектуальной энергии, но и целую стопку клейких закладок Post-it, на которых писала свои замечания. Надеюсь, что когда-нибудь она напишет книгу о лондонском круге знакомых Франклина.

Немалое удовольствие в процессе написания этой книги доставили мне встречи с поклонниками Франклина. В первую очередь здесь следует упомянуть филадельфийскую группу

«Друзья Франклина», которая организует торжественные обеды, проводит научные семинары и издает очаровательную Franklin Gazette (чтобы оценить ее, зайдите на www.benfranklin2006.org). Я хочу особо поблагодарить Кетлин Делука, исполнительного секретаря группы, за гостеприимство. «Друзья Франклина» сотрудничают с Институтом Франклина, Американским философским обществом, Library Company of Philadelphia, Филадельфийским художественным музеем, Университетом Пенсильвании и фондом Pew Charitable Trust в деле организации выставок и празднования юбилеев, кульминацией которых стали мероприятия в честь трехсотлетия со дня рождения Франклина, состоявшиеся в январе 2006 года.

Я многим обязан Строубу Телюлту, который был моим другом и долгое время вдохновителем. Он помог мне написать и выпустить две важных книги: «Мудрые мужчины» (1986) и биографию Генри Киссинджера (1992). На этот раз он добровольно вызвался прочитать мою рукопись и вернул ее с ценными пометками и комментариями. Стивен Смит, один из самых профессиональных из известных мне редакторов, также прочитал рукопись и сделал полезные замечания. Ивен Томас, с которым мы в соавторстве написали книгу «Мудрые мужчины», указал мне на несколько ошибок, касающихся Джона Пола Джонса, о котором он написал превосходную книгу. Стивен Вейсман также прочитал черновой вариант книги и высказал полезные предложения. Многие мои друзья, включая Джеймса Келли, Ричарда Стенгела, Присциллу и Тима Смит, Элизабет Бумиллер, Эндрю и Бетси Лек, Дэвида и Шерри Вестин, также дали мне немало полезных советов.

Эллиот Раветц, мой бывший ассистент в Time, помог взять хороший старт, предоставив первую подборку документов Франклина, а затем сделал ценные комментарии к рукописи. Я также глубоко признателен Тоске Лебой и Эшли ван Бурен из CNN, которые оказались исключительно доброжелательными людьми.

Мой отец и моя мачеха, Ирвин и Джулиана Айзексон, также читали и редактировали рукопись. Их, наряду с моей покойной матерью Бетси Айзексон, я считаю самыми мудрыми людьми, которых мне доводилось знать в жизни.

Но больше всего я благодарен моей жене Кэти и дочери Бетси. Кэти читала все, что я писал, с необыкновенным вниманием, и оказывала бесценную помощь в уточнении деталей и выявлении проблем. Но это составляет лишь малую часть того, что она сделала для меня как помощница и как верная спутница жизни. Что касается Бетси, то после нескольких просьб она все же

добросовестно прочитала несколько глав рукописи. Какие-то из них, по ее признанию, показались ей интересными (в свои двенадцать лет она охотно прочитала главу о полетах на воздушных шарах), а какие-то — скучными (например, о Конституционном конвенте), в результате чего я попытался сделать данные разделы чуть короче. И Кэти, и Бетси сделали для меня процесс создания этой книги не только возможным, но и наполненным особым смыслом.

Разумеется, никто из этих людей не может отвечать за ошибки и ляпсусы, которые я кое-где допустил. В письме своему другу Джорджу Уотли, датированном 23 мая 1785 года, Франклин сказал о своей жизни: «Я не стал бы возражать против ее нового издания при условии, что ошибки предыдущего можно будет исправить». Я мог бы сказать об этой книге то же самое.

Источники и сокращения

За исключением особо отмеченных случаев, цитирование текстов Франклина осуществляется по изданию Franklin Papers, выпущенному Йельским университетом (см. ниже), и по изданию на CD-ROM, подготовленному Packard Humanities Institute. При использовании интернет-адресов, пожалуйста, следите за тем, чтобы периоды, запятые, дефисы и точки с запятой, используемые ниже для разделения ссылок, не включались как составные части URL{95}.

Сокращения, использованные в примечаниях для указания имен и источников

Имена

БФ — Бенджамин Франклин
ДФ — Дебора Франклин, жена
ДМ — Джейн Франклин Миком, сестра
МС — Маргарет Стивенсон, лондонская домовладелица
ПС — Мэри «Полли» Стивенсон [Хьюсон], дочь Маргарет Стивенсон
РБ — Ричард Бейч, зять
СФ — Сара «Салли» Франклин Бейч, дочь
ТФ — [Уильям] Темпл Франклин, внук
УФ — Уильям Франклин, сын

Сочинения Франклина

Autobiography — *The Autobiography of Benjamin Franklin*.

Для удобства читателей ссылки на страницы сделаны по наиболее популярному изданию Signet Classic (New York: Penguin Putnam, 2001). Это издание преимущественно основывается на версии оригинального текста, которую подготовил Макс Фарранд (Max Farrand, Berkeley: University of California Press, 1949).

Существует более ста пятидесяти изданий этой классической книги. Одним из них, полнее всего отражающим сделанные уточнения и исправления, является Genetic Text, выпущенный под редакцией J. A. Leo Lemay и P. M. Zall (Knoxville: University of Tennessee Press, 1981). Кроме того, его можно найти в Norton Critical Edition, также вышедшем под редакцией Lemay и Zall (New York: Norton, 1986). В приведенных ниже примечаниях эти издания обозначены как Lemay/Zall Autobiography и Norton Autobiography соответственно.

Авторитетное издание, которое подготовил Леонард Лабаре и другие редакторы Franklin Papers из Йельского университета (New Haven: Yale University Press, 1964), упоминается ниже как Yale Autobiography. Оно основывается непосредственно на тексте рукописи Франклина и содержит полезные примечания и истории

появления различных версий.

Доступные электронные версии автобиографии можно найти в интернете на ushistory.org/franklin/autobiography/index.htm; cedarcottage.com/eBooks/benfrank.rtf; earlyamerica.com/lives/franklin/index.html; odur.let.rug.nl/~usa/B/bfranklin/frank.htm; etext.lib.virginia.edu/toc/modeng/public/Fra2Aut.html; eserver.org/books/franklin/.

Lib. of Am. — *Benjamin Franklin Writings* с примечаниями J. A. Leo Lemay (New York: Library of America, 1987).

Эта книга объемом 1560 страниц включает все наиболее важные сочинения Франклина со ссылками на источники и с необходимыми примечаниями. Содержит ценные рецензии Лемэя на основные работы Франклина, уточняющие некоторые выводы редакторов из Йельского университета. Доступную электронную версию значительной части этой книги можно найти на www.historycarper.com/resources/twobf1/contents.htm.

Pa. Gazette — *The Pennsylvania Gazette*

Доступные электронные версии находятся в интернете на www.accessible.com/about.htm; etext.lib.virginia.edu/pengazet.html; www.historycarper.com/resources/twobf2/pg29-30.htm.

Papers — *The Papers of Benjamin Franklin* (New Haven: Yale, 1959–).

Этот фундаментальный многотомный сборник сочинений и документов Франклина создается Йельским университетом совместно с Американским философским обществом. Работа над проектом начиналась под руководством Леонарда Лабаре. В состав научной группы, продолжающей работать над этим изданием, входят Эллен Кон, Джудит Адкинс, Джонатан Далл, Карен Дюваль, Лесли Линденауэр, Клод Анн Лопес, Барбара Оберг, Кейт Оно и Майкл Слетчер. К 2003 году они выпустили уже тридцать семь томов, то есть охватили период жизни Франклина вплоть до августа 1782 года. Все письма и сочинения, упоминаемые ниже, использовались в тех же версиях, что и в The Papers of Benjamin Franklin (если не делается особых указаний на другие источники). См.: www.yale.edu/franklinpapers.

Papers CD — CD-ROM с *Papers of Benjamin Franklin*.

Подготовлен к выпуску сотрудниками Packard Humanities Institute совместно с редакторами из Йельского университета. Содержит все известные письменные труды Франклина, включая ранее не опубликованные материалы, относящиеся к 1783–1790 годам. Поиск можно осуществлять по фразе, имени корреспондента или хронологической дате, но электронная версия не включает ценных примечаний редакторов из Йеля. Я благодарен Дэвиду Пакарду и его сотрудникам за то, что они

подарили мне этот CD до его официального выпуска.

Poor Richard's — *Альманах Бедного Ричарда*.

Издавался Бенджамином Франклином. Существует во многих версиях; в приведенных ниже ссылках дается указание на год выпуска. Электронные версии можно найти в интернете на www.sage-advice.com/Benjamin_Franklin.htm; www.ku.edu/carrie/stacks/authors.franklin.html; itech.fgcu.edu/faculty/wohlpart/alra/franklin.htm; www.swarthmore.edu/SocSci/bdorsey1/41docs/52-fra.html.

Silence Dogood — *«Заметки Сайленс Дугуд»*.

Полную подборку номеров New England Courant, включая и эти тексты, можно найти на ushistory.org/franklin/courant.

Smyth Writings — *The Writings of Benjamin Franklin* под редакцией Альберта Генри Смита.

Впервые изданы в 1907 году. (New York: Macmillan, 1905–1907; репринтное издание New York: Haskell House, 1970). До появления сборников Йельского университета этот десятитомный труд был наиболее полным собранием работ Франклина.

Sparks — *The Works of Benjamin Franklin u Life of Benjamin Franklin*, изданные Джаредом Спарксом (Boston: Tappan, Whittemore and Mason, 1840).

Спаркс был профессором истории и ректором Гарвардского университета, опубликовал десятитомное собрание трудов Франклина и его биографию в 1836–1840-х годах; www.ushistory.org/franklin/biography/index.htm.

Temple Writings — *Memoirs of the Life and Writings of Benjamin Franklin* by [William] Temple Franklin, 3 volumes (London: Henry Colburn, 1818).

Другие часто цитируемые источники

Adams Diary — *The Diary and Autobiography of John Adams* под редакцией L. H. Butterfield (Cambridge: Harvard University Press, 1961).

Adams Letters — *Adams Family Correspondence* под редакцией L. H. Butterfield (Cambridge: Harvard University Press, 1963–1973).

Aldridge French — *Franklin and His French Contemporaries*, Alfred Owen Aldridge (New York: NYU Press, 1957).

Aldridge Nature — *Benjamin Franklin and Nature's God*, Alfred Owen Aldridge (Durham, N. C.:Duke University Press, 1967).

Alsop — *Yankees at the Court*, Susan Mary Alsop (Garden City, N. Y.: Doubleday, 1982).

Bowen — *The Most Dangerous Man in America*, Catherine Drinker Bowen (Boston: Little, Brown, 1974).

Brands — *The First American*, H. W. Brands (New York: Doubleday, 2000).

Buxbaum — *Benjamin Franklin and the Zealous Presbyterians*, Melvin Buxbaum (University Park: Pennsylvania State University Press, 1975).

Campbell — *Recovering Benjamin Franklin*, James Campbell (Chicago: Open Court, 1999).

Clark — *Benjamin Franklin*, Ronald W. Clark (New York: Random House, 1983).

Cohen — *Benjamin Franklin's Science*, I. Bernard Cohen (Cambridge: Harvard University Press, 1990).

Faÿ — Franklin: *The Apostle of Modern Man*, Bernard Faÿ (Boston: Little, Brown, 1929).

Fleming — *The Man Who Dared the Lightning*, Thomas Fleming (New York: Morrow, 1971).

Hawke — *Franklin*, David Freeman Hawke (New York: Harper & Row, 1976).

Jefferson Papers — *Papers of Thomas Jefferson*, под редакцией Julian Boyd (Princeton: Princeton University Press, 1950–).

Lemay, Internet Doc — *Benjamin Franklin: A Documentary History*, J. A. Leo Lemay, University of Delaware, www.english.udel.edu/lemay/franklin.

Lemay, Reappraising — *Reappraising Benjamin Franklin*, под редакцией J. A. Leo Lemay (Newark: University of Delaware Press, 1993).

Lopez, Cher — *Mon Cher Papa*, Claude-Anne Lopez (New Haven: Yale University Press, 1966).

Lopez, Life — *My Life with Benjamin Franklin*, Claude-Anne Lopez (New Haven: Yale University Press, 2002).

Lopez, Private — *The Private Franklin*, Claude-Anne Lopez and Eugenia Herbert (New York: Norton, 1975).

McCullough — *John Adams*, David McCullough (New York: Simon & Schuster, 2001).

Middlekauff — *Benjamin Franklin and His Enemies*, Robert Middlekauff (Berkeley: University of California Press, 1996).

Morgan, Franklin — *Benjamin Franklin*, Edmund S. Morgan (New Haven: Yale University Press, 2002).

Morgan, Devious — *The Devious Dr. Franklin: Benjamin Franklin's Years in London*, David Morgan (Macon, Ga.: Mercer University Press, 1996).

Parton — *Life and Times of Benjamin Franklin*, James Parton, 2 volumes (New York: Mason Brothers, 1865).

PMHB — *Pennsylvania Magazine of History and Biography*.

Randall — *A Little Revenge*, Willard Sterne Randall (New York: William Morrow, 1984).

Sanford — *Benjamin Franklin and the American Character*, под редакцией Charles Sanford (Boston: Heath, 1955).

Sappenfield — *A Sweet Instruction: Franklin's Journalism as a Literary Apprenticeship*, James Sappenfield (Carbondale: Southern Illinois University Press, 1973).

Schoenbrun — *Triumph in Paris*, David Schoenbrun (New York: Harper & Row, 1976).

Skemp William — *William Franklin*, Sheila Skemp (New York: Oxford University Press, 1990).

Skemp Benjamin — *Benjamin and William Franklin*, Sheila Skemp (New York: St. Martin's, 1994).

Smith — *Franklin and Bache: Envisioning the Enlightened Republic*, Jeffery A. Smith (New York: Oxford University Press, 1990).

Stourzh — *Benjamin Franklin and American Foreign Policy*, Gerald Stourzh (Chicago: University of Chicago Press, 1954).

Tourtellot — *Benjamin Franklin: The Shaping of Genius*, the Boston Years, Arthur Tourtellot (Garden City, N. Y.: Doubleday, 1977).

Van Doren — *Benjamin Franklin, Carl Van Doren* (New York: Viking, 1938). Нумерация страниц такая же, как в издании Penguin USA, 1991, и в последующих репринтных изданиях.

Walters — *Benjamin Franklin and His Gods*, Kerry S. Walters (Urbana: University of Illinois Press, 1998).

Wright — *Franklin of Philadelphia*, Esmond Wright (Cambridge: Harvard University Press, 1986).

Об авторе

Уолтер Айзексон является в настоящее время ректором Aspen Institute. В прошлом занимал должности председателя совета директоров и исполнительного директора CNN и главного редактора журнала Time. Автор Kissinger: A Biography, и соавтор (вместе с Ивеном Томасом) The Wise Men: Six Friends and the World They Made.

Максимально полезные книги от издательства «Манн, Иванов и Фербер»

Наши электронные книги: http://www.mann-ivanov-ferber.ru/ebooks/

Если у вас есть замечания и комментарии к содержанию, переводу, редактуре и корректуре, то просим написать на be_better@m-i-f.ru, так мы быстрее сможем исправить недочеты.

Заходите в гости: http://www.mann-ivanov-ferber.ru/

Наш блог: http://blog.mann-ivanov-ferber.ru/

Мы в Facebook: http://www.facebook.com/mifbooks

Мы ВКонтакте: http://vk.com/mifbooks

Наш Twitter: https://twitter.com/mifbooks

Дерево знаний:
http://www.mann-ivanov-ferber.ru/promo/derevo-znanij/

Предложите нам книгу:
http://www.mann-ivanov-ferber.ru/about/predlojite-nam-knigu/

Ищем правильных коллег:
http://www.mann-ivanov-ferber.ru/about/job/

Для корпоративных клиентов:

Полезные книги в подарок:
http://www.mann-ivanov-ferber.ru/promo/presents-b2b/

Книги ищут поддержку:
http://www.b2b.mann-ivanov-ferber.ru/sponsorship/promo/

Корпоративная библиотека:
http://www.b2b.mann-ivanov-ferber.ru/corp-library/

Над книгой работали

Ответственный редактор *Анна Высочкина*
Ответственный за выпуск *Римма Болдинова*
Литературный редактор *Вера Калмыкова*
Верстка *Екатерина Матусовская*
Корректоры *Алла Турчанинова, Надежда Болотина*
ООО «Манн, Иванов и Фербер»
mann-ivanov-ferber.ru

Электронная версия книги подготовлена компанией Webkniga, 2013
webkniga.ru

comments

Примечания автора, редактора и переводчика

1

«Печь Франклина», или пенсильванская печь, экономичная, минимизирующая потерю тепла. *Прим. ред.*

2

Яппи (*англ.* Yuppie, аббревиатура от Young Urban Professional Person) — в буквальном переводе «молодой горожанин-профессионал», самоназвание прослойки американского общества, состоящей из молодых состоятельных людей, строящих карьеру, ставящих себе цель достичь успеха в бизнесе и материального благополучия. *Прим. ред.*

3

Эдвардс, Джонатан (1703–1758) — один из деятелей религиозного возрождения в Новой Англии. Пуританин и кальвинист одновременно. *Прим. ред.*

4

В английской культуре процесс появления фамилий как общих родовых наименований в целом завершился к XV веку, хотя в отдельных областях (Уэлс, Шотландия) он продолжался до XVIII века. *Прим. ред.*

5

Значение фамилии Смит (Smith) — кузнец, Тейлор (Tailor) — портной, Вивер (Viewer) — весельчак, гуляка, кутила. *Прим. ред.*

6

Реформация (*лат.* reformatio — «исправление, восстановление») — массовое религиозное и общественно-политическое движение в Западной и Центральной Европе (XVI — начало XVII века), направленное на реформирование католического христианства в соответствии с Библией. Ее начало связывают с выступлениями доктора богословия Виттенбергского университета Мартина Лютера. *Прим. ред.*

7

Диссентер (*англ.* dissenter — «несогласный») — так в Англии называлось лицо, отказывающееся от официального вероисповедания. Ср. русское «диссидент», или «инакомыслящий». *Прим. ред.*

8

Согласно средневековому праву, действовавшему и во времена Франклинов, семейное дело наследовал старший брат, остальные же устраивали свои судьбы в зависимости от собственных способностей и склонностей. *Прим. ред.*

9

См. список имен, в котором содержится краткая характеристика лиц, упоминаемых в книге. *Прим. авт.*

10

Протекторатом Кромвеля называется период в английской истории (1653–1659) между Английской революцией и Реставрацией Стюартов. Это время отмечено конфликтами правительства Оливера Кромвеля с английским парламентом и утратой целого ряда прав и свобод в стране. *Прим. ред.*

11

Король Англии и Шотландии Чарльз II, или Карл II Стюарт (1630–1685) был коронован в 1650 г. в Шотландии, однако до Реставрации королевской власти в 1660 г. был вынужден скрываться в стране или на континенте от преследований О. Кромвеля. После Реставрации казнил убийц отца, короля Карла I, а останки Кромвеля, как и других деятелей революции, по его приказу были вырыты из могил, повешены и четвертованы. При Карле II установилось разделение власти между королем и парламентом, сформировались политические партии тори и вигов. Проявлял симпатии к католицизму, чем вызвал неудовольствие представителей англиканской церкви. *Прим. ред.*

12

Пуритане — последователи кальвинизма в Англии и Шотландии в XVI–XVII вв. Требовали преобразования англиканской церкви в духе протестантизма и полного ее избавления от католических элементов. *Прим. ред.*

13

Кальвинисты — последователи кальвинизма, развивавшие учение вождя Реформации церкви в Швейцарии (сер. XVI в.) Жана (Иоанна) Кальвина. Главной особенностью его учения является идея безусловного предопределения: Бог предопределил одних людей ко спасению, а других к погибели. Это учение легло в основу второй после лютеранства ветви протестантизма — кальвинизма. Кальвинисты называют себя реформатами, а свое общество Реформатской или Евангелическо-реформатской церковью. *Прим. ред.*

14

Коттон Мэзер (Мазер) (1663–1728) — пуританский американский проповедник, религиозный моралист, биолог и медик, писатель, президент Гарварда (1685). Первый американец, избранный в действительные члены Лондонского королевского общества за исследования в области зоологии. Сочинения: «Чудеса незримого мира» («The Wonders of the Invisible World», 1693); «Великие деяния Христа в Америке» («Magnalia Christi Americana, or The Ecclesiastical History of New England», 1702), «Христианский философ» («Christian Philosopher», 1721), «Стремление к добру» («Essays to Do Good», 1710). Франклин признавался, что эта книга оставила в его жизни глубокий след. Зарекомендовал себя не с лучшей стороны во время процесса над Салемскими ведьмами — ни в чем не повинными людьми, обвиненными в колдовстве и обреченными на пытки и казнь. Некоторое время Мэзер представлял интересы американских колоний в Англии при дворе Якова II (1685–1688). Затем стал одним из лидеров восстания против влиятельных сторонников Якова в американских колониях. *Прим. ред.*

15

В XVIII в. альманахом назывался литературный сборник произведений различных авторов. Однако альманах Франклина в большей степени, чем другие, выражает воззрения одного автора. *Прим. ред.*

16

См. раздел «Основные даты жизни и деятельности», где указана краткая хронология событий, описанных в книге. День рождения Франклина 17 января 1706 года. И все другие даты, если не указано иначе, соответствуют григорианскому календарю, который используется сегодня. До 1752 года Британия и ее колонии использовали юлианский календарь (разница составляла одиннадцать дней). Вдобавок первым днем нового года они считали 25 марта, а не 1 января. Так, по календарю в старом стиле дата рождения Франклина записана как 6 января 1705 года. Для сравнения: Джордж Вашингтон родился 11 февраля 1731 года по старому стилю, но 22 февраля 1732 года — по новому, как мы сейчас и считаем. *Прим. авт.*

17

Англиканцы являлись представителями англиканства, или англиканской церкви (в дословном переводе — «церковь Англии»), которая сформировалась в ходе английской Реформации. Представляет собой одну из ветвей западного христианства. Окончательно отделилось от Римско-католической церкви во времена правления королевы Елизаветы I. Отчасти напоминает католичество (без признания верховной власти папы римского), протестантизм (без авторитета общепризнанного лидера).

18

Деизм — религиозно-философское учение, признающее существование Бога и сотворение Им мира, но отрицающее Божественное откровение и религиозные установления. Согласно деизму, Бог после сотворения мира не вмешивается в течение событий или, влияя на них, не контролирует полностью. Разум, логика и наблюдение за природой — единственные средства познания Бога и Его воли. Высоко ставя человеческий разум и свободу, деизм стремится привести к гармонии науку и идею о существовании Бога. Идеи деизма связаны с концепцией естественной религии. К деистам принадлежали многие европейские философы и видные политические деятели Америки. *Прим. ред.*

Англ. Dogood («do good») — делай добро. *Прим. ред.*

20

Аддисон, Джозеф (1672–1719) — публицист, драматург, эстетик, политик и поэт английского Просвещения, один из первых, наряду с Ричардом Стилом и Даниэлем Дефо, журналистов в истории Европы. Писал статьи, политическую поэзию, драматические произведения. *Прим. ред.*

21

Стил, Ричард (1672–1729) — наряду с Аддисоном, один из основателей литературы и журналистики (в том числе и политической) эпохи Просвещения в Англии и в Европе в целом. *Прим. ред.*

22

Квакеры — представители квакерства, последователи одного из пуританских течений, придерживающиеся принципов гуманизма и ненасилия. *Прим. ред.*

23

Шрифты, заказанные Франклином, были созданы в начале 1720-х годов знаменитым лондонским изготовителем шрифтов Уильямом Кэслоном. Они стали образцом для шрифта, используемого в этой книге. *Прим. авт.*

Здесь — благотворительность. *Прим. ред.*

25

От английского Careful — заботливый, внимательный, осторожный, прижимистый. *Прим. ред.*

26

От английского Shortface — нехватка, недостача, дефицит. *Прим. ред.*

От английского Stonecutter — каменотес. *Прим. ред.*

28

В оригинале Addertongue (*англ.*) — буквально «язык гадюки». *Прим. ред.*

29

Пресвитериане — кальвинисты Англии и Шотландии, боровшиеся против католицизма и англиканства. Основы английского пресвитерианства были заложены Томасом Картрайтом (1535–1603). Пресвитериане разработали так называемое Вестминстерское исповедание, состоящее из 33 статей, в котором сделан упор на греховность человека и доктрину благодати. *Прим. ред.*

30

По-английски «бедный» — poor, а первая часть имени Richard (rich) означает «богатый». *Прим. ред.*

С греческого — любитель наук. *Прим. ред.*

32

От английского Plainman — простой (просто) человек. *Прим. ред.*

От английского Trueman — правдолюб. *Прим. ред.*

34

Бартрам, Джон (1699–1777) — американский фермер, квакер, натуралист, одним из первых оценивший природу Северной Америки и составивший ряд ее описаний, с которыми познакомил Европу. С Франклином у него был общий корреспондент ботаник Питер Коллинсон. *Прим. ред.*

Здесь — морские пираты. *Прим. ред.*

36

Войной за австрийское наследство (1740–1748) называют длительную военную кампанию, поводом для которой послужило завещание австрийского императора Карла VI. Цель войны — разрознить владения дома австрийских императоров Габсбургов в Европе. *Прим. ред.*

37

Название популярной фирмы по выпуску гравюр, существовавшей в Нью-Йорке (1834–1907). Владельцы Натаниэль Курьер (James Robertson) и Джеймс Мерритт Айвс. Черно-белые и цветные гравюры изготавливались с картин художников и стоили недорого. *Прим. ред.*

38

Вероятно, в подлиннике опечатка и следует читать: французского эксперимента. *Прим. ред.*

39

В 1814 г. Джефферсон предложил создать государственную систему обучения. В 1819-м в Шарлотсвилле был официально открыт Университет Виргинии. Джефферсон стал его первым ректором, разработал уникальный архитектурный проект академического городка, осуществлял руководство значительной частью учебного процесса, подыскивал компетентных педагогов за рубежом. *Прим. ред.*

40

Фома Аквинский, Аквинат (1225/1226–1274) — средневековый философ и богослов, монах-доминиканец. Деятельность Аквината связана с различными европейскими университетами: Неаполитанским, Парижским (с 1257-го — доктор), Кельнским. Учитель церкви. Основные труды — «Сумма теологии» и «Сумма против язычников». Теолог-рационалист, последователь философского метода Аристотеля, культивировавший формы здравого смысла, в чем, безусловно, его стиль мышления родствен франклиновскому. *Прим. ред.*

41

Смит, Адам (1723–1790) — экономист, философ-этик; один из основоположников современной экономической теории. *Прим. ред.*

42

Мальтус, Томас Роберт (1766–1834) — экономист, богослов, священник. С 1805 г. занимал кафедру современной истории и политической экономии в колледже Ост-Индской компании. Защищал интересы господствующих классов. В труде «Опыт о законе народонаселения» (1798) объяснял бедственное положение трудящихся и безработицу «абсолютным избытком людей», действием «естественного закона народонаселения». *Прим. ред.*

43

При частичной трансформации форм рабства и даже в отдельных случаях при личном освобождении для афроамериканского населения сохранялась обязательная трудовая повинность, избежать которой было невозможно. *Прим. ред.*

Стоимость приблизительно сравнима с 128 000 долларов на 2002 г. Смотреть сравнение валют в конце книги. *Прим. авт.*

45

Лоялистами назывались те из американских колонистов, которые принадлежали к партии тори и являлись сторонниками метрополии во время Войны за независимость в Северной Америке 1775–1783 гг.

46

Брей, Томас (1658–1730) — священник, представитель англиканской церкви в Америке. Выпускник Оксфорда. В 1696 г. по назначению епископата отправился в Мэриленд, чтобы организовать там деятельность христианской миссии. Среди деяний доктора Брея — открытие школ для детей рабов и детей индейцев, создание приходских библиотек. *Прим. ред.*

47

Норрис, Айзек (1701–1766) — пенсильванский торговец и государственный деятель, сподвижник Уильяма Пенна. *Прим. ред.*

48

Пембертон, Израэль (1684–1754) — пенсильванский квакер, известный соими выступлениями за гражданские свободы. *Прим. ред.*

Законодательный выборный орган. *Прим. ред.*

50

Джонсон, Сэмюэл (1709–1784) — литературный критик, лексикограф, эссеист и поэт. Составил «Словарь английского языка» (1755), занимался изучением творчества У. Шекспира и других английских авторов. Явился героем биографического труда Дж. Босуэлла «Жизнь Сэмюэла Джонсона» (1792). *Прим. ред.*

51

Хенкок (Хэнкок), Джон (1737–1793) — американский государственный деятель, сторонник революции. Занимал пост президента Второго континентального конгресса, стал первым губернатором штата Массачусетс. Особенно знаменит благодаря огромного размера подписи под Декларацией независимости США. *Прим. ред.*

52

Фотергилл, Джон (1712–1780) — английский врач, впервые исследовавший роль коронарного артериосклероза в развитии ишемической болезни сердца. *Прим. ред.*

Здесь — прерывание операций по контролю и манипулированию денежными потоками. *Прим. ред.*

54

Pacificus secundus (*лат.*) — миротворческий второй. *Прим. пер.*

55

«Бостонское чаепитие» — акция протеста колонистов (16 декабря 1773 г.). Получила свое метафорическое наименование по существу ответа американцев на «Чайный закон», принятый в Англии. По этому закону увеличивалось налогообложение. В результате в Бостонской гавани был выброшен в море груз чая, принадлежавший Английской Ост-Индской компании. Это событие стало началом Американской революции. *Прим. ред.*

Fat sides (*англ.*) — жирные бока. *Прим. пер.*

Benevolus *(лат.)* — благожелательный. *Прим. пер.*

58

Гаррик, Дэвид (1717–1779) — актер, драматург, директор театра Друри-Лейн. Как и многие его знаменитые современники, придерживался реформистских взглядов на религию. Ученик Сэмюэля Джонсона в Личфилдской грамматической школе. Имел целый ряд общих знакомых с Франклином.

59

Морелли, Этьенн-Габриэль (1717/1718–?) — французский мыслитель XVIII века, богослов и ученый. Создатель утопической «коммунистической» системы взглядов, выраженной в его книгах «Базилиада, или Кораблекрушение у плавучих островов» (1753) и «Кодекс природы, или Подлинный дух ее законов» (1755). Считал, что частная собственность портит естественную природу человека.

В буквальном переводе с английского — «мост над водой». *Прим. ред.*

61

Пристли, Джозеф (1733–1804) — священник-диссентер, философ, естествоиспытатель, общественный деятель, проповедник, публицист, педагог, лингвист. Открыл кислород и углекислый газ. *Прим. ред.*

62

Ньюфаундленд — остров у северо-восточных берегов Северной Америки. *Прим. ред.*

63

Юм, Дэвид (Давид) (1711–1776) — философ-эмпирик и агностик. В учении Юма прослеживаются черты скептицизма и натурализма. Считал, что наше познание начинается с опыта, к которому восходят идеи и впечатления. Основа опыта — восприятия, которые мы можем обработать, однако не можем знать их источник (агностицизм). Ощущение восприятия вызывается в нашем уме Богом. Основа нравственности — нравственное чувство. При этом Юм отрицал свободу воли, считая, что все наши поступки обусловлены аффектами. *Прим. ред.*

64

Хоум, Генри, лорд Кеймс (1696–1782) — шотландский адвокат, судья, философ, писатель и сельскохозяйственный деятель. Центральная фигура Шотландского Просвещения, основатель Философского общества Эдинбурга, среди предложенных им членов — Джеймс Босуэлл, Дэвид Юм и Адам Смит. *Прим. ред.*

65

Стеклянная гармоника — ныне редкий, но весьма популярный в XVIII–XIX вв. музыкальный инструмент, состоящий из стеклянных полусфер («стаканчиков») различного размера, нанизанных на металлический стержень, укрепленный в ящик-резонатор с водой и уксусом таким образом, что сферы лишь наполовину в него погружены. Стекло для полусфер делали с примесью свинца, который впитывался в кровь через влажную кожу рук. Считается, что это приводило к отравлению организма музыкантов. *Прим. ред.*

Medius — «средний» *(лат.). Прим. пер.*

67

Иллинойс-Вабаш Компания (с 1779, ранее две компании — Иллинойс и Вабаш) создана для приобретения земли у коренных американцев в Иллинойсе. *Прим. ред.*

См. предыдущую сноску: покупка земли в Индиане. *Прим. ред.*

69

Фемистокл (524–459 до н. э.) — афинский государственный деятель, один из «отцов-основателей» афинской демократии, полководец. Занимал высшие должности в Афинах (архонт, стратег). Проводил реформы, способствовавшие демократизации государственного строя. Стремился превратить Афины в морскую державу. *Прим. ред.*

70

Бёрк, Эдмунд (1729–1797) — государственный и политический деятель, член парламента, публицист эпохи Просвещения, идейный родоначальник британского консерватизма (виги). Издатель ежегодного альманаха Annual Register, который включал обзор мировых событий и издавался тридцать лет. Бёрк выступал за терпимое отношение к английским колониям в Америке и настаивал на отмене правительством Акта о гербовом сборе. *Прим. ред.*

71

Выражение man of letters (буквально «человек писем») означает «писатель», «литератор», создатель художественного вымысла. *Прим. пер.*

Утверждение, согласно которому истинные высказывания выступают в двух формах: «отношения идей» (в особенности математика) и «основания факта». *Прим. ред.*

«Из многих — единое» (*лат.*). *Прим. ред.*

Reprisal *(англ.)* — ответная мера. *Прим. пер.*

Прическа а-ля Франклин. *Прим. пер.*

Радость жизни (фр.). *Прим. пер.*

По-французски tonnerre. *Прим. пер.*

78

В ответ на ошибочный некролог в New York Journal Марк Твен произнес: «Слухи о моей смерти сильно преувеличены». *Прим. ред.*

79

Гудон, Жан-Антуан (1741–1828) — великий французский скульптор, выдающийся мастер психологического портрета. Общеевропейское признание Гудону принесли портреты великих современников — Вольтера, Дидро, Екатерины II, Франклина, Джорджа Вашингтона и др. *Прим. ред.*

Дружба-влюбленность. *Прим. пер.*

81

В оригинальной французской версии заключительные слова ясно указывают на ту, о которой сказаны: «toujours amiable Brillon» («всегда любезной Брийон»). *Прим. пер.*

82

Буквально — Нотр-Дам де Отей. Игра слов, подтверждающая почти молитвенное отношение к мадам Гельвеций в ее кругу. *Прим. ред.*

83

Фартинг (farthing) — мелкая монета в ¼ пенса; to fart — пукать. *Прим. пер.*

При форте Аламо состоялось (1836) знаменитое сражение в ходе Техаской революции, после которого мексиканцы были вытеснены с территории Техаса. Главный эпизод — осада Техасского гарнизона в форте Аламо, в результате которой все защитники форта погибли, но не сдались. Легендарная фигура этой битвы — Дэвид Крокет (1786–1836), которого в народе прозвали Королем дикой границы. Об этом эпизоде американской истории в XX веке снят целый ряд художественных фильмов. *Прим. ред.*

85

Американский писатель Генри Дэвид Торо (1817–1862) в 1845 г. оставил городскую жизнь и в полном одиночестве удалился на лоно природы. Он построил себе хижину на берегу Уолденского пруда. В результате появился роман «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854). *Прим. ред.*

Отсылка к тексту романа, см. предыдущую сноску. *Прим. ред.*

87

«Позолоченным веком» в истории США называют 1870–1880-е (шире — 1860–1890-е) гг., когда после Гражданской войны и реконструкции Юга наступила эпоха быстрого роста экономики и населения США. Название происходит из книги Марка Твена и Чарльза Уорнера «Позолоченный век» и обыгрывает термин «золотой век», содержа в себе намек, что золотым это время было лишь на поверхности. *Прим. ред.*

88

Меллон, Томас (1813–1908) — американский предприниматель, отец Эндрю Уильяма Меллона, милиардера и министра финансов страны. *Прим. ред.*

89

Карнеги, Эндрю (1835–1919) — американский предприниматель, крупный сталепромышленник, филантроп, мультимиллионер. *Прим. ред.*

Тёрнер, Фредерик Джексон (1861–1932) — американский историк начала XX века, создатель оригинальной «теории границы» (фронтира), согласно которой социальные институты, существующие в Соединенных Штатах, не заимствованы из Европы, а появились в результате экспансии новых земель — взаимодействия с фронтиром. В различиях подобного взаимодействия с зоной освоения кроется разнообразие внутри американской нации. *Прим. ред.*

Здесь — близко к ротарианству. *Прим. ред.*

92

Термин берет исток в названии сатирического романа С. Льюиса «Бэббит» (1922). Герой его, Джордж Ф. Бэббит, преуспевающий агент по продаже недвижимости из г. Зенит, что на Среднем Западе, начинает понимать, что ему надоело быть отцом благополучного семейства и ходячей моделью американского образа жизни. Понятие «бэббитизм» обозначает шаблонный, приземленный, грубо прагматический взгляд на вещи и употребляется как синоним мещанства. *Прим. ред.*

93

Известный бродвейский мюзикл (1964). *Прим. ред.*

Дом-музей Франклина на Крейвен-стрит открылся для посетителей в 2006 г. *Прим. ред.*

При ссылке на основные источники номер страницы дается без запятой, в иных случаях после запятой. Заглавия в ссылках приводятся как на языке оригинала, так и в переводе. *Прим. ред.*

notes

Примечания

1

Чтобы узнать, как писалась «Автобиография», см. далее, а также [304].

2

Дэвид Брукс, Our Founding Yuppie, Weekly Standard, 23 октября, с. 31. Слово «меритократия», которое я с осторожностью использовал в этой книге, может послужить поводом для споров (meritocracy; в переводе оно заменено сочетанием слов «упорное стремление оказаться в числе самых одаренных и преуспевающих людей». *Прим. ред.*). Его зачастую используют для того, чтобы в общих чертах обозначить изменение общественного положения и усердия, сродни тем, которые были присущи Франклину. Термин придумал британский социолог Майкл Янг (которому позже по иронии судьбы предстоит стать лордом Янгом Дарлингтонским) в книге «Подъем и падение меритократии», 1958 (The Rise of the Meritocracy. New York: Viking Press) как способ осмеяния общества, которое по ошибке создало новый класс элиты, основываясь на «ограниченной шкале показателей» IQ и грамотах об образовании. Гарвардский философ Джон Ролз в «Теории справедливости» (A Theory of Justice. Cambridge: Harvard University Press, 1971, 106) использовал его в более широком смысле, чтобы обозначить «общественный порядок, [который] следует принципам карьеры, открытой талантливым людям». Лучше всего это понятие описывает Николас Леманн в книге The Big Test: The Secret History of the American Meritocracy Meritocracy (New York: Farrar, Straus & Giroux, 1999), в которой излагалась история тестов на определение индивидуальных способностей в обучении, а также их влияние на американское общество. Во времена Франклина мыслители эпохи Просвещения (как Джефферсон, основатель Университета Виргинии) считали, что необходимо заменить наследственную аристократию «естественной», представителей которой будут на основании их «достоинств и талантов» выбирать из народа в раннем возрасте и выращивать как управленцев. Представления Франклина были обширнее. Он верил, что если любого человека поощрять, показывая ему его возможности, то он, проявляя прилежание, трудолюбие, добродетельность и талант, сумеет максимально преуспеть. Дальше станет очевидным, что его программа учебного заведения (в будущем — Пенсильванский университет, в корне отличающийся от Университета Виргинии) была ориентирована не на то, чтобы отсеять элиту, а на то, чтобы поощрять и обогащать всех «целеустремленных» молодых людей. Франклин предлагал более равноправный и демократичный подход, чем Джефферсон, сформулировав систему, которая, как позже установит Ролз (с. 107) даст гарантию того, что

«образовательные ресурсы не будут распределяться исключительно или обязательно в соответствии с перспективой их возврата, как это происходит с натренированными продуктивными способностями, но также и в соответствии с их значимостью для обогащения личной или общественной жизни граждан». Франклин думал не только о том, чтобы общество в целом стало более продуктивным, но и о развитии каждого отдельного человека.

3

Autobiography 18; Джозайя Франклин к БФ, 26 мая 1739 года; предисловие редактора в газетах № 2, 229; Тертелотт 12. Франклин в примечании к своей «Автобиографии» указывает, как понятие «свободный землевладелец» (franklin) использовалось в Англии в XV веке. Некоторые аналитики, в числе которых и его французские поклонники, указывали, что фамилия Франклин в XV веке была распространена во Франции, в провинции Пикардии, и его предки, возможно, происходили оттуда. Его отец Джозайя Франклин писал: «Некоторые считают, что у нас французская фамилия, которая раньше звучала как „Франкс“ (Franks); другие ассоциируют ее со свободным родом (родом франков), который был свободным от вассалитета и распространен в те давние времена; третьи считают, что фамилия пошла от названия птицы с длинными красными ногами». Сам Франклин считал, что почти наверняка нашел правильное объяснение, заявляя, что фамилия эта произошла от класса английских независимых граждан, называвшихся «франклинами» (franklins), и, что важно, он в это верил. Оксфордский английский словарь определяет слово franklin как «класс землевладельцев, свободного, но не благородного происхождения, которые в обществе занимают следующее место после аристократии». Его истоки лежат в слове frankeleyn, означающем «свободный гражданин» или «земельный собственник» на среднеанглийском языке. См. Дж. Чосер, «Рассказ Франклина» (The Franklin’s Tale или The Frankeleyn’s Tale) на сайте www.librarius.com/cantales.htm.

4

Autobiography 20. Джозайя Франклин к БФ, 26 мая 1739 года. История о табурете и Библии описана в письме Джозайи Франклина, но БФ пишет, что услышал ее от своего дяди Бенджамина. Чтобы ознакомиться с генеалогией, см. документ № 1: xlix. В печатном издании «Автобиографии», основанной на версии Макса Фарранда (Berkeley: University of California Press, 1949), используется несколько отличная фраза: «Наша смиренная семья рано приняла Реформацию».

5

Как это делает Дэвид МакКалоу в биографии Трумэна (Truman, New York: Simon & Schuster, 1992) и Роберт Каро в книге «Путь к власти» (The Path to Power, New York: Knopf, 1982).

6

Autobiography 20; «Краткое описание семьи Томаса Франклина из Эктона», написанное Бенджамином Франклином-старшим (дядей БФ), библиотека Йельского университета; тетрадь для записи стихов, памятных афоризмов и цитат Бенджамина Франклина-старшего, приведенная в личных документах, том 1; Tourtellot 18.

7

БФ к Дэвиду Хьюму, 19 мая 1762 года.

8

Tourtellot 42.

9

Джон Уинтроп, «Модель христианской благотворительности» (1630), www.winthropsociety.org/charity.htm; Перри Миллер «Поход на дикие земли» (Errand into the Wilderness. Cambridge: Harvard University Press, 1956). Также см. Эндрю Дельбанко, «Суровое испытание пуритан» (The Puritan Ordeal. Cambridge: Harvard University Press, 1989); Эдмунд Морган, «Видимые святые: история пуританской мысли» (Visible Saints: The History of a Puritan Idea. New York: NYU Press, 1963); Херберт Шнадер «Пуританский ум» (The Puritan Mind. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1958).

10

Перри Миллер, «Бенджамин Франклин и Джонатан Эдвардс» (Benjamin Franklin and Jonathan Edwards) в книге «Выдающиеся писатели Америки» (Major Writers of America. New York: Harcourt Brace, 1962, 84); Tourtellot 41; Коттон Мэзер, A Christian at His Calling, 1701, см.: personal.pitnet.net/primarysources/mather.html; Альманах Бедного Ричарда, 1736 (основанный на басне Эзопа Геркулес и возничий, прибл. 550 до н. э.) и произведении Алджернона Сидни «Рассуждения о правительстве» (Discourses on Government), 1698, а также в работах других авторов).

11

Tourtellot 47–52; Нянь Шэн Хуань, «Отец Франклина Джозайя: жизнь торговца сальными свечами в колониальном Бостоне в 1657–1745 гг.» (Franklin's Father Josiah: Life of a Colonial Boston Tallow Chandler, 1657–1745. Philadelphia: Transactions of the American Philosophical Society, 2000), том 90, часть 3.

12

Lemay, Internet Doc за 1657–1705 годы; рисунок дома в документе № 1, 4.

13

Эдмунд Морган, «Пуританская семья» (The Puritan Family. New York: Harper & Row, 1966); «Дневник Сэмюэла Сиволла» (Samuel Sewall's Diary. New York: Macy-Masius, 1927) под редакцией Марка Ван Дорена и Сэмюэла Сиволла, 208.

14

Autobiography 24.

Autobiography 25, 91.

Tourtellot 86, Lopez, Private 5–7.

17

Алексадр Старбак, «История Нантакета» (The History of Nantucket. New York: Heritage, 1998, 53, 91), Tourtellot 104.

18

Питер Фолгер, A Looking Glass for the Times, перепечатано Туртеллотом на с. 106. В Autobiography 23.

19

Генеалогия семьи Франклинов и Фолгеров в документах № 1: xlix.

20

Autobiography 23. В издании Farrand/Signet используется фраза: «Человек, который не был честен, не мог стать истинно успешным».

21

Из письма БФ к Барбо Дюбургу, апрель 1773 года; Tourtellot 161.

22

Письмо БФ к мадам Брийон, 10 ноября 1779 года (известное как забавная история со свистком); Autobiography 107; Пьер-Жан-Жорж Кабанис в полном собрании сочинений (Paris: Bossange frères, 1823:5, 222), вспоминает это как урок, полученный от семьи.

Autobiography 24; Lopez (Private) 7.

24

Бенджамин Франклин-старший, To My Name, 1713. Документ № 1, 3–5; БФ к Дж. М. 17 июля 1771 года; Parton 32–38; Tourtellot 139–140; Autobiography 20.

25

Autobiography 22; БФ к Дж. М., 17 июля 1771 года; Lopez, Private 9.

26

Autobiography 22; Tourtellot 156. Бостонскую латинскую школу называли тогда, как правило, Южной грамматической школой.

27

«Записки» Темпла (Writings) № 1, 447.

Autobiography 25–26.

29

Autobiography 27; Boston Post, 7 августа 1940 года, приводится в документах № 1, 6–7. На сегодня не сохранилось аутентичных экземпляров этих двух стихов. В документах Франклина № 1, 6–7 приводятся несколько стихов, которые, возможно, принадлежат ему.

30

Lemay, Internet Doc за 1719–1720 годы, где цитируется Джордж Эмери Литтлфилд, «Ранние бостонские книготорговцы» (Early Boston Booksellers. Boston: Antiquarian Society, 1900, 150–155); Tourtellot 230–232. Франклин ошибочно утверждает: «Courant был второй газетой, выпущенной в Бостоне». См. «Автобиографию» (Йель), прим. 67.

31

Перри Миллер, «Мировоззрение Новой Англии: от колонии до провинции» (The New England Mind: From Colony to Province. Cambridge: Harvard University Press, 1983, 344). См. также: Э. Дигби Болтцелла «Пуританский Бостон и квакерская Филадельфия» (Puritan Boston and Quaker Philadelphia (New York: Free Press, 1979).

32

Джон Блейк, «Спор о вакцинации в Бостоне: 1721–1722 годы» (The Inoculation Controversy in Boston: 1721–1722), New England Quarterly (1952), 489–506; New England Courant, 7 августа 1721 года, а далее на ushistory.org/franklin/courant; Tourtellot 252.

33

Lemay, Internet Doc за 1721 год; Перри Миллер, «Мировоззрение Новой Англии: от колонии до провинции» (The New England Mind: From Colony to Province), 337.

Autobiography 26. Анализ литературы, которую Франклин читал в детстве, можно найти у Партона, № 1, 44–51, 60–72; Ральф Кетчем «Бенджамин Франклин» (Benjamin Franklin. New York: Washington Square Press, 1965, 8–31); Tourtellot 166.

35

Autobiography 27; БФ к Сэмюэлу Мэзеру, 7 июля 1773 года, 12 мая 1784 года; Джон Баньян, «Путешествие пилигрима», 1678, на www.ccel.org/b/bunyan/progress/; Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Parallel Lives), прибл. I век н. э., 100. Произведение Коттона Мэзера «Бонифаций», также известное под названием «Опыты о том, как делать добро» (Essays to Do Good and An Essay upon the Good, 1710), можно найти на edweb.sdsu.edu/people/DKitchen/new_655/mather.htm. Tourtellot 187–189.

36

Даниэль Дэфо, «Опыты над проектами» (An Essay upon Projects, 1697), на ibiblio.org/gutenberg/etext03/esprj10.txt. Tourtellot 185.

37

Autobiography 28.

38

Журнал The Spectator за 13 марта 1711 года, см. harvest.rutgers.edu/projects/spectator/markup.html; Autobiography. 29.

39

Журнал The Spectator за 1 марта 1711 года; «Сайленс Дугуд», № 1 за 2 апреля 1722 года; «Сайленс Дугуд», № 2 за 16 апреля 1722 года; «Сайленс Дугуд», № 3 за 30 апреля 1722 года; см. ushistory.org/franklin/courant; Документы № 1, 8–11. Эти даты, в отличие от других, приведены по канонам старого стиля календаря, потому что относятся к изданиям Courant, датированным в те времена.

40

«Сайленс Дугуд», № 4 за 14 мая 1722 года; журнал The Spectator за 2 марта 1711 года.

41

Autobiography 34; New England Courant, за 18 и 25 июля, 2 и 9 июля 1722 года. Выдержка взята из The London Journal.

42

New England Courant за 16 и 23 июля 1722 года.

43

New England Courant за 14 сентября 1722 года, 11 февраля 1723 года; Autobiography 33. Франклин сжимает хронологию, вспоминая, что его имя оказалось на заглавной полосе газеты сразу же после того, как брата выпустили из тюрьмы, а именно в июле 1723 года; по сути, это случилось после того, как Джеймс затеял еще один спор в январе 1723 года. Как это ни странно, его имя оставалось на главной странице газеты по меньшей мере до 1726 года, что было уже три года спустя после того, как он сбежал в Филадельфию. См. New England Courant за 25 июня 1726 года и «Автобиографию» (Йель), прим. 70.

Autobiography 34–35.

45

Клод Анн Лопес, редактор документов Франклина в Йеле, обнаружила клочок бумаги, на котором Франклин в 1783 году набросал некоторые даты и места, определявшие маршрут его передвижений шестьдесят лет назад. В издании «Автобиографии» под редакцией Нортона Д. А. Лео Лимей и П. М. Золл указали, что единственным судном, отправившимся из Бостона в Нью Йорк в ту неделю, было сторожевое судно за 25 сентября. Отредактированный Франклином абзац со словосочетанием «публичная девка» отмечен в печатном издании. Объявление Джеймса Франклина о найме появилось в New England Courant 30 сентября 1723 года.

46

Книга «Путь к здоровью» (The Way to Health) была написана Томасом Трионом (1634–1703) и впервые опубликована в 1683 году; Autobiography 29.

47

Autobiography 49.

48

Autobiography 38.

49

Autobiography 79; Джонатан Ярдли, рецензия на работу Эдмунда Моргана «Бенджамин Франклин» (Morgan Franklin) в Washington Post Book World за 15 сентября 2002 года, 2.

50

Autobiography 41.

51

Autobiography 52.

52

Autobiography 42. Позже Франклин вежливо изменил фразу в своей автобиографии на «пораженный, он уставился на меня». «Автобиография» под редакцией Лимея и Золла дает полноценное представление о первоначальной рукописи и всех ее переработках. Губернаторы, которых посылали в Пенсильванию, иногда назывались вице-губернаторами.

53

Франклин дважды рассказывал эту историю сыну Мэзера: БФ к Сэмюэлу Мэзеру, 7 июля 1773-го и 12 мая 1784 года.

Autobiography 104.

55

Autobiography 48.

56

Autobiography 54.

Autobiography 55–58.

58

«Трактат о свободе и необходимости, удовольствии и страдании» (A Dissertation on Liberty and Necessity, Pleasure and Pain), 1725, в документах № 1, 58; Campbell, 101–103.

Autobiography 70; Campbell, 91–135.

60

Autobiography 92; «Улучшенный альманах Бедного Ричарда», 1753; документы № 4, 406. Также см. Альфред Оуэн Элдридж, «Мнимое пуританство Франклина» в Reappraising, Lemay 370; Элдридж «Силы природы» (Nature); Campbell 99. Чтобы обстоятельно ознакомиться с эволюцией религиозной мысли Франклина, см. Walters; Buxbaum. Также см. главу 7 в этой книге.

61

Autobiography 63.

62

«План по нравственному поведению», 1726, документы № 1, 99; Autobiography 183.

63

«Журнал о путешествиях», 22 июля — 11 октября 1726 года, документы № 1, 72–99. Мысль о том, что «учтивость и общительность» являлись основными установками эпохи Просвещения, хорошо объясняет Гордон Вуд в работе «Радикализм американской революции» (The Radicalism of the American Revolution. New York: Random House, 1991, 215–216).

64

Autobiography 64. Беглый обзор жизни в Филадельфии, см. Карл Брайденбах и Джессика Брайденбах, «Бунтари и джентльмены: Филадельфия во времена Франклина» (Rebels and Gentlemen: Philadelphia in the Age of Franklin. New York: Oxford University Press, 1942). Э. Дигби Бальцель, «Пуританский Бостон и квакерская Филадельфия» (Puritan Boston and Quaker Philadelphia. New York: Free Press, 1979) Для углубленного обзора временного отрезка, когда Франклин был печатником, см. работу С. Уильяма Миллера «Печатное дело Бенджамина Франклина в Филадельфии, 1728–1766» (Benjamin Franklin's Philadelphia Printing 1728–1766. Philadelphia: American Philosophical Society, 1974).

65

Хронология в «Автобиографии» не совсем корректна. Денхам заболел весной 1727 года, однако умер только в июле 1728-го. «Автобиография» под редакцией Лимея/Золла, 41.

Autobiography 69; Brands 87–89; Van Doren 71–73.

67

Autobiography 71–79; Brands 91; «Автобиография» под редакцией Лимея/Золла, 49. Историю квакеров написал Уильям Сивол. Записи Франклина свидетельствуют, что он опубликовал сорок четырехполосных листов, что приравнивается приблизительно к 160 страницам, но по сути издал 178 страниц, а Кеймер — оставшиеся 532.

68

«Последняя воля и приписка к завещанию», 23 июня, 1789, документы CD 46: u20.

69

Уайтфилд Дж. Белл-младший, Patriot Improvers (Philadelphia: American Philosophical Society, 1999), том 1; Autobiography 72–73; «О разговорах» (On Conversation), «Пенсильванская газета» (Pa. Gazette), 15 октября 1730 года. Дейл Карнеги в своей книге «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей» (How to Win Friends and Influence People. 1937; New York: Pocket Books, 1994) основывается на правилах Франклина в ведении беседы. Первые два правила, которые Карнеги приводит для того, чтобы «склонить людей к вашему образу мышления», таковы: «Выказывайте уважение к мнениям других людей. Никогда не говорите: „Вы не правы“». В разделе о том, «как менять мнение людей, не оскорбляя их и не вызывая негодование», он советует: «Обращайте внимание людей на их ошибки косвенно» и «задавайте вопросы вместо того, чтобы давать прямые приказы». Книгу Карнеги продали в количестве более 15 миллионов экземпляров.

Autobiography 96; «Правила клуба взаимного совершенствования», 1727; «Предложения и требования к членам Хунты», 1732.

71

БФ. к Сэмюэлу Мэзеру, 17 мая 1784 года; Van Doren 75; Коттон Мэзер, «Религиозные объединения» (Religious Societies), 1724; «Автобиография» под редакцией Лимея/Золла, прим. 47. См. также Митчелл Брайтвизер, «Коттон Мэзер и Бенджамин Франклин» (Cotton Mather and Benjamin Franklin. Cambridge: Cambridge University Press, 1984).

72

Autobiography 74; American Weekly Mercury, 28 января 1729 года (Шортфейс и Кеафул); документы № 1,112; Brands 101; Van Doren 94; Sappenfield 49–55.

73

«Очерки Сплетника» (Busy-Body) № 1, American Weekly Mercury, 4 февраля 1729 года; Sappenfield 51; «Универсальный справочник…» и «Пенсильванская газета» (The Universal Instructor… and Pennsylvania Gazette), 25 февраля и 13 марта 1729 года; документы № 1, 115–127.

«Очерки сплетника» (Busy-Body) № 3 в American Weekly Mercury за 18 февраля 1729 года; «Очерки сплетника» № 4, American Weekly Mercury за 25 февраля 1789 года; «Очерки сплетника» № 8 в American Weekly Mercury за 28 марта 1729 года. Мастерские записки Лимея в библиотеке американского издания «Трудов» Франклина (с. 1524) описывают, какие части написал Франклин, а также какие из них он изъял из «Очерков сплетника» № 8.

75

«Скромное исследование о природе и необходимости бумажных денег» (A Modest Enquiry into the Nature and Necessity of a Paper Currency), 3 апреля 1729 года; Autobiography 77–78. Франклин основывается на работе Уильяма Петти 1662 года «Трактат о налогах и сборах» (A Treatise of Taxes and Contributions), см. на www.socsci.mcmaster.ca/~econ/ugcm/3113/petty/taxes.txt.

«Печатник читателю» (The Printer to the Reader), «Пенсильванская газета» (Pa. Gazette), 2 октября 1729 года.

77

«Ошибки печатника» (Printer’s Errors), «Пенсильванская газета» за 13 марта 1730 года.

78

«Пенсильванская газета» за 19 марта 1730 года; Autobiography 75.

79

«В защиту печатников», «Пенсильванская газета» за 10 июня 1731 года; Clark 49; Айзея Томас «История печати в Америке» (The History of Printing in America, 1810; Элбани: Мюнселл, 1874), № 1, 237.

80

«Пенсильванская газета» за 17 и 24 июня, 29 июля 1731 года, 15 февраля, 19 июня и 3 июля 1732 года.

81

«Пенсильванская газета» за 24 октября 1734 года; материал не числился среди документов в Йеле, но позже был приписан перу Франклина Лимеем, см. Lib. of Am. 233–234.

82

«Пенсильванская газета», 7 сентября 1732 года. Для подробного анализа журналистского подхода к преступлениям и скандалам см. работу Рональда Боско Franklin Working the Crime Beat, а также работу под редакцией Лимея «Переоценка» (Reappraising, 78–97).

83

«Пенсильванская газета» за 12 сентября 1732 года и 27 января 1730 года.

84

В статьях «Смерть пьяницы» (Death of a Drunk) в «Пенсильванской газете» за 7 декабря 1732 года; «О пьянстве» (On Drunkenness) за 1 февраля 1733 года; A Meditation on a Quart Mugg за 19 июля 1733 года; «Словарь пьяницы» (The Drinker's Dictionary) за 13 января 1737 года в «Сайленс Дугуд», № 12 (10 сентября 1722 года) Франклин от лица бойкой на язык вдовы защищает умеренное распитие спиртного и осуждает чрезмерное, основываясь на эссе Роберта Стила в лондонском журнале Tatler. См. Роберт Арнор «Политика и умеренность» (Politics and Temperance) в работе Лимея «Переоценка» (Reappraising), 52–77.

85

«Пенсильванская газета» за 23 сентября 1731 года.

Autobiography 34, 80, 72; «Энтони Афтервит» (Anthony Afterwit) в «Пенсильванской газете» за 10 июля 1732 года.

87

Autobiography 64, 81; Faÿ (книга Бернарда Фе «Франклин: апостол современного человека»), 135; Brands 106–109; Lopez, Private 23–24; БФ к Джозефу Пристли, 19 сентября 1772 года; «Альманах Бедного Ричарда» за 1738 год. В первом томе документов № 1: 1xii в 1959 говорилось, что Дебора родилась в Филадельфии в 1708 году, но это утверждение пересмотрели после того, как в следующем году Фрэнсис Джеймс Даллет опубликовал документ под названием «Некровные родственники доктора Франклина», который приводился в документах № 8, 139. Доказательства Даллета указывают на то, что Дебора родилась в 1705 или 1706 году, возможно, в Филадельфии, но более вероятно — в Бирмингеме, из которого она эмигрировала в Филадельфию со своей семьей приблизительно в 1711 году. См. Эдвардс и др., «Выдающиеся женщины Америки 1607–1950» (Notable American Women 1607–1950. Cambridge: Harvard University Press, 1971), № 1, 663, запись о Деборе Франклин, сделанная Леонардом Лабери, первым издателем документов Йеля. Если она действительно пересекла океан в возрасте пяти лет или приблизительно в это время, такое путешествие могло вызвать у нее нежелание пересекать океан (или даже видеть его) когда-либо в своей жизни. Для углубленного анализа см. Д. А. Лео Лимей, Recent Franklin Scholarship, PMHB 76.2 (апрель, 2002), 336.

88

ВФ к «почтенной матери» Авии Франклин, 12 апредя 1750 года; Lemay, Internet Doc за 1728 год; Партон № 1, 777, 98–199; Рендолл 43; Skemp William 4–5, 10; Brands 110, 243; Gentleman's Magazine (1813) в документах прим. 3:474 n. Редакторы документов Франклина в Йеле утверждают в первом томе (опубликованном в 1959 году), что Уильям родился приблизительно в 1731 году, но уже в третьем томе (опубликованном в 1961-м) они указывают на противоречие (документы, прим. 3:89) и предполагают, что он, вероятно, родился раньше; однако, в своем издании «Автобиографии», опубликованной в 1964 году, они повторно заявляют: «приблизительно в 1731 году», говоря о времени его появления на свет.

89

Van Doren 93, 231; Brands 110, 243. Также см.: Чарльз Харт, «Кто был матерью сына Франклина?» (Who Was the Mother of Franklin's Son? PMHB. July 1911): 308–314; Пол Лестер Форд, «Кто был матерью сына Франклина?» (Who Was the Mother of Franklin's Son? New York: Century, 1889).

Van Doren 91; Lopez, Private 22–23; Clark 41; письма Робертса, бумаги, прим. № 2, 370; Белл, Patriot Improvers № 1. 277–280.

91

Autobiography 92; БФ к ДМ, 6 января 1727 года; «Альманах Бедного Ричарда», 1733.

«Энтони Афтервит» (Anthony Afterwit), в «Пенсильванской газете» за 10 июля 1732 года; «Сесилия Сингл» (Celia Single) в «Пенсильванской газете» за 24 июля 1732 года.

93

«Правила и принципы для содействия супружескому счастью» (Rules and Maxims for Promoting Matrimonial Happiness) в «Пенсильванской газете» за 8 октября 1730 года. Lib. of Am. 151. Этот отрывок не включен в издание редакторами из Йеля, но Лимей и другие впоследствии приписали его Франклину.

94

Lopez, Private 31–37; БФ к Джеймсу Риду, 17 августа 1745 года; «Сварливая жена» (A Scolding Wife) в «Пенсильванской газете» за 5 июля 1733 года.

95

БФ к Деборе Франклин, 19 февраля 1758 года; I Sing My Plain Country Joan, 1742; «Некровные родственники др. Франклина» (Dr. Franklin's In-Laws), этот текст приводится в документах 8:139; Леонард Лабери, «Дебора Франклин» (Deborah Franklin) в «Выдающихся женщинах Америки» (Notable American Women 1607–1950 под редакцией Эдвардса Джеймса и др. Cambridge: Harvard University Press 1971), № 1, 663.

96

Autobiography 112; БФ к ДМ, 13 января 1772 года; «Пенсильванская газета», 23–30 декабря 1736 года; Van Doren 126; Clark 43; Brands 154–155. Франклин проповедовал в защиту вакцинации от оспы в своей газете до рождения Фрэнсиса: «Пенсильванская газета» за 14 и 28 мая 1730 года, 4 марта 1731 года.

97

«Смерть младенцев» (The Death of Infants) в «Пенсильванской газете» за 20 июня 1734 года, приписанная Франклину Лимеем, Lib. of Am. 228.

Франклин пишет в «Автобиографии» (с. 92), что «получил пресвитерианское образование», но пуританская секта в Бостоне, в которой его крестили, по сути, стала организацией, которую сейчас мы называем конгрегационалистской церковью. И пресвитерианцы, и конгрегационалисты, как правило, следуют доктринам Джона Калвина. См. «Автобиографию» (Йель), прим. 145. Для более детальной информации о Джедидайе Эндрюсе см. работу Ричарда Уэбстера «История пресвитерианской церкви в Америке, от истоков до 1760 года» (A History of the Presbyterian Church in America, from Its Origin until the Year 1760. Philadelphia: J. M. Wilson, 1857), 105–112. Для еще более глубокого анализа отношений Франклина и пресвитерианской церкви см. [133].

Autobiography 92–94.

100

Информация о деизме может быть недостоверной. Несмотря на сомнения последствий неусовершенствованного деизма, Франклин не уклонялся от этого слова, когда обозначал свое вероисповедание. Я пользуюсь этим словом, подобно ему, чтобы описать философию эпохи Просвещения, которая: 1) отрицает убеждение в том, что вера зависит от полученной или оглашенной религиозной доктрины; 2) не акцентирует внимание на сокровенных и страстных духовных отношениях с Богом или Христом; 3) подразумевает веру в обезличенного Творца, который привел Вселенную и ее законы в движение; 4) придерживается взглядов, что изучение природы дает нам все знания о Создателе. См.: Walters, Franklin's Life in Deism и Campbell 110–126; Керри Уолтерс, «Американские деисты» (Walters, The American Deists. Lawrence: University of Kansas Press, 1992); Бакбаум; А. Оуэн Элдридж, «Просвещение и пробуждение во Франклине и Эдвардсе» (Enlightenment and Awakening in Franklin and Edwards) в работе Benjamin Franklin, Jonathan Edwards под редакцией Барбары Оберг и Гарри Стаута (New York: Oxford University Press, 1997, 27–41); Элдридж, The Alledged Puritanism of Benjamin Franklin, в работе под редакцией Лимея «Переоценка» (Reappraising), 362–371; Элдридж, «Силы природы» (Nature); Дуглас Андерсон, «Радикальное просвещение Бенджамина Франклина» (The Radical Enlightenments of Benjamin Franklin. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997); Болтцелл, «Пуританский Бостон и квакерская Филадельфия» (Puritan Boston and Quaker Philadelphia); Ларзер Зифф, «Пуританство в Америке» (Puritanism in America. New York: Viking, 1973); Дональд Мейер, «Религия Франклина» (Franklin's Religion) в «Критических эссе» (Critical Essays), под редакцией Мелвина Баксбаума (Buxbaum; Boston: Hall, 1987, 147–167); Перри Миллер, «Нация, принадлежащая природе» (Nature's Nation. Cambridge: Harvard University Press, 1967); Марк Нолл, «Американский Бог» (America's God. New York: Oxford University Press, 2002); Саймон Блэкберн, «Оксфордский философский словарь» (The Oxford Dictionary of Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 1994).

101

Articles of Belief and Acts of Religion, 20 ноября 1728 года, документы № 1, 101.

102

Walters 8, 84–86. Книга Уолтерса — самый прямой аргумент в пользу того, что Франклин не придерживался буквального политеизма. Противоположные взгляды выразил в своей исчерпывающей работе Benjamin Franklin and Nature's God A. Оуэн Элдридж. Если прочитывать Франклина фигурально, то кажется, что он говорит, будто у всех религий и сект есть свои боги: есть бог пуританский, который отличается от бога Франклина, или бог методистский, или иудейский, или анабаптистский, или, если на то пошло, индуистский, мусульманский и древнегреческие божества. Эти разные боги появляются из-за разного видения (это Уолтер называет «теистическим перспективизмом» Франклина). Франклин верил в то, что идея существования Бога как Создателя и первопричины равна для всех религий, и, таким образом, можно предположить, что она верна. Но различные религии и секты добавляют собственные выражения и концепции, которые не являются достоверно правдивыми или ложными, но ведут к существованию множества богов, которые позволяют себе более личные отношения с верующими. Эта интерпретация соответствует комментарию Франклина в его очерке, рассказывающем, как эти боги исчезают иногда, когда претерпевают изменения эпохи и культуры. «Может так случиться, что спустя много веков они полностью переменятся и другие боги займут их место».

103

«О провидении Господнем в управлении миром» (On the Providence of God in the Government of the World), документы № 1, 264. Редакторы Йеля предполагают, что верная дата издания — 1732 год. А. Оуэн Элдридж, Лео Лимей и другие настойчиво утверждают, основываясь на письме, которое Франклин написал позже, что это на самом деле случилось в 1730 году; БФ к Бенджамину Вогану, 9 ноября 1779 года. См. Элдридж, «Силы природы» (Nature), 34–40; Лимей, Internet Doc за 1730 год. В издание трудов Франклина Lib. of Am. принят 1730 год. Вильгельм Низель, «Теология кальвинизма» (The Theology of Calvin. Philadelphia: Westminster Press, 1956, 70); Джон Калвин, «Комментарии» (Commentaries), к работе On Paul's Epistle to the Romans (1539) на www.ccel.org/c/calvin/comment3/comm_vol38/htm/TOC.htm.

Walters 98; Campbell 109–111; Элдридж «Силы природы» (Nature), 25–38; БФ к Джону Франклину, май 1745 года.

105

«Суд над ведьмами на горе Холли» (A Witch Trial at Mount Holly) в «Пенсильванской газете» (Pa. Gazette) за 22 октября 1730 года.

106

БФ к Джозайе и Авии Франклин, 13 апреля 1738 года. Когда его любимая сестра Джейн также выразила свои опасения по поводу того, что он предпочитает добродетели молитве, он предложил похожие объяснения и заверения. «Я настолько не представляю себе, как можно не почитать Бога, что сочинил и написал целую книгу о ревностном служении для личного пользования, — говорил он, после чего призывал к веротерпимости: — Есть некоторые моменты в ваших новоанглийских доктринах и церковных службах, с которыми я не согласен, но я не стал их за это осуждать… И только прошу вас учесть вышеописанное и по отношению ко мне». БФ к ДМ, 28 июля 1743 года.

107

Autobiography 94–105, 49; Д. Г. Лоуренс, «Бенджамин Франклин» (Benjamin Franklin) в «Исследованиях классической литературы Америки» (Studies in Classic American Literature. New York: Viking, 1923, 10–16), см. на xroads.virginia.edu/~HYPER/LAWRENCE/dhlch02.htm.

108

Рэнди Коэн, «Наилучшие пожелания» (Best Wishes), в New York Times Magazine за 30 июня 2002 года; Дэвид Брукс, Bobos in Paradise (New York: Simon & Schuster, 2000, 64); Morgan Franklin 23; Autobiography 104.

109

Autobiography 94–105, 49; Sappenfield Private 187–188; Lopez 24; Lopez, Cher 277. Французским другом был ученый Пьер-Жорж Кабанис, полное собрание сочинений (Complete Works. Paris: Bossange frères, 1825), 2:348.

110

Коттон Мэзер, «Два кратких дискурса» (Two Brief Discourses), 1701; А. Уитни Гризволд, «Двое пуритан о преуспевании» (Two Puritans on Prosperity), 1934, в стендфордской версии, 42; Campbell 99, 166–174; Зифф, «Пуританство в Америке» (Puritanism in America), 218; Элдридж, «Мнимое пуританство Бенджамина Франклина» (The Alleged Puritanism of Benjamin Franklin) в работе Лимея «Переоценка» (Reappraising), 370; Lopez, Private 104. Перри Миллер пишет: «Это дитя пуританства в Новой Англии просто свалило за борт все теологические предубеждения; но он ни в коей мере не отступил от пуританства в том, что касалось его дел», см. «Бен Франклин, Джонатан Эдвардс» (Ben Franklin, Jonathan Edwards) в работе «Самые значимые писатели Америки» (Major Writers of America. New York: Harcourt Brace, 1962, 86). См. [100] для изучения истоков деизма и эпохи Просвещения.

111

См. главу 18 для более подробного описания взглядов Франклина на эпоху романтизма.

112

Джон Апдайк, Many Bens в The New Yorker за 22 февраля 1988 года, 115; Генри Стил Коммаджер, «Американский ум» (The American Mind. New Haven: Yale University Press, 1950, 26).

113

Самый весомый аргумент в пользу того, что Франклин был типичным образцом эпохи Просвещения, представлен в мастерском эссе «Дневник американской биографии» (Dictionary of American Biography. New York: Scribner's, 1933), написанном Карлом Бекером, в котором он назвал Франклина «истинным ребенком эпохи Просвещения, который принадлежал не школе Руссо, а школе Дефо и Поупа, Свифта, Фонтенеля, Монтескье и Вольтера. Он говорил на их языке, хоть и с простонародным оттенком… Он безоговорочно принимал все характерные идеи [Просвещения]: его здоровый, просветленный скептицизм; его любовь к свободе и родству душ; его увлеченность миром, доступным рассудку; его глубокая вера в здравый рассудок и действенность Разума в разрешении человеческих проблем и умножении благосостояния людей». См. также работу Стюарта Шермана «Франклин и эпоха Просвещения» (Franklin and the Age of Enlightenment), изданную в Стэнфорде.

114

Autobiography 139; Альберт Смит «Американская литература» (American Literature. Philadelphia: Eldredge, 1889, 20); БФ к ДФ, 4 июня 1765 года. Для дополнительного ознакомления с недовольством метафизикой см. БФ к Томасу Хопкинсону, 16 октября 1746 года. Для более полной оценки религиозных и моральных взглядов Франклина см. заключительную главу этой книги. Идеи для нее собраны из следующих ресурсов: Campbell 25, 34–36, 137, 165, 169–172, 286; Чарльз Ангофф, «История литературы американского народа» (Literary History of the American People. New York: Knopf, 1931, 295–310); Ван Вик Брукс, «Совершеннолетие Америки» (America's Coming of Age. Garden City, N. Y.: Anchor, 1934, 3–7); Lopez, Private 26; Алан Тейлор «На благо мистера Змея» (For the Benefit of Mr. Kite), The New Republic, за 19 марта 2001 года, 39; Вернон Паррингтон, «Основные течения американской мысли» (Main Currents in American Thought. New York: Harcourt, 1930), 1:178; Дэвид Брукс, Our Founding Yuppie в The Weekly Standard за 23 октября 2000 года, 31. «Учитывая всю наивную простоту, трудно себе представить, что это стоит исследовать как философию, — пишет Герберт Шнайдер, — однако с точки зрения моральных правил и принципов искусства добродетели здесь присутствуют ясность и взгляды, которые требуют к себе уважения». Герберт Шнайдер, «Пуританский ум» (The Puritan Mind. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1958, 246).

115

Алан Тейлор, «На благо мистера Змея» (For the Benefit of Mr. Kite), 39.

116

«Альманах Бедного Ричарда», 1733–1758, написанный Франклином, в дополнение к этому рубрика «От редактора» в документах № 1, 280; Faÿ 159–173; Sappenfield 121–177; Brands 124–131. Помимо этого существовал настоящий Ричард Сандерс, который появляется в учетных книгах как покупатель Франклина. Van Doren 107.

117

«Пенсильванская газета» за 28 декабря 1732 года.

118

«Альманах Бедного Ричарда», 1733; Autobiography 107.

119

«Альманах Бедного Ричарда», 1734, 1735; «Американский альманах» (American Almanack) Титана Лидза, 1734; Джонатан Свифт, «Предсказания на грядущий год Исаака Бикерстаффа, эсквайра» (Predictions for the Ensuing Year by Isaac Bickerstaff, esq.), 1708, см. на ftp://sailor.gutenberg.org/pub/gutenberg/etext97/bstaf10.txt. Текст Свифта был пародией на альманах Джона Партриджа; он предсказывал смерть Партриджа, а затем вступил в долгую перепалку, подобную той, которую Франклин завязал с Лидзом.

120

«Альманах Бедного Ричарда», 1736, 1738, 1739. См. также стихи «Бриджит Сондерс, моей герцогини» о ленивых мужчинах, написанные в 1734 году («Наш всепрощающий Бог может всегда выручать его / Только вот горе для той, ставшей женой опечаленной»), которые Бедный Ричард печатает в качестве ответа на свои собственные стихи 1733 года о ленивых женщинах.

121

Марк Твен, «Покойный Бенджамин Франклин» (The Late Benjamin Franklin. The Galaxy, July 1870), см. на www.twainquotes.com/Galaxy/187007e.html; Граучо Маркс, «Граучо и я» (Groucho and Me. New York: Random House, 1959, 6).

122

Для исчерпывающего исследования происхождения высказывания «рано ложиться и рано вставать» см. Вольфганга Миедера, «Рано ложиться и рано вставать» (Early to Bed and Early to Rise) в веб-журнале De Proverbio на www.utas.edu.au/docs/flonta/DP,1,1,95/FRANKLIN.html. Bartlett's Familiar Quotations (1882; Boston: Little, Brown, 2002) в тринадцатом издании (1955), предыдущие же версии фразу относят к Франклину, но также цитируют и пословицы Джона Кларка (1639); в последующих изданиях отсылка к Кларку упраздняется.

123

Самая подробная работа на тему происхождения изречений принадлежит Роберту Ньюкомбу. «Источники высказываний Бедного Ричарда, персонажа Бенджамина Франклина» (The Sources of Benjamin Franklin's Sayings of Poor Richard), докторская диссертация, Университет Мэриленда, 1957. Также см.: документы № 1, 281–282; Van Doren 112–113; Wright 54; Фрэнсис Барбур, «Соответствие выражений в „Бедном Ричарде Франклина“» (A Concordance to the Sayings in Franklin's Poor Richard. Detroit: Gale Research, 1974). Больше всего Франклин полагается на работы Джонатана Свифта, Джеймса Хауэлла «Поговорки» (Proverbs, 1659) и Томаса Фуллера «Гномология» (Gnomologia, 1732).

«Филомат» (БФ), «Таланты, требующиеся, чтобы стать писателем в альманахе» (Talents Requisite in an Almanac Writer) в «Пенсильванской газете» (Pa. Gazette) за 20 октября 1737 года. «Филомат» — это термин, который использовался для обозначения автора в альманахе.

125

«Улучшенный Бедный Ричард», 1758.

126

Autobiography 107; Wright 55; Van Doren 197; Д. Г. Лоуренс, «Бенджамин Франклин» (Benjamin Franklin), 14; БФ к Уильяму Страхану, 2 июня 1750 года; «Альманах Бедного Ричарда», 1743.

127

«Альманах Бедного Ричарда», 1744; «Прошение о больнице» (Appeal for the Hospital) в «Пенсильванской газете» за 8 августа 1751 года; Алексис де Токвилль, «Демократия в Америке» (Democracy in America. 1835; New York: Doubleday, 1969, 513); «На Главной улице США» (Inside Main Street USA) в New York Times за 27 августа 1995 года; Джон Ван Хорн, «Коллективная благосклонность к общему благу» (Collective Benevolence for the Common Good) в работе Лимея «Переоценка» (Reappraising), 432. Две книги, которые главным образом подтолкнули Франклина к созданию ассоциаций для всеобщего блага, — это книга Даниэля Дефо «Опыт о проектах» (1697) и книга Коттона Мэзера «Бонифаций: опыты о том, как делать добро» (Bonifacius: Essays to do Good, 1710).

Autobiography 90–91, 82; Faÿ 149; «Общество библиотек Филадельфии» (The Library Company of Philadelphia) на www.librarycompany.org; Morgan Franklin 56. Список первых книг в его PMHB (Пенсильванский журнал истории и биографии) № 300 (1906), 300.

129

«Храбрецы на пожарах» (Brave Men at Fires) в «Пенсильванской газете» за 1 декабря 1733 года; Autobiography 115; «О защите городов от пожаров» (On Protection of Towns from Fire) в «Пенсильванской газете» за 4 февраля 1735 года; заметка в «Пенсильванской газете» за 27 января 1743 года; Van Doren 130; Brands 135–137; Hawke 53.

Autobiography 115; Brands 214.

131

Faÿ 137; «Пенсильванская газета» (Pa. Gazette) за 30 декабря 1730 года; Clark 44; «Пенсильванская Великая ложа» (Pennsylvania Grand Lodge), см. сайт www.pagrandlodge.org; Юлиус Саксе, «Счеты Бенджамина Франклина с масонской ложей» (Benjamin Franklin's Account with the Lodge of Masons. Kila, Mont.: Kessinger, 1997).

132

Van Doren 134; Faÿ 180; Brands 152–154; БФ к Джозефу и Авии Франклин, 13 апреля 1738 года; «Пенсильванская газета» (Pa. Gazette) за 7 февраля (датированная 15 февраля) 1738 года.

133

Autobiography 111; «Диалог двух пресвитериан» (Dialogue Between Two Presbyterians) в «Пенсильванской газете» за 10 апреля 1735 года; «Наблюдения за судом против мистера Хемфилла» (Observations on the Proceedings against Mr. Hemphill), июль 1735 года, документы 2:37; БФ, «Письмо загородному другу» (A Letter to a Friend in the Country), сентябрь 1735 года, документы № 2, 65; Джонатан Дикинсон, A Vindication of the Reverend Commission of the Synod, сентябрь 1735 года, и «Замечания о наблюдении за защитой преподобного Хемфилла» (Remarks Upon the Defense of Rev. Hemphill's Observations), ноябрь 1735 года; «Наблюдения за защитой мистера Хемфилла» (A Defense of Mr. Hemphill's Observations), октябрь 1735 года. Эти работы Франклина, а также примечания к ним о суде и объяснение авторства, которое приписал ему Дикинсон, находятся в документах № 2, 27–91. Интереснейшее сражение за Хемфилла упоминается во многих хороших исторических исследованиях, на которых и основана эта часть текста: Брайан ЛиБу, «Франклин и пресвитериане» (Franklin and the Presbyterians) в Early American Review (лето, 1996), см. на earlyamerica.com/review/summer/franklin/; Мертон Кристенсен, «Франклин о суде Хемфилла: деизм против пресвитерианских традиций», (Franklin on the Hemphill Trial: Deism versus Presbyterian Orthodoxy) в William and Mary Quarterly (июль, 1953), 422–440; Уильям Баркер, «Дело Хемфилла, Бенджамин Франклин и взнос в Вестминстерскую церковь» (The Hemphill Case, Benjamin Franklin and Subscription to the Westminster Confession) в American Presbyterians, 69 (зима, 1991); Элдридж, «Силы природы» (Nature), 86–98; Buxbaum 93–104.

Campbell 97; под редакцией Барбары Оберг и Гарри Стаут, «Бенджамин Франклин, Джонатан Эдвардс» (Benjamin Franklin, Jonathan Edwards. New York: Oxford University Press, 1997, 119); Карл Ван Дорен, «Бенджамин Франклин и Джонатан Эдвардс» (Benjamin Franklin and Jonathan Edwards. New York: Scribner's, 1920), введение; Джонатан Эдвардс, «Грешники в руках разгневанного Бога» (Sinners in the Hands of an Angry God), прочитано в Энфилде, 8 июля 1741 года, см.: douglass.speech.nwu.edu/edwa_a45.htm; Джек Хитт, «Великий раскол: нет ни левых, ни правых. Есть меритократы и ценностнократы» (The Great Divide: It's Not Left and Right. It's Meritocrats and Valuecrats) в New York Times Magazine за 31 декабря 2001 года, 14.

135

«Пенсильванская газета» за 15 ноября 1739 года, 22 мая 1740 года, 12 июня 1740 года; Autobiography 116–120; Buxbaum 93–142; Brands 138–148; Hawke 57. Баксбаум предоставляет тщательный анализ всех изданных текстов Франклина о Уайтфилде.

136

Фрэнк Ламберт, «Подписка на прибыль и благочестие» (Subscribing for Profits and Piety) в William and Mary Quarterly (июль, 1993), 529–548; Гарри Стаут, «Джордж Уайтфилд и Бенджамин Франклин» (George Whitefield and Benjamin Franklin) в Massachusetts Historical Society, № 103 (1922), 9–23; Дэвид Морган, «Самая маловероятная дружба» (A Most Unlikely Friendship) в The Historian № 47 (1985), 208–218; Autobiography 118.

137

«Авдий Плейнмен» в «Пенсильванской газете» за 15 и 29 мая 1740 года, Lib. of Am. 257–283, 1528; American Weekly Mercury за 22 мая 1740 года. Издатели документов в Йеле не указали Франклина как автора писем Авдия Плейнмена. Но Лео Лимей убежденно заявляет, что он написал их, а затем включил в библиотеку литературы Америки. Также создается впечатление, что Франклин мог по своему обыкновению поддерживать перепалку, сочиняя оппонирующие письма от лица Тома Трумена.

138

«Письмо загородному другу» (Letter to a Friend in the Country) и «Изложение редакционной политики» (Statement of Editorial Policy) в «Пенсильванской газете» за 24 июля, 1740 года; Autobiography 118.

139

«Некролог Эндрю Гамильтона» (Obituary of Andrew Hamilton) в «Пенсильванской газете» за 6 августа 1741 года; «Получасовая беседа с другом» (Half-Hour's Conversation with a Friend) в «Пенсильванской газете» за 16 ноября 1733 года.

Sappenfield 86–93; Autobiography 113–114.

141

С. Уильям Миллер, «Печатное дело Бенджамина Франклина в Филадельфии: описательная библиография» (Benjamin Franklin's Philadelphia Printing: A Descriptive Bibliography. Philadelphia: American Philosophical Society, 1984, 32); Джеймс Грин, «Бенджамин Франклин как печатник и книготорговец» (Benjamin Franklin as Publisher and Bookseller), в работе Лимея «Переоценка» (Reappraising), 101. Грин был выдающимся попечителем Общества библиотек, и его заметки на выставках книг Франклина очень полезны.

142

Уолтер Айзексон, Info Highwayman, Civilization (Mar. 1995), 48; Autobiography 114.

143

Sappenfield 93–105; «Пенсильванская газета» за 13 ноября, 11 декабря 1740 года; American Weekly Mercury за 20 и 27 ноября 4 и 18 декабря 1740 года; документы, том 2; Фрэнк Мотт, «История американских журналов» (A History of American Magazines. New York: Appleton, 1930), 1, 8–27.

144

БФ к Авии Франклин, 16 октября 1747 года, 12 апреля 1750 года; Lopez, Private 70–79; Autobiography 109; БФ к Уильяму Страхану, 2 июня 1750 года, 31 января 1757 года; Clark 62, 139; миссис Э. Д. Гиллеспи (дочь Салли Франклин Баше), «Книга воспоминаний» (A Book of Remembrance. Philadelphia: Lippincott, 1901), цитируется в Clark 17; «Сайленс Дугуд», № 5, New England Courant, 28 мая 1722 года; ДФ к Маргарет Страхан, 24 декабря 1751 года; A Petition of the Left Hand, 1785, в Lib. of Am. 1115, документы CD 43: u611.

Франклин не только занимался шутливым сватовством Салли с сыном Страхана Билли, но и надеялся, что его сын Уильям женится на Полли Стивенсон, дочери его лондонской квартирной хозяйки; что его внук Уильям Темпл Франклин сочетается браком с дочерью его парижской подруги мадам Брийон; а сын Салли Бенджамин Баше — женится на дочери Полли Стивенсон. Более резкую оценку отношения Франклина к Салли и к образованию, которое он ей предоставил, можно найти в эссе Ларри Тише «Свобода и права женщин» (Liberty and the Rights of Women), в коллекции под его редакцией «Бенджамин Франклин и женщины» (Benjamin Franklin and Women. University Park: Pennsylvania State University Press, 2000), 37–49.

145

Lopez, Private 34; «Альманах Бедного Ричарда», 1735. «Ответ на советы» в «Пенсильванской газете» за 4 марта, 1735, восхваляет брак и детей. Издатели документов Франклина в Йеле в виде робко заявляют, что этот текст принадлежит ему, отчасти потому, что подписан он инициалами «А. А.», именно ими часто Пользовался Франклин. Документы № 2, 21.

146

«Советы молодому человеку по выбору любовницы» (Advice to a Young Man on the Choice of a Mistress), также «Нравоучительная басня о пожилой даме» (Old Mistress Apologue), 25 июня 1745 года. Описание истории публикаций в документах 3: с. 27–31, и во введении к работе Ларри Тише «Бенджамин Франклин и женщины» (Benjamin Franklin and Women).

147

«Речь Полли Бейкер» (Speech of Polly Baker) в General Advertiser за 15 апреля 1747 года; Sappenfield 64. Франклин огласил свое авторство приблизительно в 1778 году за ужином у аббата Рейналя в Париже, где шел спор о подлинности этой знаменитой речи. Франклин сказал присутствующим: «Сейчас я внесу поправку. Когда я был молод и издавал газету, временами случалось так, что мне не хватало материала для того, чтобы заполнить страницы, поэтому я развлекался, выдумывая истории, и данная история о Полли Бейкер — одна из них». Документы № 3, 121–122.

«Предложение по распространению полезных знаний» (A Proposal for Promoting Useful Knowledge), 14 мая 1743 года, документы 2:378; The Beginnings of the APS (Philadelphia: APS Proceedings, 1944, 277–289; Эдвард С. Картер III, «Одно большое увлечение» (One Grand Pursuit. Philadelphia: American Philosophical Society, 1993); Американское философское общество, см. www.amphilsoc.org.

Франклин очень любил детально описывать уставы, правила и порядок действий для организаций. Среди них были Хунта, масонская ложа, пожарная бригада, полицейский патруль, Американское философское общество, милиция Пенсильвании, Академия, почтовая служба и общество по отмене рабства. Эта склонность также помогла ему составить план Олбани для объединения, дисциплинарного устава для колониальной армии и первые предложенные Статьи Конфедерации.

149

Autobiography 121–123; «Правда без прикрас», 17 ноября 1747 года; «Формирование ассоциаций», 24 ноября 1747 года; документы № 3, 187, с историческими примечаниями. См. главу 4 для того, чтобы изучить, было Уильяму шестнадцать лет или, возможно, немного больше.

Autobiography. 123; Ричард Питерс к Томасу Пенну, 29 ноября 1747 года, документы № 3, с. 214; Пенн к Питерсу, 30 марта, 9 июня 1748 года, документы № 3, 186; «Необходимость самозащиты» (The Necessity of Self Defense), «Пенсильванская газета», 29 декабря 1747 года (в Lib. of Am., но не в бумагах Йеля); Brands 179–188; Wright 77–81; Hawke 75–80.

151

Wright 52; Van Doren 122; Autobiography 120, 92; «Статьи о соглашении с Дэвидом Холлом», 1 января 1748 года; Brands 188, 380; Clark 62; БФ к Авии Франклин, 12 апреля 1750 года; БФ к Кедуолладеру Колдену, 29 сентября 1748 года; «Альманах Бедного Ричарда», 1744.

В год ухода в отставку Франклин написал и опубликовал очерк под названием «Советы молодому торговцу», подписанный Пожилым Торговцем. В нем отражались многие утверждения из записей Бедного Ричарда и из «Автобиографии»: «Путь к богатству, если вы желаете найти его, настолько же прост, как и дорога на рынок. Она зависит в основном от двух слов — Трудолюбие и Бережливость; то есть не тратьте ни времени, ни денег, а старайтесь извлечь максимум и в одном и в другом». Документы № 3, 304.

152

Гордон С. Вуд, «Радикализм американской революции» (The Radicalism of the American Revolution. New York: Random House, 1991, 77, 85–56, 199). Я склонен противоречить утверждению Вуда в тех случаях, когда он изображает Франклина как человека с аристократическими наклонностями, чей образ представителя среднего класса в основном формировался после того, как не нашли воплощения его социальные амбиции. Доказательств большей причастности Франклина к среднему классу, чем думает Вуд, я надеюсь, в этой книге достаточно. Даже в период, последовавший сразу вслед за его уходом в отставку, который, по словам Вуда, был эпохой «аристократических» пристрастий, направленность деятельности Франклина оставалась популистской, а в общественных делах проявлялось умение работать с людьми из разных слоев. Тем не менее суждение Вуда интересно и дает пищу для множества версий других историков. Точку зрения Вуда о том, что аристократические симпатии Франклина проявились главным образом в период с 1748 и до конца 1760-х (плюс когда он выступал с защитой на конституционном собрании, которую государственные служащие осуществляют бесплатно), можно рассматривать всерьез, понимая, что бóльшую часть своей жизни Франклин, по его собственному утверждению, отождествлял себя со «средним классом людей». Вуд также использует более широкое понятие аристократии, чем другие; он включает в него не только титулованное дворянство и наследственные классы, но и зажиточных мещан, которые вели себя как джентльмены. Утверждение Вуда напоминает нам, на мой взгляд, что одной из целей Франклина, начиная с момента создания легендарной библиотеки, было помочь представителям среднего класса перенять ряд качеств у просвещенной аристократии (также следует заметить, что классическое определение аристократии очерчивало систему правил на основании наилучших качеств, а не наследственной классовой системы социальной иерархии и титулов на основании дат рождения, то есть то, что этот термин стал означать в Англии к эпохе Франклина).

153

Вейн Крейвен, «Британские и американские портреты Бенджамина Франклина» (The British and American Portraits of Benjamin Franklin); Лимей, «Переоценка» (Reappraising), 249; Чарльз Селлерс, «Бенджамин Франклин в портретной живописи» (Benjamin Franklin in Portraiture. New Haven: Yale University Press, 1962); «Альманах Бедного Ричарда», 1748.

Дадли Хершбах, «Научные развлечения доктора Франклина» (Dr. Franklin's Scientific Amusements), в Harvard Magazine (ноябрь 1995 года), 36, и «Бюллетень Американской академии искусства и наук» Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences (октябрь, 1994), 23. Хершбах, профессор в Гарварде, получил Нобелевскую премию за достижения в химии в 1958 году.

Самые важные академические исследования деятельности Франклина в науке были выполнены выдающимся историком науки Гарвардского университета Бернардом Коэном. Они включают в себя труды «Наука Бенджамина Франклина» (Benjamin Franklin's Science. Cambridge: Harvard University Press, 1990); «Наука и отцы-основатели» (Science and the Founding Fathers. New York: Norton, 1995) и «Франклин и Ньютон» (Franklin and Newton. Philadelphia: American Philosophical Society, 1956). Также могут быть полезны работы Чарльза Тенфорда «Бен Франклин успокаивает волны» (Ben Franklin Stilled the Waves. Durham, N.C.: Duke University Press, 1989); «Изобретательный доктор Франклин» под редакцией Натана Гудмена (The Ingenious Dr. Franklin. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1931), это собрание научных писем и эссе Франклина; Дж. Л. Хеилброн, «Франклин как просвещенный естествоиспытатель» (Franklin as an Enlightened Natural Philosopher) и Хаинца Отто Сибума «Счетовод природы» («The Bookkeeper of Nature») в работе Лимея «Переоценка» (Reappraising).

155

«Магические квадраты», БФ к Питеру Коллинсону, 1750; БФ к ПС, 20 сентября 1761 года; Cohen 159–171; Brands 630. Коэн датирует тепловые эксперименты Франклина и Брейнтнолла промежутком с 1729 по 1737 годы, основываясь на письмах и записях Хунты, а также соотносит эти теории с теориями Ньютона и Бойля, отчеты о которых читал Франклин.

156

«Отчет о новоизобретенных пенсильванских каминах», 1744, документы № 2, 419–446 (с историческими примечаниями в бумажном издании); Autobiography 128; Лимей, «Переоценка» (Reappraising), 201–203; письмо в Boston Evening Post, 8 сентября 1746 года, первые заново открытые и записанные в Internet Doc Лимея за 1746 год; Brands 167; Сэмюэл Эдгертон-младший, «Печь Франклина» (The Franklin Stove), в Cohen 199–211. Эдгертон, искусствовед в Пенсильванском университете, показывает, что печь была не настолько практична или популярна, как предполагают другие историки.

157

БФ к Джону Франклину, 8 декабря 1752 года; «Происхождение северо-восточных штормов», БФ к Джареду Элиоту, 13 февраля 1750 года; БФ к Джареду Элиоту, 16 июля 1747 года; БФ к Александру Смоллу, 12 мая 1760 года; Джон Кокс, «Наблюдатели штормов» (The Storm Watchers. New York: Wiley, 2002), 5–7.

158

Cohen 40–65; БФ к Коллинсону, 28 марта 1747 года; Autobiography 164; Bowen 47–49. Коэн предоставляет детальные доказательства относительно дат лекций доктора Спенсера, их содержания, подарка Коллинсона и ошибок, которые Франклин допустил в дальнейшем хронологическом изложении.

159

БФ к Коллинсону, 25 мая и 28 июля 1747 года, 29 апреля 1749 года; Cohen 22–26; Бернард Коэн, «Франклин и Ньютон» (Franklin and Newton), 303; Clark 71. Дж. Л. Хеилбрун и Хайин Отто Сибум в «Переоценке» (Reappraisin) Лимея, 196–242, делают акцент на «счетоводческой» природе теорий Франклина.

160

БФ к Коллинсону, 29 апреля 1749 года, 4 февраля 1750 года; Brands 199; Томас Пинчон, «Мейсон и Диксон» (Mason & Dixon. New York: Holt, 1997), 294.

161

БФ к Джону Линингу, 18 марта 1755 года; БФ к Коллинсону, 2 марта 1750 года; БФ к Джону Уинтропу, 2 июля 1768 года; Hawke 86–88; Cohen 121; Van Doren 156–170; Brands 198–202. Эндрю Уайт, «История конфликта науки и теологии в христианстве», см. на www.human-nature.com/reason/white/chap11.htm. Среди тех, кто, помимо Ньютона, уже заметил сходство между электрическими искрами и молнией, были Фрэнсис Хоксби, Сэмюэл Уолл, Джон Фреке, Иоганн Генрик Винклер и противник Франклина аббат Ноллет; Clark 79–80. Никто из них, однако, не проводил серьезных экспериментов для того, чтобы сформулировать гипотезу.

162

БФ к Джону Митчеллу, 29 апреля 1749 года.

163

БФ к Коллинсону, 29 июля, 2 марта 1750 года.

The Gentleman's Magazine за январь и май 1750 года; «Эксперименты и наблюдения за электричеством, выполненные в Филадельфии в Америке мистером Бенджамином Франклином» (Experiments and Observations on Electricity, Made at Philadelphia in America, by Mr. Benjamin Franklin. London: 1750, 1756, and subsequent editions); аббат Гийом Мазе к Стивену Хейлсу, 20 мая 1752 года, документы № 4, 315, и «Философские протоколы Королевского общества» (1751–1752); Autobiography 165–167; Clark 3–5, 83; Cohen 70–72.

165

«Эксперимент со змеем» в «Пенсильванской газете», 19 октября 1752 года; в документах № 4, 360–365, содержится примечание, поясняющее исторические особенности; «Пенсильванская газета», 27 августа и 19 октября 1752 года; Cohen 68–77; Джозеф Пристли, «История и настоящее состояние электричества» (The History and Present State of Electricity, 1767), см. www.ushistory.org/franklin/kite/index.htm; Hawke 103–106.

166

Cohen 66–109; Van Doren 164; Том Такер «Удар судьбы» (Bolt of Fate. New York: Public Affairs, 2003). Такер утверждает: «Возможно, что… Франклин выдумал факт запуска змея» и что все это было «мистификацией», похожей на его литературные трюки. Его книга не содержит подробных доказательств, подобных тем, которые Бернард Коэн приводит относительно данного вопроса, и, я думаю, является неубедительной. Описание эксперимента со змеем никоим образом не походит на уловки в литературных произведениях, и если бы оно оказалось вымышленным, то это было бы не литературным приемом, а откровенной ложью. Такер также делает странное голословное утверждение о том, что описание Франклином эксперимента с будкой часового представляло собою смертельную угрозу для президента Лондонского Королевского общества. Он также обвиняет Франклина, что тот мог лгать, когда в публичном отчете в 1752 году сообщал, что в Филадельфии тем летом построили два громоотвода на общественных зданиях (отчет, опубликованный в журнале Королевского общества, принес бы настоящие проблемы, окажись он ложным). Всесторонний анализ, сделанный Коэном, профессором истории науки, крупнейшим специалистом по работе Франклина над электричеством, более полно и убедительно говорит о вопросах относительно сторожевой будки, воздушного змея и громоотводов. Среди других статей, посвященных запуску Франклином змея тем летом, — работы Эббота Л. Ротча «Запускал ли Франклин своего электрического змея перед тем, как изобрести громоотвод?» (Did Franklin Fly His Electrical Kite before He Invented the Lighting Rod?), опубликованная в American Antiquarian Society Proceedings, 1907; Александра МакАди «Дата эксперимента Франклина со змеем» (The Date of Franklin’s Kite Experiment) в American Antiquarian Society Proceedings 1925.

167

Cohen 66–109; Van Doren 165–170. Ван Дорен говорит, что предположение, будто Франклин сфабриковал или приукрасил свой эксперимент со змеем, будет «заметно не соответствовать его научным отчетам, в которых он как нигде всегда правдив и непритязателен».

168

БФ к Коллинсону, сентябрь 1753 года; БФ к ДФ, 10 июня 1758 года; Дадли Хершбах, «Научные развлечения Бена Франклина» (Ben Franklin’s Scientific Amusements) в Harvard Magazine (ноябрь, 1995, 44); БФ к Кедуолладеру Колдену, 12 апреля 1753 года; БФ к Королевскому обществу, 29 мая 1754 года.

169

БФ к Коллинсону, 29 июля 1750 года; Van Doren 171; Дж. Дж. Томпсон, «Воспоминания и размышления» (Recollections and Reflections. London: Bell, 1939, 252); БФ к Кедуолладеру Колдену, 11 октября 1750 года; эпиграмма Тюрго, 1781: Eripuit cœlo fulmen, sceptrumque tyrannis.

«О нуждах Академии» (On the Need for an Academy) в «Пенсильванской газете» за 24 августа 1749 года; «Предложения по поводу образования молодежи в Пенсильвании», октябрь 1749 года; БФ к Кедуолладеру Колдену, ноябрь 1749 года; «Конституция общественной Академии», 13 ноября 1749 года; Autobiography 121, 129–131; Van Doren 193; История Пенсильванского университета, см. www.archives.upenn.edu/histy/genlhistory/brief.html (это учреждение изначально называлось Академия Филадельфии, а затем Колледж Филадельфии, после чего, когда в 1779 году его взяло под опеку государство, стало Университетом штата Пенсильвания, и наконец в 1791 году его назвали Пенсильванским университетом).

171

«Прошение о больнице» (Appeal for the Hospital) в «Пенсильванской газете», 8 августа 1751 года; Autobiography 134.

172

БФ к Питеру Коллинсону, 9 мая 1753 года; Стюарт Шерман, «Франклин в эпоху Просвещения» (Franklin and the Age of Enlightenment) в Sanford 75. См. также [112].

Более детальный разбор политических взглядов Франклина см. в книге Пола Корнера «Политика Бедного Ричарда» (Poor Richard's Politicks. New York: Oxford University Press, 1965) и Фрэнсиса Дженнингса «Бенджамин Франклин: политик» (Benjamin Franklin: Politician. New York: Norton, 1996).

173

«Наблюдения за увеличением рода человеческого» (Observations Concerning the Increase of Mankind), 1751, документы № 4, 225; Коннер 69–87; Hawke 95.

174

«Преступники и гремучие змеи» (Felons and Rattlesnakes) в «Пенсильванской газете» за 9 мая 1751 года.

175

«Наблюдения за увеличением рода человеческого» (Observations Concerning the Increase of Mankind), 1751; БФ к Авии Франклин, 12 апреля 1750 года; Джон Ван Хорн, «Коллективная благожелательность» (Collective Benevolenc) в «Переоценке» (Reappraising) Лимея, 433–436; Lopez, Private, 291–302.

176

БФ к Джону Уорингу, 17 декабря 1763 года.

177

БФ к Питеру Коллинсону, 9 мая 1753 года.

Autobiography 131.

179

Autobiography 132.

180

Autobiography 132; Отчет о переговорах в Карлайле, 1 ноября 1753 года; протокол провинциального совета Пенсильвании, 15 ноября 1753 года.

181

Autobiography 140; БФ к Коллинсону, 21 мая 1751 года; Джон Франклин к БФ, 26 ноября 1753 года; «Регламент почтмейстеров», 1753, документы № 5, 162–177; бухгалтерия почтовой службы, 10 августа 1753 года; документы № 5, 18; Wright 85; Hawke 114; Brands 243–245; Clark 100; Lopez (Private) 53.

182

БФ к Джеймсу Паркеру, 20 марта 1751 года; «Пенсильванская газета» (Pa. Gazette), 9 мая 1754 года.

183

«Поручение переговоров с индейцами», Ассамблея Пенсильвании, 13 мая 1754 года, документы № 5, 275; «Советы по организации объединения северных колоний» в письме БФ к Джеймсу Александру и Кедуолладеру Колдену, 8 июня 1754 года, документы № 5, 335.

184

БФ к Питеру Коллинсону, 29 июля 1754 года; БФ к Кедуолладеру Колдену, 14 июля 1754 года; «План для предложенного союза», 10 июля 1754 года; Autobiography 141–142; БФ к Уильяму Ширли, 4 и 22 декабря 1754 года.

Беглый обзор: Бернард Бейлин, «Суровое испытание Томаса Хатчинсона» (The Ordeal of Thomas Hutchinson. Cambridge: Harvard University Press, 1974); Роберт Ньюболд, «Конгресс Олбани и план по объединению» (The Albany Congress and Plan of Union. New York: Vantage, 1955, 95–105); Morgan Franklin 83–90; Hawke 116–123; Brands 234–240; Wright 89–94. Самое красочное описание содержится у Кэтрин Дринкер Боуэн, «Самый опасный человек в Америке» (Bowen, The Most Dangerous Man in America. Boston: Little, Brown, 1974, 91–162).

До сих пор ведется научный спор о том, кому принадлежит окончательный план — Франклину или Хатчинсону. В письме, написанном годы спустя, Хатчинсон называл план своим, но в книге по истории он написал, что «план всеобщего объединения был создан Бенджамином Франклином». И в самом деле, окончательный вариант плана по структуре и формулировкам очень похож на «Советы», которые Франклин подготовил перед своим приездом в Олбани. См. документы № 5, 335; Wright 92. Для ознакомления с теорией сторонников Хатчинсона см.: Лоуренс Гипсон, «Британская империя перед Американской революцией» (The British Empire before the American Revolution. New York: Knopf, 1936–1969, том 5, 126–138).

185

БФ к Джону Франклину. 16 марта 1755 года; БФ к Кэтрин Рэй, 4 марта, март — апрель, 11 сентября, 16 октября 1755 года; Кэтрин Рэй к БФ, 28 июня 1755 года (она подписывалась именем Кэти (Caty), но Франклин чаще всего называл ее Кейти (Katy или Katie).

Лучший анализ представлен в Lopez (Private) 55–57, а также «Жизнь» (Life), 25–29. Цитата из Лопеса взята из старой книги, но повторяется в похожей форме в дальнейшем. См. также: Уильям Роэлкер, «Бенджамин Франклин и Кэтрин Рэй Грин» (Benjamin Franklin and Catherine Ray Greene. Philadelphia: American Philosophical Society, 1949). Также следует отметить, что тонкий анализ А. Лео Лимея в PMHB (Пенсильванском журнале истории и биографии), 126:2 (апрель, 2002), 336: «Биографы, которые восприняли флирт Франклина как серьезные попытки завязать сексуальные отношения, кажутся мне либо неискушенными в области человеческой психологии, либо жеманными, как Джон Адамс в Париже».

187

БФ к Кэтрин Рэй, 2 марта 1789 года.

Autobiography 143–147; Hawke 124–162; БФ к Питерсу, 17 сентября 1754 года; БФ к Коллинсону, 25 августа 1755 года.

189

Autobiography 151–152, 148–151; «Объявление о фургонах» (Advertisement for Wagons), 26 апреля 1755 года; документы № 6, 19 (в «Автобиографии» дата указана неверно).

190

БФ к Питеру Коллинсону, 26 июня 1755 года; Autobiography 144; Роберт Хантер Моррис к Томасу Пенну, 16 июня 1755 года.

191

Autobiography 154–156; ответ Ассамблеи губернатору Моррису, 8, 19 августа, 11 ноября 1755 года.

192

Autobiography 156; Brands 262; «Пенсильванская газета» (Pa. Gazette), 18 декабря 1755 года; БФ к Джеймсу Риду, 2 ноября 1755 года; БФ к Ричарду Партриджу, 27 ноября 1755 года.

193

БФ к ДФ, 25 января 1756 года; Autobiography 160–162; Brands 267–269; Дж. Беннетт Нолан, «Полководец Бенджамин Франклин» (General Benjamin Franklin. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1936), 62.

Autobiography 162–163; Brands, 270–271; БФ к Коллинсону, 5 ноября 1756 года.

195

БФ к Джорджу Уайтфилду, 2 июля 1756 года; БФ к ДФ, 25 марта 1756 года; Autobiography 169; ответ Ассамблеи, написанный БФ, 29 октября 1756 года; назначение Франклина от лица Ассамблеи, 29 января и 3 февраля 1757 года, документы № 7, 109; Wright 105; Томас Пенн к Ричарду Питерсу, 14 мая 1757 года.

196

БФ к Уильяму Браунриггу, 7 ноября 1773 года; «Все можно успокоить маслом», — писал Плиний Старший (23 н. э. — 79 н. э.) в своей работе «Естественная история», книга 2, раздел 234. В дополнение к званиям ученого и сенатора он был командующим имперским флотом вблизи Неаполя и погиб при извержении вулкана Везувий.

197

БФ к ДФ, 17 июля 1757 года; Autobiography 175–177.

Lopez, Private 86.

199

Воссозданный дом на Крейвен-стрит, где Франклин проводил бóльшую часть времени, теперь значится под номером 36. В 2003 году началась работа по его переустройству в маленький музей. Планируется сделать так, чтобы каждая из крошечных комнат освещала разные аспекты пребывания Франклина в Лондоне: его дипломатические усилия, научную деятельность, общественную жизнь и литературные труды. Фасад дома выполнен из кирпичей XIX века, во всем остальном здание архитектурой напоминает времена Франклина. Находится на расстоянии нескольких сот ярдов от станции метро Чаринг-кросс и Трафальгарской площади. См.: www.thersa.org/franklin/default.html; www.rsa.org.uk/projects/project_closeup.asp?id=1001; www.cs.mdx.ac.uk/wrt/Siteview/project.html. (В 2006 году дом-музей Франклина был открыт для посетителей. *Прим. ред.*)

200

БФ к ПС, 4 мая 1759 года, а также без указания даты в 1759 году, 1 мая и 13 сентября 1760 года.

201

БФ к ПС, 13 сентября 1759 года, 1 мая и 11 июня (содержит отрывок о «разумной умеренности»), 13 сентября и без указания даты за ноябрь 1760 года; ПС к БФ, 23 июня 1760 года, без указания даты за август, 16 сентября 1760 года. См. также их переписку 1761–1762 годов.

202

БФ к ПС, 27 января 1783 года; Wright 110; Clark 140; Lopez (Private) 83; Рендалл 123.

203

Уильям Страхан к ДФ, 13 декабря 1757 года.

204

БФ к ДФ, 14 января, 19 февраля, 10 июня 1758 года; Lopez, Private 80; Clark 142–143, 147.

205

БФ к ДФ, 22 ноября, 3 декабря 1757 года, 10 июня 1758 года, 27 июня 1760 года; Lopez, Private 172.

Вернер Крейн, «Клуб искренних вигов» (The Club of Honest Whigs) в William and Mary Quarterly, № 23 (1966), 210; Леонард Лабари, «Британские друзья Бенджамина Франклина» (Benjamin Franklin's British Friendships) в Proceedings of the American Philosophical Society, № 108 (1964), 423; Hawke 163.

207

Страхан к ДФ, 13 декабря 1757 года; БФ к ДФ, 27 ноября 1757 года.

Wright 114–115, 216–217.

209

Томас Пенн к Ричарду Питерсу, 14 мая 1757 года.

Autobiography 177–79.

Autobiography 178.

Autobiography 179; «Основные положения о прошениях» (Heads of Complaint), БФ к Пеннам, 20 августа 1757 года; ответ на «Основные положения о прошениях», написанный Фердинандом Джоном Парисом 28 ноября 1758 года, документы № 8, 184; Сесил Каррей, «Путь к революции» (Road to Revolution. Garden City, N. Y.: Anchor, 1968, 35).

213

«Пенсильванская хартия привилегий», 28 октября 1701 года, см.: www.constitution.org/bcp/penncharpriv.htm; БФ к Айзеку Норрису, 14 января 1758 года; Clark 144; Миддельхауф 65–66; Brands 301.

214

Томас Пенн к Ричарду Питерсу, 5 июля 1758 года; БФ к Джозефу Галлоуэю, 17 февраля 1758 года; Brands 302; Wright 117.

215

УФ к издателю Citizen от Пенсильванской кофейни в Лондоне, 16 сентября 1757 года.

БФ к ДФ, 10 июня 1758 года; Skemp William 30–31.

217

Lopez, Private 61–69; Skemp William 24–26, 37; Рендалл 102–115; УФ к Элизабет Грейм, 26 февраля, 7 апреля, 9 декабря 1757 года; УФ к Маргарет Аберкомби, 24 октября 1758 года. Книга «Истинное поведение людей первого сорта» (The True Conduct of Persons of Quality) была написана Николасом Ремондом де Куром, переведена с французского и опубликована в Лондоне в 1694 году.

218

БФ к Авии Франклин, 12 апреля 1750 года; УФ к БФ, 3 сентября 1758 года.

219

БФ к ДФ, 6 сентября 1758 года, 29 августа 1759 года.

220

Доктор Томас Брей, «Общество за распространение религиозных убеждений на иностранных землях среди негритянского населения в колониях», см.: docsouth.dsi.internet2.edu/church/pierre/pierre.html; БФ к Джону Линингу, 14 апреля 1757 года, 17 июня 1758 года; БФ к Кедуолладеру Колдену, 25 февраля 1763 года.

221

БФ к ДФ, 6 сентября 1758 года.

222

Ответ на «Основные положения о прошениях», написанный Фердинандом Джоном Парисом 28 ноября 1758 года; письмо Томаса и Ричарда Пеннов к Ассамблее, 28 ноября 1758 года; БФ к Айзеку Норрису, 19 января 1759 года. См. документы № 8, 178–86; Миддельхауф, 68–70; Hawke 173; Morgan Devious 38.

223

Morgan Franklin 102, 130; Гордон Вуд, «Мудрецы» (Wise Men) в New York Review 26 сентября 2002 года, 44. В рецензии на книгу Моргана Вуд утверждает, что действия Франклина можно с легкостью объяснить его верностью монархии. Он обвиняет Моргана в том, что последний сам был ослеплен возможностью судить задним числом, когда обвинил Франклина в слепоте. «Его описание Франклина кажется временами немного замутненным явлением, которое историки называют „виггизмом“, устаревшими взглядами, способствующими былому восприятию будущего, — пишет Вуд. — В итоге я чувствую, что злость Франклина на хозяев колонии, по сути, на время затуманила его рассудок, в то время как остальные — и сторонники, и враги Пеннов — видели намного яснее: на той стороне океана не найдется поддержки, достаточной, чтобы превратить Пенсильванию в королевскую колонию. Основной проблемой было общее отношение британских верхов к колониям, от которых ожидали подчинения — экономического и политического».

224

БФ к Тайному совету, 20 сентября 1758 года; Hawke 176.

225

БФ к Томасу Личу, 13 мая 1758 года; Hawke 169, 177; документы № 8, 60.

226

Autobiography 180; отчет торговой палаты, 24 июня 1760 года, в документах № 9, 125–173; приказ тайного совета, 2 сентября 1760 года; Morgan Devious 56–57; Миддельхауф, 73.

227

Brands 305–306; «Притча о братолюбии», 1755, Документы № 6, 124; БФ к лорду Кеймсу, 3 мая, 1760 года.

228

БФ к Дэвиду Хьюму, 19 мая 1762 года.

229

БФ к Дэвиду Хьюму, 27 сентября 1760 года; Дэвид Хьюм к БФ, 10 мая, 1762 года.

230

БФ к лорду Кеймсу, 3 января 1760 года; Brands 287; список отличия Сент-Эндрюсского университета, 1 октября 1759 года, документы № 8, 277.

231

БФ к ДФ, 5 марта 1760 года.

232

Надгробный камень Темпла Франклина соотносят с датой его рождения, ссылаясь на 22 февраля 1762 года, но семейная переписка показывает, что он родился в феврале 1760 года. Lopez, Private 93; Van Doren 290.

233

БФ к Джареду Ингерсоллу, 11 декабря 1762 года; УФ к СФ, 10 октября 1761 года.

«Остроумные причины для возвращения Канады» (Humorous Reasons for Restoring Canada), лондонская Chronicle, 27 декабря 1759 года; «Выгода Великобритании» (The Interest of Great Britain Considered), апрель 1769 года, документы № 9, 59–100; Джек Грин, «Гордость, предубеждение и зависть» (Pride, Prejudice and Jealousy) в работе Лимея «Переоценка» (Reappraising), 125.

235

БФ к Уильяму Страхану, 23 августа 1762 года.

236

Элдридж «Франция» (French), 169, от Пьера Кабаниса, полное собрание сочинений (Complete Works. Paris: Bossange frères, 1825), 5:222.

237

Темпл Франклин, «Мемуары Бенджамина Франклина» (Memoirs of Benjamin Franklin), № 1, 75; Рендалл 180; Skemp William 38; Brands 328; БФ к ДМ, 25 ноября 1752 года; БФ к ПС, 11 августа 1762 года.

238

БФ к Джону Принглу, 1 декабря 1762 года.

Skemp William, 48; Томас Пенн к Джеймсу Гамильтону, сентябрь 1762 года; Clark 170.

240

БФ к Бенджамину Уоллеру, 1 августа 1763 года.

241

БФ к лорду Бессборо, октябрь 1761 года; Lopez, Private, 100; БФ к ДФ, 16 июня 1763 года.

242

БФ к ПС, 10 июня 1763 г.; Lopez, Private, 100.

243

Hawke 202; БФ к ДМ, 19 июня 1763 г.; БФ к Кэтрин Рэй Грин, 1 августа 1763 года; БФ к Уильяму Страхану, 8 августа 1763 года.

244

Lopez, Private, 114; УФ к Уильяму Страхану, 25 апреля 1763 года; БФ к Уильяму Страхану, 19 декабря 1763 года.

245

БФ к Питеру Коллинсону, 19 декабря 1763 года; A Narrative of the Late Massacres, in Lancaster County, of a Number of Indians, Friends of this Province, by Persons Unknown, январь 1764 года; Van Doren 307; Hawke 208; Brands 352.

До сих пор ведется интересный исторический спор по поводу симпатий Франклина к индейцам и предубеждений к проживавшим в приграничных районах пресвитерианам и этническим немцам. Buxbaum, 185–219, относится к тем, кто указывает на предубежденность Франклина к пресвитерианам и приписывает ему намерение представить индейцев «человеческими существами, по сути ничем не отличающимися от англичан». Brooke Hindle, The March of the Paxton Boys, William and Mary Quarterly (октябрь, 1946), занимает сходную позицию. Им возражает Francis Jennings, Benjamin Franklin: Politician (New York: Norton, 1996), 158–159. Он считает, что Баксбаума «сбила с толку его ученость», и обвиняет Хиндла в «абсолютном невежестве» и в «поспешных и глупых» комментариях.

246

БФ к Джону Фотергиллу, 14 марта 1764 года; БФ к Ричарду Джексону, 11 февраля 1764 года; Hawke 208.

247

БФ к лорду Кеймсу, 2 июня 1765 года; Джон Пенн к Томасу Пенну, 5 мая 1764 года; БФ к Джону Фотергиллу, 14 марта 1764 года.; Hawke 211; Brands 356; Van Doren 311.

248

Ответ Ассамблеи губернатору, 24 марта 1764 года.

Van Doren 314; Buxbaum 192; Cecil Currey, Road to Revolution (Garden City, N. Y.: Anchor, 1968), 58.

250

Резолюции Ассамблеи Пенсильвании, 24 марта 1764 г.; Cool Thoughts on the Present Situation of Our Public Affairs, 12 апреля 1764 года; БФ к Ричарду Джексону, 14 марта, 29 марта и 1 сентября 1764 года; БФ к Уильяму Страхану, 30 марта 1764 года; J. Philip Gleason, A Scurrilous Election and Franklin's Reputation, William and Mary Quarterly, октябрь 1961 года; Brands 357; Van Doren 313; Morgan Devious, 80–83. Антифранклиновские памфлеты см. в Papers 11:381.

251

Hawke 225; Brands 358; Van Doren 316; Buxbaum 12; Remarks on a Late Protest, 5 ноября 1764 г.

252

БФ к Ричарду Джексону, 1 мая 1764 года; БФ к СФ, 8 ноября 1764 года; Hawke 222–26.

253

БФ к ПС,12 декабря 1764 года.

254

БФ к ДФ, 27 декабря 1764 года, 9 и 14 февраля 1765 года. Более полный обзор миссии Франклина можно найти в Middlekauff; Morgan Devious; Cecil Currey, Road to Revolution (Garden City, N. Y.: Anchor, 1968); Theodore Draper, The Struggle for Power (New York: Times Books, 1996); Edmund Morgan and Helen Morgan, The Stamp Act Crisis (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953).

255

БФ к ПС, 20 июля, 1768 года; ПС к БФ, 26 сентября 1768 года; Noah Webster к БФ, 24 мая 1786 года; БФ к Вебстеру, 18 июня 1786 года; Van Doren 426; Noah Webster, Dissertations on the English Language: With Notes, Historical and Critical, to Which Is Added, by Way of Appendix, an Essay on a Reformed Mode of Spelling, with Dr. Franklin's Arguments on That Subject (Boston: Isaiah Thomas, 1789), edweb.sdsu.edu/people/DKitchen/new_655/webster_language.htm.

256

Lopez, Private, 152; УФ к БФ, 2 января 1769 года; ПС к Барбаре Хьюсон, 4 октября 1774 года; ПС к БФ, 5 сентября 1776 года.

257

Кедуолладер Эванс к БФ, 15 марта 1765 года; Джон Пенн к Томасу Пенну, 16 марта 1765 года; Morgan Devious, 94.

258

БФ к Джозефу Галловэю, 11 октября 1766 года; Morgan Devious, 102. Morgan and Morgan, The Stamp Act Crisis, 89–91; Brands 360–63; Van Doren 320.

259

БФ к Джону Хагесу, 9 августа 1765 года; Morgan Devious, 106; Томас Пенн к Уильяму Аллену, 13 июля 1765 года.

260

БФ к Чарльзу Томсону, 11 июля 1765 года; Morgan Devious, 105; Чарльз Томсон к БФ, 24 сентября 1765 года; Джон Хагес к БФ, 17 сентября 1765 года.

261

Дэвид Холл к БФ, 6 сентября 1765 г.; Morgan Devious, 106; Wright 188.

262

Сэмюэл Вартон к БФ, 13 октября 1765 года; Джон Хагес к БФ, 12 сентября 1765 года; ДФ к БФ, 22 сентября 1765 года; Morgan Devious, 107; БФ к ДФ, 9 ноября 1765 года; Brands 368.

263

Патрик Генри к палате представителей Виргинии, 30 мая 1765 года; БФ к Джону Хагесу, 9 августа 1765 года; Томас Хатчинсон к БФ, 18 ноября 1765 года; Brands 368.

264

БФ к комиссии Ассамблеи Пенсильвании, 12 апреля 1766 года; Томас Пенн к Джону Пенну, 30 ноября 1765 года.

265

БФ к Дэвиду Холлу, 9 ноября 1765 года; БФ к Джозефу Галловэю, 11 октября 1766 года; Джон Фотергилл к Джеймсу Пембертону, 27 февраля 1766 года; Defense of Indian Corn and a Reply, The Gazetteer, 2 и 15 января 1766 года.

266

Public Advertiser, 22 мая 1765 года, 2 января 1766 года.

William Warner, Enlightened Anonymity, University of California Santa Barbara, lecture, 8 марта 2002 г., dc-mrg.english.ucsb.edu/conference/2002/documents/william_warner_anon.html.

268

БФ к ДМ, 1 марта 1766 года; БФ к УФ, 9 ноября 1765 года; Brands 373; Hawke 235–237.

269

БФ к неизвестному адресату, 6 января 1766 года; см. также БФ к Кедуолладеру Эвансу, май 1766 года; Wright 187; Van Doren 333.

270

Выступление перед палатой общин, 13 февраля 1766 года, Papers 13:129–62; Brands 374–376; Van Doren 336–352.

271

Уильям Страхан к Дэвиду Холлу, 10 мая 1766 года; Джозеф Галловэй к БФ, 23 мая и 7 июня 1766 года; Чарльз Томсон к БФ, 20 мая 1766 года; Van Doren 353; Clark 195; Hawke 242.

272

БФ к ДФ, 6 апреля 1766 года.

ДФ к БФ, 10 февраля, 8 и 13 октября. 1765 года; БФ к ДФ., 4 июня 1765 года; Lopez, Private, 126.

274

Дэвид Холл к БФ, 25 апреля 1767 года; БФ к ДФ, 23 мая, 22 июня 1767 года; Brands 390; Hawke 255.

275

УФ к БФ, май 1767 года; РБ к БФ, 21 мая 1767 года; Brands 391.

БФ к РБ, 5 августа 1767 года; БФ к ДФ, 5 августа 1767 года.

277

МС к ДФ, 18 сентября 1767 года; Lopez, Private, 139

278

БФ к ДФ, 28 августа 1767 года; БФ к ПС, 14 сентября 1767 года.

279

БФ к ПС, 28 августа 1767 года; Van Doren 367–69.

280

БФ к ДФ, 2 и 17 ноября 1767 года; БФ к ПС, 9 октября 1767 года; Brands 395–96; Van Doren 368; Hawke 258.

281

ДМ к БФ, 1 декабря 1767 года; БФ к ДМ, 21 февраля 1768 года.

282

БФ к РБ, 13 августа 1768 года; БФ к ДФ, 9 августа 1768 года; Lopez, Private, 141.

283

БФ к ДФ, 26 января 1769 года; Томас Бонд к БФ, 7 июня 1769 года; ДФ к БФ, 27 ноября 1769 года; Van Doren 404; Lopez Private, 143; Brands 456.

284

ПС к БФ, 1 сентября 1769 года; БФ к ПС, 2 сентября 1769 года, 31 мая 1770 года; Lopez, Private, 154.

285

Craven Street Gazette, 22–25 сентября 1770 года, в Papers 17:220–26.

286

БФ к Барбо Бубур, 28 июля 1768 года; Lopez, Private, 27.

287

БФ к МС, 3 ноября 1772 года, в Papers ошибочно датировано 1767 годом.

288

A Friend to Both Countries, London Chronicle, 9 апреля 1767 года; Benevolous, London Chronicle, 11 апреля 1767 года; Brands 386; Hawke 252; Cecil Currey, Road to Revolution, 222.

289

Causes of the American Discontents before 1768, London Chronicle, 7 января 1768 года. Хотя это сочинение было анонимным, Франклин обозначил свое авторство строчкой из эпиграммы, которую уже использовал в своем памфлете 1760 года. «The Interest of Great Britain Considered»: «Волны поднимаются лишь тогда, когда начинает дуть ветер». С учетом его интереса к волнам, как научного, так и политического, эта метафора казалась ему очень удачной.

290

Preface to Letters from a Farmer, by N. N. (БФ), 8 мая 1768 года, Papers 15:110; БФ к УФ, 13 марта 1768 года.

291

БФ к Джозефу Галловэю, 9 января 1768 года; БФ к УФ, 9 января 1768 года; БФ к неизвестному адресату, 28 ноября 1768 года; Lib. of Am. 839; Clark 211.

292

БФ к Джозефу Галловэю, 2 июля, 13 декабря 1768 года; БФ к УФ, 2 июля 1768 года; Hawke 263, 268; Brands 408.

293

Томасу Краули, подписано Francis Lynn (БФ), Public Advertiser, 21 октября 1768 года; On Civil War, подписано N. N. (БФ), Public Advertiser, 25 августа 1768 года; Queries, подписано NMCNPCH (БФ), London Chronicle, 18 августа 1768 года; On Absentee Governors, подписано Twilight (БФ), Public Advertiser, 27 августа 1768 года.

An American (БФ) к Gazetteer, 17 января 1769 года; A Lion's Whelp, Public Advertiser, 2 января 1770 г.

295

БФ к Уильяму Страхану, 29 ноября 1769 года.

296

БФ к Чарльзу Томсону, 18 марта 1770 года; БФ к Сэмюэлу Куперу, 8 июня 1770 года.

297

Отчет Франклина об аудиенции у Хиллсборо, 16 января 1771 года, Papers 18:9; Hawke 290; Brands 431–34.

298

БФ к Сэмюэлу Куперу, 5 февраля, 10 июня 1771 года; Страхан к УФ, 3 апреля 1771 года; БФ к Комиссии по переписке Массачусетса, 15 мая 1771 года; Hawke 294–95; Van Doren 387–88.

299

БФ к Томасу Кушингу, 10 июня 1771 года; Артур Ли к Сэму Адамсу, 10 июня 1771 года, в Richard Henry Lee, The Life of Arthur Lee (Boston: Wells and Lilly, 1829); Сэмюэл Купер к БФ, 25 августа 1771 года; Brands 437–38.

300

БФ к Уильяму Браунриггу, 7 ноября 1773 года; Charles Tanford, Ben Franklin Stilled the Waves (Durham, N.C.: Duke University Press, 1989), 29; Van Doren 419.

301

Jonathan Williams (племянник БФ), Journal of a Tour Through Northern England, 28 мая 1771 года, Papers 18:113; БФ к Томасу Кашингу, 10 июня 1771 года; БФ к ДФ, 5 июня 1771 года; Hawke 295; Brands 438.

302

БФ к Джонатану Шипли, 24 июня 1771 года.

303

БФ к ДМ, 17 июля 1771 года; БФ к Сэмюэлу Франклину, 19 июля 1771 года.

John Updike, Many Bens. New Yorker, 22 февраля 1988 года, 112; Charles Angoff, A Literary History of the American People (New York: Knopf, 1931); Van Doren 415. Lemay/Zall, Автобиография дает полный обзор исходной рукописи и всех сделанных в ней исправлений. Авторитетное издание, подготовленное Леонардом Лабаре и другими редакторами Papers из Йельского университета (New Haven: Yale University Press, 1964) содержит полезные примечания и введение, всесторонне освещающее историю создания рукописи. Carl Van Doren, Benjamin Franklin's Autobiographical Writings (1945; New York: Viking, 2002), 208–11, а также написанная Ван Дореном биография Франклина (с. 414–415), где описывается процесс работы Франклина над этим документом. Также ценными источниками являются статьи, написанные J. A. Leo Lemay: The Theme of Vanity in Franklin's Autobiography, в Lemay Reappraising, 372, и Franklin and the Autobiography, Eighteenth Century Studies (1968): 200. Полезный анализ рукописи можно найти в следующих работах, имеющихся в Хаттингтонской библиотеке: P. M. Zall, The Manuscript of Franklin's Autobiography. Huntington Library Quarterly 39 (1976); P. M. Zall, A Portrait of the Autobiographer as an Old Artificer; в The Oldest Revolutionary, под редакцией J. A. Leo Lemay (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1976), 53. The Norton Critical edition (New York: Norton, 1968), вышедшее под редакцией Lemay и Zall, содержит библиографию научных статей, а также критические замечания. См. также Ormond Seavey, Becoming Benjamin Franklin: The Autobiography and the Life (University Park: Pennsylvania State University Press, 1988); Henry Steele Commager, введение к Modern Library edition (New York: Random House, 1944); Daniel Aaron, введение к Library of America edition (New York: Vintage, 1990). Воспоминания герцога Шербурского (1583–1648) были опубликованы другом Франклина Орасом Уолполом в 1764 году, за семь лет до того, как Франклин начал свои собственные мемуары. Джилберт Бернет был выдающимся английским церковным деятелем и ученым-историком, описавшим события английской революции 1688 года в своей книге History of My Own Time, экземпляром которой владела созданная Франклином Library Company.

305

БФ к Анне Кипли, 13 августа 1771 года; БФ к Джорджиане Шипли, 26 сентября 1772 года; БФ к ДФ, 14 августа 1771 года; Van Doren 416–417.

306

БФ к Томасу Еашингу, 13 января 1772 года; БФ к Джошуа Бэбкоку, 13 января 1772 года; Brands 440.

307

БФ к Томасу Кашингу, 13 января 1772 года; БФ к УФ, 30 января 1772 года.

J. Bennett Nolan, Benjamin Franklin in Scotland and Ireland (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1956). Эта небольшая книга является подробным отчетом о деятельности Франклина во время этих путешествий. Имеются разногласия по поводу того, действительно ли Адам Смит показал Франклину несколько глав «Исследования о природе и причинах богатства народов», вышедшей в свет в 1776 году, но один из родственников Смита подтвердил факт такого показа.

309

ПС к БФ, 31 октября 1771 года; СФ к РБ, 2 декабря 1771 года; РБ к ДФ, 3 декабря 1771 года; Мэри Бейч к БФ, 3 декабря 1771 года, 5 февраля 1772 года; Lopez, Private, 143–44.

310

БФ к ДФ, 28 января 1772 года; БФ к СФ, 29 января 1772 года; Lopez, Private, 146; РБ к БФ, 6 апреля 1773 года; Van Doren 392; Brands 455.

311

БФ к ДФ, 3 октября 1770 года; БФ к ПС, 25 ноября 1771 года; БФ к ДФ, 2 февраля 1773 года; Brands 456; Van Doren 404, 411.

312

БФ к Уильяму Браунриггу, 7 ноября 1773 года; Stanford 78–80; C. H. Giles, Franklin's Teaspoon of Oil. Chemistry & Industry (1961): 1616–34; Stephen Thompson, How Small Is a Molecule? SHiPS News, январь 1994 года, www1.umn.edu/ships/words/avogadro.htm; Measuring Molecules: The Pond on Clapham Common, www.rosepetruck.chem.brown.edu/Chem10-01/Lab3/Chem10_lab3.htm.

313

БФ к Бенджамину Рашу, 14 июля 1773 года.

314

БФ к УФ, 19 августа 1772 года.

315

БФ к Кедуолладеру Эвансу, 20 февраля 1768 года.

316

БФ к Джону Принглу, 10 мая 1768 года.

317

БФ к Питеру Франклину, 7 мая 1760 года.

318

БФ к Джамбатиста Беккариа, 13 июля 1762 года; www.gigmasters.com/armonica/index.asp.

319

БФ к Коллинсону, 9 мая 1753 года.

320

Medius (БФ), On the Labouring Poor, The Gentleman’s Magazine, апрель 1768 года.

Campbell 236.

322

A Conversation on Slavery, Public Advertiser, 30 января 1770 года.

Lopez, Private, 292–98; Gary Nash, Slaves and Slaveowners in Colonial Philadelphia, William and Mary Quarterly (апрель 1973 года): 225–56. Утверждение Лопес и Герберта о том, что одна из пяти семей имела рабов, является необоснованным; однако в 1790 году рабы действительно составляли приблизительно пятую часть населения американских колоний. По данным первой американской переписи 1790 года, в стране проживало 3 893 874 человек, из которых 694 207 были рабами. Из 410 636 американских семей 47 664 семьи имели рабов. По приблизительным оценкам, в 1750 году в тринадцати колониях проживало 1,2 миллиона человек, из которых рабами были 236 тысяч. См.: fisher.lib.virginia.edu/census/; www.eh.net/encyclopedia/wahl.slavery.us.php; Stanley Engerman and Eugene Genovese, Race and Slavery in the Western Hemisphere: Quantitative Studies (Princeton: Princeton University Press, 1975).

324

Энтони Бенезет к БФ, 27 апреля 1772 года; БФ к Энтони Бенезету, 22 августа 1772 года; БФ к Бенджамину Рашу, 14 июля 1773 года; The Somerset Case and the Slave Trade, London Chronicle, 20 июня 1772 года; Lopez, Private, 299.

325

БФ к УФ, 30 января, 19 августа 1772 года.

326

БФ к УФ, 17 августа 1772 года, 14 июля 1773 года; БФ к Джозефу Галловэю, 6 апреля 1773 года; Van Doren 394–398.

327

БФ к Томасу Кашингу, 2 декабря 1772 года; БФ, Tract Relative to the Affair of the Hutchinson Letters, 1774, Papers 21:414. Превосходный отчет об этом деле содержится в Bernard Bailyn, The Ordeal of Thomas Hutchinson (Cambridge: Harvard University Press, 1974), 221–49. См. также Brands 452; Van Doren 461; Wright 224.

328

БФ к Томасу Кашингу, 9 марта, 6 мая 1773 года.

329

Rules by Which a Great Empire May Be Reduced to a Small One, Public Advertiser, 11 сентября 1773 года.

330

An Edict by the King of Prussia, Public Advertiser, 23 сентября 1773 года.

331

Baron Le Despencer, Franklin’s Contributions to an Abridged Version of a Book of Common Prayer, 5 августа 1773 года, Dashwood Papers, Bodleian Library, Oxford, Papers 20:343; A New Version of the Lord’s Prayer, Papers 15:299; БФ к УФ, 6 октября 1773 года. Сэр Фрэнсис Дашворд стал лордом Ле Деспенсером в 1763 года.

332

БФ к Джозефу Галловэю, 3 ноября 1773 года; БФ к Томасу Кашингу, 2 февраля 1774 года.

333

БФ к Томасу Кашингу, 25 июля 1773 года; БФ в лондонскую Chronicle, 25 декабря. 1773 года, Papers 20:531; БФ, Tract Relative to the Affair of the Hutchinson Letters, 1774, Papers 21:414; Bailyn, The Ordeal of Thomas Hutchinson, 255.

334

БФ к Томасу Кашингу, 15 февраля 1774 года; БФ к Томасу Уолполу, 12 января 1774 года; Van Doren 462–63.

335

Протокол слушаний и речь Веддербурна 29 января 1774 года можно найти в Papers 21:37. Имеется большое число реконструкций этих материалов, в том числе выполненные Fleming 248–50; Hawke 324–27; Brands 470–74; Van Doren 462–76.

336

БФ к Томасу Кашингу, 15 февраля 1774 года; БФ к УФ, 2 февраля. 1774 года; БФ к ДМ, 17 февраля 1774 года.

337

БФ к Яну Ингенхаузу, 18 марта 1774 года; A Tract Relative to the Hutchinson Letters, 1774, Papers 21:414; Hawke 327; Van Doren 477.

Homo Trium Literarum (A Man of Letters, БФ), The Reply, Public Advertiser, 16 февраля 1774 года; Boston Gazette, 25 апреля 1774 года; Brands 477–78.

339

Public Advertiser, 15 апреля, 21 мая 1774 года.

340

БФ к РБ, 17 февраля 1774 года; Hawke 329; БФ к ДМ, 26 сентября 1774 года.

341

УФ к БФ, 3 мая 1774 года; УФ к лорду Дартмуту, 31 мая 1774 года; лорд Дартмут к УФ, 6 июля 1774 года; Randall 282–84.

342

БФ к УФ, 30 июня, 7 мая 1774 года. Письмо от 7 мая датировано 1775 годом, и многие авторы считают, что именно тогда, то есть через два дня после возвращения Франклина в Америку, оно и было написано. Но редакторы из Йельского университета пришли к выводу, что здесь, скорее всего, допущена ошибка. В воскресенье 7 мая 1775 года Франклин не написал никаких других писем, а 7 мая 1774 года он целый день активно занимался перепиской. К тому же это письмо по характеру больше соответствует написанным в тот день.

343

БФ — неизвестному адресату, 27 июля 1774 года; БФ к Томасу Кашингу, 22 марта 1774 года; УФ к БФ, 5 июля 1774 года; БФ к УФ, 7 сентября, 12 октября 1774 года.

344

БФ к ДФ, 10 сентября 1774 года; УФ к БФ, 24 декабря 1774 года.

Journal of the Negotiations in London, БФ к УФ, 22 марта 1775 года, в Papers 21:540; Sparks, ch. 8.

Morgan Devious, 241.

347

Этот отрывок взят из вышеупомянутого дневника, который Франклин вел во время переговоров. Запись сделана 22 марта 1775 года, см. Papers 21:540. Также см. БФ к Чарльзу Томсону, 5 февраля, 13 марта 1775 года; БФ к Томасу Кашингу, 28 января 1775 года; БФ к Джозефу Галловэю, 5, 25 февраля 1775 года; Томас Уолпол к БФ, 16 марта 1775 года; Van Doren 495–523.

348

БФ к Чарльзу Томсону, 5 февраля 1775 года.

349

Van Doren 521, цитирует The Life and Correspondence of Joseph Priestley, под редакцией J. T. Rutt, (1817); New York: Thoemmes Press, 1999), 1:227.

Benjamin Franklin and the Gulf Stream, podaac.jpl.nasa.gov/kids/history.html.

351

БФ к ТФ, 13 июня 1775 года; Brands 499.

352

Adams Diary 2:127; под редакцией William Rachel, Papers of James Madison (Chicago: University of Chicago Press, 1962), 1:149; Lopez, Private, 200; Van Doren 530; Hawke 351; Brands 499.

353

БФ к Джозефу Галловэю, 25 февраля, 8 мая 1775 года; Van Doren 527; под редакцией Peter Hutchinson, The Diary of Thomas Hutchinson (1884; Boston: Houghton Mifflin, 1991), 2:237.

354

УФ к Уильяму Страхану, 7 мая 1775 года. Нельзя с полной уверенностью сказать, когда действительно воссоединились Франклины. Некоторые считают, что это произошло спустя несколько дней после возвращения Бенджамина, хотя подтверждений этому я не нашел. См. Hawke 292 и Clark 273. Шейла Скемп в двух книгах о Франклине утверждает, что Уильям оставался в Нью-Джерси до конца сессии легислатуры, проходившей 15–16 мая, и вскоре после ее окончания в первый раз отправился в Пенсильванию. См. Skemp William, 167, 173; Skemp Benjamin, 127. Brands 524 соглашается с такой хронологией. Также см. в ch. 11 n. 43 о письме от 7 мая от Бенджамина к Уильяму Франклину, которое многие авторы (в частности Hawke 349), но не редакторы из Йеля, считают написанным в 1775 году, то есть сразу вскоре после возвращения Франклина.

355

Peter Hutchinson, The Diary of Thomas Hutchinson, 2: 237; Hawke 349; Skemp William, 173–79; Fleming 292; Lopez, Private, 199. См. также Bernard Bailyn, The Ordeal of Thomas Hutchinson (Cambridge: Harvard University Press, 1974).

356

БФ к Уильяму Страхану, неотправленное, 5 июля 1775 года; БФ к Страхану, 7 июля 1775 года, упоминается в письме Страхана к БФ, 6 сентября 1775 года.

357

Уильям Страхан к БФ, 5 июля, 6 сентября, 4 октября 1775 года; БФ к Страхану, 3 октября 1775 года; Lopez, Private, 198; Clark 276–77.

358

БФ к Джонатану Шипли, 7 июля 1775 года.

359

БФ к Джозефу Пристли, 7 июля 1775 года.

360

Intended Vindication and Offer from Congress to Parliament, июль 1775 года, в Smyth Writings, 412–20, и Papers 22:112; Предложенная преамбула, до 23 марта 1776 года, Papers 22:388.

361

Адамс к Эбигейл Адамс, 23 июля 1775 года; Brands 500; Hawke 354.

362

Proposed Articles of Confederation, 21 июля 1775 года, Papers 22:120; www.yale.edu/lawweb/avalon/contcong/07-21-75.htm; Статьи Конфедерации соединенных колоний Новой Англии, 19 июля 1643 года, religiousfreedom.lib.virginia.edu/sacred/colonies_of_ne_1643.html.

363

УФ к БФ, 14 августа, 6 сентября 1775 года; Lopez, Private, 202; Skemp William, 181.

БФ к МС, 17 июля 1775 года; Lopez, Private, 201; Доротея Блаунт к БФ, 19 апреля 1775 года.

365

БФ к Джозефу Пристли, 7 июля 1775 года; БФ к Чарльзу Ли, 11 февраля 1776 года; Van Doren 532–536.

366

БФ к Дэвиду Хартли, 3 октября 1775 года; БФ к Джозефу Пристли, 7 июля, 3 октября 1775 года.

367

Протоколы конференции с участием генерала Вашингтона, 18–24 октября 1775 года в Papers 22:224.

368

БФ к РБ, 19 октября 1775 года.

369

Эбигейл к Джону Адамсу, 5 ноября 1775 года, Adams Letters, 1:320; Van Doren 537.

Lopez, Private, 204; ДМ к Кэтрин Рэй Грин, 24 ноября 1775 года.

371

ДМ к Кэтрин Рэй Грин, 24 ноября 1775 года; Элизабет Франклин к ТФ, 9 ноября 1775 года.

372

The Rattle-Snake as a Symbol of America, подписано An American Guesser (БФ), Pa. Journal, 27 дек. 1775 года; www.crwflags.com/fotw/flags/us-ratt.html.

373

УФ к ТФ, 14 марта, 3 июня 1776 года; УФ к лорду Джермену, 28 марта 1776 года; БФ к Джозайе Куинси, 15 апреля 1776 года.

374

Дневник Франклина в Пасси, 4 октября 1778 года; БФ к Чарльзу Кэрролу и Сэмюэлу Чейзу, 27 мая 1776 года; под редакцией Allan Everest, The Journal of Charles Carroll (1776; New York: Champlain — Upper Hudson Bicentennial Commission, 1976), 50; БФ к Джону Хенкоку, 1, 8 мая 1776 года; БФ Джорджу Вашингтону, 21 июня 1776 года; Brands 506–8; Van Doren 542–46; Clark 281–84.

БФ к РБ, 30 сентября 1774 года; Thomas Paine, Common Sense, 14 февраля 1776 года, www.bartleby.com/133/.

УФ к ТФ, 25 июня 1776 года; Skemp William, 206–15.

377

Имеется множество книг, посвященных Декларации независимости. в этом разделе использовались материалы из Pauline Maier, American Scripture (New York: Knopf, 1997); Garry Wills, Inventing America (Garden City, N. Y.: Doubleday, 1978); и Carl Becker, The Declaration of Independence (New York: Random House, 1922; Vintage paperback, 1970). См. также: McCullough, 119–36; Adams Diary 2:392, 512–15; Джефферсон к Джеймсу Мэдисону, 30 августа 1823 года в Jefferson Papers 10:267–69; поправки к Декларации независимости, www.walika.com/sr/drafting.htm. См. также [383] ниже.

Adams Diary 3:336, 2:512–15; Jefferson Papers 1:299; Maier 100; Thomas Jefferson's Recollection, www.walika.com/sr/jeff-tells.htm.

Maier, American Scripture, 38.

Sparks, ch. 9 n. 62; Преамбула к резолюции Конгресса, Papers 22:322. Документ в этой работе Спаркса является более полным, чем бумагах Франклина.

381

Becker, The Declaration of Independence, 24–25; Adams Diary 2:512; Jefferson Papers 7:304.

382

Джефферсон к БФ, 21 июня 1776 года.

383

«Исходный черновой набросок» Декларации отражает эволюцию текста — от начального варианта Томаса Джефферсона к итоговому, одобренному Конгрессом. с ним можно познакомиться в Библиотеке Конгресса и в интернете на www.loc.gov/exhibits/treasures/trt001.html и www.lcweb.loc.gov/exhibits/declara/declara4.html. См. также odur.let.rug.nl/~usa/D/1776-1800/independence/doitj.htm и www.walika.com/sr/drafting.htm. Я благодарен Герарду Гевалту, историку Библиотеки Конгресса, за то, что он показал мне «исходный черновой набросок» и поделился знаниями о каждом из редакционных изменений. Я также благодарен Джеймсу Биллингтону, библиотекарю Конгресса, и Марку Руза, директору по обеспечению сохранности документов, которые организовали для меня эту презентацию. Доктор Гевалт также написал предисловие к обновленной версии полезной иллюстрированной книги, показывающей различные варианты проектов: Julian Boyd, The Declaration of Independence: The Evolution of the Text (1945; Washington, D.C.: Library of Congress, 1999).

Изменения, внесенные Франклином, отмечены в Becker, The Declaration of Independence, 142; Van Doren 550; Maier, American Scripture, 136. См. также Wills, Inventing America, 181 и passim. Уиллс не обсуждает роль Франклина в изменении слов Джефферсона и введения определения «самоочевидные», но он действительно обсуждает определение, использованное Локком. Уиллс дает также превосходный анализ влияния шотландских философов эпохи Просвещения.

385

Maier, American Scripture, appendix C, 236–240, показывает все исправления, сделанные Конгрессом. Гарри Уиллс утверждает, что сделанные изменения не улучшили документ настолько, насколько это представляется другим исследователям; Wills, Inventing America, 307 и далее.

386

Томас Джефферсон к Роберту Уолшу, 4 декабря 1818 года, Jefferson Papers 18:169.

Sparks 1:408, ch. 9.

388

Речь Франклина 31 июля 1776 года, в Adams Diary 2:245; Van Doren 557–58.

389

Smyth Writings, 10:57; CD с записями документов Papers CD 46:u344 содержит реплику, многократно использовавшуюся в его замечаниях к Конституции Пенсильвании от 3 ноября 1789 года. Описание предложенного Франклином дизайна большой печати см. в James Hutson, Sara Day, and Jaroslav Pelikan, Religion and the Founding of the American Republic (Washington, D. C.: Library of Congress, 1998), 50–52; Jefferson Papers, LCMS-27748, 181–82.

390

Ричард Хау к БФ, написано 20 июня, отправлено 12 июля 1776 года.

391

БФ к лорду Хау, 30 июля 1776 года.

392

Замечания Хау в Papers 22:518; Ричард Хау к БФ, 16 августа 1776 года.

393

Adams Diary 3:418.

394

О встрече на острове Стейтен можно прочитать во многих документах: в записях Генри Стрейчи (секретаря Хау), хранящихся в Нью-Йоркской публичной библиотеке и многократно перепечатанных; в отчете Конгрессу комиссии, уполномоченной провести переговоры с лордом Хау, в Smyth Writings, 6:465; в Adams Diary 3:79, 3:418–22; в Papers 22:518–20; в докладе лорда Хау лорду Джермену, 20 сентября 1776 года, в бумагах London Public Records Office, перепечатанных в Documents of the American Revolution (Dublin: Irish Academic Press, 1981); Джон Адамс к Эбигейл Адамс, 14 сентября 1776 года, в Adams Letters 2:124. См. также: Parton 2:148; Van Doren 558–62; Clark 287–91; Brands 518–19; McCullough 156–58.

395

Alsop 30–31.

396

БФ к Бенджамину Рашу, 27 сентября 1776 года.

397

Sketch of Propositions for Peace, написанный в период между 26 сентября и 25 октября 1776 года, Papers 22:630; Smyth Writings, 454; Cecil Currey, Code Number 72 (Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1972), 73; Van Doren 553.

Currey Code Number 72, 77–78; Edward Hale Sr. and Edward Hale Jr., Franklin in France (Boston: Roberts Brothers, 1888), 1:67.

399

Элизабет Франклин к СФ, 12 июля 1776 года; Элизабет Франклин к ТФ, 16 июля 1776 года.

БФ к ТФ, 19 сентября 1776 года; Элизабет Франклин к БФ, 6 августа 1776 года; Skemp William, 217.

401

БФ к ТФ, 19, 22 сентября 1776 года; ТФ к БФ, 21 сентября 1776 года.

402

БФ к ТФ, 28 сентября 1776 года; УФ к Элизабет Франклин, 25 ноября 1776 года.

403

БФ к РБ, 2 июня 1779 года.

404

Дневник Франклина в Пасси, 4 октября 1778 года; БФ к СФ, 10 мая 1785 года; БФ к Джону Хенкоку, 8 декабря 1776 года. Франклин писал Хенкоку как президенту Конгресса. Светская жизнь Франклина в Париже, что неудивительно, стала сюжетом многих книг. Среди лучших можно назвать: Lopez, Cher; Aldridge, French; Alsop; Schoenbrun. Из более ранних работ можно выделить Edward Hale Sr. and Edward Hale Jr., Franklin in France (Boston: Roberts Brothers, 1888). Он также стал героем мюзикла «Бен Франклин в Париже» Марка Сандрича и Сидни Михаэлс, который впервые был показан 27 октября 1964 года и выдержал 215 представлений.

405

БФ к СФ, 3 июня 1779 года; Aldridge, French, 43; Van Doren 632. История о ночном горшке, подаренном королем графине Диане де Полиньяк, происходит из мемуаров мадам Генриетты де Кампан, фрейлины Марии-Антуанетты. Известно, что эта история была рассказана французским послом во время торжественной церемонии в присутствии Бенджамина Франклина в министерстве иностранных дел США; см: www.info-france-usa.org/news/statmnts/1998/amba0910.asp. Однако Клод Анн Лопес заявила мне: «Она происходит из очень недостоверного источника, от одного ворчуна-сноба, и я полагаю, что она выдумана». Поэтому Лопес включила ее в свою книгу Cher, 184, без ссылок на источник.

406

The Boston Patriot, 15 мая 1811 года, в The Works of John Adams под редакцией Charles Francis Adams, Boston: Little, Brown, 1856) 1:660; Lopez, Cher, 13; Wright 270.

Aldridge French, 23, 66, 115, 43, 61; Voltaire, Letters on England (1733), www.literatureproject.com/letters-voltaire; Van Doren 570; аббат Фламарен к Mémoires Secret, 17 января 1777 года.

408

БФ к Эмме Томпсон, 8 февраля 1777 года; БФ к ПС, 28 августа 1767 года.

409

БФ к Джозайе Куинси, 22 апреля 1779 года; БФ к Элизабет Партридж, 11 октября 1776 года.

410

БФ к МС, 25 января 1779 года; Alsop 76–94; Lopez, Cher, 123–36; Aldridge, French, 196–99. Письмо Темпла взято из Randall 455, цитирующего письмо ТФ к СФ, 25 ноября 1777 года. Высказывание мадам Шомон взято из Adams Diary 4:64. Я благодарен профессору Томасу Шеперу из St. Bonaventure University за его помощь и за его замечательную, хотя и малоизвестную биографию хозяина дома Франклина в Пасси, France and America in the Revolutionary Era: The Life and Times of Jacques-Donatien Leray de Chaumont (Providence, R.I.: Berghahn, 1995).

411

Артур Ли к Ричарду Ли, 12 сентября 1778 года; БФ к Конгрессу, 7 декабря 1780 года; Charles Isham, The Silas Deane Papers (New York: New-York Historical Society, 1890). Подробнее о бумагах Сайлеса Дина в Историческом обществе Коннектикута в Хартфорде и о биографическом очерке см. www.chs.org/library/ead/htm_faids/deans1789.htm#OB1.3.

412

БФ к Артуру Ли, 3 апреля (не отправлено), 4 апреля 1778 года; Van Doren 598.

413

Petition of the Letter Z, 1778, Papers 28:517.

414

Instructions to Silas Deane, 2 марта 1776 года. Эти инструкции были даны Дину комиссией Конгресса по секретной переписке, они были подписаны в том числе и Франклином, Papers 22:369; Sidney Edelstein, Notes on the Wet-Processing Industry: The Dual Life of Edward Bancroft, American Dyestuff Reporter (25 октября 1954 года).

415

Engagement of Dr. Edwards to correspond with P. Wentworth and Lord Stormont, and the means of conducting that correspondence, 13 декабря 1776 года, British Library, London, Auckland Papers, дополнительные рукописи 34, 413 (далее упоминаются как Auckland Papers, Add Mss); докладная записка Эдварда Бэнкрофта маркизу Камартену, 17 сентября 1784 года, Foreign Office papers, 4:3, Public Records Office, London. Некоторые сведения можно найти в Material Relating to the American Revolution from the Auckland Papers (Yorkshire, England: EP Microform, 1974) и в Facsimiles of Manuscripts in European Archives Relating to America, под редакцией Benjamin Stevens, 1773–1783 (25 томов опубликованы в 1898 году, копии имеются во Франклиновском собрании в Yale's Sterling Library). Я признателен Susan Ann Bennett за помощь в поиске и переводе некоторых документов, упоминаемых в этом разделе. Я также благодарен Центру изучения информации при ЦРУ за предоставление исследования, выполненного John Vaillancourt, Edward Bancroft (@ Edwd.Edwards) Estimable Spy, Studies in Intelligence (зима 1961): A53–A67. См. также: Lewis Einstein, Divided Loyalties (Boston: Ayer, 1933), 3–48; Cecil Currey, Code Number 72 (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1972); Samuel Bemis, The British Secret Service and the French-American Alliance, American Historical Review 29.3 (апрель 1924 года). Существует также исторический роман, веселый, но недостоверный, о Бэнкрофте: Arthur Mullin, Spy: America's First Double Agent, Dr. Edward Bancroft (Santa Barbara, Calif.: Capra Press, 1987). Currey утверждает, что лояльность Франклина (и Дина) Бэнкрофту также вызывает подозрения. Это интересная и наполненная многими реальными фактами книга, но я полагаю, что сделанный в ней анализ выглядит неубедительно. Jonathan Dull в исследовании Franklin the Diplomat (Philadelphia: Transactions of the American Philosophical Society, 1982), 1:72, 36, убедительно доказывает, что Франклин сквозь пальцы смотрел на биржевые сделки Бэнкрофта и что Дин участвовал в биржевых спекуляциях, но не занимался шпионской деятельностью вместе с Бэнкрофтом.

416

Auckland Papers, Add Mss 34413, f330 and 402; 46490, f64; 34413, f405–7; Пол Уэнтворт в письме к графу Саффолку (министру, возглавлявшему северный департамент) говорит о секретном письме от «Доктора Эдвардса» 19 сентября 1777 года, см. упоминавшиеся выше Stevens Facsimiles.

417

Сайлес Дин к Роберту Моррису для передачи Конгрессу, 16 марта 1777 года; Isham, The Silas Deane Papers, 2:24.

418

Артур Ли к БФ и Джону Адамсу, 7 февраля 1779 года; Auckland Papers, Add Mss, 46490, f52 и f57.

419

Джулиана Ритчи к БФ, 12 января 1777 года; БФ к Джулиане Ритчи, 19 января 1777 года.

420

Alsop 20.

421

Dull, Franklin the Diplomat, 1:72, 9; Alsop 35–40, из Henri Doniol, History of the Participation of France in the Establishment of the United States (Paris: Imprimerie Nationale, 1866), 1:244. Наилучшие обзоры дипломатической деятельности Франклина во Франции, помимо упоминавшейся выше книги Далла, можно найти в Jonathan Dull, A Diplomatic History of the American Revolution (New Haven: Yale University Press, 1987); Jonathan Dull, The French Navy and American Independence (Princeton: Princeton University Press, 1975); Richard Morris, The Peacemakers (New York: Harper & Row, 1965); Samuel Flagg Bemis, The Diplomacy of the American Revolution (New York: Appleton, 1935); Stourzh; Ronald Hoffman and Peter Albert, eds., Diplomacy and Revolution (Charlottesville: University of Virginia Press, 1981). Оригинальные документы см. в Revolutionary Diplomatic Correspondence of the United States, под редакцией Francis Wharton, (Washington, D.C.: GPO, 1889). См. также Orville Murphy, Charles Gravier, Comte de Vergennes (Albany: State University of New York Press, 1982).

422

Vergennes, 28 декабря 1776 года в Papers 23:113n; Вержен к маркизу де Нойе, 10 января 1777 года, в Clark 306.

423

БФ к Вержену, 5 января 1777 года; Doniol, History of the Participation of France, 1:20; Stourzh 137.

Bernard Bailyn, Realism and Idealism in American Foreign Policy (Princeton: Institute of Advanced Studies, 1994), 13, перепечатано в Bernard Bailyn, To Begin the World Anew (New York: Knopf, 2003).

425

БФ к комиссии по секретной переписке, 9 апреля 1777 года; БФ к Сэмюэлу Куперу, 1 мая 1777 года; Brands 532; Stourzh 3. Современную дискуссию о сравнении «жесткой силы» и «мягкой силы» см. в Joseph Nye, The Paradox of American Power (New York: Oxford University Press, 2002). Образ «города на горе» восходит к Нагорной проповеди Христа, Ев. от Матфея 5:14: «Мы свет мира. Город, воздвигнутый на горе, не может быть сокрыт». Он использовался Джоном Уинтропом в проповеди «Образец христианского милосердия», произнесенной 22 марта 1630 года на борту судна «Арабелла» во время плавания в Америку. Рональд Рейган использовал этот образ на протяжении многих лет своей политической карьеры, в том числе 25 января 1974 года при выступлении перед членами комитета «За консервативные политические действия», в ходе своих первых предвыборных дебатов с Джимми Картером в 1980 года, во время дебатов 1980 года с Джоном Андерсоном, в своем выступлении на съезде республиканской партии в 1984 году и в своей прощальной речи в 1989 году.

426

The Sale of the Hessians, 18 февраля 1777 года, Lib. of Am. 917; Papers 23:480; Van Doren 577. Я благодарен Клод Анн Лопес за то, что она указала мне на этот французский каламбур.

427

Alsop 77; New Jersey Gazette, 2 октября 1777 года, цитируется в Clark 325.

428

Уильям Парсонс к БФ, 4 августа 1778 года; Миссис Парсонс к БФ, 12, 17 августа, 2 октября, 2 ноября 1778 года; БФ к миссис Парсонс, 12 августа 1778 года; БФ к Джорджу Вашингтону, 29 марта, 4 сентября 1777 года; Вашингтон к БФ, 17 августа 1777 года; Model of a Letter of Recommendation, БФ, 2 апреля 1777 года; Van Doren 578; Clark 335. в письме Вашингтону от 4 октября Франклин называет барона фон Штойбена бароном де Штойбеном и повышает его в звании от капитана до генерал-лейтенанта. Шпион Бэнкрофт сообщал в Лондон, что они «получили указание от Конгресса всем послам отказывать французским наемникам, если только они не говорят по-английски, что может сократить количество обращений, которыми нас до смерти замучили тысячи офицеров, желающих получить должности в Америке»; Эдвард Бэнкрофт к Полу Уэнтворту, июнь 1777 года, Auckland Papers, Add MSS 46490, f64.

429

Дневник Артура Ли, 27 ноября 1777 года, в Richard Lee, Life of Arthur Lee (Boston: Wells and Lilly, 1829), 1:354; Hale and Hale, Benjamin Franklin in France, 1:159; Papers 25:234n.

430

Заявление Франклина от 4 декабря 1777 года; БФ к Вержену, 4 декабря 1777 года; Lee, Life of Arthur Lee, 1:357; Alsop 93–94; Doniol, History of the Participation of France, 2:625. См. также Dull, A Diplomatic History of the American Revolution, 89. Далл утверждает, что в течение нескольких месяцев французы планировали вступление в войну против Британии в начале 1778 года, сразу после завершения программы перевооружения своего военно-морского флота; победа американцев под Саратогой, утверждает он, не была главным фактором. Другие авторы оспаривают эту точку зрения. См. Claude Van Tyne, Influences Which Determined the French Government to Make Their Treaty with America, American Historical Review 21 (1915–16): 528, цитируемую Даллом.

Alsop 103; Cecil Currey, Code Number 72 (Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1972), 175–192. Куррей посвящает встрече с Уэнтвортом целую главу. В книге несколько преувеличивается двуличность Франклина, но она является результатом глубокого исследования и содержит множество документальных ссылок. См. также James Perkins, France and the American Revolution (New York: Franklin, 1970), 203–4.

432

Пол Уэнтворт к Уильяму Идену, 25 декабря 1777 года, 7 января 1778 года; Van Doren 592; Currey, Code Number 72, 186; Dull, Franklin the Diplomat, 29.

433

БФ к Томасу Кашингу, для передачи Конгрессу, 27 февраля 1778 года.

R. M. Bache, Franklin's Ceremonial Coat, PMHB 23 (1899); 444–52, 50.

435

Эдвард Бэнкрофт к Полу Уэнтворту, в дешифрованном виде, 22, 28 января 1778 года, Auckland Papers, Add Mss 46491, f1 и f1b; докладная записка Эдварда Бэнкрофта к маркизу Камартену, 17 сентября 1784 года, Foreign Office papers 4:3, Public Records Office, London; Эдвард Бэнкрофт к Томасу Уолполу, под псевдонимом мистер Уайт, с двумя страницами, написанными невидимыми чернилами, 3 ноября 1777 года, Auckland Papers, Add Mss 34414, f.304; записка Эдварда Бэнкрофта, без подписи и даты, отослана Сэмюэлу Вартону, содержит две страницы, написанные бесцветными чернилами, ноябрь 1777 года, Auckland Papers, Add Mss 34414, f.306; письма Сэмюэла Вартона Эдварду Бэнкрофту, 1778 год, Auckland Papers, Add Mss 321, ff6–35; счета Сайлеса Дина по сделкам с Эдвардом Бэнкрофтом, февраль 1778 года, август 1779 года, the Connecticut Historical Society, Hartford, series 4, folder 9.12. Джонатан Далл, рассматривая биржевые махинации Бэнкрофта в Franklin the Diplomat, 33–36, отмечает, что, хотя, по его мнению, Сайлес Дин не был шпионом, он также мог зарабатывать деньги, проводя вместе с Вартоном спекулятивные сделки на основе секретной информации, поставлявшейся Бэнкрофтом. Кроме того, в этой схеме был задействован Томас Уолпол, богатый лондонский банкир с большими связями, который вместе с Франклином пытался получить земельный участок в Огайо. Дин умер от отравления в 1789 году во время сборов к отплытию из Лондона в Канаду, и кое-кто утверждал, что он был отравлен Бэнкрофтом, специалистом по ядам.

Lopez, Cher, 179–83; Alsop 108–10; Van Doren 595; Clark 341.

437

Van Doren 593; Edmund Morgan, The Birth of the Republic (Chicago: University of Chicago Press, 1956), 83; Gordon Wood, «Not So Poor Richard», The New York Review of Books, June 6, 1996; Сэмюэл Купер к БФ, 14 мая 1778 года. См. также Сэмюэл Купер к БФ, 1 июля 1778 года, в котором бостонский священник описывает, как союз мешал попыткам Англии склонить Конгресс к примирению и как была пропущена информация Франклина и Адамса об отправке одиннадцати британских военных судов — возможно, чтобы предупредить французского адмирала д'Эстанга.

438

Эдвард Бэнкрофт, «Наиболее секретные отрывки», 2, 16 апреля 1778 года, British Library, Auckland Papers, Add MSS 34413, f405–7; Middlekauff 171; McCullough 197, 204, 208, 239. Глава об Адамсе в книге Middlekauff, 171–202, служит ярким подтверждением причудливости их отношений. McCullough, 210–215, дает оценку их чувств друг к другу, демонстрируя уважительное отношение к Адамсу.

439

Адамс к Джеймсу Ловеллу, 20 февраля 1779 года, Adams Letters 4:118–19; Middlekauff 189.

Lopez, Private, 237; Lopez, Cher, 9. Цитата взята из Pierre-Jean-Georges Cabanis, Complete Works (Paris: Bossange frères, 1825), 2:267.

Brands 547–48; Adams Diary 2:391, 4:69.

442

БФ к Роберту Ливингстону, 22 июля 1783 года.

Enyclopedie, под редакцией Дидро, www.lib.uchicago.edu/efts/ARTFL/projects/encyc/; Alsop 13; Harold Nicolson, The Age of Reason (London: Constable, 1960), 268.

В большинстве отчетов утверждается, как я полагаю, ошибочно, что благословение получил именно Темпл. Smith 60, 187, анализируя эту историю, убедительно доказывает, что «мальчиком» фактически был младший внук Франклина Бенни, которому было в то время семь лет, а не Темпл, которому было около восемнадцати. Aldridge French, 10, утверждал, что это был Темпл, но в своих последних работах, включая и Voltaire и Century of Light (Princeton: Princeton University Press, 1975), 399, он пересматривает прежнюю точку зрения. Клод Анн Лопес рассказала мне, что Темпл использовал восковую печать со словами «Бог и Свобода», что вынуждает ее поверить в то, что это был именно он. См. также Вольтер к аббату Голтье, 21 февраля 1778 года в The Works of Voltaire (Paris: Didot, 1829), 1:290; Hutchinson Diary and Letters 2:276. Процитированной газетой являются на самом деле Les Memoirs Secret, 22 февраля 1778 года, в Aldridge French, 10.

Aldridge, French, 12; Adams Diary 3:147; Van Doren 606.

Lopez, Life, 148–57; Van Doren 655–56; Lemay Reappraising, 145.

Lopez, Cher, 34, 29. Специализацией Лопес, как одного из йельских редакторов, было изучение бумаг Франклина, относящихся к периоду его пребывания во Франции. Ее переводы, проницательные оценки и беседы со мной помогли мне собрать информацию для написания этой главы.

448

Мадам Брийон к БФ, 30 июля 1777 года.

449

Мадам Брийон к БФ, 7 марта 1778 года; БФ к мадам Брийон, 10 марта 1778 года.

450

Мадам Брийон к БФ, 3, 8 мая 1779 года; Lopez, Cher, 40, 61–62; Adams Letters 4:46; Brands 552.

451

БФ к мадам Брийон, 27 июля 1778 года. Lib. of Am. использует версию, датированную 1782 годом, а некоторые источники содержат заключительную статью с другим названием. Используемая мною версия взята из Yale Papers и из American Philosophical Society; Papers 27:164.

452

Мадам Брийон к БФ, 16, 17, 18 марта, 26 апреля, 9 июня, 27 июля, 13, 17 сентября 1778 года; БФ к Мадам Брийон, 27 июля, 1, 15 сентября 1778 года.

453

Мадам Брийон к БФ, 13 сентября 1778 года; БФ к мадам Брийон, 15 сентября 1778 года; Lopez, Cher, 29–121.

454

The Ephemera, 20 сентября 1778 года, Lib. of Am. 922; A. Owen Aldridge, Sources for Franklin's Ephemera, New England Quarterly 27 (1954): 388.

455

БФ к мадам Брийон, 29 ноября 1777 года; Мадам Брийон к БФ, 30 ноября 1777 года (партнером по шахматной партии был их сосед Луи Гийом де Вейяр); Papers 25:204, 25:218); мадам Брийон к БФ, 10, 15, 20 декабря 1778 года; БФ к мадам Брийон, 11 (?) декабря 1778 года.

Lopez, Cher, 243–248. Лопес ссылается на Antoine Guillois, Le Salon de Madame Helvetius (Paris: Calmann Levy, 1894). Claude-Adrien Helvetius, De l'Esprit (Paris, 1758; в английском переводе Essays on the Mind, London, 1759); была публично сожжена в Париже, но являлась одной из самых популярных книг своего времени. См. gallica.bnf.fr/Fonds_textes/T0088614.htm; www.aei.ca/~anbou/mhelv.html.

Aldridge, French, 162; Gilbert Chinard, «Abbe Lefebvre de la Roche's Recollections of Benjamin Franklin», Proceedings of the American Philosophical Society (1950).

458

БФ к мадам Гельвеций, 31 октября 1778 года.

Aldridge, French, 165; Adams Papers 2:55.

460

БФ к мадам Гельвеций, через Кабаниса, 19 сентября 1779 года. Возможно, Пупон — имя кота, но мы знаем, что у нее была собака, и поэтому Пупон скорее всего — собака.

461

The Flies, Papers 34:220; Lib. of Am., 991 (дата написания неизвестна и вызывает споры); Lopez, Cher, 260. См. также Lopez, Cher, 371n.32, где утверждается, что одни биографы «чересчур драматизируют» предложение, сделанное Франклином мадам Гельвеций, а другие неоправданно принижают его значение.

The Elysian Fields, 7 декабря 1778 года, Lib. of Am. 924.

463

Turgot to Pierre du Pont de Nemours, 24 июня 1780 года, в Lopez, Cher, 170.

464

БФ к Томасу Бонду, 16 марта 1780 года.

Aldridge, French, 183. Разумную оценку см. в Richard Amacher, Franklin's Wit and Folly: The Bagatelles (New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1953).

466

Стихотворение мадам Брийон к БФ, октябрь 1780 года, перевод см. в Lopez, Cher, 78; Dialogue with the Gout, 22 октября 1780 года.

467

Мадам Брийон к БФ, 18, 26 ноября 1780 года; Lopez, Cher, 79–81; Aldridge French, 166.

Lopez, Cher, 25–26.

469

Conte, датировано декабрем 1778 года в Papers 28:308 и началом 1779 года Лимеем в Lib. of Am. 938; Aldridge French, 173; Lopez, Cher, 90.

470

Аббат Фламарен, 15 января 1777 года, в Aldridge, French, 61.

471

The Morals of Chess, 28 июня 1779 года; Papers 29:750–56 также содержит записи о заседаниях Хунты, которые он делал в 1732 году. См. также Жак Баро-Дюбур к БФ, 3 июля 1779 года, где упоминается об «опровержении» утверждений Франклина.

Aldridge, French, 197; Jefferson Papers 18:168.

An Economical Project, Journal of Paris, 26 апреля 1784 года; Poor Richard's, 1735. См. также http://www.standardtime.com; http://www.energy.ca.gov/daylightsaving.html; http://webexhibits.org/daylightsaving.

Aldridge, French, 178.

475

To the Royal Academy of***, 19 мая 1780 года или позднее, Lib. of Am. 952. См. также Fart Proudly, под редакцией Carl Japsky (Columbus, Ohio: Enthea Press, 1990).

476

БФ к аббату Морелле, приблизительно 5 июля 1779 года.

477

СФ к БФ, 17 января 1779 года; БФ к СФ, 3 июня 1779 года. Генерал Хау был заменен сэром Генри Клинтоном, который эвакуировал свои британские войска из Филадельфии в мае 1778 года, чтобы сосредоточить силы на обороне Нью-Йорка. Генерал Вашингтон предпринял неудачную попытку остановить британские войска в сражении в округе Монмаут в Нью-Джерси, и войска Клинтона укрылись в Нью-Йорке.

478

СБ к БФ, 14 сентября 1779 года; БФ к СБ, 16 марта 1780 года. См. главу No Watch for Benny, No Feathers for Sally, в Lopez, Private, 215–32.

479

СФ к БФ, 17 января, 25 сентября 1779 года, 8 сентября 1780 года; БФ к СФ, 3 июня 1779 года.

480

РБ к БФ, 28 июля 1780 года; СФ к БФ, 9 сентября 1780 года; БФ к РБ и СФ, 4 октября 1780 года.

481

БФ к СФ, 3 июня 1779 года.

482

БФ к Бенджамину Бейчу, 19 августа 1779 года, 16 апреля 1781 года. Всестороннюю оценку их отношений см. в Smith, в особенности 67–70, 77–82. Также Lopez, Private, 221–30.

483

БФ к Бенджамину Бейчу, 25 января 1782 года. См. также 3, 30 мая, 19 августа 1779 года, 18 июля 1780 года. Габриель Луис де Мариньяк к БФ, 20 ноября 1781 года.

484

Кэтрин Креймер к БФ, 15 мая 1781 года; РБ к БФ, 22 июля 1780 года.

485

БФ к Бенджамину Бейчу, 25 сентября 1780 года; СБ к БФ, 14 января 1781 года.

486

Бенджамин Бейч к БФ, 30 января 1783 года; БФ к Бенджамину Бейчу, 2 мая 1783 года; БФ к Джохонноту, 26 января 1782 года.

487

БФ к Брийонам, 20 апреля, 30 октября 1781 года; мадам Брийон к БФ, 20 апреля, 20 октября 1781 года; Lopez, Cher, 91–101.

488

БФ к Джеймсу Ловеллу, (для Конгресса), 22 июля 1778 года; Ричард Бейч к БФ, 22 октября 1778 года; Van Doren 609.

489

БФ к Джону Адамсу, 3, 24 апреля, 10 мая, 5 июня 1779 года; Джон Адамс к БФ, 13, 29 апреля, 14, 17 мая 1779 года; Middlekauff 190–92; McCullough 210–14; Schoenbrun 229.

490

РБ к БФ, 8, 22 октября 1778 года; БФ к РБ, 2 июня 1779 года; БФ к СФ, 3 июня 1779 года.

491

БФ к Лафайету, 22 марта, 1 октября 1779 года; Лафайет к БФ, 12 июля 1779 года; Лафайет к ТФ, 7 сентября 1779 года. См. также Harlowe Giles Unger, Lafayette (New York: Wiley, 2002).

БФ к Лафайету, 22 марта 1779 года; БФ к Джону Ролу Джонсу, 27 мая, 1, 10 июня 1778 года. См. также Evan Thomas, John Paul Jones (New York: Simon & Schuster, 2003). Ивен Томас любезно предоставил раннюю копию свой рукописи с полезной информацией для этого раздела, корректуру которого он также прочитал.

493

Samuel Eliot Morison, John Paul Jones (Annapolis, Md.: Naval Institute Press, 1959), 156. Alsop 176 также утверждает, что «весь свет знал о любовной связи лихого офицера и мадам де Шомон». Но Ивен Томас в своей биографии указывает, что конкретных доказательств этой связи не существует.

494

Джон Пол Джонс к БФ, 6 марта 1779 года; БФ к Джонсу, 14 марта 1779 года.

495

БФ к Джону Полу Джонсу, 27 апреля 1779 года; Джонс к БФ, 1 мая 1779 года.

496

Джон Пол Джонс к БФ, 26 мая, 3 октября 1779 года; БФ к Джонсу, 15 октября 1779 года. Как указывает Ивен Томас, не совсем ясно, действительно ли Джонс выкрикнул свои знаменитые слова: «Я еще не начал сражаться».

497

Вержен к Адамсу, 15 февраля 1780 года; McCullough 232.

498

БФ к Джорджу Вашингтону, 5 марта 1780 года.

499

БФ к Дэвиду Хартли, 2 февраля 1780 года.

500

Об использовании Франклином выражения «нет плохого мира или хорошей войны» см. БФ к Джонатану Шипли, 10 июня 1782 года; БФ к Джозефу Бенксу, 27 июля 1783 года; БФ к Джозайе Куинси, 11 сентября 1783 года; БФ к Родольфу Фердинанду Гранду, 5 марта 1786 года.

501

БФ к Артуру Ли, 21 марта 1777 года; Stourzh 160; БФ к Роберту Ливингстону, 4 марта 1782 года.

502

Джон Адамс к Конгрессу, 18 апреля 1780 года, Adams Letters 3:151; Вержен к Джону Адамсу, 29 июля 1780 года, Adams Letters 3:243; McCullough 241.

503

Вержен к БФ, 31 июля 1780 г.; БФ к Вержену, 3 августа 1780 года; БФ к Сэмюэлу Хантингтону (для Конгресса), 9 августа 1780 года. Адамс заново пересказал этот спор несколько десятилетий спустя в статье в Boston Patriot, 15 мая 1811 года; см. Stourzh 159.

504

БФ к Джону Адамсу, 2 октября 1780 года, 22 февраля 1781 года. Адамс ответил, что он одобрил некоторые счета, «полагаясь на ваши добродетели и милости веры и надежды». Джон Адамс к БФ, 10 апреля 1781 года.

505

Вашингтон к БФ, 9 октября 1780 года; БФ к Вержену, 13 февраля 1781 года.

Данные для пересчета валют см. в соответствующем разделе. См. также: Thomas Schaeper, France and America in the Revolutionary Era (Providence: Bergham Books, 1995), 348; John McCusker, How Much Is That in Real Money? (New Castle, Del.: Oak Knoll Press, 2001); Economic History Services, http://eh.net/hmit/; Inflation Conversion Factors, www.orst.edu/Dept/pol_sci/fac/sahr/cf166502.pdf.

507

Ральф Айзард к Ричарду Ли, 15 октября 1780 года; Вержен к ла Люцерну, 19 февраля 1781 года; Stourzh 153; БФ к Сэмюэлу Хантингтону (для Конгресса), 12 марта 1781 года.

508

Вержен к ла Люцерну, 4 декабря 1780 года; Stourzh 167.

509

Stourzh 168; БФ к Сэмюэлу Хантингтону (для Конгресса), 13 сентября 1781 года.

510

БФ к Уильяму Кармайклу, 24 августа 1781 года; БФ к Джону Адамсу, 12 октября 1781 года.

511

БФ к Роберту Моррису, 7 марта 1782 года.

512

Мадам Брийон к БФ, 20 января, 1 февраля 1782 года; БФ к Шелберну, 22 марта, 18 апреля 1782 года; БФ к Вержену, 15 апреля 1782 года. См. также БФ к УФ, 12, 27 сентября, 11 октября 1766 года, 13 июня, 28 августа 1767 года обсуждение более ранних встреч Франклина с Шелберном.

513

Journal of Peace Negotiations, 9 мая — 1 июля 1782 года, Papers CD 37:191. Этот сорокастраничный дневник содержит подробное описание всех переговоров и встреч Франклина до того, как приступ подагры 1 июля заставил его прекратить записи. Следующее описание событий взято из этого дневника, а также из писем, которые Франклин включил в него. Во многом эта информация основывается на материалах 37-го тома Franklin Papers, который вышел в свет в конце 2003 года. Этот том охватывает период с 16 марта по 15 сентября 1782 года. Он содержит примечания и оценки трудов Франклина, которые уже имеются на Papers CD и в других источниках. Я благодарен редакторам из Йеля за то, что они позволили мне прочитать рукопись этого тома осенью 2002 года. Редакторы дали мне возможность познакомиться с планами 38 и 39-го томов (публикация 2004); эти тома охватывают период завершения переговоров.

514

Supplement to the Boston Independent Chronicle — это мистификация, написанная БФ 12 марта 1782 года. Редакторы из Йеля делают подробную ее оценку для 37-го тома Papers. Среди тех, кому Франклин послал этот текст, был его английский друг Джеймс Баттон, написавший в ответ: «Эта статья в бостонской газете должно быть является выдумкой, жуткой мистификацией, как я надеюсь и верю. Кучи скальпов!!! Ни король, ни его старые министры не способны на такие жестокости». Тем не менее по меньшей мере один лондонский журнал (Public Advertiser, 27 сентября 1782 года) перепечатал отрывки из этой статьи, представив их как правду. БФ к Джеймсу Хаттону, 7 июля 1782 года; Джеймс Хаттон к БФ, 23 июля 1782 года, Papers 37:443, 37:503.

515

Journal of Peace Negotiations; Шелберн к БФ, 28 апреля 1782 года; Чарльз Фокс к БФ, 1 мая 1782 года.

516

Richard Morris, The Peacemakers (New York: Harper & Row, 1965), 274, отмечает, что Гренвилл и Освальд не сообщали о решительном отказе Франклина рассматривать возможность сепаратного мира, но вместо этого делали намеки на его возможную открытость к такого рода предложениям.

517

БФ к Джону Адамсу, 2 июня 1782 года.

518

Journal of Peace Negotiations; БФ к Шелберну, 18 апреля, 10, 13 мая 1782 года; Шелберн к БФ, 28 апреля 1782 года; БФ к Чарльзу Джеймсу Фоксу, 10 мая 1782 года; БФ к Джону Адамсу, 20 апреля, 2, 8 мая 1782 года; БФ к Генри Лоуренсу, 20 апреля 1782 года.

519

БФ к Роберту Ливингстону, 25, 29 июня 1782 года; БФ к Ричарду Освальду, 25 июня 1782 года. Записи Франклина в дневнике переговоров заканчиваются 1 июля.

520

Ричард Освальд к лорду Шелберну, 10 июля 1782 года; БФ к Ричарду Освальду, 12 июля 1782 года; БФ к Вержену, 24 июля 1782 года.

521

Лорд Шелберн к Ричарду Освальду, 27 июля 1782 года; Wright 314.

522

Джон Джей к Роберту Ливингстону, 18 сентября, 17 ноября 1782 года; Stourzh 178; БФ к Лафайету, 17 сентября 1782 года.

523

Вержен к ла Люцерну, 19 декабря 1782 года; McCullough 280.

Middlekauff 197; Herbert Klinghoffer, «Matthew Ridley's Diary during the Peace Negotiations of 1782,» William and Mary Quarterly 20.1 (январь 1963 года): 123; Джон Адамс к Эдмунду Дженнингсу, 20 июля 1782 года, в McCullough 276; Adams Letters 3:38; Wright 315.

525

Джон Адамс к БФ, 13 сентября 1783 года; McCullough 277; Wright 316; Stourzh 177; БФ к Роберту Ливингстону, 22 июля 1783 года.

526

БФ к Джону Джею, 10 сентября 1783 года; Джон Адамс к БФ, 13 сентября 1783 года; McCullough 282.

527

Сэмюэл Купер к БФ, 15 июля 1782 года; Роберт Ливингстон к БФ, 23 июня 1782 года; БФ к Ричарду Освальду, 28 июля 1782 года; Fleming 455.

528

Бенджамин Воган к лорду Шелберну, 31 июля, 10 декабря 1782 года.

529

Apologue, ноябрь 1782 года, Lib. of Am. 967; Smyth Writings, 8:650.

Adams Diaries 3:37; Middlekauff 198; Klinghoffer, Matthew Ridley's Diary, 132.

531

Вержен к ла Люцерну, 19 декабря 1782 года; Вержен к БФ, 15 декабря 1782 года.

532

БФ к Вержену, 17 декабря 1782 года; Stourzh 178. Возникший спор едва ли можно было сохранить в секрете: Эдвард Бэнкрофт, по-прежнему продолжавший шпионить, быстро отправил письмо британским министрам.

533

Вержен к ла Люцерну, 19 декабря 1782 года. Несколько месяцев спустя, когда министр иностранных дел Роберт Ливингстон спросил его о возражениях французов, Франклин ответил: «Я не вижу, чтобы они имели серьезные причины жаловаться на соглашение. Ничто не способствовало возникновению предубеждения, и ни одно из предварительных условий не должно было иметь силы, кроме как после принятия акта как такового. Я стремился к тому, чтобы требования графа Вержена были удовлетворены. Мы сделали то, что обоим нам казалось наиболее правильным, и если мы сделали что-то не так, то Конгресс, выслушав нас, вынесет порицание и сделает как надо». Франклин сообщил Ливингстону, что, по его мнению, предложения французов насчет прав на рыболовство были придуманы для того, чтобы гарантировать заключение соглашения. Но, по мнению Адамса, французы выдвигали такие требования, потому что не хотели, чтобы американцы преуспели в отстаивании своих прав. Именно в этом письме Франклин порицает Адамса за отсутствие благодарности Франции и призывает его «в некоторых вопросах полностью изменить свои чувства». БФ к Роберту Ливингстону, 22 июля 1783 года.

Van Doren 696–97.

535

БФ к ПС, 27 января 1783 года; БФ к Джозефу Бенксу, 27 июля 1783 года.

536

БФ к Бенджамину Бейчу, 23 июня 1783 года; Роберт Пиготт к БФ, 27 июня 1783 года; Smith 79.

537

Доркас Монтгомери к СБ, 23 июля 1783 года; БФ к ПС, 7 сентября 1783 года; БФ к СФ, 27 июля 1783 года; Бенджамин Бейч к РБ и СФ, 30 октября 1783 года; Smith 80–82.

538

БФ к ПС, 1782 год, 8 января, 7 сентября 1783 года; ПС к БФ, 28 сентября 1783 года.

539

БФ к ПС, 26 декабря 1783 года; БФ к РБ, 11 ноября 1783 года; Van Doren 709.

540

БФ к Роберту Ливингстону, 22 июля 1783 года; Lopez, Cher, 314.

541

БФ к Джозефу Бенксу, 30 августа, 21 ноября, 1 декабря 1783 года. Яркий отчет о соревнованиях воздухоплавателей содержится в Lopez, Cher, 215–22, где приводятся цитаты из Gaston Tissandier, Histoire des ballons et des aéronautes célèbres, 1783–1800 (Paris: Launette, 1887). См. также: Lopez, Private, 267; www.ballooning.org/ballooning/timeline.html; www.balloonzone.com/history.html.

542

Джозеф Бенкс к БФ, 7 ноября 1783 года; БФ к Джозефу Бенксу, 21 ноября 1783 года; БФ к Яну Ингенхаузу, 16 января 1784 года; Lopez, Cher, 222, содержит пародийное письмо Франклина.

543

БФ к СФ, 26 января 1784 года.

Information to Those Who Would Remove to America, февраль 1784 года; Lib. of Am. 975; Morgan Franklin, 297. В письме ко мне с комментариями по поводу набросков некоторых разделов этой книги Эдмунд Морган заметил: сделанное Франклином «описание является преимущественно точным, но в то же время заявление о том, что он ценит в стране и надеется увидеть, представляется преувеличенным» (2 декабрь 2002 года).

545

БФ к Бенджамину Вогану, 26 июля 1784 года.

546

БФ к Роберту Моррису, 25 декабря 1783 года; БФ к Бенджамину Вогану, 14 марта 1785 года.

547

БФ к Страхану, 24 января 1780 года, 16 февраля, 19 августа 1784 года.

Lopez, Cher, 277–79; Pierre Cabanis, Complete Works (Paris: Bossange frères, 1825), 2:348.

549

БФ к Джорджу Уотли, 21 августа 1784 года, 23 мая 1785 года.

550

БФ к ТФ, 25 августа 1784 года. Имеется множество книг и статей о Месмере. Одно из лучших описаний месмеризма, к тому же имеющее отношение к Франклину, содержится в одной из глав в Lopez, Life, 114–26. См. также: Robert Darnton, Mesmerism and the End of the Enlightenment in France (Cambridge: Harvard University Press, 1968); Lopez, Cher, 163–73; Van Doren 713–14.

551

Willard Sterne Randall, Thomas Jefferson (New York: Henry Holt, 1993), 370–400; Джон Адамс к Роберту Ливингстону, 25 мая 1783 года, Джеймс Мэдисон к Томасу Джефферсону, 11 февраля 1783 года, Джефферсон к Мэдисону, 14 февраля 1783 года, все эти письма приводятся в Middlekauff 200–201.

552

УФ к БФ, 22 июля 1784 года.

553

БФ к УФ, 16 августа 1784 года.

БФ к ТФ, 2 октября 1784 года; Lopez, Private, 258.

555

БФ к ПС, 19 марта, 15 августа 1784 года.

Lopez, Private, 272.

557

ПС к БФ, 25 октября 1784 года; ПС к Барабаре Хьюсон, 25 января 1785 года; Lopez, Private, 269.

558

БФ к ПС, 4 июля 1785 года; БФ к ДМ, 13 июля 1785 года; БФ к Дэвиду Хартли, 5 июля 1785 года.

559

Вержен к Франсуазе Барье де Нарбуа, 10 мая 1785 года; БФ к Джону Джею, 21 сентября 1785 года.

Lopez, Cher, 137–39; Lopez, Private, 275; Fawn Brodie, Thomas Jefferson (New York: Norton, 1974), 425.

561

Путевой дневник Франклина, 13–28 июля 1785 года, Papers CD 43:310.

562

УФ к СФ, 1 августа 1785 года; Temple Writings, 2:165. в письме к Джону Джею от 21 сентября 1785 года он рассказывает, как Шипли и другие друзья посетили его в Саутгемптоне, но не упоминает об Уильяме.

563

Maritime Observations, БФ к Давиду Ле Рою, август 1785 года, Papers CD 41:384.

Causes and Cure of Smoky Chimneys, БФ к Яну Ингенхаузу, 28 августа 1785 года; Description of a New Stove, БФ, август 1785 года, Papers CD 43:380.

565

Дневник БФ, 14 сентября 1785 года, Unpublished, Papers CD 43:310; БФ к Джону Джею, 21 сентября 1785 года.

566

БФ к Джонатану Шипли, 24 февраля 1786 года.

567

БФ к Полли Стивенсон, 6 мая 1786 года.

568

Манассия Катлер, отрывок из записей в дневнике от 13 июля 1787 года, в Smyth Writings, 10:478.

569

БФ к Луи Гийому ле Вейяру, 15 апреля 1787 года; БФ к Фердинанду Гранду, 22 апреля 1787 года.

570

БФ к ДМ, 21 сентября 1786 года; Манассия Катлер, отрывок из записей в дневнике от 13 июля 1787 года, в Smyth Writings, 10:478. Когда он умер, 4276 томов его библиотеки были оценены чуть дороже 184 фунтов. См. An inventory and appraisement of the goods and chattels of the estate of Benjamin Franklin, документы Бейча, Castle Collection, American Philosophical Society, Philadelphia.

571

БФ к ДМ, 20 сентября 1787 года; БФ к профессору Ландриани, 14 октября 1787 года.

БФ к Джеймсу Вудмейсону, 25 июля, 1780 года. В письме он обсуждает с лондонским книготорговцем «недавно изобретенный метод копирования» и заказывает у него три копировальных устройства для последующей отправки в Пасси. Заказанные у Вудмейсона устройства прибыли с завода Уатта, и книготорговец потребовал, чтобы Франклин заплатил за них деньги вперед. В письме от 1 ноября 1780 года он сообщает Франклину об отправке трех заказанных устройств и прилагает инструкцию по использованию чернил; Papers CD 33:579. См. также Copying machine history, http://www.inc.com/articles/it/computers_networks/peripherals/2000.html.

573

Description of An Instrument for Taking Down Books from High Shelves, январь 1786 года, Papers CD 43:873; Lib. of Am. 1116.

574

БФ к Кэтрин (Китти) Шипли, 2 мая 1786 года; Lib. of Am. 1118.

575

БФ к Дэвиду Хартли, 27 октября 1785 года.

576

БФ к Джонатану Уильямсу, 16 февраля 1786 года; к Джонатану Шипли, 24 февраля 1786 года; Brands 661.

577

БФ к Уильяму Коку, 12 августа 1786 года.

578

БФ к Томасу Джефферсону, 19 апреля 1787 года.

www.nara.gov/exhall/charters/constitution/confath.html.
Многие следующие сведения взяты из Much of the following relies on Records of the Federal Convention, под редакцией Max Farrand (New Haven: Yale University Press, 1937), и в особенности из Madison's Journals. Имеется множество изданий этого произведения. Их можно найти на www.yale.edu/lawweb/avalon/debates/debcont.htm и www.constitution.org/dfc/dfc_000.htm. Глубокий анализ роли Франклина на конвенте см. в William Carr, The Oldest Delegate (Newark: University of Delaware Press, 1990); Gordon Wood, The Creation of the American Public (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1969); Clinton Rossiter, 1787: The Grand Convention (New York: Macmillan, 1966); Catherine Drinker Bowen, Miracle at Philadelphia (Boston: Little, Brown, 1966); Richard Morris, The Forging of the Union (New York: Harper & Row, 1987).

580

Часто упоминаемая история о прибытии Франклина на заседание конвента в портшезе наиболее ярко описана в Catherine Drinker Bowen's Miracle at Philadelphia, 34. См. также Smyth Writings, 10:477; Brands 674; Van Doren 741. Скрупулезный исследователь J. A. Leo Lemay указывает на отсутствие каких-либо свидетельств того, что Франклина доставляли в портшезе хотя бы на одно заседание конвента. См. Lemay, Recent Franklin Scholarship, with a Note on Franklin's Sedan Chair, PMHB 76:2 (Apr. 2002): 339–40. Однако имеется написанное в период поведения конвента, но неопубликованное письмо его дочери Салли к его внуку Темплу, в котором она пишет: «Когда я пришла сообщить твоему деду о том, что получила твое письмо, он как раз усаживался в свое кресло, чтобы отправиться на заседание конвента» (СБ к ТФ, без указания даты в 1787 года, Papers CD 45:u350). Мы знаем, что в начале работы конвента Франклин чувствовал себя плохо и что у него действительно имелся портшез. В перечне вещей, находившихся в его доме (An inventory and appraisement of the goods and chattels of the estate of Benjamin Franklin, Bache papers, Castle Collection, American Philosophical Society, Philadelphia), упоминается Sedan Chair, оцененное в 20 фунтов, а также оно фигурирует в списке вещей, проданных из дома Франклина 25 мая 1792 года, через два года после его смерти (Dunlap's American Daily Advertiser, 21 мая 1792 года, копия в American Philosophical Society, также перепечатано в PMHB 23 [1899]: 123). Мы также знаем, что одна из его знакомых попросила в 1788 году разрешения взять на время его портшез (миссис Пауэлл к БФ, неопубликованное, 16 июня 1788 года, Papers CD 45:558). Таким образом, я считаю разумным верить сообщениям о том, что на заседание 28 мая он был доставлен в портшезе. Однако Лимей указывает на невозможность того, что это происходило регулярно. Франклин писал своей сестре в сентябре: «Ежедневные походы пешком до места проведения конвента и обратно пошли мне на пользу» (БФ к ДМ, 20 сентября 1787 года, Papers CD, 45:u167). Один из его друзей писал в конце 1786 года: «За исключением камней, мешающих ему ежедневно заниматься физическими упражнениями, кроме подъема и спуска по лестнице и прогулок пешком до здания, где проходят заседания, он по-прежнему выглядит здоровым и жизнерадостным и сохраняет прекрасную память» (Сэмюэл Воган к Ричарду Прайсу, 4 ноября 1786 года, Massachusetts Historical Society Proceedings, 21.17 [май 1903 г.]: 355).

581

Бенджамин Раш к Ричарду Прайсу, 2 июня 1787 года, Massachusetts Historical Society Proceedings 21.17 (май 1903 г.): 361. Речь Пирса см. в составленных Фаррандом Records of the Convention, 3:91; выступления Франклина 30 июня и 11 июня, дневник Мэдисона; Morris, The Forging of the Union, 272.

Bowen 18.

583

Дневник Мэдисона, 31 мая 1787 года.

Дневник Мэдисона, 11 июня 1787 года.

585

Дневник Мэдисона, 28 июня 1787 года.

586

Motion For Prayers, БФ, 28 июня 1787 года; дневник Мэдисона, Farrand, 1:452; Papers CD 45:u77; Smyth Writings, 9:600.

587

Дневник Мэдисона, 30 июня 1787 года.

588

Дневник Манассии Катлера, 13 июля 1787 года, в Smyth Writings, 10:478; Queries and Remarks Respecting Alterations in the Constitution of Pennsylvania, 3 ноября 1789 года, Smyth Writings, 10:57.

589

Дневник Мэдисона, 26, 20 июля, 5 июня 1787 года.

590

Дневник Мэдисона, 7, 10 августа 1787 года.

591

Дневник Мэдисона, 2 июня 1787 года; БФ к Бенджамину Страхану, 16 февраля, 19 августа 1784 года; Gordon S. Wood, The Radicalism of the American Revolution (New York: Random House, 1991), 199. См. также chapter 5 n. 25; McCullough 400.

Records of Convention Фарранда, 3:85; Samuel Eliot Morison, Oxford History of the American People (New York: Oxford University Press, 1965), 1:398.

593

БФ к Ларошфуко, 22 октября 1788 года; БФ к Пьеру Дюпон де Немуру, 9 июня 1788 года.

594

Заключительная речь Франклина, 17 сентября 1787 года, Papers CD 45:ul61. Имеется несколько версий этой речи, включая черновой набросок, протокольную копию и запись, сделанную Мэдисоном, и каждая имеет незначительные вариации. Здесь цитирование идет по тексту, используемому редакторами Papers из Йеля.

Records of Convention Фарранда, 3:85; см. memory.loc.gov/ammem/amlaw/lwfr.html.

Barbara Oberg, Plain, Insinuating, Persuasive, в Lemay Reappraising, 176, 189; Rossiter, 1787: The Grand Convention, 234.

597

Roger Rosenblatt, Where We Stand (New York: Harcourt, 2002), 70, цитируется Henry May, The Enlightenment in America (New York: Oxford University Press, 1976). Франклин не подписал единственный основополагающий документ — Статьи Конфедерации, — так как, когда их принимали, он находился во Франции. Подпись Роджера Шермана стоит под Декларацией независимости, Статьями Конфедерации и Конституцией, а также Декларацией 1774 года, но ее нет ни под одним из заключенных Америкой внешних договоров.

598

БФ к ДМ, 4 ноября 1787 года, 3 августа 1789 года.

599

БФ к Ною Вебстеру, 26 декабря 1789 года.

600

БФ к Бенджамину Вогану, 24 октября 1788 года; см. также БФ к Луи Гийому де Вейяру, 24 октября 1788 года.

601

БФ к Бенджамину Вогану, 3 июня, 2 ноября 1798 года; БФ к Элизабет Партридж, 25 ноября 1788 года.

602

БФ к Кэтрин Рэй Грин, 2 марта 1789 года; БФ к Джорджу Вашингтону, 18 сентября 1789 года.

603

БФ к Жану Батисту Ле Рою, 13 ноября 1789 года; БФ к Луи Гийому ле Вейяру, 24 октября 1788 года.

604

An Address to the Public, 9 ноября 1789 года, Smyth Writings, 10:66. Цитата Мейсона взята из Records of the Convention Фарранда, 2:370.

605

Pennsylvania Society for the Abolition of Slavery, Petition to Congress, БФ, 12 февраля 1790 года.

606

Sidi Mehemet Ibrahim on the Slave Trade, БФ к Federal Gazette, 23 марта 1790 года.

607

См. гл. 11; БФ к Ричарду Прайсу, 18 марта 1785 года.

608

БФ к Уильяму Страхану, 19 авг. 1784 года.

609

БФ к неизвестному адресату, 3 июля 1786 года, Smyth Writings, 9:520; то же письмо датировано 3 декабря 1757 года, Papers 7:293; Thomas Paine, The Age of Reason, впервые полностью опубликовано в 1794 году, www.ushistory.org/paine/; libertyonline.hypermall.com/Paine/AOR-Frame.html. Редакторы Franklin Papers из Йеля отмечают: «По поводу даты и адресата этого письма имеется много разных мнений. Каждый из трех сохранившихся рукописных вариантов имеет свою особую дату. Дата на черновике, написанном Франклином, была стерта, вероятно, через много времени после написания текста, причем не самим Франклином». Этот черновик, находящийся теперь в Библиотеке Конгресса, содержит приписку Франклина с просьбой не публиковать это сочинение. Джаред Спаркс, один из первых редакторов и биографов Франклина, расшифровал остатки стертой надписи как Phila., July 3, 1786 и опубликовал его как адресованное Томасу Пейну (Sparks 10:281). Спаркс пишет: «Когда скептический автор, которым, как предполагается, был Томас Пейн, показал ему свою антирелигиозную рукопись, он убедил его не публиковать ее, а сжечь, называя его аргументы ложными, а принципы — отравленными семенами порока, лишенными всякого стремления к добру». Джон Бигелоу в The Works of Benjamin Franklin (New York: Putnam's, 1904) и Smyth Writings, 9:520 также используют эту дату. Другую точку зрения, высказанную учеником Спаркса, см. в Moncure Conway, The Life of Thomas Paine (New York: Putnam's, 1892), vii — viii. Йельские редакторы (Papers 7:293n, опубликовано в 1963 году) назвали эту дату «правдоподобной», но привели шесть других возможных вариантов года — с 1751 по 1787 год. Они использовали в качестве предполагаемой даты 1757 год, основываясь на варианте письма на французском, который, по-видимому, был переписан и датирован секретарем Франклина в период проживания в Пасси. Однако в своих примечаниях они указывают: «Редакторы не смогли идентифицировать того „атеиста“, который, возможно, отослал рукопись Франклину в 1757 году, и не нашли следов того, что совет отказаться от публикации остался без внимания». Йельские редакторы, когда я задал им вопрос в 2002 году, ответили, что у них нет полной уверенности в отношении точной даты. В письме ко мне от 2 декабря 2002 года с комментариями по поводу планов некоторых разделов этой книги Эдмунд Морган написал: «Ваше предположение о том, что оно было написано в 1786 году Пейну, кажется мне более убедительным, чем

аргументы прошлых редакторов, датировавших его 1757 годом». Я убежден, что датирование письма 1786 годом вполне разумно, а утверждение о том, что оно было адресовано Пейну, основывается на следующих фактах. В начале 1776 года Пейн выразил свое «презрение» к Библии и заявил Джону Адамсу: «Я думаю опубликовать свои идеи о религии, но полагаю, что лучше бы отложить это на завершающую часть моей жизни» (John Keane, Tom Paine [Boston: Little, Brown, 1995], 390). В 1786 году Пейн часто писал письма Франклину (23 сентября, 31 декабря 1785 года, 31 марта, 6, 14 июня 1786 года) и даже использовал дворик перед домом Франклина для демонстрации разработанного им проекта моста. В The Age of Reason Пейн пять раз благоприятно отозвался о Франклине («Пословицы, приписываемые Соломону, не более мудры и емки, чем пословицы американца Франклина»). Он выразил более общие аспекты деистического кредо Франклина, заявив, что верит в Бога и что «моральный долг каждого человека» состоит в том, чтобы проявлять милосердие друг к другу. Но он также неоднократно еретически нападал на организованную форму религиозной жизни, что вызвало предостерегающую реакцию Франклина. Он заявлял, что церкви «кажутся мне не более чем человеческими изобретениями, призванными устрашать и порабощать людей и монополизировать власть и выгоду». Он утверждал также, что «теория того, что называется христианской церковью, происходит из языческой мифологии» и порицал христианскую теологию за ее «абсурдность». И он начинал свою книгу, указывая на то, что собирался опубликовать свои мысли ранее, но его отговорили это делать: «В течение нескольких последних лет я собирался опубликовать свои размышления о религии. Я прекрасно знаю о проблемах, сопутствующих этой теме, и поэтому решил отложить публикацию на более поздний период моей жизни».

610

Архивы секты «микве израиль», 30 апреля 1788 года. (Пожертвование Франклина было одним из трех самых крупных из сорока четырех, и его имя стояло первым в списке жертвователей), www.mikvehisrael.org/gifs/frank2.jpg; БФ к Джону Колдеру, 21 авг. 1784 г.

611

БФ к Эзре Стайлсу, 9 марта 1790 года.

612

БФ к Томасу Джефферсону, 8 апреля 1790 года.

613

Отчеты доктора Джона Джонса и Бенджамина Раша в Sparks и других источниках; Pa. Gazette, 21 апреля 1790 года; Бенджамин Бейч к Маргарет Марко, 2 мая 1790 года.

614

Эпитафия, 1728 год; эта версия была опубликована Темплом Франклином. См. Papers CD 41:u539. Франклин также написал слегка подправленную версию, заканчивавшуюся словами «Откорректированное и измененное автором» (Papers 1:109a).

615

Последняя воля и завещание плюс дополнительное распоряжение к завещанию.

616

Последняя воля и завещание плюс дополнительное распоряжение к завещанию, 23 июня 1789 года, Papers CD 46:u20; Skemp William, 275. Последняя воля и дополнительное распоряжение к завещанию см. на www.sln.fi.edu/franklin/family/lastwill.html.

617

УФ к ТФ, 3 июля 1789 года; Skemp William, 275; Lopez, Private, 309. Полное издание автобиографии Франклина было опубликовано лишь в 1868 году.

Двумя лучшими книгами о Бенджамине Бейче и его газете являются Jeffery A. Smith, Franklin and Bache: Envisioning the Enlightened Republic (New York: Oxford University Press, 1990) и Richard Rosenfeld, American Aurora (New York: St. Martin's, 1997). См. также Bernard Faÿ, The Two Franklins (Boston: Little, Brown,1933).

Patricia Nealon, Ben Franklin Trust to Go to State, City, Boston Globe, 7 декабря 1993 года, A22; Clark DeLeon, Divvying Up Ben, Philadelphia Inquirer, 7 февраля 1993 года, B2; Tom Ferrick Jr., Ben Franklin's Gift Keeps Giving, Philadelphia Inquirer, 27 января 2002 года, B1; веб-сайт Tour de Sol, www.nesea.org/transportation/tour; The Franklin Gazette, напечатана Friends of Franklin Inc., www.benfranklin2006.org (весна 2002 года); годовой отчет Академии Филадельфии за 2001 год и веб-сайт www.academiesinc.org. Веб-сайты с информацией о наследстве Франклина: www.philanthropyroundtable.org/magazines/2000-01/lastpage.html; www.cs.appstate.edu/~sjg/class/1010/wc/finance/benfranklin.html; www.lehighvalleyfoundation.org/support.html#BenFranklin.

620

The Nation, 9 июля 1868 года, перепечатана в Norton Autobiography 270. См. также Nian-Sheng Huang, Benjamin Franklin in American Thought and Culture, 1790–1990 (Philadelphia: American Philosophical Society, 1994).

621

The Provost Smith papers, Pennsylvania Gazette, апрель 1997 года, www.upenn.edu/gazette/0497/.

John Adams, Boston Patriot, 15 мая 1811 года.

623

Gordon Wood, The Radicalism of the American Revolution (New York: Vintage, 1991), 347; Джон Адамс к ТФ, 5 мая 1817 года; Francis, Lord Jeffrey, Edinburgh Review 8 (1806), в Norton Autobiography 253. Джеффри проанализировал более раннее анонимное издание трудов и автобиографии.

Robert Spiller, Franklin and the Art of Being Human, Proceedings of the American Philosophical Society 100.4 (август 1956 года): 304.

625

Джон Китс к Джорджу и Джорджии Китс, 31 октября 1818 года; Leigh Hunt, Autobiography (New York: Harper, 1850), 1:130–32; оба текста перепечатаны в Norton Autobiography 257, 266.

Herman Melville, Israel Potter (1855; New York: Library of America, 1985), chapter 8, http://www.melville.org/hmisrael.htm; Autobiography 45.

627

Emerson’s Journals 1:375, цитируется в Campbell 35; Nathaniel Hawthorne, Works, 12:189, цитируется в Yale Autobiography 13.

David Brooks, Among the Bourgeoisophobes, The Weekly Standard, 15 апреля 2002 года.

629

Mark Twain, The Late Benjamin Franklin, The Galaxy, июль 1870 года.

Jim Powell, How Benjamin Franklin's Autobiography inspired all kinds of people to help themselves, www.libertystory.net/LSCONNFRAN.htm.

Frederick Jackson Turner, эссе в The Dial, май 1887 года; William Dean Howells, Editor's Study, Harper's, апрель 1888 года; перепечатано в Norton Autobiography.

Max Weber, The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism, впервые опубликована в Германии в 1904 году, исправлена в 1920 году (New York: Harper Collins, 1930), 52–53; Van Wyck Brooks, America's Coming of Age, впервые издана в 1915 году как эссе (Garden City, N. Y.: Doubleday, 1934); William Carlos Williams, In the Grain (New York: New Directions, 1925), 153; Sinclair Lewis, Babbitt, впервые опубликована в 1922 году, chapter 16, section 3, см. www.bartleby.com/162/16.html.

D. H. Lawrence, Benjamin Franklin, Studies in Classic American Literature (New York: Viking, 1923), 10–16, xroads.virginia.edu/~HYPER/LAWRENCE/dhlch02.htm; Cervantes, Don Quixote, part 2, chapter 33; Aesop, The Milkmaid and the Pail. Франклин действительно цитировал сентенцию «честность — лучшая политика» в письме к Эдварду Бриджену 2 октября 1779 года, но она является лишь одной из многих, и к тому же он никогда не утверждал, что она придумана им.

Charles Angoff, A Literary History of the American People (New York: Knopf, 1931), 296–308.

Herbert Schneider, The Puritan Mind (New York: Henry Holt, 1930); Van Doren 782; I. Bernard Cohen, Benjamin Franklin's Experiments (Cambridge: Harvard University Press, 1941), 73.

Подробнее о книге Дейла Карнеги «Как приобретать друзей и влиять на людей» см. [69]; E. Digby Baltzell, Puritan Boston and Quaker Philadelphia (New York: Free Press, 1979), 55.

Веб-сайт FranklinCovey, www.franklincovey.com; Grady McAllister, An Unhurried Look at Time Management, vasthead.com/Time/tm_papl.html. Peter Jennings and Todd Brewster, In Search of America (New York: Hyperion, 2002), chapter 3, отчеты профессора Блейна Маккормика об интересных дискуссиях в учебных классах о Франклине как основоположнике книг по бизнесу.

Brands 715; Morgan Franklin, 314.

639

Alan Taylor, For the Benefit of Mr. Kite, The New Republic, 19 марта 2001 года, 39. Пьеса «1776» Шермана Эдвардса и Питера Стоуна впервые была показана в бродвейском театре 46th Street Theater 16 марта 1969 года, выдержала 1217 представлений и послужила основой для фильма, снятого в 1972 году; Говард Да Сильва исполнял роль Франклина и на сцене, и в фильме. Мюзикл «Бен Франклин в Париже» Марка Сандрича и Сидни Михаэлс впервые был показан в театре Lunt-Fontanne Theater 27 октября 1964 года и выдержал 215 представлений; роль Франклина в нем исполнял Роберт Престон.

David Brooks, Our Founding Yuppie, The Weekly Standard, 23 октября 2000 года, 32, 35.

641

БФ к ДМ, 17 июля 1771 года.

Taylor, For the Benefit of Mr. Kite, 39.

Vernon Parrington, Main Currents in American Thought (New York: Harcourt, 1930), 1:178.

Taylor, For the Benefit of Mr. Kite, 39.

645

Poor Richard's, 1750; БФ к Луи де Вейяру, 6 марта 1786 г.; Autobiography 107 (везде использовалось выражение «пустой мешок»).

Brooks, Our Founding Yuppie, 35.

Autobiography 139.

Angoff, A Literary History of the American People, 306; Garry Wills, Under God (New York: Simon & Schuster, 1990), 380.

Henry Steele Commager, The American Mind (New Haven: Yale University Press, 1950), 26; John Updike, Many Bens, New Yorker, 22 февраля 1988 года, 115.

650

Дэвид Юм к БФ, 10 мая 1762 года; Campbell 356.